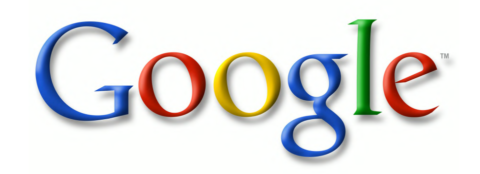
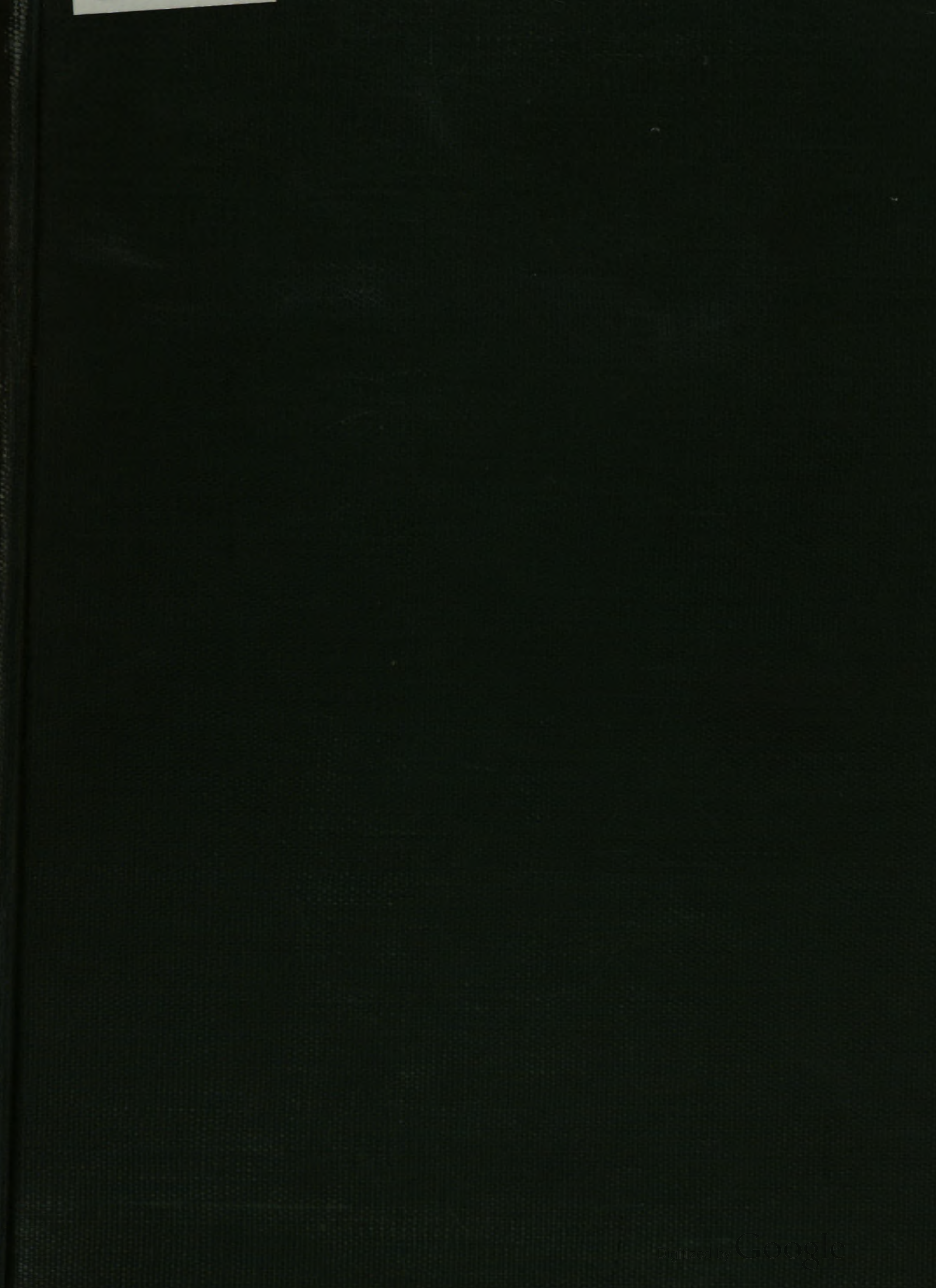
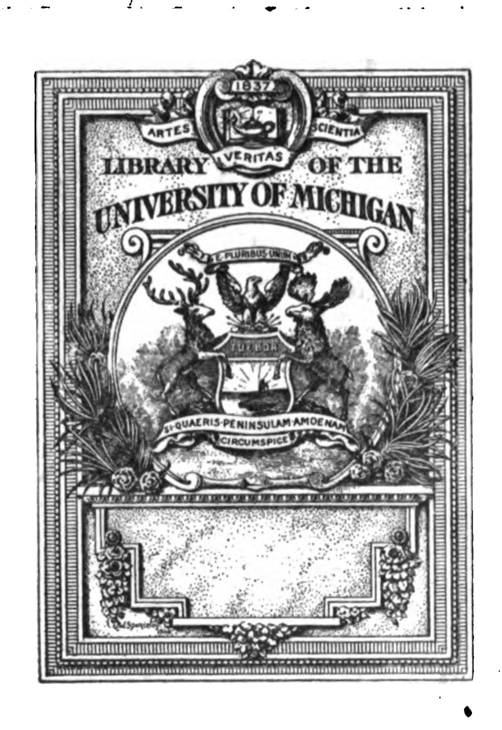






1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

АРХИВЪ БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.

Выпускъ 1-й.

ДНЕВНИКИ и ПИСЬМА

Николая Ивановича Тургенева

за 1806–1811 годы.

(I Томъ.)

Подъ редакціей и съ примѣчаніями

Е. И. Тарасова.

ИЗДАНІЕ

Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1911 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Петру Николаевичу

Тургеневу

въ знакъ благодарности

посвящается

первый выпускъ

его фамильнаго архива.

Оглавленіе.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ.

Отрывочныя свѣдѣнія объ „Архивѣ братьевъ Тургеневыхъ" проникали въ печать уже давно. Наиболѣе важное указаніе на него сдѣлалъ Николай Ивановичъ Тургеневъ въ Предисловіи къ изданнымъ имъ Письмамъ Александра Ивановича къ нему, Leipzig, 1872. Въ этомъ изданіи на 644 страницахъ были напечатаны письма Александра Ивановича къ брату только за три года, 1826—8; они представляли собой „отрывки" или „выписки" лишь изъ *одного* портфеля, между тѣмъ какъ вся его корреспонденція съ братомъ, по словамъ же Николая Ивановича, „составляетъ 10 портфелей". Тутъ же Николай Ивановичъ сообщалъ, что, кромѣ писемъ, отъ Александра Ивановича осталось „столько же портфелей его журнала". Но еще раньше изданія Николая Ивановича о характерѣ писемъ Александра Ивановича можно было судить по его письмамъ, изданнымъ въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., въ Европейцѣ 1832 г., въ Московскомъ Наблюдателѣ 1835 г., въ Современникѣ 1836 — 1841 гг., подъ заглавіемъ „Хроника Русскаго", и въ Москвитянинѣ 1845 г. Въ 1883 г. въ VIII т. „Полнаго собранія сочиненій П. А. Вяземскаго" появилось подтвержденіе того, что говорилъ Николай Ивановичъ Тургеневъ. Александръ Ивановичъ, по словамъ Вяземскаго, „былъ въ перепискѣ со всею Россіею, съ Франціей, Германіей, Англіей и другими государствами"... „Этого еще мало: при обширной, разнообразной перепискѣ, онъ еще велъ про себя одного подробный дневникъ" (стр. 282).

Въ то же время стали появляться въ печати и матеріалы изъ бумагъ А. И. Тургенева. Такъ въ Москвитянинѣ 1855 г. были напечатаны нѣкоторыя письма къ нему Карамзина, въ Русскомъ Архивѣ въ 1865 г. издана была небольшая переписка А. А. Петрова съ Карамзинымъ, а въ 1867 г. изданы нѣкоторыя письма Батюшкова къ Александру Ивановичу; въ началѣ 80-хъ годовъ въ Рус-

скомъ Архивѣ стали печататься отдѣльныя письма Александра Ивановича къ различнымъ лицамъ съ примѣчаніями Н. П. Барсукова. Съ наслѣдниками Тургеневскаго Архива стали входить въ болѣе частыя сношенія, и сокровища Архива стали все болѣе и болѣе появляться въ печати. Такъ, издатель писемъ Батюшкова къ Александру Ивановичу Тургеневу говоритъ, что „нѣсколько матеріаловъ о К. Н. Батюшковѣ получено было отъ А. Н. Тургенева, изъ Парижа, чрезъ посредство протоіерея Прилежаева“ (Сочиненія К. Н. Батюшкова, СПБ, 1887, т. I, стр. IX). Въ 1895 г. были изданы А. А. Флоридовымъ письма И. И. Дмитріева къ Александру Ивановичу, а въ 1899 г. В. И. Саитовъ переиздалъ, съ дополненіями и исправленіями, письма Карамзина къ А. И. Тургеневу (Русская Старина). В. И. Саитовъ, первый написавшій біографическій очеркъ Александра Ивановича (Сочиненія Батюшкова, т. I) и указавшій въ этомъ очеркѣ все, что было издано изъ бумагъ Тургенева, лучше другихъ могъ оцѣнить все значеніе Архива. Изъ его біографическаго очерка можно было видѣть, какое богатство вмѣщаетъ въ себѣ этотъ Архивъ, а редактированный имъ „Остафьевскій Архивъ“, содержащій письма Александра Ивановича къ кн. П. А. Вяземскому, нагляднымъ образомъ подтверждалъ его цѣнность. Въ особой докладной запискѣ Н. Ѳ. Дубровину, Непремѣнному Секретарю Академіи Наукъ, В. И. обращалъ его вниманіе на Тургеневскій Архивъ, и акад. Дубровинъ вошелъ въ сношенія съ послѣднимъ представителемъ рода Тургеневыхъ, Петромъ Николаевичемъ Тургеневымъ, отъ котораго и сталъ получать для изданія нѣкоторые матеріалы. Такъ акад. А. Н. Веселовскій, „благодаря Н. Ѳ. Дубровину, могъ воспользоваться нѣкоторыми дневниками Ал. И. Тургенева“ въ своей монографіи о Жуковскомъ.

Всѣ указанныя и другія свѣдѣнія касались бумагъ собственно Александра Ивановича Тургенева — его переписки и собранныхъ имъ въ различныхъ библіотекахъ Россіи и Европы историческихъ документовъ. О другихъ бумагахъ ничего не было извѣстно, хотя и можно было догадываться, что фамильный Архивъ Тургеневыхъ долженъ былъ содержать въ себѣ документы и болѣе ранней эпохи, эпохи Ивана Петровича Тургенева, а также документы, относящіеся къ братьямъ Александра Ивановича. Было извѣстно, что Александръ Ивановичъ еще при жизни своей передалъ все свое имущество своему брату Николаю Ивановичу.

Въ 1904 году съ Петромъ Николаевичемъ Тургеневымъ познакомился А. А. Ѳоминъ, которому Петръ Николаевичъ предоставилъ весь свой Архивъ для просмотра и пользованія. Результаты своего просмотра и переговоровъ съ Петромъ Николаевичемъ А. А. изложилъ въ своей статьѣ „Новый историко-литературный кладъ", въ Русской Мысли 1906 г. Уже бѣглый просмотръ Архива убѣдилъ А. А. Ѳомина, что его богатство превышаетъ все то, что предполагалось въ немъ сохранившимся. Архивъ оказался состоящимъ „главнымъ образомъ изъ писемъ, дневниковъ, замѣтокъ, выписокъ, различныхъ сочиненій и стихотвореній, переводовъ и нѣкоторыхъ документовъ оффиціальнаго характера". Оказалось, что „главными корреспондентами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главными дѣйствующими лицами Архива являются лица, одни имена которыхъ уже дадутъ вполнѣ опредѣленное понятіе о томъ, къ какой сферѣ относятся и какое значеніе въ русской исторіи и исторіи русской литературы имѣютъ эти документы". Во-первыхъ, представители старшаго поколѣнія, Иванъ Петровичъ Тургеневъ и его друзья — Н. И. Новиковъ, И. В. и П. В. Лопухины, Н. М. Карамзинъ, А. М. Кутузовъ, И. И. Дмитріевъ. Во-вторыхъ — представители младшаго поколѣнія, сыновья Ивана Петровича Тургенева — Андрей, Александръ, Николай и Сергѣй Ивановичи, и ихъ молодые друзья-сверстники — А. Ѳ. Мерзляковъ, В. А. Жуковскій, братья Кайсаровы, А. Ѳ. Воейковъ, Д. Н. Блудовъ, П. А. Вяземскій и другіе. Петръ Николаевичъ объявилъ А. А. Ѳомину свое „окончательное рѣшеніе вернуть бумаги его рода въ Россію" и выразилъ желаніе, „чтобы эти документы возможно скорѣе увидѣли свѣтъ Божій и сдѣлались бы доступны тѣмъ, для кого они могутъ представлять интересъ". По совѣщаніи съ А. А. Ѳоминымъ, Петръ Николаевичъ остановился на мысли передать свой Архивъ въ рукописный отдѣлъ библіотеки Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Въ настоящее время „Архивъ братьевъ Тургеневыхъ" находится уже въ Академіи Наукъ и постоянно пополняется новыми присылками отъ Петра Николаевича. Изъ сохранившихся въ Архивѣ нѣсколькихъ отрывковъ старыхъ инвентарей видно, однако, что многаго въ Архивѣ уже недостаетъ. Одна изъ причинъ недостачи — разграбленіе во время франко-прусской войны нѣмцами виллы Николая Ивановича Тургенева, въ которой Архивъ хра-

нился. Но отрывочныя части Архива находятся и у другихъ владѣльцевъ. Такъ В. Е. Якушкинъ пожертвовалъ для присоединенія къ Тургеневскому Архиву доставшееся ему отъ П. А. Ефремова собраніе писемъ А. С. Кайсарова къ А. И. Тургеневу.

По полученіи Архива, Отдѣленіе русскаго языка и словесности избрало особую Коммиссію для приведенія Архива въ порядокъ и для изданія его. Коммиссія постановила, во-первыхъ, ускорить составлявшееся Описаніе Архива, и, во-вторыхъ, не дожидаясь окончанія Описанія, приступить къ частичному изданію Архива, давъ ему общее заглавіе „Архивъ братьевъ Тургеневыхъ". Такъ какъ Архивъ Тургеневыхъ заключаетъ въ себѣ матеріалъ двухъ видовъ, во-первыхъ — письма и дневники, во-вторыхъ — бумаги служебнаго характера и историческіе матеріалы, собранные Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, то Коммиссія положила остановить свое вниманіе, прежде всего, на матеріалахъ перваго порядка и съ нихъ начинать изданіе.

Настоящимъ выпускомъ, редакцію котораго принялъ на себя прив. доц. С.-Петербургскаго университета Е. И. Тарасовъ, кладется основаніе изданію, которое, если бы позволили необходимыя для того средства, обѣщаетъ быть очень обширнымъ. Первый выпускъ, содержащій въ себѣ ранніе дневники и письма Николая Ивановича Тургенева, Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ знакъ благодарности посвящаетъ сыну его, принесшему столь щедрый даръ, — Почетному Члену Императорской Академіи Наукъ, Петру Николаевичу Тургеневу.

Предсѣдатель Коммиссіи
по изданію Тургеневскаго Архива

1911 г., январь.

акад. В. Истринъ.

Предисловіе.

I.

Въ исторіи есть много лицъ, являвшихся носителями какой-нибудь одной идеи, которая кладетъ отпечатокъ на всю ихъ дѣятельность и нерѣдко составляетъ какъ бы содержаніе всей ихъ жизни. Для Николая Ивановича Тургенева такой господствующей идеей была мысль объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи. Въ виду исполняющагося пятидесятилѣтія со дня подписанія знаменитаго манифеста о крестьянской волѣ, мы, благодарные потомки, должны вспомянуть всѣхъ борцовъ за великое и святое дѣло. Выпускаемый въ свѣтъ первый томъ бумагъ Н. И. Тургенева даетъ намъ пріятный поводъ сказать нѣсколько словъ о заслугахъ этого замѣчательнаго человѣка въ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ.

Изученіе дневниковъ Н. И. Тургенева, куда онъ заносилъ свои думы и чувства безъ всякой рисовки, ясно доказываетъ, что этотъ человѣкъ еще съ дѣтства, еще со школьной скамьи былъ охваченъ негодованіемъ противъ злоупотребленій помѣщиковъ своей властью и противъ крѣпостного права, считая послѣднее величайшимъ зломъ. Затѣмъ и дневники и вся его дальнѣйшая жизнь показываютъ, что его никогда не покидала мысль о безотрадномъ положеніи крѣпостныхъ, и онъ гдѣ только могъ высказывался противъ рабства или хлопоталъ объ уничтоженіи его. Такъ, обрабатывая свою книгу о налогахъ, Тургеневъ воспользовался случаемъ и, насколько позволила тогдашняя цензура, сказалъ нѣсколько словъ о тяжеломъ положеніи крестьянъ и несправедливомъ распредѣленіи налоговъ въ Россіи. Даже членомъ тайнаго общества (въ 1819 г.) онъ сдѣлался, по его словамъ, имѣя въ виду направить дѣятельность заговорщиковъ въ сторону крестьянскаго вопроса. Въ это время, какъ извѣстно, въ аристократическомъ кругу возникла мысль объ освобожденіи крестьянъ, и что же мы видимъ: Тургеневъ является членомъ этого маленькаго кружка, притомъ самымъ ревностнымъ. Когда графу Ми-

лорадовичу вздумалось представить государю записку по крестьянскому вопросу, онъ обратился не къ кому другому, а къ Тургеневу, и послѣдній написалъ записку «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», которая и была поднесена имп. Александру. Состоя на службѣ въ Госуд. Совѣтѣ помощникомъ ст. секретаря по департаменту уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, Николай Ивановичъ во всѣхъ тяжбахъ крестьянъ съ помѣщиками старался, сколько могъ, повернуть дѣло такъ, чтобы крестьяне выигрывали свое дѣло.

Мы увѣрены, что, еслибы Тургеневъ добился наконецъ вліятельнаго положенія по службѣ, то первой его заботой было бы склонить правительство къ уничтоженію крѣпостного права. Но... 14-е декабря испортило все дѣло: карьера Тургенева сразу оборвалась; онъ, котораго ожидалъ министерскій портфель,—превратился въ изгнанника, лишеннаго возможности не только вернуться на родину, но даже и повидать ее. Дѣятельность его на пользу Россіи прекратилась; онъ сдѣлался постояннымъ жителемъ сначала Англіи, потомъ Франціи—и это навсегда. Но мысль служить дорогому отечеству не покидала его. Правда, онъ не сдѣлался, какъ Герценъ и другіе эмигранты, революціонеромъ и агитаторомъ въ борьбѣ противъ русскаго самодержавія; но онъ выбралъ другое поле дѣйствія, а именно принялся за обработку накопленныхъ еще ранѣе матеріаловъ, и результатомъ этой многолѣтней работы получилось знаменитое его сочиненіе «La Russie et les Russes» (Paris и Bruxelles, 1847), сдѣлавшее извѣстнымъ его имя и за границею и въ Россіи. Пока нѣтъ ясныхъ статистическихъ данныхъ о томъ, насколько сильно была распространена въ Россіи книга Тургенева; никто также не показалъ, въ какой степени вліяла она на русскихъ людей; но мы по многимъ соображеніямъ убѣждены, что ее очень многіе читали въ Россіи и она сильно содѣйствовала пропагандѣ идеи освобожденія крестьянъ. Въ своемъ сочиненіи Николай Ивановичъ отводитъ много мѣста крестьянскому вопросу: онъ разсказываетъ исторію крѣпостного права, рисуетъ безотрадное положеніе крестьянъ, восторженно отзывается (какъ и Герценъ) о характерѣ, умѣ и выносливости русскаго мужика-раба, а въ третьемъ томѣ «La Russie» мы находимъ обстоятельный проектъ крестьянской реформы (III, стр. 147—176). Николай Ивановичъ указываетъ два способа освобожденія крестьянъ: простое, личное, то-есть безъ земли, и освобожденіе съ землею. Въ случаѣ примѣненія перваго способа освобожденія крестьяне стали бы въ положеніе колоновъ: такъ ихъ Тургеневъ и называетъ. Они, эти колоны, были бы лично свободны, получили бы право собственности на всю движимость, домъ и усадьбу; они могли бы и уйти, куда хотятъ. Въ крайнемъ случаѣ правительство могло бы поселить ихъ на казенныхъ земляхъ. Разумѣется, подушная

подать должна превратиться въ поземельную (о чемъ подробно сказано во второмъ томѣ). Однако, Николай Ивановичъ доказываетъ преимущества второго способа эмансипаціи, а именно съ землей. «Личная свобода крестьянъ, говоритъ онъ, есть безъ сомнѣнія большое, неоспоримое благо, и, при настоящемъ положеніи вещей, ею могла бы ограничиться Россія. Но здравый смыслъ, но опытъ и особенно предвидѣніе будущаго — побуждаетъ насъ прійти къ выводу, что и государственные и общественные интересы требуютъ, чтобы земледѣльцы получили не одну только личную свободу, а также и землю, хотя бы часть обрабатываемой ими земли». При этомъ Тургеневъ указываетъ на Францію, Германію и Пруссію — вездѣ освобождали съ землей. Неудобства личнаго освобожденія онъ указываетъ на примѣрѣ Ирландіи.

Освобожденіе съ землей должно быть произведено на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Принять за правило, что четвертая часть земли помѣщика должна быть уступлена крестьянамъ.

2. Но такъ какъ количество земли находится не всегда въ одной пропорціи съ числомъ поселянъ, то слѣдуетъ установить *maximum* и *minimum*, выше и ниже которыхъ не долженъ ни подыматься, ни опускаться крестьянскій надѣлъ.

3. *Maximum* слѣдуетъ установить въ такомъ видѣ: *одна десятина* на душу или *три десятины*[1]) на семью (тягло). Этого достаточно для крестьянъ, а для помѣщика это тоже не будетъ большою жертвою.

4. Что касается *minimum'а*, то фиксація его дѣло болѣе трудное, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленная выше *четверть* могла бы спуститься до одной четвертой и даже до одной восьмой десятины. Въ такихъ случаяхъ остается освобождать крестьянъ безъ земли, оставляя за ними ихъ дома и усадьбы, а земли давать изъ государственныхъ имуществъ.

5. Рощи, лѣса, рыбныя ловли и прочее должно остаться въ рукахъ помѣщиковъ.

На всякій случай, чтобы избѣжать какихъ либо волненій и потрясеній, предъ началомъ освобожденія слѣдовало бы установить закономъ правило, что треть или четверть земли и луговъ, вмѣстѣ съ домами и усадьбами, повсюду должна быть предоставлена крестьянамъ.

---

1) Курсивъ нашъ.

Тургеневъ говоритъ также и о вознагражденіи, о выкупѣ за крестьянъ. Съ принципіальной точки зрѣнія онъ не можетъ ни допустить, ни даже понять возможность вознагражденія кому-нибудь за то, что онъ перестанетъ эксплуатировать или владѣть своимъ ближнимъ. Даже при освобожденіи съ землею о выкупѣ, вознагражденіи не можетъ быть рѣчи, такъ какъ у помѣщиковъ, кромѣ права на крестьянъ, есть кое-какія и обязанности по отношенію къ нимъ, напримѣръ, кормить ихъ во время голода, не сгонять съ земли и пр. Наконецъ Тургеневъ старается также доказать помѣщикамъ, что, освободивъ крестьянъ—и даже съ землею,—они въ сущности ничего не потеряютъ и даже выиграютъ, такъ какъ земля поднимется въ цѣнѣ и, кромѣ того, обрабатываемая вольнонаемными руками, будетъ приносить больше дохода. Освободивъ крестьянъ, помѣщики выйдутъ изъ опаснаго положенія, въ которомъ они находятся (очевидный намекъ на возможность пугачевщины). Положеніе вещей, то *statu quo*, при которомъ сохраняется и поддерживается крѣпостное право, нельзя назвать даже *порядкомъ*: «это организованная, узаконенная анархія, анархія чудовищная и опасная для общаго благополучія».

Оцѣнивая взгляды Николая Ивановича на рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ эту эпоху, мы должны признать, что онъ еще осторожно касается этого вопроса; онъ даже не совсѣмъ рѣшительно переходитъ на сторону второго способа освобожденія—съ землей: въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ примириться и съ безземельнымъ освобожденіемъ крестьянъ: такъ ему хочется видѣть ихъ свободными.

Но судьба была безжалостна къ Николаю Ивановичу: многіе и долгіе годы Россія коснѣла въ неподвижномъ состояніи, а его любимая мечта оставалась безъ осуществленія. Послѣ изданія «La Russie» онъ ничего не писалъ по крестьянскому вопросу въ Россіи; зато онъ напечаталъ въ американскихъ журналахъ нѣсколько статей по вопросу освобожденія негровъ. Онъ все-таки ждалъ и надѣялся, когда же наконецъ проснется Россія. А годы все шли; Николаю Ивановичу стукнуло уже 66 лѣтъ, несущихъ съ собою старость и ослабленіе дѣятельности; и только теперь ему удалось дождаться желаннаго дня: въ 1855 году вступилъ на престолъ императоръ Александръ II, а черезъ годъ стали носиться слухи о предстоящихъ реформахъ, о полномъ обновленіи государственнаго строя Россіи. «Какъ будто воскреснувшій къ новой жизни отъ сей благой вѣсти изъ родной земли, я не могъ не обратиться съ новымъ рвеніемъ къ предмету, который наполнялъ мою душу, былъ главною цѣлію моей дѣятельности въ продолженіе всей моей жизни». Такъ говоритъ 68-лѣтній старикъ Николай Ивановичъ въ первой своей печатной

брошюрѣ: «Пора!» И не смотря на свои годы, на долгую жизнь внѣ Россіи, онъ рѣшается принять самое дѣятельное участіе если не въ рѣшеніи, то хотя въ обсужденіи крестьянскаго вопроса. Въ 1857 году, послѣ 33-хъ лѣтняго отсутствія, Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію. Въ то время много толковали въ Петербургѣ о словахъ, произнесенныхъ имп. Александромъ въ Москвѣ на тему о необходимости освобожденія крестьянъ. Тургеневъ не нашелъ почти никого изъ своихъ современниковъ и друзей, съ кѣмъ бы онъ могъ говорить о любимомъ его предметѣ. Изъ старыхъ знакомыхъ въ Петербургѣ былъ одинъ только князь А. Ѳ. Орловъ, у котораго Тургеневъ бывалъ почти ежедневно, и онъ-то предложилъ ему написать для него что-нибудь объ эмансипаціи крестьянъ. Николай Ивановичъ просидѣлъ ночь, наскоро написалъ и переписалъ записку, которую на другой день вручилъ Орлову. Какое употребленіе сдѣлалъ послѣдній изъ записки Тургенева, намъ неизвѣстно, но она сохранилась въ черновомъ видѣ, и мы можемъ видѣть, какой способъ предлагалъ онъ теперь для освобожденія крестьянъ. «Между средствами освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ — такъ начинается записка Тургенева — представляется выкупъ ихъ съ землею или посредствомъ правительства съ употребленіемъ на то государственныхъ доходовъ, или посредствомъ самихъ крестьянъ». Въ послѣднемъ случаѣ правительство обязано помочь крестьянамъ ссудою нужныхъ для выкупа капиталовъ. Эти послѣдніе правительство можетъ занять за границею за 5% и, ссужая ихъ крестьянамъ по 7 или даже 8%, употреблять излишекъ на погашеніе долга. Третье средство освобожденія представляется въ выкупѣ крестьянъ посредствомъ добровольныхъ условій, заключаемыхъ самими крестьянами съ помѣщиками. Въ этомъ случаѣ правительство можетъ всячески облегчить и ускорить такія сдѣлки. Тургеневу, оказывается, былъ извѣстенъ планъ Кошелева, основанный на такихъ условіяхъ и на *оцѣнкѣ*, отличающійся точностію и ясностью. Правительство обязано, во-первыхъ, наблюдать вообще, чтобы выгоды крестьянъ въ подобныхъ условіяхъ не были нарушены, и, во-вторыхъ, не затруднять заключенія этихъ условій множествомъ формъ и предписаній, что̀ было между прочимъ причиною неудачи закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ.

Относительно выкупа крестьянскихъ земель на счетъ казны Тургеневъ не хочетъ говорить, такъ какъ считаетъ такой выкупъ невозможнымъ по недостатку средствъ. Выкупъ ссудами отъ правительства на деньги, занятыя за границею, Тургеневъ считаетъ весьма хорошимъ, особенно благодаря его простотѣ и несложности; но онъ требуетъ весьма долгаго времени. Также не отвергаетъ, а считаетъ онъ весьма хорошимъ и третій способъ освобожденія —

по взаимнымъ условіямъ между помѣщиками и крестьянами. «Но тутъ нельзя даже и предвидѣть, сколько времени потребуется для освобожденія 22-хъ милліоновъ людей».

Не отвергая упомянутыхъ способовъ освобожденія, Тургеневъ предлагаетъ свой собственный, тотъ самый, который предложенъ имъ еще въ «La Russie», заимствованный имъ въ Пруссіи, отъ Штейна. Это—«освобожденіе личное съ частію земли». Такое освобожденіе просто, ясно и можетъ быть скоро исполнено, при чемъ оно не мѣшаетъ приложенію и другихъ способовъ. Вотъ въ краткихъ словахъ проектъ Тургенева. Прежде всего слѣдуетъ объявить крестьянъ самостоятельными и выдѣлить имъ изъ помѣщичьей пахотной земли, изъ луговъ и выгоновъ, за исключеніемъ лѣсовъ и водъ, — третью часть въ ихъ общинное или мірское владѣніе, съ тѣмъ, чтобы эта треть не могла никогда превышать болѣе трехъ десятинъ на тягло. «Если разсчетъ по тягламъ будетъ найденъ неудобнымъ, то можно принять цифру двухъ десятинъ на душу» [1]). Объявивъ это, правительство должно предписать министерству госуд. имуществъ и удѣловъ приказаніе приступить за крестьянъ къ исполненію этого постановленія, назначивъ срокъ, въ который «сіе исполненіе должно быть кончено. Какой свѣтлый праздникъ могъ бы быть для Россіи день Пасхи 1858 года, еслибъ сія великая и христіанская мѣра была приведена въ дѣйствіе въ этотъ день Воскресенія Спасителя и Искупителя *всего* рода человѣческаго». Изъ этого видно, что Тургеневъ надѣялся на очень быстрое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Свою записку онъ, какъ кажется, предназначалъ для государя, но неизвѣстно, была ли она въ рукахъ послѣдняго.

Вернувшись въ Парижъ, Тургеневъ написалъ вышеупомянутую брошюру «Пора!», въ которой старался убѣдить правительство поскорѣе приступить къ крестьянской реформѣ. Статья очевидно предназначалась также и для русскихъ помѣщиковъ, которымъ Тургеневъ хочетъ показать, во-первыхъ, неизбѣжность предстоящей эмансипаціи, во-вторыхъ, незаконность такъ назыв. крѣпостного права, шаткость основаній, «на коихъ оно мало-по-малу, различными беззаконными притязаніями и узурпаціями было созиждено». Заключеніе статьи такое.

«Грѣхъ Годунова тяжело палъ на Россію. Неправедное развитіе послѣдствій сего согрѣшенія усугубило первоначальное зло. Нѣсколько поко-

---

1) Тургеневъ объясняетъ, почему не слѣдуетъ давать земли больше: одной трети, не превышающей 3-хъ десятинъ на тягло, конечно будетъ недостаточно для полнаго продовольствія крестьянъ. Такимъ образомъ они принуждены будутъ нанимать землю у помѣщиковъ.

лѣній жило безъ надежды и умерло безъ отрады подъ незаслуженнымъ игомъ крѣпостного права. Наконецъ настало время искупленія!... Помѣщики! Не торгуйтесь: святымъ пожертвованіемъ искупите Россію!»

Въ то же время Тургеневъ написалъ статью «Объ удѣльныхъ имѣніяхъ», судьба которой намъ неизвѣстна. Когда Тургеневу сдѣлался извѣстнымъ рескриптъ 20 ноября 1857 г. и слѣдовавшіе за нимъ циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, то онъ сдѣлалъ имъ анализъ и оцѣнку въ брошюрѣ: «О силѣ и дѣйствіи рескрипта 20 нояб. 1857 г.», напечатанной въ 1859 г. Узнавши, что С.-Петербургская академія наукъ предложила премію за историческій обзоръ различныхъ способовъ освобожденія крестьянъ, Тургеневъ послалъ письмо къ редактору «Journal des Débats», въ которомъ доказывалъ, что теперь, когда вопросъ освобожденія поставленъ самимъ правительствомъ, когда онъ завладѣлъ умами всѣхъ, когда предстоитъ дѣйствительное разрѣшеніе этого вопроса, — теперь было бы пустымъ и несвоевременнымъ празднословіемъ заниматься историческими изысканіями «о постепенномъ развитіи свободнаго состоянія земледѣльцевъ въ Европѣ».

Живо слѣдя за всѣмъ, что только писалось по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, Тургеневъ прочиталъ въ «Колоколѣ» (1858 г., № 14) статью Огарева: «Еще объ освобожденіи крестьянъ». Онъ немедленно напечаталъ въ томъ же «Колоколѣ» (№ 18) возраженіе, въ которомъ доказывалъ незаконность и несправедливость выкупа.

«Какъ! и «Колоколъ» требуетъ, чтобы русскій мужикъ выкупилъ свои человѣческія права съ клочкомъ, пòтомъ и кровію орошенной имъ и его предками земли! Et tu quoque Brute! Но скажите, какъ, почему, за что крестьянинъ долженъ нести бремя выкупа, какъ бы онъ маловаженъ ни былъ?» Тургеневъ доказываетъ далѣе, что помѣщикамъ никогда не принадлежало абсолютное право собственности на землю, занимаемую крестьянами, что помѣщики никогда не имѣли права согнать послѣднихъ съ земли. «У насъ не было завоеванія и слѣдовательно феодальнаго права. У насъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, не болѣе. Теперешнее ихъ положеніе есть слѣдствіе злоупотребленій. Если императоры и императрицы, до Александра I, дарили крестьянъ дворянамъ, то они передавали только то, что сами имѣли, т. е. право взиманія оброка. Императоры и императрицы не гоняли ихъ на барщину, не продавали на свозъ и проч. и проч. И отъ этихъ то тружениковъ, изнуренныхъ вѣковымъ рабствомъ, вы согласитесь принять лепту за ихъ освобожденіе отъ неправеднаго, беззаконнаго, противузаконнаго рабства!» Кромѣ того Тургеневъ доказываетъ опасность выпуска большого количества выкупныхъ свидѣтельствъ, могущихъ обезцѣнить всѣ процентныя бумаги.

Далѣе Тургеневъ находилъ слишкомъ огромною выкупную сумму, предложенную Огаревымъ, старался показать невозможность выполненія его плана и доказывалъ, что помѣщикамъ было бы выгоднѣе «уступить крестьянамъ безвозмездно малую часть земли», нежели «уступить 3 десятины на душу съ вознагражденіемъ по оцѣнкѣ опекунскихъ совѣтовъ, авторомъ принимаемой!»

Въ октябрѣ того же 1858 г. Тургеневъ закончилъ новое сочиненіе — «Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія», напечатанное въ слѣдующемъ 1859 году. Здѣсь онъ точкою отправленія беретъ твердо установленное и принятое, какъ правительствомъ, такъ и обществомъ, коренное начало, а именно, что освобожденіе крестьянъ должно быть съ землею. Тургеневъ снова старается доказать, что удобнѣе всего «отвести крестьянамъ $^1/_3$ всей помѣщичьей земли, за исключеніемъ лѣсовъ, съ тѣмъ, чтобы сія треть никогда не превышала трехъ десятинъ на тягло, и сію крестьянскую землю предоставить во владѣніе сельскаго общества, а не каждаго крестьянина лично». Припоминаетъ онъ также свой проектъ вознагражденія помѣщиковъ, предложенный имъ въ «La Russie et les Russes». «Половина помѣщичьихъ имѣній, говоритъ онъ, заложена въ ломбардѣ. Капиталъ, по принятымъ оцѣнкамъ въ сихъ случаяхъ, составляетъ 390 или 395 милліоновъ рублей серебромъ. Предоставляя $^1/_3$ помѣщичьей земли крестьянамъ, правительство уменьшитъ одною третью долгъ помѣщика. Тутъ казна потеряетъ 132 мил. руб. сер. Владѣльцамъ же другой половины имѣній, незаложенныхъ, правительство выдастъ чистыми деньгами равную сей сумму, 132 мил. руб. сер. Сей капиталъ долженъ быть пріобрѣтенъ посредствомъ займа».

Итакъ весь выкупной капиталъ составитъ 264 мил. рублей серебр. Если прибавить къ этому 25 мил. руб. для вознагражденія нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, то «все пожертвованіе казны», по мнѣнію Тургенева, составитъ около 300 мил. руб. сер. Безъ сомнѣнія нѣкоторые понесутъ убытки отъ предстоящаго освобожденія, но изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее. «Если я такъ говорю рѣшительно, то это — Богъ тому свидѣтель! — не отъ большой довѣренности къ собственному моему сужденію. Напротивъ: трудно имѣть болѣе недовѣрчивости къ собственнымъ убѣжденіямъ, какъ я имѣю. Но этотъ вопросъ освобожденія крестьянъ былъ моею мыслію, моею душевною заботою въ продолженіе всей моей жизни. Я изучалъ его со всѣхъ сторонъ. Я старался подробно и обстоятельно узнать, какъ онъ былъ разрѣшаемъ въ другихъ земляхъ, особенно въ новѣйшія времена въ Пруссіи, Австріи, Польшѣ, въ Англійскихъ и Французскихъ колоніяхъ. Съ тѣхъ поръ какъ вопросъ сей открылся въ Россіи, я сколь

возможно пристально слѣдилъ за проявляющимися въ Россіи мнѣніями по сему предмету».

Въ этомъ сочиненіи Тургеневъ даетъ очень обстоятельныя соображенія о выкупѣ, указываетъ на средства его выполненія; затѣмъ говоритъ объ общинномъ личномъ владѣніи, при чемъ надо имѣть въ виду, что Тургеневъ относился къ общинѣ отрицательно. Однако на первыхъ порахъ послѣ освобожденія онъ считаетъ необходимымъ сохранить общинный порядокъ землепользованія и управленія, «дабы... сосредоточить и управленіе и даже до извѣстной степени судъ и расправу въ самихъ обществахъ, не обременяя сими дѣлами высшаго начальства» (стр. 50).

Получивъ по наслѣдству небольшое помѣстье «Стародубъ» въ Каширскомъ уѣздѣ (Тульской губ.), Тургеневъ постарался примѣнить на дѣлѣ свои взгляды и освободилъ своихъ крестьянъ по выработанному имъ плану (1859 г.). Барщинныхъ крестьянъ онъ перевелъ на оброкъ, затѣмъ всѣмъ крестьянамъ уступилъ одну треть земли безвозмездно, а остальныя двѣ трети сдалъ имъ въ аренду съ обязательствомъ платить по 4 рубля за десятину.

Въ томъ же 1859 г. Тургеневъ помѣстилъ въ «Колоколѣ» (№ 40—41) большую статью, въ которой, возражая Огареву, продолжалъ всесторонне обсуждать различныя стороны крестьянскаго вопроса. Когда сдѣлались ему извѣстны первые 35 протоколовъ Редакціонной коммиссіи, Тургеневъ написалъ записку: «Размышленія о ходѣ крестьянскаго вопроса». Въ общемъ онъ отдаетъ полную справедливость Редакціонной коммиссіи, находитъ, что и всѣ должны быть признательны ей за огромный трудъ разсмотрѣнія и изученія мнѣній губернскихъ комитетовъ, а также и за благое, искреннее направленіе и за возвышенный духъ, которымъ одушевлены ея члены. Но онъ указываетъ и слабую сторону — перевѣсъ анализа надъ синтезомъ и то, что не видно «общаго объема всего вопроса во всѣхъ сихъ протоколахъ». Редакціонная коммиссія недостаточно уяснила себѣ общія начала освобожденія, начала выкупа земли и усадебъ. Въ качествѣ этихъ «началъ» Тургеневъ излагаетъ собственные «виды» по вопросу освобожденія. Въ концѣ Тургеневъ слегка касается вопроса управленія крестьянъ. Записку эту онъ представилъ (чрезъ кн. Горчакова) имп. Александру II, который, по словамъ Горчакова, будто бы передалъ ее въ Редакціонную коммиссію. Но, по справкамъ Тургенева, въ Коммиссіи записки его никто не видалъ. Такимъ образомъ, можно предполагать, что мысли, выраженныя въ этой запискѣ, остались неизвѣстны членамъ Редакціонной коммиссіи.

Чтобы привлечь къ крестьянскому вопросу вниманіе и европейской публики, Тургеневъ напечаталъ въ 1860 г. по-французски брошюру: «Un

dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie». Здѣсь, какъ и въ выше упомянутой запискѣ, онъ сравниваетъ свой планъ освобожденія съ проектомъ Редакціонной коммиссіи и находитъ, что его система малыхъ, но даровыхъ надѣловъ болѣе удобна, чѣмъ надѣленіе на душу по 2—5 десятинъ, какъ предполагала Редакціонная коммиссія, съ выкупомъ ихъ самими крестьянами. Впрочемъ для него вполнѣ ясно, что при освобожденіи крестьянъ по его проекту многіе изъ нихъ обратятся въ батраковъ. Но, по его мнѣнію, пролетаріатъ все равно долженъ возникнуть въ Россіи, такъ какъ послѣ отмѣны крѣпостного права общинное землевладѣніе постепенно исчезнетъ. Онъ и въ этой брошюрѣ стоитъ за надѣленіе крестьянъ въ *малыхъ* размѣрахъ, находя, что, во-первыхъ, крестьянамъ не справиться съ крупнымъ надѣломъ, ибо многіе изъ нихъ окажутся болѣе счастливыми, будучи простыми рабочими; во-вторыхъ, за большой надѣлъ надо много платить, а такъ какъ выкупъ долженъ быть произведенъ изъ средствъ крестьянъ, то отсюда возникаетъ множество затрудненій.

Почти въ одно время съ появленіемъ упомянутой брошюры Тургеневъ напечаталъ въ «Колоколѣ» (1860 г., № 70) письмо, въ которомъ нападаетъ на Огарева за «выходку противъ Пруссіи», за нежеланіе учиться у иностранцевъ относительно рѣшенія крестьянскаго вопроса. Онъ напоминаетъ, что Пруссія «первая между всѣми государствами европейскими освободила крестьянъ съ землею. Дотолѣ даже въ самой Франціи, во время разгара революціи 1789 г., когда все въ землѣ сей было такъ рѣзко и радикально измѣнено, освобожденіе ограничивалось личною свободою крестьянъ. Пруссія первая признала и провозгласила право крестьянъ на землю, ими занимаемую, и освободила ихъ съ этою землею».

Уже одно голое перечисленіе статей Николая Ивановича можетъ показать, какъ много проявилъ онъ интереса къ совершающимся преобразованіямъ Россіи и какъ много потратилъ онъ усилій на то, чтобы эти преобразованія совершились наиболѣе цѣлесообразно и съ наибольшею пользою для народа. Къ сожалѣнію, бо́льшаго участія онъ принять не могъ; этому помѣшали и его преклонные годы, и то, что онъ жилъ за границею. Сочиненія его по крестьянскому вопросу и вообще по преобразованію Россіи — также не могли имѣть широкаго распространенія, такъ какъ печатались за границею и, вслѣдствіе цензурныхъ условій, ввозъ ихъ въ Россію былъ затрудненъ. Желая распространить свои сочиненія въ русской читающей публикѣ, Тургеневъ сталъ хлопотать передъ правительствомъ о допущеніи его сочиненій въ Россію. Сохранилось его письмо (отъ 18 апрѣля 1860 г.) къ шефу жандармовъ, князю Вл. А. Долгорукову. Въ немъ онъ говоритъ о

своей просьбѣ, которая вызывается естественнымъ желаніемъ видѣть свою мысль «о разрѣшеніи крестьянскаго вопроса болѣе извѣстною, болѣе доступною для помѣщиковъ въ Россіи. Поводомъ же къ изъявленію сего желанія служитъ то, что по напечатаніи здѣсь моей послѣдней брошюры я достовѣрно узналъ, что нѣкоторые русскіе помѣщики не только находятъ мой планъ удобоисполнительнымъ, но даже намѣреваются приложить оный къ своимъ крестьянамъ. Это обстоятельство позволяетъ мнѣ ожидать, что если бы сей планъ былъ болѣе извѣстенъ въ Россіи, то многіе русскіе землевладѣльцы, чуждые всякимъ особеннымъ системамъ и желающіе просто и чистосердечно найти скорый и удобный исходъ важному дѣлу освобожденія крестьянъ, обратятъ серьезное вниманіе на мое предложеніе и признаютъ удобоисполнительность онаго». По словамъ Тургенева, иностранные публицисты, вполнѣ безпристрастные и въ то же время имѣющіе въ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія и опытъ,—обсуждали его планъ эмансипаціи и нашли, что «онъ составленъ исключительно въ выгодахъ помѣщиковъ и къ ущербу крестьянъ», что во всякомъ случаѣ предлагаемое имъ «вознагражденіе помѣщиковъ за землю должно быть отстранено. Я съ моей стороны не вижу въ моемъ предложеніи сей исключительной натяжки въ пользу помѣщиковъ, но долженъ сознать, что въ сравненіи съ тѣми мѣрами освобожденія, кои были приняты въ другихъ государствахъ и именно въ Пруссіи,—мое предложеніе конечно болѣе выгодно для помѣщиковъ, нежели для крестьянъ». Во всякомъ случаѣ «всѣ останутся довольными, если какое бы то ни было предположеніе было принято добровольно и помѣщиками и крестьянами. Но вообще помѣщики, и еще менѣе крестьяне, не имѣютъ предъ глазами никакихъ данныхъ, на коихъ могло бы остановиться ихъ вниманіе. Всѣ извѣстные мнѣ планы представляютъ дѣло освобожденія въ формахъ и многосложныхъ и неясныхъ. Мой планъ, не имѣя другихъ достоинствъ, имѣетъ по крайней мѣрѣ то, что онъ простъ, ясенъ и легко можетъ допускать измѣненія, кои могутъ быть требуемы мѣстными обстоятельствами. Я въ этомъ еще болѣе убѣдился, видя какъ легко онъ былъ понятъ не только русскими, но и иностранцами...

Все сіе заставляетъ меня желать, чтобы планъ мой былъ сколь возможно болѣе извѣстенъ въ Россіи. Живя внѣ Россіи и не призванный ни къ какому участію въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, я могъ только печатать здѣсь мои соображенія по сему дѣлу, коимъ я занимался въ продолженіе всей моей жизни. Все, что̀ я напечаталъ на русскомъ языкѣ, могло бы столь же легко быть напечатано въ Россіи, такъ какъ одно только сильное желаніе видѣть сей вопросъ разрѣшеннымъ водило перомъ моимъ».

Въ концѣ письма Тургеневъ проситъ кн. Долгорукова: «не можете ли

вы испросить у Гос. Императора высочайшаго повѣленія: дозволить свободный впускъ въ Россію и продажу всѣхъ моихъ русскихъ и французскихъ брошюръ? Въ такомъ случаѣ я сообщилъ бы моему книгопродавцу, что онъ можетъ безпрепятственно посылать въ Россію нужное количество экземпляровъ».

Остается неизвѣстнымъ, была ли исполнена просьба Тургенева; вѣроятно,—нѣтъ. Надо сожалѣть конечно, что Николаю Ивановичу не пришлось, по упомянутымъ причинамъ, принимать непосредственнаго участія въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса: его обширныя свѣдѣнія въ этой области несомнѣнно пригодились бы на засѣданіяхъ членовъ Редакціонной коммиссіи. Нельзя однако, въ видахъ сохраненія истины, не отмѣтить, что онъ въ крестьянскомъ вопросѣ отсталъ отъ современной жизни; и проектъ его освобожденія крестьянъ съ малымъ, даровымъ надѣломъ оказался хуже, т. е. менѣе выгоднымъ для крестьянъ, чѣмъ Положеніе 19-го февраля, составленное Редакціонной коммиссіей. Самъ Тургеневъ, въ своей послѣдней книгѣ: «Чего желать для Россіи?» (напис. 1864 и напеч. въ 1868 г.) откровенно признается, что способъ освобожденія (по Положенію 19 февр. 1861 г.) съ большими надѣлами землею оказался лучшимъ и для крестьянъ и для государства, — чѣмъ его собственный проектъ.

Если въ Россіи, можетъ быть, не достаточно цѣнили заслуги и знанія Николая Ивановича, за то въ вольной русской прессѣ и вообще за границею имя его пользовалось большимъ авторитетомъ: онъ былъ признанъ главнымъ поборникомъ крестьянской свободы. Когда умеръ предсѣдатель Редакціонной коммиссіи Я. И. Ростовцевъ, то издатели «Колокола» замѣстителемъ его хотѣли бы видѣть или графа Киселева, «понявшаго общину еще при Николаѣ», или «старѣйшаго бойца за освобожденіе крестьянъ съ землею, Н. И. Тургенева» (№№ 68—69 отъ 15 апр. 1860 г.).

Николаю Ивановичу выпало рѣдкое счастіе—дожить до осуществленія своей завѣтной мечты: 19-го февраля, полвѣка тому назадъ—пало наконецъ ненавистное ему рабство, и русскій мужикъ получилъ свободу. Современникъ и очевидецъ, Иванъ Серг. Тургеневъ, такъ описываетъ эту радостную минуту, пережитую Николаемъ Ивановичемъ: «Намъ рѣдко случалось видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургенева, предстоящаго, съ бѣгущими по щекамъ слезами, въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19 февраля». Самъ Н. И. Тургеневъ говоритъ такъ по поводу знаменательнаго событія: «Мои надежды не обманули меня: мнѣ дано было дожить и быть свидѣтелемъ святаго дѣла освобожденія русскихъ крестьянъ. Это происшествіе есть для меня величайшее утѣшеніе, которое я могъ имѣть въ сей жизни».

Получивъ извѣстіе о появленіи манифеста 19 февраля, издатели «Колокола», Герценъ и Огаревъ, обратились съ такимъ письмомъ къ «старѣйшему бойцу за освобожденіе крестьянъ»: «Милостивый Государь Николай Ивановичъ! Вы были однимъ изъ первыхъ, начавшихъ говорить объ освобожденіи Русскаго народа; вы, недавно растроганные, со слезами на глазахъ — праздновали первый день этого освобожденія. Позвольте же намъ, питомцамъ вашего союза, сказать вамъ наше поздравленіе и съ чувствомъ братской или, лучше, сыновней любви пожать вамъ руку и обнять васъ горячо отъ всей полноты сердца...

Съ живымъ умиленіемъ мы написали эти строки и подписываемъ наши имена съ той глубокой, религіозной преданностью, которую мы во всю жизнь сохранили къ старшимъ дѣятелямъ русской свободы. 28 марта 1861 г. Александръ Герценъ. Николай Огаревъ».

Помянемъ и мы добрымъ словомъ Николая Ивановича, этого благороднаго борца противъ крѣпостного права, мирно почивающаго на парижскомъ кладбищѣ Père Lachaise.

II.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о бумахъ Тургенева.

Отъ Николая Ивановича сохранилось 17 тетрадей дневниковъ. Они начинаются тетрадью, озаглавленной: «Моя скука». Иногда Тургеневъ называетъ ее «Желтой Книгой». Она начата 16 октября 1806 г., т. е. когда онъ оканчивалъ университетскій благородный пансіонъ; но по отдѣльнымъ листкамъ, сохранившимся въ концѣ тетради, можно заключить, что Тургеневъ дѣлалъ отрывочныя замѣтки уже въ февралѣ этого года. Чтобы дать понятіе о дневникахъ его, мы представляемъ здѣсь внѣшнее описаніе тетрадей, дошедшихъ до насъ, размѣщая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. При этомъ надо замѣтить, что на крышкахъ тетрадей кѣмъ-то уже проставлена нумерація въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ (I, II, III, IV и т. д.).

I. «*Моя Скука*» или «*Желтая Книга*», толстая тетрадь въ переплетѣ, форматомъ въ полъ-листа; она имѣетъ 62 пронумерованныхъ листа, изъ которыхъ исписано всего только 17; начата, какъ мы сказали, 16 октября 1806 г., и брошена 20 января 1807 г., вѣроятно потому, что 25-го того же мѣсяца Тургеневъ уѣхалъ въ Петербургъ, а «Желтую Книгу» забылъ дома и велъ замѣтки сперва на отдѣльныхъ листахъ, а потомъ купилъ себѣ новую тетрадь. Послѣдняя запись въ «Желтой Книгѣ» сдѣлана 14 іюля 1807 г., когда Тургеневъ вернулся въ Москву. Изъ записи видно, что онъ

перечиталъ свой дневникъ и ему понравилось въ немъ все, кромѣ стиховъ; видно также, что онъ завелъ себѣ другую тетрадь — «Бѣлую Книгу», которой и продолжалъ ввѣрять свои мысли, а «Желтая Книга» такъ и осталась незаконченной, въ забвеніи. Только въ 1813 году, очевидно по возвращеніи изъ-за границы, попалась она ему на глаза, и онъ въ концѣ 60-го листа (на оборотѣ) написалъ слѣдущія слова: «Куплена въ Москвѣ въ Долгомъ ряду на Углѣ. 1813. Февр. 8. Главныя мысли, къ удивленію, тѣже, несмотря на 4-хъ лѣтнее пребываніе въ ч[ужихъ] кр[аяхъ]».

II. «*Бѣлая Книга или Бредъ*, по большой части полночной. 1807. С. Петербургъ. Николай Тургеневъ». Это толстая тетрадь въ полъ-листа, имѣющая 137 листовъ, изъ которыхъ исписано 124. Она была предназначена для переводовъ и выписокъ изъ прочитанныхъ книгъ, что̀ доказываютъ, во первыхъ, семь послѣднихъ листовъ, наполненныхъ переводомъ изъ какого-то сочиненія по исторіографіи, и, во-вторыхъ, заглавіе, сдѣланное на послѣднемъ (теперь же первомъ) листѣ: «Переводы изъ разныхъ англійскихъ книгъ. 13 февраля 1807. Николай Тургеневъ. Санктъ-Петербургъ». Дѣйствительно, семь первыхъ листовъ, слѣдующихъ за этимъ заглавіемъ, наполнены переводами съ англійскаго языка. Но съ девятаго листа Тургеневъ бросаетъ переводы и ведетъ дневникъ; первая запись — 22-го марта 1807 г. Послѣдняя сдѣлана 20 іюня 1808 г., т. е. наканунѣ отъѣзда за границу.

III. «*Дорожная Бѣлая Книга*. 1808 года, Іюня 21 дня. Николай Тургеневъ». Она представляетъ изъ себя толстую тетрадь въ полъ-листа, въ кожаномъ коричневаго цвѣта переплетѣ; въ ней 94 листа и они всѣ исписаны. Она подарена Тургеневу братомъ Александромъ Ивановичемъ при отъѣздѣ за границу, посвящена путевымъ впечатлѣніямъ отъ Петербурга до Геттингена и первымъ мѣсяцамъ жизни въ этомъ городѣ. Начата 21-го іюня и окончена 18 октября 1808 г.

IV. «*Свободныя минуты Геттингенскія*. 1808. $\frac{\text{27 октября}}{\text{8 ноября}}$. Кончена $\frac{}{22}$ Іюля 1810». Это тетрадь въ большую четверку, въ переплетѣ, имѣетъ 92 листа и вся исписана. Она посвящена геттингенскимъ впечатлѣніямъ, особенно замѣткамъ о лекціяхъ профессоровъ и о прочитанныхъ книгахъ.

V. «*Размышленія послѣ 10 часовъ ночи*. $\frac{12}{24}$ Іюля. Гöттингенъ». Это толстая тетрадь въ малые полъ-листа, въ папкѣ; имѣетъ 141 листъ, изъ которыхъ исписаны 81 листъ. Начата $\frac{12}{24}$ іюля 1810 г., а окончена $\frac{10}{22}$ іюня 1811 года, т. е. передъ выѣздомъ изъ Геттингена $\frac{10}{22}$ іюня.

VI. «*Путевая Книга*» — толстая тетрадь въ четверку, въ переплетѣ, имѣетъ 137 листовъ, которые всѣ исписаны. На первыхъ страницахъ находятся автографы Петра Каверина и Сергѣя Тургенева. Она начата

$\frac{11}{23}$ іюня 1811 г., т. е. на другой день по выѣздѣ изъ Геттингена, наполнялась путевыми впечатлѣніями и закончена $\frac{16}{28}$ октября того же года въ Госпиталѣ (Швейцарія). Въ эту тетрадь вложены девять листовъ приложеній, составляющихъ продолженіе дневника (до $\frac{}{2}$ ноября 1811 г.). Почеркъ книги очень неразборчивый, и вся она исписана безъ полей.

VII. «*Продолженіе путешествія изъ Парижа въ 1811 г. до Петербурга. 1812 г.*». Эта тетрадь такого же формата и вида, какъ предыдущая; она имѣетъ 142 листа, которые всѣ исписаны. Первая запись сдѣлана въ Миланѣ $\frac{}{4}$ ноября 1811 г., послѣдняя — 31 августа 1813 въ Петербургѣ. Конецъ книги (лл. 80—142) посвященъ уже не путевымъ, а петербургскимъ впечатлѣніямъ (14 мая 1812 — 31 августа 1813 г.).

VIII. «*Моимъ перомъ да пишется правда и законъ*». Такъ написано на заглавномъ листѣ. Рукопись представляетъ тетрадь въ полъ-листа, въ переплетѣ, имѣетъ 60 листовъ, изъ которыхъ исписаны 58. Она начата 15 октября 1813 г., въ то время, когда Тургеневъ собирался уѣзжать изъ Россіи къ барону Штейну. Послѣдняя дата — $\frac{6}{18}$ іюля 1814 г.[1]). Повидимому, тетрадь предназначалась для составленія черновыхъ проектовъ по финансовой части, и на послѣднемъ листѣ сдѣланъ былъ такой заголовокъ: «*Западъ на Сѣверъ. 1813. Сентябрь. Н. Тургеневъ*». Но потомъ она была обращена въ «журналъ».

IX. «*Книга Скуки. Нанси $\frac{}{17}$ Окт. Н. Тургеневъ. 1814. Іюль. Фр. Ф.*» Эта рукопись въ полъ-листа, въ переплетѣ, имѣетъ 74 листа, которые всѣ исписаны. Начата она очевидно во Франкфуртѣ $\frac{17}{29}$ іюля 1814 г., а кончена $\frac{}{16}$ сентября 1816 г. въ Берлинѣ, изъ котораго Т. выѣхалъ $\frac{}{25}$ сентября, какъ это видно изъ приложеннаго къ рукописи листка.

X. «*Книга повтореній. Единообразіе. Quo simplicius, eo melius*». Рукопись въ полъ-листа, въ сѣромъ переплетѣ, имѣетъ 80 листовъ, изъ которыхъ 78 исписаны. Сверху надъ заглавіемъ сдѣлана знаменательная приписка: «Переходъ человѣка отъ жизни мечтаній къ дѣйствительности». Книга начата въ Петербургѣ 7 ноября 1816 г., т. е. по возвращеніи изъ-за границы, а кончена 16 сент. 1817.

XI. «*Раздѣленіе работы — раздѣленіе власти*». Рукопись въ полъ-листа, въ темномъ переплетѣ, имѣетъ 80 листовъ, которые всѣ исписаны. Эта тетрадь начата 17 сентября 1817 г. и закончена 28 ноября 1818 г.

---

1) Но въ началѣ книги есть болѣе поздняя запись — отъ $\frac{16}{28}$ іюля 1814 г. Это объясняется тѣмъ, что Тургеневъ, желая записать свои впечатлѣнія и не имѣя новой тетради, нашелъ въ началѣ оконченной чистый листъ и на немъ записалъ свои мысли.

XII. «*Книга эта пестра, какъ мои занятія*». Рукопись въ полъ-листа, въ сѣромъ переплетѣ, имѣетъ 140 листовъ, вся исписана и безъ полей, какъ обѣ предыдущія. На первомъ листѣ рукою Тургенева написано: «Начата 15 дек. 1818. 1819. 1820./1821. Іюль. Августъ».

XIII. «*Журналъ Н. Т. отъ 24 Сент. 1821 до 5 Генваря 1824*». Заглавіе сдѣлано неизвѣстною рукою. Рукопись въ полъ-листа, въ коричневомъ переплетѣ, имѣетъ 116 листовъ, которые всѣ исписаны (безъ полей). На послѣднемъ листѣ написано рукою Н. Тургенева: «Два года четыре мѣсяца служила сія книга».

XIV. «*Путешествія 1824 г. Н. Т.*». Эта надпись сдѣлана на корешкѣ; на крышкѣ же (на оборотѣ) написано слѣдующее: «См. листъ 2-й. Рига 13 апрѣля 1824. Начало путешествія. Выѣздъ изъ Пбурга въ апрѣлѣ 1824, до $\frac{16}{28}$ Октября во Флоренціи. Продолженіе въ слѣдующей книгѣ in 8°». Рукопись въ четверку, въ шагреневомъ зеленомъ переплетѣ, имѣетъ 108 листовъ, вся исписана (безъ полей).

XV. «*Продолженіе путешествія изъ П-бурга съ 1824 послѣ Карлсбада до Флоренціи $\frac{16}{28}$ Окт. Возвращеніе въ Карлсбадъ и выѣздъ оттуда съ братьями въ 1825 г.*». Рукопись такого же вида, формата и въ такомъ же переплетѣ, какъ предыдущая; имѣетъ 232 листа, которые всѣ исписаны, безъ полей, за исключеніемъ листовъ 207—221, оставшихся чистыми. Послѣдняя запись сдѣлана $\frac{6}{18}$ сент. 1825 г.

XVI. «*Путешествія 1825—1826 г.*» Рукопись въ четверку, въ зеленомъ шагреневомъ переплетѣ, имѣетъ 244 листа, вся исписана безъ полей и весьма мелкимъ почеркомъ. На оборотѣ перваго листа написано: «Эта книга начинается со второго листа (1-я стр. есть продолженіе послѣдней . . книги). Въ ней и пребываніе въ Лондонѣ, и путешествія, такъ что она принадлежитъ и къ журналамъ и къ описаніямъ путешествія. Я присоединяю ее къ путешествіямъ. Сюда же будетъ принадлежать и послѣдняя книга журнала моего не конченнаго.— Отъ выѣзда съ братьями изъ Карлсбада до Buckinham street, Strand, въ Лондонѣ». Журналъ начатъ $\frac{10}{22}$ сент. въ Байрейтѣ (1825) и оконченъ 27 іюля 1826 г.

XVII. «*Послѣдняя книга журнала* Н. Т.». Эта книга есть продолженіе предшествующей, начинающейся съ Байрейта. Рукопись въ большую четверку, въ желто-коричневомъ кожаномъ переплетѣ, имѣетъ 132 листа, изъ которыхъ исписаны (безъ полей) первые 82 листа и 130—131-й. Первая запись сдѣлана 1 іюля 1826, послѣдняя 1 іюня 1827 года.

Кромѣ дневниковъ отъ Н. И. Тургенева сохранилось довольно много писемъ; они начинаются съ 1808 г. и оканчиваются приблизительно съ его смертью. Болѣе всего сохранилось его писемъ къ брату Александру Ивановичу, затѣмъ къ брату Сергѣю Ивановичу и къ матери. Есть немного писемъ къ Каверину, Аржевитинову, Жихареву, Жуковскому, Блудову, къ редактору «Колокола» (А. И. Герцену), къ М. Ѳ. Орлову, къ издателю «Русскаго Инвалида» и разнымъ другимъ лицамъ. Мы вкратцѣ опишемъ всѣ письма и для этого располагаемъ ихъ на восемь періодовъ, а именно:

I. *Періодъ 1808—1812 г.*

1) Письма къ Ал. И. Тургеневу изъ Геттингена (1808—1811 гг.).

2) Письма братьямъ и Каверину во время путешествія по Европѣ въ 1811—1812 гг.

II. *Періодъ 1813—1816 г.*

1) Письма А. И. Тургеневу.

2) Письма (8) матери (1813—1814).

3) Письма С. И. Тургеневу (1813—1816).

III. *Періодъ 1817—1824 г.*

(Жизнь въ Россіи до отъѣзда за границу).

1) Письма къ брату С. И. Тургеневу.

2) Письма къ матери.

3) Письма къ Орлову (1) и неизвѣстнымъ лицамъ.

IV. *Періодъ 1824—1828 г. (За границею).*

1) Письма къ братьямъ А. И. и С. И. Тургеневымъ.

2) Письма (черновыя) къ имп. Николаю I, Жуковскому и другимъ лицамъ.

V. *Періодъ 1829—1835 г. (Изгнанничество).*

1) Сборникъ писемъ къ А. И. Тургеневу.

2) Письма (92) къ нему же (1829—1830).

3) Письма (23) къ нему же (1831—1833).

4) Письма къ нему же (1833—1835).

5) Письма (3) къ С. П. Жихареву (1825—1831).

6) Письма (2) къ Аржевитинову (1830).

7) Письма разнымъ лицамъ (1833—1835).

VI. *Періодъ 1835—1847 г. (Созданіе «La Russie»...).*

1) Письма (13) къ А. И. Тургеневу (1838—1844).

2) Письма (17) къ нему же (1844).

3) Черновыя письма (3) къ разнымъ лицамъ.

4) Черновикъ письма Д. Н. Блудову (1843).

5) Тоже къ Блудову и Жуковскому (1843).

VII. *Періодъ 1855—1864 г. (Пора исполнившихся надеждъ).*

1) Письмо къ А. И. Герцену (1860—1861 гг.).

2) Письма къ А. М.....[1]) (съ изложеніемъ взглядовъ по крестьянскому вопросу. 1860 г.).

3) Письма разнымъ лицамъ (Кн. Горчакову, Долгорукову и пр.).

VIII. *Послѣдніе годы жизни (1864—1871 г.).*

1) Письмо къ издателю «Русскаго Инвалида» (1867 г.).

2) Письмо-отвѣтъ на книгу Ковалевскаго о графѣ Блудовѣ.

3) Письма разнымъ лицамъ.

Далѣе отъ геттингенскаго періода жизни Тургенева сохранилось много рабочихъ тетрадей и записи лекцій профессоровъ. (Перечисленіе ихъ смотри въ этомъ томѣ, въ концѣ примѣчаній, стр. 477—478).

Наконецъ отъ Н. И. Тургенева сохранилось много дѣловыхъ бумагъ, набросковъ статей въ черновомъ видѣ и нѣкоторыхъ законченныхъ, но ненапечатанныхъ сочиненій. Мы упомянемъ здѣсь главнѣйшіе.

1) Разныя бумаги 1817 г. по Ликвидаціонной Комиссіи, между прочимъ рапорты министру финансовъ и дѣловыя письма графу Нессельроде (1816 г.).

2) О монетной единицѣ (копіи писемъ Тургенева Канкрину и мнѣніе послѣдняго о нихъ).

---

1) Фамилія пока не разобрана.

3) «Записка о свойствахъ и мѣрѣ моего участія въ тайныхъ обществахъ» (1827 г.).

4) Notes d'un des accusés sur le Rapport de la Commission etc.

5) «Законодательство Александра I».

6) «Учрежденіе и постепенный ходъ Комиссіи составленія Законовъ».

7) Разныя бумаги 1820—1824 гг.

8) Документы о службѣ и наградахъ Н. И. Тургенева.

9) Записка Тургенева объ освобожденіи крестьянъ (1857).

10) Двѣ записки его же и о томъ же.

11) Журналъ Совѣта Комиссіи сост. Законовъ (1820 г.).

12) Оригиналы къ сочиненію «La Russie et les Russes».

13) «Нѣчто о барщинѣ». Записка 1818 г. (Напечатана).

14) «Приказъ старостѣ и всѣмъ крестьянамъ села Тургенева» (1819 г.).

15) «Теорія уголовнаго судопроизводства».

16) «Уголовное уложеніе. Н. Т. 1823».

17) «Мысли объ исправленіи въ Россіи судопроизводства».

18) «О возможныхъ исправленіяхъ Россійскаго судопроизводства».

19) «Торговое уложеніе, часть I, утвержденная Государственнымъ Совѣтомъ».

20) «Торговое уложеніе, ч. II (вексельный уставъ), не разсмотрѣнная Госуд. Совѣтомъ».

21) О судѣ присяжныхъ въ Англіи.

22) «Теорія политики, ч. II. Н. Т.».

23) Очеркъ исторіи крѣпостного права въ Россіи.

24) Начало перевода книжки Геерена о Крестовыхъ походахъ.

Весь этотъ обширный рукописный матеріалъ, обнимающій бумаги одного только Н. И. Тургенева, составляетъ можетъ быть четвертую часть всего архива братьевъ Тургеневыхъ. Отсюда можно понять, какое неисчерпаемое богатство представляетъ изъ себя даръ Петра Николаевича Тургенева, переданный Академіи Наукъ при посредствѣ А. А. Ѳомина.

Что касается бумагъ Н. И. Тургенева, то здѣсь не безполезно будетъ намѣтить планъ будущаго распредѣленія ихъ по томамъ. Если имѣть въ виду матеріалъ, состоящій изъ однихъ только дневниковъ и писемъ, то онъ можетъ быть удобно расположенъ въ восьми томахъ, каждый отъ 30 до 35 листовъ, причемъ распредѣленіе по томамъ будетъ слѣдующее:

Томъ первый — дневники и письма за московскій и геттингенскій періоды (1806—1811 гг.).

Томъ второй — дневники въ эпоху странствованій и службы Тургенева за границею (1811—1816 годы).

Томъ третій — дневники и журналы за петербургскій періодъ службы (1817—1824 гг.).

Томъ четвертый— путевыя замѣтки и журналы въ эпоху 1824—1827 гг.

Томъ пятый — журналъ Н. И. Тургенева въ 1827 г. и разныя бумаги, связанныя съ попыткою оправдаться.

Томъ шестой — переписка Тургенева въ эпоху 1811—1816 гг.

Томъ седьмой — переписка Тургенева за періодъ 1817—1835 гг.

Томъ восьмой — переписка Тургенева и разныя дѣловыя бумаги за періодъ 1835—1871 гг.

Настоящій томъ является такимъ образомъ началомъ осуществленія намѣченнаго плана; остается пожелать, чтобы всѣ дневники и письма Н. И. Тургенева поскорѣе увидали свѣтъ. Изъ бумагъ его, здѣсь перечисленныхъ, напечатаны были въ журналахъ только очень немногія письма, относящіяся по большей части къ эпохѣ 1826—1827 гг. Все остальное появляется впервые въ предпринятомъ изданіи Имп. Академіи Наукъ.

III. Стиль и орѳографія дневниковъ Н. И. Тургенева.

Присматриваясь къ дневникамъ и письмамъ Тургенева, мы прежде всего замѣчаемъ, что въ первыхъ тетрадяхъ, то есть за московскій и геттингенскій періоды его жизни, стиль его былъ еще далеко не выработанъ, и отчасти благодаря этому, а также отъ близкаго знакомства съ иностранными языками, фразеологія Тургенева страдаетъ галлицизмами и другими варваризмами. Для образчика мы приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ: 1) «Пріѣхавши къ нему, и онъ мнѣ опять предложилъ идти»; 2) «Пріѣхавъ [мы] въ загородный домъ его, на дворѣ встрѣтила насъ жена его»; 3) «Поговоривъ съ нею и выпивъ чашку чаю, она пригласила меня»; 4) «Мнѣ казались они быть на одномъ мѣстѣ», 5) «Потомъ показали и другаго оленя, который казался быть менѣе перваго»; 6) «Это кажется ему быть отъ одного знакомаго» и проч.

Что касается орѳографіи Н. И. Тургенева, то она имѣетъ особенности двухъ родовъ: особенности индивидуальныя, принадлежащія ему, какъ извѣстному лицу, способному дѣлать ошибки и промахи,—и особенности, принадлежащія той эпохѣ, когда писались дневники. Мы исправляли погрѣшности только перваго рода, индивидуальныя, считая ихъ просто ошибками,

не имѣющими значенія для филологіи, хотя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ почти всегда указываемъ на эти ошибки. Мы оставляли нетронутыми особенности правописанія, свойственныя тому времени. Попытаемся здѣсь систематизировать особенности ороографіи Тургенева, чтобы дать понятіе и объ эпохѣ и объ уровнѣ его грамматическихъ познаній. Во-первыхъ, буква *ѣ* въ общемъ употребляется имъ правильно, но, слѣдуя обыкновенію эпохи и по собственному незнанію, онъ ставитъ *ѣ* тамъ, гдѣ мы теперь совсѣмъ его не употребляемъ, напримѣръ: *мѣлочи, мѣлкій, растѣніе, мѣдлить, мѣльница, лѣнточка, заклѣймить, прилѣжаніе, въ постелѣ, въ Евгеніѣ, угнѣтены, лакѣй, скамѣйка, нѣчего, успѣніе, бренчѣлъ* и т. д. Наоборотъ Тургеневъ ставитъ *е* тамъ, гдѣ мы пишемъ *ѣ*, напр. *телега, северъ, семя, свѣденія, нигде, плеѣнный, къ статѣ* (кстати), *нѣкогда* (нѣтъ времени), *къ обѣдни, преждѣ, предмѣтъ*, хотя такихъ случаевъ мало, и это очевидно просто недосмотръ Тургенева. Во-вторыхъ, онъ постоянно въ именахъ существительныхъ на *мя* сохраняетъ *я* въ косвенныхъ падежахъ, напримѣръ: *имяни, времяни* и пр. Но такое склоненіе на *мя* онъ сохраняетъ не все время, а только въ бумагахъ до 1815 г. приблизительно. Затѣмъ въ именахъ существительныхъ, имѣющихъ предъ окончаніемъ шипящую *ж* или *ч*, Тургеневъ въ именительномъ един. числа и въ родительномъ множественнаго пишетъ не твердый знакъ, какъ мы это дѣлаемъ, а мягкій, напримѣръ: *врачь, мечь, грошь, Сидорычь, Парижь, товарищь, манежь, неудачь, вельможь, плечь, тысячь, судилищь* и т. д.; и въ союзахъ, напримѣръ: *однакожь*. Далѣе предлоги: вверху, внизу, внизъ, сверхъ — Тургеневъ пишетъ такъ: *въ верьху, въ низу, въ низъ, съ верьху, сверьхъ*. Зато въ словѣ *деньги* Тургеневъ часто пропускаетъ мягкій знакъ. Наконецъ приводимъ здѣсь также и еще нѣкоторыя особенности его ороографіи, замѣченныя нами; таковы: *освящалъ* (вм. освѣщалъ), *покозалъ, присудствовалъ, съ начала, не здоровится*, изъ *медвѣдецъ* (медвѣдицъ), *забересся* (заберешься), *нащетъ* (на счетъ), *отъ части, всіо* (все), *Гöттингенъ, Гöде, щастіе, малой доброй, въ постелю, по большой части, Нѣмцомъ* (нѣмцемъ), *литтература, литтеральный, Ѳедка* (Ѳедька), *милой, прелестной, терменъ* (терминъ), *оптинизмъ, блаліантовой* (бриліантовой), *освѣченіе* (освѣщеніе), *изтеченіе, чучила* (чучело), *ради* (рады), *въ передъ* (впередъ), *истинна* (вм. истина), *вырвитъ* изъ сердца, *многіе* красоты, *совѣтывали* (вм. совѣтовали), *піэса* и т. д. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что Тургеневъ почти всегда пишетъ съ прописной буквы слѣдующія имена нарицательныя: Король, Графъ, Князь, Генералъ, — и особенно имена мѣсяцевъ и народовъ, напр. Нѣмецъ, Французъ, Февраль и пр. Но у него замѣтны колебанія относительно нѣкоторыхъ именъ нарицательныхъ, напримѣръ: *пра-*

вительство, *отечество*, *государство*, которыя онъ пишетъ то съ большой буквы, то съ малой.

Наконецъ и знаки препинанія употребляются Тургеневымъ иногда совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Вотъ образчики употребленія знаковъ: 1) «Наше намѣреніе, тутъ погибнуть»; 2) «Атакуетъ его какъ ни попало, и получаетъ смерть которую ожидалъ»; 3) «Аѳиняне составили свой флотъ. И для защищенія себя отъ Персовъ на морѣ, всѣ жители Аѳинъ, могущіе служить оружіемъ, должны были» и т. д.

Надо однакоже имѣть въ виду, что указанныя особенности ореографіи и стиля Тургенева встрѣчаются болѣе всего въ первыхъ тетрадяхъ его дневниковъ, т. е. за московскій и отчасти геттингенскій періоды его жизни; потомъ эти особенности значительно сглаживаются, хотя и не уничтожаются.

Для составленія примѣчаній къ настоящему тому я посѣтилъ Геттингенъ и тамъ просмотрѣлъ въ университетской библіотекѣ рукописные списки студентовъ и ихъ матрикулы за первую четверть девятнадцатаго столѣтія; вслѣдствіе этого мнѣ удалось точно установить и время пребыванія въ Геттингенѣ русскихъ студентовъ и науки, изучаемыя ими. Были выяснены и топографическія данныя, необходимыя для уразумѣнія текста дневниковъ и писемъ Тургенева. Точно также, благодаря библіотекѣ геттингенскаго университета, удалось составить точный списокъ книгъ, которыми Тургеневъ пользовался изъ этой библіотеки. Въ своихъ рабочихъ тетрадяхъ онъ нерѣдко упоминаетъ только имя автора или даетъ заглавіе книги, но не указываетъ года и числа изданія. Все это удалось восполнить благодаря библіотекѣ геттингенскаго университета. Списокъ книгъ, прочитанныхъ Тургеневымъ въ Геттингенѣ, приложенъ въ этомъ томѣ, въ концѣ примѣчаній (см. стр. 479 — 484). Пользуюсь случаемъ и приношу глубокую благодарность гг. директору и библіотекарямъ геттингенской библіотеки, а также проф. М. Леману и берлинскому проф. Ѳ. Ѳ. Шиману за любезное содѣйствіе въ вышеупомянутой работѣ.

Въ Россіи слѣдующія лица оказали мнѣ любезное содѣйствіе при изданіи этого тома: В. Э. Банкъ, И. М. Болдаковъ, В. М. Истринъ, Д. К. Петровъ, В. И. Саитовъ, Л. А. Сакетти, В. И. Семевскій, Вс. Изм. Срезневскій, Н. И. Срезневская, Ю. П. Тарасова, К. Ф. Тіандеръ, А. А. Флоридовъ, Э. Г. Шмитъ.

Всѣмъ этимъ лицамъ выражаю мою искреннюю признательность.

Е. Тарасовъ.

Почеркъ Н. И. Тургенева въ 1808 году (Изъ рабочей тетради).

ДНЕВНИКИ.

КНИГА I.

(1806–1807 гг.)

Моя Скука.

Николай Тургеневъ.

16 Октября — 806 — Москва.

Давно желалъ я исполнить свое намѣреніе, но случай, которой всѣми разполагаетъ, какъ ему угодно, не дозволялъ и мнѣ имѣть того, что я желалъ. — Наконецъ желаніе исполнилось, и я намѣренъ помѣщать въ сей книгѣ разные анекдоты, лучшія мѣста изъ прочтенныхъ мною книгъ, иногда маленькія разсужденія, каковы бы они не были, разныя остроумныя слова, и однимъ словомъ все, что будетъ казаться мнѣ достойнымъ помѣщенія въ *Жолтую Книгу*.

Всегда должно стараться писать лучше и разборчивѣе и никогда не марать, естьли возможно; и стараться, чтобы перо было лучше, потому что хорошимъ перомъ, думаю я, лучше и напишешь. —

NB. всегда ставить число и мѣсяцъ. — 16 Октября 806.

. . . . [1]).

скажемъ только, что онъ *не надѣется* и не умѣетъ или не хочетъ *размышлять* или, такъ сказать, *философствовать*. Конечно этотъ терминъ [2]) слишкомъваженъ, но повторяю сказанное вчера: *всякому свое*. Жаль, что не увижусь съ нимъ завтре по той причинѣ, что велѣно явиться въ архивъ. Не знаю, что тамъ будетъ: глупость въ высочайшей степени. Теперь я увѣренъ, что и пансіонъ можетъ нѣсколько разсѣять мою скуку, потому что есть еще съ кѣмъ поговорить и посовѣтываться. Не хочу предаваться, подобно тебѣ, П. С., такой мучительной скукѣ. Я болѣе твоего нещастливъ, но говорю и буду говорить, что мнѣ скучно только, все скучно, очень скучно! — Но я забываюсь, что можетъ болѣе нанести душѣ человѣческой вреда, какъ не

---

1) Въ книгѣ недостаетъ листа. 2) Въ рукописи стоитъ: «терменъ».

скука; во всѣхъ нещастіяхъ жизни сей, вездѣ есть скука. Но надобно презирать сію смертную жизнь и надѣяться[1]) жить въ лучшей: *въ надеждѣ жить — мы и умремъ!!* — Въ этотъ же день я . . . . [2]) *19. 1 М. 4 Т. 806.*

Въ часы печальной задумчивости, когда я погружаюсь въ размышленія о печальномъ моемъ существованіи, когда думаю объ одной скукѣ — я забываю все, забываю Природу и занимаюсь сладостными удовольствіями жизни будущей, гораздо превосходнѣйшей здѣшней, исполненной золъ, бѣдствій, нещастій; — размышляя такимъ образомъ, мнѣ кажется, что я уже преселился, что я уже наслаждаюсь чистѣйшими удовольствіями, которыми не возможно пользоваться въ семъ мірѣ — но ахъ! — Размышленія прерываются — и я нахожу себя посреди тѣхъ же неудовольствій, той же скуки: — въ это время нещастія кажутся ужаснѣйшими, и я еще болѣе желаю наслаждаться тѣми несравненными удовольствіями, тою чистѣйшею радостію, желаю — умереть! — Человѣкъ только въ нещастіяхъ можетъ научиться познавать цѣну жизни будущей и пустоту настоящей. — Онъ, привыкши терпѣть и скучать, непримѣтно научается презирать непостоянство Фортуны, научается философствовать и чрезъ то утѣшается въ своихъ горестяхъ, дѣлается щастливѣе! — О страсти, вы одни погубляете смертнаго, вы одни ввергаете его въ бездну мірскихъ суетъ, вы изглаживаете изъ его памяти плѣнительные оттѣнки будущихъ наслажденій! Естьлибъ возможно было презрѣть васъ, человѣкъ бы содѣлался истинно щастливымъ! Но такъ угодно Провидѣнію! —

20. 1 М. 4 Т. 6 часовъ утра. Вчера былъ я у Фишера на лекціи. Онъ преподаетъ на Французскомъ Натуральную Исторію. — Сколько слушателей, не понимающихъ по Французски! — Всего и понимать нельзя, потому что онъ говоритъ не чисто, да и много такихъ терминовъ, которые извѣстны одному только Натуралисту[3]). — Передъ его лекціей былъ я у Мурата. Здѣсь сколько политиковъ, не понимающихъ и слова сего[4]): всякой хочетъ показать себя глубокомысленнымъ, и между тѣмъ они суть не что иное, какъ люди, живущіе въ кофейныхъ домахъ и трактирахъ! Они судили о чемъ же? о Пишегрю. Лѣтъ съ 5, какъ его удавили или онъ самъ удавился; а одинъ изъ нихъ разсказывалъ другимъ, слушающимъ съ большимъ вниманіемъ, что его застрѣлили; потомъ разсуждали и между прочимъ говорили, что Великій Князь уѣхалъ давно въ армію и что Каменской еще и

1) Въ рукописи: «надѣется». 2) Далѣе зачеркнута цѣлая строчка. 3) Надъ послѣдними двумя словами написано: «хорошо учащемуся Натуральной Исторіи». 4) Въ рукописи прибавлено: «не знающихъ политики».

его прежде. Все неправда — Каменскій ѣдетъ въ Москву, а Великій Князь былъ не давно на похоронахъ у Павла Ильича. Боже мой! Какія бѣдствія можетъ нанести, вопервыхъ, бракъ, а во вторыхъ и то, когда сынъ въ 24 года хочетъ жениться, а ему не позволяютъ! Какіе обычаи! Они перешли къ намъ отъ нашихъ прадедовъ (sic) и столь сильно вкоренились, что врядъ ли совсѣмъ искоренятся. Смѣшные и вмѣстѣ нѣсколько варварскіе обычаи! Какъ можно располагать сердцемъ другаго: можно только совѣтывать, а болѣе ничего. — Какъ можно заставить другаго перемѣнить вкусъ свой: онъ впечатлѣвается въ человѣка во время нѣжнѣйшей его молодости и врядъ ли когда человѣкъ перемѣняетъ его. Мнѣ кажется, по нѣкоторымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ мною, что вкусъ, нѣкоторою частію, есть дѣйствіе впечатлѣній, которые человѣкъ получаетъ во время ребячества и которые столь сильно на него подѣйствовали, что онъ не можетъ . . . . [1]) питательнѣе.

Человѣку одинокому могутъ наконецъ прискучить всѣ удовольствія; семейственному — никогда. Первой старается всегда ихъ снискивать, ѣдетъ туда, сюда и можетъ быть не находитъ; второй всегда находитъ ихъ около себя, въ кругу своего семейства.

Возмете ли вы состояніе купца, земледѣльца, тѣ же наслажденія, тѣ же радости!

27—1 М. 4 Т. 6 часовъ утра.

Помню, что въ вечеру легъ я спать дома на канапе — но вдругъ вижу себя посреди прелестнѣйшихъ Грацій: вошедши въ ихъ комнату, увидѣлъ я ихъ, лежащихъ и сидящихъ négligé на своихъ постеляхъ. Какъ будто бы всякая хочетъ плѣнить, очаровать своею красотою, своими прелестьми, своимъ положеніемъ. Одна изъ нихъ, дѣвушка прекрасная, лѣтъ восмнадцати, одѣтая по новѣйшей модѣ à la Romain, подошла и съ милою простотою и вмѣстѣ лукавою [2]) улыбкою спросила меня: «*что вамъ угодно?*». Я отвѣчалъ, что пришелъ ихъ навѣстить. Тотчасъ она взяла меня за руку и отвела къ окошку. Я говорилъ съ ней нѣсколько минутъ, плѣнился умомъ ея, и — хитрая, лукавая дѣвчонка заставила меня вздыхать! Лишь только я кончилъ съ нею разговаривать, вдругъ — о досада! — вижу себя дома, на тѣхъ же канапе, вижу себя не подлѣ Нимфы, но подлѣ Маркела, которой пришелъ будить меня для Англинскаго учителя. Лишь только было я началъ питаться сладостною мечтою — меня разбудили! *О досада! (о нещастіе)!*

---

1) Въ рукописи не достаетъ цѣлаго листа. 2) Надъ словомъ «лукавою» написано: «malin».

27 Октября ввечеру отъ скуки взялъ кусокъ бумаги и написалъ эту пѣсенку на голосъ: *винятъ меня въ народѣ*, скорымъ голосомъ и почти одно секундо.

(Строфы этой пѣсенки въ безпорядкѣ).

Доверши, Судьба, мученье
Надъ нещастной головой! —
Ускори ты золъ стремленье,
Перестань играть ты мной! —

*

Коль на то, Природа злая,
Ты меня произвела,
Чтобъ, въ нещастьяхъ утопая,
Проклиналъ всегда себя; —

*

Коль на то ты сотворила,
Чтобъ влачить мнѣ жизнь стеня; — —
Горе скуку довершило;
Нѣтъ нещастнѣе меня.

*

Нѣтъ нещастнѣе, бѣднѣе;
Безъ М....., безъ друзей
Солнце кажется темнѣе,
Не плѣняетъ соловей. —

*

Кончижь дни мои жестоки,
Положи предѣлъ бѣдамъ;
Горькихъ слезъ отри потоки. —
Можноль розно жить сердцамъ?

*

Когда съ милой разлучила,
Тѣло стало безъ души;
Въ жилахъ кровь моя застыла.
Поскорѣй ударъ сверши. —

*

Жизнь мою возми нещастну,
Вырви душу изъ меня —
Иль отдай, кого я страстно
Любилъ[1]), — болѣе себя! —

*

Нѣтъ не слышишь, не внимаешь,
О Судьба, моимъ слезамъ!
Больше сердце тѣмъ терзаешь.
Я не зрю конца бѣдамъ! —

*

Я не зрю, когда прервутся,
Когда кончатся бѣды;
Мои слезы не отрутся!
Пропадутъ глаза мои! —
Въ свѣтѣ радости мнѣ нѣтъ!!

NB. М..... ничего не значитъ и поставлено единственно *отъ скуки*[2]).

29. 1 М. 4 Т.

Нынѣшній, такъ какъ и прочіе вечера, мнѣ отмѣнно скучно. Не знаю, что дѣлать. Не полагаюсь на присудствіе своего духа, можетъ быть не вынесу всѣхъ этихъ жестокихъ испытаній судьбы и — что-нибудь сдѣлаю съ собою. Стоитъ только раздумать и — *l'affaire est faite*. Но я боюсь и думать объ этомъ для того, что естьли я начну думать, то забудусь — и въ жару мыслей — отрекусь міра въ полномъ смыслѣ сего значенія.

5 Ноября. Вотъ уже другой день, какъ я хожу въ капотѣ и только въ своей горницѣ, за неимѣніемъ....... — Мнѣ все таки рокъ противится и все скучно. На сихъ дняхъ мнѣ что-то сдавалось, что мнѣ не долго остается жить, и мысль сія далеко отъ того, чтобъ меня опечалить, заставила надѣяться на лучшую жизнь. Я совсѣмъ не предвижу, чтобы я могъ жить щастливо и весело. — Ничто меня не прельщаетъ: — въ этомъ-то и бѣда состоитъ. Годы моей молодости я надѣюсь провести какъ нибудь въ забвеніи и слѣдственно буду нѣсколько щастливъ или, лучше сказать, спокоенъ и доволенъ. Но долго ли продолжится молодость? Естьли и теперь, когда я живу почти *по монашески*, удовольствія и забавы свѣтскія меня не очень

---

1) Окончаніе этого слова сверху переправлено въ «люблю». 2) Сбоку около этихъ строкъ прибавлено: «также *милая* отъ скуки».

много плѣняютъ, — что̀ будетъ тогда, когда я испытаю и узнаю ихъ? Тогда я почувствую къ нимъ нѣкотораго рода омерзеніе. — Конечно, есть такіе минуты, въ которыя я забываюсь и надѣюсь (самъ не знаю на что). Но сколь рѣдки сіи сладкія минуты, сколь они рѣдки![1]) . . . .
Но это, кажется, *unmöglich*.

Что дѣлать отъ скуки? — Философствовать? — наскучило. — Надѣяться? — не на что. — Стрѣляться? — слишкомъ много, но самое вѣрное лѣкарство отъ скуки. *Желать же нѣчего, да и нельзя.* (*Скучно.*)

Никогда я не забуду 4 и 5, когда вздумали, что я боленъ, и приходили освѣдомляться о моемъ здоровьѣ! — Какъ смѣшно и вмѣстѣ досадно! — Я былъ совершенно здоровъ тѣломъ, но за манкированіемъ. . . . . Конечно, по справедливости, я боленъ, но не тѣломъ, но душою! Скука есть та же болѣзнь, только гораздо опаснѣйшая тѣлесной; а досада снѣдаетъ мое сердце. *О экономія!*

5 Ноября. Однажды при Фонтенелѣ спорили объ острыхъ словахъ. Нѣкоторые приписывали ихъ уму, а другіе щастью. «*Пусть будетъ такъ*, сказалъ Фонтенель: *но это щастье приходитъ только къ умнымъ людямъ*». (Изъ Карамз. Вѣстн. Янв. 802).

Такъ то и во всякомъ случаѣ всегда говорятъ, что *щастье ему споспѣшествовало*. Но щастье не будетъ ласкать *нашу братью умныхъ людей* (!) — Со скуки умеръ бы съ радостію нѣкоторою.

Меланхолія.

Подражаніе Делилю.

Страсть нѣжныхъ, кроткихъ душъ, судьбою угнетенныхъ,
Нещастныхъ щастіе и сладость огорченныхъ!
О Меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ
Искуственныхъ забавъ и вѣтреныхъ утѣхъ.
Сравнится ль что нибудь съ твоею красотою,
Съ твоей улыбкою и съ тихою слезою?
Ты первый скорби врачь, ты первый сердца другъ:
Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;
Но утѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.
Когда, освободясь отъ ига тяжкихъ мукъ,
Нещастный отдохнетъ въ душѣ своей унылой,
Съ любовію ему ты руку подаешь,
И лучше радости, для горестныхъ не милой,

---

1) Здѣсь зачеркнуто пять строкъ, изъ которыхъ можно разобрать только слѣдующія слова: «мнѣ это нравится... Часто я... Естьли бы мнѣ... и»...

Ласкаешься къ нему и въ грудь отраду льешь
Съ печальной кротостью и съ видомъ умиленья.
О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья;
Отчаянье прошло.... Но слезы осушивъ,
Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не смѣешь
И Матери своей, Печали, видъ имѣешь.
Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.
Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ и морей.
Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ *уединеніи* ты *болѣе съ собой*,
Природа мрачная твой нѣжный взоръ плѣняетъ:
Она какъ будто бы печалится съ тобой.
Когда свѣтило дня на небѣ угасаетъ,
Въ задумчивости ты взираешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лѣта пышнаго роскошной блескъ и зрѣлость
Для грусти твоея пріятнѣе всего,
Но осень блѣдная, когда, изнемогая
И томною рукой вѣнокъ свой обрывая,
Она кончины ждетъ. Пусть веселится свѣтъ
И щастье грубое въ разсѣяніи новомъ
Старается найти: тебѣ въ немъ нужды нѣтъ;
Ты щастлива мечтой, одною мыслью.... словомъ!
Тамъ музыка гремитъ, въ огняхъ пылаетъ домъ;
Блистаютъ красотой, алмазами, умомъ:
Тамъ пиршество... Но ты не видишь, не внимаешь
И голову свою на руку опускаешь;
Веселіе твое — задумавшись молчать
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

(Изъ 1-го номера Вѣстника Европы
1802 — Н. М. Карамзина).

9 Ноября. Стихи эти мнѣ понравились. Только можно бы про меланхолію сказать гораздо болѣе и при всемъ томъ не надобно называть ее утѣшеніемъ.

Aveugle que nous sommes, nous passons notre vie tous à courir après nos chimères. Eh! ne saurons-nous jamais que de toutes les folies des hommes, il n'y a que celles du juste qui le rendent heureux? — Изъ Ж. Ж. Руссо.
13 Ноября. 806.

Son état étoit trop violent pour pouvoir durer.

Ibid.

La famille, la patrie deviennent pour lui (философъ) des mots vides de sens: il n'est ni parent, ni citoyen, ni homme; il est philosophe. Ж. Ж. Руссо. 16 Ноября 806.

18 Ноября. Нынче былъ я въ пансіонскомъ театрѣ. Пансіонеры играли довольно дурно, кромѣ Бориса, Есипова и Д. Языкова.

Не почитаю нужнымъ повторять, что мнѣ скучно: это обыкновенно. Проклятая диссертація меня занимаетъ.

По окончаніи театра Г. Лизогубъ такъ сладостно заигралъ на своей флейтѣ, что волосы мои стали дыбомъ.—Вотъ что дѣлаетъ искусство!

Какъ славно музыкантъ нашъ въ флейту свою дуетъ!
Онъ самъ себѣ аплодируетъ!

Вотъ дѣйствіе его несноснаго свиста! Онъ не ожидалъ, чтобы его флейта такъ сильно подѣйствовала на мое перо. — Въ этихъ строкахъ нѣтъ ни искусства, ни гладкости и словомъ ничего хорошаго; но въ нихъ видны искусство музыканта и та сила, которую онъ имѣетъ въ подѣйствованіи на ухо.—Минево занималъ мысли во время всего театра, но о!— [1]) все скучно, скучно, скучно,—но скучнѣе ли человѣку, когда къ такой скукѣ прибавляется неудача?—Не знаю,—но думаю, что *да* [2]).

18—Надобно чѣмъ нибудь заниматься; я не поэтъ и тѣмъ не претендую, но умѣю читать и писать (въ Литтеральномъ смыслѣ этого слова). И такъ написалъ это.—Не стихи и не проза, но что-то особенное, что-то отмѣнно глупое! Это заняло меня нѣсколько минутъ. Я награжденъ.—Я позволяю себѣ заниматься такимъ вздоромъ:

Когда настанетъ часъ веселый,
Пройдутъ печальны дни,
То голосъ мой почти угасшій
Взнесетъ хвалы судьбѣ.

*

Когда же послѣ не престанетъ
Меня тиранить рокъ—
Тогда и жизнь совсѣмъ увянетъ,
И умереть придетъ мнѣ срокъ.

*

1) Далѣе можно разобрать зачеркнутое слово «неудачно». 2) Слова: «но думаю, что да» прибавлены позднѣе.

Но что я, что я забываюсь—
Сей срокъ пришелъ давно,
Какой надеждой услаждаюсь,
Ее мнѣ въ свѣтѣ не дано!

*

Подъ бремемъ горести стеная,
Лишился я всего;
Друзей, Природу забывая,
Съ терпѣньемъ жду конца свово!..

Отмѣнно глупо!—

На голосъ:

◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡ — — —
◡ — ◡ — — ◡ — — ◡ — — —
◡ — ◡ — ◡ —
◡ — ◡ — — ◡ — — ◡ — — —
◡ — ◡ — ◡ — ◡ —

Октябрь.

Сенека думалъ: *Si l'on me donnois la science, a condition de ne la pas montrer, je n'en voudrois point.* Sublime Philosophie, voilà donc ton usage!— (Говоритъ любовникъ Юліи въ *Nouvelle Héloïse*, которой противнаго мнѣнія и бережетъ все для пользы своей и Юліи.)

L'amour veritable est un *feu dévorant* qui porte son ardeur dans les autres sentiments et les anime d'une vigeur (бодрость) nouvelle.

Человѣкъ въ уединеніи.

2 Декабря. 806.

Какъ сномъ пріятнымъ усыпленный
Во щастьи дремлетъ человѣкъ;
Уединеніемъ плѣненный [1]),
Собой занявшись—бросилъ свѣтъ:—

*

---

1) Въ рукописи: «пленѣнный»

Оставилъ свѣтъ — и удалился
Отъ множества мірскихъ суетъ;
Съ порокомъ, завистью простился,
Въ уединеніи ихъ нѣтъ! —

*

Какъ будто странникъ утомленный
На берегу морскомъ стоитъ
И, волнъ свирѣпствомъ удивленный,
На бурной Океанъ глядитъ.

*

Онъ плавателей зритъ нещастныхъ
По океану жизни сей
И, видя ихъ бѣды ужасны,
Доволенъ пристанью своей! —

*

Всю жизнь проводитъ онъ въ покоѣ,
Не зная скуки никогда,
Живетъ въ пріятнѣйшей свободѣ,
И щастливъ, щастливъ [1]) завсегда.

*

По утру вмѣстѣ съ солнцемъ вставши,
Идетъ *на бархатной* лужокъ;
Прохладнымъ вѣтромъ напитавшись,
Пойдетъ въ зелениньской лѣсокъ. —

*

Лѣсочикъ милой [2]), насажденный
Трудолюбивою рукой,
Уединенью посвященный! —
Онъ щастливъ тамъ одинъ съ собой!..

*

Когда жъ имѣетъ онъ супругу [3]) —
Тѣмъ щастье можетъ увѣнчать:
Когда живутъ лишь другъ для друга —
Чего осталось имъ желать? —

*

---

1) Надъ словомъ щастливъ написано «истинно». 2) Надъ словами «лѣсочикъ милой» написано: «лѣсокъ прелестной». 3) Надъ словомъ «супругу» написано «подругу».

Чего желать въ семъ бренномъ мірѣ,
Когда довольны мы судьбой?
И самый царь въ своей порфирѣ
Сравниться ль можетъ съ сей четой?

50. 300. — 806 — XII — 2.

Couvre moi de baisers.... je reverai le reste! —

Изъ письма Элоизы къ Абельарду. Переводъ изъ Попе-*par-Колардо*.

6 Декабря, день моихъ имянинъ.

Я провелъ сей день почти по обыкновенному, но я въ младенчествѣ привыкъ еще уважать день сей и сохранилъ эту привычку.

Во время сильной грозы, когда дубъ стоитъ прямо и не взираетъ на разъяренную Природу—буря вырываетъ его изъ корня. Молодая же ива, которая гнется и достигаетъ земли—остается невредимою; солнце согрѣетъ ее—и она выпрямится. Такъ-то и съ человѣкомъ, противящимся Природѣ. (Мысль И. И. Лемана, о умной человѣкъ, философъ!).

6 числа читалъ я все написанное въ Жолтой Книгѣ, видѣлъ, чѣмъ занимался, но теперь все прошло, мѣсто всѣхъ прелестныхъ предметовъ заняло горе.—Но не знаю, можно ли первое состояніе предпочесть второму: когда человѣкъ въ щастіи угрожается нещастіемъ, когда въ горѣ услаждается надеждой? [1])

Горе овладѣло сердцемъ, нѣтъ ни одного непріятеля его, т. е. ни одного удовольствія, которое бы его побѣдило и заняло, отнявши у него постъ его, мое сердце.—Нѣтъ, утѣшенія никакого не вижу. Лучь надежды сладостной и божественной не согрѣваетъ моего сердца.—L'ennuie a agrandi les domaines.

7 Декабря.

9 Декабря. Вчера читалъ я новой манифестъ о составленіи земскихъ войскъ или Милиціи. Теперь бы всякому, кто свободенъ и ни отъ кого не зависитъ, или всякому, кто можетъ, надобно итти на войну и участвовать въ побѣжденіи нарушителя общаго спокойствія. — Мнѣ кажется все, что Бонапарте придетъ въ Россію; я воображаю сан-кюлотовъ, скачущихъ и бѣгающихъ по длиннымъ улицамъ Московскимъ; а что мнѣ кажется и что я воображаю, того никогда не случается. Слѣд. и этого не будетъ [2]).

Я вспомнилъ одну картинку, хижину, кажется въ степи, заваленную [3]) снѣгомъ, и которая топится. И тутъ молодой человѣкъ катится на конькахъ.

1) Въ рукописи здѣсь прибавлено позже: «Можно. — 14 іюля 1807». 2) Здѣсь позже прибавлено: «Это пророчество сбылось, ибо теперь съ ними миръ. 14. 807». 3) Сверху написано: «занесенную».

16 Декабря—воскресенье.— Сегодня былъ я у обѣдни въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Пѣвчіе семинаристы очень мнѣ понравились, а особливо два *альта*. Проповѣдь была на текстъ: *много званнихъ, мало же избранних*. Онъ сравнивалъ избраннихъ, называлъ ихъ необыкновенными людьми, что они не живутъ *по образу вѣка сего*. Говорилъ тоже о ничтожности жизни сей: довольно хорошо.

23 Декабря. 1806. Вчера былъ въ пансіонѣ актъ.—Вчера дали мнѣ тамъ золотую медаль, вчера говорилъ я очень дурно благодарственную рѣчь. Были тамъ Оберъ-Камеръ-Геръ Кн. Голицынъ и Кн. Θедоръ Николаевичь Голицынъ: только двое изъ почетныхъ.—Какъ бы то ни было, а я не слишкомъ равнодушно принялъ медаль: мнѣ сдѣлало это пріятность.—Боже мой! какая бездѣлица меня занимаетъ,—я не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы это была малость въ сравненіи съ другими вещами, напр. крестъ, лента и пр. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: *всякому свое!* Но я говорю вообще; все равно, что для Министра *Андреевская лента*, что для Пансіонера *Золотая медаль*. Все вздоръ, все тлѣнно.—Послѣ акта былъ ужинъ: господа Архивскіе, Каменскій, Сушковъ ....[1]) Ковалинскій отличались въ дурачествѣ. Буринскій славно сказывалъ стихи, но не худо и шалилъ за ужиномъ. Петръ Аржевитиновъ, по обыкновенію, вралъ; Соковнинъ радовался, что мнѣ дали медаль. Я благодарилъ его: доброй мальчикъ, очень доброй. Геевскій, переписавшій почти для всего Леманова класса стихи, почти плакалъ: онъ получилъ одну книгу. Волковъ-Ланевскій тоже. Шишковъ, Альбединскій 1-й и Есиповъ 1-й получили медаль. Несправедливость въ разсужденіи Пансіонеровъ очень большая.— *Finis акта!*

На экзаменѣ, потому что я позабылъ о немъ, на Латинскомъ, вѣщаю, экзаменѣ заставили меня *ces bêtes de professeurs* переводить; а я знаю по Латински только: *Deus*, *habeo*, *ego*, *domus*, *meus*[2]), *mensa*, *mortuus*, *est*, *Dominus*, *amo*—вотъ всѣ мои глубокія свѣденія. Довольно этого, чтобы судить о моемъ переводѣ.

Послѣ надобно мнѣ написать о *довольности* или щастіи жизни человѣческой, что о ней надобно судить по *сравненію* состояній жизни. Нѣкогда.

Медаль хочется вставить въ *табакдозе* и нюхать изъ нея Россійской табакъ въ кофейной и въ Америкѣ или гдѣ-нибудь.

Человѣкъ—всегдашній рабъ обстоятельствъ! — *807. Генв[аря] 7 дня.*

---

1) Одно слово (сокращенное) не разобрано.
2) Въ рукописи: meyus.

14 Генваря 807, 11 часовъ ночи. —

Все безмолствуетъ, но душа моя въ волненіи; я бесѣдую самъ съ собою. Никогда не былъ я такъ разтроганъ, какъ теперь. Я сказалъ передъ засыпаніемъ: *дай, Господи, въ нощь сію сохранитися мнѣ безъ грѣха*, и что-то почувствовалъ необыкновенное; началъ читать: *Тебѣ Бога хвалимъ* и прочелъ все со слезами; просилъ Бога о помилованіи моего отечества.—Мысли атеистическіе отравляли мое моленіе, бесѣдованіе съ Творцемъ Природы. Я рыдалъ, просилъ Всемогущаго, чтобъ научилъ меня вѣрить. Я говорилъ въ величайшемъ волненіи духа: Тебѣ ли, о слабой смертный, испытывать неисповѣдимое? Ты ли, ты ли, ты ли, о слабый смертный!—Боже, Боже! Ты ли дерзаешь сомнѣваться въ Существѣ Существа Непостижимаго? Ты ли, ты ли, ты ли, о слабой смертный! Боже, Боже! Сердце чисто во мнѣ созижди и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отвержи мене отъ лица Твоего и духа Твоего Святаго (естьли Онъ есть) не отыми отъ мене. Господи, иже пресвятаго твоего духа въ третій часъ и проч. — О, чрезвычайное волненіе души моей! Никогда, никогда этого со мною не случалось [1]).

Прости, о Боже мой, минутному стремленью
Нещастнаго меня и дерзкаго слѣпца!
Молитва привела меня въ то восхищенье.
Я славилъ щедраго и добраго Отца;
Я прославлялъ Тебя, всещедраго Отца!
Услыши, Господи, моленье со слезами,
Моленье слабаго [2]) съ душевной простотой.
Ты, управляющій людей своихъ сердцами,
Наполни и мое небесной чистотой.
Содѣлай, чтобы я, погрясшій въ тьмѣ порока,
Возникъ изъ глубины житейской суеты
И Провидѣнія бъ не чтилъ я волей Рока!
Есть въ свѣтѣ Богъ! Есть Богъ—и всѣ щастливы мы.
Содѣлай, чтобъ я чтилъ святое Провидѣнье,
Чтобъ по его всегда законамъ поступалъ,
Чтобы несчастія я чтилъ святымъ хотѣньемъ
И смертнаго бъ часа съ терпѣньемъ ожидалъ!

---

1) Ниже поздняя приписка: «Случалось, да не помню». 2) Надъ этимъ словомъ написано: «смертнаго».

Вотъ все, чего хочу въ сей слезной я юдолѣ [1]), —
Чего здѣсь смертному осталося желать? —
Всегда должны мы быть покорны Его волѣ,
Всегда должны любить, терпѣть, сносить, прощать!
Творенье жалкое (*нещастна тварь*) [2]),
Ты усумнишься ли въ небытіи Творца?
Нѣтъ! Нѣтъ! великъ, великъ Творецъ Вселенной!
Великъ! — и громъ его нещастнаго сразитъ! [3])
Должны по узкой мы тропѣ итти съ терпѣньемъ,
Не надо намъ съ нее сбиваться никогда,
Должны препятствія сносить съ благодареньемъ
И прославлять Отца небеснаго всегда.

Послѣдняя строфа не соотвѣтствуетъ первымъ, потому что писана 20 Января и съ большею натяжкой. — Но тѣ, ей-ей — отъ чистаго сердца; оно диктовало мнѣ, а благодарность и чувствительность водили перомъ моимъ [4]).

15 Января 807.

Стоикъ. — Была секта въ Греціи, въ Аѳинахъ, которая получила свое имя отъ *стоа*, имяни одного портика. Философы-Стоики тутъ собирались; а послѣ она разпространилась въ другихъ провинціяхъ Греціи и даже Италіи. — Стоики имѣли высокое мнѣніе о Богѣ, почти такъ, какъ христіане, и знали одного Бога и щитали правителемъ и Творцемъ міра; о душѣ думали, что она произходитъ отъ Божества, что души добрыхъ возвратятся къ Богу и соединятся съ Божествомъ, слѣд. вѣрили ея безсмертію; а души злыхъ, послѣ многихъ мукъ, содѣлаются наконецъ способными наслаждаться нѣкоторымъ благомъ. О мірѣ думали, что онъ будетъ имѣть конецъ чрезъ всемірной пожаръ. — Они старались оправдать Бога въ разсужденіи физическаго и моральнаго зла (а черезъ это зло Волтеръ хотѣлъ доказать, что Богъ не печется о благѣ частномъ, но только управляетъ вообще и печется о благѣ общемъ). — Они особливо строго наблюдали нравственность, утверждая, что надобно согласоваться съ разумомъ и съ законами природы, т. е. съ Волею Божіею: не спрашивать, *полезно ли*, но — *справедливо ли*. Что надобно быть равнодушнымъ въ разсужденіи *чувственныхъ впечатлѣній*, но стараться *о спокойствіи души*.

---

1) Ниже, въ видѣ поправки, написанъ другой стихъ: «Вотъ все, чего хочу въ плачевной сей юдолѣ». 2) Далѣе зачеркнуты слѣд. слова: «А ты, философе дерзновенной, осмѣлишься ль свою Творца ты поносить?» 3) Далѣе зачеркнутъ еще стихъ: «Погибнетъ дерзкій, какъ былинка». 4) Такимъ образомъ очевидно, что это позднѣйшая приписка.

Скептикъ. Значеніе слова показываетъ, что они о всемъ сомнѣваются. Они думали, что всѣ наши свѣденія получаемъ черезъ пять чувствъ, а чувства насъ обманываютъ; слѣд. мы о всѣхъ мірскихъ предметахъ ничего вѣрнаго не знаемъ. Также и о Богѣ и о существованіи нашей души ничего не можемъ знать вѣрнаго. (И. И. Леманъ — скептикъ въ семъ послѣднемъ случаѣ). Но они сообразуются во всемъ съ наружностію (apparance) (der Schein) и съ обычаями общества.—Напр. онъ видитъ яму, и не пойдетъ [въ] ее; онъ не увѣренъ въ точности о бытіи ямы, но вѣритъ наружности и глазамъ. Что есть Богъ, онъ доказать не можетъ, но поступаетъ такъ, какъ будто бы онъ былъ увѣренъ въ Его существованіи. —

Филантропъ—слово значитъ *другъ людей*. Во Франціи въ наши времяна было общество филантроповъ, которые опровергали законъ христіанскій и полагали закономъ одну *любовь къ ближнему.* [1])

Мизантропъ—ненавидящій людей. Въ Аѳинахъ былъ *Тимонъ*; по его отличности называли Мизантропомъ, ибо онъ никому не хотѣлъ нравиться, дѣлалъ противное, но не обижалъ. Напр. однажды на площади онъ сталъ на каѳедру и сказалъ народу, что у него есть старое фиговое дерево, на которомъ съ дюжину Аѳинянъ перевѣшались; то онъ объявляетъ согражданамъ, что на другой день поздно уже будетъ вѣшаться, потому что онъ хочетъ его срубить. —

Мизогинъ—не любящій женщинъ, но не педерасъ. — Это все сказалъ мнѣ И. И. Леманъ.

7 час. утра. 16 Января 807. Въ прошедшую ночь приснилось мнѣ, что братъ Александръ Ивановичь пишетъ къ намъ изъ Петербурга, что *эта побѣда была одушевлена и оживлена присудствіемъ Государя.*—Онъ этого на яву еще не писалъ.

Жолтая Книга названа *Моя скука.* Это правда: когда мнѣ весело, то я вѣрно въ нее не заглядываю.

Я уже давно пересталъ писать о своей скукѣ, но я все еще не начиналъ излѣчиваться отъ сей тягостной болѣзни душевной.

20 Января. На сихъ дняхъ *Г. Милоновъ* давалъ намъ *пирушку* (техническій терминъ [3]) членовъ собранія) по случаю принятія его въ сочлены нашего истинно полезнаго собранія. Тутъ я повеселился. Потомъ сказали, что Соковнинъ, Антонскій, Милоновъ и азъ грѣшный пьяны (слово жестокое).

---

1) Далѣе слѣдуетъ позднѣйшая приписка: «Въ П.бургѣ есть Медико-Филантропическое общество, и председатель кажется Н. Н. Новосильцовъ. О суета! 14 іюля 1807». 3) Въ рукописи: «терменъ».

Я не смотрѣлъ на это. На другой день въ субботу пріѣжжаю въ пансіонъ, меня требуютъ къ А. М. Смирнову, за тѣмъ—чтобъ шелъ къ Антону съ цифирою 3 (помноженному на три). Мнѣ показалось низкимъ итти къ симъ господамъ, и я почелъ за нужное уѣхать домой. Теперь воскресенье, и завтра не намѣренъ ѣхать въ пансіонъ; послѣ завтра присягать въ чинѣ переводчика, а тамъ можетъ быть въ пятницу ѣхать въ Петербургъ. И *ergo* намѣреніе побранить меня А. А. А. пресѣчется.—Лѣтъ за тридцать передъ симъ горѣли въ Москвѣ Дмитровка и Тверская. Вотъ что странно: у обѣдни на Тверской приходитъ человѣкъ въ коришневомъ кафтанѣ, съ сѣдой бородой, подаетъ попу *памятцю*; попъ, желая послѣ молиться объ усопшихъ, находитъ тамъ извѣщеніе, что эти улицы будутъ горѣть, и Тверская совсѣмъ выгоритъ,— что точно и исполнилось. Попъ прочелъ это всему народу, искали человѣка вездѣ, но тщетно. Это сказывала *Аграфена Минавна*. Въ ее время это случилось.

Сегодня же былъ у насъ Платонъ, умной человѣкъ! —

Сегодня же былъ я у тетушки И. С. Нефедьевой. О Боже! до какой степени бываютъ смертные сребролюбивы! Сохрани меня, Боже, отъ сего *пагубнаго* порока, естьли еще я его не имѣю, по крайней мѣрѣ въ такой степени.

20 Генваря. Недѣли съ двѣ тому назадъ я сидѣлъ задумавшись за моей Жолтой Книгой; вдругъ вздумалъ, написалъ — о великій Геній мой, какъ ты скоръ, быстръ и — производишь всегда чрезвычайно, отмѣнно прекр.... нѣтъ: чрезвычайно, отмѣнно — что? — глупое! Геній великаго человѣка!

Ванька! ты ли не доволенъ
Щастьемъ жизни своея?
Полно, полно[1]), будь спокоенъ!
Есть нещастнѣе тебя.
Какъ тебѣ за то сердиться,
Что удачи нѣтъ въ любви?
Надо съ рокомъ примириться,
Будь спокоенъ и терпи! —
Коль одна тебѣ сказала,
Что не можетъ жить съ тобой,
Въ поцѣлуѣ отказала —
Можно сердце дать другой.

---

1) Надъ этимъ словомъ написано: «бредишь».

Можно въ Катиньку влюбиться,
Коли Маша не мила,
Потомъ Лизанькой плѣниться —
Въ мірѣ семъ *все* суета!
Какъ не глупо сокрушаться
Отъ измѣны дорогой?
Глупо, глупо такъ прельщаться
И — жить въ свѣтѣ для одной!

Николай Тургеневъ.

Хотя бы и не подписалъ своего имяни, то всякой узнаетъ, что я сочинилъ. Кто другой въ состояніи написать такую чепуху? — О (ноль).

Тьма изчезаетъ, лучи солнечные начинаютъ освѣщать покоящіяся лѣса, долины и горы и вмѣстѣ проникая [1]) въ смиренные хижины оратeлей, — пробуждаютъ ихъ отъ сна, пріятнаго и сладостнаго. Я пойду нѣкогда встрѣтить сіе благотворное свѣтило на высокую гору и, сѣдши на обломокъ дикаго бѣлаго камня, спокойно буду ожидать великолѣпнаго возхода и съ восхищеніемъ наслаждаться солнечными лучами, которые и меня коснутся — солнце свѣтитъ на благихъ и *злыхъ*.

14 Юля 1807 года прочелъ все написанное мною въ сей *Жолтой Книгѣ*, и мнѣ нѣкоторое очень понравилось, кромѣ стиховъ. Мнѣ показалось, что *Жолтая Книга* должна быть предпочтена *моему Бреду*, ибо здѣсь по большой части *свое*, а тамъ выписное. — Я прилежнѣе въ нее писалъ, нежели въ *Бредъ*. Зима, однообразіе и скука можетъ быть тому причиною. Лѣтомъ я имѣю болѣе развлеченія.

Еще понравились нѣсколько гладенькихъ стишковъ исъ (sic) послѣднихъ стиховъ [2]). —

---

1) Къ этому слову ниже выноска: «проникая чрезъ вѣтви шалаша». 2) Этимъ оканчивается Желтая Книга; остальные листы (18—62) совершенно чисты, кромѣ 60, на оборотѣ котораго находится слѣдующая надпись: «Куплена въ Москвѣ, въ Долгомъ ряду, на Углѣ. 1813. Февр. 8. Главныя мысли, къ удивленію, тѣже, не смотря на 4-хлѣтнее пребываніе въ ч. кр.». Но къ этой книгѣ приложено продолженіе дневника на отдѣльныхъ листахъ, которыхъ нашлось 11 штукъ. Изъ нихъ два полныхъ листа, представляющіе собою восемь страницъ, оказываются продолженіемъ дневника въ пути изъ Москвы въ Петербургъ; остальные листки, небольшихъ размѣровъ, представляютъ замѣтки, набросанныя въ февралѣ — декабрѣ 1806 года, и среди нихъ нашлось одно письмо и одно стихотвореніе. Мы помѣщаемъ ихъ ниже подъ №№ 1—8, въ хронологическомъ порядкѣ.

1.

Къ Надеждѣ.

О человѣкъ! почто гоняться
За призракомъ и за мечтой?
Чѣмъ въ мірѣ хочешь наслаждаться? —
Онъ весь наполненъ суетой! —

*

Какой предметъ людскихъ желаній,
Какая цѣль у нихъ въ глазахъ;
Чѣмъ кончится ихъ жизнь страданій,
Которую влачатъ въ слезахъ?

*

Что, естьлибъ не было въ предметѣ
У смертныхъ, не было бъ мечты —
Жить послѣ смерти въ лучшемъ свѣтѣ,
Среди спокойства, тишины,

*

Гдѣ не услышитъ онъ стенаній,
Не узритъ смертнаго въ слезахъ, —
Тамъ будетъ чуждъ онъ всѣхъ страданій
И будетъ жить — какъ лишь въ небесахъ.

*

Тогдабъ, оставленный судьбою,
Не зналъ, за чѣмъ онъ здѣсь живетъ.
Преслѣдуемый мукой злою
Всебъ ждалъ, когда конецъ придетъ.

*

О ты, насъ [1]) смертныхъ утѣшенье,
Надежда, кротка дщерь небесъ!
Для насъ ты лучше вождѣленье,
Причина радостнѣйшихъ слезъ!

*

1) Надъ этимъ словомъ написано: всѣхъ.

Тобой, даръ неба драгоцѣнной,
Тобою дышатъ люди всѣ, —
Гонимый рокомъ повседневно
Воспоминаетъ о тебѣ —

*

Надѣется и отираетъ
Текущій горькихъ слезъ потокъ,
Надѣется — и забываетъ
Свой горькій, жалостнѣйшій рокъ! —

*

Тобой, Надежда, воскресаютъ
Умершіе[1]) въ пучинѣ Золъ,
Ты сихъ нещастныхъ оживляешь
Своимъ всерадостнымъ лучемъ.

*

Съ тобой пловецъ переплываетъ
Всѣ въ мірѣ бурныя моря,
Съ тобою старецъ достигаетъ
Свово покоя — шалаша. —

*

(Съ тобою странникъ достигаетъ)
Съ тобой идетъ на поле брани
Съ неустрашимостью герой,
Надѣясь простираетъ длани
Къ Всесильному. — Умретъ съ тобой! —

*

Тобой, Надежда, намъ любезна,
Тобой мы движимся, живемъ,
Съ тобой влачимъ сію жизнь слезну;
Въ надеждѣ жить — мы и умремъ!!![2]) —

*   *

1806 Года, 5 Февраля. Москва.   *50. — 300. —*

---

1) Надъ этимъ словомъ надписано: «поникшіе». 2) Далѣе очевидно позже прибавленъ стихъ: «Прѣйдемъ мгновенно—мы умремъ», а ниже даты, среди помарокъ можно разобрать еще слѣдующіе стихи: «Съ тобой и жизнь, для насъ столь слезна, Пройдетъ мгновенно, и мы покой найдемъ. Съ тобой идетъ сражаться воинъ На полѣ Марсово — съ тобой Умретъ, умретъ, Наградъ великихъ бывъ достоинъ».

* * *

Когда пройдешь ты, скучно время,
Когда придетъ конецъ бѣдамъ,
(Когда жить буду неразлучно)
Съ друзьями вѣрными всегда? —
(Когда лишусь того я бремя...)
Ты видно, милой другъ, не знаешь,
Какъ тяжко жить мнѣ безъ тебя;
Но то ты вѣрно отгадаешь,
Узнавъ, какъ мучу я себя.
Минутъ веселыхъ я не знаю
И думаю лишь о тебѣ,
Лишь слезы горьки проливаю,
И жизнь моя ужъ въ тягость мнѣ!
Когда съ тобой я разлучался,
Я плакалъ и стеналъ тогда,
На вѣки съ другомъ я прощался
Въ глуши и сталъ нещастливъ навсегда.
Живи, мой другъ, живи щастливо
Средь шума и людскихъ[1]) забавъ;
Судьба союзъ нашъ премѣнила[2]).
Въ веселіи ты, а я въ слезахъ.
Страдать на вѣки осужденный,
Живу въ невѣденьи, въ бѣдахъ;
Вѣрнѣйшимъ изъ друзей презрѣнный —
Что дѣлать мнѣ? Конца желать!
Вздохни въ столицѣ объ нещастномъ[3]),
Слезой своей его почти!
Сію слезу и вздохъ сей страстной
Съ нимъ бывшей дружбѣ посвяти!

2.

Письмо къ другу.

Любезный другъ!

Когда пройдешь ты, время скучно,
Когда придетъ конецъ бѣдамъ,

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ приписано: «мірскихъ». 2) Далѣе зачеркнутъ стихъ: «Я кончу жизнь свою въ слезахъ». 3) Далѣе заключены въ скобки и подчеркнуты два стиха: «*Одинъ хоть о другѣ вспом... И удостой его слезой*».

Когда жить буду неразлучно
Съ друзьями вѣрными всегда?

*

Ты вѣрно, милой другъ, не знаешь,
Какъ тяжко жить мнѣ безъ тебя,
Но ты то вѣрно отгадаешь,
Узнавъ, какъ мучу я себя.

*

Минутъ веселыхъ я не знаю
И думаю лишь о тебѣ;
Лишь слезы горьки проливаю,
И жизнь моя ужъ въ тягость мнѣ!

*

Когда съ тобой я разлучался,
Я плакалъ и стеналъ тогда;
На вѣки съ другомъ я прощался
И сталъ нещастнымъ навсегда!

*

Живи, мой другъ, живи щастливо
Средь шума и людскихъ забавъ;
Судьба союзъ нашъ премѣнила:
Въ весельи ты, а я — *въ слезахъ*.

*

Страдать на вѣки осужденный,
Живу въ невѣденьи, въ бѣдахъ;
Вѣрнѣйшимъ изъ друзей презрѣнный,
Что дѣлать мнѣ? — Конца желать.

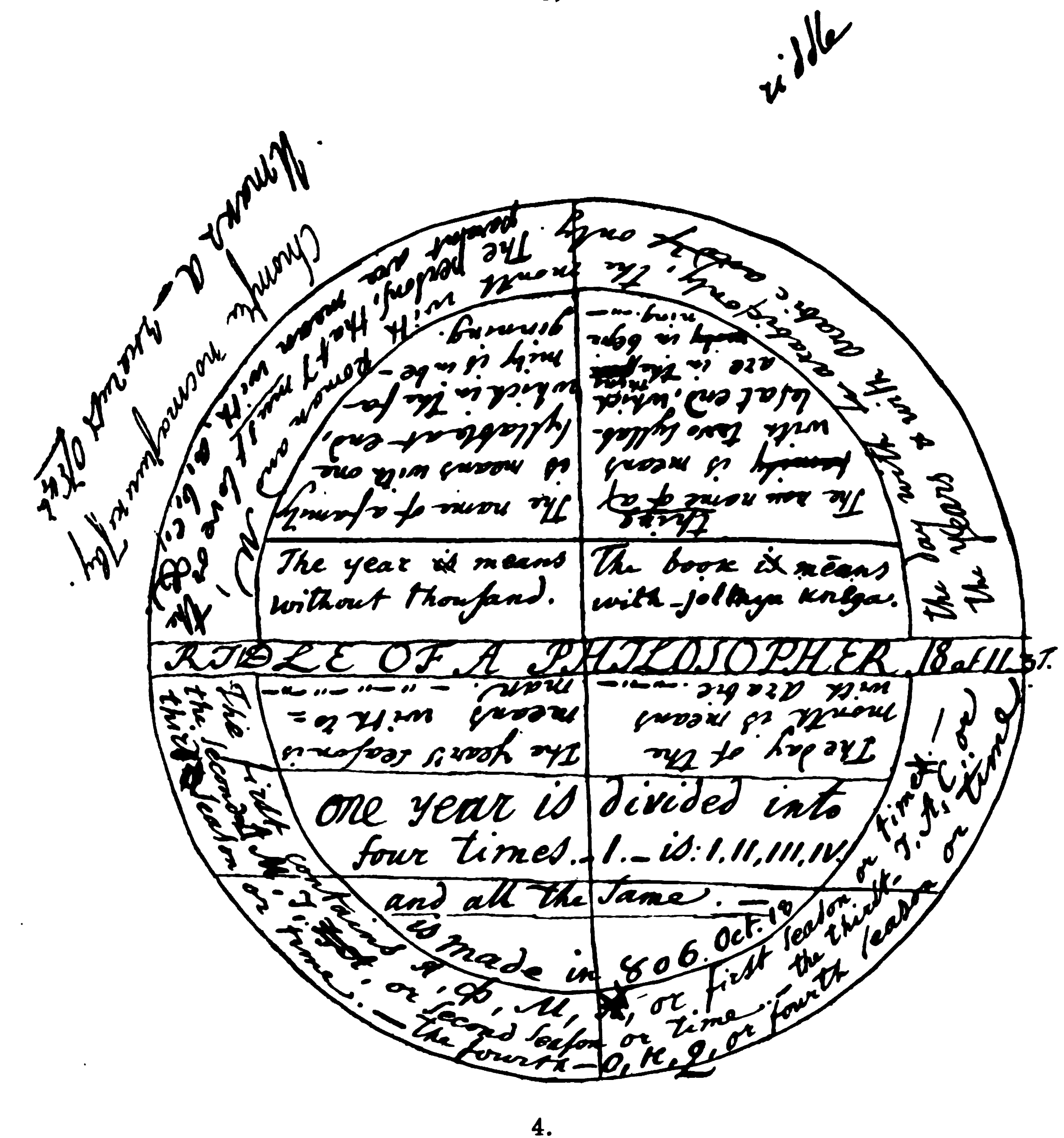
*

Вздохни въ столицѣ объ нещастномъ,
Слезой своей его почти!
Сію слезу и вздохъ сей страстной
Съ нимъ бывшей дружбѣ посвяти!

Марта 6 дня 1806 года.

50. — 300. —

3.



4.

20 — 1 M. — 4 T. 806. — » —

Вздумалось было мнѣ нынче изорвать *Мою Скуку*, но послѣ раздумалъ оставить ее въ покоѣ. Нынче былъ въ Архивѣ, переписывалъ переводы и

послѣ обѣда провелъ въ своей комнатѣ, переводилъ разговоръ въ Царствѣ Мертвыхъ Пена и Кортеза. Кортезъ — воинъ и вмѣстѣ тиранъ, Пенъ — населитель колоніи въ Сѣверной Америкѣ и вмѣстѣ человѣкъ честной. What a difference! Какъ бы хотѣлось мнѣ поѣздить по бѣлу свѣту, побывать въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и вмѣстѣ съ этимъ въ Европѣ, а болѣе всего въ Россійскомъ Государствѣ [1]).

5.

На путешествіе можно положить лѣтъ около пяти. Натурально, въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, естьли можно, пробыть очень не много. Но не много потеряю, естьли тамъ и не буду. Почти совсѣмъ ничего. Но въ Европѣ, и наиболѣе въ Россіи вотъ планъ мой, вотъ мое намѣреніе: узнать ихъ покороче. Послѣ путешествія проводить жизнь тихую, въ кругу пріятелей. — Совсѣмъ служить не надобно. Всего болѣе желаю сохранить свое здоровье; оно есть величайшее благо. Время и обстоятельства погасятъ можетъ быть и послѣднюю искру честолюбія. Но время и обстоятельства! не производите противнаго! — Цѣль моя — никогда не жениться, не возлагать на себя новыхъ обязанностей, не налагать на себя узъ рабства, не дѣлать себя нещастливымъ. Каковы бы утѣшенія родительскія ни были — они никогда не могутъ сравниться съ *тѣми заботами, съ тѣми попеченіями* [2]), которые должно имѣть о дѣтяхъ своихъ. Но такъ какъ я человѣкъ нещастный, можно ли мнѣ [3]) надѣяться на утѣшенія, можно ли мнѣ такъ много рисковать? — Что будетъ тогда, когда я опять буду нещастливъ? Врядъ ли и самоубійство почту я тогда смертельнымъ грѣхомъ.

21 — прочелъ я это и мнѣ нѣсколько понравилось [4]).

6.

21 Декабря, пятница — 6 часовъ утра. Вотъ уже третій день, какъ я единственно думаю объ одномъ предметѣ. Невозможно изобразить моего любопытства. Надѣюсь и опять отчаяваюсь. — Я самъ себѣ не вѣрю, чтобы

---

1) На другой сторонѣ этого (4) листка написаны слѣд. слова: «Que ce que l'est, Qu'est ce que le monde pour notre coeur sans amour? Une lanterne magique sans lumière.... 806. Николай Тургеневъ». 2) Это мѣсто въ рукописи исправлено (послѣ слова «сравниться») такъ: «съ драгоцѣнною свободою и не могутъ вознаградить тѣхъ заботъ, тѣхъ попеченій», которыя и т. д. 3) Въ рукописи послѣ этого слова зачеркнуто: «будетъ». 4) Ниже зачеркнуты слова неконченной фразы: «Боже мой, д.»., а на оборотѣ написана дата такимъ загадочнымъ способомъ: «20 — 1 М. 4 Т. 806».

меня могла занимать столь сильно такая бездѣлица. Не выходитъ изъ головы моей *актъ. Вчера на экзаменѣ Соковнинъ сказалъ, что медалей будетъ золотыхъ 2.*

23 числа Декабря прочелъ я это (послѣ акта).

Ванька, ты ли недоволенъ
Щастьемъ жизни своея?
Полно, полно будь спокоенъ:
Есть нещастнѣе тебя.

*

Какъ тебѣ за то сердиться,
Что удачи нѣтъ въ любви;
Надо съ рокомъ примириться,
Будь спокоенъ и терпи.

*

Коль одна тебѣ сказала,
Что не можетъ жить съ тобой,
Въ поцелуѣ отказала —
Можно сердце дать другой.

7.

Въ самомъ грустномъ разположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься Исторіею: тамъ все говоритъ о томъ, чтò было и чего уже нѣтъ!... Такъ пишетъ Карамзинъ, говоря очень съ выгодной стороны о Борисѣ Годуновѣ. Между прочимъ Борисъ, во время голода, кормилъ народъ, а чтобы они были на что нибудь полезны, то онъ заставлялъ ихъ строить различныя зданія, между коими *Иванъ Великій.* — Онъ говоритъ правду. Я, читая сіе, нѣсколько занялся. — *24 Дек. 1806.*

8.

26 Февраля 1807. С.П.бургъ. Списано изъ Красной Книжки. —
= 7113 съ сотворенія міра, или 1806 по Р. Х., такъ щитаетъ восточная церковь, а западная 6987.

= La première Olimpiade tombe sur l'année 776 avant P. X.

= Rome est fondé 752 avant P. X.

= 1-er periode d'Adam au Nimbrod — 1800 ans.

2. du premier Roi Nimbrod au Alexandre le grand 1800 лѣтъ.

3. Depuis Alexandre jusqu'au Colomb 1892.

4. Depuis Colomb jusque N. T. 314. —

= Троянскія войны 1000 лѣтъ до Р. X.

= Аѳиняне, Спартане, Лакедемонцы и нѣсколько Ѳивиня (sic) и потомъ похожіе на Грековъ Лакедемоняне — были Греки. — Сиріяне, Египтяне — отрасли Лакедемонянъ. — Потомъ Римляне все завоевали, и съ ними спорили одни Карѳагенцы, но были побѣждены, и Римляне остались одни. Августъ первой ихъ Императоръ, при немъ родился Христосъ. Послѣ 400 лѣтъ Ѳеодосій Великій раздѣлилъ Римъ на Восточное и Западное государства двумъ своимъ сынамъ. Восточное было Константинополь, Западное — Римъ. (Это было писано въ Москвѣ 1806 года).

(А слѣдующее — дорогою изъ Москвы въ П.бургъ 1807. Я читалъ дорогою Волтера).

Волтеръ. Объ атеизмѣ, т. е. *Исторія Женни*: Его отецъ *Фрейндъ* доказалъ другу его *Биртону*, *что есть Богъ*.

= Потомъ *l'Epitre aux Romains* — Волтерова же, гдѣ все говоритъ о Христѣ и Апостолахъ, коихъ опровергаетъ.

= *Le Cathechumène* — его же. Смѣется надъ Католицкими обрядами, а особливо надъ ихъ эвхаристіею.

= Потомъ еще одна піэса — все опровергаетъ Христа.

= Еще *La profession de foi des Theistes*. Прекрасная, философическая.

Смѣется надъ Католическими Мучениками, надъ Іудейскими жертвоприношеніями, какъ они жгли на камнѣ кишки и ноги животныхъ и *отрывали* шею у птицы и отламывали крыло, омочали палецъ въ крови и 7 разъ орошали ею все собраніе. — Потомъ описываетъ ссору Аарона и Корея, какъ Ааронъ отнималъ у ней сперва шерсть, потомъ ягненка отъ овцы, а потомъ и всю. —

= Потомъ говоритъ, что и понынѣ на берегахъ *Gange* (Гангеса) и *Indus* и *Coromandel* ставятъ за святость слѣдовать за богатыми вдовами, кои идутъ жжечь себя на[1]) кострахъ (bucher) ихъ мужей, въ надеждѣ соединенія въ той жизни съ ними; и наконецъ говоритъ, что вездѣ приносили въ жертву людей.

1) Въ рукописи тутъ зачеркнуто слово: «жертвенникахъ».

= Въ одной піэсѣ *Les oreiles de Chesterfield* — одинъ путешественникъ и философъ *Grou* говоритъ, что онъ въ одной землѣ видѣлъ жертвоприношеніе прекраснаго молодого человѣка и прекрасной дѣвушки: Принцесса ихъ *Обеира* велѣла имъ взойти на возвышенное мѣсто и..... — Это очень онъ хвалитъ.

= Стихъ очень хорошій и вмѣстѣ справедливый:

Abîme tous plutôt c'est l'esprit de l'église.

= Волтеръ говоритъ, что фанатикъ хуже безбожника.

= Св. Денисъ несъ въ рукахъ своихъ свою голову и нѣжно ее цѣловалъ. — Чудеса! Это патронъ дураковъ Французовъ.

= Le sceau de la Divinité est dans les apperceptions d'un ciron, comme dans le cerveau de Newton. *Voltaire.*

= Chaque animal rend le temoignage au suprème fabricateur. Ibid.

= La plus petite herbe suffit pour confondre l'intelligence humaine. — Ibid.

= De mes crayons grossiers je peindrai l'immortelle, cherchant à l'imbellir, je la rendrai moins belle. Elle est aussi que vous[1]) noble, simple est sans fard, au-dessus de l'éloge, au-dessus de mon art.

= Newton n'excita point l'envie, parcequ'il ne put avoir de rival. *Voltaire.*

= Les hommes sont superstitieux par coutume, et coquins par instinct. Ibid.

= Нравы изправляются, когда свободныя науки и художества приходятъ въ совершенство.

= Une girouette tourne tantôt au doux souffle du zéphyr, tantôt au vent violant du nord, voilà l'homme. *Voltaire* (кажется).

Вотъ всѣ мои записки, сдѣланныя во время дороги.

Теперь прибавлю къ этому то, что я читалъ *les lettres d'Amabed* молодаго Индѣйца, которой пишетъ къ Брамѣ своему Шастазиду, какъ онъ ѣхалъ на кораблѣ въ Римъ судиться съ Инквизиторомъ *Fa toutto* за то, что онъ обезчестилъ жену его *Charme des yeux* и *Dera*, служанку ее. Они не кончены, но очень забавны.

Разумъ, проглядывая сквозь мрачныя облака младенчества, начинаетъ издавать изъ себя нѣсколько лучей свѣта. —

---

1) Въ рукописи есть выноска къ этому слову: «Marquise du *Chatelet*?»

Такъ говоритъ Ѳеофилактъ, Архіерей Калужской на чредѣ въ П.бургѣ, въ проповѣди своей на рожденіе Елисаветы Александровны[1]). Это сказано очень непонятно. —

Разумъ проглядывая, слѣдовательно онъ ужъ есть у младенца. — Непонятно. Разумъ начинаетъ показываться и разгонять мрачныя облака (естьли это непремѣнно нужно!) младенчества — было бы лучше. —

Діонисій Тиранъ, взявъ въ плѣнъ малолѣтнаго сына Діона, врача своего, промыслилъ отмстить ему страннымъ образомъ; и мщеніе его было тѣмъ разительнѣе для отца, чемъ (sic) употребленныя на то средства казались мягче и снисходительнѣе. Вмѣсто того, чтобы умертвить его или отдать подъ стражу, онъ представилъ его собственной волѣ. Никто не имѣлъ надзора за его поведеніемъ. Вмѣсто обузданія ободряли его пороки. Когда Діонисій увидѣлъ его таковымъ, какимъ видѣть желалъ, т. е. совершенно развратившимся: тогда повелѣлъ возвратить его отцу. Нещастный отецъ чего не предпринималъ, дабы воскресить въ сынѣ природную доблесть души! Но послѣдствія доказали, что не только сердце его умерло для добродѣтели, но обуялъ и разумъ его. — Это выписано изъ проповѣди Ѳеофилактовой. Какъ разтянуто, однако я не думалъ найти *этого въ этомъ*.

На сихъ дняхъ обѣдалъ у дядюшки Петра Ивановича Путятина Сенаторъ и Кавалеръ Николай Андреевичь Беклешовъ. Дядюшка спрашиваетъ его о дѣлѣ, которое въ Сенатѣ, — Сенаторъ говоритъ: не знаю. — Оберъ-Прокуроръ Титовъ говоритъ Его Превосходительству и дядюшкѣ, что оно уже послано изъ Сената. Сенаторъ говоритъ: *а, такъ это безъ меня!* Титовъ подходитъ послѣ къ Алексѣю Николаевичу Сухатину и говоритъ: *«экой Сенаторъ, самъ подписалъ дѣло, а говоритъ, что оно кончено и послано безъ него»*, т. е. онъ подписалъ, не зная самъ что.

Это нѣсколько забавно, *но не рѣдко.*

13 Февраля.

Отъ чего сука приноситъ такое множество щенковъ, изъ которыхъ люди не дѣлаютъ никакаго употребленія и по большей части забрасываютъ ихъ? Вѣрно Провидѣніе произвело ихъ не для сего конца. Для чего люди ихъ не ѣдятъ? Но въ случаѣ голода сдѣлаютъ изъ нихъ настоящее употребленіе и не будутъ презирать творенія рукъ Божіихъ. — Такъ-то случается и со многими другими животными. — Такъ же думаетъ и Ив. Иван. Леманъ.

Однажды противъ Лютеранской Кирки, противъ которой мы теперь въ П.бургѣ живемъ, умеръ пасторъ, человѣкъ хорошій. Молодой пасторъ,

---

1) Алексѣевны?

произнося во время отпѣванія проповѣдь, между прочимъ сказалъ мальчикамъ, воспитанникамъ умершаго, стоящимъ вокругъ гроба: «Вы потеряли въ немъ все, онъ воспиталъ васъ, сдѣлалъ васъ хорошими людьми, хорошими христіанами. Положите руки на гробъ его (они положили и рыдали) и клянитесь быть всегда добродѣтельными». —

На другой день сей краснорѣчивый ораторъ, приведшій все собраніе въ слезы, выгналъ изъ дому жену и дѣтей умершаго пастора, не имѣвшихъ никакого пропитанія. О суета! —

Брошенный неумолимымъ рокомъ въ безконечное пространство міра, человѣкъ вездѣ встрѣчаетъ[1]) скуку (въ самомъ обширномъ смыслѣ); для того развѣ не надобно *жениться*, чтобъ не производить на свѣтъ себѣ подобныхъ нещастныхъ, бѣдныхъ смертныхъ. Скажи, философъ, гдѣ щастіе, гдѣ спокойствіе? Для того надобно думать, что будетъ другой свѣтъ, другая жизнь, для того, говорю, что этотъ свѣтъ столь... но что скажу? — нѣтъ словъ для выраженія всей скуки, всѣхъ ужасовъ, испытываемыхъ человѣками, нещастными произведеніями для сего міра. Глупые люди, почитающіе сей свѣтъ лучшимъ и совершеннымъ, нещастные зараженные оптимизмомъ[2]) — станете ли еще утверждать намъ справедливость своей системы? Никакой Цицеронъ, никакой Рафаэль не можетъ изобразить всѣхъ бѣдствій человѣческихъ — трудъ напрасный. Но, скажетъ какой нибудь Панглосъ: ты говорилъ это во время твоего нещастія, послужившаго тебѣ же къ пользѣ, а въ веселый часъ, въ иное время станешь говорить противное. — Нѣтъ, нѣтъ, какъ бы я ни былъ веселъ, какъ бы ни былъ щастливъ, всегда, при сей ужасной мысли о нещастномъ человѣчествѣ, сердце мое содрогнется.

Я имѣю нѣкоторое удовольствіе смотрѣть на веселящихся людей или на такихъ, кои почитаютъ себя щастливыми. Я готовъ раздѣлять съ ними ихъ радость, но сколь жалко, когда представлю, *что* ихъ забавляетъ, *что* причиною ихъ сладкаго забвенія; сколь жалко, когда подумаю, чѣмъ люди, имѣющіе, къ нещастію, способность размышлять, — чѣмъ занимаются. — Конечно, мы такъ удалились отъ натуральнаго существованія, что всякой истинный философъ оскорбится какимъ нибудь пустымъ словомъ подобнаго себѣ нещастнаго смертнаго. И философы печалятся — вотъ камень преткновенія. —

Смѣйтесь, кому угодно, надо мною, я въ сію минуту воображаю себя выше мірской атмосферы и ставлю себя выше всѣхъ людскихъ мелочей.

Такъ, люди злы и вмѣстѣ нещастны. — *Марта 807. С.П.бургъ.*

---

1) Въ рукописи зачеркнуто слово: «находитъ». 2) Въ рукописи: «оптинизмомъ».

КНИГА ВТОРАЯ.

(1807–1808 гг.)

Переводы изъ разныхъ англійскихъ книгъ[1]).

13 Февраля 1807.

Николай Тургеневъ.

Санктъ-Петерсбургъ.

---

1) Вторая книга дневниковъ Тургенева — толстая тетрадь въ поллиста — имѣетъ 137 листовъ, изъ которыхъ исписано 124, и кромѣ того вложено отдѣльно 4 листа. На корешкѣ ея написано: «2 журн. 1807—1808 г. Н. Т.». На оборотѣ крышки поставленъ девизъ: «Въ семъ мірѣ нѣтъ покоя». Какъ видно по заглавію книжки, приведенному здѣсь цѣликомъ, она предназначалась для переводовъ съ англійскаго языка, и первые семь листовъ (2—8) дѣйствительно наполнены переводами изъ прочитанныхъ книгъ; но далѣе и до конца идетъ дневникъ, начиная съ 22 марта 1807 г. и оканчиваясь 20 іюня 1808 г. въ Петербургѣ, наканунѣ отъѣзда за границу. На первомъ листѣ стоитъ эпиграфъ: «Законъ Природы» и т. д. (см. на оборотѣ).

Законъ Природы есть святѣйшій,
Которой *всѣ* должны хранить;
А разумъ истинный, чистѣйшій
Щитомъ *Закона* долженъ быть.

С. Петербургъ 1 Апрѣля—полночь—1807 г.

Любовь и Женидьба[1]).

Аллегорія.

Родъ человѣческій сначала не былъ еще, какъ нынѣ, раздѣленъ на мужчинъ и женщинъ, но каждый человѣкъ былъ смѣшеніемъ обѣихъ половъ и былъ самъ мужемъ и женою. Сіе соединеніе было безъ сомнѣнія очень совершенно, и части были между собою хорошо устроены, потому что между мущинами и женщинами существовало величайшее согласіе, хотя и надлежало продолжать нераздѣльное товарищество. Но щастіе, произтекающее отъ сего соединенія, было столь велико, что мущины-женщины возгордились своимъ блаженствомъ и взбунтовались противъ боговъ. Для наказанія ихъ дерзости Юпитеръ не могъ выдумать лучшаго средства, какъ развести мужескій полъ съ женскимъ и сдѣлать два несовершенныя существа изъ смѣшенія, бывшаго прежде столь совершеннымъ. Съ сего времяни мущины и женщины сдѣлались различными твореніями. Но, не взирая на нашу раздѣльность, воспоминаніе о щастіи, которымъ мы наслаждались въ первобытномъ состояніи столь живо, что мы при настоящемъ никогда не бываемъ покойны. Каждая изъ сихъ половинъ безпрестанно и всѣми способами старается находить другую половину, которая была отдѣлена отъ нее: и когда они встрѣтятся, то соединяются вновь съ большею любовію и симпатіею (сострастіемъ). Но часто случается, что они обманываются въ семъ случаѣ, принимаютъ за свою половину то, что совсѣмъ имъ не соотвѣтствуетъ; и что части встрѣчаются и соединяются между собою не иначе, какъ съ fractures[2]).

Бѣлая книга или Бредъ,

по большой части полночной.

Заглавіе сіе я сдѣлалъ 20 Апр. въ полночь, и оно мнѣ очень понравилось.

---

1) Надъ этимъ словомъ написано: «супружество». 2) Весь этотъ разсказъ («Супружество и Женитьба») въ рукописи зачеркнутъ, а далѣе крупными буквами написано новое заглавіе, воспроизведенное нами.

Повѣсть о двухъ любовникахъ, убитыхъ однимъ громовымъ ударомъ.

Письмо Г. Гея.

Stanton-Harcourt, Авг. 9. 1718.

Единственной новости, которой вы можете теперь отъ меня ожидать, есть новость съ неба: ибо я совершенно внѣ міра; и едва ли что нибудь можетъ достичь до меня, кромѣ грома, которой безъ сомнѣнія и вы слышали. Мы видимъ въ древнихъ писателяхъ, что высокія башни повергаемы были громомъ на землю, ибо низкія долины избавлялись этого. Единственная вещь, могущая быть свидѣтельствомъ противъ сего, есть лавровая ягода, которую однакожь я почитаю не большею безопасностію для мозгу новѣйшихъ писателей. Но [to let] вы видите, что часто случается этому противное: я долженъ вамъ сказать, что множество высочайшихъ и огромнѣйшихъ башенъ въ свѣтѣ, находящихся въ здѣшнихъ окрестностяхъ, по сю пору находится неповрежденнымъ, между тѣмъ какъ не подалеку отъ насъ въ полѣ копна ячменя была обращена въ пепелъ: Дай Богъ, чтобъ только эта одна копна погибла! Но къ нещастію подъ сею маленькою кровлею сидѣли двое любовниковъ, гораздо постояннѣйшіе нежели въ романѣ подъ тѣнію буковаго дерева. Джонъ Гевитъ былъ здоровой человѣкъ, имѣвшій около 25 лѣтъ; Сарахъ Дрю можно назвать лучше милою, нежели прекрасною; она была одних съ нимъ лѣтъ. Они исправляли вмѣстѣ различные годовые труды съ величайшимъ удовольствіемъ. Естьли она доила, то всякое утро и вечеръ bring the 'cows to her hand. Въ послѣднюю еще только ярмонку купилъ онъ ей въ подарокъ зеленаго шолку для ее соломенной шляпки, и надпись на ея серебряномъ перстнѣ была сдѣлана по его выбору. Любовь ихъ была матеріею разговоровъ всѣхъ сосѣдей: ибо клевета никогда не говорила, чтобы они имѣли другую цѣль, кромѣ супружества. Въ самое это утро онъ получилъ согласіе (дозволеніе) ея родителей, и еще до слѣдующей недѣли они должны были дожидаться своего щастія. Можетъ быть во время отдохновенія отъ работы они теперь говорили о своемъ свадебномъ платьѣ, и Джонъ прибиралъ къ ея цвѣту лица различные роды мака и полевыхъ цвѣтовъ для того, чтобъ выбрать ей букетъ для свадебнаго дня. Въ то время, какъ они занимались этимъ (это было въ концѣ Іюля, между двухъ или трехъ часовъ по полудни), облака сдѣлались черны, и потомъ сдѣлалась такая сильная буря съ молніями, что всѣ работавшіе какъ-нибудь укрылись подъ деревья и кустарники. Сарахъ испугалась и упала въ обморокъ на копну ячменя; Джонъ,

которой никогда не отлучался отъ нее, сѣлъ подлѣ и сгребъ (граблями) двѣ или три копны вмѣстѣ, дабы лучше защитить ее отъ бури. Вдругъ они услышали столь громкій трескъ, какъ будто бы небо раздвоилось. Всякой безпокоился о безопасности своего сосѣда, и перекликивались другъ съ другомъ чрезъ все поле. Тѣ, которые кричали нашимъ любовникамъ, не получая отвѣта, пошли туда, гдѣ они лежали; они примѣтили, что копна была вся въ дыму, и тогда увидѣли эту вѣрную чету. Джонъ одною рукою обнялъ за шею Сарахъ, а другой держалъ ее, желая укрыть отъ молніи. Ихъ обѣихъ ударило (убило) въ семъ нѣжномъ положеніи. Вѣко у лѣваго глаза Сарахи было опалено (сожжено), и на груди ея показалось черное пятно; любовникъ ея весь почернѣлъ, но въ обѣихъ не было ни одного знака жизни. Они были отвезены въ городъ, сопровождаемые ихъ печальными товарищами, и на другой день погребены въ *Stanton Harcourt* на церковной[1]) оградѣ (дворѣ). (*My*) Лордъ Гаркоуртъ заказалъ камень, дабы поставить его надъ ними, съ условіемъ, чтобъ мы написали эпитафію, которая слѣдуетъ:

Когда (восточные) любовники питаютъ огонь погребенія, на томъ же кострѣ умираетъ вѣрная чета. Здѣсь Небо, сожалѣя, что добродѣтель взаимно находится, поразило обѣихъ, чтобъ она не могла уязвлять ни того, ни другаго. Сердца были столь искренны, что Всемогущій разсудилъ за благо снизпослать собственную свою молнію и похитилъ жертвы.

Стихи безъ смыслу переведены.

Но лордъ боится, что деревенскіе жители не поймутъ этого; и для того Г. Попе обѣщалъ сдѣлать другую (эпитафію), которая бы заключала въ себѣ нѣчто изъ священнаго писанія и поэтическое, подобно Hopkins и Sternhold.

Я есмь и проч.

Переведено 22 Марта 1807. С.П.бургъ. Гей. Переведено съ помощію словаря при концѣ сей Англин. книги.

Покорность Провидѣнію.

Стрѣлы противящагося рока всегда надъ нашею головою. Иныя достигаютъ до насъ, другія только дотрогиваются и улетаютъ разить другихъ. И для того предпишемъ себѣ одинаковую умѣренность духа и будемъ безъ роптанія платить должную дань человѣчеству. Зима приноситъ съ собою холодъ, и мы должны зябнуть. Лѣто возвращается съ жаромъ, и мы должны

---

1) Надъ этимъ словомъ надписано: «кладбищѣ».

таять. Суровости воздуха разстроиваютъ наше здоровье, и мы должны быть больны. Здѣсь надобно опасаться дикихъ скотовъ, тамъ людей, которые еще свирѣпѣе ихъ; и естьли опасности и боязнь отъ воздуха и земли минуются, тогда раждаются опасности отъ воды и огня. Мы не въ силахъ перемѣнить установленный ходъ вещей, но можемъ присвоить себѣ нѣкоторую великость духа, что прилично (свойственно) умнымъ и добродѣтельнымъ людямъ; подобно какъ мы можемъ пріучить себя встрѣчать различные случаи жизни съ твердостію и сообразоваться съ порядкомъ Природы (натуральнымъ), управляющей своимъ пространнымъ царствомъ, свѣтомъ, посредствомъ безпрестанныхъ измѣненій. Покоримся порядку, будемъ увѣрены, что все случающееся должно случаться, и никогда не будемъ столь безумны, чтобъ спорить съ Природою. Всего лучше будемъ терпѣть то, чего перемѣнить не можемъ, и итти безъ роптанія по пути, которой Провидѣніе, направляющее каждую вещь, намъ предназначило; ибо не довольно только просто слѣдовать; и тотъ дурной солдатъ, которой сражается и идетъ по принужденію. Мы должны принимать повелѣнія съ духомъ и радостію и не должны уклоняться отъ мѣста, назначеннаго намъ въ семъ прекрасномъ разположеніи вещей, котораго часть составляютъ даже и наши страданія. Воззовемъ къ Богу, управляющему всѣмъ, подобно Клеанту въ сихъ удивительныхъ стихахъ [1]), которые потеряютъ часть своей пріятности и силы въ моемъ переводѣ:

Отецъ Природы! Творецъ міра! Куда бы Твое провидѣніе ни направило стопы мои, виждь, всюду слѣдую съ покорностію радостною. Судьба ведетъ идущихъ охотно, влечетъ насильно противящихся. Зачѣмъ печалиться, когда я долженъ печалясь страдать? Или получать посредствомъ преступленія то, въ чемъ могу участвовать будучи невиннымъ.

Такъ будемъ говорить, такъ будемъ дѣйствовать. Покорность (всемогущей) волѣ Всемогущаго есть истинное великодушіе. Но вѣрный знакъ злаго, малодушнаго человѣка есть сопротивленіе и сужденіе о законахъ Творца, и вмѣсто того, чтобъ изправлять собственные свои поступки, осмѣливаться хулить Творческіе.

Болинброкъ.

Одно начало, одинъ конецъ всѣмъ людямъ.

Какимъ бы превосходнымъ отличіемъ ни хвалились люди, всѣ они имѣютъ одно начало; и начало это очень просто. Лѣта (годы) жизни ихъ преслѣдуютъ одни другихъ, подобно волнамъ: они не престаютъ течь; такъ что наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько болѣе шуму и протекши болѣе странъ, нежели прочіе, они

---

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: «строкахъ».

всѣ вмѣстѣ спѣшатъ погрузиться въ бездну, гдѣ не различаютъ болѣе ни Государей, ни Вельможей, ни всѣхъ этихъ превосходныхъ качествъ, отличающихъ людей; подобно симъ столь славнымъ рѣкамъ, которыя остаются безъ имяни, смѣшиваясь въ океанѣ съ рѣками неизвѣстными.

Bossuet. Oraison funèbre.

22 Марта 1807. С.П.бургъ.

Человѣкъ.

Боже! что человѣкъ? чудо ли это? или чудовищное[1]) смѣшеніе вещей несовмѣстныхъ? Или загадка неизъяснимая? Не есть ли это, ежели могу такъ сказать[2]), остатокъ самаго себя, тѣнь того, что онъ былъ въ первобытномъ состояніи; обрушившееся зданіе, которое въ низпровергнутыхъ развалинахъ своихъ сохраняетъ еще нѣкоторую часть красоты и величія перваго своего вида (*формы*)? Онъ упалъ посредствомъ своей развращенной воли; верхъ зданія (повергнулся) обрушился на стѣны, и стѣны на основаніе; но пусть разворочаютъ сіи развалины, тогда найдутъ въ нихъ (остаткахъ сего обрушеннаго зданія) и черты основаній, и мысль первоначальнаго плана, и знаменіе Строителя. Творческое впечатлѣніе (божеское) такъ еще сильно, что оно не можетъ потерять его, и все цѣлое такъ слабо, что оно не можетъ слѣдовать Ему.

Боссюетъ. Profession de madame Lavallière.

22 Марта. 807. С.П.бургъ.

Принадлежащее къ Жолтой Книгѣ[3]).

Минуты текутъ за минутами, годы слѣдуютъ за годами, и такимъ-то непримѣтнымъ образомъ приближаемся мы, смертные, къ своему блаженству — вѣчности!..

Говорятъ, что человѣкъ живетъ надеждою. Правда. Но естьли каждый такъ обманывается въ ней, какъ я, то не знаю, всякой ли будетъ продолжать надѣяться? — Такъ, я всегда обманываюсь въ надеждѣ; чего ожидаю (всякой бездѣлицы), то вѣрно не случится; чего не ожидаю, то случается. И для того-то боюсь ожидать чего нибудь хорошаго, и естьли когда ожидаю чего нибудь хорошаго, то вспомня о моемъ ожиданіи, стараюсь отвратить его,

---

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: «чудное». 2) Въ рукописи вмѣсто этого слова было сначала поставлено: «говорить». 3) Съ этого мѣста переводы прекращаются и начинается дневникъ, а такъ какъ дневникъ онъ велъ въ т. наз. Желтой Книгѣ (см. выше), то и эти замѣтки онъ назвалъ «принадлежащими къ Желтой Книгѣ».

какъ будто бы это могло отвратить происшествіе. Какая мѣлкая слабость! Но предчувствіе меня кажется не обманываетъ. — Какъ скучно жить на семъ свѣтѣ, хотѣлъ бы съ нимъ проститься не натуральнымъ образомъ, прервать насильно нить нещастной и скучной жизни, но сожалѣю о томъ, что не буду въ состояніи слышать, какъ станутъ говорить о мнѣ (другая странность). Жалѣть конечно станутъ очень, очень немногіе, да почти совершенно никто, и то вѣрно не слишкомъ много, совсѣмъ не слишкомъ. Да притомъ, правду сказать, и не о чемъ — друга, истиннаго, сердечнаго я не имѣю, а только одинъ другъ можетъ жалѣть. — Пріятелей много, но... всякому свое. — Для чего, благословенный даръ неба, для чего, священная дружба, не соединяешь ты сердецъ всѣхъ слабыхъ смертныхъ? Тогда были бы они совершенно щастливы. Дружба есть главнѣйшій залогъ блаженства, даннаго Небомъ для утѣшенія человѣковъ, главнѣйшее благодѣяніе для душъ благородныхъ, безцѣнный, единственный даръ, обогащающій бѣдныхъ смертныхъ, возводящій ихъ на высшую степень благоденствія. Дружбою люди познаютъ природныя свои обязанности: дружба дѣлаетъ ихъ добродѣтельными, сострадательными. Человѣкъ, сдѣлавшись истиннымъ другомъ одного изъ своихъ собратій, дѣлается благосклоннымъ (въ истинномъ смыслѣ) ко всему роду человѣческому. Онъ, питая въ сердцѣ нелицемѣрную, святую дружбу, дѣлается всѣмъ пріятелемъ. — Я разумѣю дружбу совершенную, чистую, святую. Дружба есть залогъ блаженства смертныхъ и утѣшеніе ихъ.

Человѣкъ, чувствуя ничтожность свою и всѣхъ людей, говоритъ объ этомъ съ другомъ, оба однихъ мыслей — судятъ о суетѣ міра — и вотъ утѣшеніе, хотя малое: человѣкъ не только въ семъ случаѣ, но даже въ своихъ нещастіяхъ, сообщая ихъ другу, утѣшается. —

Чтожъ дѣлать въ свѣтѣ семъ ничтожномъ? —
Надѣяться и дружно съ другомъ жить!
О Дружба и Надежда!
Безъ васъ смертный
Совершенно (бы) погибъ.
Надѣется — и отираетъ
Изъ глазъ текущій слезный токъ.
Надѣется — и забываетъ
Свой жалкой и нещастной рокъ[1]).

---

1) Къ послѣднему стиху сдѣлано въ рукописи примѣчаніе: «Это не упомню. 11 часовъ ночи. 25 Марта 1807 года. С. Петербургъ. *Часы скуки*».

Послѣ, какъ выжмутъ сокъ изъ лимона, то его бросаютъ — вотъ правило нѣкоторыхъ людей. — О неблагодарные, вы тогда съ нимъ дружны, когда онъ вамъ нуженъ и полезенъ; вспомните, нещастные, что человѣкъ не лимонъ! — Фридрихъ II сказалъ, какъ утверждалъ Ламетри, его лекторъ, это о Волтерѣ. — Это не похвально для великаго человѣка.

Il me dit: Je vous aime, et je crus comme un sot,
Qu'il etoit quelqu'idée attachée à ce mot.

Лудвигъ XIV спросилъ у одного: любилъ ли васъ король Испанскій?
Ахъ, отвѣчалъ онъ: развѣ вы, короли, можете что-нибудь любить?

Les voyageurs en Suisse par Lentier[1]).

Въ 1731 году дикая дѣвочка десяти лѣтъ вошла въ деревню Сонжи, подлѣ Chalons въ Champagne. Она была боса, тѣло покрыто тряпками и кожею, руки и леце черные, какъ [у] негровъ; у ней была короткая и толстая на концѣ палка въ рукѣ. Мужики пустили на нее большую собаку, которую она до смерти убила, взлѣзла на дерево и заснула. Г. Епини, хозяинъ замка, велѣлъ ее поймать, но всѣ средства были тщетны, кромѣ одного: женщина, неся въ рукахъ ребенка, начала ходить около дерева; у ней были двѣ рыбы и корни, которые она ей показывала съ многими знаками дружбы. Дикая сошла, послѣ нѣкотораго времяни, съ дерева и пошла за женщиною. Передъ входомъ въ деревню они нашли четки; младшая (потому что ихъ было двѣ, и про которую говорено, была младшая) хотѣла ихъ поднять; старшая ударила ее больно по рукѣ, а она ударила ее сама и повалила на землю, плавающую въ крови. Потомъ изъ четокъ сдѣлала себѣ браслеты; но сжалившись надъ подругою, она пошла искать лягушекъ и кожу ихъ налѣпила ей на лобъ, для унятія крови, завязала рану ремнемъ изъ древесной коры, которую содрала своими когтями; послѣ сей операціи они разстались. Трудно ее было отучить отъ сыраго мяса и древесныхъ кореньевъ, и отъ пищи, въ которой была соль, выпали у ней всѣ зубы, потомъ выросли опять. Ее окрестили и назвали M-lle Leblanc. Она ловила на бѣгу зайцовъ. Жила въ Парижѣ. Очень смѣшено помнила время предъ своимъ пойманіемъ. Ее почитали изъ націи Эскимосцевъ; не помнила ни отца, ни матери, ни земли своей; она помнила, какъ она говорила, что

---

1) Въ дѣйствительности имя автора писалось черезъ *a*: Lantier.

ѣздила на кораблѣ и бросилась [въ] воду и поплыла для избѣжанія какого-то безпокойства. Говорила, что жила на деревьяхъ, частію для того, чтобъ избѣгать дикихъ звѣрей, частію—чтобъ видѣть животныхъ ей. . .[1]) для пищи.

С. П.бургъ. 1807. *Ibid. 28 Марта.*

Qui n'a pas l'esprit de son âge,
De son âge, a tout le malheur!

Voltaire.

La plus morte mort est la meilleure,
Сказалъ Дидеротъ Г. Сент-Омеръ. — Не знаю, что это значитъ.

Les voyageurs en Suisse.

Plus on menage le corps, et plus il en abuse, plus il est faible et délicat? c'est un esclave qu'il faut mener un peu rudement.

Ibid.

28 числа $6^1/_2$ по полудни. Я дожидаюсь Англинскаго учителя и въ ожиданіи все[2]) читаю Les voyageurs en Suisse и выписываю — и этакъ я провожу сіе послѣ обѣда веселѣе обыкновеннаго. Постараюсь всегда такъ проводить, но не I hope.

Спроси у Ѳедки, ушелъ что ли онъ? — Какъ правильно сказалъ я сей часъ Семкѣ. — 28 Марта.

Tremblez, maleureux amants, le serpent est souvent caché sous les fleurs! — Le vent dissipe la sérénité — нельзя, думаю, сказать:
La façon de donner vaut mieux que ce qu'on donne.
Или лучше сказать:
Le ton fait la musique.

Le jeune amour fut de tout temps grand faiseur de miracles:
En gens coquets il change les Catons:
Par lui les sots deviennent des oracles;
Par lui les loups deviennent des moutons.

Кто не заботится о будущемъ, тотъ долженъ вспомнить, что будущее будетъ не всегда будущимъ, но со времянемъ настоящимъ. — Мысль взята изъ Ibid.

---

1) Слово не разобрано. 2) Въ рукописи: «всіd».

Нефтонъ[1]) говоритъ, что *все пусто*, безъ чего не можетъ быть *движенія*. Онъ ошибается, потому что когда кошелекъ наполненъ, то тогда-то и бываетъ (владѣтель его) въ движеніи.

Декартъ ошибается, говоря, что все наполнено, ибо теперь мой кошелекъ совершенно пустъ.

Мысли, взятыя изъ Ibid.

Les blessures de Venus...........
Un jour sur l'autre, il suffit qu'à la fin
J'attrappe le bout de l'année

Lafontaine изъ Ibid.

Какъ скоро умолкаетъ совѣсть, когда говоритъ *интересъ!* — Изъ Ibid.

L'abbey de la Trappe etoit dans le Perche, въ мѣстѣ очень уединенномъ и очень дикомъ. Монахи ложились лѣтомъ въ восемь, а зимою въ семь часовъ. Вставали въ два часа по полуночи и шли къ заутрени, продолжавшейся до $4^1/_2$ часовъ; спустя часъ они читали первой часъ (молитвы у каноников) и потомъ шли въ соборъ или думу духовенства. Въ семь часовъ шли къ работѣ до $8^1/_2$ часовъ; потомъ служили третій часъ, литургію и шестый часъ; послѣ этого они возвращались въ свои кельи, потомъ приходили пѣть девятый часъ, потомъ сбирались въ трапезѣ прежде полудня. Столы были чисты и безъ скатерти; передъ ними клали хлѣбъ, ставили немного воды, шопину Парижскую (мѣра жидкихъ тѣлъ) и яблоновки; похлебка ихъ была безъ коровьяго и безъ поснаго масла; соусъ ихъ состоялъ въ маломъ количествѣ воды, сгущенной кашею и солью. Черезъ часъ послѣ обѣда возвращались они къ работѣ. Въ шесть часовъ служили повечеріе. Постели ихъ состояли въ доскахъ, на которыя клали стеганые тюфяки и одѣяла. Они одѣты были во вретище (покаянное одѣяніе); они сами копали себѣ могилы. Тишина царствовала въ обители: всякой разговоръ былъ имъ запрещенъ; братъ игуменъ (abbé) одинъ имѣлъ право говорить. Сіи Траписты исповѣдывались (въ слухъ) громкимъ голосомъ между собою каждую недѣлю. На сей случай разсказываютъ странный анекдотъ о Мотъ-Гудартъ. Во дни своей молодости, отчаявшись паденіемъ своей комедіи на Италіанскомъ театрѣ, онъ ушелъ погребсти себя въ Траппу (западню). Симъ монахамъ было иногда приказываемо ходить въ лѣсъ за хворостомъ (дровами). Одинъ изъ нихъ, высокій ростомъ и необыкновенной силы, обвинилъ себя во время общей

1) Ньютонъ.

исповѣди, въ гордомъ чувствѣ (въ движеніи гордости), которую онъ имѣлъ, неся свою связку съ большею легкостію, нежели другіе, не взирая на то, что связка сія была больше и тяжелѣе. Отецъ игуменъ для наказанія его гордости, приказалъ, въ первый разъ, принести на плечахъ своихъ только одну маленькую вѣтвь. Молодой Ла мотъ, увидѣвши сего высокаго и толстаго человѣка только съ однимъ маленькимъ полѣномъ, захохоталъ во все горло, что оскорбило важность его братій и отвратило его отъ его набожнаго антузіазма. Изъ Ibid.

Сіи монахи называются по-Французски Траписты.

Въ Парижѣ одна aventurière, M-me Wandsieden, плѣнила Давида, сына одного богатаго бралiанщика. Она изъявила желаніе имѣть двѣ тысячи ефимковъ; онъ, не имѣя гдѣ ихъ найти, укралъ у отца на 8 или 10.000 франковъ бралiантовъ и спряталъ въ тюфякъ Франсуа, лакея отца его; самъ былъ посланъ отцемъ въ другой городъ. Не имѣя времяни вынуть бралiанты, уѣхалъ безъ оныхъ. Слуга нашедши утаилъ. У него нашли. Его повѣсили, не взирая на прозьбы господина. Сынъ пріѣжжаетъ, мать съ заплаканными глазами разсказываетъ ему; онъ смутился и ушелъ въ Траппу пѣшкомъ. Съ дороги пишетъ къ отцу и матери письмо, проситъ прощенья; основывается жить въ Траппѣ. Когда встрѣчался съ нимъ его собратъ и говорилъ: «братъ, надобно умереть», — дай Богъ, — вскрикивалъ нещастной молодой человѣкъ. Наконецъ Небо сжалилось надъ нимъ; продолжительная болѣзнь истребила его, послѣ 15 мѣсяцевъ раскаянія, слезъ и страданій. Во время чрезвычайной опасности его перенесли въ церковь, положили на солому и пепелъ; тихой колокольной звонъ при похоронахъ... *(28 Марта)*.

(Я предузналъ, что эта піэса значитъ что-то такое. — Предчувствіе не *обмануло*). Преданный горести и скукѣ, не имѣю въ виду ничего лучшаго, развѣ какъ удалиться на нѣсколько лѣтъ изъ своего отечества, а послѣ, ежели обстоятельства останутся такими же, возвратясь въ отечество, жить на милой родинѣ. *30 Марта*.

(Продолженіе. *30 Марта*).

Братія окружали его въ тишинѣ, горести и съ поникшими глазами. Давидъ сказалъ имъ дрожащимъ голосомъ: «Молите милосердаго Бога о душѣ нещастнаго Франсуа и за меня, за котораго онъ погибъ на эшафотѣ. Изъ Ibid.

— Mais cette metaphisique (говоритъ Г-жа Сент-Омеръ о философіи) n'est selon moi, que l'humanité uni à la raison. — И мнѣ кажется, что это

въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть очень хорошимъ опредѣленіемъ для философіи. Le vrai philosophe (продолжаетъ она) est l'homme sensible, éclairé et vertueux, non le savant chargé d'une érudition fastueuse. Ces reflexions me vont remémorant[rer] les vers de Chareval, poète philosophe:

Moderons nos propres vœux,
Tâchons de nous mieux connoître:
Désires-tu d'être heureux?
Désire un peu moins de l'être.
Voici comment j'ai compté
Dès ma plus tendre jeunesse
La vertu, puis la santé,
La gloire, puis la richesse.

Изъ Ibid.

Послѣднія два желанія кажутся мнѣ излишними. Можно очень спокойно безъ нихъ обойтись.

Sexe aimable et charmant, sans toi l'homme sauvage
Jamais du vrai bonheur n'aurait connu l'image;
Son cœur triste et féroce, ainsi que ses désirs,
Aurait connu les maux et jamais les plaisirs

Изъ Ibid.

Знаю, что во Франціи надобно имѣть какое нибудь состояніе, т. е. надобно служить, но, говоритъ Адольфъ Делмонтъ Г-жѣ Сент-Омеръ, — я читалъ въ Bruyère: «Ne faire sa cour à personne, ni attendre de quelqu'un qu'il vous fasse la sienne: âge d'or, état le plus naturel de l'homme».

Конечно, что можетъ быть пріятнѣе независимости, свободы?

Жить въ деревнѣ, заниматься тамошними работами, чтеніемъ — тамъ существуетъ простая природа. *Туда хочу я своихъ пенатовъ*... Мысль изъ Ibid.

Время производитъ тоже дѣйствіе, какое отдаленіе въ перспективѣ: чѣмъ болѣе удаляются отъ предмета, тѣмъ болѣе лучь, ударяющій на глазъ, ослабѣваетъ и скоро совсѣмъ изчезаетъ.

Sur les ailes du Temps la tristesse s'envole
Le Temps ramène les plaisirs.

Ciceron a dit avec raison en parlant des lettres: secundas res ornant, adversis solatium praebent, т. е. въ щастіи они насъ украшаютъ, въ нещастіи утѣшаютъ. It is true. —

О Волтерѣ.

Saluons, par nos chants, les manes radieux,
Que la Nature entière, à sa perte attentive,
Les beaux-arts orphelins, l'humanité plaintive,
Lui consacrent de longs adieux.

Волтеръ, когда переѣхалъ въ Фернею, то мѣсто сіе была одна пустыня. Туда призвалъ онъ многихъ колонистовъ до 600 фамилій, которые обогатили колонію. Всякой мѣсяцъ Волтеръ выстраивалъ новой домъ, который дѣлался убѣжищемъ какого-нибудь честнаго гражданина. — Хулящіе Волтера! écoutez ce vers-ci qui est sorti de son cœur (я забылся немного).

J'ai fait un peu de bien, c'est mon meilleur ouvrage.

Книги его, гдѣ было чрезвычайно много его замѣчаній, перевезены въ Россію. Въ залѣ Фернейскаго дома его была картина: Слава, причесанная по-Французски, представляетъ Волтера богу поэзіи, которая сходитъ съ колесницы для принятія его и для того, чтобы дать его[1]) корону. Низъ храма Памяти украшенъ колонами, между коими поставлены бюсты Еврипида, Корнелія, Расина и Софокла. Волтеровъ украшенъ амурами и вдали виденъ Пегасъ. На правой сторонѣ изображены Фреронъ, Сабатье, Патулье, Дефонтенъ, раздавленные, попратые ногами и высѣченные Фуріями (Я думаю, они писали на него критики). Сидя за столомъ во время обѣда, Волтеръ шутилъ надъ сими изображеніями.

Тѣхъ людей, которые насъ поносятъ, надобно презирать точно также, какъ презираютъ маленькихъ насѣкомыхъ, прилетающихъ жужжать надъ нашими ушами.

Мысль изъ Ibid.

Утверждаютъ, что святый Григорій Великій, увидя статую Траяна, которой сходилъ съ лошади въ военномъ платьѣ для выслушанія прозбы одной женщины, — молилъ Бога о взятіи души столь человѣколюбиваго, справедливаго Государя изъ ада: богъ внялъ молитвѣ, съ условіемъ, чтобъ онъ туда не возвращался.

Волтеръ сказалъ одной дамѣ, испугавшейся сильной грозы: «Que craignez vous, conoissez vous le grand Capanée? — Non, Monsieur. — C'etoit un Capitaine, qui se moquoit du bruit des orages et qui disoit que les carreaux (sic) de Jupiter n'etoient que les exhalaisons de la terre échauffée. Allons, jouez toujours (они играли въ пикетъ). Дама, болѣе испугавшись, дала ему

1) Ему?

почувствовать, что боязнь ее произходила отъ того, что она находилась съ безбожникомъ. «Qu'appelez-vous, Madame? отвѣчалъ Волтеръ съ живостію: je dis plus de bien en deux mots de ce grand Créateur, que vous n'en sauriez panser dans toute votre vie».

Волтеръ говорилъ своимъ актерамъ: «Criez; point d'effet sans cela». Но онъ ошибался. Онъ самъ игрывалъ на своемъ театрѣ въ Фернеѣ. Онъ былъ очень чувствителенъ и очень часто плакалъ отъ жалости. Милордъ Ellis (въ Voyageurs en Suisse) говоритъ, что онъ обѣдалъ въ Римѣ. Рѣчь зашла о Волтерѣ, говорили о подаркахъ Екатерины Великой и письмахъ ее. При семъ разговорѣ одинъ чиновникъ церковный вскричалъ: «давно ли сей злой человѣкъ (tison) въ Россіи? Какъ, безбожникъ, онъ и тамъ хочетъ разпространить атеизмъ! Милордъ ему сказалъ, что Волтеръ въ Фернеѣ, и что Императрица подарила ему нѣсколько мѣховъ, и что онъ былъ теистъ, а не безбожникъ, что сей стихъ былъ его:

Si Dieu n'existoit pas, il faudroit l'inventer...

Другой Италіанецъ, дворянинъ, спросилъ въ одномъ изъ славныхъ домовъ сего же самаго города: не былъ ли Волтеръ магометанинъ и другъ Лютера? Дядя сего дурака сказалъ ему: «Лучше молчи, естьли не можешь говорить».

О Калмыковы! Не подобны ли вы сему умному, просвѣщенному Италіанцу? Ты, почетный дуракъ, Давидъ Ивановичь, всегда бранишь Волтера, а самъ и не видывалъ ни его самаго, ни его сочиненій. Зачѣмъ говорить то, чего не знаешь? Ты, прочтя бредъ какого-то фанатика Іеромонаха Макаріа, думаешь, что все прочелъ на свѣтѣ. — Надобно ли тебѣ сказывать, что есть другіе книги, нѣсколько получше сего дурака. Нѣтъ, все равно ты останешься въ своемъ заблужденіи, будешь очень большимъ фанатикомъ (но глупымъ, даже и фанатикомъ-то). Оставайтесь въ своемъ заблужденіи, нещастные, зараженные фанатизмомъ, но будьте снизходительнѣе къ намъ, бѣднымъ смертнымъ, и вспомните слабости, свойственные человѣчеству! Нѣтъ, вы не слышете. Нещастныя, жалкія творенія! — Гдѣ кротость, смиреніе Евангельскія? Въ немъ почерпайте свои правила! Нѣтъ, вы не преклонны, злые твари, почитающіе Инквизицію нужною для христіанства. — Вы во славу Бога умерщвляете, сожигаете творенія руку[1]) Его. Пробудитесь! — Нѣтъ, вы спите глубокимъ сномъ злобы и невѣжества. Вы не слышите гласа человѣколюбія, гласа совѣсти, вопіющаго въ вашемъ сердцѣ, хотя оно и адское. Пробудитесь, пробудитесь, нещастные!

1) Очевидно двойственное число по-славянски.

Но пора кончить, скоро будетъ Г. Бересфордъ. *С.П.бургъ 30 Марта 1807.*

О фанатизмъ, какъ ты вреденъ человѣчеству! Но ты изкореняешься. Меньше становится постниковъ, но не болѣе добрыхъ людей, скажутъ мнѣ; но ѣсть посное не значитъ быть фанатикомъ, отвѣчу я.

1 Апрѣля ночью, проснувшись пришла мнѣ мысль, которую я видѣлъ во снѣ: *Les amis se font connoître dans la chutte du bonheur.* Я не знаю, отъ чего произошла эта мысль, но только я ее нѣсколько разъ повторялъ ночью на Французскомъ языкѣ и сими точно словами. Мнѣ приснилось, что я читалъ какую-то книгу, тоже на Франц., которой на яву я никогда не читывалъ. Я думалъ ночью сдѣлать на это нѣкоторое разсужденіе, мнѣ казалось это не совсѣмъ справедливымъ, но теперь я не въ духѣ этимъ заниматься.

— *1807. С.П.бургъ.* Когда нибудь въ другое время, когда голова моя будетъ освобождена ото всѣхъ непріятныхъ мыслей, тогда помараю что-нибудь объ этомъ. Я могу здѣсь писать что хочу, потому этого читать никто не будетъ. Развѣ безъ моего вѣденія, то и тогда того, чего я не хотѣлъ, чтобъ и читая не понимали, не поймутъ. —

La connoissance de la vertu restera toujours sur la terre, soit pour nous consoler quand nous l'embrasserons, soit pour nous accuser quand nous violerons ses lois. (Изъ Волтера).

Зороастрово правило: будучи въ сомнѣніи, естьли какое нибудь дѣло справедливо или несправедливо, воздержись. — Ibid.

(Продолженіе 5 Апр.).

Мнѣ кажется, что люди до тѣхъ поръ не могутъ быть щастливы (я разумѣю вообще, а не въ особенности, т. е. родъ человѣческій), пока они не придутъ въ натуральное существованіе, т. е. пока всѣ ихъ поступки, дѣла важныя и мѣлкія, однимъ словомъ *все* не будетъ согласоваться съ Природою. Нынче, естьли что судится по природному чувствованію, по природному влеченію, то все это бываетъ охуждаемо [1]). Да и не мудрено: мы такъ удалены отъ Природы, что уже намъ все *истинное*, *натуральное* кажется непристойнымъ, несогласнымъ съ разумомъ; подобно какъ роскошь сдѣлалась необходимою. Нынѣ, въ сіи отдаленные времяна отъ натуральнаго существованія человѣка, нынѣ почитается (говоря о бездѣлицѣ и приводя ее въ примѣръ) дѣломъ обыкновеннымъ давать обѣды такимъ людямъ, кои у себя дома могутъ ѣсть также хорошо. Нельзя ли употребить сіи деньги (потому что и они очень

1) Послѣ этого слова въ рукописи заключена въ скобки, какъ излишняя, слѣдующая фраза: «Конечно и поступки съ Природою согласные, должны быть согласны съ разумомъ но съ разумомъ чистымъ, простымъ, какъ сама Природа».

нужны для человѣка) на другое употребленіе? Это не относится къ моему предмету, но означаетъ то, что *роскошь* сдѣлалась *необходимостію*, но и это есть часть того, и это доказываетъ нѣкоторымъ образомъ, что *люди только въ натуральномъ* состояніи могутъ быть щастливы. Я не говорю — въ первобытномъ, находя въ этомъ большую разницу. — Первобытное состояніе человѣка есть дикое, звѣрское состояніе, между тѣмъ какъ натуральное состояніе, т. е. согласное съ Природою, есть самое простое, щастливое. Законъ человѣка натуральнаго (естьли можно такъ сказать) находится [1]) у него въ сердцѣ: такой законъ не можетъ быть несправедливымъ или опаснымъ потому самому, что онъ есть законъ сердца, совѣсти. Онъ вопіетъ, даже и у самаго злодѣя вопіетъ изъ глубины сердца, закрытаго для добродѣтели и человѣколюбія. Что можетъ быть простѣе, натуральнѣе и вмѣстѣ спасительнѣе, справедливѣе сего правила: *не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобъ тебѣ другой дѣлалъ.* Вотъ гласъ совѣсти, вотъ законъ человѣка, которой согласуется съ Природою, законъ самой Природы, законъ сердца! Что можетъ быть святѣе, натуральнѣе его? Тогда, повторю еще, тогда будутъ щастливы смертные, когда Природа будетъ закономъ ихъ существованія, а разумъ [2])— подпорою сего закона.

Желалъ бы написать объ этомъ цѣлую диссертацію — но......

Законъ Природы — есть святѣйшій,
Которой *всѣ* должны хранить,
А разумъ истиный, чистѣйшій
Щитомъ *закона* долженъ быть, или
Закона духомъ долженъ быть.

1807. Апрѣля 1-го полночь. С.П.б.

Какъ бы люди были еще щастливы, когда бы они всѣ вообще были истинными философами — вотъ заключеніе, выгодное для тѣхъ, которые почитаютъ себя философами, т. е. имѣющими сотую, тысячную долю той философіи, чистой, истинной, которая существовать можетъ въ одномъ воображеніи.

Философъ [3]), какъ мнѣ случалось замѣчать изъ книгъ, никогда не былъ вреденъ ни обществу, ни вообще роду человѣческому.

Вотъ сколько намаралъ изъ своей головы, а пути нѣтъ. *12 часовъ ночи. 1 Апрѣля.*

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ приписано: «врѣзанъ». 2) Къ этому слову въ рукописи сдѣлана слѣдующая прибавка внизу страницы: «Я разумѣю, что разумъ въ такомъ щастливомъ положеніи человѣка не можетъ быть ложенъ, употребленъ во зло». — 3) На поляхъ прибавлено: «Я не разумѣю здѣсь философовъ Французской Революціи. — Это особенный родъ философовъ»!

Вычислено (не знаю только гдѣ, но я читалъ въ Волтерѣ), что естьлибы всѣ люди ѣли мясо, то доставало на каждаго человѣка по 4 фунта. И такъ Ѳедька, Семка и прочая честная братія, вы съ этой стороны щастливы или, когда нельзя быть щастливымъ въ свѣтѣ семъ, то будьте спокойны и знайте, что и васъ есть нещастнѣе, естьли вы почитаете себя таковыми; *но и это не утѣшеніе, когда я знаю, что я не самый нещастливый*, ибо я все таки не щастливъ, а нещастливъ (соборъ словъ не понятный). Въ двѣнадцать часовъ написалъ я предъидущее, теперь двадцать минутъ перваго. «*И такъ, чтоже?*» спроситъ любопытный.—И такъ, буду отвѣчать, двадцатью минутами мы ближе къ щастію, вѣчности! О вѣчность! Всѣ ли тебя такъ жаждутъ, какъ я?

Fare well, my pen and Philosophie, I will sleep. —

Щастіе деревенскаго камина.

Изъ Гольдсмита. Продолженіе на оборотѣ подъ знакомъ ъ[1]).

Такъ какъ мы продолжали прежній споръ съ нѣкоторымъ жаромъ для того, чтобъ примириться въ существѣ дѣла, то всѣ согласились имѣть нѣсколько дичи за ужиномъ. «Мнѣ жаль, вскричалъ (сказалъ) я, — что никакой сосѣдъ или никакой Иностранецъ не будетъ учавствовать въ семъ хорошемъ столѣ (ужинѣ): праздники такого рода пріобрѣтаютъ вдвое болѣе вкуса чрезъ гостепріимство».—Bless me, Боже мой! сказала жена моя: вотъ идетъ хорошій нашъ пріятель, Г. Борчель, которой избавилъ нашу Софью и убѣдилъ васъ, съ добрымъ сердцемъ, въ вашемъ спорѣ...—«Опровергнуть мое доказательство *(child)*!» вскричалъ я. Вы въ этомъ ошибаетесь, моя милая. Я думаю, что очень немногіе могутъ сдѣлать это: я никогда не спорю о вашихъ способностяхъ дѣлать гусиной паштетъ и прошу оставить споры для меня. — Въ то время, какъ я говорилъ, бѣдной Г. Борчель взошелъ въ домъ и былъ хорошо принятъ всей семьею, которая съ нѣжностію пожала ему руку, съ нимъ поздоровалась, между тѣмъ какъ маленькій Дикъ-Ришардъ услужливо подалъ ему стулъ. Мнѣ понравилась дружба сего бѣднаго человѣка по двумъ причинамъ: потому я знаю, что онъ имѣетъ нужду въ моей и что онъ былъ такъ друженъ, какъ только могъ. Его знали въ нашемъ сосѣдствѣ, какъ бѣднаго человѣка, которой ничего не сдѣлалъ хорошаго, когда былъ молодъ, хотя ему и теперь нѣтъ еще тридцати лѣтъ. Иногда говорилъ онъ очень умно; но вообще онъ болѣе любилъ дѣтское общество, которыхъ онъ привыкъ называть невинными ма-

---

1) Дѣйствительно, на листахъ 181 и 180, только снизу вверхъ идетъ продолженіе этого перевода подъ знакомъ ъ.

ленькими людьми. Я нахожу, что онъ былъ славенъ пѣніемъ имъ балладъ и разсказываніемъ повѣстей, и рѣдко выходилъ онъ, не имѣя для нихъ чего-нибудь въ карманахъ, пряника или денежнаго свистка. Обыкновенно пріѣжжалъ онъ на нѣсколько дней въ наше сосѣдство ежегодно и жилъ гостепріимствомъ сосѣдей. За ужиномъ сѣлъ онъ между нами, и жена моя не жалѣла своей смородиновки. Всѣ по очереди разсказывали повѣсти; онъ пѣлъ намъ старинныя пѣсни и разсказалъ дѣтямъ исторію о Беверландскомъ оленѣ съ исторіею терпѣливой Гриссель, произшествія Catskin, а потомъ колыбели прекраснаго Росамонда. Пѣтухъ нашъ, которой всегда поетъ въ одиннадцать часовъ, возвѣстилъ намъ, что пора отдыхать (успокоиться); но непредвиденное затрудненіе состояло въ томъ, гдѣ помѣстить гостя; всѣ наши постели были заняты, и было уже слишкомъ поздно посылать его въ ближній трактиръ[1]). Въ таковомъ затрудненіи маленькой Ришардъ предложилъ ему свою постель, естьли его братъ Моисей позволитъ ему лечь съ нимъ; «а я, вскричалъ Bill, дамъ Г. Борчелю свою, естьли мои сестрицы возмутъ меня къ себѣ».— Хорошо, добрые дѣти, сказалъ я, гостепріимство есть одна изъ первѣйшихъ обязанностей христіанскихъ. Животные укрываются въ свои убѣжища, и птицы улетаютъ въ свои гнѣзда; но безпомощной человѣкъ долженъ найти пристанище у себѣ подобнаго. Самый величайшій иностранецъ въ мірѣ былъ тотъ, которой пришелъ спасти его. Онъ никогда не имѣлъ дома, какъ бы желая узнать, какое гостепріимство осталось между нами. Милая Deborah[2]), сказалъ я женѣ своей, дай этимъ мальчикамъ по куску сахару и Ришарду дай по-больше, потому что онъ говорилъ напередъ».

Рано поутру позвалъ я всю мою семью помочь мнѣ избавить землю отъ сѣна (косить сѣно), и нашъ гость, предлагая свою помощь, былъ принятъ въ наше число. Мы продолжали работу съ легкостію. Я шелъ напередъ, и прочіе слѣдовали за мной въ должномъ порядкѣ. Однакожь я не могъ не примѣтить прилѣжанія Г. Борчеля, которой помогалъ дочери Софьи въ ея работѣ. По окончаніи своей онъ присоединился бы къ ней и вошолъ бы въ тайной разговоръ, но я былъ слишкомъ хорошихъ мыслей о Софіиномъ разсудкѣ и былъ слишкомъ увѣренъ въ ее амбиціи, чтобъ подозрѣвать нѣкоторое безпокойство отъ человѣка съ раззоренным имѣніемъ. Когда мы кончили[3])... мы пригласили Г. Борчеля, такъ какъ и прежде; но онъ отказалъ, говоря, что ему должно ночевать у одного сосѣда, для сына котораго у него былъ

---

1) Продолженіе этого перевода помѣщено, какъ выше сказано, въ концѣ книги на листахъ 131 — 130, но мы помѣщаемъ его здѣсь подрядъ. 2) Сперва въ рукописи это имя было написано по-русски: «Деборахъ». 3) Пропускъ въ рукописи.

свистокъ. Когда онъ ушелъ, то за ужиномъ мы говорили о семъ нещастномъ гостѣ[1]).

In Deo vivimus, movemur[2]) et sumus.

Tout se meut, tout respire et tout existe en Dieu.
Все дышетъ, движится и существуетъ въ Богѣ.

Ф. Волтера Р.

— Мы не можемъ сами собою давать намъ мысли (идей). Предметы также не могутъ давать ихъ намъ. И такъ вѣчное Существо производитъ это.

Что такое идея? чувство? воля и пр.

Это я примѣчающій, я чувствующій, я хотящій.

Все, что существуетъ, должно существовать; все нужно: ибо безъ сего какая бы причина была таковаго существованія[3]).

Естьлибы люди были разсудливы (raisonnables), то у нихъ была бы Религія, могущая дѣлать добро и немогущая дѣлать зла.

Людей управляютъ царствующимъ мнѣніемъ, и мнѣніе перемѣняется, когда распространяется просвѣщеніе.

Чѣмъ менѣе почитаютъ выдумки человѣческіе, тѣмъ болѣе обожаютъ Бога. (Изъ Волтера).

С.П.б. 3 Апрѣля 11 часовъ ночи.

Эпитафія Волтеру.

Plus bel esprit, que grand genie,
Il est mort comm'il a vecu;
Couvert de gloire et d'infamie.

Это мнѣ не нравится.

Волтеръ и Руссо были причинами Французской Революціи.

Это быть очень можетъ. Я замѣтилъ изъ сочиненій Волтера, что онъ много по крайней мѣрѣ способствовалъ къ сему.

С.П.б. 5 Апрѣля 1807.

5 Апр. Волтеръ говорилъ, что много зла на землѣ, и оно никому не полезно; развѣ чтобъ не сказали, что болѣзни были предвидены Богомъ для

1) На этомъ обрывается переводъ, а далѣе идетъ дневникъ. 2) Въ рукописи: moventur. 3) Къ этимъ словамъ сдѣлана авторомъ слѣдующая прибавка: «Слѣственно и я долженъ существовать? Быть можетъ, но пользы въ семъ бытіи никакой не вижу. — Это я прибавилъ, читая *26 Апр. въ полночь*».

щастія аптекарей. Я, говорилъ онъ, страдаю четыре года, и божусь, что это никому не дѣлаетъ добра. (Оптимизмъ, ты терпишь).

Вотъ какимъ образомъ онъ сочинилъ свой Избавленный Римъ. Онъ получилъ въ Люневилѣ у короля Станислава Кребильонову трагедію «Кателина», которую играли въ Парижѣ: «А! вскричалъ онъ: какъ этотъ палачь обезчестилъ бѣднаго Цицерона! Я ему отмщу». На другой день онъ вздумалъ о Избавленномъ Римѣ и всякой день сочинялъ почти по дѣйствію.

Envain par vos travaux vous courez à la gloire,
Vous mourrez: c'en est fait; tout sentiment s'éteint.
Vous n'êtes ni chéri, ni respecté, ni plaint;
La mort ensevelit jusqu'à votre mémoire.

(Автора не знаю, но изъ Ibid.).

Amour! Amour! quand tu nous tiens,
On peu bien dire: adieu prudence.

(Автора не знаю, но изъ Ibid.).

Это совершенная правда или, лучше сказать: ce n'est que trop vrais.

Естьли небо дало мнѣ нѣсколько разуму, я употреблю его для освѣщенія моего пути; но не имѣя (въ недостаткѣ) просвѣщенія и разума, я буду имѣть совѣсть путеводителемъ.

Прекрасно, M-lle Blanche, вы безподобно разсуждаете. О Минево[1]), ты нѣсколько сходно съ нею по своей невинности.

Честолюбіе есть бредъ душъ сильныхъ (fortes), а любовь — нѣжныхъ душъ. — Такъ думалъ Милордъ Ellis, въ Voyageurs en Suisse. — Въ первомъ я согласенъ, а во второмъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Mais à l'humanité, si parfait que l'on fût,
Toujours par quelque foible on paya le tribut.

Это правда: *всѣ люди, всѣ человѣки* (Русская пословица).

Нѣкоторые думаютъ (такъ, какъ и сей Milord Ellis, женившійся не по вкусу, но по привязанности къ имяни жены), что умной человѣкъ (homme d'esprit) долженъ довольствоваться однимъ собою (doit [se] suffire à lui-même), т. е. что такой человѣкъ не имѣетъ нужды въ обществѣ, супругѣ, не имѣетъ нужды въ друзьяхъ.

---

1) Минево—вымышленное имя, подъ которымъ неизвѣстно кто скрывается.

— Какая несправедливость! Что можетъ быть любезнѣе, милѣе супруги, любимой душевно, что можетъ быть утѣшительнѣе дружества? Никогда не соглашусь въ этомъ, хотя бы я былъ и мизантропомъ. Нѣтъ!

(Первой томъ des voyageurs кончилъ съ этими глупыми выписками и замѣчаніями. Теперь второй).

Аксіома: подозрѣніе произходитъ отъ порока. —

Алпійской орелъ — у него есть одинъ только противникъ кондоръ или ястребъ Южной Америки. Тамошніе жители называютъ сего Алпійскаго орла — Лемуръ-Гейеръ, что на ихъ діалектѣ значитъ: ястребъ ягненковъ. Страна, гдѣ онъ обитаетъ, рѣдко видитъ двухъ вмѣстѣ, ибо они истребили бы другъ друга. Любопытно, какъ сражаются съ нимъ коршуны: коршуны, собравшись, составляютъ воздушную армію, которая отдаляется, раздѣляется на баталіоны; даютъ знакъ, одинъ баталіонъ бросается на непріятеля, второй за нимъ слѣдуетъ. Побѣда часто бываетъ нерѣшительна между непріятелями, а особливо когда орелъ молодъ.

Однажды въ Неаполѣ было большое стеченіе народа на площади. Капуцинъ продирается сквозь толпу, всходитъ на скамѣйку, втыкаетъ (потому что водружаетъ слишкомъ много) крестъ въ кучу камней и крестится. Слушатели окружаютъ его и кланяются (prosterner), и капуцинъ начинаетъ свою проповѣдь въ нарѣчіи (idiome) *des lazzaroni*. Текстъ былъ о первоначальномъ грѣхѣ; онъ переноситъ сцену сего перваго преступленія въ Неаполь, бранитъ Неаполитанцевъ такъ, что одинъ Неаполитанецъ въ состояніи выдумать такую дьявольщину. Послѣ сихъ чрезвычайныхъ движеній краснорѣчія, онъ принимаетъ жалостный голосъ, вздыхаетъ, стонетъ, плачетъ, рыдаетъ, поднимаетъ руки къ небу, бьетъ себя въ лобъ, въ грудь; показываетъ слушателямъ адъ, рай, изъ коего выгоняетъ ихъ на всегда. Народъ содрагается, повторяетъ всѣ жесты проповѣдника: слышны хоры слезъ и стенаній. По среди сей жалостной сцены одинъ изъ присудствующихъ осмѣливается взглянуть на хорошенькую дѣвочку, которая проходила. Le Cénobite (монахъ живущій въ обители, а не пустыножитель), раздраженный, выдергиваетъ крестъ, бьетъ по головѣ виновнаго, кровь течетъ, и сей человѣкъ простирается (se prosterne) (упадаетъ, кланяется) передъ крестомъ, которой его билъ. О фанатизмъ! Какъ заражены тобою нещастные люди! — О глупые и злые тунеядцы — монахи! Вы вредны человѣчеству! — Но въ Россіи монахи полезны, по причинѣ семинарій. —

Амедей былъ Бернардинецъ, жившій въ уединеніи, и послѣ сдѣлался Папою. Онъ былъ кажется основателемъ бернардинскаго ордена и былъ ка-

жется какой-то Принцъ — не помню. Волтеръ сказалъ: je n'imiterai pas ce bizarre Amédée, qui voulut être pape et cessa d'être sage.

Нѣкто *Пужетъ*, сынъ Парижскаго часовщика, веселый, забавный, умный, ненавидѣлъ жизнь и сказалъ однажды другу своему, что его удержали на семъ нещастномъ (misérable) глобусѣ одни мѣлкія сочиненія Волтера, что они дѣлали ему удовольствіе ежедневно, и отъ того откладывалъ смерть свою. (Это чудо равно Амѳіонову).

Однакожь онъ убилъ себя.

L'esclave est il coupable en brisant sa prison?
Le juge qui l'attend dans cette nuit obscure,
Est le père et l'ami de toute la Nature:
Rempli de ses bontés, mon esprit immortel,
Va tomber sans frémir dans son sein paternel.

Sidney.

Превосходные стихи.

Галлеръ былъ истинный философъ, и они съ Волтеромъ не любили другъ друга. — Вотъ еще доказательство, что Волтеръ вѣрилъ въ Бога:

«Никакое общество, говоритъ онъ, не можетъ существовать безъ справедливости; и такъ станемъ вѣрить въ Бога справедливаго: законъ Государства наказываетъ только извѣстныя (узнанныя) преступленія; и такъ станемъ вѣрить въ Бога, наказующаго тайныя преступленія».

Вотъ какъ думалъ Великій Волтеръ. —

Волтеръ былъ высокъ, тонокъ, худъ. Подбородокъ и нижняя челюсть не много высовывались впередъ. Взглядъ его былъ огненный, и физіономія одушевлена (animée); ходилъ съ поникшею головою, но когда говорилъ, то съ живостію поднималъ ее. Немногіе въ его лѣта были такъ скоры и легки. Онъ и въ старости былъ одинаковъ, и въ старости имѣлъ одинакое стремленіе, жаръ ко славѣ. О немъ можно было сказать, что онъ былъ богатѣйшій изъ умнѣйшихъ (sage) и умнѣйшій изъ богатѣйшихъ. Онъ переѣхалъ на озеро Леманъ, далъ своему дому названіе *Délices* и прославлялъ его въ началѣ [въ] своемъ посланіи такимъ образомъ:

O maison d'Aristippe! ô jardin d'Epicure!...

Всякой дѣлаетъ, что можетъ. Діогенъ ворочалъ свою бочку, между тѣмъ какъ Аѳиняне строили флотъ.

Это писалъ Волтеръ къ Польскому Королю Станиславу.

Лучшая Эпитафія Волтеру.

O Parnasse! gémis de douleur et d'effroi!
Muses, pleurez, brisez vos lyres immortelles!
Toi, dont il fatigua les cent voix et les ailes,
Dis que Voltaire est mort, pleure!... et repose-toi.

(Все изъ Voyageurs en Suisse).

Il semble à trois gredins, dans leur petit cerveau,
Que pour être imprimés et reliés en veau,
Les voilà dans l'état d'importantes personnes
Qu'avec leur plume ils font le destin des couronnes.

Волтеръ, критикуя Ж. Ж. Руссо, которой хулилъ Петра Великаго за переобразованіе Русскихъ, говорилъ, что онъ хотѣлъ изъ нихъ сдѣлать Нѣмцовъ, Англичанъ и чрезъ то помѣшалъ своимъ подданнымъ достичь до того, до чего они могли бы достичь. Что Русское Государство захочетъ покорить Европу и будетъ покорена (sic) сама; Татары, подданные Русскіе или сосѣди ихъ, сдѣлаются ихъ владѣтелями и нашими (говоритъ Иванъ Яковлевичь Руссо о себѣ). Волтеръ критикуетъ это и говоритъ, что одинъ Русской, читая это у Руссо, очень кстати сказалъ предыдущіе сіи стихи.

(Правда, что люди, почитая себя авторами, чортъ знаетъ чего о себѣ не думаютъ).

Всякой, говоритъ Волтеръ, разумѣя о Ж. Ж. Руссо, можетъ что хочетъ говорить о Аѳинянахъ, Римлянахъ и древнихъ Персахъ. Онъ можетъ управлять въ мысляхъ двѣ или три тысячи милей земли, между тѣмъ какъ онъ не въ состояніи управлять своею служанкою. Мнѣ будутъ отвѣчать, продолжаетъ онъ, что Діогенъ и Аретинъ были терпимы; хорошо; но муха, видя однажды ласточку, которая летая унесла паутины (пауковы), хотѣла тоже сдѣлать, но была поймана.

Правда, что Иванъ Яковлевичь зарепортовался, говоря о Петрѣ Великомъ.

Первый, начавшій крестовые походы, былъ Папа Григорій VII, дурной человѣкъ. Урбенъ II имѣлъ тоже намѣреніе. Св. Лудовикъ погибъ въ крестовыхъ походахъ въ Тунисѣ. Впрочемъ Св. Лудовикъ былъ хорошій Государь.

5 Апрѣля. С.П.б. 1807.

Теперь погода пресквѣрная, все идетъ градъ, и цѣлой день шелъ и всю ночь. *5 Апр.*

18 Апрѣля. Давно не имѣлъ я удовольствія развертывать и писать въ сей книгѣ, но нынче собака моя довела меня до этого. Надобно записать ее рожденіе и наименованіе. Она родилась 20 Марта въ понедѣльникъ, а ко мнѣ взята сегодня, т. е. 18 Апрѣля въ четвергъ. Я далъ ей имя *Лельсонъ*, *Lelson*, т. е. сынъ Леліо, древняго Славянскаго божка (кажется) любви, равнаго Амуру. — И такъ, мой Лельсонъ, обращаюсь къ тебѣ — будь мнѣ въ утѣшеніе, новой предмѣтъ разсѣянности. А я всегда желаю наслаждаться разсѣянностію и разнообразіемъ. Это родъ моего *девиза. 18 Апр.*

20 Апрѣля. Во всемъ, что существуетъ, есть выборъ. Для чего есть извѣстное число родовъ, для чего не болѣе и не менѣе? Для чего, говоритъ справедливый *Кларкъ*, планеты обращаются такимъ, а не инымъ образомъ? Я признаюсь, что между прочими доказательствами, слѣдующее меня болѣе поражаетъ: *Есть выборъ; слѣдственно есть Существо, управляющее по своей волѣ?* (Волтеръ изъ Homelie sur l'atheisme). — Вотъ доказательство наисильнѣйшее всѣмъ безбожникамъ, и Дидеротъ не могъ бы опровергнуть его.

Зло наводняетъ землю. Скажемъ ли, что есть дурное начало (существо), которое портитъ творенія начала добродѣтельнаго? Но для чего сіе дурное начало (причина) не вредитъ остальному порядку теченія Природы? Для чего бы она озлобилась мучить нѣсколько слабыхъ тварей на маленькомъ (бѣдномъ) шарѣ, между тѣмъ какъ бы она уважала прочія произведенія своего непріятеля.

Возмемъ ли мы сторону оптинизма? Это есть въ самой сущности сторона отчаявательной судьбы (предопредѣленія). Лордъ Шафтерсбури первый ввелъ въ довѣренность сію печальную систему. *Законы*, говоритъ онъ, *центральной силы и растѣній (нія) не будутъ перемѣнены для мѣлкаго и слабаго животнаго, которой, будучи покровительствоваемъ*[1]) *сими самыми Законами, будетъ скоро превращенъ ими въ пыль*[2]). Изъ *Idem*. (Ibid. и Idem почти все равно).

Оптинизмъ глупъ, ибо нещастные не повѣрятъ, когда имъ будутъ толковать, *что все хорошо, нѣчего ожидать лучше*. Лучше говорить имъ о безсмертіи души . . .

Когда Папа Sixte IV велѣлъ умертвить двухъ Медицисъ въ церкви de la Reparade, въ ту самую минуту, когда поднимали (élever) въ глазахъ народа Бога, имъ обожаемаго, Папа былъ спокоенъ въ своихъ чертогахъ, не безпокоясь, удастся ли или нѣтъ заговоръ: онъ былъ увѣренъ, что Флорен-

---

1) Въ рукописи на поляхъ написано: «слово дурно, длинно, такъ, какъ и многіе другіе, но я пишу для я, и наконецъ выдетъ я». 2) На поляхъ противъ этого мѣста написано: «Я сего же мнѣнія, и вышесказанное согласуется съ моими мыслями».

тинцы не посмѣютъ мстить ему, потому что онъ бы ихъ отлучилъ отъ церкви (excomunier), и что они просили бы у него прощенія на колѣнахъ въ томъ, что осмѣлились жаловаться. —

— Очень вѣроятно, что атеизмъ былъ философіею всѣхъ сильныхъ людей, которые проводили жизнь свою въ кругу преступленій, которые[1]) были называемы глупцами *политикою, образомъ правленія*. (Этого я не знаю и судить объ этомъ не могу).

Les Phalaris, les Busiris съ справедливостію смѣялись надъ баснями Церберы и Эвменидъ: они видѣли, что очень было смѣшно представлять, что Тезей вѣчно сидѣлъ на скамейкѣ, и что воронъ безпрестанно рвалъ растущую печенку Прометееву. Таковыя глупости, кои обезчестивали Бога, уничтожали Его въ глазахъ ихъ. О нещастные школьные богословы, да научитъ васъ сіе сумабродство (sic) не представлять Бога смѣшнымъ образомъ; вашими нелѣпостями разпространяете вы атеизмъ, которой хотите побѣждать. (Спиноза, La Mettrie были безбожники[2]). Diderot тоже).

Le ciel est dans ses yeux,
L'enfer est dans son ame (одна и таже строчка). De Voltaire.

Каминъ воображенія.

Во время скучное печали и нещастья,
Когда все пасмурно и на дворѣ ненастье,
Тогда печаль моя съ печалію природы,
Унынiе души и дурнота погоды —
Встревожатъ[3]) пылкое мое воображенье,
И я, представъ то нещастно положенье,
Въ которомъ смертные проводятъ жизнь свою,
Теряюсь въ мысляхъ весь.
Когда мой чижичикъ, повѣсивъ носъ, сидитъ,
И все вокругъ меня, все Сентябремъ глядитъ;
Когда, набравши дровъ, каминъ свой затопляю
И слабый синій огонекъ мѣхами раздуваю, —
Тогда съ уныніемъ сажусь противъ него;
Забывши цѣлой свѣтъ и друга[4]) своего,
Бесѣдую одинъ, одинъ съ моимъ воображеньемъ,
(И, видя ходъ вещей и времяни стремленье)[5]),

1) Вѣроятно: «которыя», т. е. преступленія. 2) На поляхъ прибавлено: «Лучше атеисты». 3) Сначала вмѣсто этого слова было написано: «Разстроютъ». 4) Въ рукописи на поляхъ примѣчаніе: «Лельсона своего — послѣднее справедливѣе». 5) Продолженіе стихотворенія въ рукописи идетъ черезъ два листа, но мы перенесли его сюда.

Нещастье всѣхъ людей, ничтожность жизни ихъ,
Которая кратка, какъ самый скорый мигъ, —
Теряюсь въ мысляхъ весь, себя самъ забываю —
Но вдругъ смущенный взоръ въ каминъ я обращаю
И вижу угольки потухли уже тамъ.
Вотъ участь всѣхъ людей, *вотъ цѣль ихъ суетамъ.*
Жаръ въ углѣ пропадетъ — и уголь потухаетъ:
Такъ послѣ славы всей и смертный умираетъ!

26 Апрѣля. Полночь.

Вотъ что нагородилъ, лежа на постелѣ, а не у камина, не имѣя ни чижа, ни друга. Но что же дѣлать отъ безсонницы, присовѣтуйте что нибудь лучшее— и вашъ покорной слуга повинуется.

Стихи сіи значатъ, что *люди суть угли.*

---

21 Апрѣля. 11 часовъ ночи. Многіе смѣются надъ суевѣріемъ простыхъ людей; но я ничего не нахожу въ этомъ смѣшнаго. Конечно, иногда улыбнешься, но по какой-нибудь другой причинѣ. Кто можетъ опредѣлить, кому и чему должны люди вѣрить? Они вѣрятъ вздору и выдумкамъ такихъ же простяковъ, какъ и сами; просвѣщенные вѣрятъ Единому Богу и презираютъ нелѣпыя выдумки и предразсудки. Но кто можетъ знать, что сіи послѣдніе не ошибаются въ понятіи Существа, сотворшаго небо и землю? Люди должны слѣдовать врожденному чувству и не отдаляться отъ разсудка, дарованнаго Щедрымъ Провидѣніемъ. — Здѣшній свѣтъ дуренъ, очень дуренъ; мы не видимъ причины, для которой мы брошены въ сей бѣдный міръ; должны разумѣть Бога-Творца безконечно добрымъ, безконечно мудрымъ, творящаго все съ благимъ намѣреніемъ, слѣдственно по всѣмъ симъ тремъ причинамъ должны полагать жизнь будущую, лучшую настоящей, для которой мы созданы, должны надѣется (sic) на безсмертіе души нашей.

Гласъ Божій вопіетъ *ко мнѣ* изъ сердца моего:
«Ты живъ! надѣйся, что по смерти не умрешь,
Что послѣ жизни сей, страданья своего —
Въ жизнь райскую, щастливу перейдешь».

Le secret d'ennuyer est celui de tout dire.
Il n'est de vrais plaisirs qu'avec de vrais *besoins*.

Когда я это читалъ въ Voyage en Suisse, то вмѣсто besoins мнѣ показалось *boissons*, и для того я это замѣтилъ.

Нѣтъ веселья безъ вина — (и для того я намѣренъ былъ это перевести).

Половину жизни своей проводятъ, начиная все одно и тоже — изъ Lantier V. en Suisse.

26 Апрѣля. 12-й часъ ночи. Какъ люди нещастны! Существуютъ скептики! Люди бываютъ до такой степени нещастливы, что не вѣрятъ своему нещастію, сумнѣваются, чтобъ жизнь человѣческая была такъ дурна, и сами (люди) смертные такъ бѣдны. Они во всемъ сумнѣваются, даже и въ своемъ существованіи. И мнѣ самому приходила иногда такая мысль, что всѣ чувства и впечатлѣнія произходятъ единственно отъ воображенія, что когда человѣкъ чувствуетъ ударъ, то ему больно отъ одного воображенія. Слѣдовательно я бывалъ иногда скептикомъ, совсѣмъ не зная и даже не слыхавъ о скептисизмѣ [1]).

Умный любитъ Монархическое правленіе; честолюбивые — Аристократическое, а дураки и разбойникъ — демократическое. — Изъ V. en Suisse [1]).

Люди на высокихъ горахъ чувствуютъ болѣе легкости въ тѣлѣ, дыханіи, болѣе ясности (sérénité) въ умѣ (esprit). Желанія тамъ умѣреннѣе, страсти не такъ сильны, и кажется, что, возвышаясь отъ пребыванія людей, оставляешь внизу всѣ земныя чувствованія. Это замѣчаетъ Saint-Preux de J. J. Rousseau. (Изъ Idem).

Dans le Haut-Valais есть золотыя руды, которые запрещено exploiter (Saint-Preux изъ Idem).

29. Секта Моравиновъ сходствуетъ съ димплерами. У нихъ все общее. Они живутъ въ Моравинѣ, въ Новой Англіи. Бородъ не брѣютъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ дѣтей берутъ отъ родителей въ публичное училище и утверждаютъ, что отцы никогда не могутъ узнавать дѣтей своихъ, и что члены сего общества, а особливо начальники пользуются своими женами всѣ вмѣстѣ (en commun).

Пить здоровье — обычай очень старой. Гомеръ объ ономъ упоминаетъ.

Въ Испаніи есть секта бичующихся, и по окончаніи въ церкви видно очень много крови.

Charles le Téméraire — Карлъ Дерзкій, Герцогъ Бургонскій — воевалъ съ Швейцарскими кантонами и былъ побѣжденъ.

Нынче погода прекрасная, также, какъ вчера и прежде. На сихъ дняхъ видѣлъ я вдовствующую Государыню. Я ей поклонился, она отвѣчала.

---

1) Противъ этого мѣста на поляхъ написаны слѣдующія слова: «Это не совсѣмъ справедливо, потому что скептики не только не вѣрятъ своимъ нещастіямъ, но и ничему на свѣтѣ».
2) Въ рукописи на поляхъ противъ этого мѣста приписано слѣдующее: «Это глупо соврано и совсѣмъ несправедливо. 26 Ноября, когда читалъ *Бредъ*».

Она обѣдала въ Таврическомъ дворцѣ — день рожденія Конс[тантина] Павл[овича]. Нева вчера, 28 Апрѣля, тронулась, но не вся еще прошла; я былъ два раза на набережной, у обѣдни въ Капитулѣ Малтійскаго ордена (церкви)[1])

Каминъ[2]).

Во время скучное печали и нещастья,
Когда все пасмурно и на дворѣ ненастье;
Когда мой чижичикъ повѣсивъ носъ сидитъ,
И все вокругъ меня, все Сентябремъ глядитъ;
Когда, набравши дровъ, каминъ свой затопляю
И синій[3]) огонекъ мѣхами раздуваю: —
Тогда съ уныніемъ сажусь противъ него,
Забывши цѣлой свѣтъ и друга[4]) своего,
Бесѣдую одинъ съ моимъ[5]) воображеньемъ.
И, видя ходъ вещей, и времяни стремленье,
Нещастье всѣхъ людей, ничтожность жизни ихъ,
Которая кратка, какъ самый скорый мигъ, —
Теряюсь въ мысляхъ весь, себя самъ забываю;
Но вдругъ смущенный взоръ въ каминъ я обращаю
И вижу — угольки потухли уже тамъ.
Вотъ участь всѣхъ людей, награда суетамъ:
Жаръ въ углѣ пропадетъ[6]) — и уголь потухаетъ;
Такъ, послѣ славы всей, — и смертный умираетъ![7]) —

26 Апр. 1807. С.П.б.

и видѣлъ въ караулѣ у Литейнаго двора А. Граматина, котораго Гр. Аракчѣевъ велѣлъ на другой день посадить подъ арестъ за то, что солдатъ, отдавая ему честь, *ошибся*.

2-го Мая. Мысли на балконѣ (на Фурштадской улицѣ, въ домѣ поганой Корфши, гдѣ мы нанимали противъ кирки)[8]).

Закуривши трубку, сажусь я на балконѣ. Первой предметъ, которой представляется глазамъ моимъ, есть *Садъ Таврическій*. Взоръ остановляется

1) На этомъ словѣ оканчивается 34-й листъ въ рукописи и продолженіе разсказа идетъ на оборотѣ 35-го листа, а на первой страницѣ этого листа находится помѣщенное здѣсь стихотвореніе: Каминъ. 2) Къ этому стихотворенію самъ авторъ сдѣлалъ въ концѣ примѣчанія, которыя мы здѣсь приводимъ, относя къ соотвѣтствующему слову, а именно: 3) «слабый»; 4) «Лельсона»; 5) «одинъ»; 6) «кончится»; 7) «такъ послѣ вранья и Н. Т. засыпаетъ. 26 Ноября, когда читалъ *Бредъ*». 8) Слова въ скобкахъ, судя по смыслу и по почерку, вставлены позже.

и воображеніе дѣйствуетъ. — Я представляю себѣ, отъ чего садъ сей называется *Таврическимъ*. Потемкинъ! Ты, думаю, былъ причиною сего имяни; ты назывался *Таврическимъ*. — Отъ сада перехожу къ сему вельможѣ, бывшему предметомъ почтенія, уваженія и (даже) разговоровъ всей Россіи.— Тутъ приходитъ мнѣ на мысль *Сонъ Радищева*, когда онъ ѣхалъ въ Москву *(Ѣзда въ Москву)*. Сей вельможа изъ ничего [достигъ] высочайшей степени величія, до которой можетъ достигнуть Россіянинъ. Но наконецъ забылся, возмечталъ о себѣ слишкомъ много и пожелалъ имѣть болѣе, быть еще славнѣе,— пожелалъ — и потерялъ все, совершенно все. Вотъ участь человѣка: *блеснетъ — и потухнетъ на вѣки*. — Тутъ бросаю взоръ въ другую сторону и вижу *Реформатскую церковь*. Вотъ, говорю я самъ себѣ, вотъ какъ люди удалены отъ натуральнаго существованія. Вотъ церкви, различныя вѣры, различныя мнѣнія; но *всѣ* вѣрятъ въ *Единаго Бога*. Кажется сего довольно, мысли всѣхъ одинаковы въ существованіи Творца, — нѣтъ, одни люди заставляли другихъ людей вѣрить еще ихъ выдумкамъ, которые онѣ почитали справедливыми и думали, что всѣ невѣрящіе тому, чему они сами вѣрятъ,— всѣ будутъ послѣ смерти осуждены; гнали ихъ. Кровь нещастныхъ текла рѣками; съ окровавленнымъ мечемъ фанатикъ благодарилъ Бога, общаго Отца, за то, что будто бы Богъ, милосердый Отецъ всѣхъ смертныхъ, помогъ ему умертвить своего брата, такого же человѣка; кровожадный фанатикъ, вонжая мечь въ грудь своего собрата, думалъ, что чрезъ то угождаетъ Богу, надѣялся заслужить жизнь вѣчную и райскую; и потомъ, погибая самъ отъ руки врага своего, почиталъ себя мученикомъ и опять надѣялся быть въ раю[1]). —

Отъ сего произошли различные вѣры, различные обряды, которые всѣ справедливы и несправедливы[2]). Всякой хвалитъ свою. Нещастные! вспомните, что вѣрите всѣ одному и тому же Богу, Творцу вашему и всей Вселенной! Чтоже нужды, что одинъ покланяется и благодаритъ Его такъ, другой иначе? Наружность ничего не значитъ: лишь бы внутренность была чиста. Вы всѣ почитаете Его Творцемъ своимъ и Природы, почитайте — и щадите кровь вашихъ нещастныхъ собратій. Но что говорю я: вы гораздо ихъ нещастнѣе! Страшитесь: кровь неповиннаго вопіетъ на небо. Ужасные

---

1) Въ этомъ мѣстѣ на поляхъ рукописи написаны слѣд. французскія слова съ переводомъ на русскій: «*patène* — значитъ тарелочка, которою католики покрываютъ *потиръ*; septuagénaire — 70 лѣтній; septuagésime — недѣля блуднаго сына; indulgence — снизхожденіе, разрѣшеніе грѣховъ; *énoncer* — изъяснить; *trève* — перемиріе, часовня; Suspension — отсрочка; дароносительница; задержаніе, оставленіе слушателей въ недоумѣніи (рит. фигура).
2) Противъ этихъ словъ въ рукописи на поляхъ написано слѣдующее: «Заключеніе совсѣмъ несовмѣстное предыдущему».

мысли представлялись моему воображенію; я старался забыть ихъ и отвернулся отъ кирки, но опять былъ пораженъ ужасомъ и состраданіемъ: я взглянулъ на *Литейную* — и сердце мое при семъ имяни облилось кровію. Улица сія получила свое имя отъ *литейнаго двора*. Тутъ льютъ пушки, пули, бомбы и все, принадлежащее къ Артиллеріи. — Что? для чего льютъ это? Для того, чтобъ убивать людей, себѣ подобныхъ. Содержатъ арміи для пораженія людей, своихъ собратій и вмѣстѣ враговъ; изобрѣтаютъ вреднѣйшія для непріятелей средства. Мать теряетъ сына и въ немъ всю свою надежду, утѣшеніе; молодая женщина дѣлается вдовою, дѣти сиротѣютъ! Война! война! При семъ имяни сердце чувствительное содрогнется! Величайшее зло изъ всѣхъ золъ земныхъ! Зачѣмъ воюютъ и проливаютъ кровь? Гоняются за славой, за пустой славой. Самый невыгодной миръ лучше самой выгодной, славной войны. — О, проклятый Бонапарте! Ты *одинъ* былъ причиною пролитія *рѣкъ* крови человѣческой. Сколько существованіе одного человѣка можетъ перемѣнить на земномъ шарѣ! Вотъ ужасныя мысли, занимавшія меня на балконѣ; но трубка выкурилась и возвратила меня въ мою комнату, возвратила меня скукѣ. Но скука лучше ужаса. Это безпорядочно набросано; но напоминаю, что это ничто иное, какъ мысли. Много, много другихъ мыслей занимали меня, но

Le secret d'ennuyer est celui de tout dire.

Конечно я никому не могу наскучить, потому что никто этого читать не будетъ; но я и себѣ боюсь наскучить.

2-го Мая.

Нынче погода пасмурна, а вчера была хороша; много было на гуляньѣ; я не былъ; многіе увязали въ грязи, ихъ многіе вытаскивали; многіе очень много болтали послѣ гулянья, много смѣялись (болтали и смѣялись многіе вчера у Путятиныхъ, коихъ очень много).

3-го Мая. Я, подобно Марку Аврелію, скажу, что нынѣшній день для меня потерянъ; онъ говорилъ это потому, что въ продолженіе дня не сдѣлалъ ничего добраго. Я же — потому, что ничего не вписалъ въ эту книгу. 11 часовъ. Написано по прочтеніи *мыслей на балконѣ*.

Москва. 31 Мая 1807.

Возвращаюсь къ тебѣ, *Бѣлая Книга*, одному изъ двухъ утѣшеній, оставшихся мнѣ въ семъ мірѣ, по крайней мѣрѣ на сей годъ. Лельсонъ, другое утѣшеніе мое, спитъ. Все вокругъ меня тихо. Оставляю сегодня купленную трубку и сажусь бредить. Теперешнее упражненіе мое соотвѣтствуетъ на-

званію сей книги, потому что я брежу въ полночь. 12 бьетъ часовъ на столовыхъ зеленыхъ часахъ въ залѣ. Самая непріятная новость встрѣтила меня въ Москвѣ. Предчувствія сбыточны. Мнѣ что-то не хотѣлось ѣхать въ Москву. Леманъ, добрый Леманъ пресѣлился отъ сей нещастной жизни въ будущую, лучшую и спокойнѣйшую. Вотъ первое, чѣмъ пораженъ былъ слухъ мой по пріѣздѣ въ Москву. — Все вмѣстѣ, одно за другимъ меня поражаетъ. Смерть отца — но довольно ли сказать: *отца*, какого отца! Могу ли я выразить то, что я потерялъ въ немъ? Нѣтъ. Потомъ смерть человѣка, котораго любилъ и почиталъ душевно, съ которымъ, однимъ въ свѣтѣ, могъ говорить откровенно. Я мечталъ, надѣялся забывать съ нимъ иногда свою скуку, но надежда по обыкновенію меня обманула. Я теперь совершенно одинъ; въ утѣшеніе осталось мнѣ сказать: *чтожъ дѣлать?* и погрузиться въ мрачную меланхолію. Мнѣ кажется, что всѣ, къ кому я привязанъ, хотятъ меня оставить, хотятъ умирать. Умирайте—я останусь одинъ, но вскорѣ за вами послѣдую.— Мнѣ очень скучно. Я собираю мальчиковъ, велю имъ кричать, говоря, что они поютъ, забавляюсь ихъ невинностію; но все не знаю, что дѣлать.

Іюня 5. Когда злоупотребленіе вкоренилось, то надобно громовый ударъ, чтобъ истребить его. Волтеръ.

Всѣ эти дни я самъ не свой. Никакъ не могу ни о чемъ думать, ни писать въ этой книгѣ. Я читалъ покойнаго Батюшки письмо къ Гамалею, тамъ между прочимъ нашелъ я слѣдующую мысль: *Отъ человѣка все зависитъ, но отъ скольких безделицъ и человѣкъ зависитъ*. Совершенная правда.

Гляжу въ окошко: нѣтъ ни одного предмета, которой бы напоминалъ мнѣ что нибудь радостное. Всѣ предметы либо ничего не значатъ, либо заставляютъ меня отвращать взоръ. — Надѣюсь, что по изтеченіи сего года образъ жизни моей перемѣнится, но не надѣюсь чрезъ перемѣну сію лучшаго. Развѣ будетъ случай куда нибудь ѣхать далеко, далеко!

Іюня 5. Изъ всѣхъ системъ та, которая показываетъ намъ наше ничтожество, не естьли самая лучшая? (raisonnable). *Voltaire*.

Сколько мнѣ случалось замѣтить, всѣ, которые философствуютъ на словахъ и въ сочиненіяхъ, которые говорятъ о ничтожности жизни сей, о тщетности человѣческихъ занятій, о пустотѣ ихъ честолюбія и о прочихъ, тому подобныхъ вещахъ,—на дѣлѣ заставляютъ думать о себѣ совсѣмъ противное. Примѣромъ могутъ служить очень, очень многіе. (Волтеръ, естьли можно подлѣ него поставить — Дмитріевъ и прочіе).

5 Іюня. Однажды сижу я задумавшись въ кофейномъ домѣ; вдругъ одинъ молодой человѣкъ, которой все вертѣлся, пѣлъ и свисталъ, подошелъ

къ столу, подлѣ меня стоявшему, и, увидѣвъ на немъ лежащую табакерку, обернулся ко мнѣ и сказалъ голосомъ самымъ нѣжнымъ: «Смѣю спросить, чья это табакерка»? Я отвѣчалъ, что моя; онъ *вторилъ*: «Извините мою смѣлость». Потомъ, отпустивъ мнѣ еще съ полдюжины учтивостей такого рода, сказалъ, нѣсколько подумавши: «*Ландшафтъ на вашей табакеркѣ превосходенъ*». Я сказалъ *да*. *Онъ*. Вѣрно она изъ Парижа? *Я*. Нѣтъ. *Онъ*. Изъ Лондона? *Я*. Еще того менѣе. *Онъ*. Да скажите, сдѣлайте одолженіе. Правда, что изъ Лондона рѣдко выходитъ что-нибудь превосходное; но естьли она не изъ Парижа, то я не понимаю, откуда она вывезена. Кто, кромѣ Француза, въ состояніи сдѣлать такую прекрасную вещь?—*Я*. Русской. *О*. Помилуйте, вы шутите, что ни сдѣлаетъ Русской, то все это пахнетъ Русскимъ. *Я*. Вы не ошибаетесь. — *О*. Впрочемъ я люблю моихъ компатріотовъ. При всемъ ихъ невежествѣ и дикости, они добры, что называется по Фр[анцузски] *bon homme*. И этого-то нельзя сказать по-Русски. *Я*. (къ служителю) Подай мнѣ стаканъ воды. Погода пасмурна, мнѣ хочется спать. *Служ*. Нѣтъ, сударь, погода прекрасная (что въ самомъ дѣлѣ правда, но я чуть-чуть было не заснулъ отъ лепетанья сего повѣсы). Сей молодой человѣкъ, будучи человѣкъ свѣтской, слѣдовательно и проницательный, примѣтилъ, что я въ одну минуту сказалъ служителю болѣе, нежели ему въ тридцать или сорокъ, повернулся и отошелъ къ зеркалу, оправилъ жабо, вытянулъ манишку, взбилъ хохолъ и такимъ образомъ по окончаніи своего туалета, обернулся назадъ, забилъ одну руку въ (нижнее платье) штаны, а другой рукавомъ началъ чистить ихъ (штаны) и въ такой позиціи, нагнувъ шею, какъ бодрая лошадь [1]), стуча каблуками, подошелъ ко мнѣ и вдругъ, вытянувши шею и вздернувъ и опустивъ носъ, зѣвнувъ, сказалъ: *A diable!* и пропѣлъ мнѣ: однимъ словомъ ваша табакерка восхитительна. Но, сказалъ онъ, подумавъ немного: вы, я думаю, знаете, что нынче почитается *du bon ton*—имѣть фаворитную націю, любить жителей ея болѣе прочихъ и стараться подражать имъ во всякой бездѣлицѣ. *Я*. Нѣтъ не знаю. *О*. Вы шутите, но шутки на сторону; вы по вашему задумчивому виду похожи на Англичанина, и вѣрно вы это имитуете. Признайтесь: вѣрно Англія ваша фаворитная нація? — *Я*. Все это для меня не понятно, и не знаю, въ чемъ признаваться. *О*. То есть, сказать вамъ однимъ словомъ: вы болѣе всего любите Англичанъ. *Я*. Нѣтъ. *О*. Ну такъ Французовъ? *Я*. Нѣтъ. *О*. Этому я вѣрю, ну такъ неужели Нѣмцовъ? *Я*. Нѣтъ. *О*. Да кого же? *Я*. Я люблю людей честныхъ. *О*. О, этотъ отвѣтъ много значитъ. Не уже ли можно любить Нѣмца, хотя бы онъ былъ разчестенъ. Вообще Нѣмцы

1) Въ рукописи противъ послѣднихъ словъ сдѣлано такое примѣчаніе: «NB. Онъ слишкомъ много взялъ на себя быть лошадью! (Онъ.... —)».

всѣ такъ неловки, говорятъ все des platitudes и думаютъ, что говорятъ *bon mot*. Отъ нихъ вѣчно воняетъ табакомъ. Да нѣтъ, Нѣмцы совсѣмъ не привлекательны. — Ну, и такъ вы естимуете честныхъ людей; это справедливо по вашему? *Я*. Да. *О*. Да скажите же, какая у васъ вообще фаворитная нація, какой пародъ вы болѣе прочихъ любите и имитуете, т. е. подражаете? *Я*. Вообще люблю болѣе Русскихъ, только не болтуновъ, обезьянничать никому не хочу, а научаться хорошему и полезному стараюсь у всякаго. — Довольно ли? *О*. Какъ, Русскихъ? bravo! вотъ забавно—любить Русскихъ, этихъ бородачей, этихъ невѣждъ, варваровъ. *Я*. Ежели ты, повѣса, осмѣлишься еще розинуть ротъ для хулы Русскихъ, которымъ ты быть не достоинъ, и чѣмъ я горжусь, то берегись; вызвать тебя на поединкѣ будетъ для тебя много, и ты этого не стоишь, но вотъ взгляни на мою палку и знай, что она заставитъ тебя молчать, ежели слова мои на тебя не подѣйствуютъ.

Молодой повѣса вздумалъ было горячиться, вызывать меня на дуэль, но узнавъ, что противъ его шпаги я хотѣлъ драться палкою, которою на него погрозился, — отвернулся отъ меня, засвисталъ и пошелъ вонъ.

Дни черезъ два увидѣлъ я въ томъ же кофейномъ домѣ одного моего пріятеля; подлѣ него сидѣлъ одинъ молодый человѣкъ, имѣющій отъ Природы прекрасныя дарованія и обогатившій умъ свой большими свѣденіями. Мой пріятель говорилъ ему о Философіи и старался направить его неопытный умъ на путь истинны и Философіи.

10 Іюня. Я разсказалъ моему пріятелю о семъ шалунѣ, и онъ мнѣ сказалъ, что этотъ повѣса живетъ у какой-то Графини или Княгини. Ѣздитъ во Французскія лавки покупать *bonnets*, *ridicules* и разныя тому подобныя глупыя мѣлочи, привезенныя изъ Парижа; что иногда дѣти сей Гр. или Кн. даютъ ему щелчки въ носъ, какъ сказано въ Евгеніѣ Лукичѣ Развратинѣ, дерутъ (оттягиваютъ) уши, и безъ того длинныя. Знакомый моего пріятеля, услышавши нашъ разговоръ, сказалъ, что онъ въ тотъ день былъ у сей Графини или Княгини и самъ слышалъ, какъ этотъ шутъ разсказывалъ о семъ произшествіи съ большимъ жаромъ и въ заключеніе сказалъ, что онъ меня вызывалъ на дуэль, и что я струсилъ. Я спросилъ у сего знакомаго, кто такой этотъ шутъ? Онъ сказалъ, что это Полякъ, перекрестившійся въ Греко-Россійскую вѣру. Я сказалъ ему: Я уже его знаю, но естьлибы и не зналъ, то не очень бы хорошихъ былъ о немъ мыслей, узнавъ, что онъ Полякъ да еще въ добавокъ — и перекрестившійся! *10 Іюня. Это все одна мечта.*

7 Іюня послѣ обѣда. 6-й часъ. Сей часъ читалъ Волтера и нашелъ тамъ, что у Египтянъ театръ былъ во храмахъ. И послѣ у христіанъ играли на театрѣ Страсти Х. и Таинства; съ 14 вѣку начали и Французы тоже. Но

Кастельветро утверждаетъ, что въ Италіи съ незапомнимаго времяни это дѣлалось. Да и у насъ осталось нѣчто такое, т. е. *умовеніе ногъ*. — Теперь солнце печетъ, громъ гремитъ, и дождь ливма льетъ: все вмѣстѣ[1]). И какъ пріятно, покойно сидѣть подъ окошкомъ на постелѣ съ трубкою и Лельсономъ: все вмѣстѣ, и съ Бѣлой Книгой: эти минуты будутъ для меня памятны.

(Хотѣли изъяснить чувства и выдумали слова Egoïste, но теперь ихъ надо объяснить)[2]).

Одинъ крупной дождь идетъ прямо, другой мороситъ вкось; капли свѣтятся отъ солнца, растѣнія животворятся; трубка курится... Какая картина! И перо испортилось. Вода съ кровли течетъ въ кадки. Люди стоятъ у дверей. Я съ трубкой и Лельсономъ и думаю у открытаго окошка. О восторгъ! Пока пріятно. Ребятишки стояли въ балаганѣ, тамъ потопило, и я велѣлъ загнать туда гусей, и они тамъ плаваютъ. Нѣмцы въ саду у Науша работаютъ въ канавѣ и бѣгаютъ по саду. Какая картина! Микитка 3-хъ лѣтъ смотритъ въ балаганъ. Ребята ходятъ по саду тамъ. Варвара съ толстой ж<. . .>й ходитъ по двору, поднявши юпку. Несносно жарко!

Несносно глупо![3])

10 Іюня. Дня съ три тому назадъ, какъ шелъ сильный дождикъ, и какъ я сидѣлъ подъ открытымъ окошкомъ и писалъ предыдущій вздоръ. И читать-то этого никогда не стану; выдралъ бы (нѣтъ, не выдралъ бы) вонъ сей листъ, да нѣтъ, на что же? — Третьяго дня я купался ввечеру подъ колодцемъ; вода прехолодная. — Ѳедка тоже купался, но очень много и отъ того, кажется, на другой день занемогъ. — Вчера послала меня Матушка къ родимой моей Тетушкѣ, которая всегда говоритъ, что меня любитъ и сдѣлаетъ наслѣдникомъ послѣ своей дочки (какъ будто бы мнѣ ея наслѣдство и любовь нужны; что наслѣдство, что любовь ея для меня совершенно одно; я всѣмъ равно пренебрегаю). Любовь человѣка, котораго я самъ люблю и почитаю или просто люблю, которой мнѣ по сердцу, любовь, говорю, такова человѣка гораздо для меня лестнѣе и пріятнѣе наслѣдства его или какого-нибудь другаго. Я бы все и свое излишнее отдалъ, оставивъ у себя одно необходимое, естьлибы могло это помочь, все бы отдалъ за то, чтобы меня

1) Приблизительно съ этихъ словъ, т.-е. съ конца 43а листа, на обѣихъ сторонахъ 44-го и на первой страницѣ 45 листовъ почеркъ рукописи крупный, крайне небрежный и даже грязный. Самъ авторъ на поляхъ 43а листа объясняетъ причину этого: «это все писано въ дождь. 1807-й годъ». 2) Какъ эти слова вяжутся съ предыдущимъ и съ послѣдующимъ, трудно объяснить. Въ рукописи они писаны болѣе чистымъ почеркомъ. 3) Прибавлено позже.

любили тѣ, которыхъ я самъ люблю — почтенія не требую; — но я не на то сотворенъ, чтобъ меня любили. Зачѣмъ у меня такое сердце? Зачѣмъ Провидѣніе даровало мнѣ чувствованія, зачѣмъ я не дерево, не камень? Онъ знаетъ лучше насъ, что̀ дать Петру и что Ивану. [Это послѣдній стихъ изъ басни «*Юпитеръ и Лягушки*», кажется *Дмитрева*. Я говорилъ ее лѣтъ съ 6 назадъ въ концертѣ, въ Пансіонѣ, по назначенію Бакаревича][1]) Неужели сердце дано мнѣ для того, чтобы ежеминутно раздиралось печальными размышленіями? Неужели на то мнѣ дано чувство, чтобъ я всегда чувствовалъ одно непріятное? — Сердце даровано благимъ Творцемъ на то, чтобъ имъ любить Его и ближнихъ (ближнихъ! но я ихъ люблю, но они. . . .). Чувство даровано на то, чтобъ чувствовать Его безконечную благость и милосердіе; на то, чтобъ наслаждаться жизнію (но можно ли наслаждаться жизнію? спрошу *я*, и я же отвѣчу: *да*, и произнесу только священнѣйшія имяна *дружбы* и *любви!*). *Минево*[2]), ты пришло мнѣ на мысль, но дружба и чистая любовь — вотъ жертвенникъ, тебѣ сооруженный въ моемъ сердцѣ! Ѳиміамъ курится тамъ всегда, сердце пылаетъ, бьется при одной только мысли о тебѣ — Всемогущій! Сотвори, да сердце и чувство мои оживотворяютъ, а не уничтожаютъ меня, — да содѣлаютъ жизнь мою сносною![3])

Я употребилъ слово *уничтожаютъ*: не слабѣетъ, не старѣетъ ли человѣкъ отъ безпрестанныхъ горестей, когда онъ окруженъ предметами, напоминающими одно только печальное, и когда онъ, при таковомъ напоминаніи все еще въ печали и горести. Однимъ словомъ: не старѣетъ ли человѣкъ отъ нещастій? Онъ близокъ къ паденію, къ уничтоженію, слѣдовательно онъ уничтожается. *Оживотворяется* — не живитъ ли человѣка радость и веселія; не молодѣетъ ли онъ при *пріятностяхъ?* Слѣдовательно я справедливо употребилъ сіи слова.

Вчера былъ праздникъ *всѣхъ Святыхъ*. Дождикъ былъ пресильный послѣ обѣда. — Что значитъ этотъ праздникъ? Праздновать всѣмъ Святымъ. Будто бы мало праздновать ихъ по одиночкѣ. Изо всего, сему подобнаго, видно, что наши *святыя* (*или грѣшныя*) *Отцы* любили установлять праздники, слѣдовательно любили праздновать; отъ того произошли *преполовенія*, *отданія* и подобные тому праздники, ничего не значащіе.

---

1) Слова въ скобкахъ въ рукописи написаны на поляхъ въ видѣ примѣчанія. 2) Въ рукописи внизу на той же страницѣ къ этому слову сдѣлана слѣдующая выноска. «Это одно только выдуманное имя — въ Жолтой Книгѣ тоже таковыя имяна *есть*. Но знаю про то *я* и читаю то *Я*». Тутъ же другими чернилами прибавлено: «6 ноября 807. *Смѣшно*, естьли кто нибудь подумаетъ что нибудь о семъ жертвенникѣ». 3) Къ этимъ словамъ на поляхъ рукописи сдѣлана слѣдующая выноска: «Всѣ сіи мысли, очень для меня пріятныя, произошли отъ любви, которую питаетъ ко мнѣ Тетушка, и которая для меня сама не стоитъ этихъ мыслей».

На орлiихъ крылахъ ты къ нему воспари
И тамъ Законъ для насъ ты перстомъ начерти!

Стихи, такъ вылетѣвшiя невольно изъ роту, ничего не значатъ, и незнаю къ кому. —

Приди, о Истинна, и поселись межь нами,
Приди и изгони порокъ,
Приди, изкорени вгнѣздившiйся порокъ,
Содѣлай, чтобъ враги намъ сдѣлались друзьями,
И чтобъ невиннаго не гналъ ужъ болѣ рокъ.

*

Содѣлай, чтобы ложь, вражда и суевѣрство
Попраны были въ прахъ, истреблены на вѣкъ[1])
И чтобъ начало золъ, несродно смертнымъ звѣрство,
Чтобъ Фанатизмъ погибъ — и щастливъ человѣкъ!

11 Iюня. Волтеръ въ Панигирикѣ своей Лудвигу XV между прочимъ говоритъ: *Извѣстно, что властителей народовъ публика судитъ съ такою же строгостiю, съ какою хвалятъ ихъ въ глаза*; что всякой Государь имѣетъ судiею сердца своего народа; что отъ него зависитъ узнать свой приговоръ и такимъ образомъ узнать самаго себя.

Первая мысль прекрасна, достойная великаго Волтера. — Умной человѣкъ.

Человѣкъ имѣетъ воображенiе, иногда пылкое; но всегда ли воображенiе хорошо имѣть? (Конечно я воображаю тутъ воображенiе одного прiятнаго, а не печальнаго). Нѣтъ. — Когда я воображаю о прошедшемъ, когда думаю, что я *могъ бы это легко сдѣлать, принесло бы мнѣ много пользы, и не сдѣлалъ*, вотъ досада; *да еще когда вообразишь всѣ околочности* (sic), *мѣлочи того, чѣмъ бы я могъ наслаждаться*; вотъ досада и нестерпимая. Кто этого не чувствуетъ, то конечно для того покажется это непонятнымъ; но для меня это, къ нещастiю слишкомъ понятно. Я воображаю, чтобы я могъ сдѣлать съ *Минево*. О досада! и я не воспользовался случаемъ, легкимъ и представлявшимся. Я увѣренъ, что этого воротить нельзя; но воображенiе мое, въ подобныхъ случаяхъ, такъ пылко, что я все мечтаю, воображаю и надѣюсь! — Но при всемъ томъ я тоже увѣренъ, что время (*сей небесный врачь*) все изгладитъ и оставитъ одно только воспоминанiе легкое, но чувствительное, ко-

1) Далѣе зачеркнутъ стихъ: «И чтобъ Фанатизмъ, неслыханное звѣрство»...

торое иногда [1]) вырвить изъ сердца вздохъ, иногда заставитъ улыбнуться, и сія улыбка наградитъ теперешнюю досаду. Въ то время, бросивъ взглядъ на отдаленное прошедшее, воспомнивъ о прежнемъ своемъ существованіи, почту дни младости своей слезой чувствительной, которая невольно выкатится изъ глазъ!—О будущность, мрачная и неизвѣстная, какъ ты страшна и пріятна для человѣка; все зависитъ отъ воображенія; но мое воображеніе по большой части представляетъ мнѣ одно только печальное, а когда и радостное, то отравляемое печальными мыслями. — Хочется мнѣ когда нибудь, только поскорѣе, съѣздить въ чужіе краи, только по казенной надобности, а не по своей, то есть по должности. —

Кажется, Волтеръ говоритъ, что человѣкъ имѣетъ разныя жизни, существованія, бытія: жизнь младенческая, совершенныхъ лѣтъ и жизнь старости; но какъ онъ это употребляетъ, то для меня кажется несправедливымъ. — Все это Ibid.

Трудно только начать писать въ сей книгѣ, но когда начнешь — то и катай. Я нынче брежу по большой части въ сей книгѣ днемъ, а въ П.бургѣ въ полночь бредилъ.

11 Іюня. Теперь-то я соотвѣтствую названію этой книги: теперь полночь. Я ложусь спать. — Постель моя стоитъ въ углу, за бюро, подъ открытымъ окошкомъ; ночь мѣсячная; занавѣсъ у окошка задернутъ; въ комнатѣ темно; лунный свѣтъ, слабый и блѣдный, нѣсколько освѣщаетъ постель мою; подлѣ головъ часы бьютъ на стѣнѣ. — Все хорошо. Да, не достаетъ только какого-нибудь любезнаго предмета М..... [2]) и тогда-то мнѣ было бы хорошо, тогда-то былъ бы я *à mon aise*. Тогда было бы удовольствіе мое совершенно, хотя нѣсколько. — Естьлибы я былъ въ такомъ положеніи, то нельзя ли, будучи въ ономъ, не презирать всего мірскаго? Тогда въ уголку, въ темнотѣ, въ покоѣ, прижавъ къ сердцу любезный предметъ, можно бы было позабыть всѣ непріятности, встрѣтившіяся днемъ [3]). Потомъ заснуть сномъ крѣпкимъ, которой всего пріятнѣе на свѣтѣ и есть одно изъ первѣйшихъ благъ, дарованныхъ милосердымъ (благимъ) Провидѣніемъ человѣку для облегченія бремени жизни его. По утру вставши опять должно думать о *житейскихъ попеченіяхъ*; но уже тогда я бы надѣялся, что по прошествіи дня наступитъ ночь, сладкая и пріятная. И такимъ образомъ вставая и ложась, дѣлая безпрестанно тоже да тоже (*конечно не совсѣмъ безпрестанно*), нечувствительно бы приближился къ зимѣ жизни своей; но наконецъ бы образъ жизни моей перемѣнился, и я бы, поблекнувъ и завянувъ подобно

1) Далѣе зачеркнуты слова: «заставитъ вздохнуть». 2) Минево? 3) Надъ послѣдними словами прибавлено: «можно было бы философствовать».

полевому цвѣтку, сталъ бы въ скукѣ влачить тяжкое бремя старости. По прошествіи зимы сей животворная весна не оживотворитъ меня, но я, такъ какъ смертный, погружусь въ вѣчность и забвенность и перейду въ жизнь иную, лучшую сей и щастливѣйшую.

Давай бредить, думалъ я, ложась спать, и вотъ что набредилъ—представляю глазамъ твоимъ, великій изъ смертныхъ, Николай Тургеневъ. Я для тебя брежу; и ты кромѣ бреда ничего болѣе не достоинъ. Читай, и бредъ произведетъ надъ тобою свое дѣйствіе; читай, говорю, — и заснешь. — Да ужъ ты и такъ зѣваешь. Прочь, любезный предметъ М. . . . . .! Я спать хочу; ты нуженъ былъ для одного только воображенія. *Всё про всё знаетъ только моя голова*. Вотъ каково я пробредилъ цѣлые 45 минутъ. Я сплю. Вру. Вру. Вру и въ этой книгѣ все буду врать, врать, врать. Ночь прекрасная, только не свѣтла, а мѣсяцъ взошелъ; похоже на осень, третій день все дождикъ, дождикъ да дождикъ. *Вру*.

Іюня. Полночь. Вотъ уже двѣ побѣды, одержанные на[дъ] проклятыми Французами, а все еще они копышатся. Проклятый Бонапарте! Какъ судьбы Божіи неизповѣдимы: такой варваръ причиняетъ такое пролитіе крови.

Чашниковъ дѣлалъ ассигнаціи, отъ 50 или 100 нажилъ 5000 душъ. Тутолминъ, каналья, это закрываетъ. Чашниковъ моритъ людей, которыхъ подозрѣваетъ себѣ опасными. Уморилъ, какъ увѣряютъ и какъ должно думать, Воронцова. —

Теперь я читаю *La Pucelle* Волтера — прекрасная поэма! Какъ все живо, натурально, не натянуто, какъ все сходно съ Природою! Вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о *Агнесъ Сорель*, о Доротеѣ[1]) красавицахъ — первая — любовница Карла VII, а вторая *La Тримулья*,—я воображаю себѣ М[инево], что для меня превосходнѣе! (Опять М. выдумалъ).

Бонифасій VIII, Папа, достигъ сего достоинства какъ лиса, управлялъ какъ волкъ, а умеръ какъ собака — изъ *Pucelle*.

Chacun a de l'estime pour son premier metier. Ibid.

(Ce page aimoit) *et si la volupté*
Nous rend hardis, l'amour nous rend timides. Ibid.

Прекрасно и справедливо.

(Car) *de l'amour à la dévotion*
Il n'est qu'un pas: l'un et l'autre est faiblesse.

Умно и справедливо.

---

1) На поляхъ рукописи къ этому слову прибавлено: «о той, которому (sic) *Pucelle* нарисовала на ж<..>ѣ лилію».

Теперь эти два дни погода стала лучше и хороша. Купилъ я у M-me St-Maris гитару за 7 руб. 50 коп., которая рублевъ 25 стоитъ, а они, какъ говорятъ, заплатили 35 или 40. Дешево. —

Меня не на семь рублей она позабавитъ. (Рублей на сто)[1]. Ужъ свою цѣну слишкомъ вызабавила, потому что я раза полтора брянчѣлъ на ней съ пріятностію. Я дорого цѣню свои забавы:

Tout ce qui est rare est cher; (или: est beau)
Tout ce qui est beau est cher (*или: est rare*).

Вотъ что̀ набредилъ. Теперь давай бредить истинно во снѣ о М....., что̀ есть *être imaginaire*.

Хотѣлось бы побывать въ арміи, подраться, только чтобъ не тяжело ранили. А впрочемъ естьли убьютъ, то будетъ и безъ меня довольно на землѣ дураковъ.

26 Іюня 807. Нынче середа. Третьяго дня, въ понедѣльникъ, было гулянье на Трехъ Горахъ и на Прѣсненскихъ Прудахъ. Я отъ скуки поѣхалъ. Прежде всего заѣхалъ я на травлю медвѣжью, въ первой разъ отъ роду. Вхожу, заплативши 25 копѣекъ (за чтоже? за то, чтобъ посмотрѣть на нещастныхъ животныхъ и удивляться варварству людей; и потому этихъ 25-ти копѣекъ мнѣ было жаль, ибо зрѣлище сіе мнѣ ничего болѣе не показало, какъ новый опытъ подобія человѣка лютымъ звѣрямъ), — и первый предметъ, представляющійся моимъ глазамъ, былъ — нещастная медвѣдица, привязанная къ кольцу въ землѣ, безъ ушей и безъ губы, которые оторвали собаки. Я спрашиваю у стоящаго подлѣ меня извощика, что̀ это за медвѣдь, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «*Это, баринъ, Машка Воробьевская*. (Марія Египетская, естьлибъ ты знала, какъ святое имя твое употребляется во зло!). Вдругъ привели двухъ страшныхъ собакъ и какъ скоро ихъ спустили, то они бросились въ уши медвѣдю, которой зачалъ защищаться, но псарники (люди, которые врядъ ли не свирѣпѣе еще сего медвѣдя) оттащили собакъ посредствомъ рычаговъ. Собакъ отвели. У медвѣдя текла кровь изъ ушей и рту. Медвѣдя увели. Вдругъ партеръ (точно партеръ, потому что зрители стояли на землѣ) взбунтовался. *А! Егорку, Егорку!* кричали всѣ мужики. Я опять спросилъ у своего сосѣда, что это за *Егорка*? Онъ отвѣчалъ: «*Это, баринъ, знатной медвѣдь, одинъ всѣхъ собакъ переломаетъ. Ужъ лѣтъ съ 6 его травятъ*». Вдругъ трое псарниковъ тащатъ на орканѣ упомянутаго *Егора*. О, о! Вотъ тутъ то будетъ потѣха! говорилъ (или все

---

1) Слова въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуты.

равно кричалъ) партеръ. Но и Егора собакъ съ шесть или семь, очень страшныхъ, отдѣлали такъ же, какъ и Марью. Партеръ аплодировалъ ха, ха, ха и русскими бон-мо (т. е. имянемъ матери съ прилагательнымъ). Потомъ привели другую Машку Серебрянскую, по словамъ моего сосѣда, очень въ этомъ свѣдущаго. Это былъ самый лютѣйшій изъ медвѣдецъ, сломалъ подъ себя двухъ собакъ. Одинъ изъ псарниковъ сказалъ мнѣ, что онъ живетъ у хозяина за 50 р[ублей] въ годъ за то, чтобъ въ будни кормить нещастныхъ животныхъ, и въ воскресенье и другіе праздничные дни увеселять ими почтеннѣйшую публику, и прибавилъ, что сія Машка была *самый лютѣйшій звѣрь*. Въ продолженіе всей травли народъ, между коимъ и мой сосѣдъ, восхищались, и сосѣдъ мой разсказывалъ мнѣ все съ охотою и (жаромъ) антузіасмомъ. (Я вздохнулъ и пожалѣлъ!).

Послѣ сего 10 человѣкъ привели еще двухъ медвѣдей и пустили ихъ другъ на друга. Они боролись. По окончаніи сего одинъ изъ псарниковъ закричалъ: *Иванъ Сидорычь*! Я спросилъ у свѣдущаго моего сосѣда, не еще ли приведутъ медвѣдя, котораго зовутъ Иваномъ Сидорычемъ. Нѣтъ, сказалъ онъ, усмѣхнувшись: какой медвѣдь! Это самъ хозяинъ. (Я подумалъ, что сей хозяинъ малымъ чѣмъ отличается отъ Егорки или Машки). — Потомъ поѣхалъ на Три Горы и думалъ: должно ли запретить сіи варварскія забавы; думалъ и заключилъ, что не должно; ибо это составляетъ важное увеселеніе для простаго народа, которой долженъ имѣть свои забавы, увеселенія. —

Потомъ пріѣхалъ на Прѣсненскія Пруды — народу было тьма. Берега отъ прудовъ превысокія и всѣ были усѣяны, нѣтъ: *улѣплены* зрителями. Пріятная пестрота. Эта картина болѣе всего мнѣ понравилась, болѣе самаго фейер-верка, очень хорошаго. Искалъ М.....[1]) но тщетно! Не скажетъ ли и тутъ человѣкъ со вкусомъ: *вы не имѣете вкуса, вамъ чтобы все было пестро, Русской человѣкъ! Невиннной болтунъ*, подумаю я о немъ и не возму труда отвѣчать ему. — Конечно пестрота сія мнѣ болѣе всего понравилась, потому что я не нашелъ М..... (Я уже сказалъ, что сей М..... одно *imaginaire*).

28 Іюня. Вчера былъ я въ Архивѣ и занимался перетаскиваніемъ столбцевъ изъ шкаповъ въ сундуки. Какой вздоръ! Чѣмъ занимаются въ Архивѣ; и еще Каменскій сердится, зачѣмъ рѣдко ѣздятъ. (Я переводчикъ, значитъ или...[2]). Тамъ есть переводчики, которые не переводятъ, а переносятъ (старые столбцы) (Полинька глупинькой Горчаковъ возилъ столбцы

1) Минево? 2) Слова въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуты.

на рогожкѣ!); слѣд. изъ переводчиковъ дѣлаются переносщиками и перевозчиками.

28 Іюня. Мнѣ хочется выписать что нибудь изъ *Pucelle*, безподобной поэмы славнаго Волтера. Онъ описываетъ первое бесѣдованіе за ужиномъ у Боно, въ загородномъ домѣ Короля Карла VII съ Агнесъ Сорель; послѣ ужина (очень хорошо описаннаго) Агнесъ легла въ постелю, и служанка ея позабыла затворить дверь; вотъ какъ онъ говоритъ:

Déjà la lune est au haut de son cours;
Voilà minuit; c'est l'heure des amours.
Dans une alcôve artistement dorée,
Point trop obscure et point trop éclairée,
Entre deux draps que la Frise a tissus,
D'Agnès Sorel les charmes sont reçus.
— — — — — — — — —
O vous, amans, vous qui savez aimer,
Vous voyez bien l'extrême impatience
Dont pétillait[1]) notre bon Roi de France!
Sur ces cheveux en tresse retenus
Parfums exquis sont déjà répandus.
Il vient, il entre au lit de sa maîtresse;
Moment divin et de joie et de tendresse;
Le coeur lui bat; l'amour et la pudeur,
Au front d'Agnès font monter la rougeur.
Son tendre amant *l'embrasse tout-à-l' heure,*
Avidement parcourt ses beautés.
Qui n'en seroit en effet idolâtre?
Sous un cou blanc qui fait honte à l'albâtre,
Sont deux tétons séparés, faits au tour,
Allants, venants, arrondis par l'Amour;
Leur boutonnet a la couleur des roses.
Téton charmant, qui jamais ne reposes,
Vous invitiez les mains à vous presser,
L'œil à vous voir, la bouche à vous baiser.
Pour mes lecteurs tous plein de complaisance,
J'allais montrer à leurs yeux ébaudis
De ce beau corps les contours arrondis;

1) Въ рукописи на поляхъ къ этому слову приписано: «Нетерпѣливо желать».

Mais la vertu qu'on nomme bienséance,
Vient arreter mes pinceaux trop hardis.
Tout est beauté, tout est charme dans elle.
La volupté, dont Agnès a sa part,
Lui donne encor une grace nouvelle,
Elle l'anime; *amour est un grand fard*;
Et le plaisir embellit toute belle.

Это выписано для доказательства, что такія легкія, натуральныя описанія болѣе нравятся, нежели сочиненія Баркова и тому подобныхъ. Вездѣ нужна умѣренность: *Rien de trop.*

Pucelle была сперва *servante de cabaret*, дочь Jean d'Arc. Послѣ была она сожжена, по прошенію (sur la requête) de la Sorbonne.

— Девора была первая женщина-Героиня, о которой говорили въ свѣтѣ.

Pucelle étoit visitée par des Medicins et de Matrones[1]) et déclarée par eux *Pucelle.*

Сперва называли *Рай дураковъ*, *Рай глупыхъ*, *Limbes*[2]); и въ сихъ Limbes помѣщали души глупыя и младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. *Limbe* значитъ *Край*, и (*въ ботаникѣ же—вѣнчикъ*) у краевъ Луны основали сей Рай. Мильтонъ говоритъ о немъ; у него дьяволъ проходитъ чрезъ Рай дураковъ: *the Paradise of fools.*

Жансеанисты говорятъ, что Мессія пришелъ только для многихъ. Доброй Paris былъ безумный дьяконъ, Жансеанистъ самый ревностный и имѣлъ доверенность въ народѣ (populace). (Я не хочу перевести слово это: *чернь*).

28 Іюня. Полночь. Сегодня я спалъ послѣ обѣда и отъ того теперь начинаю бредить — но не знаю что; по опыту же вижу я, что только стоитъ начать, а тамъ и пошелъ молоть или бредить. — И такъ съ таковою надеждою принимаюсь.

Давно не бредилъ я и не мололъ стихами;
Давно я не писалъ, не думалъ о себѣ.
Начать ли мнѣ стихи, начать ли врать слезами,
Иль радостью? — Нѣтъ. — Такъ давай писать къ тебѣ.
Теперь бьетъ полночь — я покоемъ наслаждаюсь.

---

1) Въ рукописи на поляхъ къ этому слову сдѣлано примѣчаніе: «Повивальная бабка».
2) Въ рукописи на поляхъ приписаны слѣд. слова: «*Limbes* — преисподняя, адъ, и также мѣсто, гдѣ пребываютъ младенцы безъ крещенія у католиковъ»,

Все тихо вкругъ меня, всѣхъ посѣтилъ Морѳей.
(Сижу и думаю, и вмѣстѣ дожидаюсь,
Лежу въ углу своемъ и въ мысляхъ углубляюсь) [1])
О Сонъ! даръ Неба! какъ ты дорогъ для людей!
Луна взошла — и мой (ужъ) уголъ освѣтила,
Въ которомъ я мечталъ о благости Творца;
Сонъ царствовалъ вездѣ, но блѣдный лучь свѣтила
Изгналъ Морфея прочь, не далъ сомкнуть глаза.

10 Іюля. 7-го числа былъ празднованъ здѣсь миръ. Весь городъ былъ иллюминованъ. Вчера же было гулянье на Тверскомъ булеварѣ, и горѣлъ тотъ же щитъ, что противъ дому Генер.-Губ. Тутолмина; потомъ еще были нѣсколько подобно пирамидамъ иллюминацій и плясали цыганки и самъ славный Ванька цыганъ тоже плясалъ. Есть цыганки очень изрядныя лицомъ и фигурою, очень, очень изрядныя, но только, я думаю, ввечеру, а на завтра, когда онѣ смоютъ бѣлила и румяна, будутъ очень, очень посредственны и даже не совсѣмъ пріятны, чему я видѣлъ примѣръ въ Липецкѣ. Народу было тьма, а особливо около картины. Вдругъ полицѣйской говоритъ: *прошу разпространиться. — Что такое?* — Вдругъ виденъ Тутолминъ со всей своей свитой, — какое глупое важничество (естьли можно такъ сказать)! На верху картины видны были стихи Мерзлякова, не слишкомъ хорошіе; да правда, и поэту не легко написать на заказъ четыре стиха, сильныхъ и выразительныхъ.

Каковъ то будетъ миръ — не извѣстно, проченъ ли? Но вообще думаютъ, что онъ не можетъ быть продолжителенъ, или проченъ, или выгоденъ для насъ; и миру сему, кажется, не такъ радуются, какъ бы надобно радоваться *миру*. Въ пространномъ смыслѣ сего слова — при словѣ *Миръ* — что воображаетъ каждый? — Отдыхающихъ человѣковъ; водворяющееся спокойствіе, торговля, науки, искусства, художества — все оживаетъ, все пріемлетъ видъ новый, радостный. *Миръ* можно сравнить въ семъ случаѣ съ животворною *Весною*. По наступленіи весны вся Природа обновляется.

На булеварѣ же видѣлъ я еще старшаго Родіона Быкова, которой учился въ Пансіонѣ. Онъ ходитъ съ подвязаной рукой, какъ раненый на сраженіи, откуда пріѣхалъ; служитъ въ гвардіи; собой очень не дуренъ. —

Я сталъ нынче очень лѣнивъ для *бреду;* не знаю сему причины, нѣтъ пріятныхъ мыслей, хотя повидимому мнѣ и должно быть веселѣе, потому что выѣжжалъ смотрѣть иллюминацію на улицахъ и вчера на бульварѣ.

1) Стихи въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуты.

11 Іюля. Вчера былъ я въ благородномъ собраніи, куда могъ итти вся[кій], дворянинъ. Было очень много купцовъ, даже были въ Русскомъ платьѣ. Ѳед. Михайл. Золотаревъ, купецъ знакомый, былъ и звалъ меня къ себѣ въ лавку. Но это ничего, что были купцы; много было и хуже ихъ дворянъ, напримѣръ Университетскіе Студенты, Профессорскія дѣти, сами Профессоры, канцелярскіе служители: всѣхъ сихъ скотовъ я не промѣнялъ бы ни на одного порядочнаго купца. Потомъ былъ ужинъ. Я ужиналъ. Говорятъ, было 400 кувертовъ. Я поѣлъ изрядно; была давана водка и красное вино. Еще пили тамъ лимонадъ; но я не пилъ, потому что не съ кѣмъ было. То-то кабы былъ Сергѣй Карповъ, Иванъ Базилевскій, старинные пріятели; мы болѣе порадовались бы за ужиномъ *миру*. Нѣтъ ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ совершенно вольно обращаться, такъ, какъ съ ними. — Было множество посѣтителей. Все не то, естьли не съ кѣмъ раздѣлять удовольствія. И удовольствіе тогда только можетъ назваться удовольствіемъ, когда оно раздѣляется съ подобными себѣ. Это извѣстно и доказано. Я, помнится, читалъ и въ *Pucelle* эту же аксіому, но только въ другомъ смыслѣ.

Чего не говорили во время войны про Французовъ? Сколько было, какъ говорили, шпіоновъ! Еще сказывали, что они покупали въ цырульняхъ нечистую кровь и заражали воду въ колодцахъ и вездѣ, гдѣ можно.—Теперь все забыто, да не о чемъ о семъ вздорѣ и помнить; чертъ знаетъ, чего не выдумаетъ. Можетъ быть и есть что нибудь правдоподобное.

14 Іюля. Третьяго дня былъ я на Прѣсненскихъ Прудахъ: все еще по случаю мира веселятся. Народу было множество. Часу въ 11-мъ была такая тѣснота, что съ очень большимъ трудомъ можно было продраться сквозь народъ для выходу, и то тѣмъ, кто привыкъ толкаться или кто смотритъ на это съ равнодушіемъ — такъ, какъ я. Мнѣ все бы равно хоть еще раза два пройти. Тамъ видѣлъ я Лаптева, которой пріѣхалъ изъ Арміи: на немъ Прусская лента котораго-то Орла, бѣлая въ серединѣ, а по краямъ жолтая. На него смотрѣли; иные говорили, что это Польская, и даже спорили. Да и часто такъ бываетъ: многіе спорятъ, сами не зная о чемъ. Философы, богословы и подобные имъ спорятъ *о душѣ*, не понимая, о чемъ спорятъ; спору ихъ никто рѣшить не можетъ. Да и странно, какъ спорить о томъ, чего никакой умъ человѣческій постичь не можетъ. Они берутъ на себя слишкомъ много. —

Въ Вѣстникѣ М. Каченовскаго à peu près пишутъ, что Нѣмцы, претерпѣвши много неудачь и не находя ничего (утѣшительнаго)[1]) на землѣ, бросились на небо и (тамъ)[1]) открыли двѣ планеты. Прямые Нѣмцы; какъ ни говори, а они смѣшны.

1) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

— Со времяни счисленія Олимпіадъ началась (писаться) вѣрная Исторія. Сперва, кажется, были одни только преданія. — Волтеръ. (Кажется, это вѣрно).

У того, кто любитъ давать совѣты, никогда спрашивать ихъ не надобно. Лучше у того, кто молчитъ въ то время, какъ другіе совѣтуютъ, и кто давать ихъ не любитъ. — *9 Іюля.* —

15 Іюля. Мы нынче получили отъ брата А. И. письмо, и онъ пишетъ, что уже пріѣхалъ въ П[ете]рбургъ. Онъ ѣздилъ съ Новосильцовымъ къ арміи съ Государемъ.

Les mortels sont égaux, ce n'est point la naissance,
C'est la seule vertu qui fait leur difference.

Волтеръ изъ L'ami de l'Enfance.

Les prêtres ne sont pas ce qu'un vain peuple pense,
Notre crédulité fait toute leur science. — *Изъ Ibid.*

И то и другое совершенно справедливо, но къ нещастію первое не исполнительно, а второе справедливо, только къ нещастію. —

Нынче день прехолодный. Вчера былъ я въ Сокольникахъ, гдѣ былъ обще-народный праздникъ по случаю мира. Все поле было усѣяно народомъ, и изрѣдка были видны шатры, возвышенныя мѣста для комедіи, гдѣ плясали по канату и проч., пѣли фабричные, цыгане, играла музыка. Картина прекрасная. Былъ дождикъ, но это ничего. Во время дождя я сталъ въ палатку, гдѣ были Тутолминъ, кажется, Мордвиновъ, начальникъ Моск[овской] Милиціи, Сенаторы: Дмитріевъ, Кутузовъ, Багратіонъ и проч. подобные имъ. Въ десятомъ часу зачали зажигать плошки. Одинъ полицейской, подобный какому нибудь Алексѣю Алексѣичу, говорилъ цыганамъ, которые не пѣли, между тѣмъ какъ мужики сего требовали: *Пойте для увеселенія публики.* Мнѣ это странно показалось. Потомъ начался фейеръ-веркъ. Я стоялъ на хорошемъ мѣстѣ. Подлѣ меня стояли три Нѣмки и съ ними, кажется, Актеръ бывшаго Нѣмецкаго театра, Галтенгофъ, которой хорошо поетъ, но не для меня. Одну изъ Нѣмокъ нѣсколько сдавили; она плакала и ушла въ коляску. Одна изъ нихъ молоденькая, очень изрядная собою и очень хорошо говоритъ по-Русски, — стояла подлѣ меня и по уходѣ благодарила меня за то, что я ее сберегалъ. Это спасло ее, что она изрядная собою, а то бы я столкнулъ ее, потому что она Нѣмка. Тутъ были православные Русскіе мужички. Я ихъ просилъ не толкаться, только просилъ. Другой же дуракъ со шпагою ударилъ одного палкою. Это мнѣ показалось очень до-

садно. — Этотъ праздникъ былъ по большей части для народа. Нѣтъ ничего досаднѣе поганыхъ полицейскихъ, которые при Полицмейстерѣ Ивашкинѣ (очень учтивомъ и добромъ) говорятъ народу очень учтиво, но когда онъ отвернется, то и зачнутъ поталкивать да бить. О подлецы! Бить же народъ было запрещено. Фейерверкъ былъ прекрасный, очень превосходный. — Еще были зажжены лагуны, т. е. смоленые бочки, дымъ отъ которыхъ былъ престрашный. — Жаль только, что для православныхъ не было ни пивца, ни винца, а то то ли бы было. Тутъ-то бы они порадовались.

Всего пріятнѣе картина многочисленнаго народа, которымъ все поле было усѣяно. Тутъ я видѣлъ Г. *Плетенева*, которой славно пишетъ (т. е. почеркъ хорошъ) и дѣлаетъ разныя штуки перомъ. Я у него и сперва дома и въ Пансіонѣ учился и получилъ изъ его класса портретъ Волтера, имъ перомъ сдѣланный.

6 Августа. Вотъ сколько протекло времяни, въ которое я не бралъ въ руки своего *Бреда*. Причиною тому самъ не знаю что. Часть этого бездѣйствія проведена мною въ Княжевѣ. Я провелъ тамъ четыре дня не очень веселыхъ; былъ раза два или три у Воейкова, самаго ближняго сосѣда. Я знакомъ съ его сыномъ, съ которымъ учился въ Пансіонѣ. Этотъ Воейковъ надѣлалъ довольно шуму въ Пансіонѣ. Чѣмъ же, спросишь ты, Н. Т., можно надѣлать шуму въ Пансіонѣ? Очень, очень рѣдко, отвѣчаю я, или почти никогда, прилѣжаніемъ, и часто, очень часто, или почти всегда изряднымъ лицемъ. Вотъ порокъ, которой всегда сопровождается съ общественнымъ воспитаніемъ, и которой имѣетъ очень пагубное вліяніе на здоровье мальчиковъ, которые натурально, по молодости своей, не знаютъ, чѣмъ они жертвуютъ минутному, менѣе нежели скотскому наслажденію. Менѣе нежели скотскому, говорю *я*, потому что страсти въ сихъ нещастныхъ мальчикахъ еще ничего не могутъ произвести, — между тѣмъ какъ скоты приступаютъ *къ сему* не прежде, какъ будучи побуждаемы самою Природою. — Я не говорю здѣсь объ этомъ Воейковѣ, но вообще о всѣхъ нещастныхъ жертвахъ, которыхъ незнающіе родители ввѣряютъ таковому общественному воспитанію, каковъ сей Пансіонъ. Нѣкоторые, имѣющіе состояніе, дабы воспитывать дѣтей своихъ дома, думаютъ (совсѣмъ несправедливо), что въ Пансіонѣ можно лучше быть воспитану. *Нѣтъ*! они ошибаются и очень грубымъ образомъ. Надобно войти во всѣ подробности сего общественнаго воспитанія. Какъ можно оставлять мальчика лѣтъ 12 или и болѣе на его произволъ? (Конечно на его произволъ, потому что въ Пансіонѣ ни къ чему принудить не можно). И какъ полагаться на надзираніе какого-нибудь Нѣмца (Фрейденрейхъ), которой получаетъ за надзираніе надъ 50 или 60 и которой

обучаетъ сверхъ того каждый день за 200 или 150 руб.,—или университетскаго студента, каковъ Алек. Загорскій[1]), которой только что читаетъ по-Русски, — какъ, говорю, полагаться на надзираніе такого невѣжды, какъ ввѣрять невинныхъ младенцевъ такимъ необразованнымъ людямъ? О нещастныя жертвы! — Я произнесъ сіи слова, и сердечный вздохъ невольно вылетѣлъ изъ глубины моего сердца. Я самъ былъ лѣтъ 8 въ семъ Пансіонѣ, но не [въ] таковомъ положеніи, — я былъ полу-пансіонеромъ, это совсѣмъ не то. Самъ видѣлъ нещастныхъ, которые надолго загубили себя. Всѣхъ бы (начальника Антонскаго и надзирателей) не жалко перевѣшать. Начальникомъ тутъ давно уже Антонскій, Профессоръ Энциклопедіи — этого довольно, чтобъ дать понятіе о его познаніяхъ. —

M-lle de Lenclos была дѣвушка, въ которую были влюблены лучшіе люди во Франціи. Elle accordoit les graces, но не такъ, какъ публичныя женщины. У насъ есть ее портретъ.

All partial evil a general good. — *Pope* или *Bolingbroke*.

Tout mal particulier est le bien général. — *Voltaire*.

Что значитъ: *все хорошо* — для насъ? Нѣтъ, конечно; для Бога? (Извѣстно) очень ясно, что Богъ не терпитъ нашихъ нещастій. Что же значитъ сія Платоническая мысль? Хаосъ, подобный всѣмъ другимъ системамъ, но украшенный бриллiантами. *Voltaire*.

Видно, что Волтеръ не былъ охотникъ ни до оптинизма (sic), ни до системъ. Первому служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ его прекрасная піэса *Оптинисмъ*, гдѣ онъ представляетъ Панглоса, очень большаго оптимиста, столь смѣшнымъ и нещастнымъ. —

18 Августа. Я сталъ очень часто забывать мой Бредъ. Не знаю тому причины иной, кромѣ разсѣянности; но надѣюсь на долгіе вечера зимніе, которые загладятъ мою лѣтнюю лѣность и превратятъ мою *Бѣлую Книгу* въ черную, т. е. измаранную моимъ бредомъ. — Что случилось достопамятнаго въ сей промежутокъ моей лѣности? Ничего. — Дядя Петръ Петровичь пріѣжжалъ изъ П.бурга и уѣхалъ въ Симбирскъ. Его дѣло кончилось совершенно въ его пользу. Еще пріѣхалъ изъ П.бурга Графъ Петръ Александровичь Толстой, который, говорятъ, поѣдетъ въ Парижъ точно за тѣмъ же, зачѣмъ пріѣжжалъ въ П.бургъ Саварри, поздравить съ пріѣздомъ нашего

1) Въ рукописи: Загорскаго.

Государя. — Матушка пишетъ изъ Петерсбурга, что дѣло ее съ И. В. Лопухинымъ велѣно разобрать въ общемъ Петерб. Сената Собраніи. Вотъ загадка этотъ И. В. Такой рѣдкой человѣкъ и какъ себя замарываетъ въ мысляхъ благомыслящихъ людей. Я не говорю — *всѣхъ* людей, потому что злословіе коварныхъ пустомелей, кромѣ чести, ничего произвести не можетъ.

Волтеръ говоритъ о самоубивствѣ и наконецъ соглашается, что оно позволительно. — Сегодня и четвертаго дня обѣдали мы у Офросимовой, у коей сколько разъ не бывалъ — никогда не видывалъ ея мужа. Вотъ чета, *только что* подъ одной кровлею живущая! Но дочь ея Елена очень не дурна собою и со времянемъ будетъ предметомъ хорошихъ молодыхъ людей. — Соковнина все зоветъ къ себѣ, но не хочется ѣхать — встрѣтишься съ А. А. Антонскимъ.

19 Августа. Поѣхалъ я сегодня въ Донской монастырь посмотрѣть ходъ: Сергѣй уговорилъ меня. Слышалъ проповѣдь Архимандрита Виктора, которой говорилъ, что не въ наружности состоитъ почитаніе иконъ, но во внутренности, что Тихвинская, Казанская, Донская и проч. — всѣ равны. Но Матрена Павловна Салтыкова, 80 лѣтняя старуха, осердилась на него, зачѣмъ онъ со всѣхъ сторонъ монастырскаго собора велѣлъ нарисовать Донскую Богородицу, а не различныхъ. Эту старушенку и нынче и въ Успѣньевъ день въ соборѣ видѣлъ я уже согбенную и насилу таскающуюся, но разбѣленную и разрумяненную и имѣющую лице синее. Говорятъ, что она все свое имѣніе употребила на украшеніе церквей, что не совсѣмъ полезно. Она не пропускаетъ ни одного церковнаго праздника, гдѣ бы ни была, и лакеи ея, столь же старые, но въ ливреяхъ еще древнѣйшихъ, ходятъ по церквѣ и почитаютъ себя людми надобными, подобно какъ ходятъ глупые дьяконы, которые, крича во все горло, думаютъ, что они столь же велики, какъ бы и Бонапарте. А. А. Антонскій отозвалъ насъ обѣдать къ брату своему Виктору, что мы (или по крайней мѣрѣ...[1]) въ точности исполнили. За обѣдомъ 8 разъ пили здоровье Шампанскимъ (но жаль, что не по полной рюмкѣ), при пѣтіи синодальними пѣвчими многолѣтія. — Послѣ обѣда, когда на ланитахъ святыхъ отцевъ заигралъ живѣйшій (и вмѣстѣ очень яркій) румянецъ, Преосвященный Августинъ, Московскій Викарій (съ котораго, какъ говорятъ, Владиміръ, сынъ нашего Каменскаго, взялъ сколько-то сотъ за то, что старался о браліантовой[2]) панагіи, которую ему прислали) пошелъ со всѣми въ садъ, гдѣ посреди высокихъ липъ, пьяныхъ монашескихъ, Харитона Чеботарева лицъ и бон-мо Оберъ-Секретаря Санду-

1) Въ рукописи недостаетъ повидимому слова «я». 2) Въ рукописи: «блаліантовой».

нова, приносилъ чистѣйшую жертву Бахусу прекраснымъ пуншемъ, пивомъ и Венгерскимъ. Моисей, Ректоръ Академіи, во цвѣтѣ лица своего, очень много вралъ и, между прочимъ, не будучи со мною знакомъ, звалъ меня къ себѣ. Августинъ тоже звалъ когда-нибудь на вечеръ. Антипъ, ключарь Успенскаго собора, набивалъ бездонные карманы поповскіе грушами. Племянникъ Платоновъ, Протопопъ, вралъ не менѣе другихъ, но только мнѣ на ухо.

20 Августа, т. е. вчера обѣдали мы въ Петровскомъ дворцѣ у Графини Толстой. Графъ пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ П.бурга сюда и поѣдетъ можетъ быть въ Парижъ. Графъ просилъ меня съѣздить къ И. И. Дмитріеву и сказать ему о его пріѣздѣ. Я былъ, и онъ принялъ меня очень ласково. Графъ тоже ласковъ и Графиня по обыкновенному очень ласкова. На сихъ дняхъ попалось мнѣ въ руки письмо Петра Аржевитинова къ Сергѣю; онъ упоминаетъ въ немъ о Ник. Констант. Воейковѣ, съ которымъ ведетъ тоже переписку. Не знаю, что можно писать другъ другу людямъ различныхъ лѣтъ, способностей и характеру. Аржевитинову онъ нравится своимъ *изряднымъ* (во вкусѣ Проф. Снѣгирева) лицемъ, и оно-то причиною переписки. — Брату Александру Ивановичу хочется непремѣнно, чтобъ я ѣхалъ въ чужіе краи и въ особенности въ Гёттингенъ. Не знаю, что онъ въ этомъ находитъ для меня полезнаго. Ежели судить по себѣ, то: *не всѣмъ старцамъ во игумнахъ быть*. Мой планъ ѣхать лѣтъ на 5 по бѣлу свѣту потаскаться, удовлетворить любопытству, имѣть отъ того пріятныя для сердца воспоминанія и сказать: я былъ въ Китаѣ, Америкѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Болѣе ни на что не претендую.

27 Авг. Извѣстно, что по законамъ Солоновымъ бѣдный народъ (или вообще простой народъ не можетъ имѣть такихъ имѣній, какъ прочіе Граждане) имѣлъ самое большое вліяніе на рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ (потому что голоса народа были многочисленнѣе). Сенатъ же состоялъ изъ 400 членовъ, которые не могли издать никакого указа безъ согласія народа. И для того Анахарзисъ, молодый Скиѳъ, бывшій тогда въ Аѳинахъ, сказалъ Солону: «*я удивляюсь, что у васъ умные имѣютъ право только судить, но право рѣшить предоставлено дуракамъ*». Это несправедливо, ибо 400 человѣкъ не могутъ быть всѣ умны. У насъ Сенатъ имѣетъ гораздо менѣе членовъ, но и тутъ много дураковъ. — Потомъ Солонъ возстановилъ *l'Aréopage* (родъ Сената). Сначала изобрѣлъ его Цекропсъ (Египтянинъ) въ Аттикѣ. Число членовъ было неположенное: члены были избираемы изъ бывшихъ архонтами. (— Аѳины главной городъ въ Аттикѣ. Аттику нѣкот. образомъ основалъ Цекропсъ, а послѣ его Тезей. Солонъ писалъ законы 300 лѣтъ

послѣ Ликурга). Но, не взирая на сіе, народъ оставался все столько же сильнымъ; и для того, говоритъ Мабли, Анахарзисъ могъ еще сказать Солону: *«ваши законы суть паутины, въ которыхъ погибаютъ слабые; сильные же ихъ раздираютъ»*. Солонъ соглашался, что они не самые лучшіе, но лучшіе, каковые Аѳиняне могли только имѣть. — Къ нашему законодательству можно примѣнить послѣднее изрѣченіе Анахарзисово. —

8 Сентября. Сколько протекло времяни, въ которое я ничего не записывалъ въ мой Бредъ. Не знаю тому причины другой, кромѣ лѣни. — И такъ прежде всего скажу, что я началъ ходить въ Университетъ на лекціи и чувствую ихъ пользу. Почти всѣ лекціи преподаются въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы нѣкогда жили. Это производило во мнѣ разныя впечатлѣнія. Потомъ скажу, что нынче былъ я въ Университетѣ, въ годовомъ собраніи общества испытателей природы. Предсѣдателемъ тутъ Гр. Ал. Кирил. Разумовскій. И удивительно, что онъ ничего не говорилъ въ продолженіе сего собранія. Какъ Президенту надобно бы ему было сказать какую-нибудь рѣчь. Секретарь сего общества, Г. Дружининъ (директоръ народныхъ училищъ), говорилъ, что̀ они дѣлали, кто у нихъ членами, и между прочимъ жаловался, что у нихъ въ собраніи нѣтъ денегъ, но что, прибавилъ онъ, Г. Г. члены сдѣлаютъ вспоможеніе. Какая подлость и что называется не *у мѣста* (*déplacé*)! Послѣ многихъ Французскихъ рѣчей, Г. *Каразинъ* (тоже членъ) говорилъ рѣчь на Русскомъ. Каменскому (сыну) она понравилась, но мнѣ и *Буринскому* нѣтъ. Въ рѣчи сей нѣтъ, во первыхъ, связи и предметъ очень обыкновененъ. (Онъ говорилъ, что у насъ мало своего, но что все иностранное; критиковалъ Русскихъ, какъ и всѣ другіе, т. е. что ѣздятъ въ чужіе краи разточать имѣніе и проч.). Строкъ десять прочиталъ онъ объ окаменѣлостяхъ, которые собралъ около Москвы. Но предисловіе или, лучше сказать, критика его была почти на 2 страницахъ. Впрочемъ гладко написано и довольно изрядно. — Жесты же его были очень не у мѣста; произношеніе тоже не хорошо. Графскіе музыканты и пѣвчіе дурно играли роли свои; но что касается до *Перовскаго* (побочнаго сына Графа, которой сдѣланъ студентомъ), то онъ игралъ *роль свою* превосходно: т. е. роль дурака!

Нынче же прислали кресты А. А. Антонскому, Керестури и Политковскому — Анны 2-й, а *Страхову*, которой *былъ* Ректоромъ, Анны 2-й съ бралiантами. Антонскій отмѣнно радъ, и Керестури, говорятъ, тоже. Завидные люди (не по кресту, а потому что радуются).

27 Сентября. Я еще не писалъ въ *моемъ Бредѣ* о настоящемъ моемъ бредѣ, т. е. о философіи, которою я теперь занимаюсь. Будучи въ Пансіонѣ, думалъ я, что надобно знать только одни языки, и что тотъ ученой человѣкъ,

кто знаетъ къ тому Исторію и Географію; но теперь думаю, что ученіе пансіонское не заключаетъ въ себѣ всего нужнаго.

— Le but de la Philosophie est de connoître les lois de penser et d'agir.

Вотъ какъ у насъ пописываютъ, но вопросъ, такъ ли понимаютъ? Отвѣтъ коротокъ — не поскучай выслушать: *нѣтъ!* —

Космополитъ значитъ *Weltbürger*. — Нѣкоторые ученые почитаютъ себя и почитаемы космополитами, какъ мнѣ помнится.

O ciel! que de vertus vous me faites haïr. — *Corneille*.

Это сказала Ninon de Lenclos, славная въ свое время и въ своемъ родѣ, одному Маркизу, которой старался ей себя выхвалять. — Извѣстенъ трагическій конецъ побочнаго сына ея. — Онъ воспитывался не у матери и лѣтъ 20 былъ представленъ ей какъ молодой человѣкъ просто. Онъ по нещастію въ нее влюбился, открылся — и застрѣлился, узнавъ отъ нее, что она его мать. Она очень огорчилась. — Братъ Ал[ександръ] Ив[ановичъ] между прочими картинами подарилъ намъ и ее портретъ, въ которомъ много правильнаго, хорошаго, но *не милаго*.

4 Октября. Въ письмахъ чувствительнаго философа нашелъ я довольно изряднаго. Книга эта очень бы понравилась тому, кто не читалъ еще книгъ въ этомъ родѣ. Съ удовольствіемъ прочиталъ бы ее года за два предъ симъ. Въ одномъ письмѣ нашелъ я выраженіе сего философа, представляющее гордыхъ людей: *ils rempent avec orgueil sur la surface de la terre*. Оно мнѣ понравилось; понравилось — и внесено въ Бредъ. Однажды случилось, что сей философъ доказалъ за столомъ у Графа (у коего онъ жилъ учителемъ для сына) одному молодому безбожнику, доказалъ существованіе Бога, представляя Его хозяиномъ открытаго дома, въ которомъ всѣ ѣли и пили лучшее, не зная, кто ихъ кормитъ. Стара шутка, сказалъ я самъ въ себѣ. Это еще я у Снѣгирева слышалъ (когда онъ училъ катехизису). Письма кончатся[1]) тѣмъ: сей Философъ Montendre сообщаетъ другу своему Saint-Tieu, котораго сестра идетъ за него по любви, что узналъ въ Графѣ своего отца, а графъ узналъ въ немъ сына, въ существованіи котораго онъ отчаявался болѣе 20 лѣтъ.

Однажды *Pope* увидѣлъ, что одинъ молодой человѣкъ, переводя одно непонятное мѣсто съ Греческаго, сказалъ у него спрашивающему, что *тутъ надобно поставить вопросительный знакъ, и что тогда будетъ понятно. Pope*, пикировавшись этимъ, подошелъ къ сему молодому человѣку и спросилъ: *да знаете ли вы, что̀ есть вопросительный знакъ?* Молодой человѣкъ, поглядѣвъ на него съ головы до ногъ, отвѣчалъ: *It is a little crucked thing*,

1) Кончаются?

that asks questions. (Надобно вспомнить, что *Pope* былъ малъ ростомъ и горбатъ)[1]). Что можетъ быть чувствительнѣе и вмѣстѣ приличнѣе сего отвѣта? Бѣдный *Pope*, это было для тебя громовой ударъ. —

O my lost love! no tomb is placed for thee
That may to stranger's eyes thy worth impart;
Thou hast no grave but in the stormy sea,
And no memorial but this breaking heart.
Forth to the world a widow'd wanderer driven
In our to winds and waves th' unheeded tear;
Try with vain effort to submit to heaven,
And fruitless call on him who cannot hear.

Эти стихи выписаны изъ элегіи, соч. Шарлоты Смитъ, гдѣ любовница оплакиваетъ своего любезнаго, котораго отецъ, будучи человѣкъ жадный къ богатствамъ, ѣздилъ для полученія ихъ. Буря разлучила его съ золотомъ, и онъ погрузился на дно океана. Но вмѣстѣ съ нимъ погибъ и сынъ его. Отца погребли на берегу, а сынъ, причина нещастія сей нѣжной любовницы, остался на вѣки въ царствѣ Нептуна. — Послѣ сихъ стиховъ ей кажется, что ея любовникъ явился на поверхности бѣлѣющихся волнъ, но уже не таковъ, какъ въ тѣ щастливѣйшіе дни, когда онъ посвящалъ прелестные часы — ей и любви.

Lo! by the lightnings momentary blaze
I see him rise the whitening waves above,
No longer such as when in happier days
He gave th'enchanted hours—to me and love.

И у прежнихъ и у этихъ стиховъ послѣднія строчки мнѣ особенно нравятся.

Потомъ она продолжаетъ, что онъ ей нѣкогда говаривалъ, что одна ее улыбка и проч.

That every peril one soft smile from me
One sigh of *speechless tenderness* o'erpaid[2]).

---

1) Противъ этихъ словъ на поляхъ написано нѣсколько англійскихъ отдѣльныхъ словъ и затѣмъ: «Кордъ — Coard — мой Англин. учитель». 2) Надъ послѣдними двумя словами написано: «trop payé».

Послѣ говоритъ она, что всемогущее Воображенie велѣло остаться сему привидѣнію и проч.

Yet powerful Fancy bid the phantom stay
Still[1]) let me hear him! — 'T is already past;
Along the waves his shadow glides away
I lose his voice amid the deafning blast[2])
Ah wild illusion, born of frantic[3]) pain!
He hears[4]) not, comes not from his watery bed;
My tears, my anguish, my despair are vain,
The insatiate ocean gives not up its dead.
'T is not his voice! hark[5])! the deap thunders roll[6]);
Upheaves[7]) the ground; the rocky barriers fail[8]);
Approach, ye horrors that delight my soul
Despair, and death, and desolation, hail![9])
The ocean hears — the embodied[10]) waters come,
Rise o'er the land, and with resistless sweep[11])
Tear[12]) from its base the proud aggressor's[13]) tomb,
And bear the injured (*т. е. ее*) to eternal sleep!

Mrs Smith.

Я думаю, это та самая, которая сочинила: *Нещастія Голливера.* Я переводилъ это экспромтомъ: изрядно. Но эти стихи превосходны, тѣмъ болѣе, что ихъ писала женщина.

8 Октября. 10 час. вечера. 1807.

Et par fois, il me prend des mouvements soudains
De fuir dans un désert l'approche des humains.

Это гов[оритъ] Мизантропъ Мольеровъ. Потомъ онъ говоритъ, что онъ желалъ бы потерять свой справедливый процессъ для большаго оправданія своего мнѣнія. Какая странность! (т. е. это послѣднее). Филантъ, другъ Мизантропа, совѣтываетъ ему влюбиться въ другую (ибо при всей мизантропіи онъ былъ влюбленъ) и предпочитаетъ сію послѣднюю, прибавляя:

1) Сверху написано: «encore». 2) Сверху написано: «оглушающій вѣтеръ». 3) Сверху написано: «fou, folle». 4) Въ рукописи: «heers». 5) Сверху написано: «слушай». 6) Сверху написано: «гремѣть, rouler». 7) Сверху написано: «поднимаютъ». 8) Сверху написано: «perissent, manquent». 9) Сверху написано: «bien vous soit, царствуй». 10) Сверху написано: «собравшіяся». 11) Сверху написано: «быстрота». 12) Сверху написано: «déchirer». 13) Сверху написано: «зачинщикъ, виновникъ».

Et ce choix plus conforme étoit mieux votre affaire.

Мизан[тропъ]:

Il est vrai, ma raison me le dit chaque jour;
Mais la raison n'est pas ce qui règle l'amour.

Изрядно сказано.

Мерзляковъ говорилъ нынче о *высокомъ* и приводилъ разные тому примѣры. a) Трое Куріацовъ[1]) были родные братья, и когда двухъ убили, третій убѣжалъ. Отцу ихъ сказали это, прибавя: чтò же ему было дѣлать?— *Умереть*, отвѣчалъ онъ[2]). Еще b). Однажды во Франціи левъ убѣжалъ изъ звѣринца и, бѣгая по улицамъ, погнался за одною женщиною, которая отъ страха уронила ребенка и послѣ, увидѣвъ, что левъ набѣжалъ на ребенка, упала передъ нимъ на колѣна и зачала его просить и плакать (вотъ высокое. Однимъ движеніемъ изъяснено все, что только можетъ быть изъяснено). Левъ, поглядѣвъ на нее, убѣжалъ прочь отъ ребенка (Вотъ что удивительно). c). Петръ Великій прогуливался съ различными посланниками на морѣ. Сдѣлалась буря. Французскій посланникъ подходитъ къ Петру и говоритъ, что такъ какъ онъ представляетъ своего Государя, то что Петръ будетъ виноватъ, естьли они потонутъ. Великій Петръ съ спокойнымъ духомъ отвѣчалъ: *Успокойтесь, ни одинъ царь Русскій не погибалъ на морѣ.* (Вотъ высокое)[3]). d). Эдипъ, при видѣ дѣтей, прижитыхъ имъ съ своею матерью, закрываетъ лице свое мантіею. e) Когда Атрей поднесъ питье брату своему (кровь его сына, а своего племянника), съ звѣрскою улыбкою спросилъ: Чтò узнаешь ты въ этой крови? — Братъ, догадавшись, отвѣчалъ: Я узнаю въ ней моего брата. (Что можетъ болѣе сказать нѣжность родительская?). f) Саксонскіе солдаты плакали при погребеніи славнаго своего Генерала и при концѣ, закрывъ глаза, положили на гробъ его свои тесаки (кажется двое) — и вышли вонъ.

Кажется Янусъ сражался съ ....[4]) Юпитеръ, въ то время, какъ онъ защищая храбро справедливую сторону, хотѣлъ замахнуться мечемъ, Юпитеръ опустилъ на сражающихся облако. Янусъ сказалъ: возврати день— и тогда самъ сражайся со мною.

Pun. (calembour; jeu de mots).

---

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ надписано: «Горацієвъ». 2) Въ рукописи на поляхъ противъ этихъ словъ написано: «*Саксонскіе солдаты. Петръ Великій. Атрей* (убитый сынъ его). Я узнаю брата моего. — Ни одинъ царь Русской не умиралъ на морѣ. — Положили тесаки на гробъ своего Генерала. — Эдипъ». 3) На поляхъ около этого мѣста написано: «Рече: *да будетъ свѣтъ — и бысть*». 4) Многоточіе въ рукописи.

An epigram.

I am unable, yonder Beggar cries
To stand or go; if he says true, he lies.

Dr. Donne.

Игра словъ.

7 *Ноября.* Кажется, что протекло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я не бралъ въ руки *Бѣлой Книги*, единственнаго сего утѣшенія во время длинныхъ вечеровъ Ноябрскихъ, Декабрскихъ и проч. Что причиною? — Разсѣянность и занятія. Такъ, но все это не оправданіе. Я началъ теперь переводить Таблицы Бредова: это много отнимаетъ у меня времяни. Нынче у Ганнеманна видѣлъ Фогеля: человѣкъ умной, но слишкомъ Нѣмецъ. —

Что замѣчательнаго въ продолженіе сего времяни моей лѣности? Мнѣ предлагали ѣхать въ Парижъ. Для чего же не поѣхалъ? — Я не отъ себя завишу. — Еще? — Объявленъ разрывъ съ Англіею, и сахаръ въ П.бургѣ 40 руб. — Желтая Книга приводитъ мнѣ на мысль минуты пріятныя, проведенныя мною въ мечтаніи. Но сія Бѣлая напротивъ — горестныя, проведенныя въ жестокой скукѣ, въ С.П.бургѣ.—Поѣздка въ Парижъ много меня занимала: ни о чемъ кромѣ ее не думалъ — но теперь отложилъ попеченіе. (Теперь всio (sic) збираютъ меня въ Геттингенъ). Прошлую зиму провелъ я веселѣе, не взирая на домашнія обстоятельства, раздиравшія при одномъ только воспоминаніи мое сердце. Мысль объ страждущемъ отцѣ — вотъ рана мучительная и нещастная. Но человѣкъ! ты имѣешь слабости. Такъ я забывался и въ эти минуты забвенія былъ веселѣе и разсѣяннѣе. Но теперь удовольствіе долженъ находить въ самомъ себѣ и (кто бы подумалъ! — о перемѣна мыслей!) въ университетскихъ лекціяхъ; да, нѣкоторыя науки меня истинно занимаютъ и подобно солнечнымъ лучамъ разсѣяваютъ туманъ скуки и неизвѣстности моей жизни. — О будущность! должны ли мы благодарить Провидѣніе, что ты закрыта для насъ завѣсою непроницаемою, завѣсою темноты и неизвѣстности? — Такъ, конечно — невинный агнецъ, ведомый на заколѣніе, щастливѣе (естьли можно здѣсь употребить слово сіе), щастливѣе, говорю, (нещастнаго) слабаго человѣка, долженствующаго лишиться жизни на эшафотѣ жестокимъ и поноснымъ образомъ. (Такъ первый щастливѣе послѣдняго). — Провидѣніе назначило можетъ быть мнѣ еще нѣсколько такъ называемыхъ годовъ или секундъ, назначило прожить въ семъ свѣтѣ, несовершенномъ и непостижимомъ, — назначило, и я долженъ покориться волѣ Его; — назначило — этого довольно. — Но естьлибъ будущее было мнѣ

извѣстно, то можетъ быть я, презрѣвъ голосъ разума и совѣсти, презрѣвъ все, ускорилъ бы шаги всепоглощающей смерти, прервалъ бы нить плачевной жизни, которая въ послѣдствіи будетъ мнѣ болѣе въ тягость, нежели теперь. Да помню всегда: Пусть царствуетъ Законъ Природы, установленный Провидѣніемъ, конечно благимъ (см. эпиграфъ сей книги).

Недавно въ университетѣ произошелъ кулачной дуэль у А. Чеботарева съ Н. Кашанскимъ, котораго Андрей побилъ за то, что не сдержалъ своего слова вытти на дуэль. Андр[ей] Чеботар[евъ] написалъ стихи Собакиной или теперь Гр. Шереметевой, а Кашанскій сдѣлалъ пародію.

14 Ноября. Вотъ произведеніе двухъ или трехъ минутъ, право не болѣе да это и видно.

N. былъ душевно влюбленъ въ Аглаю.—Она презирала любовь его.— Онъ хвалилъ ей Аминта и предпочиталъ его самому себѣ. Аглая, тронувшись его прямодушіемъ, пролила слезу, страстную и нѣжнѣйшую, — пролила и рѣшилась соединить судьбу свою съ судьбою N. — Стихи вольные. Мѣра не одинакова. Вольность сочинитель позволилъ себѣ слишкомъ большую, презрѣвъ даже здравый смыслъ, коего одного только не достаетъ въ этихъ нѣжно - глупыхъ стихахъ. Но это ничего. Остальныя красоты сей безсмыслицы вознаградятъ трудъ человѣка, которой рѣшится прочесть произведеніе двухъ или трехъ минутъ. (Заглавіе нѣсколько пространно).

Тебѣль, Любезная, тебѣль я говорилъ,
Тебѣль достоинства Аминтовы хвалилъ?
Но ты, отвергнувъ [1]) все, меня всѣмъ предпочла.
Зачѣмъ несправедлива такъ, Аглая, ты была?

* *

Не думалъ никогда любимъ я быть тобою;
Бывъ презрѣнъ завсегда — рѣшился умереть!
Но вдругъ — о щастіе! Я тронутъ былъ [2]) слезою.
Слезу чувствительну рѣшился отереть.

* *

Рѣшился — и судьба съ судьбою съединились!
Я твой — и ты моя! — Насталъ блаженства [3]) вѣкъ.
Любовь и ненависть навѣки примирились.
Сколь щастливъ можетъ быть въ подлунной человѣкъ!

8 часовъ вечера. 14 Ноября 807. Москва.

---

1) Въ рукописи на поляхъ приписано: «отвергнула». 2) На поляхъ приписано: «бывъ». 3) Въ рукописи на поляхъ сдѣлано примѣчаніе: «блаженный».

20 Ноября. 807. Съ Англійскимъ учителемъ я читаю the Deserted village, прекрасное произведеніе славнаго и любимаго мною *Голдсмита.* Въ сей деревнѣ проводилъ свою молодость; послѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, возвращается туда, находитъ все опустошеннымъ, и одна только старуха, сбирающая коренья для пропитанія, разказала ему все случившееся съ сею деревнею, изъ которой поселяне, населявшіе оную, были выгнаны, и которая принадлежитъ теперь богатому помѣщику. Между прочимъ старуха описываетъ ему то мѣсто, гдѣ прежде собирались мужики во время праздничное.

Vain transitory splendour! Could not all
Reprieve the tott'ring mansion from its fall?
Obscure it sinks, nor shall it more impart
An hour's importance to the poor man's heart;
Thither no more the peasant shall repair
To sweet oblivion of his daily care;
No more the farmer's news, the barber's tale,
No more the woodman's ballad shall prevail;
No more the smith his dusky brow shall clear,
Relax his pond'rous strength, and lean to hear;
The host himself no longer shall be found,
Careful to see the mantling bliss go round;
Nor the cow maid, half willing to be prest,
Shall kiss the cup to pass it to the rest.

Смыслъ двухъ послѣднихъ стиховъ соблазнителенъ, естьли кто захочетъ толковать ихъ, какъ ему угодно, такъ какъ и Г. Кордъ сперва толковалъ. Но тутъ значеніе стиховъ самое невинное.

Пора въ Архиву. — Но еще два стишка, которые слѣдуютъ за тѣми:

Yes! let the rich deride, the proud disdain,
These simple blessings of the lowly train:
To me more dear, congenial to my heart,
One native charm, than all the gloss of art.

Послѣдніе стихи мнѣ понравились. Для нихъ взялъ я *Бредъ мой.* — Хотѣлъ *ихъ* вписать; суди, Н. Т., о нихъ достоинствѣ, которое было въ состояніи преодолѣть твою и мою лѣность.

Погода по нынѣшній день была чрезвычайно грязна. Нынче морозитъ— не знаю, что будетъ. — Здѣсь только что и слышно о чумѣ. О войнѣ съ Англичанами не столько болтаютъ, какъ о *чумѣ.*

Ноябрь 26. Позабылъ сказать тебѣ, почтенный другъ мой Н. Т., что я былъ у Пушкиной въ спектаклѣ. Играли хорошо: мы пріѣхали нарочно въ 9 часовъ, чтобы застать уже театръ начатымъ, а уѣхали — только лишь хотѣли въ послѣдній разъ опустить занавѣсъ. Я стоялъ въ дверяхъ и къ щастію меня не многіе видѣли, и къ нещастію я многихъ видѣлъ. — На сихъ дняхъ благодѣтель мой братъ прислалъ намъ еще 50 руб. для разныхъ издержекъ. Дай Боже имѣть всѣмъ такихъ братьевъ. По его милости, можетъ быть, ты Н. Т. поѣдешь и въ чужіе краи. Вообще я увѣренъ, что онъ печется о мнѣ. Воспоминаніе о немъ заставляетъ иногда отереть чувствительную слезу, пролитую при мыслѣ о печальной будущности; воспоминаніе о немъ— заставляетъ меня иногда встать со стула и вздохнувъ сказать: *Я не одинъ въ мірѣ.* Живи теперь, любезный человѣкъ, для пользы твоихъ братьевъ; можетъ быть со времянемъ будешь жить для пользы человѣчества!—Живи и наслаждайся жизнію! — Находи утѣшеніе въ себѣ самомъ и, естьли можно, въ благодарномъ сердцѣ, которое, видя опыты любви и дружбы твоей, — навѣки пребудетъ благодарнымъ! —

По сю пору все еще грязь, и грязь-то страшная.

Гр. Тол—дуракъ, и дуракъ-то пошлой (сказалъ Кн. Егоръ Алекс. Тол.). Еще былъ я въ Пашковскомъ публичномъ театрѣ, — играли: *Конторка для письма* или *опасности молодыхъ людей.* Соч. Коцебу. Пер[евелъ] кажется Краснольскій [1]), тотъ же, что и Русалку. Піэса прекрасная — развязка возхитительна! — Какой то купецъ, партерный сосѣдъ мой, по окончаніи піэсы кричалъ: *форо!* О глупость! Но другой сосѣдъ, глупый судья піэсы, былъ еще несноснѣе.

Написалъ довольно глупаго. Иду ужинать! А то бы пожалуй и стихи.— За чѣмъ дѣло стало! —

3 Декабря. Со вчерашняго дня стала зима.—Третьяго дня былъ такой сильный вѣтеръ, что третью часть кровли (желѣзной) снесло съ нашего дому.— Князя Волхонскаго и М. А. Обрѣскова велѣно судить наистрожайше за доносъ другъ на друга. — Самые пріятные часы, которые я провожу въ Университетѣ, суть лекціи Мерзлякова, а особливо когда освободишься отъ Рейнгарда и вмѣстѣ отъ его философіи. Онъ говорилъ о басняхъ, приводилъ примѣры изъ древнихъ и новыхъ. Теперь началъ говорить объ Эклогѣ или о Пастушеской поэзіи (Эклога въ собственномъ смыслѣ значитъ: собраніе разныхъ лучшихъ мѣстъ изъ какого нибудь автора).

20 Декабря. 11 часовъ ночи. Протекло 7 лѣтъ — и во все это время сегоднишняя ночь была проводима (по большой части) въ размышленіяхъ—

1) Очевидно, Краснопольскій.

въ надеждѣ. Еще прошлаго года, во время сей ночи, я былъ въ безпокойствѣ; еще прошлаго года думалъ я объ актѣ пенсіонскомъ. (Актъ бываетъ обыкновенно 21 Декабря). Въ какомъ безпокойствѣ находятся теперь бывшіе мои товарищи, изъ коихъ остались еще любезные и добрые, въ разсужденіи которыхъ я не равнодушенъ, выключая Бориса, ибо онъ вѣрно не безпокоится. Но и это мудрено: онъ еще въ пансіонѣ, итакъ его не надо выключать. Знаю это по опыту.

Завтра[1]) буду зрителемъ тамъ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ былъ дѣйствующимъ лицемъ.

Все, что мнѣ ни случалось читать *относящееся къ Богу*[2]), и что я могу упомнить — все мнѣ это теперь не можетъ нравиться. Вездѣ видно, что поэтъ говоритъ уже языкомъ человѣка — христіанина или убѣжденнаго въ бытіи Божіемъ и привыкшаго съ юныхъ лѣтъ вѣрить оному. Но все это не то. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы какой-нибудь славный поэтъ написалъ о вышнемъ существѣ совершенно просто, гдѣ бы онъ говорилъ языкомъ натуральнаго, необразованнаго или даже дикаго разума, но языкомъ краснорѣчивымъ, живописнымъ. Гдѣ бы онъ представилъ человѣка, образованнаго самою Природою, только лишь вышедшаго изъ рукъ ея, разсматривающаго все существующее въ мірѣ, которой при каждомъ шагѣ, при каждой былинкѣ изумлялся бы красотѣ, премудрости и Гармоніи міра. Какой источникъ для Генія-поэта, какія картины для Генія живописца! Также можно бы представить человѣка умнаго, просвѣщеннаго свѣтомъ разума и философіи, тщательно разматривающаго Природу и ходъ вещей, (искавшаго начала и причины въ одномъ случаѣ, которой бы послѣ всѣхъ своихъ)[3]) и ищущаго *начала* и *причины* въ одномъ случаѣ; которой бы, послѣ многихъ изслѣдованій, преклонилъ бы колѣна, съ благоговѣніемъ взглянулъ на небо и сказалъ: Такъ — *Ты существуешь!* но *непостижимъ для смертныхъ*![4]) —

1808 Годъ. 3 Января.

Въ Новый Годъ былъ я въ Маскерадѣ — и въ театрѣ. Играли «Венеціанскую Ярмонку». Піэса пустая. — Въ Маскерадѣ было довольно много людей, полулюдей и — скотовъ. — Андрей Чеботаревъ (изъ числа послѣднихъ) дурачился довольно много; и я принужденъ былъ иногда подражать

---

1) Въ рукописи на поляхъ къ этому слову сдѣлано такое примѣчаніе: «(е?)», т. е. авторъ сомнѣвался, какъ написать: завтре или завтра? 2) Въ рукописи на поляхъ прибавлено; «т. е. *поэтическаго*. Къ этому подали мнѣ поводъ стихи одной Англ. сочин., которые я нынче читалъ съ Кордомъ». 3) Слова въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуты. 4) На поляхъ приписано: «20 Дек. зачалъ я читать *Анахарзиса*».

ему. Маски хорошей я не видалъ, кромѣ одного, одѣтаго въ рубашку изъ колецъ. — Стаканъ пуншу и бутылка Цимлянскаго, выпитая съ Чеботар[евымъ] и Скоропадскимъ, немного развеселили меня. И послѣ этого я сказалъ Маскераду: *Good by*. Вчера былъ я опять въ театрѣ. Играли Капнистову *Ябеду*. Піэса слишкомъ колкая, кот[орая] была прежде запрещена. Играли довольно хорошо. Былъ бенефисъ Сандуновыхъ, которой отдавалъ ложи по 25 руб., а кресла по 5 руб., говоря при каждомъ билетѣ, что это послѣдніе. — Актеръ! — Послѣ «Ябеды» играли: *Глубокій Трауръ*, гдѣ Сандунова хорошо пѣла. Въ «Венеціянской Ярмонкѣ» играла *Носова*, играетъ и поетъ хорошо и собой не дурна — съ театра! (Вблизи же не желаю видѣть). Я пришелъ въ 5 часу и не могъ пробраться впередъ даже для того, чтобы стоять. Все было полно; и для того я, зашедши съ боку, долженъ былъ сдѣлать стычку и такимъ образомъ, проломившись чрезъ двухъ или трехъ купцовъ, одержалъ побѣду — и заключилъ миръ. — Сандуновъ объявлялъ въ стихахъ:

Заутра представлены будутъ святки старины,
Которые лучше всякой новины

и т. д. ставя риѳмами — желали али, али и проч. Ему закричала наша *почтеннѣйшая* публика: форо, и онъ еще повторилъ съ прибавленіемъ еще нѣсколькихъ *али*.

(Я забылъ внести въ Бредъ свой, что въ то время, когда Гр. Каменскаго отставили, то сюда къ Тутолмину пришло письмо отъ *Будберга* (тогда министра), гдѣ Каменскій названъ почти сумасшедшимъ. Будбергъ же въ П.бургѣ отперся отъ письма сего, и тамъ было оно почти неизвѣстно; между тѣмъ какъ здѣсь, здѣсь.... Москва).

Третьяго дня подписался на *Вѣстникъ Европы* Жуковскаго. Видно, что писать мастеръ. Но боюсь, естьли онъ такъ часто будетъ наполнять листы свои столь незабавными анекдотами и *разговорами на балѣ*, что пахнетъ Шаликовскимъ[1]). Тутъ же я читалъ, что одна мать совѣтуетъ дочери своей вписывать въ *бѣлую книгу*, которую она ей даритъ, всякой день по нѣскольку строчекъ и т. д. Вотъ названіе, которое и я далъ моему Бреду, кот[орому] названіе я самъ выдумалъ. Хорошо бы, естьлибъ она всегда была *бѣлая*; но уже половина измарана и наполнена *глупымъ*.

3 Февраля 1808. Я сталъ гораздо лѣнивѣе прежняго въ разсужденіи *Бѣлой Книги*. Вчера Андрей Чеботаревъ, Скоропатскій и прочая братія поѣхали на пятерыхъ саняхъ дѣлать визиты Московскимъ нимфамъ. They

1) Въ рукописи на поляхъ прибавлено: «Послѣ я узналъ, что піэсу: «*Отрывокъ изъ разговора на балѣ*» написалъ — Дмитріевъ».

wished, that I would go together with them, but I refused, and done very well. But in all occasion, it is not bad, in young age, to make such trifles, who amuse a young heart a little and who in old or passable age, can make a cheerful or agreeable or some other recollection and could produce an innocent smile. How then to remember the names of those good-friends of youth, but not with such foolish occupations. Those amusements (print themselves) are printed very well in a young: heart, which, notwithstanding to good-sense or usual Philosophy[1]), whishes always new pleasures and lives only for them.

24 Февр. Въ какомъ ты забвеніи, о Бредъ мой! Сколько новаго: война со Шведами, Степановъ, сосланный за измѣну, прощенъ (и это чрезъ Аракчѣева). И я отправляюсь (въ Германію)[2]) къ Нѣмцамъ. — Примите, Германскія музы, подъ кровъ свой человѣка, желающаго имѣть какое нибудь свѣденіе о наукахъ (вообще), но болѣе всего ѣдущаго въ путешествіе для познанія науки важнѣйшей и полезнѣйшей, науки *узнавать* людей[3]); человѣка, которой не только что хочетъ окуриться табакомъ вашихъ мудрыхъ апостоловъ, но сверхъ того хочетъ отъ нихъ научиться *чему-нибудь болѣе, нежели курить табакъ*[4]). (Но болѣе всего этотъ человѣкъ ѣдетъ — самъ не знаетъ зачѣмъ).

Сей часъ Дроздовскій (Полякъ, за шалости въ Москвѣ въ солдатахъ) показывалъ въ кофейной разныя штуки.

Борисъ уѣхалъ въ П.бургъ; П. С. Аржевитиновъ — вербовать (!) въ Симбирскъ, Казань и проч., вмѣстѣ съ Ракитинымъ. Воейковъ опредѣлился въ Конную Гвардію и пойдетъ — или уже и пошелъ въ походъ. Завидная участь. Какъ не наслаждаться жизнію! — Нѣкоторые люди только что живутъ просто или, такъ сказать, произрастаютъ (ils végétent); нѣкоторые *живутъ*, наслаждаясь своею жизнію (ils vivent).

O foreign contries! when shall I see you? — What a happiness can I stray[5]) there (commun happiness c. à d.[6]) to live agreeably). Quiety and peaceful life can exist like-wise in foreign contries, far from the native-country, far from friends etc.

---

1) Въ рукописи на поляхъ сдѣлано слѣд. примѣчаніе: «Я говорю здѣсь: *обыкновенная философія*, т. е. та, кот. люди обыкновенно приписываютъ другимъ людямъ, имѣющимъ хотя нѣсколько твердости въ характерѣ, но неимѣющимъ понятія о философіи истинной». 2) Слова въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуты. 3) Къ этимъ словамъ на поляхъ рукописи сдѣлана такая приписка: «И теперь изъ всякаго случая или поступка экстраординарнаго (для меня) я научаюсь чему-нибудь», 4) Противъ этихъ словъ на поляхъ рукописи приписано: «Дроздовскій». 5) Надъ этими словами написано: «ensue». 6) Надъ этими словами написано: «it is».

Такъ, и въ отдаленныхъ краяхъ можно быть довольнымъ (или, какъ обыкновенно говорятъ, щастливымъ). Любовь сѣвера согрѣетъ и на югѣ сердце, исполненное любви къ Отечеству; *милое* въ отдаленности дѣлается *еще милѣе*, но не для всѣхъ[1]). — Нѣтъ, нѣжный климатъ Италіи никогда не изнѣжитъ твердаго сердца, которое родилось бы хотя подлѣ полюса. Но мнѣ ли говорить объ этомъ послѣ Шатобріана! Я могъ только слабо, очень слабо предложить мысли его на Отечественной языкъ. Но могу ли самъ говорить что-нибудь свое?

Буксгевдену дана власть и на животъ, какъ говорятъ. (Это уже вѣрно; кажется и въ газетахъ было). Гдѣ ты, о любовь къ Отечеству! И въ сей бездѣлицѣ можно было бы сохранить тебя!

25 Февраля — 1808. Хотѣлъ было написать что нибудь, но совсѣмъ не расположенъ къ тому. —

26 Февраля. Теперь 8 часовъ утра: дожидаюсь Англійскаго учителя. На дворѣ опять славный морозъ. Послѣдніе два дни масленицы и первые дни *первой недѣли* были очень холодны, такъ что во всю зиму не было такихъ морозовъ. До 28 градусовъ.

4 Марта. Морозы хоть куда, совсѣмъ несвойственные Марту. — Вчера, пріѣхавши по утру изъ Университета, почувствовалъ боль въ головѣ и слабость во всемъ составѣ тѣла; однакожь послѣ обѣда ѣздилъ въ Университетъ къ Рейнгарду и Мерзлякову. Въ 10 часовъ почувствовалъ довольно сильный ознобъ и, будучи въ постелѣ, напился бузины. Нынче ознобу не чувствовалъ, но головная боль и слабость остались при мнѣ, какъ будто бы желая меня совершенно удостовѣрить, что я могу сдѣлаться нездоровымъ, не зная самъ какъ.

Вчера Мерзляковъ на лекціи разбиралъ *Пиндара*, переведеннаго на Русской Кутузовымъ; отзывался о семъ переводѣ очень, очень дурно. (Да и можно ли отъ *Кутузова* ожидать чего-нибудь посредственнаго, даже сноснаго!). Эту же самую оду перевелъ и Мерзляковъ, кот[орую] читалъ на предъпрошедшей лекціи. Нынче я цѣлой день дома: читалъ Шреккову Исторію на Русскомъ, переведенную плохо, Вѣстника Европы; также попалась мнѣ въ руки 1 книжка Сѣвернаго Вѣстника, издаваемаго въ Петербургѣ. Въ ней я нашелъ рецензію (критику)[2]) на книгу Шишкова: *О старомъ и новомъ слогѣ*. Въ сей книгѣ есть *очень* много *очень* глупаго. — Въ послѣдней книжкѣ Каченовскаго[3]) Вѣстника помѣщено письмо (соч. этого Шишкова)

1) Противъ этихъ словъ на поляхъ рукописи поставлено: NB. 2) Слово въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуто. 3) Въ рукописи: «Качановскаго».

о привязанности Русскихъ ко всему Французскому. Писмо въ своемъ родѣ превосходное и исполненное справедливости, и очень, такъ сказать, *потрафлено*.

Жду пріѣзда изъ деревни Алексѣя Ѳедор. Малиновскаго, чтобы подать прозбу о моемъ отпускѣ въ чужіе краи. *Естьли кто хочетъ научиться, то можетъ и здѣсь*, скажетъ мнѣ кто-нибудь. Совершенная правда, я согласенъ, а особливо теперь здѣсь можно научиться всему, чему желаешь. Но путешествія... съ какими пріятностями сопряжено бываетъ путешествіе! Воспоминанія. И притомъ путешествіе не въ одну только Германію. Но стой, воображеніе! Мнѣ совсѣмъ не пристало такъ мечтать. Лучше забиться въ деревенской уголъ и быть по возможности полезнымъ естьли не кому другому, то добрымъ поселянамъ, кот[орые] будутъ кормить, одѣвать и укрывать отъ непогоды и жестокостей воздуха, человѣка, кот[орый] совсѣмъ, кажется, не достоинъ быть выше ихъ и вообще никого. Естьли щастіе еще захочетъ не совсѣмъ оставить нещастнаго, и естьли добрая и сострадательная подруга будетъ охотно раздѣлять со мною грусть и скуку, то еще буду иногда дышать свободно и гордиться, можетъ быть, достоинствомъ человѣка! Но плоды сего соединенія? — Какого отца будутъ они имѣть во мнѣ? Но я предоставлю судьбу ихъ Святому Промыслу, естьли онъ тогда будетъ существовать для меня. Можетъ быть они будутъ имѣть добрыя чувствительныя сердца; о сладостное мечтаніе! — тогда я почту себя не самымъ жалкимъ твореніемъ въ мірѣ; и тогда не буду сиротою въ мрачномъ своемъ уединеніи. — И когда (во время уже ихъ совершеннолѣтія) благодѣтельница человѣковъ, смерть, пресѣчетъ дни мои, о! тогда я, давши послѣдній совѣтъ дѣтямъ своимъ — жить въ мирѣ и неизвѣстности, почту себя щастливѣйшимъ человѣкомъ, съ радостію брошусь въ объятія ея и преселюсь въ жизнь будущую, лучшую и щастливѣйшую![1]) О неизвѣстная будущность! ты плѣняешь меня. Время! ускори полетъ свой! Да збудется надежда моя! —

5 Марта[2]). Сегодня Мерзлякова не было на лекціи. За то я нашелъ его въ это время въ кофейной, гдѣ онъ съ актеромъ Зловымъ, съ музыкантомъ Рачинскимъ разсуждалъ о Гайденовой ораторіи: *Сотвореніе міра*. Мерзляковъ говорилъ хорошо и притомъ сказалъ бон-мо (кот. однакожь я

1) Здѣсь на поляхъ рукописи прибавлено: «Теперь я думаю нѣкот. образ., что и люди будутъ преселяться въ будущую жизнь; не знаю, продолжится ли до тѣхъ поръ мысль сія».
2) На поляхъ рукописи въ этомъ мѣстѣ и ниже нарисовано дерево и глазъ-зрачекъ, въ которомъ оно отражается; на глазу написано: «Природа», а ниже подписано: «не много знаемъ мы Природу!»

предвидѣлъ по стеченію словъ); но въ этомъ человѣкѣ есть та слабость, что онъ забывается и въ кофейной говоритъ также, какъ и на каѳедрѣ: это не всегда кстати. Потомъ съ Дашковымъ[1]) Масленниковымъ[1]), (кот[орые] очень неглупы), съ Булатовымъ (неглупымъ и добрымъ человѣкомъ), Поспѣловымъ (тоже, но только онъ говоритъ всегда словами нѣсколько *надутыми*) говорилъ о Волтерѣ. Булатовъ его очень не любитъ; Маслениковъ, Дашковъ и *азъ грѣшный* (естьли могу поставить себя на ряду съ сими двумя) защищали его. Провели время весело. Я пилъ *грѣтый* и курилъ трубку. Всѣ кричали, всякой свое. Дошло до Религіи. Я напомнилъ Дашкову и Масленикову эпиграмму покойнаго брата:

О какъ священная Религія страдаетъ:
Волтеръ ее бранитъ — *Кутузовъ* защищаетъ!

Дашковъ хвалилъ ее и прибавилъ, вмѣсто *Кутузова*, Булатова; но я не замѣдлилъ сказать, что между ними разница, какъ между *землею* и *небомъ*.

Потомъ Панъ Дроздовскій по обыкновенію своему вралъ. Я слышалъ, какъ онъ пѣлъ конный *нѣмецкій* маршъ:

Kein Stiefel, kein Sporen,
Standarten verloren!

Истинно Нѣмецкій! (Бѣдные Шмерцы[2]).

Да! еще видѣлъ въ кофейной Григорьева, пансіонскаго товарища, кот[орый] со времянемъ будетъ крючекъ.

1808. 5-го Апрѣля. Первый день праздника (Св. недѣли). Вечеръ.

Я прочелъ 1-ю часть Анахарзиса, замѣтилъ нѣкоторыя мѣста, кот[орыя] хочу внести въ *Бѣлую Книгу.* —

Миносъ, царь Кретскій[3]), обвинялъ Аѳинянъ въ погубленіи ими[4]) сына его Андрогея и принудилъ ихъ силою оружія давать ему въ назначенные сроки нѣкоторое число юношей и дѣвушекъ, кот[орыхъ] выбирали по жеребью и кот[орыхъ] участь была рабство или смерть. Тезей включилъ себя въ число сихъ жертвъ и, убивъ чудовище (вымышленное), кот[орое] ихъ пожирало, онъ возвратился въ отечество съ дочерію Миноса[5]), кот[орая] помогла ему выйти изъ лабиринта, гдѣ жертвы сіи были заключены. Кретты (Crétois) же говорятъ, что сіи жертвы были предоставляемы побѣдителю на

1) Къ этимъ именамъ на поляхъ рукописи прибавлено: «они въ одно со мною время были въ Пансіонѣ». 2) Поставленное въ скобкахъ—въ рукописи зачеркнуто. 3) Въ рукописи надъ этимъ словомъ приписано: «Crète», а сбоку на поляхъ: «*Тезей*». 4) Въ рукописи: «ихъ». 5) На поляхъ рукописи прибавлено: «кот[орую] Тезей оставилъ на островѣ Наксосѣ».

играхъ, празднуемыхъ въ честь Андрогея; что Тезей, получивши позволеніе войти въ ристалище, побѣдилъ Тауруса, Генерала войскъ Миносовыхъ, и что сей Государь былъ довольно[1]) справедливъ и простилъ Аѳинянъ (отдалъ сіи жертвы Тезею)[2]).

Тезей также отличился въ сраженіи противъ Центавровъ, которые первые выучились сражаться на лошадяхъ. Между такими дѣйствіями онъ рѣшился съ Пириѳоусомъ похитить принцессу Спартанскую[3]) и Епирскую[4]); но Айдоней, отецъ Прозерпины, затравилъ Пириѳоя страшными собаками, а Тезея бросилъ въ тюрьму, откуда онъ былъ избавленъ Геркулесомъ. По возвращеніи онъ нашелъ свое семейство, покрытое безчестіемъ, и городъ, раздираемый мятежами. Королева Ѳедра, кот[орая] часто была упоминаема на театрѣ Аѳинскомъ, влюбилась въ Гипполита. Онъ укрылся у короля Ликомеда на островъ Сциросъ, гдѣ и погибъ скоро. Но послѣ кости его Симонъ[5]), сынъ Милтіада, по повелѣнію оракула, перенесъ въ Аѳины, и онъ былъ однимъ изъ Геніевъ, кот[орые] начальствуютъ (président) въ извѣстныхъ дняхъ каждаго мѣсяца. Наконецъ Аѳины почитаютъ его первымъ основателемъ славы ея и съ гордостію называютъ себя Тезеевымъ городомъ[6]).

Этеоклъ и Полиникъ, по вступленіи на престолъ, заставили Эдипа, кот[орый] убилъ отца и женился на матери, — жить во внутренности его дворца, и согласились управлять Государствомъ попеременно. Но Этеоклъ выгналъ Полиника, кот[орый] пришелъ къ Адрасту, царю Аргоса, женился на дочери сего послѣдняго, кот[орый] обѣщалъ ему важныя пособія. Вотъ причина Первой Ѳивской войны, въ кот[орой] Греки показали въ первой разъ искусство въ войнѣ. По многихъ сраженіяхъ Этеоклъ и Полиникъ рѣшились сами прекратить между собою ссору и, начавши сражаться, оба пали мертвы, не могши насытить своего бѣшенства. Ихъ сожгли на одномъ кострѣ, и дабы изъяснить ихъ ужасныя чувствованія, вздумали, что даже и пламя раздѣлилось, дабы не смѣшать пепла ихъ.

Греки взяли Трою[7]); они удовлетворили своему бѣшенству, но сіе ужасное удовольствіе было предѣломъ ихъ благоденствія и началомъ нещастій ихъ.

Побѣдители (Гераклиды) атаковали Кодра, короля Аѳинскаго, который давалъ пристанище ихъ непріятелямъ. Сей государь, узнавши, что оракулъ

---

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ приписано: «столь». 2) Въ рукописи слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты. 3) На поляхъ рукописи къ этому слову прибавлено: «Елена. Касторъ и Поллуксъ были братья Елены». 4) На поляхъ къ этому слову прибавлено: «Прозерпина». 5) Очевидно — Кимонъ (во французскомъ чтеніи). 6) Противъ этихъ словъ на поляхъ рукописи поставлено: «NB?» 7) На поляхъ рукописи противъ этихъ словъ приписано: «il faut savoir affronter la mort pour mériter de vivre. Prolonger ses jours par la fuite».

обѣщалъ побѣду той арміи, кот[орой] Генералъ погибнетъ, охотно самъ предался [1]) смерти; и это пожертвованіе такъ возпламенило его войска, что они заставили Гераклидовъ бѣжать. Аѳиняне, пораженные сею чертою величества Кодрова, уничтожили титло Короля; они говорили, что онъ такъ возвысилъ оный, что уже впредь не возможно такъ достигнуть онаго.

Сыновья Кодровы завоевали колоніи въ Малой Азіи, кот[орыя] составили *le corps Ionique*. Аѳиняне ограничили время власть [2]) Архонтовъ на 10 лѣтъ, а наконецъ раздѣлили ее между 9 ежегодными чиновниками, кот[орые] еще имѣли названіе Архонтовъ.

6 Апрѣля. Гоммеръ процвѣталъ около 4 вѣковъ послѣ Троянской войны. Два обстоятельства, война Ѳивская и Троянская, образовали (exercer) его дарованія. —

Ахиллесъ убилъ во время войны Гектора, начальника войскъ Троянскихъ (кот. убилъ Патрокла) и отдалъ тѣло его Пріаму, отцу Гектора. Гоммеръ писалъ Иліаду въ лицахъ, искусство, кот[орое] можетъ быть не было до него извѣстно, которое подало поводъ къ драмматическому роду. Со времянемъ поэмы Гоммеровы очень измѣнились; но Пизистратъ и сынъ его Гиппаркъ, чрезъ ученыхъ, переправили его творенія. Элилъ [3]), Софоклъ, Архилохъ, Геродотъ, Демосѳенъ, Платонъ и другіе почерпали изъ Гоммера многія красоты.

Бартелеми раздѣлилъ (означилъ) Аѳинскую Исторію слѣд[ующими] періодами: Вѣкъ Солона или законовъ; вѣкъ Ѳемистокла и Аристида, или славы; вѣкъ Перикла или роскоши и искусствъ.

Драконъ принужденъ былъ укрыться въ островъ Эгинъ, гдѣ и умеръ. Смерть есть наказаніе (въ строгихъ законахъ его) праздности, также легкихъ и величайшихъ преступленій. Онъ говорилъ, что онъ не знаетъ легчайшаго наказанія для первыхъ и другаго для послѣднихъ. Аѳиняне призвали изъ Креты Эпименида, о кот[оромъ] думали, что онъ имѣетъ сношеніе съ богами и что знаетъ будущее. Онъ уѣхалъ изъ Аѳинъ со славою, отказалъ предлагаемые подарки и просилъ только масличную (d'olivier) вѣтвь, посвященную Минервѣ, и для Кноссы, своего отечества, дружбу Аѳинянъ. Онъ утишилъ въ Аѳинахъ разные мятежи.

Солонъ былъ также и хорошій поэтъ. Онъ велѣлъ, чтобы во время смутное всякой Гражданинъ объявилъ себя съ какой нибудь стороны (партіи). Указъ его: будетъ позволено всякому Гражданину убивать не только Тирана

1) Надъ этимъ словомъ въ рукописи написано: «в'ехрова», а на поляхъ прибавлено: «не то на Русскомъ». 2) Вѣроятно ошибка, надо: «власти». 3) Вѣроятно ошибка, надо: «Эсхилъ».

и его сообщниковъ, но также и тѣхъ должностныхъ людей (magistrat), кои будутъ продолжать должность свою послѣ разрушенія демократіи. Также: да накажется смертію тотъ, кто безъ нужды взойдетъ въ святилище, гдѣ собраны дѣти, т. е. въ училище. Никогда человѣкъ не соединялъ болѣе качествъ (способностей) для покоренія себѣ умовъ — сказано о Пизистратѣ, кот[орый] былъ королемъ. Гиппіасъ и Гиппаркъ, дѣти и наслѣдники его, не имѣли тѣхъ, но нѣсколько годовъ правили съ тою же мудростію. Гармодій и Аристогитонъ (которымъ въ послѣдствіи воздвигли статую и, кажется, и храмы), убили Гиппарка. Гармодія тотчасъ убили, а Аристогитонъ, будучи допрашиваемъ, не показалъ своихъ участниковъ, но обвинилъ вмѣсто ихъ всѣхъ вѣрныхъ сообщниковъ Гиппіаса, кот[орый] тотчасъ ихъ умертвилъ. «Естьли еще кто изъ изверговъ (scélérats)»? вскричалъ тиранъ въ ярости. «Одинъ ты остался», отвѣчалъ Аѳинянинъ, — «я умираю и доволенъ, лишивъ тебя лучшихъ друзей твоихъ». Послѣ Клистенъ свергъ со престола Гиппіаса (кот. впредь оказывалъ себя все одними несправедливостями). Клистенъ [1]) скрылся къ Дарію, Персидскому царю, и погибъ въ Маратонскомъ сраженіи.

8 Апр. Переобразованіе [2]) Ликургово было около двухъ вѣковъ съ половиною прежде Солонова. — Ликургова фамилія [3]) занимала съ давняго времяни престолъ Лакедемонскій.

Послѣ сраженія [4]) при Платеѣ было повелѣно, чтобы граждане послѣдняго класса, выключенные Солономъ изъ Государственныхъ [5]) должностей, имѣли впредь право достигать оныхъ. Мудрый Аристидъ, представившій указъ сей, подалъ самый ужасный примѣръ его преемникамъ въ начальствѣ. Прежде они должны были льстить простому народу [6]), а потомъ ползать передъ нимъ.

Киръ возвысилъ могущество Персовъ на развалинахъ Имперіи Вавилонскаго и Лидійскаго [царствъ]; Камбизъ, сынъ его, тоже разпространилъ оное. По смерти его семь вельможъ Персидскихъ умертвили одного Мага, кот[орый] овладѣлъ престоломъ. Дарій, одинъ изъ сихъ вельможъ, сынъ Гистаспа, взошелъ на престолъ. Онъ очень любилъ Зопира. Однажды нѣкто у него спросилъ, когда онъ держалъ въ рукѣ гранату: «Какое благо хотѣли бы вы увеличить во столько разъ, сколько въ плодѣ семъ зеренъ?» — Зопира, отвѣчалъ король [7]), немѣдля. Этотъ отвѣтъ произвелъ въ Зопирѣ извѣстное великое

---

1) Тургеневъ очевидно ошибся, надо: Гиппіасъ. 2) Надъ этимъ словомъ въ рукописи приписано: «Réforme». 3) Надъ этимъ словомъ приписано: «родъ». 4) Вмѣсто этого слова раньше было написано: «баталіи». 5) Надъ этимъ словомъ въ рукописи написано: «magistrature», а на поляхъ: «республиканскихъ». 6) Надъ этимъ словомъ въ рукописи написано: «multitude». 7) Надъ этимъ словомъ написано: «царь».

усердіе къ Дарію. Около 19 мѣсяцевъ Дарій осаждалъ Вавилонъ: Зопиръ, обрѣзавъ себѣ уши и носъ, пошелъ къ непріятелю, и такимъ образомъ Дарій взялъ Вавилонъ и проч. Но Дарій часто говорилъ: «Я бы далъ сто Вавилоновъ, дабы избавить Зопира отъ таковаго варварскаго поступка».

Едвали при дворѣ Сузскомъ знали, что есть на свѣтѣ Лакедемонія и Аѳины, когда Дарій рѣшился покорить сіи отдаленныя страны. Атосса, дочь Кира, на которой онъ только лишь женился, побудила его къ сему, а сама была побуждена Демоседомъ, докторомъ ея, Грекомъ, кот[орый] не могъ найти инаго случая возвратиться въ отечество свое.

Атосса хотѣла также имѣть у себя служанокъ изъ Лакедемоніи, Аргоса, Коринѳа и Аѳинъ. Демоседъ былъ посланъ для узнанія тѣхъ мѣстъ, кот[орыя] Дарій намѣревался завоевать; и только лишь вышелъ изъ владѣній Дарія, то убѣжалъ въ Италію. Но тогда въ Аѳинахъ появились Мильтіадъ, Аристидъ и Ѳемистоклъ. Надобно одну черту для Аристида [1]): Аристидъ былъ самый справедливый и добродѣтельный человѣкъ изъ Аѳинянъ; но надобно было много для изъясненія дарованій, способовъ и видовъ Ѳемистокла: онъ любилъ свое отечество, но славу любилъ еще болѣе отечества. Въ Маратонскомъ сраженіи они славно побѣдили Персовъ. Тутъ погибъ Гиппіасъ (съ Персид. стороны). Но между тѣмъ пагубно было бы для Грековъ сраженіе сіе безъ дѣятельности Мильтіада [2]). Но Эретрейцевъ Персы побѣдили и привели въ плѣнъ къ Дарію; но онъ сжалился надъ ними и роздалъ имъ земли около Сузы. Непріятели Мильтіада обнесли его во взятіи денегъ отъ Персовъ. Его осудили заплатить 50 талантовъ штрафу, но какъ не былъ въ состояніи сего сдѣлать, то видѣли побѣдителя Даріева умирающаго въ оковахъ, отъ ранъ, полученныхъ на службѣ отечеству. Посредствомъ происковъ Ѳемистокла, Аристидъ былъ осужденъ на изгнаніе. Трибуты были созваны и должны были дать свои мнѣнія на письмѣ. Аристидъ присудствовалъ при семъ. Одинъ простый Гражданинъ попросилъ его написать имя обвиняемаго на маленькой раковинкѣ, кот[орую] и подалъ ему. «Сдѣлалъ ли онъ вамъ какое зло»? отвѣчалъ [3]) Аристидъ.— Нѣтъ, сказалъ неизвѣстный,—но мнѣ наскучило слышать, что его вездѣ называютъ справедливымъ.—Аристидъ былъ осужденъ и вышелъ изъ города, молясь о своемъ отечествѣ. — Вскорѣ за изгнаніемъ его умеръ Дарій. Сынъ его Ксерксесъ былъ наслѣдникомъ его престола, но ни одного

1) Въ рукописи очевидно пропущены слова, и отъ того эта фраза не совсѣмъ понятна. 2) На поляхъ рукописи къ этому слову сдѣлана такая приписка: «Едва сраженіе кончилось, какъ одинъ солдатъ, изнуренный усталостію, намѣревается принести первую новость о такомъ большемъ успѣхѣ правителямъ Аѳинъ и, не оставляя оружія, онъ бѣжитъ, летитъ, приходитъ, объявляетъ побѣду и—падаетъ мертвъ у ногъ ихъ». 3) Авторъ, очевидно, ошибся: вмѣсто «спросилъ» написалъ «отвѣчалъ».

изъ его великихъ качествъ. Въ Гелеспонтѣ, куда онъ пришелъ съ своею многочисленною арміею [1]), онъ велѣлъ построить два моста, но буря разрушила оные, и Ксерксесъ велѣлъ умертвить работниковъ и бить море кнутьями, заклѣймить горячимъ желѣзомъ и бросить въ оное пару цѣпей. И между тѣмъ за симъ Государемъ слѣдовали миліоны людей! —

Ксерксесъ спросилъ у Царя Демар[а]та, кот[орый], изгнанный за нѣсколько годовъ изъ Лакедемоніи, нашелъ пристанище при дворѣ Сузскомъ: «Думаете ли вы, чтобы Греки осмѣлились противиться мнѣ»? Демар[а]тъ, получивши дозволеніе сказать правду: «Греки, отвѣчалъ онъ, — страшны, потому что они бѣдны и добродѣтельны и проч.».

Леонидъ, царь Спартанскій (побѣдивши самаго себя, потому что дѣла шли не по его мнѣнію) взялъ съ собою 300 Спартанцевъ, равныхъ ему въ храбрости. Эфоры представили ему, что такого малаго числа не было ему довольно. «Ихъ мало для удержанія непріятеля, но слишкомъ много для предполагаемой ими цѣли». — Какая же это цѣль? спросили Эфоры. «Наша должность, отвѣчалъ онъ, — защищать проходъ; наше намѣреніе — тутъ погибнуть. Довольно трехъ сотъ жертвъ для чести Спарты. Она была бы потеряна, естьли бы повѣрила мнѣ всѣхъ своихъ воиновъ, потому что я не предполагаю, чтобы хоть одинъ изъ нихъ осмѣлился бѣжать». Сцена, когда Леонидъ выходилъ изъ города, была очень жалостна.

Ксерксесъ послалъ къ Леониду съ письмомъ: «Естьли ты захочешь покориться, то я тебѣ отдамъ Грецію». Леонидъ отвѣчалъ: «Я лучше соглашусь умереть за отечество, нежели поработить его». Другое письмо Ксерксеса содержало сіи слова: «Отдай мнѣ оружіе». Леонидъ написалъ внизу: «Приди взять ихъ».

Послѣ Леонидъ взошелъ ночью въ лагерь Персидскій, много побилъ ихъ. Персы бѣжали и были преслѣдуемы. Уже по наступленіи дня Персы увидѣли малое число Грековъ и стали защищаться. Леонидъ погибъ тутъ; но Греки подняли тѣло ихъ Генерала и въ оступленіи своемъ четыре раза отражали Персовъ. Одинъ изъ Аѳинянъ, имѣя боль въ глазахъ, велѣлъ своему человѣку вести его къ непріятелю, атакуетъ его какъ ни попало и получаетъ смерть, которую ожидалъ. Другіе два, не бывшіе на сраженіи [2]): одинъ изъ нихъ тотъ часъ умертвилъ себя, а другой не имѣлъ другой отрады, кромѣ чтобъ потерять жизнь въ сраженіи при Платеѣ.

---

1) На поляхъ рукописи здѣсь прибавлено слѣдующее: «Естьли прибавить къ сей арміи всѣхъ принадлежащихъ и непринадлежащихъ людей, то увидѣть можно, что 5.000.000 были отняты у ихъ отечества и шли разрушать цѣлые народы для пресыщенія властолюбія одного частнаго человѣка, по имяни Мардоніуса». 2) Здѣсь на поляхъ рукописи сдѣлана прибавка: «Ихъ обвиняли, что они не употребили всѣхъ силъ, чтобы быть на сраженіи».

Леонидъ показалъ Грекамъ секретъ ихъ силъ; Персамъ—секретъ ихъ слабости. По предложеніямъ Ѳемистокла Аѳиняне составили свой флотъ и для защищенія себя отъ Персовъ на морѣ всѣ жители Аѳинъ, могущіе служить оружіемъ, должны были перейти на корабли. Эта сцена должна быть очень жалостна, по описанію Анахарсиса. Эврибіадъ, споривши съ Ѳемистокломъ, поднялъ уже на него палку. Ѳемистоклъ останавливается и спокойно говоритъ: «*Бей, но слушай*».

При Саламинѣ Греки выиграли сраженіе на морѣ, гдѣ Ѳемистоклъ очень отличился. (Артемиза, умная Царица, была въ союзѣ съ Ксерксесомъ). Ксерксесъ принужденъ былъ переправляться какъ бѣглецъ черезъ то самое мѣсто моря, гдѣ онъ за шесть мѣсяцевъ переходилъ какъ завоеватель. Еврибіада и Ѳемистокла въ Лакедемоніи наградили масличными вѣнками [1]).

У Римлянъ одного славнаго побѣдителя, не помню имяни его, повелѣно было, когда онъ ужинаетъ въ городѣ, провожать до дому съ игранiемъ на ихъ инструментахъ.

Апрѣля 17. Сраженіе при Платеѣ выиграли Греки. Персами командовалъ Мардоніусъ. Аристидъ командовалъ Аѳинянами; Павзаній всею арміею. И послѣ сей войны побѣдители (Греки) принесли въ землю свою первое семя развращенія. Павзаній сдѣлался послѣ изнѣженнымъ сатрапомъ, потерявъ всю прежнюю свою твердость, и нѣкоторые союзники взбунтовались противъ его тиранства, кот. сдѣлалось еще ужаснѣе поведеніемъ Аристида, которой употреблялъ оружіемъ своимъ кротость и справедливость. Лакедемоняне возвратили Павзанія и, имѣвъ подозрѣніе, что онъ былъ подкупленъ Персами, лишили его начальства и потомъ жизни. Лакедемоняне видѣли преимущество Аѳинянъ надъ ними и великодушно уступили имъ оное. — Но и Ѳемистоклъ былъ изгнанъ и скрылся въ Пелопонесъ [2]), но потомъ, обвиненный въ перепискѣ съ Артаксерксомъ, онъ принужденъ былъ укрыться къ Персамъ. Они почтили въ просящемъ побѣдителѣ ихъ дарованія, кот[орыя] не были уже страшны. Аѳиняне едва примѣтили сію потерю, они имѣли Аристида и Симона [3]), сына Милтіада. Въ сіе время умные и предпріимчивые Генералы много споспѣшествовали необузданному высокомѣрію Республики, какъ то: Меронидесъ [4]), Толмидесъ, Периклесъ. Такъ какъ Аѳиняне, не имѣвши еще

1) На поляхъ рукописи приписаны слѣдующія слова: «Ѳемистоклъ хотѣлъ получить награду отъ Спартанцевъ: они его приняли въ Лакедемоніи и сдѣлали его участникомъ почестей, воздаваемыхъ ими тогда Еврибіаду, начальнику флота». Рисунки лентъ и орденовъ, слѣдующіе ниже, служатъ очевидно намекомъ на русскую дѣйствительность. 2) На поляхъ рукописи сюда отнесено такое примѣчаніе: «Онъ подлѣ своего дому построилъ храмъ съ надписью: «*Діанѣ, дающей добрые совѣты*». Это обидило народъ». 3) То-есть Кимона. 4) Надо: Миронидесъ.

войны, но захотѣли противиться возвращенію войскъ Лакедемонскихъ, были сами побиты, то глаза всѣхъ были устремлены на Симона, кот[ораго] они за нѣсколько лѣтъ изгнали. Периклъ, кот[орый] его изгналъ, предложилъ указъ, кот[орый] бы его возвратилъ. Послѣ побѣдъ награжденіе было равное для всѣхъ. На надписяхъ за побѣды во Ѳракіи хвалили войска, но никого въ особенности[1]). — И теперь всѣ генералы, по примѣру Ѳемистокла, желали разпространенія Республики. Когда послѣ сраженія при Платеѣ, Ѳемистоклъ публично объявилъ, что онъ имѣетъ важный предметъ[2]), кот[орый] долженъ быть секретомъ, то народъ избралъ для сего Аристида. Ѳемистоклъ, отведши его къ сторонѣ, предложилъ сжечь флотъ союзниковъ, дабы сдѣлать [аѳинянъ] властителями Греціи. «Аѳиняне, сказалъ Аристидъ: нѣтъ ничего полезнѣе сего прожекта, но также и ничего несправедливѣе».—Мы не хотимъ его, вскричало все собраніе[3]).

Нѣсколько лѣтъ послѣ Саміяне (les Samiens) предложили Аѳинянамъ нарушить одно условіе въ трактатѣ съ союзниками. Народъ спросилъ мнѣніе Аристида. Онъ сказалъ: «*Это несправедливо, но полезно*». И народъ согласился съ Саміянами[4]). — Наконецъ, по короткомъ времяни и во времяна Перикла, Аѳиняне объявляли правомъ своимъ одну силу. Périclès devait à la nature d'être le plus éloquent des hommes, et au travail d'être le premier des orateurs de la Grèce.

Явную войну между Аѳинянами и Лакедемонянами можно было бы прекратить, естьли бы оная не служила къ возвышенію Алцибіада. Нѣкоторые Историки бранятъ, другіе очень хвалятъ его. Кажется, что Природа соединила въ немъ всѣ добродѣтели и пороки. Онъ былъ ученикъ и другъ Сократа, кот[орый] умѣрялъ въ немъ высокомѣріе его. Когда онъ явился въ[5]) *Трибунъ*, то малый недостатокъ въ произношеніи казался простымъ украшеніемъ молодости. — Онъ чрезмѣрно желалъ начальствовать. Аѳиняне то любили, то ненавидѣли его, и съ страшными движеніями радости и бѣшенства; они возвысили его въ важныя достоинства, осудили на смерть, возвратили и изгнали въ другой разъ. Тимонъ, прозванный Мизантропомъ, встрѣтилъ его однажды и сказалъ, [по]жавъ ему руку: «Хорошо, сынъ мой! продолжай возвышаться, и я тебѣ буду обязанъ потерею Аѳинянъ».

При высадкѣ въ Италію (въ Сициліи) Алцибіадъ очень много дѣйствовалъ, и безъ него Аѳиняне много потеряли. Но непріятели его сдѣлали, что

1) На поляхъ рукописи къ этимъ словамъ сдѣлано замѣчаніе: «хорошо». 2) Надъ этимъ словомъ въ рукописи написано: «видъ». 3) Къ этимъ словамъ на поляхъ рукописи прибавлено: «А нынѣ бы сказали: *право войны*». 4) На поляхъ рукописи здѣсь прибавлено: «Вотъ разница во нравахъ». 5) Надъ этимъ предлогомъ поставленъ другой—«на», а на поляхъ поставленъ знакъ вопроса.

Аѳиняне хотѣли его отозвать отъ арміи и послали за нимъ, но онъ скрылся (ушелъ) (удалился) въ Пелопонесъ; и войска Аѳинскія, осаждавшія въ то время Сиракузы подъ предводительствомъ Ниціаса, были побѣждены Гилиппомъ, Лакедемонскимъ Генераломъ. 8,000 погибли при сей атакѣ, и Ниціасъ сказалъ Гилиппу: «Дѣлай что хочешь со мною, но пощади (избавь) по крайнѣй мѣрѣ этихъ нещастныхъ солдатъ». Гилиппъ приказалъ тотчасъ остановить грабежи (carnage). — Алцибіадъ (наслаждался) пользовался въ Лакедемонѣ довѣренностію; кот[орую] находилъ вездѣ. По его совѣту Лакедемоняне послали помощь Сиракузамъ, и онъ хотѣлъ уменшить могущество Аѳинъ. И онъ окончилъ бы войну съ Аѳинянами, естьлибы, будучи преслѣдованъ Агисомъ, Царемъ Лакедем[онскимъ], кот[ораго] жену онъ обольстилъ, онъ не понялъ, что, отомстивши своему отечеству, ему оставалось избавить его отъ вѣрной потери.

Аѳиняне возвратили его[1]). Онъ принудилъ Персовъ подписать мирный договоръ, выгодный для Аѳинянъ[2]), и принудилъ Лакедемонянъ просить миру, но сіе прошеніе было отвергнуто Аѳинянами, ибо они, съ сихъ поръ предводительствуемые Алцибіадомъ, почитали себя непобѣдимыми. Лакедемоняне взяли 15 галеръ у Аѳинянъ. Сраженіе происходило безъ него и противъ его приказаній. Онъ возвратился, предложилъ сраженіе непріятелю, кот[орый] на оное не согласился. Онъ изправилъ потерю Аѳинянъ. Враги его воспользовались этимъ случаемъ, возставили противъ него народъ, кот[орый] его и лишилъ начальства — съ тою же поспѣшностію, съ кот[орою] и возложилъ оное на него. Война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, всегда на морѣ и кончилась сраженіемъ при Егосъ, *Aegos Potamos*, гдѣ Пелопонескіе[3]) выиграли въ перешейкѣ (détroit) Гелеспонтскомъ. Лизандеръ, Спартанецъ, побѣдилъ здѣсь Аѳинянъ.

Алцибіадъ, въ изгнаніи своемъ, увѣдомилъ Генераловъ Аѳинскихъ объ опасности ихъ положенія и малой дисциплинѣ въ солдатахъ ихъ и въ матросахъ; но они презрѣли совѣты человѣка уже не въ милости. Послѣ сей баталіи сдались и Аѳины, за неимѣніемъ съѣстныхъ припасовъ. Стѣны были сломаны при звукахъ разныхъ инструментовъ, какъ будто бы Греція получила вновь свободу, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ побѣдитель позволилъ народу выбрать 30 чиновниковъ, кот[орые] должны были установить новый образъ правленія и кот[орые] кончили похищеніемъ власти. И весь народъ впалъ въ чрезвычайное рабство. Одинъ Сократъ не былъ потрясенъ сими нещастными

---

1) На поляхъ рукописи къ этому слову прибавлено: «великой человѣкъ». 2) Противъ этихъ словъ на поляхъ рукописи прибавлено: «Что отъ одного человѣка зависить можетъ!» 3) Очевидно пропущено слово.

времянами; онъ осмѣлился утѣшать нещастныхъ и противиться повелѣніямъ Тирановъ.

Алцибіадъ былъ тогда во Фригіи, провинціи Фарнабаза, отъ кот[ораго] онъ получалъ знаки отличія и дружбы. Услышавъ о дѣйствіяхъ Кира, онъ заключилъ, что онъ идетъ противъ Артаксеркса, брата своего; въ слѣдствіе сего онъ хотѣлъ явиться къ кор[олю] Перс[овъ] изпросить у него помощи для избавленія своего отечества, но вдругъ убійцы, посланные Сатрапомъ, окружили домъ его и, не имѣя смѣлости напасть на него, зажигаютъ домъ. Алцибіадъ бросается, съ мечемъ въ рукѣ, чрезъ пламя, отражаетъ варваровъ и падаетъ подъ множествомъ стрѣлъ. Смерть его есть пятно для Лакедемона, естьли правда, что начальники (magistrats), раздѣляя страхъ Тирановъ Аѳинскихъ, подкупили Фарнабаза совершить сіе подлое преступленіе. Но другіе утверждаютъ, что онъ самъ былъ причиною сего и отъ (для) частныхъ выгодъ.—Слава избавить Аѳины была сохранена для Ѳразибула.

29 Апр. Философы говорятъ, что всякое столѣтіе носитъ нѣкоторымъ образомъ въ недрѣ своемъ слѣдующее столѣтіе. Въ Аѳинахъ вѣкъ законовъ и добродѣтелей приготовилъ вѣкъ храбрости и славы; сей послѣдній произвелъ вѣкъ завоеваній и роскоши, кот[орый] кончился разрушеніемъ Республики.

Во время Пелопонеской войны въ Аѳинахъ было очень много геніевъ. Не говоря о Горгіасѣ, Парменидѣ, Проторасѣ[1]) и о многихъ другихъ краснорѣчивыхъ софистахъ, Софоклъ, Еврипидъ, Аристофанъ блистали на сценѣ. Астрономъ Метонъ, ораторы: Антифонъ, Андоцидъ, Лизіасъ — отличались въ краснорѣчіи. Ѳукидидъ, пораженный похвалами, кот[орыя] получалъ Геродотъ, когда читалъ свою исторію Аѳинянамъ, приготовлялся заслужить тоже. Сократъ преподавалъ безподобное ученіе ученикамъ своимъ, изъ которыхъ многіе основали училища. Кисти Полиньота, Фарразія[3]) и Зевксиса, рѣзецъ (ciseaux) Фидіаса и Алкамена украшали храмы и площади. Зенонъ явился въ Аѳинахъ, и Аѳиняне научились тонкостямъ (s'exercerent aux subtilités) училища Элейскаго (d'Elée). Анаксагоръ принесъ имъ ученіе изъ Ѳалеова[2]) училища; и нѣкоторые уже не почитали затмѣнія солнца и т. п. чудесами. Но Апеллесъ превзошелъ всѣхъ ихъ.

4 Мая. Конечно давно не писалъ я въ моей *Бѣлой Книгѣ* ничего самъ *отъ* себя или *про* себя; но по крайней мѣрѣ я узналъ причину таковой лѣности, которой не зналъ прежде. Лѣность сія происходитъ единственно отъ разсѣянія. Прежде, когда *Желтая Книга* моя съ успѣхомъ наполнялась вся-

---

1) Протагорасъ? 2) Ѳалесова? 3) Парразія.

кимъ вздоромъ, я проводилъ дни, болѣе единообразные, нежели теперь; тогда всякой почти вечеръ я находилъ свободное для сего время, между тѣмъ какъ теперь, будучи въ разсѣяніи и безпрестанно думая чортъ знаетъ о чемъ, не нахожу свободнаго времяни и такимъ образомъ лишаюсь удовольствія, которымъ тогда услаждалъ скучные и горестные вечера зимніе. Всегда желалъ бы я привыкнуть вести жизнь единообразную, но эта привычка трудна и непремѣнно должна сообразоваться съ обстоятельствами и т. д. — 1-го Мая я бралъ у Англичанина Вильсона лошадь, хотя не очень хорошую, за 10 рублей и, такъ сказать, вымѣстилъ свои денежки, ѣздивъ до 12-го часу съ Альбединскимъ[1]), кот[орый] кажется добрый малой. Вчера заѣхалъ въ Пансіонъ, выпросилъ у Барона позволеніе Д. С. Языкову ѣхать со мной на булеваръ, гдѣ напившись чаю возвратилъ его опять въ Пансіонъ.

Ѳалесъ былъ древнѣйшій Философъ Греціи. — Геродотъ жилъ 400 лѣтъ спустя послѣ Гомера.

6-го Мая. 1-я часть Анахарсиса кончена. — Въ воскресенье былъ я въ кремлѣ, гдѣ была пушечная и оружейная пальба, по случаю взятія Свеаборга, славной крѣпости въ *бывшей* Шведской (теперь же Русской) Финляндіи. Касперской (артиллерійской офицеръ, имѣющій, какъ увѣряють, связь самую близкую съ извѣстной Г. Шереметевой, урожденной Собакиной) славно командовалъ верхомъ и молодецъ на лошади. — Оттуда зашелъ съ А. Чеботаревымъ въ кофейную, гдѣ просидѣвъ съ часъ, возвратился въ свое жилище. —

2 часть Анахарсиса. Анахарсисъ (онъ былъ Скиѳъ), говоря о своемъ отечествѣ, между прочимъ говоритъ: «Я рѣшился оставить климатъ, гдѣ природа едва доставала (se prêtoit à peine) нуждамъ человѣческимъ, и народъ, кот[орый] казался мнѣ — не имѣлъ иной добродѣтели, какъ той, что не зналъ всѣхъ пороковъ.

— — — et j'ai vu avec peine, que nous perdons du côté des sensations, ce que nous gagnons du côté de l'expérience». Это онъ говоритъ къ тому, что въ началѣ путешествія онъ всему чрезвычайно удивлялся и радовался, а въ послѣдствіи это уничтожалось.

Ксенофонъ изъ Аѳинъ, кот[орый] писалъ Исторію похода Кира, былъ славный Генералъ, и послѣ былъ сосланъ.

По взятіи Аѳинъ всѣ Греческія Республики были нѣкоторымъ образомъ порабощены (покорены) Лакедемонянамъ.

7-го Мая. Сегодня я по обыкновенному былъ на пяти лекціяхъ. Цвѣ-

1) Въ рукописи: «Альбедильскимъ».

таевъ говорилъ о преступленіяхъ разнаго рода и между прочимъ сказалъ, что нигдѣ въ иныхъ случаяхъ не оказываютъ болѣе презрѣнія къ простому народу, какъ у насъ въ Россіи. (Хотя мнѣ и больно, очень больно было слушать это, однако должно согласиться, что бѣдные простолюдимы (sic) нигдѣ такъ не притѣсняемы, какъ у насъ). Цвѣтаевъ приводилъ въ примѣръ, что «многіе молокососы (такъ гов. онъ), скачущіе въ каретахъ, позволяютъ (приказываютъ даже, прибавлю я) своимъ форейторамъ бить (ненаказанно гов. Ц.) бѣдныхъ простолюдимовъ на улицахъ, не смотря на то, что полицейскіе чиновники стоятъ сами на улицахъ». Но должно бы было, по моему мнѣнію, для прекращенія или уменшенія такого безчеловѣчнаго злоупотребленія взискивать это на этихъ полицейскихъ, естьли не можно взискивать (sic) этого на этихъ повѣсахъ, извергахъ рода человѣческаго.— Такъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ, должно признаться, что въ Россіи много подобныхъ этому злоупотребленій. И послѣ этого безсмысленные и, можно сказать, злые политики (иностранцы и сами Русскіе) будутъ утверждать, что Русскій народъ грубъ, и что безъ палки (такъ говорятъ эти чудовища) не льзя съ ними обойтись. Естьли бы можно было, то первому таковому политику воткнулъ бы въ ротъ палку, потому что его усовѣстить, убѣдить невозможно. Можно ли убѣдить такого человѣка, которой къ нещастію носитъ только имя и наружность человѣка, не имѣя впрочемъ ни одного качества, долженствующихъ принадлежать сему благородному состоянію (званію)—состоянію человѣка. — Но зачѣмъ болѣе разтравлять рану, столь сильно терзающую мое сердце. —

Потомъ былъ на статистической лекціи у Гейма, кот[орый] говорилъ о различныхъ произведеніяхъ Россіи. Потомъ у Страхова, кот[орый] говоря о Катоптрикѣ (имѣющей предметомъ своимъ дѣйствія свѣта отраженнаго, и основывается на предположеніи, что подъ какимъ угломъ лучь упадетъ, подъ тѣмъ же и отразится въ противную сторону)[1]) и послѣ лекціи показывалъ опыты, на чемъ основывается фантасмагорія (онъ представлялъ тѣни, сказать по просту). Послѣ обѣда былъ на лекціи у Рейнгарда, кот[орый] говорилъ о Платонѣ и мнѣніяхъ его, объ Аристотѣ и проч. Эта лекція мнѣ нравится болѣе всѣхъ, а особливо Исторія Философіи очень меня занимаетъ. Потомъ былъ у Мерзлякова, которой нещадно бранилъ нашу публику, въ особенности *партеръ;* гов[орилъ], что у насъ представляютъ только Ермаковъ Тимофѣевичевъ да Пожарскихъ и проч. Иногда, хотя сказать что нибудь острое, вралъ, и вралъ то глупо. Потомъ гов[орилъ] о Ломоносовѣ, читалъ и разбиралъ его оды.

1) На поляхъ рукописи нарисованы геометрическія фигуры (углы), объясняющія преломленіе свѣта.

8-го Мая. Никогда, я думаю, серебряныя денги не были такъ дороги, какъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Рубль въ продолженіе двухъ дней стоилъ два руб., а обыкновенная ему цѣна была 185 коп. Теперь онъ стоитъ 165 коп. Эта безпрестанная перемѣна на променъ происходитъ отъ канальства купцовъ: иной причины нельзя найти. Полиція должна бы прилѣжнѣе смотрѣть за этимъ. Третій день идетъ дождикъ или, лучше сказать, *моросить* такъ, какъ въ прошедшую осень всякой день шелъ такой мѣлкой дождикъ.

Ксенофонъ владѣлъ всѣми страстями своими, выключая одной, чрезвычайной любви къ славѣ, кот[орая] содѣлалась тиранскою, несправедливою.

Агезилай — Царь Лакедемонскій. Пелопидасъ, Генералъ Ѳивскій, когда онъ былъ въ Беотіи и шелъ къ Ѳивамъ, то корпусъ Лакедемонскихъ войскъ, гораздо многочисленнѣйшій, возвращался по той же дорогѣ. Одинъ Ѳивянинъ, примѣтившій ихъ, спѣшитъ къ Пелопидасу: «Мы попались, вскричалъ онъ, въ руки непріятеля». — А почему онъ не попался въ наши? отвѣчалъ[1]) Генералъ. И подлинно: по кровопролитномъ сраженіи, онъ имѣлъ удовольствіе разсѣять ихъ по долинѣ. До сихъ поръ никто не осмѣливался атаковать Лакедемонянъ, даже и съ равными силами, а еще менѣе съ меньшими.

На канунѣ сраженія при Левктрахъ, въ то время какъ Епаминондасъ, начальствовавшій надъ Ѳивск[имъ] войск[омъ], занимался разпоряженіями, ему сказали, что одинъ изъ отличныхъ офицеровъ спокойно умеръ въ своей палаткѣ. «О боги! вскричалъ онъ: какъ можно имѣть время умирать во время такихъ обстоятельствъ»! Клеомбротъ командовалъ Лакедемонянами; Эпаминондасъ и подъ нимъ Пелопидасъ-Ѳивянами. Лакедемоняне побѣждены. Нѣкоторые изъ нихъ совѣтывали возвратиться на сраженіе, но ихъ Генералы, устрашенные потерею, кот[орую] только лишь претерпѣла Спарта и не могши надѣяться на союзниковъ, болѣе довольныхъ нежели огорченныхъ ея униженіемъ, laisserent les Thébains élever paisiblement un trophée sur le champ de bataille. Начальники Беотійскаго союза должны только имѣть эту власть одинъ годъ. Эпаминондасъ и Пелопидасъ (сохранили) удержали ее четыре мѣсяца болѣе. Они были обвинены и позваны предъ судъ. Послѣдній защищался безъ достоинства: онъ прибѣгалъ къ прозьбамъ. Эпаминондасъ предсталъ предъ своихъ судей съ тѣмъ же спокойствіемъ, какъ и предъ войскомъ своимъ (à la tête de son armée). «Законъ осуждаетъ меня, сказалъ онъ: я достоинъ смерти. Я требую только, чтобы вырѣзали слѣдующую надпись на моей гробницѣ: Ѳивяне умертвили Эпаминондаса за то, что онъ при Лейктрахъ заставилъ ихъ атаковать и побѣдить Лакедемонянъ, кот[орымъ] они прежде

1) Вѣроятно ошибка, надо: «спросилъ».

и въ глаза смотрѣть не смѣли» и проч. Присудствующіе[1]) хвалили рѣчь Эпаминондосову, и судьи не осмѣлились его осудить. Зависть (возрастающая своимъ уничтоженіемъ), чѣмъ болѣе бываетъ побѣждена, тѣмъ болѣе возрастаетъ, думала, что нашла случай унизить его. При раздаваніи должностей побѣдителю Левктреному назначили смотрѣть за чистотою улицъ и за стокомъ городской нечистоты. Онъ возвысилъ (releva) это препорученіе и показалъ, какъ онъ самъ говорилъ, что не должно судить о людяхъ по мѣстамъ, а о мѣстахъ по тѣмъ, кот[орые] оные исполняютъ[2]). Пелопидасъ погибъ въ сраженіи противъ одного тирана Ѳессаліи, преслѣдуя непріятеля, кот[ораго] принудилъ къ постыдному бѣгу. Ѳивы и союзники ихъ оплакивали смерть его и Ѳивы потеряли одну изъ подпоръ своихъ, но Эпаминондасъ имъ оставался.

Питтакусъ былъ въ числѣ семи мудрецовъ. — Аріонъ Меѳимнскій и Терпандръ Антисскій, родившіеся на островѣ Лесбосѣ, были славные музыканты. Около 50 лѣтъ послѣ Терпандра въ Митиленѣ процвѣтали Алсей и Сафо, и тотъ и другая, помѣщенные въ первый классъ Лирическихъ поэтовъ. Алцей, казалось, сначала посвятилъ себя военной службѣ, но при первомъ случаѣ онъ убѣжалъ. Потомъ онъ хотѣлъ выгнать Меланкруса, тирана Митиленскаго, и очень грубо поносилъ его. Онъ былъ изгнанъ изъ Митилены; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвратился туда, начальствуя надъ сосланными; и попался въ руки своего соперника, кот[орый] отмстилъ ему самымъ блистательнымъ образомъ — простивъ (ему) его. Поэзія, любовь и вино утѣшили его въ нещастіи; потомъ онъ сдѣлался поэтомъ.

О Сафо пишутъ, что она имѣла самый развратный нравъ; однакожъ это находится въ писателяхъ, жившихъ гораздо послѣ ее. По смерти мужа она посвятила себя поэзіи (lettres, словесности). Потомъ она принуждена была бѣжать въ Сицилію, гдѣ ей воздвигли статую. Она любила Фаона, кот[орый] ее оставилъ. Вѣроятно, что Алцей уговорилъ ее взять сторону противъ Питттакуса и что въ Сицилію она ушла для того, что была изгнана изъ Метилены вмѣстѣ съ Алцеемъ и его сообщниками.

Эпаминондасъ былъ, можетъ быть, величайшій человѣкъ, кот[ораго] произвела Греція; Эпаминондасъ, безъ честолюбія, безъ тщеславія, безъ

---

1) Въ рукописи: «присудствующее». 2) На поляхъ рукописи сюда отнесено слѣд. примѣчаніе: «Не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ мѣсто, говаривали и мы въ Пансіонѣ, говаривали, но красили мѣста одними чернилами. То-то, какъ бывало, забересся на Панрассъ (sic) да посматриваешь въ окошко. Люди пишутъ, а мы говоримъ, что бумаги нѣтъ, рука болитъ, да вмѣсто того разговариваемъ про свои шалости и тому подобное. То-то жизнь-то была славная, ни о чемъ не думаешь, всегда въ обществѣ пріятелей, такихъ же прилѣжныхъ, какъ и сами». —

выгодъ (sans intérêts), въ нѣсколько лѣтъ возвысилъ свое отечество до той степени величія, гдѣ мы видѣли Ѳивы.

Филиппъ, братъ Пердикаса, Царя Македонскаго, былъ взятъ въ залогъ Пелопидасомъ съ 30 другими молодыми вельможами.

Платонъ и Діогенъ были однажды взяты морскими разбойниками; друзья перваго заплатили три тысячи драхмъ (двѣ тысячи пятьсотъ ливровъ) для выкупленія его; второй остался въ оковахъ и научилъ дѣтей (fils)—сыновей своего господина быть добродѣтельными и свободными.

Невольники (рабы) всѣхъ возрастовъ и націй составляли важный предметъ торговли во всей Греціи. Жадные торгаши (négociants) выставляютъ ихъ, какъ негодный товаръ, на площадяхъ; и когда является покупщикъ, то они заставляютъ ихъ плясать, дабы можно было судить о ихъ силѣ и проворствѣ. Когда рабы не исполняютъ своихъ должностей, то Господа ихъ могутъ и сковывать, осуждать вертѣть камень (meule)[1] на мѣльницѣ, запрещать имъ жениться или развести съ женами, но не имѣютъ власти надъ ихъ жизнію: когда съ ними поступаютъ жестоко, то заставляютъ ихъ бѣгать или, по крайней мѣрѣ, имѣть убѣжище въ храмѣ Тезея. Въ семъ послѣднемъ случаѣ они требуютъ перейти въ услуженіе къ другому Господину, менѣе жестокому, и иногда (успѣваютъ) имъ удается избавиться отъ ига тиранства, кот[орое] во зло употребляло ихъ слабость.

(У насъ и этого нѣтъ!).

Невольники должны были брить свои головы, но они покрывали ихъ (колпаками, шапками, bonnets). Ихъ одежда должна была простираться только до колѣнъ, но многіе изъ гражданъ носили также. — Запрещено, подъ опасеніемъ очень великихъ наказаній, бить[2]) чужихъ невольниковъ (не своихъ), ибо всякое насиліе есть преступленіе противъ Государства и пр.

(Также и этого у насъ нѣтъ).

Когда рабъ отпущенъ на волю, то онъ не переходитъ въ классъ Гражданъ, но въ классъ водворившихся (domiciliès, водворенныхъ), кот[орый] приближается къ сему послѣднему свободою, а къ классу рабовъ — малымъ уваженіемъ, кот[орымъ] оный пользуется.

20 Іюня. — Я въ Петербургѣ! Какая перемѣна въ моей Бѣлой Книгѣ! (Ровно) другую недѣлю я живу здѣсь. Признаюсь, что съ Москвой разстался я не равнодушно. Со многимъ не хотѣлось разставаться. Но такъ и быть: я выѣхалъ за заставу, вздохнулъ и сказалъ Москвѣ: прости — и можетъ

1) На поляхъ рукописи къ этому слову прибавлено: «meule — точильный брусъ» 2) На поляхъ прибавлено: «infliger — опредѣлить наказаніе».

быть на вѣки! — Я очень любовался окрестностями Москвы и Петровскаго дворца, наслаждался свѣжимъ воздухомъ и дышалъ хотя и свободно, но все оборачивался къ Москвѣ и заочно прощался съ милыми сердцу моему. Пріѣхавши въ Клинъ, выпилъ въ трактирѣ водки, поѣлъ и опять поѣхалъ. Въ Твери написалъ письмо къ Матушкѣ, которое она и получила. Тутъ догналъ меня Вельяминовъ, тотъ плаксивый мальчишка, надъ кот[орымъ] Баронъ Швенгсфельдъ смѣялся въ Пансіонѣ и кот[орый] былъ всегда предметомъ моей жалости и нѣкот[ораго] презрѣнія. Я и въ семъ случаѣ не перемѣнилъ чувствъ своихъ. Онъ можетъ быть думалъ, что я прежде поклонюсь иначе, и для того не кланялся мнѣ. Я думалъ иначе—и такимъ образомъ мы ѣхали верстъ съ 200 вмѣстѣ, вмѣстѣ останавливались, но не говорили ни слова другъ съ другомъ. Поѣхавши изъ Твери ночью, я заснулъ и потерялъ свою шапочку и платокъ, въ ней бывшій. Проснувшись, я просилъ Василья сбѣгать назадъ и поискать. Между тѣмъ я остановился. Темная ночь, маленькой осенній дождикъ (кот[орый] моросить), лошади, ходящія въ лѣсу съ заунывными колокольчиками, шумъ вѣтра, вѣющаго между листьевъ, — все это разполагало душу мою къ мечтамъ печальнымъ. Двѣ станціи принужденъ я былъ ѣхать безъ картуза и цѣлую дорогу безъ платка. Въ Торжкѣ же Василій купилъ мнѣ картузъ, кот[орый] покрывалъ вмѣстилище ума и вкуса до самаго П.бурга. Во время дороги примѣтилъ, что *я забывался* отъ того, что не спалъ. Сижу въ телѣгѣ и дѣлаю чертъ знаетъ что: начну какъ будто хлѣбать что нибудь изъ чашки, хочу взять хлѣбъ и вижу, что тащу за телѣгу. Василій смѣется; я опомнюсь, между тѣмъ какъ не сплю и вижу, что совсѣмъ не то дѣлаю, что думаю дѣлать. Къ тому же мнѣ сказывали, что одинъ лакей, не спавши шестеро сутокъ, сошелъ съ ума: вмѣсто того, чтобы сѣсть на запятки, онъ бросился бѣжать. Это очень вѣроятно, и я увѣренъ, что человѣкъ, не спя долгое время, можетъ потерять память и разсудокъ и проч. Въ Вышнемъ Волочкѣ видѣлъ Князя Богратіона и на немъ три звѣзды. Болѣе ничего.

Теперь въ П.бургѣ ѣздилъ на Строганова дачу съ братомъ А. И. и Н. А. Старынкевичемъ. Оттуда на Крестовскій Островъ, оттуда на Елагинъ Островъ. Когда ѣдишь по Невѣ и видишь великолѣпные царскіе чертоги, прекрасные барскіе дома и простые домики [1]), которые смотрятся въ прозрачныхъ водахъ Невскихъ; трактиры, которыхъ освѣщеніе [2]) живописуется въ (прозрачной) [3]) водѣ,—все это очаровательно и только ожидаетъ славнаго живописца, кот[орый] бы могъ представить свѣту окрестности славнѣйшаго

---

1) Послѣ этого слова въ рукописи зачеркнуты слѣд. слова: «трактиры, освѣщенные».
2) Въ рукописи: «освѣченіе». 3) Въ рукописи это слово зачеркнуто.

города и торжество величественной Невы. (Былъ въ обоихъ театрахъ, но не очень нравится Фран[цузскій])[1]). Оттуда возвратились мы часовъ въ шесть. Надобно прибавить, что и туда и оттуда ѣхали мы на лодкѣ. Какъ пріятно, какое наслажденіе![2]) —

1.

27 Авг. 807. Москва.

All partial evil a general good.

Pope.

Такъ сказалъ одинъ изъ славныхъ философовъ Англіи, — сказалъ, но въ заблужденіи. Оставя разсуждать о справедливости сего выраженія, спросимъ только, можно ли понять его?

Выраженіе сіе значитъ, *что все хорошо* (благо). — И такъ можно поручиться, что самъ Авторъ не понималъ сказаннаго имъ. — Можно, вопервыхъ, спросить: для кого *все благо:* для человѣка? — Это несправедливо и доказывается ежеминутными опытами. Для Бога? — Всякой, вѣрующій въ Бога, увѣренъ, что ему совсѣмъ непріятны наши страданія[3]).

2.

Введеніе[4]).

§ 1. Объ Исторіи вообще.

Предлоги *достопамятно, важно, поучительно*, коими означать должно дѣла и произшествія, долженствующіе составлять Исторію, неопредѣленны, чтобы можно было = сами по себѣ выводятся изъ вѣрныхъ правилъ, по

1) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. 2) Этими словами и заканчивается «Бѣлая Книга» или «Полночный Бредъ», т. е. дневникъ Н. Тургенева за 1807—1808 гг. (листы 1—116). Слѣдующіе листы (117—130) не исписаны, кромѣ оборотной страницы 126-го листа, гдѣ есть короткая замѣтка отъ 27 авг. 1807 года. Послѣдніе же листы (130—137) наполнены переводами. Наконецъ въ концѣ этой книги сохранилось четыре отдѣльныхъ листа, съ разными выписками и замѣтками. Все это мы помѣщаемъ ниже въ видѣ приложеній, подъ №№ 1—6. 3) Это написано на оборотѣ 126-го листа; тамъ же на поляхъ сдѣлана слѣдующая французская приписка: «Voltaire (à peu près). Qu'elle est donc au fond cette idée platonicienne? Un chaos, comme tous les autres systèmes; mais on l'a orné de diamants. — *Voltaire. — Tout mal particulier est le bien général. Переводъ V*». 4) Это переводъ съ нѣмецкаго, повидимому неоконченный; онъ занимаетъ шесть листовъ рукописи (136, 135, 134, 133, 132 и 131).

которымъ Историкъ долженъ поступать при выборѣ своихъ матеріаловъ, [при] приведеніи въ порядокъ и при изъясненіи ихъ.

Исторія, когда о ней говорится въ ученомъ смыслѣ, есть вмѣстѣ соединенное представленіе самыхъ дѣлъ и произшествій, которыя, будучи взяты вмѣстѣ, въ состояніи или всего рода человѣческаго, или нѣкоторыхъ частей онаго, въ состояніи извѣстныхъ народовъ или городовъ—произвели извѣстныя дѣйствія. Изъ сего опредѣленія произтекаютъ непринужденно и сами по себѣ всѣ правила, которыхъ собраніе составляетъ Теорію, а послѣдствіе—Практику Историческаго Искусства.

Историческое дѣйствіе, долженствующее быть интереснымъ, привлекательнымъ и поучительнымъ, должно заключать въ себѣ рѣшеніе какой нибудь задачи. Задача состоитъ въ изъясненіи состоянія всего рода человѣческаго или извѣстныхъ частей онаго, извѣстныхъ народовъ или городовъ, въ изъясненіи дѣлъ и произшествій, случившихся при семъ состояніи. Сему опредѣленію соотвѣтствуютъ, напримѣръ, самые годовыя книги Тацитовы. (Хотя) ихъ форматъ не обѣщаетъ ничего инаго, какъ только Aggregat единственныхъ, нераздѣльныхъ произшествій, и для того они ничего не заключаютъ въ себѣ такого, что бы не относилось къ главнѣйшему предмету. Сей предметъ состоялъ въ томъ, чтобъ изъ учрежденія, изданаго Августомъ, очевиднымъ образомъ произвести совершенное униженіе и испорченность Римлянъ во всѣхъ ihren отношеніяхъ, какъ Гражданъ, какъ воиновъ, какъ людей.

Такъ какъ состояніе людей или народовъ можетъ быть разсматриваемо въ одномъ или различныхъ отношеніяхъ, особенно же въ отношеніи къ ихъ физическому, экономическому, или къ ихъ intellectualle, нравственному или политическому существованію,—то изъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ коихъ мы смотримъ на состояніе людей и народовъ, произходятъ различные классы и раздѣленія историческаго сочиненія, которыя мы должны называть церковною, политическою Исторіею, Исторіею нравовъ, искусствъ и т. д.

§ 2. Объ источникахъ Исторіи.

Подъ источниками Исторіи разумѣется средство, которымъ память произшествій дошла до потомства. Таковое средство могло бы сдѣлать память сію прежде изобрѣтенія письма очень малою и несовершенною. Первѣйшее, самое натуральное и простое было то, что люди, узнавъ что нибудь достопамятное, разсказывали дѣтямъ своимъ, и сіи опять разсказывали своимъ наслѣдникамъ. Сама Природа научила людей пѣнію, посредствомъ котораго они

изображають свои живѣйшія, пріятныя или непріятныя чувствованія. На могилѣ любезнаго или почтеннаго человѣка собирались они и пѣли пѣсню, которою желали увѣковѣчить образъ покойнаго и дѣла его. Равномѣрно пѣли они пѣсни для того, чтобъ возобновить въ ихъ воображеніи произшествія, сдѣлавшія на нихъ сильное впечатлѣніе. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ случилось для нихъ что-нибудь великое или важное, воздвигали они можетъ быть грубой памятникъ, хотя бы онъ состоялъ изъ однихъ камней, вмѣстѣ набросаныхъ для воспоминанія случившагося въ то время произшествія. День, означенный какимъ либо достопамятнымъ произшествіемъ, встрѣчали они съ извѣстными празднествами. Мѣсту, гдѣ случилось произшествіе, давали они приличное (относительное) названіе. Всѣ источники Исторіи, въ тѣ времяна, когда искуство писать не представляло еще никакихъ лучшихъ средствъ для сдѣланія произшествій извѣстными потомству, суть слѣдующіе: изустныя преданія (сказанія); историческія пѣсни; нѣмые, т. е. безъ всякихъ надписей памятники; праздники и празднества; имяна мѣстъ. Всѣ сіи средства неудовлетворительны для того, чтобъ представить потомству произшествія въ ихъ настоящемъ образѣ и со всѣми обстоятельствами.

Однакожь не надобно презирать равно всѣхъ изустныхъ преданій. Конечно они могутъ легко быть изпорчены: со стороны слушателя непримѣчательностію, со стороны разказщика невѣрностью памяти, прелестію воображенія, для (durch) того, чтобъ возбудить охоту, удивленіе и изумленіе. (Но о такомъ народѣ, у котораго рѣдко произходитъ что нибудь новое, необыкновенное) ...[1]). Но надобно представить себѣ народъ немногочисленный, имѣющій малую торговлю съ другими народами, у котораго рѣдко произходитъ что нибудь новое, необыкновенное. Естьли у сего народа случится нѣчто необычайное, то примѣчаніе всѣхъ людей будетъ устремлено на сіе; долго будутъ говорить о семъ, каждый будетъ говорить о семъ. У такого народа долго могутъ остаться неповрежденными воспоминанія о древнихъ произшествіяхъ. Также у сего народа память (ибо оную нельзя исключить изъ вышеупомянутыхъ вспомогательныхъ средствъ) должна быть гораздо опытнѣе и слѣдственно лучше (сильнѣе). Кесарь сдѣлалъ уже сіе примѣчаніе, и оно совершенно подтвердится тѣмъ, что говорили о примѣчанія достойной памяти дикихъ въ Америкѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что преданія младенчества рода человѣческаго заслуживаютъ нѣкоторую степень вѣроятности.

Что же дѣлаетъ преданія и историческія пѣсни менѣе полезными для Исторіи, — есть въ однихъ замѣшательство времянъ, въ другихъ иносказа-

1) Эта фраза очевидно не закончена и въ рукописи почему то подчеркнута.

тельный языкъ ихъ, въ которомъ произшествіе скрывается часто до неизвѣстности. Пѣсни сочиняются при сильныхъ впечатлѣніяхъ; впечатлѣніе, будучи увеличино, выходитъ изъ своихъ предѣловъ, оно ищетъ и умножаетъ ужасныя изображенія, дабы сдѣлать глубокое впечатлѣніе. Посредствомъ сихъ изображеній, когда ихъ въ позднѣйшія времяна будутъ понимать по словесному смыслу, истинныя произшествія дѣлаются баснями. — Времяна, изъ коихъ сохранились одни только изустныя преданія, или историческія пѣсни, или одно только содержаніе оныхъ, называются *темными* или *баснословными времянами*.

Произшествія сохраняются гораздо лучше и вѣрнѣе посредстомъ Искусства писать. Но Искусство писать открывалось постепенно. Сперва рисовали изображенія тѣлесныхъ предметовъ; потомъ прекратили сіи изображенія; потомъ сіи изображенія тѣлесныхъ предметовъ употребляли для означенія безтѣлесныхъ, имѣющихъ съ ними нѣкоторое сходство; потомъ изобрѣли произвольные знаки для отвлеченныхъ понятій. Но сіи (изображенія или) *Іероглифы* до тѣхъ поръ были только понятны, пока ключь къ нимъ, или значеніе знаковъ, не былъ потерянъ.—Наконецъ узнали (сдѣлали открытіе), что языкъ открываетъ самъ по себѣ нѣкоторые тоны. Каждому тону, которой отличали отъ прочихъ, опредѣлили особливый знакъ; и такимъ образомъ было изобрѣтено письмо буквами.

Но долгое время былъ недостатокъ въ матеріалахъ для тѣхъ и въ матеріалахъ, посредствомъ которыхъ многихъ изъ сихъ знаковъ и словъ можно было вообразить легко и вмѣстѣ прочно; долго писали, т. е. вырѣзывали слова на пальмовыхъ листьяхъ, на деревянныхъ доскахъ, камняхъ, металлахъ, прежде нежели были изобрѣтены бумага, пергаментъ и чернило. Чрезъ сіе то изобрѣтеніе сочиненіе Исторіи сдѣлалось возможнымъ.

§ 3. Объ Исторіографахъ.

Они бываютъ или свидѣтели произшествій, которые они разсказываютъ (Referenten), или переписщики, которые разсказываютъ то только, что они сами слышали отъ свидѣтелей. Всѣхъ современныхъ, т. е. съ произшествіями, о которыхъ они говорятъ, въ одно время жившихъ Историковъ надобно почитать свидѣтелями. Но не могутъ назваться они таковыми, естьли не были или соучастниками, или довольно близкими примѣчателями, зрителями произшествій. Мы тогда только можемъ назваться свидѣтелями, когда произшествія произходятъ въ нашихъ глазахъ; въ семъ случаѣ не довольно

бываетъ одной современности; здѣсь потребна еще достаточная близость мѣста [1]).

3.

Халдейцы, Египтяне, Персы, Индейцы [2]), Скиѳы, Цельты. (Сіи послѣдніе заключали въ себѣ Галловъ и Германцовъ).

Халдейцы — прежде Астрономы, потомъ имѣли Гіероглифы, отъ чего произошла Астрологія и Магія. И называютъ Зороастра изобрѣтателемъ ихъ мнѣній. Но не возможно быть одному человѣку изобрѣтателемъ всей *вѣры* Халдейцевъ.

Египтяне — имѣли болѣе глубокія и вѣрныя свѣденія въ Астрономіи (напр. солнце въ среди вселенной). Ѳалесъ и Пиѳагоръ у нихъ были въ Египтѣ, для пріобрѣтенія свѣденій. Науки болѣе въ употребленіи — Астрономія и Геометрія. Имѣли Теологіи, Секретную и Народную (vulgaire). Въ первой *первоначальное вышшее Существо*, во второй обожали астры, людей и животныхъ. Вѣрили Метамфсикозѣ, но не совсѣмъ, ибо думали о хорошихъ людяхъ — молились богамъ принять его [3]) между ними. Называли изобрѣтателемъ закона Ѳоота [4]). Греки тоже говор[или] объ ихъ Гермесѣ, Римляне — объ ихъ Меркуріѣ. Моисея называли также Ѳоотомъ. Но извѣстно, что Ѳоотовъ, такъ, какъ и Зороастровъ, было много. Новый Ѳоотъ назывался *тривеликимъ*.

Персы. — Почитали огонь душею міра (monde). Имѣли магиковъ, признававшихъ Зороастра и два начала: добра и свѣта — Оромаза, и зла и темноты — Аримана, имѣвшихъ начало свое отъ Миѳраса (огня, начала всего). Зороастра почитаютъ изобрѣтателемъ изліянія (emanation) [5]). Зороастръ значитъ: наблюдатель свѣтилъ, звѣздъ.

Индейцы. — Народъ раздѣлялся на состоянія (castes). Брамины или Брахманы составляли первое, происход[или] отъ Брамы, перваго божества. Греки ихъ называли Жимно-софистами, не имѣвшихъ сообщенія съ людьми и не ѣвшихъ мяса, ни пившихъ вина.

Скиѳы. — Дикіе и съ изрядными нравами. Цамолксисъ — ихъ законодатель; училъ ихъ безсмертію, пріучалъ ихъ къ нужной жизни и презрѣнію смерти.

---

1) Этимъ заканчивается отрывокъ «Введенія объ исторіи вообще» и вмѣстѣ заканчивается «Бѣлая Книга»; на послѣднемъ, 137 листѣ сдѣлана было Тургеневымъ такое заглавіе: «Бѣлая Книга или Бредъ, по большой части полночной. 1807. Санктъ-Петерс-бургъ. Н. Тургеневъ». Слѣдующія приложенія (№№ 3—6), ниже помѣщаемыя, писаны на отдѣльныхъ листкахъ, вложенныхъ въ «Бѣлую Книгу». 2) Очевидно ошибка, надо писать: «Индійцы». 3) Ошибка — вмѣсто: ихъ. 4) Тота, бога луны, времени и премудрости. 5) Надъ этимъ словомъ въ рукописи написано: «изтеченія, произхожденія».

Цельты.—Отъ нихъ Германцы и Галлы, у послѣднѣхъ Друиды, хранители, судьи и толкователи законовъ, имѣли полную власть, (сообщеніе съ богами)[1]). Друиды имѣли колдуновъ и бардовъ; учили въ лѣсу, секретно; не употребляли письмо. Учили очень долго (лѣтъ 20). Первые имѣли имъ въ семъ случаѣ подобное.

У Германцевъ священники одни только [въ?] *метамфсихозъ* (чистилище). Прочіе Цельтскіе народы имѣли тоже.

(Изъ Кондильяка)[2]). *11 Декабря 1807. 10 час. вечера.*

Въ Бредъ[3]).

4.

Антистенъ основалъ *Секту Синическихъ*[4]) *Стоиковъ*.

Кратесъ и жена его Гипархія[5]), богатая и прекрасная женщина. Что *хорошо* — вездѣ *хорошо*. Слѣд. можно ѣсть, пить и производить публично то дѣйствіе, котор[ое] люди производятъ обыкновенно въ темнотѣ.—Кратесъ, говорятъ, бросилъ денги въ морѣ. Иные говорятъ, что отдалъ ихъ банкиру съ тѣмъ, чтобъ онъ, естьли дѣти будутъ глупы, отдалъ имъ денги, а естьли будутъ философами, то чт[объ] нѣтъ, ибо имъ ничего не нужно будетъ.

Галлеръ, славный поэтъ и докторъ въ Гёттингенѣ, сказалъ, что человѣкъ всегда ищетъ славы, и что астрономъ на небѣ, между звѣздами ищетъ *одной только славы*. — Прекрасно.

Ливій Андроникъ, древній Латинскій стихотворецъ. Увѣряютъ, что онъ первый fit jouer комедію въ городѣ Римѣ, какъ замѣчаетъ Цицеронъ.

Fabius Maximus былъ нѣкогда диктаторомъ, приближался къ сыну своему *F. M.*, бывшему въ это время консуломъ, на лошади. Сынъ послалъ къ отцу сказать, чтобы онъ сошелъ съ лошади. Тогда отецъ, сошедши, обнялъ сына и сказалъ: *«Я хотѣлъ знать, любезный сынъ, умѣль ли ты быть консуломъ»*. Сей отецъ цѣнилъ болѣе видѣть сына своего, поддерживающаго консульское достоинство, нежели видѣть консула, отдающаго ему честь.—

---

1) Слова, поставленныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты. 2) Въ рукописи Сондильяка. 3) То есть внести въ дневникъ — Бѣлую Книгу или Бредъ. 4) Т. е. Циническихъ. 5) Внизу на томъ же листкѣ сюда сдѣлано такое примѣчаніе: «Праздновали на улицѣ брачное ложе. (Діогенъ сдѣлалъ тоже съ одною женщиною)». И еще ниже: «Гипархіинъ стиль походилъ на Платоновъ, и она писала трагедіи».

Миѳридатъ, Король Понтуса въ Малой Азіи или Анатоліи, храбрый, жестокій и славный полководецъ, пріучилъ себя къ яду, изобрѣлъ (contre-poison) противоядіе.

Un sot savant est sot plus qu'un sot ignorant. — *Мольеръ.*

Это Руссо приводитъ къ тому, что многіе педанты, воспитатели юношества, полагаютъ единственною цѣлію хорошаго воспитанія—науки. Ноябрь 1807.

5.

Ноябрь. 1807.

Stirne — звѣзды.

Der gestirnte Himmel uber mir, das Bewusstsein (сознаніе, совѣсть) *des moralischen Gesetzes und der moralischen Freiheit in mir*—da sind zwei erhabensten (les plus sublimes) Objecten oder Gegenstände unserer Vorstellung. Kant.

Кантъ сказалъ въ Теоріи Неба, что міръ создался безъ Творца, самъ по себѣ изъ атомовъ (т. е. веществъ, не могущихъ раздѣляться); но послѣ въ другой книгѣ (Kritik der Urtheilskraft) онъ говоритъ, что образованныя вещества (тѣла, животные, растенія) были созданы Творцемъ. —

Добродѣтельной человѣкъ, борящійся съ противнымъ рокомъ, есть предметъ высокій и трогательный для нашего чувства. — Кантъ.

Пропасть — это картина высокая (erhabene), имѣющая сходство (analogie) съ безконечнымъ; но при видѣ пропасти чувственность наша страждетъ. I[1]).

6.

М. Г.[2]).

Не смотря на великое уваженіе, которое я имѣю къ Журналу, издаваемому вами, я рѣшился безпокоить васъ моею прозбою помѣстить въ ономъ прилагаемыя піэски. Признаюсь вамъ чистосердечно, что охота моя къ Словесности, въ особенности же къ отечественной, чрезмѣрна. Охота писать стихи (слишкомъ посредственные) также не мала. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, которые вы изволите видѣть точно въ томъ видѣ, въ какомъ написалъ я ихъ въ минуты свободныя, слѣдовательно пріятныя. Естьли вы, захотѣвъ ихъ

1) Неясно, откуда Н. Тургеневъ взялъ эти цитаты: у самого ли Канта или изъ другого источника. Римская цифра означаетъ очевидно часть или главу цитируемаго сочиненія.
2) Это письмо къ редактору «Вѣстника Европы», повидимому В. А. Жуковскому. Любопытно бы узнать, напечатано ли было что-нибудь изъ стиховъ Тургенева.

печатать, найдете въ нихъ что нибудь слишкомъ нехорошаго, то чрезвычайно меня одолжите поправкою.—Буду стараться лично благодарить васъ и тогда скажу вамъ мое имя; покамѣсть оно останется для васъ неизвѣстнымъ, и вѣрно не полюбопытствуете узнать его.—Впрочемъ же, естьли вы не найдете достойными помѣщенія въ *Вѣстникѣ* стиховъ моихъ, то будьте увѣрены, что уваженіе мое къ вамъ, также, какъ и журналу вашему не перемѣнится. Честь имѣю быть М. Г. в. п. с. 50. 300[1]).

---

1) Цифры 50 и 300 скрываютъ иниціалы Тургенева (N=50, T=300). Этими приложеніями заканчивается дневникъ Бѣлая Книга, веденный въ 1807—1808 гг., въ Петербургѣ и Москвѣ. Продолженіемъ Бѣлой Книги служитъ—Дорожная Бѣлая Книга, слѣдовательно по счету третья, веденная Тургеневымъ во время пути изъ Петербурга въ Германію и въ первые мѣсяцы его жизни въ Гёттингенѣ. Мы помѣщаемъ ее здѣсь ниже.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

(1808 годъ).

Николаю Ивановичу Тургеневу

на память

о братѣ Александрѣ.

С.П.Бургъ, 1808-го года, Іюня 21-го дня[1]).

И въ самыхъ горестяхъ насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ.

Андрей Тургеневъ.

De retour sous son toit, tel que l'airain sonore
Qu'on cesse de frapper et qui résonne encore,
Dans la tranquillité d'un loisir studieux,
Il repasse en esprit ce qu'il a vu des yeux,
Dans cent climats divers présent par la pensée,
Son plaisir dure encore quand sa peine est passée.

Festen Muth in schweren Leiden!
Hülfe wo die Unschuld weint!
Ewigkeit geschworene Eiden!
Wahrheit gegen Freund und Feind!
Männerstolz vor Königsthronen!
Brüder! gält es Gut und Blut!
Dem Verdienste seine Kronen!
Untergang der Lügenbrut!

Where 'er I roam, whatever realms to see,
My heart untravell'd foudly turns to thee;
Still to my brother turns with ceaseless pain,
And drags at each remove a lengthening chain.

---

1) Третья книга дневниковъ Тургенева представляетъ изъ себя толстую тетрадь, въ кожаномъ коричневаго цвѣта переплетѣ; въ ней всего 94 листа (въ полъ-листа), и они всѣ исписаны. Эта тетрадь была подарена отъѣзжающему Тургеневу братомъ его Александромъ Ивановичемъ и наполнялась путевыми впечатлѣніями; поэтому Тургеневъ иногда называетъ ее «путевою книгою». Только конецъ ея (75—94 листы) посвящены описаніямъ геттингенской жизни. Она начата 21 іюня и закончена 18 октября 1808 г. Всѣ стихи, помѣщенные на этой страницѣ, писаны рукою А. И. Тургенева.

Дорожная Бѣлая Книга.

1808 Года, Юня 21-го дня.

Николай Тургеневъ.

1808.

Робша. Полночь. Пріѣхавши сюда, я узналъ[1]), что здѣсь скончался Императоръ Петръ III-й. Мы (т. е. съ Г. Куницынымъ) съ товарищами, Г. Воронковскимъ, Чижевымъ и Соловьевымъ пошли ко дворцу, которой показался намъ великолѣпнымъ и со вкусомъ построеннымъ. Посмотрѣвши немного на дворецъ, пошли въ садъ. Тутъ попался намъ садовникъ, Англичанинъ, которой, спросивши мою фамилію, куда ѣдемъ, повелъ насъ по саду. Садъ очень хорошъ, особливо понравилось мнѣ множество каскадъ: они сливаясь съ другими составляютъ прозрачные ключи, которые разливаются по прекрасному лугу. Я сказалъ садовнику, что одинъ изъ прудовъ не чистъ[2]). Онъ мнѣ отвѣчалъ, что прудъ очень чистъ. Послѣ я узналъ мою ошибку, когда товарищи сказали мнѣ, что видимая мною тина было дно. Поблагодаривши добраго Англичанина, мы возвратились на ночлегъ въ *харчевню*, гдѣ поужинали. Товарищи мои ушли спать. Я же сижу одинъ и пишу, все вокругъ меня тихо, кромѣ того, что Г-нъ харчевникъ довольно сильно храпитъ.

Не безъ горести разстался я съ любезнымъ моимъ братомъ-благодѣтелемъ. Что писать объ этомъ, надобно только чувствовать.

Въ Стрѣльнѣ (былъ у меня, а я у него) видѣлъ любезнаго Воейкова въ солдатскомъ халатѣ и такой же шапкѣ. Также видѣлъ и Тарховыхъ. Они всѣ служатъ въ Конной Гвардіи. Любезный теска подарилъ мнѣ на память 24 пули, (кот[орыя] нужны для пистолетовъ, подаренныхъ Д. Н. Блудовымъ). Я же ему обѣщалъ прислать изъ Риги кур[ительнаго] табаку.

За Стрѣльную[3]) выѣхалъ съ Д. Г. Соколовичемъ и А. Ѳ. Владиславлевымъ и Постниковымъ (этотъ изъ Пед. Инст.). Выпивши у заставы двѣ бутылки вина, давши солдатамъ конногвард. на водку, мы выѣхали и остановились на лугу, гдѣ выпивъ, кажется, Шампанскаго или Цимл. Владиславлевъ вырѣзалъ на соснѣ: *Тур*. Я для памяти подарилъ Сокол. пенковую мою трубку, и этотъ добрѣйшій человѣкъ всунулъ мнѣ въ руку свои часы, подаренные ему его братомъ, и кот[орые] ему самому были очень нужны. И на-

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: «вспомнилъ». 2) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: «видя на немъ тину». 3) Въ рукописи поправлено: «Стрѣльнюю».

конецъ не хотѣвши ихъ брать назадъ, я насильно ему отдалъ. Простились и помахали картузомъ — и болѣе другъ друга не видали. — Вчера Мудровъ много мнѣ совѣтовалъ. Мы пропѣли *Свѣте тихій* (какъ прекрасно)[1]) и Слава Отцу, 5 разъ прощались съ нимъ и наконецъ разстались. При П.б. заставѣ, дожидаясь прописи пасспорта, видѣлъ я смѣшное происшествіе: ѣхалъ Чухонецъ верхомъ на лошади, запряженной въ чухонскомъ фаэтонѣ, въ кот[оромъ] сидѣлъ или Нѣмецъ или такой же Чухонецъ въ синемъ сертукѣ. Первой Чухонецъ, видя, что всѣ остонавливаются, хотѣлъ остановиться, но второй Чухонецъ въ синемъ сертукѣ закричалъ ему со своей колесницы со всею важностію министра: *пшолъ е<...>а мать!* сдѣлавъ притомъ важную и вмѣстѣ грозную харю. Отъ П.б. отъѣхали мы 37 верстъ. *21-го Іюня.* М. С. Кайсаровъ тоже провожалъ меня и Борисъ тоже.

22-го Іюня. Сижу теперь въ какой-то корчмѣ. Нынче поутру сидѣлъ и лежалъ все закрытъ въ кибиткѣ, потому что мнѣ было холодно. Написалъ два письма въ П.бургъ и Москву. Дорогой потерялъ ножикъ большой и три пули. И теперь, такъ какъ *нужда учитъ, какъ калачъ ѣсть*, я пули припряталъ въ свою *сумку для бумагъ*, а ножикъ, кот[орый] куплю завтре въ Нарвѣ, привяжу на веревочку, что я хотѣлъ и въ П.бургѣ сдѣлать. Но таковы люди, тогда уже намѣреваются хорошо жить, когда находятся при послѣднемъ издыханіи, или тогда уже видятъ, что тонутъ, когда утонули.

Теперь мы остановились въ корчмѣ въ 7-ми верстахъ отъ Ямбурга. На дорогѣ мы довольно посмѣялись. Ѣхалъ одинъ Нѣмецъ слѣсарь въ Ригу на чухонской одноколкѣ. Кучеръ его, видя, что другой извощикъ, ѣдущій съ колокольчикомъ, заснулъ, отвязалъ у него оный. Спавшій проснулся, поскакалъ за нимъ и вмѣсто того, чтобы ударить извощика, онъ влѣпилъ славный ударъ въ плѣчо бѣднаго Нѣмца, не знавшаго ни слова по-Русски. Дѣлать нѣчего. Извощикъ, взявши свой колокольчикъ, уѣхалъ. Съ своимъ же извощикомъ не хотѣлъ Нѣмецъ ѣхать, и отдавши ему 5 коп. не хотѣлъ доплачивать остальныхъ 10-ти копѣекъ, безпрестанно жалуясь мнѣ на жестокость ударившаго его и на виновника его побоевъ и говоря, что до Нарвы долженъ итти пѣшкомъ. Онъ только и знаетъ на Русскомъ *свина* (да и кто своего имяни прежде не узнаетъ), кот[орымъ] безпрестанно ласкалъ своего извощика. Въ П.бургѣ съ этимъ Нѣмцомъ случилась также странность. Онъ нанялъ до Нарвы извощика за 5 р., кот[орый] уѣхалъ впередъ и притомъ же съ его чумоданомъ. Я спрашиваю у Нѣмца: *Wo ist dein чумоданъ?* Онъ отвѣчаетъ: *Ich habe kein Madame.* Потомъ я ему сказалъ по-Нѣмецки и онъ меня понялъ.

1) Далѣе зачеркнуто: «сочинено».

Здѣсь выпивши полпива, я закурилъ трубку и пошли гулять, нарвали ландышей, я вспомнилъ Карамзина, увидѣлъ Чухонку, вспомнилъ всѣхъ нашихъ сентиментальныхъ писателей — Шаликова, Измайлова, наслаждавшагося съ своею собакою и проч. и проч. Пришли домой, поѣли вятчины, колбасъ, я подчивалъ чаемъ — мы разстались. Теперь 11-ть часовъ, мы сидимъ двое съ Г. Куницинымъ и пишемъ всякой свое. — Захожденіе солнца было нынче прекрасное. Здѣсь и Русскіе, такъ сказать очухонились, вездѣ скверные маленькіе домы, глупой нарядъ, смѣшные одноколки и тому подобное.

Чухна останется чухной, хотя осыпь ее богатствомъ. Столбы для подписанія числа верстъ есть, но не написано на нихъ, сколько напр. отъ П.б. до Ямбурга, отъ Ямбурга до Нарвы « » верстъ. Лыбопытные пусть догадываются сами. Писать нечего. Мечтать[1]) не разположенъ, да что-то нынче и не люблю — спать же хочется. Прости, дорожная книга! 3 потерянныя пули отыскалъ, а ножа нѣтъ, въ Нарвѣ куплю завтра.

Корчма въ 28 верстахъ отъ Нарвы. Сегодня кормили мы въ Нарвѣ. Мы ходили по городу, также ходили смотрѣть водопадъ на рѣкѣ Наровѣ въ двухъ верстахъ отъ города. Какое зрѣлище, особливо для меня, ко[торый] видитъ въ первый [разъ] громады водъ, борящихся между собою и стремящихся наперерывъ погрузиться въ вѣчность. Люди всегда торопятся и туда же! — При водопадѣ есть пильныя мѣльницы, изъ кот[орыхъ] мы осматривали одну. Ходили внизъ[2]), чтобы видѣть и строеніе колесъ, воду движущую оныя. Какая быстрота въ теченіи воды около колесъ, кот[орыя] отмѣнно скоро вертятся. Оттуда пошли мы по каменистому берегу быстрой Наревы, видѣли развалины какъ будто какихъ-то зданій, своды и проч. Мы шли узенькою тропинкою, излучистою и вмѣстѣ косогоромъ, но я забывалъ опасность, любуясь окрестною картиною. Въ долинѣ виденъ деревянный домъ полуразвалившійся. Тутъ же и на берегу же видны слѣды густаго сада, — о время! — Что устоитъ противъ, чего не измѣняетъ роковая коса твоя! Теперь мы ѣхали не далеко отъ моря, которое было у насъ въ виду. Вѣтръ съ моря дулъ холодной. Пора спать. — *23 Іюня.*

24 Іюня. Корчма чухонская. Сегодня по утру отъѣхали мы, кажется, 40 или болѣе 40 верстъ. Сначала станціи долго ѣхали мы саженяхъ въ 5 отъ берега Балтійскаго моря. Опять какое зрѣлище для меня, имѣвшаго въ глазахъ своихъ Москву рѣку и удивлявшагося Невѣ, и вдругъ представилось

1) Въ рукописи послѣ этого слова на поляхъ сдѣлана слѣдующая выноска: «Надобно болѣе думать, нежели писать. Писанное можно другому видѣть, мыслей, кромѣ друга, никому нельзя знать, да притомъ они мѣняются, проходятъ и предаются забвенію, а *что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ*». 2) Въ рукописи: «в'низъ».

моимъ взорамъ неизмѣримое пространство Балтійское! Но недолго смотрѣлъ я на море. Глаза мои сомкнулись, и Морфей посѣтилъ меня, вѣрнаго своего обожателя. Давно уже ѣдемъ мы Лифляндіею, давно встрѣчаются намъ или нечистые Чухонцы или смѣшные Нѣмцы, (напр. Meister Schlosser претерпѣлъ ударъ кнутомъ и который сказалъ мнѣ, что у него есть въ Ригѣ братъ Meister Brodtbeder)[1]). Власатыми Чухонками должны мы любоваться, на прелестной груди всегда найдешь медаліонъ вершка въ три. Давно уже ни одной порядочной бѣлой избы мы не видали. Чухонцы живутъ вмѣстѣ съ своими свиньями, подъ одной кровлей имѣютъ они и овинъ. Не знаю, есть ли у нихъ окошки, на улицу стѣны глухія! —

Въ Нарвѣ успѣлъ я сдѣлать для себя нѣсколько замѣчаній. Мнѣ показалось, что жители полу-Нѣмцы и полу-Чухонцы, должны быть добры и просты, но все остаются также смѣшны, странны, все остаются Нѣмцами. Это пустое, вздоръ, а подлинно я замѣтилъ въ купцахъ нѣкоторую учтивость, въ жителяхъ простое между собою обхожденіе. Водопадъ мнѣ очень понравился. Изъ Нарвы послалъ письмо къ брату А. И. и вмѣстѣ къ Матушкѣ. Чухонцы очень просты и удивительно, какъ по сю пору они, такъ сказать, не обрусѣютъ. Но пусть останутся они въ своемъ состояніи, естьли только они довольны имъ! — Писать мнѣ болѣе нечего, а пора закурить трубку.—

NB. Лошади въ Лифляндіи очень хороши.

25-го Іюня. Вчера ночевали мы въ корчмѣ. Хозяйка въ ней Нѣмка. Дочь ея, дѣвушка лѣтъ 19 или 20, продавала пиво и проч. Я пришелъ къ ней за пивомъ и долго болталъ съ ней пустаго. Собой она не дурна. Сегодня по утру отъѣхали мы не болѣе 20 верстъ. Я спалъ; одинъ изъ товарищей спросилъ меня, не хочу ли я видѣть тюленя. Я пошелъ къ озеру (Чудскому), отъ котор[аго] мы находились саженяхъ въ 10. Другой изъ товарищей показалъ мнѣ тюленя, кот[ораго] самъ видѣлъ, какъ онъ подымался. Потомъ показалъ и другаго, кот[орый] казался быть менѣе перваго. Мнѣ казались они быть на одномъ мѣстѣ. Товарищъ[2]), видѣвшій тюленя, рѣшился поймать его, что ему совѣтывали сдѣлать и другіе. Я молчалъ и дожидался развязки. Онъ раздѣлся и вооруженный саблею гордо шелъ поразить тюленя. Подходитъ, отступаетъ; наконецъ рѣшился подойти, и что же увидѣлъ? пребольшой камень. Ему кричали, чтобы онъ подошелъ еще къ тому, кот. онъ самъ видѣлъ, но и съ тѣмъ тоже сдѣлалось.

Теперь мы кормимъ въ корчмѣ. Г. Куницынъ далъ одному Чухонцу нищему кусокъ хлѣба. Онъ сталъ ему кланяться въ ноги. Потомъ пришелъ

1) Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи приписаны на поляхъ. 2) Въ рукописи написано: «товарищь».

и другой, и я насилу могъ понять его, что имъ ѣсть совершенно нѣчего. Хозяинъ, Ярославецъ, говорилъ мнѣ, что хлѣбъ ихъ состоитъ весь почти изъ травы, и что вообще они ѣдятъ хуже лошадей. Мы ѣли рыбу и бросили кости, бѣдный Чухонецъ, шедши мимо, поднялъ ихъ. Я имъ далъ немного денегъ. Какая благодарность, кланяются, цѣлуютъ ноги, полъ. Въ корчмѣ ихъ было трое. Хозяинъ гов[оритъ], что онъ иногда кормитъ ихъ, они у него кое-что работаютъ. Какая жалость! — Одинъ изъ нихъ сказывалъ мнѣ, что они принадлежатъ Казнѣ, но что находятся на арендѣ у *Валя*. Многіе изъ нихъ ушли въ Россію для прокормленія себя, но ихъ Господинъ послалъ за ними и возвратилъ многихъ изъ нихъ. Есть въ свѣтѣ добро, есть и зло, но видя *такое зло* и воображая еще бóльшее, часто случающееся, врядъ ли можно думать, чтобы добра было на свѣтѣ болѣе нежели зла. Одинъ изъ этихъ нищихъ, показывавшій, что ѣстъ обыкновенно траву, безпрестанно просилъ у насъ денегъ для сайки и все пропивалъ. Хлѣбъ по дорогѣ по большей части очень хорошъ.

26 Іюня. Сегодня въ шесть часовъ утра пріѣхали мы въ Дерптъ, откуда выѣхали въ 9. Я ходилъ смотрѣть городъ, кот[орый] очень хорошо выстроенъ. Особливо понравились мнѣ маленькіе домики съ большими окнами и съ крыльцами на улицу. Я зашелъ купить Фр[анцузской] водки для дороги. Водка хороша. Онъ налилъ мнѣ полштофа за 150 коп. Я видѣлъ, что тутъ менѣе полуштофа, говорилъ ему и наконецъ узналъ, что штофомъ называется мѣра, а не то, что у насъ. При мнѣ приходили 3 Нѣмца пить водку; комната, гдѣ она продается, похожа на Русской кабакъ, только съ тѣмъ различіемъ, что цѣловальникъ здѣсь въ сертукѣ и при пудрѣ, однимъ словомъ, Нѣмецъ. Ѣхавши дорогою, мы не встрѣчали ни одного порядочнаго селенія. Чухонскіе избы разсѣяны по разнымъ мѣстамъ и далеко отъ дороги. И кому бы это полюбилось, онъ бы сталъ любоваться простыми разсѣянными хижинами, кот[орыхъ] [1]) простые хозяева, дѣти природы, живутъ подъ одною кровлею съ невинными свинками. Имъ не нужна роскошь, не нужны зеркала: они смотрятся въ прозрачные ручейки. Но здѣсь ручейковъ нѣтъ; ну все равно: въ гнилое болото, въ грязной каналъ (канаву). Вчера мнѣ одинъ хозяинъ корчмы, Русской купецъ, слишкомъ много нагрубилъ: я его за это очень изрядно и побилъ. Сегодня кормили мы и сами обѣдали (т. е. ѣли масло, простоквашу, пили медъ и пиво) въ городѣ *Валкахъ*, при самомъ въѣздѣ, у одного толстаго Латыша или Чухонца (чертъ его знаетъ). Сегодня цѣлые послѣ обѣда почти безпрестанно гремѣлъ громъ, и три раза шелъ пресиль-

---

1) Тутъ на поляхъ рукописи приписано: «*27 Іюня*».

ный дождикъ, иногда съ градомъ. Меня помочило. Дорогою мы набрали грибовъ. Пріѣхавши сюда, въ корчму къ доброму Латышу, мы ихъ изжарили и съѣли. Давно не ѣдалъ я такъ вкусно, тѣмъ болѣе что самъ жарилъ и разводилъ огонь и при томъ коптѣлъ у сквернаго очага, откуда дымъ выходилъ въ дверь. Съ Валокъ начинаютъ попадаться уже все Латыши, ко[торые] гораздо опрятнѣе Чухонцовъ. Чухонцы народъ самый жалкій, угнѣтены, бѣдны и, кажется, глупы и Богъ знаетъ что еще. Живутъ какъ дикіе въ отдаленныхъ отъ дороги избахъ очень дурно выстроенныхъ, хотя въ лѣсѣ нѣтъ недостатку, вмѣстѣ со свиньями, одѣваются тоже не очень пріятно, особливо ихъ длинные волосы очень не кстати. Города Валокъ мы не проѣжжали, однако видѣли, что строеніе все каменное, и хотя извощикъ увѣряетъ меня, что Валки не многимъ хуже Дерпта, однако я этому не вѣрю. Дерптъ городъ очень хорошій. Кажется болѣе писать нѣчего. — Сдѣлавъ замѣчаніе, что Латыши имѣютъ лучшую наружность нежели Чухонцы, выпивъ рюмку Фр. водки, наѣвшись грибовъ, опорожнивъ жбанъ или кружку пива, иду въ объятія Морфея! —

28 Іюня. Корчма въ 60 верстахъ отъ Риги. Ночь. Пріѣхавши сюда, выпили мы водки, купили у молодой Латышской дѣвушки земляники, такъ искусно завернутой въ корѣ, что ягоды совсѣмъ не измялись. Она, когда мы купили въ первой разъ, не хотѣла отдавать ягодъ, прежде нежели ей отданы будутъ деньги. Это замѣчательно. Потомъ поѣли вятчины, напились чаю, напоили имъ и извощиковъ, товарищи пошли спать, я остался и сижу теперь въ тишинѣ. Сегодня по утру проѣхали мы городъ *Волнеры* (Wolmar), кот[орый] кажется похуже Валокъ, зашли въ хлѣбную за хлѣбомъ, потомъ въ трактиръ выпить водки, кот[орой] рюмка стоитъ 5 коп. За такую же рюмку по дорогѣ отъ Москвы до П.бурга платилъ я 20 коп. Въ этой и вообще во всѣхъ корчмахъ и трактирахъ воздухъ одинаковъ и непріятенъ вѣроятно отъ табаку. Теперь уже рѣдко встрѣчаются намъ Чухонцы, у кот[орыхъ] кажется на лицѣ напечатлѣны *рабство* [1]) и слишкомъ великая простота. Латыши гораздо лучше ихъ одѣваются, особливо женщины: всѣ въ бѣлыхъ платкахъ, и многіе въ шляпахъ. Физіономія сихъ послѣднихъ гораздо лучше Чухонцевъ. Мы думали, что такое различіе въ двухъ сосѣднихъ народахъ происходитъ отъ какой-нибудь важной причины, какъ-то: отъ состоянія ихъ, управленія помѣщиковъ и проч. Но мнѣ сказывали, что они одинаковы въ ихъ состояніяхъ, но что все это зависитъ отъ обыкновенія. Когда между Латышами увидишь Чухонца, то разница эта такъ сказать бросается въ глаза очень чувствительно. Теперь кажется голова пуста. *Бьетъ полночь.*

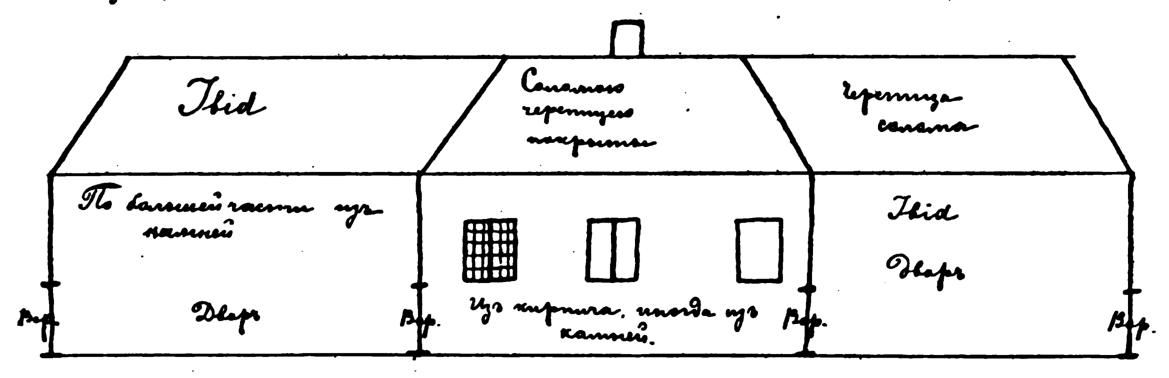
1) Въ рукописи къ этому слову въ концѣ страницы сдѣлана приписка: «вздоръ».

Иду въ объятія Морфея,
Сомкнуть глаза и свѣтъ забыть.

Теперь спимъ на улицѣ, а то все на дворахъ. —

29-го Іюня. Теперь немного болѣе 30 верстъ остается намъ ѣхать до Риги. Сегодня по утру за сорокъ верстъ отъ Риги, съ горы Ригиной мы видѣли три шпица сего города и что-то бѣлѣющееся. Здѣсь по большой части корчмы каменныя, жилые комнаты сдѣланы изъ кирпича, а сарай изъ большихъ необдѣланныхъ камней, соединенныхъ посредствомъ извѣсти, кот[орая] также, такъ сказать, утыкана мѣлкими каменьями. Кирпичныя же корчмы и вообще всѣ строенія, здѣсь встрѣчающіяся, переплетены деревянными брусьями. Заборы на мызахъ и прочее строеніе, иногда и жилые покои сдѣланы также изъ простыхъ камней.

Окошки здѣсь вездѣ почти такіе, начиная съ *Нарвы*. Когда я пріѣхалъ въ Нарву, то взоръ мой довольно былъ пораженъ строеніемъ, улицами и проч. Высокіе домы, окошки, узкіе улицы.



Разположеніе комнатъ почти одинаково вездѣ; есть длинная съ землянымъ поломъ, или лучше сказать безъ полу комната, гдѣ сдѣланъ длинный столъ и скамѣйки, на столахъ ѣдятъ и спятъ. Въ такой комнатѣ всегда есть окошко въ комнату корчмаря, изъ котораго получаютъ вино, пиво и проч. Дорога здѣсь вообще очень хороша, выключая пески, кот[орые] во всей дорогѣ продолжаются по разнымъ мѣстамъ верстъ на 100 или менѣе.

Латыши вообще очень крупны, высоки ростомъ, дородны и проч. Латышки также несравненно красивѣе Чухонокъ. — Вчера на нашемъ ночлегѣ нашли мы очень хорошую хозяйку и хозяина. Я спросилъ водки, она велѣла подать мужу. Мужъ съ пучкомъ, въ колпакѣ, башмакахъ, безъ кафтана (однимъ словомъ Шустеръ, хотя кажется и не сапожникъ) тотчасъ вскочилъ, побѣжалъ, схватилъ штофъ и началъ подносить намъ водку. Я ему ска-

залъ, чтобъ онъ погодилъ уносить, потому что я пить буду; прихожу, водки нѣтъ, Нѣмца тоже, я заглянулъ къ нему въ комнату, закричалъ: *Schälchen!* — Нѣмецъ вскочилъ, сказалъ *Ja, ja,* и тотчасъ поднесъ мнѣ водки со всею Германскою ловкостію: онъ въ семъ случаѣ былъ очень похожъ на *Фандер-Гузена* (въ *Бѣдность и Благородство души*). Потомъ я не зналъ, какъ отворяется изъ корчмы дверь, онъ подбѣжалъ, пошаркалъ, и съ важностію и ловкостію, однимъ только Нѣмцамъ свойственною, отворилъ дверь, раскланялся; я съ нимъ простился и пошелъ въ кибитку на улицу спать. Ловкость его меня такъ забавляла, что я не имѣя ничего достойнѣе этого къ помѣщенію въ эту книгу, рѣшился лѣтъ черезъ 10 или болѣе вспомнить этого Нѣмца.

Теперь заѣжжалъ сюда въ корчму претолстой Нѣмецъ, въ старинномъ кафтанѣ, престранномъ парикѣ, съ косою и пуклями, сѣлъ на скамѣйку въ корчмѣ, я заглянулъ туда, онъ зачалъ мнѣ кивать головой, хотя поклониться, а потомъ схватился за шляпу; я, желая избавить его лишняго труда, кивнулъ ему головою.

30 Іюня. Сегодня въ 6 часовъ утра пріѣхали мы въ Ригу. Одѣвшись почище, пошелъ я съ письмомъ отъ Неймана, служащаго въ коммиссіи, къ купцу Бульмеринку, которой принялъ меня очень хорошо: послалъ сына своего показать мнѣ биржу и клобъ (Musse). Конечно я не слыхалъ отъ него привѣтствій Французскихъ, но истинное простосердечіе видно было изъ каждаго его слова: однимъ словомъ я очень доволенъ его пріемомъ. Онъ пригласилъ меня притти въ 1-мъ часу на биржу, а оттуда итти съ нимъ въ ихъ клобъ (Musse). Я исполнилъ его предложеніе. Пришелъ на биржу (гдѣ было пропасть народу, въ числѣ кот[орыхъ] было много и Жидовъ: ихъ теперь очень много въ Ригѣ, потому что они съѣхались изъ разныхъ мѣстъ съ товаромъ), встрѣтилъ Бульмеринка на лѣсницѣ, и мы пошли съ нимъ въ Musse. Здѣсь за обѣдомъ было человѣкъ 60, не менѣе, и кажется я одинъ былъ изъ нихъ Русской. Всякой членъ можетъ приводить съ собою гостя. Фигуръ Нѣмецкихъ или подлинниковъ для каррикатуръ...[1]). Пообѣдавши я простился съ добрымъ Бульмеринкомъ и пошелъ домой въ Форштадтъ, на Каменную улицу, Русской рынокъ, въ трактиръ *Breslau*, гдѣ мы платимъ по полуталлеру въ сутки. По утру, шедши отъ Бульмеринка, я нѣсколько заблудился, но заблудиться въ городѣ, куда пріѣхалъ въ первой разъ, не бѣда, а напротивъ идучи изъ Musse, я видѣлъ, что улицы усыпаютъ деревянными опилками и можжевельникомъ, это значитъ, что одному Нѣмцу вздумалось умереть, а между тѣмъ по причинѣ вѣтра и мой сертукъ пожалѣлъ о смерти Нѣмца. Въ

1) Въ рукописи тутъ что-то пропущено.

самомъ городѣ всѣ дома каменные и ихъ 800. Въ Форштатѣ деревянные и почти передъ всякимъ большія деревья и на жестяной дощечкѣ изображены двѣ руки вмѣстѣ. Это означаетъ домъ, кот[орый] находится въ числѣ тѣхъ, за кот[орый] общество платитъ, когда онъ сгоритъ. Здѣсь улицы очень узки, къ тому же здѣсь фурманны съ длинными своими фурами занимаютъ очень много мѣста. Заходилъ на почту. Братъ А. И. хотѣлъ ко мнѣ писать (poste restante), но письма не было.

Въ Ригѣ есть кромѣ этой Musse, гдѣ четыре ста членовъ, еще одинъ клобъ; да еще для мастеровыхъ клобъ.

2-го Іюля. 9 часовъ утра. Сейчасъ пришелъ я домой отъ Бульмеринка, съ которымъ теперь же возвратились мы съ его мызы (Lusthöfchen). Вчера въ 10 часовъ пришелъ я къ нему. Онъ просилъ меня притти въ первомъ часу на биржу. Оттуда пошли мы въ Musse, гдѣ обѣдали. За столомъ были кажется 3 блюда, масло, сыръ, колбасы, вино, пиво, и, естьли хотите, вода. Послѣ обѣда онъ тотчасъ ушелъ домой и просилъ меня приходить въ 4 къ нему. До этого времяни я остался въ Musse, читалъ разныя газеты. Въ Монитерѣ нашелъ я описаніе или разборъ путешествія *Карра* въ 1804 (на Франц.) въ Данію, Швецію и П.бургъ. Онъ говоритъ очень съ хорошей стороны о Русскихъ, особенно же въ разсужденіи гостепріимства. Притомъ, подобно всѣмъ Французамъ, желающимъ что-нибудь сказать о Русскихъ, говоритъ (иногда) и пустое. Напримѣръ: за столомъ одна дама просила его подать ей соль и прибавила, что онъ долженъ улыбнуться. Карръ же говоритъ объ этомъ, что *le sourir est regardé dans ce pays comme un charme contre le poison*. Также издатель Монитера замѣчаетъ у него много *platitudes*, ко[торыя] также и мнѣ не нравятся. Въ четыре часа пошелъ я къ Бульмеринку, не могъ найти его дому. Онъ уже меня дожидался на улицѣ, у своего дома съ бичемъ и увидѣвъ, что я пошелъ въ другую улицу, пошелъ ко мнѣ; мы пришли къ нему на дворъ, сѣли на дрожки и поѣхали (онъ правилъ самъ). Дорогою мы кое о чемъ говорили. Пріѣхавъ въ загородный домъ его, (кот[орый] находится верстахъ въ 4 отъ города), на дворѣ встрѣтила насъ жена его, женщина лѣтъ за тридцать, не дурна собою. Она обошлась со мною очень ласково, спросила, не говорю ли я по-Французски. Потомъ взошли въ комнату, довольно большую, гдѣ стоялъ самоваръ и чашки. Хозяйка подчивала меня чаемъ, очень, кажется, хорошимъ (но признаюсь, что все казалось мнѣ очень хорошимъ въ кругу такихъ хорошихъ, добрыхъ людей). Поговоривъ съ нею и выпивъ чашку чаю, она пригласила меня итти въ садъ и пить чай съ мужемъ ея. Я пошелъ и тамъ, подъ тѣнію густыхъ деревъ, выпилъ я съ добрымъ Бульмеринкомъ еще 3 чашки чаю. Напившись чаю, пошли мы гу-

лять по саду, онъ сказывалъ мнѣ, что у него 13 человѣкъ дѣтей[1]), да еще былъ 14-й, которой умеръ; двое находятся въ Англіи; что ему 48 лѣтъ (я себѣ на умѣ: пустое, братъ, кажется больше). Однакожь сказалъ ему: *Nur 48?* Ja, отвѣчалъ онъ: *Ich habe früh angefangen*. Въ одной бесѣдкѣ показалъ мнѣ деревянную статую, изображающую старика; передъ нею находятся мертвые кости и головы. Эта статуя можетъ двигаться, но онъ при мнѣ не дѣлалъ этого. Потомъ возвратившись къ дому, онъ опять пошелъ по саду собирать розы, одна изъ маленькихъ дочерей его пошла съ нимъ. Я тоже. Гдѣ надобно проходить въ маленькія вороты, онъ вездѣ гов[орилъ] мнѣ: *Spazieren* Sie mein Herr. — Потомъ пошли мы съ нимъ на П.бургскую дорогу, тамъ долго сидѣли, говорили о Беклешовѣ, Бугсгевденѣ и проч. Съ нами былъ еще одинъ молодой человѣкъ, урожденный Ганноверецъ, добрый, кажется, малой. Возвратившись домой, въ скоромъ времяни пошли мы ужинать. Меня посадили въ первомъ мѣстѣ (о, думалъ я, вонъ каково, знай нашихъ!) Но прибавить надобно, что кромѣ меня ни одного гостя тогда у нихъ не было. За ужиномъ хозяинъ былъ очень веселъ, много шутилъ, хозяйка очень привѣтлива. Она начала себѣ наливать пиво, я думалъ, что она и мнѣ станетъ наливать, и протянулъ было руку къ стакану, но опять отнялъ; она, показалось мнѣ, примѣтила это и налила мнѣ. Лучше было естьли бы я такъ не думалъ, а то что-то неловко. За столомъ сидѣло человѣкъ 12, и служила одна служанка, и все шло также хорошо, какъ у насъ при 10 лакеяхъ. Послѣ ужина хозяйка предлагала мнѣ курить трубку, я отказался. Потомъ сынъ его, Carl, кот[орый] въ первый день водилъ меня на биржу, на почту и показывалъ мнѣ Musse, сѣлъ играть на фортопьянѣ. Ганноверецъ сидѣлъ подлѣ него, припѣвалъ и дѣлалъ Нѣмецкія движенія, показывая, что можно подъ эту музыку танцовать. Одна изъ дѣвушекъ, кажется дочь Бульмеринка, поднесла мнѣ трубку, я опять отказался. Хозяинъ позвалъ меня выпить стаканъ пива, потомъ показалъ мнѣ комнату, гдѣ я долженъ былъ ночевать. Здѣсь все было приготовлено. Сегодня поутру въ семь часовъ я всталъ, мы всѣ напились въ саду кофе и чаю. Для мущинъ были пребольшія чашки, для женщинъ маленькія. Я выпилъ чашку кофе и двѣ чаю. Простившись съ доброй хозяйкою и поблагодаривъ ее за всѣ ихъ одолженія, мы поѣхали въ городъ другою уже дорогою (онъ хотѣлъ мнѣ показать мѣсто гулянья Рижскихъ жителей), дорогою показывалъ онъ мнѣ кладбища: Лютеранское, Рус-

1) Въ рукописи къ этимъ словамъ на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Изъ которыхъ одинъ маленькой Michel очень забавенъ; когда мы пріѣхали, то онъ игралъ съ маленькимъ черныиъ пуделемъ. Невинность изображалась на лицѣ этого милаго ребенка, здѣсь-то я немного позавидовалъ состоянію отца семейства».

ское и Католическое. Пріѣхавши къ нему, и онъ мнѣ предложилъ опять итти въ Musse съ нимъ обѣдать. Я просилъ увольненія, онъ сказалъ кажется такъ: *Es ist gleich, wenn Sie wollen*, kommen Sie halb Eins nach Börse, da werden Sie mich finden.

Сидя за ужиномъ между добрыхъ хозяевъ, я позавидовалъ состоянію ихъ. Не взирая на то, что уже Бульмеринкъ имѣетъ третью жену, они, кажется, очень хорошо живутъ между собою и любятъ другъ друга; они, кажется мнѣ, щастливы; да правду сказать, гдѣ же можно искать истиннаго щастія какъ не въ семейственной жизни, въ кругу милыхъ дѣтей и супруги. Сидя за ужиномъ добрый хозяинъ говорилъ мнѣ, наливая вино: *Trinken Sie, Herr Turner!* — Никогда не забуду тебя, добрый Бульмеринкъ! Живи щастливо для щастія твоей супруги и добрыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшіе, особливо Carl, такъ привѣтливы, учтивы, обходительны, а малютки такъ милы; пусть будутъ они похожи на добраго отца своего. Trinken Sie, lieber Herr Turner!

Здѣсь, кажется, купцамъ довольно весело жить и очень покойно. Утро проводятъ они въ своихъ конторахъ и на биржѣ, обѣдаютъ въ Musse, лѣтомъ ѣздятъ въ свои Lusthöfchen. При томъ же въ Ригѣ есть 4 раза въ недѣлю очень хорошій, какъ сказываютъ, театръ (гораздо лучше Нѣмецкаго въ П.бургѣ). Но не знаю, всѣ ли такъ щастливы, какъ Бульмеринкъ, кот[орый], по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, долженъ быть щастливъ.

Здѣсь народъ вообще кажется очень учтивъ, кого на улицѣ ни спроси, всякой съ удовольствіемъ покажетъ дорогу, да еще иногда и проводитъ. Здѣсь иностранцу очень трудно искать какого-нибудь дома и проч., потому что улицы узки, кривы, домы стѣснены, всѣ похожи одинъ на другаго, но трудность эта очень уменьшается учтивостію добрыхъ Рижскихъ жителей.

Здѣсь въ Ригѣ есть общества, кот[орыя] соглашаются платить за домъ, принадлежащій одному изъ членовъ сего общества, когда онъ сгоритъ. Въ Форштатѣ строеніе деревянное и потому здѣсь ежегодно желающій обезпечить домъ свой платитъ четвертую часть процента съ той суммы, какой домъ стоитъ. Въ самомъ же городѣ, гдѣ все строеніе каменное, въ случаѣ ежели домъ сгоритъ, то назначаются изъ гражданъ оцѣнщики: два плотника [1]), два каменщика, два кузнеца, и когда они оцѣнятъ домъ, то сумма раздѣляется на жителей. Достается платить иногда 8, 10 и до 20 таллеровъ съ дома. Это обыкновеніе есть почти [во] всѣхъ Европейскихъ городахъ. Жаль, что у насъ внутри Россіи не введутъ его. Нѣтъ ли въ П.бургѣ? Я давно уже слышалъ, что въ П.бургѣ есть дома, кот[орые] будучи застрахованы, платятъ

1) Въ рукописи: «плотница» (вѣроятно ошибка).

подать въ Лондонское общество, которое въ случаѣ пожара въ П.бургѣ, платитъ по оцѣнкѣ за домъ.

27 Іюня записалъ я въ своей записной книжкѣ слѣдующее: У Чухонцевъ и также Латышей очень много лошадей *англизированныхъ:* этотъ трудъ берутъ на себя солдаты: имъ нужны хвосты лошадиные для ихъ султановъ. *30-го* записалъ тамъ же слѣдующее: въ Ригѣ платятъ за собакъ пошлину по берлинкѣ, или по фюнферу (Fünfer), и въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ эти привиллегированныя собаки носятъ на шеѣ деревянные значки, на кот[орыхъ] написано *1808*. Значки даются профосами. Собакъ безъ значковъ можно убивать, что и дѣлаютъ. —

Здѣсь многіе, по Англински называемые *gentlemen*, ходятъ въ шапочкахъ или фуражкахъ. Здѣсь народъ кажется быть въ большей дѣятельности. А во время привоза товаровъ (прихода кораблей) по улицамъ нѣтъ почти проѣзда, тогда дѣятельности гораздо болѣе, какъ говорилъ мнѣ *Carl*, третій сынъ Г. Бульмеринка. Здѣсь, по закону, запрещено Жидамъ ночевать въ городѣ. Они могутъ быть въ городѣ только днемъ, а ночью итти въ свою слободу, однакожь теперь они нанимаютъ и живутъ въ городѣ. Это сказывалъ мнѣ Бульмеринкъ отецъ, идучи со мною съ биржи, добрый кажется человѣкъ. Я и Г. Куницынъ взяли вексель изъ П.бурга на Гамбургъ по 15 шиллинговъ и $^7/_8$ за рубль, а товарищи наши здѣсь у Zuckerbecker'а взяли по 16, т. е. за 300 рубл. 100 таллеровъ банко въ Гамбургѣ. Къ Бульмеринку пишутъ теперь изъ П.бурга, что курсъ по 15 шил., а еще можетъ быть хуже будетъ.

5-го Іюля. Вотъ уже третій день, какъ мы покойны, т. е. что мы нашли себѣ попутчиковъ[1]), какихъ-то Тильзитскихъ женщинъ и дѣвушку, кот[орыя] каждый годъ по нѣскольку разъ пріѣжжаютъ, въ Ригу для продажи товаровъ. Этою находкою обязаны мы Г. Гебгарту, секретарю здѣшняго Ратгауза, котораго рекомендовала намъ хозяйка наша, M-me Sivart, также женщина добрая и очень словоохотливая. Она разсказывала мнѣ о раненыхъ солдатахъ, которые пришли въ Ригу въ бытность здѣсь Государя. Также она сказывала мнѣ, что здѣсь можно видѣть кнуты, которыми били, выгоняя изъ города, католицкихъ поповъ, которые ловили на улицахъ дѣвокъ, приводили ихъ къ себѣ и по прошествіи года или болѣе и менѣе зарывали ихъ живыхъ въ землю. Это открылъ старикъ, нечаянно зашедшій ночевать въ церковь и видѣвшій таковое погребеніе одной нещастной; за это-то ихъ и выгнали. — Гебгартъ человѣкъ очень добрый, очень старался для насъ, записалъ наши имяна, и мы простились съ добрымъ и услужливымъ Нѣмцомъ.

---

1) Въ рукописи исправлено: «попутчицъ».

Вчера я опять ходилъ обѣдать въ Musse съ Бульмеринкомъ, онъ опять приглашалъ меня ночевать въ загородномъ его домѣ и, поблагодаривъ его, простился. Одинъ изъ его совѣтовъ былъ для меня не очень спасителенъ, а имянно: онъ совѣтывалъ мнѣ променять всѣ денги на фюнферы, я променялъ только 50 рубл. у Zuckerbecker'а, но потомъ узнавши отъ Гебгарта и другихъ, что лучше имѣть таллеры, нежели фюнферы, просилъ, чтобы Александръ Петровичь размѣнялъ мнѣ опять на таллеры вмѣстѣ съ своими (потому что и онъ также ошибся) и бестія Zuckerbecker зато, чтобы отдать намъ назадъ наши таллеры, а взять свои фюнферы, взялъ съ насъ 15 фюнферовъ[1]). Г. Бульмеринкъ обѣщалъ мнѣ промѣнять мои 150 рубл. на таллеры, но я, узнавъ отъ него, что онъ мнѣ дастъ за 288 коп. таллеръ, не сказалъ ему ни слова и пошелъ съ Николаемъ Кириловичемъ Воронковскимъ къ Zuckerbecker'у, кот[орый] сказалъ, что даетъ по 287 коп. По щету же вышло, что онъ далъ гораздо менѣе, кажется, около 182 коп.[2]). Завтра оставимъ мы Ригу, кот[орая] мнѣ, признаюсь, и наскучила: живи, ищи, дожидайся, хлопочи, трать денги и больше ничего. Право не очень прiятное провожденiе времяни. — Вчера изъ Муссы зашелъ купить на дорогу водки. Оттуда пришелъ домой, куда въ скоромъ времяни пришелъ ко мнѣ переводчикъ кажется здѣшняго Ратгауза Г. Олденкопъ. Ему Гебгартъ сказалъ, что я знаю сына его, Московскаго Университета студента; онъ пришелъ освѣдомиться у меня о сынѣ и, поговоривъ со мною, просилъ ѣхать къ нему домой. Я поѣхалъ съ нимъ, тамъ нашелъ его жену и сына, которой игралъ на фортопiанѣ и пѣлъ. Старикъ и жена его, кажется, добрые люди. Оттуда отвезли меня на его рожнахъ. Олденкопъ хорошо знаетъ по-Русски. Вчера отправилъ письма къ брату А. И. и вмѣстѣ въ Москву. Нынче хотѣлъ отправить къ Воейкову табаку, но посылокъ сегодня не принимаютъ, письма же приняли. Я просилъ хозяйку отправить табакъ вмѣстѣ съ письмомъ. Она обѣщалась. Естьли и не отправитъ, то не бѣда, но мнѣ не хочется, чтобы Воейковъ думалъ, что я забылъ исполнить его прозьбу или порученiе. Но я думаю, что хозяйка отправитъ, и естьли онъ получитъ, то вспомнитъ обо мнѣ и вздумаетъ, что и я его не забылъ. Съ почты пошелъ на ярморку, гдѣ вчера купилъ кожаной кошелекъ за фюнферъ. Съ одной стороны рядовъ на другую должно переходить черезъ кирку, я прошелъ шаговъ пять и тогда уже снялъ картузъ и у другихъ дверей шаговъ за 6 надѣлъ его. Сперва позабылъ снять, а тутъ не знаю что мнѣ вздумалось надѣть. Оттуда пошли смотрѣть Wassermaschine, посредствомъ кот[ораго] во весь городъ доставляютъ воду. Тутъ работали 6 ло-

1) Въ рукописи: фюнферы. 2) Не ошибка ли, вмѣсто 282?

шадей, 3 изъ нихъ слѣпые, а у другихъ завязаны глаза. За 12 коп. Рус. денгами смотрѣли мы машину. Теперь сижу дома, въ кругу товарищей и жду не дождусь того часа, въ кот[орый] оставлю Ригу. — Хозяйка сегодня подала намъ щеть. За 6 сутокъ 15 тал. и нѣсколько марокъ за все. Это не дорого. Сегодня за буттеръ-броотъ и пиво еще надобно будетъ заплатить. Сегодня, когда я хотѣлъ взять мою записную книжку, вздумалось мнѣ посмотрѣть въ нее, чего я никогда не дѣлалъ, и что же: я нашелъ тамъ двѣ новенькія сининькія ассигнаціи — очень удивился. Естьли бы не посмотрѣлъ, то пришлось бы везти ихъ въ Германію. Изъ нихъ платилъ самъ и товарищи на почту и остальные рублей 8 отдамъ хозяйкѣ по 6 фюнферовъ за рубль. Фюнферъ намъ обходился по 16 коп.

Вторникъ. 7 Іюля. Вотъ уже другой день, какъ мы въ дорогѣ и сей часъ пріѣхали въ Митаву. Товарищи остались назади, и я въ ожиданіи ихъ и вмѣстѣ съ ними завтрака, вздумалъ написать здѣсь что-нибудь.

Вчера въ вечеру, когда пора уже было становиться на ночлегъ, моя старуха говорила фурману: *Die Herrens wellen schloppen gona.*

Чертъ пойметъ ихъ *Platdeutsch!* Сегодня по утру онѣ остановились пить кофе. Я написалъ тамъ кое-что на бумажкѣ карандашемъ, что сюда же принадлежитъ[1]).

Теперь сижу въ комнатѣ. Хозяинъ служилъ въ Русской службѣ унтеръ-офицеромъ въ гусарахъ. Я спросилъ у него, какъ называется здѣшняя рѣка. Онъ говоритъ, что это не рѣка, а каналъ, называемый Die *Grosse Bäche*, хозяйка говоритъ другой, они заспорили, покричали и перестали.

Середа. 8 Іюля. Утро. Теперь остановились наши дамы пить кофе. Нѣчего сказать ѣдемъ по барски, но съ этими погаными бабами и лошадьми врядъ ли можно ѣхать иначе. Вчера мы останавливались кормить въ Митавѣ.

---

1) Въ рукописи къ этому мѣсту на поляхъ приклеенъ листъ, исписанный карандашомъ слѣдующаго содержанія: «*Вторникъ.* Утро. Теперь остановились мои три солдатки и другія б...и, пить кофе. Мои солдатки пригласили меня выпить двѣ чашки кофе, что я и сдѣлалъ. Другія б⟨...⟩и, съ кот[орыми] ѣдетъ Ник[олай] Кир. Воронковскій и Дм. Сем. Чижовъ, взяли изъ Риги еще, кромѣ ихъ, пасажира на своего шумахера или шустера, да еще на другой кибиткѣ ихъ двое. Первой ѣдетъ за 4 тал., обѣщавши большую часть дороги итти пѣшкомъ, и правда, онъ отъ самой Риги шелъ пѣшкомъ. Давича онъ сѣлъ, но фурманнъ не хотѣлъ его везти и остановилъ лошадей, тотъ погорячился, началъ погонять лошадей, но фурманнъ поставилъ на своемъ, и бѣдной шустеръ, думаю, еще до Митавы долженъ итти пѣшкомъ. Во всемъ виновата хозяйка его, б⟨...⟩ь одного полковника». На оборотѣ этого листа написано нѣсколько строкъ (чернилами и карандашомъ), представляющихъ запись расходовъ. Вотъ онѣ: «25 руб. отдано извощику да въ П.бургѣ 5 рубл. Мѣдныхъ рубля съ 2 или болѣе издержано для пороху, ножа и проч. Въ остаткѣ, кажется, 150 рб. или 145 рубл.

5 руб. для разходу } Мѣдныхъ
5 руб. для разходу } болѣе 5 руб».

Я ходилъ на рынокъ, прошелъ улицы 4 и многія видѣлъ: домы вообще хороши, есть и очень хорошіе; улицы довольно широки, но не прямы, и[1]) это напоминаетъ мнѣ много пріятнаго и непріятнаго. Хозяинъ у насъ былъ въ Митавѣ очень услужливъ, но пребольшая бестія, за одну веревку взялъ съ насъ 2 берлинки, на Русскія деньги 33 копѣйки. Мы очень долго дожидались нашихъ дамъ (они ходили брать деньги за проданой товаръ и проч.) и, пріѣхавъ въ 11 часовъ, въ седьмомъ выѣхали. Съ начала этой упряжки я былъ веселъ, пѣлъ съ Нѣмками нѣмецкую пѣсню:

Mir fliehen alle Freuden, An allen meinen Leiden
Ich sterb' vor Ungeduld, Ist nur die Liebe Schuld и пр.

Но по наступленіи ночи стало что-то грустно. Я много думалъ о своемъ состояніи настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, о братѣ Андреѣ Ивановичѣ, и все это окончилось слезами. Мнѣ пришла въ то время мысль, что человѣкъ тогда только не нещастливъ, когда онъ забывается, не думаетъ о себѣ. Я въ то время былъ въ состояніи чертъ знаетъ что написать къ брату Ал. Ив. Теперь еще помню нѣсколько мыслей, кот[орыя] были у меня тогда въ головѣ. — Вчера ночью, ѣдучи дорогою, мы стрѣляли изъ моихъ пистолетовъ. Жаль, что не писалъ ни въ П.бургъ, ни въ Москву изъ Митавы. Теперь долго писать нельзя будетъ.

Вчера мои Нѣмки пѣли мнѣ пѣсню, кот[орую] сочинила жена Короля Прусскаго Фридерика II (она была рыжая). Король ее не любилъ и никогда съ нею не жилъ, но пріѣжжалъ иногда къ ней, кажется, въ Шарлотенбургъ. Однажды, когда онъ пріѣхалъ, то она сочиненную ею пѣсню заставила пѣть пѣвчихъ подлѣ саду, гдѣ ходилъ Король (голосъ очень хорошъ). Король слышалъ, но не перемѣнился, королева заплакала и, уходя изъ саду, еще пропѣла что-то. Нѣмки сказывали мнѣ, что и Король плакалъ, но я имъ не повѣрилъ. Хотя Нѣмки всѣ пѣсни пѣли мнѣ очень смѣшно, и эту также, но голосъ этой очень хорошъ. Та дама, съ кот[орой] ѣдетъ Н. К. Воронковскій, была на содержаніи у одного полковника въ Тильзитѣ; дочь, съ нимъ прижитая, ѣдетъ тутъ же и ничѣмъ не уступаетъ въ поведеніи своей почтенной маминькѣ. Настоящія б<...>и. Теперь долго еще надобно дожидаться, пока онѣ напьются своего кофе.

Теперь остановились мы кормить въ корчмѣ. Сегодня по утру Нѣмка, старуха, просила у меня позволенія читать библію и начала читать вслухъ[2]). Потомъ прочла молитву для путешествующихъ, да еще кажется и въ сти-

1) Въ рукописи надъ «и» поставлено «но». 2) Въ рукописи: «в'слухъ».

хахъ: хороши должны быть стихи, на этотъ случай не худо не понимать ихъ. Сегодня же утромъ въѣхали мы въ Польшу. Ѣхали довольно скоро. Я довольно спалъ. Отсюда несу письмо на почту, которая, какъ увѣряютъ Нѣмки, недалеко отсюда.

Пятница. 10 Іюля. Вчера вздумали наши фурманы и Нѣмки ѣхать ночью, но ѣхавъ часу до одиннадцатаго, они остановились въ корчмѣ у Жида, недалеко отъ города Келена, потому что фурманы либо зазѣвали, либо попадали въ ямы. Мнѣ отмѣнно хотѣлось спать, и мы легли на траву. Третьяго же дня мы ужинали на открытомъ воздухѣ, потому что въ корчмѣ, гдѣ мы остановились, никого кромѣ одного старика не было. Мы поѣли соленаго, захотѣлось пить, а пить нечего. Вчера ночью фурманны дорогою накрали много сѣна и навалили полны фуры. Когда мы ѣхали изъ П.бурга въ Ригу, то наши Русскіе извощики не хотѣли этого сдѣлать, хотя лошади были у нихъ и на своемъ отчетѣ, а у этихъ на хозяйскомъ. Я сказалъ своей набожной хозяйкѣ, что грѣхъ будетъ на ней. Теперь остановились кормить въ корчмѣ у одного Жида, кот[орый] не позволилъ Нѣмкамъ внести въ комнату говядины, купленной ими въ Келенѣ. Толстой мѣльникъ, кот[орый] также съ нами ѣдетъ, очень горячился, споривъ съ Жидомъ. Я спросилъ у Жида причину этого, и онъ мнѣ сказалъ, что изъ Келена запрещено вывозить говядину, но я думаю, что онъ вретъ: они имѣютъ свои причины, у нихъ есть особенные мясники и проч.

Дни два тому назадъ, когда мы ѣхали ввечеру, моя Нѣмка, кот[орая] всегда съ фурманномъ и дочерью своею говоритъ Platdeutsch, сказала фурманну между прочимъ: *Die Herrens wellen schlope gona*, и фурманъ отвѣчалъ: *Ю*. Изволь ихъ понимать! Фурманну, кот[орый] во всю дорогу былъ очень задумчивъ и молчаливъ, вздумалось нынѣшнею ночью помучить меня своимъ Plat-deutsch, и онъ началъ толковать со мною. Едва ли десятое слово понималъ я, но смыслъ словъ всегда почти я могъ угадывать. Естьли надобно сказать: *Meinen Vaters Bruder*, онъ говоритъ: *Mein Vater sein Bruder*. По-литовски выучился я говорить фурманну: *Вахукъ герейте! Палаукъ*. — *Поѣжжай скорѣе! Постой*. Первой чаще послѣдняго былъ въ употребленіи. Теперь сижу въ корчмѣ и дочь Г. Полковника, хотя и побочная, и *Шмедше*, дочь моей Нѣмки, не даютъ мнѣ писать болѣе, безпрестанно со мною болтая.

Понедѣльникъ. 13 Іюля. (По нашему). *Суббота*. Изъ красной книжки. Теперь мы купались въ рѣчкѣ Шашовицѣ. Вода прекрасная, чиста, вкусна, по мѣстамъ глубоко и мѣлко. То-то купанье, не вышелъ бы изъ воды. Я долго купался, это очень пріятно и здорово, особливо въ дорогѣ.

Понедѣльникъ. Третьяго дня, т. е. 11 Іюля, пріѣхали мы на границу

въ Шиленъ. Сюда завезли насъ наши. Козацкой капитанъ сказалъ намъ, что задержать насъ не можетъ, но вмѣстѣ не можетъ подписать и нашихъ пасспортовъ и совѣтывалъ намъ съѣздить съ пасспортами въ Пашвейнъ, около 4 миль таможню. Я и Н. К. Воронковскій поѣхали; капитанъ далъ намъ объѣжжаго, Кондрашева, а Жидъ, по его приказанію, сыскалъ тройку лошадей. Дорогою мы много болтали съ объѣжжимъ о ихъ пограничныхъ дѣлахъ. Кажется парень не застѣнчивой, въ чемъ я вчера совершенно увѣрился. Пріѣхавши въ Пашвейнъ, объѣщикъ пошелъ, какъ онъ сказалъ, разбудить надзирателя. Мнѣ показалось, что онъ его очень долго будилъ. То-то черти! думалъ я. Наконецъ надзиратель показался на крыльцѣ своего дому. Поговоривши съ нами, мы вошли въ комнату, гдѣ онъ, посмотрѣвши пасспорты наши, Нѣмокъ, сказалъ, что сіи Нѣмки были два раза въ Ригѣ, между тѣмъ какъ пасспортъ одинъ разъ записанъ въ таможнѣ его. Онъ думалъ, что онѣ обманываютъ, но ошибся. Когда онѣ за мѣсяцъ передъ этимъ ѣхали изъ Тильзита въ Ригу, то заплутались не далеко отъ границы, но на Прусской землѣ. Козаки увидѣли ихъ, перетащили на Русскую сторону въ таможню, гдѣ ихъ пообобрали. Капитанъ кажется этотъ же, кот[орый] и теперь съ нихъ взялъ 20 руб. серебромъ за то, что позволилъ черезъ Шилинъ провезти имъ кофе, сахаръ и водку, взявъ съ нихъ деньги, сказалъ, что не надобно подписывать пасспортовъ, и онѣ поѣхали, не записавъ ихъ въ таможнѣ (Пашвейнѣ). Потомъ надзиратель, кот[ораго] зовутъ Петръ Петровичь Монетовичь [1]), что Нѣмки должны со всѣми ихъ товарами явиться въ таможню, мы поѣхали назадъ, и Нѣмки отправивъ на двухъ фурахъ кофе, сахаръ и водку (запрещеный товаръ) и заплативъ капитану (кот[ораго] зовутъ Семенъ Кондратовичь Сычовъ, кот[орый] насъ очень учтиво принялъ, на другой день подчивалъ насъ чаемъ) 20 руб. серебромъ, поѣхали съ нами въ Пашвейнъ. Съ ними поѣхалъ объѣщикъ Кондрашевъ и еще объѣщикъ Панъ Лѣсовскій, совсѣмъ съ другаго мѣста, и кот[орый] привязался потому къ нимъ, что видѣлъ отправленные изъ Шилина товары. Оба они требовали отъ старухъ денегъ, сперва 8 руб. сереб., а наконецъ согласились на 6. Я хотѣлъ что-нибудь выторговать для бѣдныхъ Нѣмокъ и предложилъ имъ 5 руб., но они не соглашались, и я уже согласилъ ихъ дать Кондрашеву 3 руб., а тому далъ 2 руб. и 3 берлинки. Пріѣхавши въ Пашвейнъ Кондрашевъ (Полякъ) выпросилъ еще у Воронковскаго 1 берлинку. Этакой народъ! Кондрашевъ дорогою говорилъ мнѣ, что онъ долженъ исполнять присягу свою, а естьли долженъ и преступить, то было бы за что согрѣшить. Вотъ правственность.

---

1) Въ рукописи здѣсь повидимому пропущено слово: «сказалъ».

Я торговался съ ними, какъ съ лавошниками, и то какъ съ самыми простыми, какъ съ извощикомъ[1]). Петръ Петровичь Монетовичь, надзиратель, обошелся съ нами очень хорошо. Козацкой маіоръ при этой же таможнѣ подчивалъ насъ водкою, т. е. сивухой, — другой тутъ нѣтъ, — и хорошимъ хлѣбомъ, чему я очень обрадовался, потому что всѣ наши съѣстные припасы были уже изтощены, а водки давно уже не было. Послѣдніе два дня въ дорогѣ мы очень мало ѣли. Вчера послѣ обѣда пріѣхали мы въ Тильзитъ и остановились у купца Шнейдера, на одной изъ главныхъ улицъ, кот[орыхъ] здѣсь двѣ. Мы плотимъ по гульдену за постелю. Въ первой разъ случилось мнѣ видѣть, что одѣваются не одѣялами, а пуховиками. Сперва только слыхалъ объ этомъ. Сегодня купилъ здѣсь трубку и чубукъ, и такъ какъ здѣсь вишни дешевы, то мнѣ уже онѣ и пріѣлись, потому что я ѣлъ ихъ безпрестанно. Вчера ходили по городу. Городъ хорошъ. Вчера же, переѣжжая чрезъ рѣку Memel, я спрашивалъ перевощика, гдѣ видѣлся нашъ Государь съ Французскимъ, и онъ мнѣ показалъ это мѣсто. Мосту черезъ Memel здѣсь потому нѣтъ, что Русскіе сожгли его, переправившись на ту сторону, такъ что Французы остались на этой сторонѣ. Здѣсь я уже услышалъ кое-что новаго, но держусь Русской пословицы: *Не всякому слуху вѣрь.* Но здѣсь эта пословица не совсѣмъ кстати.

Фунтъ говядины стоитъ здѣсь 18 грошей, фунтъ масла—гульденъ. И при всемъ томъ бѣдные жители должны еще платить контрибуцію. Да къ тому же еще старая Нѣмка сказывала мнѣ (когда мы обѣдали въ низу у хозяина, ѣли горохъ, говядину и масло), что картофель совсѣмъ пропалъ, потому что давно уже нѣтъ дождя. Всякому свое.

Вторникъ, 14 Іюля. Вчера мы подрядили одного Шифера довезти насъ до Кенигсберга за 9 прус. талеровъ, и онъ обѣщалъ притти сказать, можно ли ему ѣхать въ тотъ же день или на другой, т. е. сегодня, но такъ какъ онъ не пришелъ, то мы пошли съ Д. С. Чижовымъ отыскивать его; но вмѣсто его сыскали другаго, съ кот[орымъ] и подрядились за 10 тал. съ тѣмъ, чтобы ночевать у него на баркѣ (Kahn). Ввечеру онъ прислалъ барку къ нашему дому, и мы поѣхали къ нему. Вошедши на барку и положивши чемоданы въ каюту, легли въ другой (гдѣ не такъ жарко) спать, спали прекрасно и въ 6-мъ часу отстали отъ берега, и теперь ѣдемъ по Мемелю. Вѣтра нѣтъ совершенно; это очень скучно, потому что мы плывемъ очень тихо, хотя и по теченію рѣки.—У мальчика, кот[орый] также ѣдетъ съ судномъ (везетъ насъ), есть на рукѣ клеймо: ⚓ С. В. Это, какъ онъ сказывалъ,

1) Въ рукописи на поляхъ къ этимъ словамъ приписано: «Это въ Тильзитѣ писано».

сдѣлали ему Англичане, болѣе не могъ добиться отъ него. Вѣтеръ дуетъ, но въ противную сторону.

Середа. Іюля 15. Сегодня корабельщикъ остонавливался на якорѣ, потому что вѣтеръ былъ сильный и въ противную сторону. Мы возпользовались этимъ времянемъ и выкупались въ Мемелѣ. Ѣхать водою такъ, какъ мы ѣдемъ, не очень весело. Теперь подъѣжжаемъ къ городу *Russ*[1]) (названія вѣрно не знаемъ). Теперь солнце заходитъ. Какая величественная картина! — Какъ удивляться, что были люди, которые обожали солнце?!

Четвергъ. Іюля 16. Сегодня въ полдень мы опять остонавливались по причинѣ противнаго и вмѣстѣ сильнаго вѣтра, и теперь, отъѣхавъ послѣ давишней остоновки не много, опять за тѣмъ же стоимъ. Когда мы давича стояли, то вѣтръ подулъ было довольно сильно попутный; лишь только поѣхали, тотчасъ перемѣнился. Вчера мы сдѣлали 7 миль, хотя вѣтеръ также былъ не очень для насъ хорошъ, а сегодня и половины можетъ быть не сдѣлаемъ. Ѣхать такимъ образомъ очень скучно, особливо когда питаешься одними хлѣбомъ, масломъ и водою. Кажется рѣка большая, а свѣжей рыбы мы не могли сегодня купить.

Пятница. Іюля 17. Утро. Сегодня судно наше ночевало на мѣли. Остановились мы еще вчера вечеромъ и по сію пору не могутъ сойти съ мѣли. Теперь выгрузили изъ нашего судна нѣсколько бочекъ, чтобы легче было сойти.

Теперь намъ не такъ скучно стоять какъ вчера, потому что у насъ въ сосѣдствѣ еще два или три судна стоятъ на мѣли. Вчера ввечеру мы тоже попали на мѣль, но скоро сошли. Вчера уѣхали мы менѣе двухъ миль. Я думалъ, что тише Нѣмокъ, съ которыми мы ѣхали до Тильзита, никто не ѣздитъ, а теперь и самому привелось гораздо тише ихъ ѣхать. Во все время нашей остановки вѣтеръ дуетъ сильно и по пути. Вчера, когда дулъ сильной вѣтръ и въ противную сторону, то нашъ корабельщикъ говорилъ: Ah, Gottes Donner Wetter! Der Gott ist nicht zu Hause, der Teufel schickt uns dies Wind. Теперь вѣтеръ очень сильный, и у паруса, кот[орый] находится на носу, что-то сломило. Я сижу въ каютѣ въ носу, гдѣ обѣдаемъ. Теперь пойду въ другую каюту[2]), гдѣ мы спимъ, курить табакъ. Естьли бы вѣтеръ былъ для насъ хорошъ и слѣд. естьли бы мы хорошо ѣхали, то намъ не скучно бы было ѣхать.

---

1) Въ рукописи къ этому слову на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Когда мы ходили въ городъ за рыбою, то мнѣ одинъ (изъ жителей) старикъ сказалъ, что городъ называется *Russ*, сказавъ притомъ, какъ и пишется. Городъ очень не великъ». 2) Въ рукописи къ этому слову сдѣлана на поляхъ слѣд. приписка: «т. е. тамъ находятся бочки».

Въ первый день нашего отплытія отъ Тильзита мнѣ было что-то грустно, не знаю отъ чего. Теперь грусть эта прошла, хотя и болѣе причинъ можно имѣть грустить: что касается до меня, то такія маловажныя неудачи никогда не заставятъ ни мало печалиться, когда бываютъ развѣ соединены съ другими обстоятельствами. Иногда одна мысль, и мысль самая ничтожная бываетъ причиною грусти. —

Сегодня, т. е. *18 Іюля въ Субботу*, мы съ 4-хъ часовъ утра ѣдемъ. Сперва вѣтръ дулъ совершенно по пути, а теперь бокомъ, но и это для насъ хорошо, потому что мы вчера не болѣе $1/4$ мили сдѣлали. Вѣтеръ вчера все дулъ противный. Какое скучное состояніе! стоять на одномъ мѣстѣ и день и ночь и притомъ видѣть, что съѣстные запасы очень примѣтно изтощаются. И подлинно: теперь въ послѣдній разъ поѣли мы Тильзитскаго масла и хлѣба; осталось немного сыру да простой водки. И этому мы очень рады [1]). Естьли бы мнѣ за полгода передъ этимъ сказали, что я буду пить такую водку, то я бы не повѣрилъ. Сегодня ночью мнѣ такъ было досадно, что мы стоимъ, что я, Богъ знаетъ, что бы заплатилъ за то, чтобы ѣхать сухимъ путемъ. Вообразить такой скуки и досады никакъ нельзя: надобно ихъ чувствовать. Теперь ѣдемъ довольно хорошо, хотя вѣтеръ и съ боку. Не знаю, что будемъ обѣдать или ужинать. Но при этомъ случаѣ я вспоминаю текстъ Св. Писанія: *воззрите на птицы небесныя и прч.* Сижу въ каютѣ, и меня довольно покачиваетъ. Пойду на палубь курить трубку.

Пятница, 18 Іюля, 3 часа пополудни. Благодаря вѣтру намъ нечего уже заботиться о пищѣ. Теперь мы въ Лабіо и запаслись водкою, хлѣбомъ, масломъ и рыбою. (Когда я пришелъ покупать хлѣбъ въ хлѣбную) [2]).

Хлѣбъ продавала мнѣ одна молодая дѣвушка, не дурна собою. Когда я, купивъ на 3 гульдена хлѣба, подошелъ къ окошку и началъ нюхать цвѣты, стоявшіе въ стаканѣ, то дѣвушка сказала: *Я принесу вамъ цвѣтка два свѣжихъ*, и черезъ нѣсколько времяни явилась съ большимъ пукетомъ левко и подала его мнѣ. Мнѣ эта учтивость очень полюбилась, и я сказалъ, что за это покупаю у ней еще на гульденъ хлѣба; и послѣ сказалъ, что благодарю ее за все, а болѣе за цвѣты и простился съ доброю дѣвушкою.

Гдѣ мы пили пиво, то туда пришли какія-то бабы пить водку. Крикъ ихъ выводилъ меня изъ терпѣнія, тѣмъ болѣе, что мнѣ очень хотѣлось пить; пиво было дурно, и я дожидался холодной воды.

Изъ красной книжки:

4 Іюля. Рига. Теперь опять въ Муссѣ обѣдалъ съ Бульмеринкомъ. На-

1) Въ рукописи: «ради». 2) Въ рукописи слова, поставленныя въ скобкахъ, зачеркнуты.

ливая мнѣ хорошее красное вино, говорилъ: *Trinken Sie lieber Herr Turner!* Для меня кажется добрый человѣкъ, хотя Олденкопъ его не совсѣмъ хвалитъ. Ходилъ по ярморкѣ, тамъ купилъ себѣ кожаной кошелекъ за фюнферъ и въ лавкѣ 3 бутылки Kümmel Brantwein за 19 фюнферовъ съ бутыли.

Понедѣльникъ. Теперь мы переправляемся черезъ Немель (Memel), и я спрашиваю у перевощика, гдѣ было свиданіе двухъ Императоровъ. Онъ показалъ мнѣ его и на вопросъ мой, кто прежде пріѣхалъ, отвѣчалъ, что Французской минутою прежде пріѣхалъ и подалъ руку Россійскому Императору.

16 Іюля. Четвергъ, вечеръ. Теперь въѣхали мы въ гавань и стоимъ уже на мѣли, а вѣтеръ дуетъ попутный. Отъѣхавъ немного съ первой мѣли, теперь опять сидимъ на мѣли.

17 Іюля. Утро. Сегодня мы ночевали на одномъ мѣстѣ, потому что по сію пору не могутъ стащить судна съ мѣли. Теперь выгружаютъ (нагружено оно бочками съ саломъ, кот[орое] принадлежитъ, кажется, Русскому купцу). Теперь намъ по крайней мѣрѣ не скучно стоять, потому что въ сосѣдствѣ есть еще два или три судна на мѣли. — Въ 10 часовъ утра насилу могли сдвинуться съ мѣста, и вѣтеръ, видно, наскучивъ нашимъ (на него) роптаніемъ, пересталъ намъ неблагопріятствовать и дуетъ очень сильно, и мы ѣдемъ очень хорошо. — Опять было стали на мѣль, да[1]) пошли. — Какъ не удивляться уму человѣческому одинъ человѣкъ кускомъ дерева ворочаетъ цѣлой корабль по своему произволенію.

18 Іюля. Суббота. Вчера сдвинувшись съ мѣли, не болѣе двухъ верстъ проплыли мы скоро, и до сихъ поръ, т. е. до 4 часовъ утра, стояли по причинѣ противнаго вѣтра. Теперь пошли очень хорошо и пришли въ Лабіо очень скоро. Müller, нашъ корабельщикъ, хотя и говоритъ, что мы сдѣлали сегодня 14 миль, но этого быть не можетъ: гораздо менѣе. Солнце величественно возходитъ.

При въѣздѣ въ Лабіо наши корабельщики, не успѣвши скоро спустить парусовъ, успѣли у другаго судна сломить на носу мачту.

Тутъ началась между Нѣмцами брань, всѣ кричали, бранились, и кромѣ Schwenuter Schwen (кажется свинья) ничего я не понималъ. Простые мужики, кот[орые] говорятъ только *Plat-Deutsch* и не понимаютъ *Hoch-Deutsch*, насъ совсѣмъ не понимаютъ, такъ какъ и мы ихъ.

19 Іюля. Воскресенье. 7 часовъ утра. Теперь мы ѣдемъ по маленькому каналу, кот[орый] начался еще передъ Лабіо. Вода (хотя довольно и пріятная,

---

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ сверху надписано: «но».

кромѣ того, что тепла) течетъ очень тихо, и даже непримѣтно, что мы плывемъ противъ теченія. Вѣтру никакого нѣтъ, и судно наше тащатъ гужомъ два человѣка. Вчера купленную нами рыбу хозяйка Миллерша (такъ зоветъ ее мужъ) сварила и притомъ очень вкусно, по крайней мѣрѣ намъ такъ казалось. Мы довольно большой котелъ съѣли ухи съ рыбою. Сегодня Воскресенье, думалъ я, и мнѣ пришло на мысль, какъ бы я проводилъ день сей въ Москвѣ. По утру поѣхалъ бы въ Университетъ къ обѣднѣ слушать пѣвчихъ. Оттуда заѣхалъ бы въ кофейную, гдѣ нашелъ бы многихъ знакомыхъ. Въ это время обыкновенно кофейная бываетъ полна. Въ вечеру поѣхалъ бы куда-нибудь, напр. на бульваръ и проч. Тамъ можетъ быть увидѣлъ бы того, на кого всегда смотрю съ удовольствіемъ. Возвратясь домой, былъ бы встрѣченъ вѣрнымъ Лельсономъ, и предавшись въ объятія Морфея, сказалъ бы самъ себѣ: *Я провелъ этотъ день не скучно*. Теперь желалъ бы на этотъ день перенестись въ Москву, и провесть его такимъ образомъ. Но теперь уже Іюль: въ это время многіе уѣжжаютъ изъ Москвы[1]).

Можетъ быть и домъ свой найду пустымъ, можетъ быть всѣ живутъ въ деревнѣ. Эти мысли, особливо послѣдняя, привели меня въ родъ какой-то задумчивости, печальной и не совсѣмъ ясной.

Воскресенье. Сегодня въ 2 часа по полудни приплыли мы къ городу Табіо и стоимъ въ этомъ проклятомъ каналѣ, потому что никакъ нельзя проѣхать отъ множества барокъ въ переди насъ, а всѣ стоятъ за тѣмъ, что воды очень мало. Мы, испугавшись, что долго здѣсь загостимся, пошли въ городъ и наняли фурманна за 5 талеровъ до Кенигсберга. *Табіо* городокъ очень малой, но кажется лучше выстроенъ, чѣмъ *Лабіо*, улицы широки, домики порядочные. Нашему Шиферу платимъ мы только $8^1/_2$ тал., а уже не 10 тал. Сегодня поѣдемъ въ Кенигсбергъ.

20 Іюля. Понедѣльникъ. 11 часовъ ночи. Сегодня въ 7 часовъ утра пріѣхали мы въ Кенигсбергъ и остановились въ *Beerenkrug*[2]) (трактиръ подъ вывѣскою Чернаго Медвѣдя). За комнату платимъ 1 тал. прус. Въ 10 часовъ, переодѣвшись въ другое платье, пошли мы на разводъ или *Wacht-Parad*. Тамъ сказали намъ, что самъ Король будетъ на разводѣ, и мнѣ хотѣлось его видѣть, но его не было. Замокъ, гдѣ онъ обыкновенно живетъ въ Кенигсбергѣ, очень старъ и простъ, и Королю совсѣмъ не прилично жить въ такомъ замкѣ. Мнѣ въ это время удалось видѣть трехъ маленкихъ великихъ князей: они были въ мундирахъ и со звѣздами. На разводѣ видѣлъ Принца Виттембергскаго въ Русскомъ мундирѣ: онъ въ нашей службѣ; также Фельд-

---

1) Далѣе зачеркнуто, но можно разобрать слѣдующія слова: «и я думаю, никого уже не вижу на булеварѣ или гдѣ въ иномъ»... 2) Надо: Bärenkrug.

маршала Калкрейта, старика. Въ Гвардіи солдаты довольно хороши, но кто видѣлъ Гвардію Россійскую, тому никакая въ свѣтѣ не можетъ нравиться. Пришедши домой и отдохнувши, пошли мы обѣдать въ трактиръ: обѣдали въ саду и послѣ обѣда играли въ кегли. За обѣдъ изъ трехъ кушаньевъ заплатили 1 гул. и 6 грошей и то для перваго, а въ передъ надобно платить по $1/_2$ тал. Поигравши въ кегли и выкуривши трубку табаку, пошелъ домой. — Да! Еще NB. Лишь только мы пріѣхали, то явился къ намъ человѣкъ съ услугами, носилъ наши чемоданы, чистилъ платье и проч.; и нынче, когда мы пошли обѣдать въ трактиръ, гдѣ онъ же намъ заказывалъ, то и онъ тамъ препорядочно пообѣдалъ, пилъ пиво, водку, и при разчетѣ мы должны были заплатить 1 гульденъ и грошь. И для того мы рѣшились не употреблять болѣе во зло усердія этого (столь) услужливаго человѣка. Въ 5 часовъ пошли мы въ театръ: играли порядочно, иные хорошо. M-lle Зерингъ очень не дурна собою, но странно поетъ и слишкомъ розѣваетъ свой ротикъ, кот[орый] безъ того очень прелестенъ. Пришедши домой, гуляли въ саду у хозяина. Тутъ было маленькое общество солдатъ, цирюльниковъ и тому подобныхъ; предлагали намъ играть въ карты, но мы отказались отъ этой чести. Здѣшняя дѣвушка Carolinchen не дурна собою и услужлива: принесла намъ гвоздикъ. Теперь что-то не разположенъ марать, а въ головѣ есть еще что-то.

21 Іюля. Вторникъ. 11-й часъ. Съ полчаса назадъ ходили по улицѣ крикуны возвѣщать, что било 10 часовъ: передъ кричаньемъ они свистали.

Сегодня встали мы часовъ въ 8, и уже я нашелъ на столѣ чайникъ для чая, кот[орый] принесла услужливая Каролина. По утру я предполагалъ много сдѣлать, но вмѣсто того, напившись чаю, пошли мы въ садъ: тамъ товарищи стали играть въ кегли, а я смотрѣть и курить табакъ. Они проиграли, а я просмотрѣлъ до самаго обѣда. Въ садъ принесли намъ обѣдать, и мы разположились въ тѣни густыхъ липъ наполнить наши желудки рыбнымъ супомъ, порядочною рыбою, пивомъ и картофелемъ. Теперь Каролина [1]) принесла намъ хлѣба и Ник. Кир. болтаетъ съ нею. Здѣсь не худо бы было и помечтать: Кенигсбергъ, густыя липы, Каролина и проч., но что-то не хочется: теперь надобно болѣе мечтать о карманѣ, а прочее оставить до другаго времяни. Поигравши въ саду на гитарѣ, пошелъ я въ комнату и въ пятомъ часу пошли на почту освѣдомиться о дилижансѣ и проч. Заходили смотрѣть развалины сгорѣвшаго театральнаго дома. Пришедши съ почты, мы опять пошли въ садъ къ хозяину, гдѣ нашли опять такое же общество, какъ и вчера, занятое кеглями, трубками и пивомъ. Съ однимъ изъ Нѣмцовъ раз-

---

1) Здѣсь и немного ниже Тургеневъ пишетъ: Каролинна.

говорились мы по-Русски (онъ жилъ 14 лѣтъ въ Россіи, но худо говоритъ). Онъ началъ выхвалять намъ нашего Императора, особливо тогда, когда мы ему сказали, что Государь приказалъ во время дороговизны продавать хлѣбъ изъ казны по половинной цѣнѣ, кажется по 7 руб.[1]). Онъ этимъ восхищался, сравнивалъ Росс[ійскаго] Импер[атора] съ Прусс[кимъ] Королемъ и въ заключеніе сказалъ: *вашъ Сударь святой.* —

Вчера въ театрѣ дамы, сидѣвшія въ партерѣ позади насъ, были видно догадливы, и запаслись пирогами и послѣ дѣйствія кушали. Послѣ дѣйствія здѣсь почти всѣ мущины надѣваютъ шляпы, и я, смотря на нихъ, надѣлъ свой картузъ (потому что надобно было нюхать табакъ). Нашъ прислужникъ насъ, кажется, оставилъ, но между тѣмъ сегодня по утру пришелъ къ намъ въ комнату, гдѣ былъ одинъ Д. С. Чижовъ, и очень покойно налилъ себѣ чашку чаю и выпилъ, потомъ приблизился къ водкѣ и поступилъ также, какъ съ чаемъ (только изъ всего графинчика) и предложивъ услуги: не угодно ли намъ еще велѣть ему заказать обѣдъ? и, натурально получивши отказъ, ушелъ. По утру же являлся къ намъ и другой такого же рода услужникъ, которой вчера за чищенье двухъ паръ сапоговъ взялъ полтора гульдена, но и этотъ получилъ такой же отказъ. Теперь по улицамъ все свистятъ: не знаю, что это значитъ.—Вчера театръ былъ освѣщенъ[2]) 20 сальными свѣчами и то очень дурными. Что-то будетъ завтре для дня рожденія Короля. Хочется его посмотрѣть.

Изъ Красной новой или большой книжки:

Понедѣльникъ — *въ театрѣ.* Актриса дѣвица Зерингъ (сегодня Ал. Петр.[3]) сказывалъ, что ея фамилія Ламнъ, но это кажется не правда) собою очень не дурна, а поетъ странно, *розиня ротъ:*

«Der Mann ist Herr und nicht die Frau,
Ha-ha, ha-ha!
Das weiss ich ganz genau!»

Пѣлъ старый мужъ, имѣющій молодую жену и вмѣстѣ рога. M-lle Зерингъ несравненно болѣе привлекаетъ одною улыбкою, нежели цѣлою аріею. — Дамы позади меня ѣдятъ пироги. — 20 сальныхъ свѣчей.

Вторникъ. Садъ у хозяина. Для разкуриванія трубокъ зажигаютъ здѣсь веревку и надѣваютъ на воткнутую въ землю раздвоенную палку. — Вчера на театрѣ старый мужъ говорилъ о своей женѣ: *Sie scharmuziert*

1) За четверть? 2) Въ рукописи: «освященъ». 3) Куницынъ.

mit dem H. Capitain. Новое для меня слово, кот[орое] можно очень близко перевести: *амуриться*, но Нѣмецкое выраженіе превосходнѣе.

Пятница. 24 Іюля. Теперь уже мы въ Мильгаузенѣ въ 11 или 12 миляхъ отъ Кенигсберга. — Здѣсь много надобно кое-чего писать: какимъ образомъ видѣлъ Короля, Королеву и кажется Принцессъ. Но въ Кенигсбергѣ это самое, что я ходилъ смотрѣть Короля, помѣшало мнѣ здѣсь вписать, что я былъ на иллюминаціи.

Суббота. 25. Утро. Послѣднею ночью перемѣняли мы лошадей въ Голландѣ. Хотя и ночью мы въ немъ были, но все видно было, что строенія очень много и улицы хороши. Почти всѣ маленькіе города, кот[орые] мы проѣжжали очень изрядны, кромѣ того что многіе домы имѣютъ деревянныя связи съ наружи. Въ Мильгаузенѣ оставилъ нашъ дилижансъ Г. Регистраторъ съ своею пожилою супругою, кот[орая] хотя и не долго съ нами ѣхала, но успѣла показать, что любитъ поговорить. Разсказывала, какъ храбро отвѣчала она Французскимъ офицерамъ, кот[орые] ее постращали. Отъ Кенигсберга же ѣхалъ станціи съ 3 съ нами пасторъ, былъ очень молчаливъ. Болтунья, горбатая Регистраторша объявила мнѣ свою радость, когда молчаливый пасторъ ушелъ. Теперь пересѣли къ намъ изъ Beiwagen трое Нѣмцовъ, одинъ изъ нихъ, какъ онъ говоритъ, Stabchirurgus, а двухъ еще фамилій не знаю. Одинъ изъ сихъ, бывши кажется вчера ввечеру въ куражѣ, пѣлъ съ большимъ выраженіемъ и чувствомъ, хотя и не хорошо. Потомъ разсказывалъ исторію: *Der fromme Jude*. Правду сказать, что этакой исторіи никто кромѣ какого-нибудь глупаго Нѣмца сочинить не можетъ. Stabchirurgus сказалъ: *Das ist ein Studenten Stück*. Потомъ разсказывалъ еще исторію о пажѣ и какой-то принцессѣ, кот[орая] заключается бон-мо: *si votre coeur est aussi dur que votre cul je suis perdu*. Сегодня, когда я зѣвалъ, то этотъ Нѣмецъ шутя перекрестилъ меня. Я сказалъ, что такая привычка есть у нашихъ простыхъ и вмѣстѣ суевѣрныхъ людей. Stabchirurgus отвѣчалъ: въ Россіи все католическое (Katolisch). Другіе Нѣмцы сказали: Griechisch, Griechisch! Вотъ каковъ Г. Штаб-Хирургъ, а еще хочетъ ѣхать въ Россію, да и то хорошо, что въ Курляндію.—Когда я шелъ изъ Кенигсберга въ Гупенъ смотрѣть Короля, то дорогою видѣлъ сдѣланныя изъ можжевельнику ворота (тутъ проѣжжалъ король въ день своего рожденія, наканунѣ), на кот[орыхъ] было написано: Dem König Heil, der Königin, durch Sie erblickt dem Vaterlande neuer Segen.

$\frac{1\text{-го}}{12}$ [1]) *Августа. 1808.* (Сегодня пріѣхали). Я уже въ Берлинѣ. Сколько скуки претерпѣлъ я дорогою! Мы пріѣхали въ 8-й день, и я въ цѣлыо

1) Надо: $\frac{1\text{-го}}{13}$.

6 дней выходилъ изъ дилижанса только 3 раза, когда надобно было перемѣнять его. На другой день нашего отъѣзда разпухли у меня ноги; я думалъ, что это пройдетъ, но ошибся, и на третій принужденъ былъ сдѣлаться совершенно больнымъ человѣкомъ. Я чувствовалъ большую боль, особливо когда ноги были хотя не много обезпокоиваемы[1]). Хирургусъ Беккендорфъ[2]) прописалъ мнѣ спирту, кот[орый] кажется очень помогъ мнѣ. Теперь лучше, боли нѣтъ; а опухоль не совсѣмъ еще опала, но увѣряютъ, что и это пройдетъ скоро. У студентовъ, кот[орыхъ] мы здѣсь нашли, это также было, хотя и не такъ сильно. У двухъ изъ нихъ въ Данцигѣ украли 200 талеровъ. Они двое теперь за этимъ живутъ тамъ. Укралъ, какъ думаютъ, одинъ жидъ (но гов[орятъ], что этотъ Жидъ былъ всегда по франтовски одѣтъ), который дѣлалъ имъ разныя услуги. А здѣсь мода ходить нищимъ въ комнаты и просить. Ужъ я двоихъ прогналъ отсюда.

Изъ большой красной записной книжки:

Теперь я сижу въ Гупенъ у саду, куда можетъ быть пойдетъ Король. Тутъ мнѣ хочется его увидѣть. Я видѣлъ его, но не зналъ, что это былъ Король. Онъ былъ въ простомъ синемъ сертукѣ.

(Когда мы подходили къ саду въ Hupen, то увидѣли, что изъ одного саду въ другой идетъ человѣкъ въ синемъ сертукѣ; часовой отдалъ ему честь. Онъ прошелъ. Я думалъ, что это какой-нибудь офицеръ, и хотѣлъ, естьли бы могъ тогда быть подлѣ него, спросить его о Королѣ. Спрашиваю[3]) объ этомъ у часоваго, и онъ къ нашему удивленію говоритъ, что это былъ самъ Король Мы дожидались, не пойдетъ ли онъ назадъ, и товарищи, подождавши, пошли назадъ въ городъ. Я остался, ходилъ около саду; пошелъ сильный дожжикъ, я скрылся въ какой-то шалашъ, гдѣ была большая печка. Сюда пришелъ сперва работникъ для приготовленія печи, а потомъ явился напудреный поваръ, видно королевскій. Дожжикъ пересталъ, и я опять пошелъ дожидаться Короля у воротъ сада. Дожидался очень долго (до 1-го часу). Я сидѣлъ и потомъ сталъ противъ воротъ. Часовой стоялъ подлѣ меня. Вдругъ онъ говоритъ мнѣ: *Da kommt er*, *da kommt er*, и я увидѣлъ въ саду Короля, опять въ синемъ сертукѣ. Теперь, думалъ я, я уже доволенъ, и съ спокойнымъ духомъ возвратился въ Кенигсбергъ. Зашелъ выпить пива. Но еще идучи по улицѣ, попадается мнѣ придворная карета въ четыре лошади. Я думаю самъ въ себѣ: *не Королева ли тутъ ѣдетъ?* Карета проѣхала мимо меня. Я увидѣлъ сидящихъ четырехъ дамъ, изъ кот[орыхъ] сидѣвшая въ первомъ мѣстѣ была хороша собою. Я нарочно старался всматриваться. Потомъ

1) Въ рукописи: «обезпокоивамы». 2) Бенкендорфъ? 3) Въ рукописи: «Спрашивая».

вижу, что одинъ изъ проходящихъ снималъ передъ каретою картузъ; я спросилъ, кто ѣхалъ, и онъ, къ моему удовольствію, сказалъ мнѣ, что это Королева. Она была въ бѣломъ платьѣ, такъ какъ и другія сидѣвшія съ нею дамы. Съ человѣкомъ въ удачахъ и неудачахъ случается одинаково. Случись одна и неудача, и вотъ уже множество другихъ слѣдуютъ за первою и напротивъ, такъ и со мной: иду далѣе, попадается открытая коляска, тамъ сидѣли молодыя дѣвушки. Я, увидѣвъ, что одинъ офицеръ, шедшій передо мною, скинулъ шляпу, приподнялъ свой картузъ, и за то одна изъ Принцессъ (думаю, что онѣ) поклонилась мнѣ очень скромно и учтиво. Я уже совсѣмъ не претендовалъ видѣть Принцессъ, а тѣмъ болѣе на ту честь, чтобы мнѣ кланялись. На другой день въ 7-мь часовъ вечера выѣхали мы изъ Кенигсберга).

Изъ красной:

25. Пятница. Теперь на часъ остановились мы въ Heiligenbeil, гдѣ почти всѣ домы выгорѣли отъ пожара. Перемѣняли ночью лошадей въ городѣ Брандебургѣ, гдѣ въ Почт-амтѣ на силу-на силу нашли воды напиться. Хорошо, что теперь имѣемъ немного лучшую компанію, нежели прежде до Тильзита. Но и эта компанія не совсѣмъ мнѣ нравится. Дама, сидѣвшая съ мужемъ, надоѣдала мнѣ своимъ лепетаньемъ, кот[орое] сопряжено было съ движеніемъ всѣхъ ея прелестей. Пасторъ молчалъ. Слава Богу, что они скоро насъ оставили. Другіе товарищи, ѣхавшіе до Берлина, тоже, чертъ знаетъ, каковы.

Пятница. Теперь остановились перемѣнять лошадей въ Брауенсбергѣ; заплатили еще денги до Голланда (Preussisch Holland). Я спросилъ въ трактирѣ у одного человѣка, гдѣ можно найти Abtritt. Онъ отвѣчалъ мнѣ: Da, wo der Kerl sitzt. Иду далѣе и вижу на двери изображеннаго человѣка, сидящаго въ извѣстной для сего позиціи и вверху написанные стихи:

Wer will da comode kacken,
Der setzte die beide[1]) fasst in die Backen
Und die Elbogen auf die Knie,
Dann scheusst man ohne Müe.

Въ верху же нарисованы еще пѣтухъ и сидящая на яицахъ курица и подписано:

Du legst gute Eier.

Какая глупость! Нѣмецкое *бон-мо*.

1) То есть Hände?

7 часовъ вечера. Сей часъ смотрѣлъ на похоронную процессію. Несли гробъ, украшенный цвѣтами, тихимъ шагомъ и въ тактъ колокольному звону [1]).

Ночью перемѣняли лошадей въ Голландѣ. Тутъ же и заплатили за 10 миль.

Суббота. Послѣ обѣда. Теперь остановились въ Ризенбургѣ [2]). Мы ѣдимъ вишни и малину, которая здѣсь хороша, а я груши: въ этомъ у меня нѣтъ товарищей.

7 часовъ вечера. Суббота. Теперь пріѣхали въ Маріенверденъ. На улицѣ, въ Форштатѣ, гдѣ мы теперь стоимъ (у Почтамта) домы славные, и вообще весь городъ прекрасной. Мнѣ что-то нездоровится. Reichard говоритъ, что естьлибы ему надобно было выбрать для себя какое-нибудь состояніе, то онъ выбралъ бы состояніе путешественника. Но къ этому надобно имѣть кошелекъ, всегда готовый къ услугамъ путешественника. Потомъ онъ говоритъ, что тѣ будутъ съ нимъ несогласны, кот[орые] предпочитаютъ жизнь сидячую, единообразную, подобно растѣніямъ. Но можно и къ этому прибавить, что все хорошо въ свое время и

(Такъ и) Не худо для покоя
Посидѣть и въ колпакѣ.

Это думалъ я вчера ночью, сидя въ дилижансѣ. Всѣ спали, кромѣ меня и моей трубки. Здѣсь опять заплатили за 16 ½ миль впередъ.

Воскресенье. Утро. Сегодня мы останавливались въ Нейенбергѣ перемѣнять лошадей. Городъ хотя и изрядной, однако хуже прочихъ. Положеніе мѣста прекрасно(е). — Теперь пріѣхали на другую станцію перемѣнять лошадей. Дорогою наши Нѣмцы спросили у мальчика, кот[орый] шелъ по одной дорогѣ съ нами, куда онъ идетъ: *für Ablass*, отвѣчалъ онъ. За отпущеніемъ грѣховъ (!!!) *О люди!* думалъ я!

Понедѣльникъ. Рано по утру. Теперь пріѣхали въ *Кониць*, гдѣ перемѣняютъ дилижансъ и платятъ денги въ передъ.

Прошедшею ночью ѣхали мы черезъ (Tucholsche Wald) [3]) Тухольской лѣсъ и перемѣняли лошадей въ городѣ Тухолѣ. Ноги у меня очень, очень болятъ.

(Тухольскимъ лѣсомъ очень опасно ѣздить, дорога очень узка и лѣсъ густой. Здѣсь очень часто проѣжжіе терпятъ отъ разбойниковъ. Недавно разбойники остановили здѣсь Принца Августа Фердинанда, но лакеи его разогнали ихъ. Нашъ постиліонъ самъ опасался этого и ѣхалъ очень скоро. У окошекъ сидѣть было очень не пріятно отъ древесныхъ вѣтвей).

---

1) Въ рукописи къ этимъ строкамъ на поляхъ сдѣлана приписка: «кажется въ Мильгаузенѣ». 2) Въ рукописи: Ризембургъ. 3) Въ рукописи: «Weid».

12 часовъ утра. Теперь пріѣхали перемѣнять лошадей въ Шлохау. Мнѣ совѣтывали остаться въ Коницѣ для лѣченія ногъ, но я уже рѣшился ѣхать до Берлина. Chirurgus Benkendorf, одинъ изъ пассажировъ въ дилижансѣ, прописалъ мнѣ спирту. Въ Коницѣ, въ аптекѣ заплатилъ я за полбутылку вина 1 тал. и 6 добрыхъ грошей. Вино довольно хорошо, но какова и цѣна! —

Вторникъ. 2 часа по полудни. Теперь пріѣхали мы въ городъ Крону перемѣнять лошадей. Давича перемѣняли лошадей въ Ястрау. Теперь почти никакой боли не чувствую въ ногахъ. Спиртъ помогъ.

8 часовъ вечера. Теперь на часъ остановились для отдыха лошадей. Дорогою мы пѣли Русскія пѣсни. Нѣмцамъ онѣ очень понравились. —

Середа. Утро. Ночью перемѣняли лошадей въ городѣ *Шлона* и теперь во Волембергѣ перемѣняемъ опять.

Середа, вечеръ. Теперь пріѣхали въ Ландсбергъ. Здѣсь и въ Фридебергѣ, гдѣ мы обѣдали и еще прежде въ одномъ городѣ видно было уже довольно много Французовъ. Теперь всѣ эти города въ ихъ власти. Какіе солдаты! Тьфу! —

Четвергъ. Полдень. Теперь мы въ Кистринѣ. На заставѣ показывали пасспорты Французскому приставу, и онъ выпросилъ у насъ на водку. Здѣсь я видѣлъ крѣпость. Славная! — Но не могъ посмотрѣть ее хорошенько и въ близи, потому что не могъ выходить изъ дилижанса по причинѣ больныхъ ногъ. Это мнѣ вообще часто препятствовало пользоваться путешествіемъ. Теперь я въ Берлинѣ — и, можетъ быть, завтра буду уже ходить по улицамъ. Здѣсь много Французовъ. Сей часъ я смотрѣлъ, какъ нѣсколько ротъ прошли съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Вчера ночью долго смотрѣлъ я изъ окна на улицу: блѣдный свѣтъ луны сливался съ слабымъ свѣтомъ фонарей и едва освѣщалъ [1]) улицы. На улицѣ ходило много народу, а особливо прелестныя берлинскія Нимфы прогуливались и бѣгали взадъ и въ передъ, иногда нѣсколько вмѣстѣ, иногда въ сопровожденіи мущинъ. Все это было какъ-то очаровательно. Ахъ! думалъ я, какъ бы весело было жить въ Берлинѣ, естьлибы не было такихъ обстоятельствъ, какъ нынѣ, и естьлибы все было по прежнему! — Теперь хочется писать письма въ Москву и Петербургъ. — Еще немного: предмѣстіе Кенигсберга, гдѣ мы ѣхали, все выжжено. Когда мы ѣхали мимо, то я спросилъ у болтливой дамы, что это значитъ, и она сказала мнѣ, что это было нарочно выжжено, по плану Прусскаго Генерала Рихтера. Онъ было хотѣлъ еще что-то выжечь, но жи-

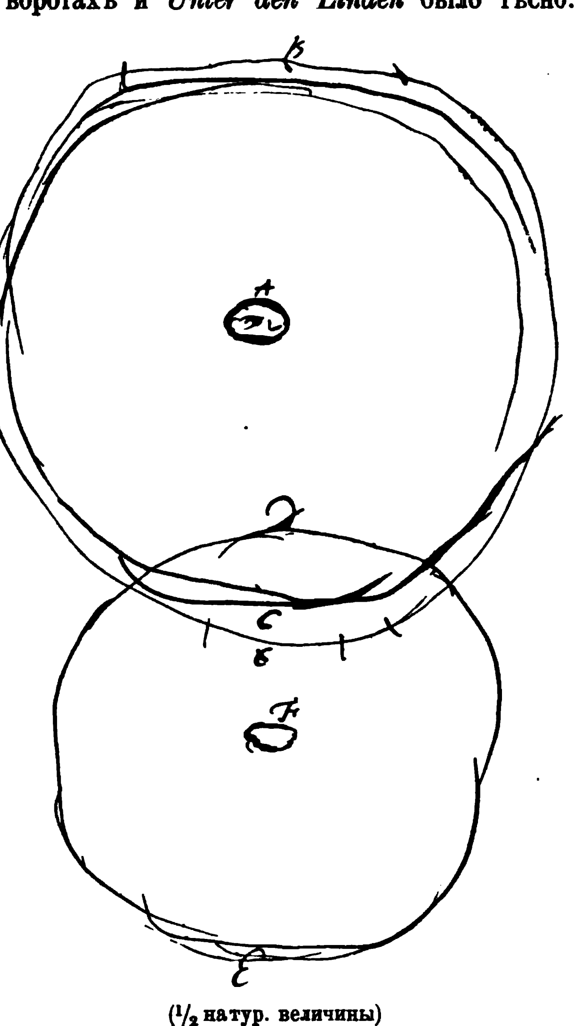
1) Въ рукописи: освящали.

тели кажется послали къ Лестоку нѣсколько тысячь тал., и онъ заступился за нихъ, и планъ Рихтера не исполненъ: жители очень благодарны Лестоку. Бѣднымъ жителямъ не дали даже времяни вынести изъ домовъ своего имѣнія. Сказали, что будутъ жечь и тотчасъ сожгли. — Какъ думать объ этомъ?—Дорогою часто встрѣчались намъ прекрасныя и живописныя мѣстоположенія.

$\frac{4}{15}$ *Августа* [1]). *Понедѣльникъ.* Всѣ мои товарищи ушли теперь смотрѣть иллюминацію: иллюминованы тѣ домы, гдѣ живутъ Французскіе чиновники, также и Почт-амтъ, противъ насъ. Вчера ѣздили мы съ добрымъ, услужливымъ Гейманномъ (съ кот[орымъ] здѣсь познакомились. Онъ занимается выписываніемъ книгъ по порученіямъ. Прежде упражнялся онъ и въ Медицинѣ. Очень, очень добрый человѣкъ) въ Шарлотенбургъ [2]). Отъ Брандебургскихъ воротъ (гдѣ стояла статуя Славы) сѣли мы въ большую телѣгу и заплатили по 4 гроша съ человѣка. Пріѣхавши въ Шарлотенбургъ, мы не были въ дворцовомъ саду, а, походивъ по улицѣ, (тутъ было очень много народу, многіе сидѣли въ алеѣ у домовъ, пили пиво, курили табакъ, иные ужинали и проч.) [3]) и, выпивъ на свѣжемъ воздухѣ пива, пошли во Французской лагерь верстахъ въ двухъ отъ Шарлотенбурга. Тамъ прежде всего представились глазамъ нашимъ алеи изъ молодыхъ сосенъ, насажденныя Французами. Потомъ увидѣли мы родъ маленькаго храма: въ срединѣ сдѣлано изъ дерну возвышеніе, гдѣ, на пьедесталѣ стоитъ бронзовый бюстъ Императора Французовъ, украшенный лавровымъ вѣнкомъ. Шагахъ въ 50 отъ этого сдѣланъ лагерь, состоящій изъ маленкихъ домиковъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и общекатуреныхъ; каждый домикъ обсаженъ соснами. Таковыхъ линій три или четыре. Оттуда мы пошли назадъ въ Шарлотенбургъ. Дорогою я сѣлъ въ телѣгу [4]) или открытую коляску (Wagen), гдѣ было одно мѣсто. Ѣхали мимо Шарлотенбургскаго дворца: я полюбовался великолѣпіемъ и подумалъ..... Изъ Шарлотенбурга поѣхали мы назадъ въ городъ опять черезъ Тиргартенъ — пребольшой садъ, начинающійся отъ Брандебургскихъ воротъ и простирающійся до Шарлотенбурга во всѣ стороны или и болѣе; не доѣжжая до города, остановились и остались въ саду для фейерверка. Фейерверкъ былъ славной, стрѣляли изъ пушекъ, изъ ружей маленкими ракетами, пускали (большія) ракеты, бураки, горѣлъ щитъ и проч. Все это было въ лѣсу. Недалеко отъ насъ стоялъ какой-то мущина съ дамою. Одинъ изъ солдатъ по неосторожности или съ умыслу (и это здѣсь можетъ статься) вы-

1) Надо: $\frac{4}{16}$ Августа. 2) Въ рукописи это слово три раза написано такъ: «Шарлотембургъ». 3) Слова, заключенныя въ скобки, написаны на поляхъ. 4) Здѣсь и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Тургеневъ пишетъ: «телега».

стрѣлилъ, и ракетка упала къ ногамъ этой дѣвушки или дамы; она отбѣжала, но большая очень искра осталась у нее на подолѣ; я закричалъ ей: *Es brennt, es brennt*, и наконецъ она увидѣла это. Немного погодя такая же ракетка упала на шляпу одного Нѣмца. Шляпа упала съ головы и легла на дно, ракетка попала въ самое пустое мѣсто у шляпы. Этотъ фейерверкъ продолжался нѣсколько секундъ, и (наконецъ) Нѣмецъ, опомнившись, переворотилъ шляпу вверхъ дномъ, и огонь потухъ. По окончаніи празднества, кот[орое] происходило также для нынѣшняго дня рожденія Имп. Французовъ, пошли мы домой. Въ Брандебургскихъ воротахъ и *Unter den Linden* было тѣсно. Пришедши домой, я *очень* обрадовался мягкой постелѣ и *Weissbier*, потому что *очень* усталъ и *очень* пить хотѣлось.— Сегодня по утру пошли мы въ Анатомическій кабинетъ (съ билетомъ, доставленнымъ намъ Гейманномъ). Что тамъ видѣлъ, того не только что здѣсь писать, да и помнить мнѣ очень не хочется. Оттуда пошли къ нашему доброму Гейманну и, выпивъ у него водки, всѣ пошли съ нимъ обѣдать въ трактиръ (къ Crause), гдѣ за тѣ же полталера обѣдали мы несравненно лучше, чѣмъ здѣсь подъ вывѣскою *Чернаго Орла*, гдѣ мы стоимъ. Вчера мы съ Гейманномъ тамъ же обѣдали. Послѣ обѣда пошли одни на фарфоровую[1]) фабрику. Славная фабрика.



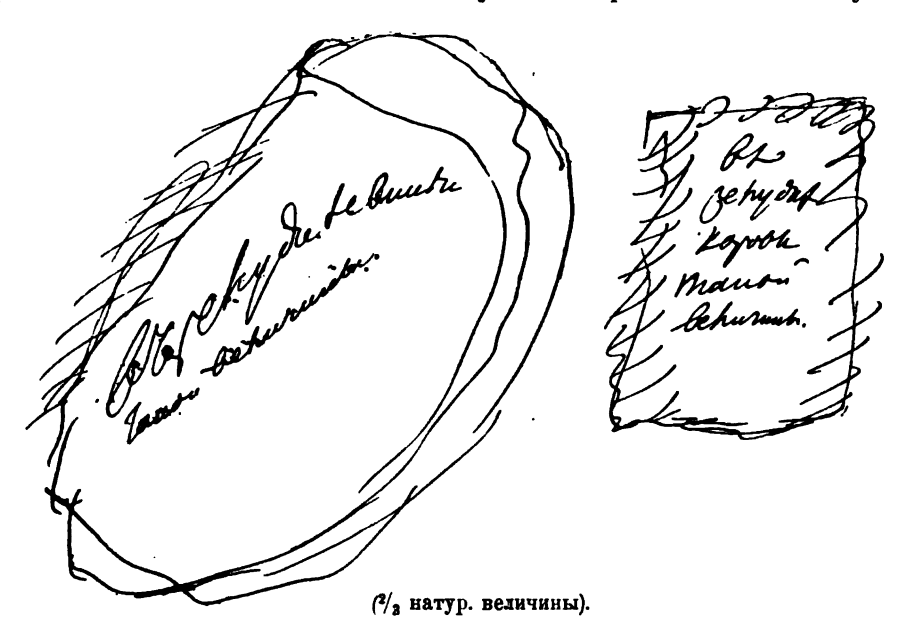
(½ натур. величины)

Камень этотъ распиленъ: BC = первая половина, DE = вторая половина. Въ серединѣ ихъ, т. е. въ A и F находится ямочка, гдѣ лежитъ пуговица. Камень такой величины. Одна половина больше другой. —

1) Въ рукописи: «фарворовую».

Проходя одну изъ улицъ, называемую Friedrichs-Strasse, Гейманнъ сказалъ намъ, что здѣсь однажды нашъ Государь остановился и любовался длиною и правильностію улицы. Подлинно славная улица! — Отъ Гамбургскихъ до Потсдамскихъ воротъ, т. е. отъ одного края города до другаго простирается эта улица. — Я что-то чувствую себя не очень здоровымъ.

$\frac{6}{18}$ *Четвергъ.* Четвертаго дня ходили мы на фарфоровую фабрику. Тамъ заплатили по 12 грошей курантомъ или по $^1/_2$ таллера Пр. Было за что заплатить, фабрика славная! — Вчера ходили мы въ Скотоврачебное училище. Тамъ видѣли электрическую машину, ванну, а потомъ смотрѣли кабинетъ, состоящій изъ разныхъ животныхъ. Тамъ видѣли мы бѣлую лошадь Фридриха Великаго (чучело[1]) и скелетъ). Еще показывалъ намъ нашъ вожатый камень, найденный въ брюхѣ у лошади, очень большой. Камень этотъ носила лошадь 7 лѣтъ въ своемъ брюхѣ. Она всегда работала на мѣльницѣ. Однажды у человѣка, кот[орый] задавалъ ей кормъ, оторвалась пуговица[2]) (свинцовая) и упала въ кормъ, лошадь ее проглотила, и такъ какъ она работала на мѣльницѣ, то она часто глотала пыль, летѣвшую съ камней: эта пыль приставала въ желудкѣ къ пуговицѣ, и наконецъ сдѣлался отъ того пребольшой камень. Это изслѣдовано и узнано посредствомъ Химіи. Тутъ же



($^2/_3$ натур. величины).

я видѣлъ довольно большіе куски изъ шерсти, очень плотно, такъ сказать, скатанной. Это находятъ въ желудкахъ коровъ и свиней, первыя лижутся и

1) Въ рукописи: «чучилу». 2) Къ этому слову на поляхъ сдѣлана слѣд. приписка: «Я видѣлъ пуговицу, кот[орая] находится въ серединѣ; она немного согнута».

глотаютъ шерсть[1]), а вторыя чешутся, когда ѣдятъ, щетины падаютъ въ кормъ, и онѣ глотаютъ ихъ.

Вчера по-вечеру, возвращаясь изъ Скотоврачебнаго училища, зашелъ я въ картинную лавку *Unter Linden* и купилъ нѣсколько разныхъ видовъ улицъ Берлина, по 1/2 тал. каждая, а за изображеніе лагеря Фран[цузовъ] 8 гр. курантомъ. Но лагерь не совсѣмъ точно представленъ. Фасадомъ онъ долженъ быть къ Берлину и Шарлотенбургу. Также не видно маленькаго храма или холма, гдѣ стоитъ бюстъ Наполеоновъ. Я, кажется, еще не писалъ здѣсь о прекрасной алеѣ при въѣздѣ въ Берлинъ, простирающейся около мили: въ шесть рядовъ деревья, тополи[2]) и проч. Въ концѣ этой прекрасной алеи видна башня городская. Видъ славный. Къ тому же по срединѣ алей маленькіе, красивые домики, гдѣ сбираютъ пошлину за мостовую. Ординарная почта не платитъ. Этихъ домиковъ кажется четыре.

Какое удовольствіе въ странѣ совершенно чуждой находить людей, истинныхъ друзей человѣчества, готовыхъ одолжать незнающихъ! Вотъ одно изъ величайшихъ удовольствій въ путешествіи — пріятныя воспоминанія.

Н. Т.

(Четвергъ). 18 Августа. — 1808.

Это написалъ я по прозьбѣ добраго Геймана, для его Standbuch. Жаль, что кромѣ этого никакого другаго памятника оставить ему не могу. Я просилъ, чтобы и онъ что-нибудь написалъ мнѣ, и онъ исполнилъ мою прозьбу.

Menschen, die für Freundschaft Gefühl haben, erkennen sich gleich. Sei auch einer aus Norden, der andere aus Süden. Diese werden Freunde.

Erinnern Sie sich Ihres Freundes

Berlin 18t Aug. 8. Carl Heymann[3]).

Все это мы писали, пришедши изъ театра. Возвратившись оттуда съ Дм. Сем. Чижовымъ, я нашелъ у насъ Г. Геймана. Сегодня былъ у насъ Россійскій священникъ, находившійся здѣсь при посольствѣ, и Кн. Долгорукій, съ кот[орымъ] я учился въ Пансіонѣ. Просилъ его, естьли онъ будетъ въ Пансіонѣ во время пребыванія своего въ Москвѣ, поклониться ГГ. Пансіонерамъ и кстати[4]) засвидѣтельствовать почтеніе Инспектору.

1) Въ рукописи: «шерстей». 2) Въ рукописи: «тополы». 3) Дѣйствительно эти нѣмецкія строки писаны другою рукою. 4) Въ рукописи: «къ статѣ».

Въ театрѣ балетъ «Рожденіе *Арлекина*» былъ прекрасной. Танцовали хорошо и прыгали посредствомъ веревки съ одной стороны на другую. Декораціи также прекрасны. Было много похожихъ на нашу «Русалку».

(Comedien-Haus) (а не Operhaus).

Театръ обширенъ, былъ хорошо освѣщенъ[1]), ложи, партеръ и такъ называемый раекъ или галлереи, были полны. Въ Королевской ложѣ сидѣли какіе-то Французы. Музыка также хороша.

2 часа по полудни. $\frac{}{19}$ *Августа*[2]). Въ 12 часовъ пріѣхали мы съ Journalier въ Потсдамъ и теперь ѣдемъ (по Hagel) въ Фаунинзель и далѣе, двое съ Д. С. Ч[ижовымъ]. Отсюда съ воды видъ на Потсдамъ хорошъ. Городъ также очень хорошъ, сколько я видѣлъ. Сей часъ были мы въ Мраморномъ дворцѣ, изъ одной комнаты кот[ораго] Рафаелевы картины взяты однимъ Французс[кимъ] Генераломъ, также одна ваза; видѣли статую Аполлона, антикъ (ноги отъ колѣнъ до пятъ придѣланы). Я сидѣлъ на тѣхъ креслахъ, гдѣ умеръ король, отецъ теперешняго. По крайней мѣрѣ, думалъ я, ему было покойно умирать: креслы мягки. На верху дворца (на крышѣ) сдѣланъ ходъ. Тамъ любовался я окрестными видами. Потомъ смотрѣли гроту; въ ней 3 комнаты: стѣны сдѣланы изъ разныхъ камневъ и раковинъ. Видъ прекрасный. Теперь ѣдемъ черезъ подъемный мостъ, кот[орый] наводятъ на маленькихъ мѣдныхъ колесцахъ. Это писалъ я, ѣхавъ въ лодкѣ[3]).

$\frac{7}{19}$ *Августа. 9 час. вечера.* Потсдамъ. Сегодня въ 7 часовъ утра выѣхали мы изъ Берлина двое съ Д. С. Чижовымъ. Въ это время было очень туманно, и отъ того я не могъ въ полнотѣ любоваться долготою и правильностію прекрасныхъ улицъ Берлинскихъ. Дорогою мы завтракали въ какой-то корчмѣ, и такъ какъ рюмки для водки были очень малы, то хозяйка подавала намъ по двѣ вдругъ. Въ 12 часовъ пріѣхали мы въ Потсдамъ и стали въ большомъ трактирѣ, недалеко отъ Почтамта. Пообѣдавъ, въ 2 часа начали мы достигать своей цѣли, для кот[орой] сюда пріѣхали, т. е. наняли лодку и поѣхали (отъ самаго нашего дома) въ Мраморной дворецъ (Marmor-Palais oder Heiliger See). Дворецъ этажа въ три, хотя и не пространенъ, комнаты не велики (какъ обыкновенно въ дворцахъ бываетъ), однако убранъ

1) Въ рукописи: «освященъ». 2) Вся эта запись, сдѣланная въ 2 часа пополудни, написана карандашомъ на отдѣльномъ листкѣ, который приклеенъ къ 50 листу рукописи. 3) На оборотѣ этого листка, приклееннаго къ полямъ, можно разобрать слѣдующія слова, писанныя карандашомъ и чернилами: «Митава, Мемель, въ Кенигсбергъ, въ Берлинъ, Ельбингъ, Маріенбургъ, Данцигъ. — 500 рублевый вексель. Тургеневъ. За 300 руб. 100 Reichstallern, за 500 руб. по 15 шилин. и 1/8 Гамб. — Von Mitau über Georgienburg .... nach Königsberg».

очень хорошо; въ одной комнатѣ есть нѣсколько картинъ (лучшія изъ этой комнаты (Рафаелевы) взялъ какой-то Французской Генералъ, также взята одна урна); видѣли статую Аполлона, антикъ; въ одной комнатѣ вожатый показалъ намъ креслы, на кот[орыхъ] умеръ отецъ теперешняго Короля. Я сѣлъ на кресла и подумалъ, что, по крайней мѣрѣ, умирать было ему пріятно— подушка на креслахъ мягка. Видѣли остатокъ урны и въ ней прахъ и мѣлкія кости человѣческія, найденныя здѣсь въ лѣсу; я взялъ нѣсколько косточекъ. На крышѣ дворца сдѣланы ходы, и оттуда прекрасные виды на окрестности! Заплатили мы тутъ дорогонько: 20 грош. кур., но по крайней мѣрѣ было за что: въ другихъ мѣстахъ нечего было смотрѣть, а платили почти тоже! Посмотрѣвши дворецъ, пошли мы смотрѣть гроту. Она была заперта, а человѣка, кот[орый] могъ бы отпереть, мы не нашли. Я нашелъ въ углу окошковъ (sic) разбитое стекло, просунулъ туда палку и отдернулъ ею[1]) занавѣсъ, и такимъ образомъ видѣли гроту. Но когда пошли далѣе, то увидѣли всѣ окошки незавѣшенныя и сѣни отвореныя; такимъ образомъ мы очень хорошо разсмотрѣли гроту. Стѣны сдѣланы изъ разныхъ камней и хрустализацій и инде на низу вдѣланы раковины. Комнатъ 3, довольно большія. Эго мнѣ очень понравилось. Оттуда поѣхали мы на Фаонинзель. Тамъ смотрѣли, но ничего (истинно) похожаго на Царское не видали. Оттуда ходили въ Meierring. Тамъ видѣли двухъ буйволовъ (вѣнскаго рода), 3 ословъ, 4 коровъ и комнату для молока. Вотъ все. Заплатили $^1/_6$ тал. Дорогою видѣли въ маленькомъ звѣринцѣ 4 оленей. Это для меня была новость. Оттуда возвратились въ городъ и заплатили за работу лодочнику 22 [гроша] кур.—Когда я ѣхалъ туда, куривъ трубку, то много мыслей наполняли мою голову. Воображалъ ли я, сидѣвъ прошедшею зимою въ кофейной на Ильинкѣ, также съ трубкою, — воображалъ ли ѣхать изъ Потсдама смотрѣть увеселительные дворцы Прусскихъ Королей и сидѣть на тѣхъ креслахъ, на кот[орыхъ] умеръ Прус[скій] Король? Такъ человѣкъ не знаетъ сегодня, что съ нимъ будетъ завтра. Дорого бы заплатилъ теперь за то, чтобы посидѣть нѣсколько часовъ въ кофейной у Ѳедора Дмитріевича Муранта!—Здѣсь каждый домъ, когда онъ обрушается, построивался прежде на Королевской щетъ. Въ церквѣ Св. Духа сдѣланъ, со времяни прибытія Французовъ, магазинъ для сѣна и соломы. На башнѣ такъ называемой Гарнизонной церкви бьетъ десять часовъ и играетъ что-то колоколами, т. е. изъ звона составляется какая-то музыка. Я хочу спать, что-то будетъ завтре, что увидимъ? —

$\frac{8}{20}$.—*3 часа по полудни.* Ну, теперь какъ гора съ плечь свалилась: все

1) Въ рукописи къ этому слову на поляхъ прибавлено: «а заплатили 8 грошей кур.».

видѣли, зачѣмъ сюда ѣхали, да къ тому были, видѣли прекрасную каѳедру, хорошіе органы (играли на нихъ дурно, но все они много добра дѣлаютъ, потому что за ними не слышно пѣнья старухъ и бабъ). Съ квартиры пошли мы въ 9 часовъ съ Карломъ, съ кот[орымъ] и вчера ѣздили въ лодкѣ. Онъ везъ насъ съ своимъ знакомымъ, кот[орый] нанимался въ *Sans Souci.* Садъ, принадлежащій къ этому дворцу, очень близокъ отъ города или отъ Бранденбургскихъ воротъ, но садомъ должно итти очень долго. Тамъ видѣли мы много хорошихъ комнатъ, библіотеку Фридерика II-го, (кот[орая] состоитъ изъ однихъ Французскихъ книгъ; въ Marmor-Palais — тоже изъ Французскихъ), — комнату, гдѣ онъ умеръ. Дворецъ очень хорошъ, (много) довольно пышности: черепаховые столы съ разною перламутровою[1]) рѣзбою, которые мнѣ очень понравились; славныя мраморныя колонны, довольно высокія и состоящія каждая изъ одного только куска; видѣли также нѣсколько антиковъ. Видѣли ширмы, которыя вышивала сестра Фридриха II. Я списалъ съ нихъ надпись:

Je vois d'avance.....
Qu'après de longs travaux d'un courage intrepide,
Votre nom s'accroissant ira d'un vol rapide
A l'immortalité.

Philosophe de Sans Souci. —
III partie.

Видѣли комнату, гдѣ жилъ Волтеръ: я взялъ песку изъ той песочницы, кот[орую] онъ употреблялъ. Песокъ остался послѣ него, потому что, какъ гов[орилъ] Кастеланъ, водившій насъ, тутъ никто не жилъ. Видѣли, гдѣ погребены собаки Фридриха II: Diane, Alcmene, Amourette и какихъ-то три и еще седмая Biges, извѣстная по анекдоту, когда, во время 7. войны, Фридрихъ укрылся отъ австрійскаго конвоя съ своею лошадью и собакою; естьлибы собака, увидѣвъ конвой, залаяла, то Фридрихъ былъ бы взятъ въ плѣнъ; но собака была очень тиха и чувствовала, что ей надобно дѣлать.

(Сегодня видѣлъ Маршала Виктора, проѣжжавшаго здѣсь. Лице его совсѣмъ кажется не Французское).

Оттуда пошли мы въ картинную галлерею; здѣсь одна стѣна увѣшена картинами (въ длинной комнатѣ), а другая сдѣлана изъ африканскаго мрамора. Здѣсь видѣли мы различные антики. Здѣсь увидѣлъ я портретъ какой-то дѣвушки, мнѣ живопись очень понравилась. Я хотѣлъ было спросить у

---

1) Въ рукописи: «перламутовою».

вожатаго (кот[орый] самъ живописецъ и кот[ораго] картины и здѣсь есть, но между этими даже мнѣ было примѣтно, что онѣ его работы, хотя и очень хороши),—кто рисовалъ эту картину, и думалъ слышать какого-нибудь славнаго въ древности живописца; но онъ предупредилъ меня, сказавъ, что это рисовалъ одинъ изъ *Русскихъ* (тутъ съ гораздо большимъ удовольствіемъ сталъ смотрѣть на картину), посыланныхъ при покойной Императрицѣ въ Италію[1]). Видѣлъ картину, изображающую спящую Венеру; она лежитъ почти навзничь. Это, гов[орилъ] вожатый, срисовано съ какой-то картины въ Италіи, изображающей какого-то Эрмафродита. Живописцу понравилось положеніе. И тутъ также мы видѣли мраморные колонны, изъ одного куска каждая. Одинъ транспортъ ихъ, по словамъ нашего вожатаго, стоитъ изъ Италіи 5000 тал., а въ Sans Souci, по словамъ того вожатаго, стоитъ каждая 20 000 тал.; также и стекло, вставленное вверху (въ потолкѣ) одной комнаты. Не знаю, правда ли. Въ Sans-Souci колонны выше и толще. Этотъ дворецъ въ одинъ этажъ, окна пребольшія. Заплативши вожатому, пошли вонъ; съ нами вышелъ какой-то человѣкъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: Der Aufseher muss auch[2]) etwas bekommen, и получилъ отъ меня 2 гроша. Потомъ пошли смотрѣть Lapanischer Tempel (я думаю Laplandischer или Japanischer). Это также хорошо. Потомъ смотрѣли *Unune-Palais*. Это и снаружи и внутри прекрасно. Есть много очень хорошихъ картинъ, такъ какъ и въ Sans Souci. Есть комнаты очень великолѣпныя, истинно царскія: мраморные полы, картины и проч. Стѣны одной комнаты сдѣланы изъ раковинъ, это прекрасно. Видѣли комнаты, гдѣ жили Императоръ Павелъ и Имп. Марія. Его комната вверху, а Ея внизу. Здѣсь въ одной комнатѣ увидѣлъ я двѣ большія рамы, висѣвшія на стѣнѣ, спросилъ: картины взяты Французами; также много и антиковъ; однакожь мы еще видѣли здѣсь антики. Въ саду стояла какая-то голова (изъ Турціи), взята Французами же, — также нѣсколько статуй. Садъ очень пространенъ и хорошъ. Новый дворецъ или Unune-Palais прекрасный и походитъ совсѣмъ на Царскіе чертоги.—Оттуда зашли посмотрѣть *Храмъ Дружбы*, это посредственно, не болѣе; тамъ стоитъ

---

1) Сюда относится то, что написано карандашомъ на отдѣльномъ листкѣ, приклееннимъ сбоку. Это очевидно набросокъ того, что написано въ книгѣ подробнѣе. «Теперь возвращаемся въ городъ. Видѣли дворецъ Сансуси. Лѣстница изъ дали имѣетъ хорошій видъ. Тамъ были въ комнатѣ, гдѣ умеръ Фридрихъ II. Были въ комнатѣ, гдѣ жилъ Волтеръ. Я взялъ немного песку изъ песочницы, гдѣ писалъ Волтеръ. Castelan гов[орилъ] мнѣ, что тутъ съ тѣхъ поръ, какъ жилъ Волтеръ, никто не жилъ и не бралъ песку… Видѣли Lapanischer Tempel. Я думаю, Японскій. Видѣли картинную галлерею. Тамъ на одной стѣнѣ висѣлъ портретъ какой-то, прекрасно отдѣланный. Я хотѣлъ было спросить, чьей работы, но вожатый предупредилъ меня, сказавъ, что это работалъ одинъ Русс[кій], посыланный Имп. Ек[атериною] въ Италію». 2) Въ рукописи: «aus».

статуя сестры Фридриха II. Возвратясь въ городъ, зашли въ кирку, видѣли гробницу Фридриха II и отца его. Онѣ стоятъ подъ кафедрою. Въ этихъ гробницахъ лежатъ и тѣла, а не въ землѣ. Оттуда пошли смотрѣть бывшія королевскія конюшни; зданіе славное, фасадомъ въ большой садъ. Въ саду есть статуи. Въ этотъ же садъ выходитъ однимъ бокомъ и дворецъ, гдѣ живетъ и теперь Французскій губернаторъ Потсдама. Я видѣлъ его, когда онъ поѣхалъ верхомъ. Дворецъ прекрасный. Ходили въ середину дворца, на дворъ. На дворѣ стоитъ караулъ, состоящій изъ здѣшнихъ граждан. Они стоятъ съ мушкатолами и со шпагами, въ сертукахъ, по большой части въ сертукахъ. Здѣсь видѣлъ я Французскихъ драгунъ. Они одѣты очень дурно, особливо лошадиные хвосты на каскахъ мнѣ не нравятся, и въ щиблетахъ, не знаю почему; шасеры имѣютъ мушкатолы и одѣты изрядно, просто. Въ Берлинѣ много видалъ я Французскихъ гусаръ и полицейскихъ драгуновъ, такъ называемыхъ gens d'armes. Тутъ, т. е. въ гусарахъ и въ gens d'armes, народъ гораздо лучше, нежели въ пѣхотѣ, гдѣ очень мелокъ, и конница красивѣе одѣта. Только цвѣтъ на мундирахъ мнѣ не нравится: зеленые мундиры, желтыя портупеи. Это что-то не хорошо. Сегодня въ полночь выѣдемъ изъ Потсдама. Здѣсь довольно насмотрѣлись.

1/2 8-го часа вечера. Теперь легъ было спать, но что-то не спится. Я всталъ, отперъ мою дорожную сумку для бумагъ и началъ писать. Когда лежалъ на софѣ (кот[орая] на пружинахъ, здѣсь и въ Берлинѣ это обыкновенно), то много мыслей[1]) приходило мнѣ въ голову. Москва была у меня въ головѣ, много воспоминаній, желалъ бы тамъ теперь побывать. Но вдругъ, не знаю отъ чего, пришла мнѣ въ голову страшная мысль. Естьли бы, думалъ я, написали теперь ко мнѣ, что я лишился одного изъ тѣхъ людей, къ кот[орымъ] привязанъ, кромѣ самыхъ ближайшихъ узъ родства, всею душею и сердцемъ. А! думалъ я, я бы сталъ отвѣчать, что это извѣстіе произвело во мнѣ страшный ужасъ, страшное волненіе, но что я перенесъ его хладнокровно. Пусть, написалъ бы я въ отчаяніи, пусть люди питаются пустою мечтою, которую они зовутъ Провидѣніемъ: естьли оно существуетъ, то пусть смѣется надъ бѣдными муравьями, ползающими на этой *поганой*[2]) землѣ, пусть забавляется ихъ судьбою, пусть ругается бѣдными смертными, но я останусь непоколебимъ, и при таковыхъ ударахъ можно бы всегда лишать себя жизни! — Я успокоился, мысли перемѣнились, давай писать

---

1) Въ рукописи къ этому слову на поляхъ сдѣлана слѣд. приписка: «я вспомнилъ, что видѣлъ нынче въ картинной галлереи картину: Усѣкновеніе Главы Іоанновой. Рафаель или Рубенсъ срисовывалъ ее тогда, когда отрубили голову одному преступнику». 2) Въ рукописи къ этому слову на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «это слово было у меня тогда въ мысли».

другое. Въ Потсдамѣ улицы очень пусты, каретъ совсѣмъ не видно, не видно даже фуръ и совсѣмъ почти лошадей. По прибытіи сюда Французы изъ католической церкви и лютеранской Св. Духа сдѣлали амбары для сѣна и соломы. Давича, когда мы были въ киркѣ, одинъ студентъ говорилъ проповѣдь, приготовлялъ слушателей къ причащенію, завтра они будутъ причащаться. Много лицъ было благоговѣйныхъ, но жаль, что кажется очень немногіе или никто не плакали.

11/23 Августа 1808. Вторникъ (ночь) 1/2 10-го часа. Въ субботу въ послѣдній вечеръ пребыванія моего въ Потсдамѣ мнѣ было что-то очень грустно — я былъ задумчивъ. — Отечество, любезное отечество было предметомъ моей задумчивости. Я забывалъ все и видѣлъ предъ собою одинъ тотъ предметъ, для кот[ораго] съ радостію готовъ жертвовать жизнію. Такъ я воображалъ все, касающееся только хорошей стороны. Я воображалъ себѣ свою родину, жилище свое, всѣ предметы, соединенные съ этимъ, и теперь отъ одного воспоминанія горячія слезы падаютъ на бумагу. О (воспоминаніе)[1]) прошедшее! При всѣхъ горестяхъ ты представляешь иногда пріятное для чувствительнаго сердца. Въ такомъ расположеніи духа просидѣлъ я часовъ до 10-ти подлѣ стола, въ 11-мъ легъ немного отдохнуть и заснулъ. Немного погодя товарищъ мой меня разбудилъ и сказалъ, что на башнѣ било 11 часовъ. — Я всталъ, одѣлся какъ надобно по дорожному и пошелъ въ Почт-амтъ[2]) освѣдомиться, не пришла ли почта. Въ Потсдамѣ ночью нѣтъ никакого освѣщенія на улицахъ, а ночь была очень темна. —Почта придетъ въ 12 часовъ, отвѣчали мнѣ въ Почтамтѣ. Я взялъ оттуда человѣка и отослалъ съ нимъ чемоданъ свой, и онъ обѣщалъ притти увѣдомить меня о пріѣздѣ почты. Я опять легъ спать. — Черезъ нѣсколько времяни я проснулся отъ стуку, который былъ на лѣстницѣ[3]); это были наши товарищи, пріѣхавшіе съ почтою изъ Берлина. Мы вмѣстѣ пошли въ Почтамтъ. Тамъ, выпивъ рюмки по 2 или по 3 водки и поѣвши, поѣхали. Мѣсто мое было въ бей-вагенѣ, и тутъ сидѣть гораздо лучше, нежели въ постъ-вагенѣ, гдѣ мало свѣжаго воздуха и слѣд. жарко, особливо ночью; притомъ же видно не такъ хорошо, а на бей-вагенѣ прекрасно. Поутру разглядѣлъ, что одна изъ двухъ сестеръ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нами, очень не дурна (и поутру (NB). Когда сошелъ постиліонъ, то она правила лошадей и кричала (на нихъ). По этой дорогѣ намъ не попадалось уже такихъ прекрасныхъ мѣстоположеній, какъ по дорогѣ отъ Кенигсберга до Берлина. На другой день, т. е. въ воскресенье, обѣдали мы въ Брандебургѣ. Тутъ водка намъ понравилась, и мы

1) Въ рукописи это слово зачеркнуто. 2) Въ рукописи: «Почт-ампт». 3) Въ рукописи: «лѣсницѣ».

выпили рюмки по 2 или по 3. Одинъ изъ Нѣмцовъ, ѣхавшихъ съ нами (и говорившій еще, что лучше Русской арміи нѣтъ въ свѣтѣ никакой), очень крѣпко натянулся и, какъ говорятъ наши товарищи, сидѣвшіе съ нимъ въ пост-вагенѣ, очень тамъ дурачился во снѣ и на яву и безпокоилъ дамъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ.

Вчера, т. е. въ понедѣльникъ, въ полдень пріѣхали мы въ Магдебургъ. Здѣсь Эльба раздѣляетъ[1]) Вестфальское королевство отъ (прежде бывшей) Пруссіи. Магдебургъ принадлежитъ уже Іерониму, королю Вестфаліи. Здѣсь носилъ я всѣ пасспорты сперва къ коменданту, но тамъ сказали мнѣ, что они должны быть подписаны въ Префектурѣ. Я туда пошелъ, и тамъ подписалъ ихъ Префектъ и приложена Фр[анцузская] печать. (Прежде вездѣ должны были подписывать Коменданты, а здѣсь за Эльбою Префекты). Магдебургъ обнесенъ двумя крѣпостными стѣнами[2]). Укрѣпленія, кажется, хороши. Улицы почти всѣ, сколько я видѣлъ, очень кривы и узки. Одна улица (Breite Strasse) очень хороша, домы очень хороши, прямо выстроены, и улица соотвѣтствуетъ своему названію. Отъ Магдебурга до Гельмштедта $6^1/_2$ миль, и мы ѣхали болѣе 12 часовъ. Бричка или *вагенъ* была хороша, одна половина открыта, а другая закрыта. (Я сѣлъ на открытомъ воздухѣ, но не любовался ни мѣстоположеніемъ, ничѣмъ; даже по дорогѣ нѣтъ алей, что мы вездѣ почти видали). Изъ Магдебурга поѣхали только насъ семеро и еще одинъ Нѣмецъ (кот[орый] хорошо довольно говоритъ по-Русски: онъ жилъ въ Кіевѣ), а къ Гельмштедскимъ воротамъ пріѣхало насъ 17 человѣкъ (кромѣ постиліона, кот[орый] ѣхалъ верхомъ). Это, видно, насажалъ постиліонъ; такіе пасажиры садятся за городомъ и встаютъ передъ городомъ. Изъ числа этихъ пасажировъ были два студента и одна старуха. Боже мой! цѣлую ночь ни на минуту не давали они покоя бѣдной старухѣ, она пробовала съ ними браниться, смѣяться, толкаться, говорить, что ея[3]) дядя въ Гельмштетѣ амт-маннъ, — говорить, что она нещастна, плакать — но ничто не дѣйствовало на озорниковъ-студентовъ. Естьли нѣсколько секундъ пробудетъ она въ покоѣ, то одинъ изъ нихъ вдругъ закричитъ ей на ухо, она испугается, а студенты уже засмѣются. Передъ Гельмштетомъ всѣ эти пассажиры оставили Post-Wagen, и намъ опять стало просторно. Пріѣхали въ Почтамтъ, тутъ подали намъ рому, масла, сыру и хлѣба. Мы и попили, и поѣли, *да надобно прибавить*, что и *заплатили*, все очень хорошо. Легли спать, иные на полу, я на стульяхъ. Спали всѣ очень покойно. По утру на-

1) Въ рукописи переправлено: «отдѣляетъ». 2) Сюда повидимому относится слѣдующая приписка, сдѣланная на поляхъ: «NB. Потсдамъ, кромѣ городской стѣны, обнесенъ еще вновь конюшнями, гдѣ стоятъ Фран[цузскія] лошади». 3) Въ рукописи: «ее».

няли двѣ комнаты въ трактирѣ. До обѣда я игралъ съ Ник. Кирилов. на биліартѣ. Пообѣдали хорошо, послѣ обѣда опять все игралъ на биліартѣ, а повечеру пошли смотрѣть квартиру для Д. С. Чижова и Г. Галича, кот[орые] здѣсь остаются. Потомъ пошли гулять за городъ. Гулянье за городомъ очень хорошо. Вокругъ всего города идетъ густая и широкая алея: это очень хорошо, окружные виды и мѣстоположенія также хороши. Давно уже било 10 часовъ. Пора спать. Что то сегодня охотно писалъ.

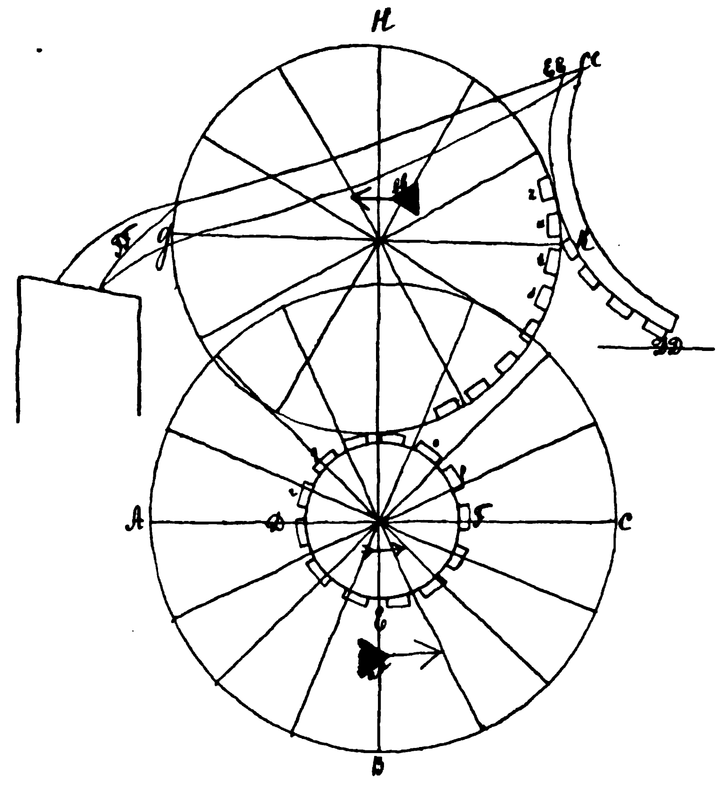
Здѣсь (и еще прежде) говорятъ: *юте грошенъ юркенъ*. А въ Берлинѣ старухи говорятъ: Das kostet un gros et demi, Monsieur. — На биліартѣ здѣсь обыкновеніе щитать на фр[анцузскомъ] языкѣ и зато щитаютъ, по крайней мѣрѣ выговариваютъ дурно.

Здѣсь Прусской талеръ стоитъ 22 грош. курантомъ, а въ Берлинѣ 24 гроша курантомъ. — Посмотрѣлъ въ окошко: здѣсь также нѣтъ на улицахъ фонарей.

13/25 Августа. Четвергъ. Вчера съ двухъ часовъ по полудни до 1/2 8 часа разсматривали мы нѣкоторыя изъ *собраній* здѣшняго доктора медицины и декана Бейрейса. Пришли къ нему въ домъ. Человѣкъ его ввелъ насъ въ одну комнату: въ ней стѣны были убиты грубой холстиной (или дерюгой), на которой находятся различныя изображенія. У стѣны стояла картина, представляющая Христа и двухъ Апостоловъ, кажется, на Тайной вечери. Лице Іисусово было очень выразительно, также и лице Апостола Петра. Бейрейсъ, пришедши къ намъ и поговоривши, сказалъ, что когда онъ устанетъ отъ работы и посмотритъ четверть часа или даже двѣ минуты на эту картину, то вновь совсѣмъ оживится отъ радости, что владѣетъ такою картиною. Поговоривши съ нами, повелъ онъ насъ въ садъ; тамъ въ одной залѣ (въ бесѣдкѣ или въ какомъ-то амбарѣ) стоятъ его *автоматы*. Одинъ представляетъ человѣка, кот[орый] можетъ играть на флейтѣ (этотъ при насъ не игралъ, потому что для этого нужны различныя приготовленія). Другой автоматъ есть мѣдная утка, кот[орая] поднимала[1]) при насъ голову, ѣла какую-то крупу, между тѣмъ какъ Бейрейсъ дергалъ за различныя цѣпочки (кот[орыя] точно такія, какъ въ часахъ). Этотъ автоматъ имѣетъ онъ уже 22 года и по сію пору, какъ онъ говоритъ, не узналъ еще совершенно строенія его. Не знаю, правда ли. Автоматы сіи изобрѣтены однимъ Французомъ *де Вокансономъ* за 100 лѣтъ предъ симъ. Имъ же сдѣлана одна машина (кот[орая] теперь въ Ліонѣ и была всегда, кажется, тамъ же) для шелковой фабрики, кот[орая] замѣняла 80000 работниковъ. Теперь она, ка-

1) Здѣсь на поляхъ рукописи прибавлено: «поднимала (махала) крыльями».

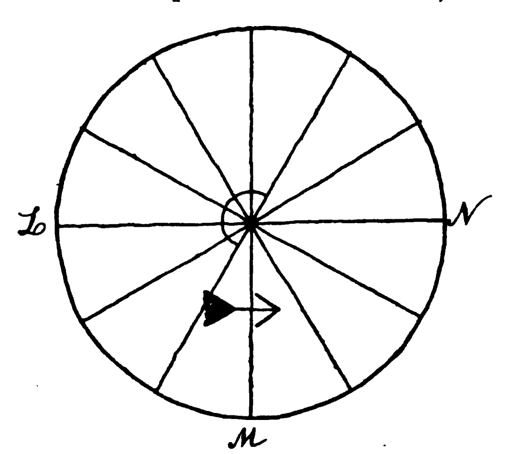
жется, не въ дѣйствіи. Оттуда повелъ онъ насъ на чердакъ дома своего; тамъ лежатъ у него астрономическіе различные деревянные инструменты (тутъ кажется совсѣмъ ничего нѣтъ замѣчательнаго). Оттуда повелъ онъ насъ въ физическій кабинетъ. Тутъ показывалъ онъ намъ одинъ маленькій магнитъ, кот[орый] держитъ довольно желѣза. Это, говорилъ онъ, первый въ свѣтѣ магнитъ по своей силѣ. — Первый въ свѣтѣ, подумалъ я и признаюсь, что не повѣрилъ словамъ Бейрейса. Потомъ показывалъ онъ намъ модели колясокъ, въ кот[орыхъ] можно ѣздить безъ лошадей, его изобрѣтенія. Я спросилъ, хороши ли тѣ коляски, такого же рода, кот[орыя] изобрѣтены въ Англіи. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, тѣ не могутъ такъ скоро ѣздить, [какъ] мои (опять!!!) Онъ говорилъ еще, что у него есть другой модель этой коляски, въ кот[орой] онъ уже и ѣздилъ. Но не показывалъ намъ его. Въ Геттингенѣ постараюсь, чтобы мнѣ сдѣлали модель. —



(²/₃ натур. величины)

Маленькое колесо DEF сдѣлано на оси или на туркѣ, подлѣ спицъ колеса ABC и неподвижно; на немъ сдѣланы зубцы o, p, q, r и проч., на которые падаютъ ямки s, t, u, z и проч., сдѣланныя на колесѣ GHK, кот[о-

рое] движется въ противную сторону колесу ABC, какъ то видно изъ стрѣлокъ aa и bb; а колесо GHK движется посредствомъ CC и DD, кот[орое] приводится въ движенiе рычагомъ EE и FF, а сей рычагъ наклоняется и опускается человѣкомъ, сидящимъ на запяткахъ. Впереди одно колесо LMN, кот[орое] ворочается по произволенiю сидящаго въ коляскѣ. Этого (движенiя), какъ должно поворачивать переднее колесо, я на моделѣ не примѣтилъ.



(2/3 натур. величины)

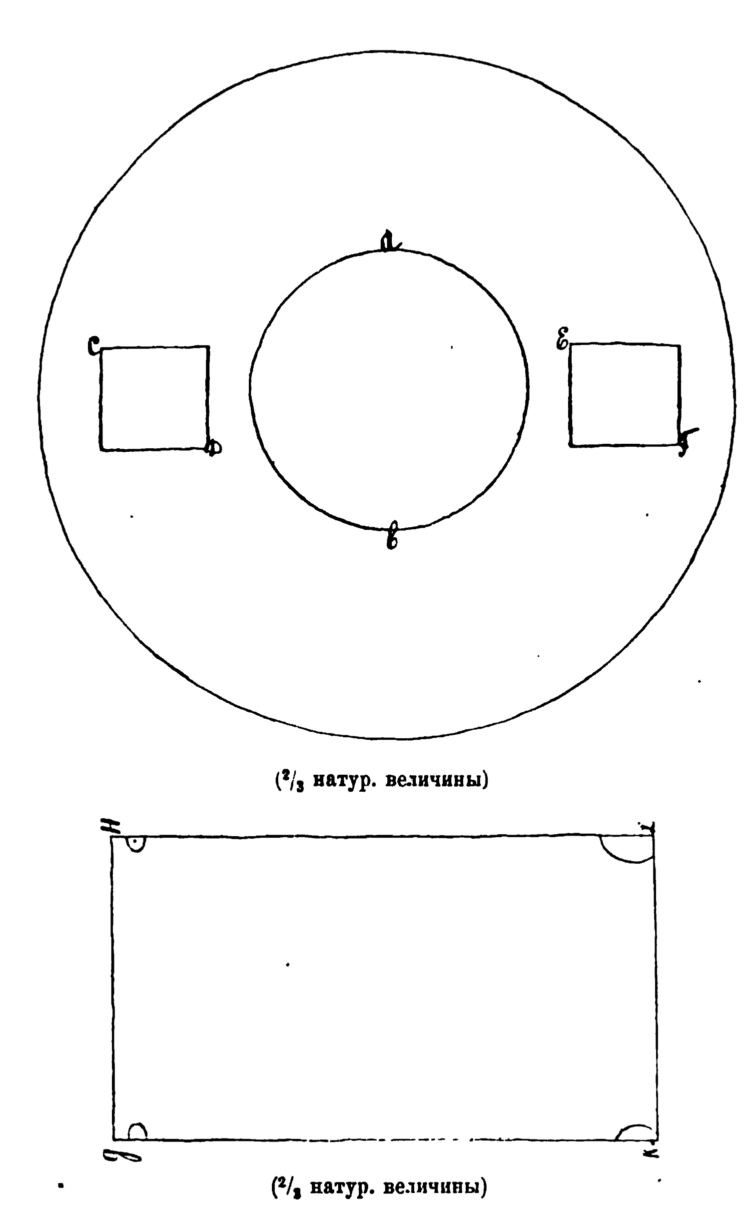
Рычагъ CC и DD опускается и поднимается; когда поднимается, то толкаетъ колесо GHK.

Четвергъ. 6 часовъ послѣ обѣда[1]). Посмотрѣвши на модели колясокъ изобрѣтенiя Бейрейсова, пошли мы къ другому столу, гдѣ онъ намъ показывалъ другiе[2]) модели. Напр. дверь, кот[орая] запирается и отпирается съ обѣихъ сторонъ: это полезно отъ воровъ. Еще модель машины, кот[орую] человѣкъ можетъ употреблять во время наводненiя. Еще маленькую машинку, кот[орою], положа въ карманъ, можно ходя непримѣтнымъ образомъ узнать наприм. окружность крѣпости и проч. Показывалъ металлическое стекло, кот[орое], по словамъ [его], величиною превосходитъ всѣ въ свѣтѣ. Еще показывалъ тѣ самыя полушарiя, надъ кот[орыми] дѣлалъ опытъ извѣстный Герико (Французской инженеръ). 16 лошадей не могли разтащить оныхъ. Онъ намъ показывалъ, кот[орыя] сдѣлалъ: 24 лошади не могутъ разтащить оныя. Показывалъ разные барометры, духовое ружье (первое, кот[орое] было сдѣлано въ Нюрембергѣ. Опять по его словамъ).

Потомъ показывалъ намъ различныя окаменѣлости, шитые портреты двухъ апостоловъ (портретъ Луки очень хорошъ), портретъ Богородицы, шитый же; потомъ древнѣйшую Греческую живопись, изображающую Успенiе Марiи (тутъ представлена летящая душа). Эта живопись совершенно походитъ на нашу церковною Греческую живопись, особливо въ старыхъ церквахъ находящуюся. Еще показывалъ онъ намъ разныя картины. Между прочимъ (по его словамъ Рафаелеву), представляющую двухъ мальчиковъ:

---

1) На поляхъ рукописи противъ этой записи сдѣлано слѣдующее примѣчанiе: «NB. Въ Москвѣ, смотря на многихъ людей, почиталъ образъ жизни ихъ скучнымъ и даже (нѣсколько) нещастнымъ, но теперь, посмотрѣвъ на людей въ Пруссiи и здѣсь въ Вестфалiи, почитаю ихъ въ сравненiи съ сими щастливцами». 2) Тургеневъ считаетъ «модель» словомъ мужескаго рода. См. стран. 170.



(²/₃ натур. величины)

(²/₃ натур. величины)

C D и E F ящики, куда можно класть пищу, такъ что она не замочится. Тутъ можетъ человѣкъ съ собою взять и дѣтей.

ab отверстіе, куда становится человѣкъ: голова и грудь у него вверху, а внизу висятъ ноги и на ногахъ есть еще какія-то дощечки. Этотъ кругъ поднимается всегда вверхъ воды, такъ что человѣкъ никогда не можетъ утонуть.

GHKL это дверь, кот[орая] отворяется съ обѣихъ сторонъ. Нарисовать неловко, потому что пружина внутри.

естьли посмотрѣть въ зрительную трубу, то члены этихъ мальчиковъ кажутся совершенно отдѣльными, какъ у живыхъ; мы смотрѣли и мнѣ понравилось. Прощаясь съ нимъ, онъ насъ пригласилъ притти на другой день, т. е. сегодня между 10-ти и 11 часовъ. Мы опоздали и пришли въ 12-мъ и застали Бейрейса, читающаго химическую лекцію. Онъ, увидѣвъ насъ, сказалъ: Sie kommen zu spät[1]). Sie können (или wollen Sie, или около этого) nach Mittag kommen. Aber wenn Sie keine Stunden haben, so können Sie hier bleiben, und nach der Lection (кажется, что такъ, а не ручаюсь) werde ich Ihnen zeigen.

Мы остались на лекціи. Студентовъ или слушателей было человѣкъ 11 или 12 — двое, какъ я примѣтилъ, довольно хорошо дремали. Онъ читалъ стоя и по своему обыкновенію нападалъ на новую химію. Вчера еще онъ говорилъ намъ, что всѣ открытія во всѣхъ наукахъ (кромѣ математики, прибавилъ онъ), какъ-то: въ химіи и проч. суть вздоръ и пустяки. Ай-да Бейрейсъ! думалъ я. (Многіе студенты ходятъ здѣсь на лекціи по улицамъ безъ шляпъ и даже ходятъ такъ прогуливаться). По окончаніи лекціи онъ показывалъ намъ нѣсколько разныхъ картинъ, между прочимъ самую древнюю, представляющую Христа, претерпѣвающаго біеніе по ланитамъ и руганіе отъ Іудеевъ, и другую, представляющую Христа же, предстоящаго предъ Пилатомъ. Послѣ этого показалъ намъ въ ящичкѣ нѣсколько маленькихъ прекрасныхъ картинокъ, нарисованныхъ на камняхъ (или кажется на финифти). Вотъ, сказалъ онъ, древнѣйшая и лучшая новѣйшая живопись. Въ моемъ собраніи можно видѣть всю постепенность успѣховъ живописи. Потомъ принесъ онъ къ намъ[2]) ящикъ съ различными каменьями (антиками), на кот[орыхъ] выдѣланы портреты различныхъ особъ, какъ-то: Ганнибала, отца его Амилькара, Платона (это важнѣйшіе).

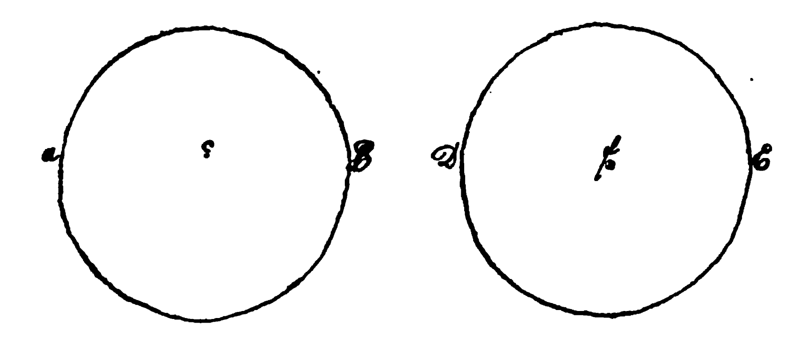
Тутъ же показывалъ онъ намъ печать[3]) съ портретомъ Августа (такой-же камень). Этою самою печатью печаталъ обыкновенно Августъ. Славный въ древности рѣщикъ или, какъ его назвать, выбралъ для этого нарочно такой камень, на кот[оромъ] есть двѣ жилки. Одна доходитъ до рта портрета, : другая жилка проходитъ по шеѣ[4]). Это значитъ то, что на Августа должно надѣть узду (первая жилка это значитъ, проходящая по рту), чтобы уменшить власть его, а естьли этого не довольно для Августа будетъ, то должно

1) Въ рукописи: spett. 2) Въ рукописи къ этимъ словамъ на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Тутъ показывалъ онъ намъ за большую рѣдкость маленькой камень, на кот[оромъ] сдѣланъ портретъ Іисуса Христа. Онъ догадывается, что это дѣлалъ славный въ древности *Діоскоридесъ*, жившій во времяна Христовы. Этотъ портретъ сдѣланъ по приказанію Императора Тиберія». 3) Въ рукописи къ этимъ словамъ на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Также на портретѣ жены Августа онъ показывалъ намъ славный цвѣтъ камня». 4) На поляхъ рукописи нарисованъ карандашомъ профиль головы и обозначены двумя линіями тѣ жилки, о которыхъ говорится въ текстѣ.

ему отрубить голову (это значитъ вторая жилка, проходящая по шеѣ). — (Это *все* сказывалъ Бейрейсъ. Не знаю, правда ли *все* это). Потомъ показывалъ намъ въ его кабинетѣ анатомическія приготовленія и микроскопы. Одинъ изъ нихъ увеличиваетъ въ шестьдесятъ четыре тысячи миліонъ разъ (Это для вещей, невидимыхъ простымъ глазомъ).

Микроскопъ AB увеличиваетъ такимъ образомъ. Точка C едва примѣтная: это увеличивающее стекло.

Микроскопъ DE увеличиваетъ не такъ много. Точка f, т. е. увеличивающее стекло болѣе перваго. Это, говорилъ онъ, 1-й номеръ въ его *со-*



браніяхъ. Это хотѣла купить Императрица Екатерина II, но Ей достались другія вещи, а самой лучшей, т. е. этихъ микроскоповъ, не досталось, какъ гов[оритъ] Бейрейсъ. Потомъ показывалъ другія приготовленія анатомическія съ микроскопами. Простымъ глазомъ ничего не видно, а въ микроскопъ видно. Между прочимъ показывалъ одно животное; на стеклѣ простымъ глазомъ я видѣлъ только этакое пятнышко ◇, а въ микроскопъ несравненно, несравненно болѣе. Это стекло увеличиваетъ, какъ онъ гов[оритъ], въ пятнадцать миліоновъ разъ. — Это показываю я, гов[оритъ] онъ, только молодымъ людямъ, а взрослымъ нѣтъ (это одна шутка, шарлатанства кажется нѣтъ. А вчера онъ во многихъ случаяхъ казался намъ большимъ хвастуномъ). Между анатомическими приготовленіями показывалъ онъ намъ одно, гдѣ въ глазной перепонкѣ есть маленькіе[1]) кровяные сосуды: это очень хорошо. Этого, гов[оритъ] онъ, не показываю я людямъ, не вѣрящимъ Богу: они этого не стоятъ. Еще показывалъ много приготовленій анатомическихъ, сдѣланныхъ имъ самимъ. Послѣ этого показывалъ портретъ Коперника, вырѣзанный изъ дерева, и барельефъ на кокосовомъ орѣхѣ. Показывалъ различныя шитыя картины, портретъ одного Англ[ійскаго] Принца за большую рѣдкость. Также шитую картину (какой-то портретъ работы г-жи Шлецеръ). —

1) Въ рукописи: «маленкіе».

Потомъ показывалъ разныя золотыя монеты Россійскія, еще Азіатскія, серебряныя Персидскія (это по моей прозбѣ. Я хотѣлъ посмотрѣть, похожи ли мои монеты Александра Великаго на эти. Онъ показывалъ мнѣ фальшивыя и настоящія, одна изъ послѣднихъ совершенно походитъ на мою. Я порадовался). Показывалъ Римскія золотыя монеты. Вчера показывалъ онъ намъ Русскія серебряныя монеты. На одной (Петра Великаго) написано: *Петрусъ* и проч., на другой, выбитой на смерть сего безсмертнаго человѣка, Петръ смотритъ съ облаковъ на Россію и гов[оритъ]: *Виждь, какову оставихъ тя.* Еще показывалъ онъ намъ книгу въ стихахъ, посвященную Наполеону; тамъ сочинитель, говоря о Бейрейсѣ, называетъ его der Grosse Beyreis, говоритъ, что онъ почти изъ всей Италіи собралъ рѣдкости, однимъ словомъ много тутъ говорится о Бейрейсѣ. Онъ далъ намъ ту диссертацію или что-то такое, гдѣ напечаталъ онъ, что его стекло увеличиваетъ въ 64 тысячи миліоновъ. Я попросилъ у него для себя такого же экземпляра, естьли есть, и прибавилъ, что я только желаю этого для чести имѣть что-нибудь отъ него. Онъ сказалъ, что этакой экземпляръ, можетъ быть, у него еще есть одинъ, но что для этого онъ можетъ мнѣ дать что-нибудь другое, и далъ. Мы простились съ нимъ, я благодарилъ за честь и за все, онъ просилъ насъ записать наши имяна. Мы это исполнили. Онъ проводилъ насъ на крыльцо, и мы разстались. Кажется все, что вспомню, такъ запишу.

Брауншвейгъ $\frac{15}{27}$ *Августа. Суббота.* Вчера въ 10 часовъ утра выѣхали мы изъ Гельмштета. Въ Почтамтѣ спросили мы вина и простились съ Д. С. Чижевымъ и А. И. Галичемъ. Одна изъ двухъ сестеръ (старшая, хорошая собою), ѣхавшихъ съ нами изъ Потсдама до Магдебурга, опять тутъ съ нами встрѣтилась и доѣхала съ нами до Брауншвейга. Дорогою я спросилъ у нее о сестрѣ ее. О, я ее послала впередъ, это несносное животное очень груба. (Такъ, думалъ я: хороша видно и ты). Пріѣхавши въ Брауншвейгъ, она показала намъ трактиръ (Prinz Wilhelm), гдѣ и сама остановилась. Ник[олаю] Кир[иловичу] сказывали, что къ ней пріѣдетъ сюда любовникъ изъ Гамбурга, чтобы туда вмѣстѣ съ нею ѣхать. Вчера за ужиномъ предлагала она Ник[олаю] Кир[иловичу] (я не ужиналъ) свою сестрицу на ночь, потому что, сказала она, я буду спать съ любовникомъ, а ей цѣлую ночь надобно провести одной[1]). — Какое безстыдство! — Сколько дѣвушекъ съ нами ни ѣхало отъ самой Риги до Брауншвейга, всѣ были такого разбора: не знаю, что за щастье! — Сегодня хотѣли мы размѣнять деньги[2]). Хозяинъ здѣшняго дома не мѣняетъ иначе, какъ чтобы мы усту-

1) Въ рукописи къ этимъ словамъ на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Однакожь сестрица ея все-таки должна провести ночь одна». 2) Въ рукописи: «денги».

пили ему около 3 добр[ыхъ] грошей съ каждаго таллера. Мы пошли къ одному купцу, но не застали дома. Другіе не хотятъ даже и брать Прусскихъ таллеровъ; обыкновенно надобно терять 2 гроша добр[ыхъ] съ каждаго таллера. Мы пошли съ здѣшнимъ служителемъ Hausknecht по городу. Видѣли статую льва, поставленную въ 1772. Онъ разсказывалъ мнѣ исторію этого льва, много вралъ, и я только понялъ, что этотъ левъ былъ очень привязанъ къ одному Принцу (кажется Генриху) за то, что этотъ Принцъ, будучи однажды выброшенъ на какую-то землю бурею, помогъ этому льву умертвить одного животнаго (кажется Lindwurm), кот[орый] пускалъ изъ хвоста огонь (!!!) Принцъ отрубилъ ему хвостъ, и левъ умертвилъ его и съ тѣхъ поръ не отлучался отъ Принца. Герцогъ или Принцъ, возвратившись въ Брауншвейгъ, уже въ дикомъ видѣ, узналъ, что жена его вышла за другаго. Онъ пришелъ во дворецъ, попросилъ, чтобы ему вынесли отъ Герцогини жены его стаканъ съ какимъ-то напиткомъ. Ему вынесли, онъ выпилъ и положилъ въ стаканъ вѣнчальное кольцо. Ей подали, она узнала. Не знаю конца. Только, когда этотъ Герцогъ умеръ и его положили въ здѣшней соборной церкви[1]), то левъ царапалъ стѣну, желая туда войти; но отъ горести левъ этотъ умеръ. Я видѣлъ слѣды его когтей. Не знаю, справедливы ли они. Что-то очень глубоко царапалъ этотъ достопамятный левъ. Видѣли дворецъ Grauer Hof, главной корпусъ не великъ и совсѣмъ отличной архитектуры отъ флигелей. — Видѣли воспитательный домъ и довольно воспитанниковъ и воспитанницъ. Строеніе довольно велико. Еще видѣли два фонтана. Здѣсь ѣли хорошія сливы. Вчера пріѣхали мы сюда въ 6 часовъ вечера. Сегодня надобно ѣхать въ 4 послѣ обѣда: чемоданы и все оставили мы на почтѣ, чтобы попустому не носить чемодановъ.

Статуя льва сдѣлана для тогдашняго времяни очень хорошо. — Когда мы поѣхали изъ Гельмштета, то на улицѣ догналъ насъ Генрихъ, служитель трактирный, и вручилъ намъ записку; я спросилъ у него, отъ кого? — Отъ Hausknecht'а, отвѣчалъ онъ, — а въ запискѣ проситъ, чтобы имъ обоимъ что-нибудь дали, и самъ попросилъ у насъ. Мы дали гульденъ. Вчера пришелъ еще[2]) къ намъ на квартиру человѣкъ, ѣхавшій съ нами, и гов[орилъ], что онъ Ширмейстеръ и проситъ на водку. Между тѣмъ какъ поѣли на щетъ товарищей съ почталіономъ въ какомъ-то городѣ (въ Königslütter, гдѣ мы останавливались) и насажали пропасть Blinde-Passagieren[3]). Мы ему отказали,

---

1) Въ рукописи: «въ церквѣ». 2) Въ рукописи: «еще». 3) Въ рукописи къ этому слову сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Blinde-Passagieren называются тѣ, кот[орые] не хотятъ много платить и садятся за городомъ и оставляютъ Wagen передъ городомъ, платя за это почталіону. Обыкновенно бываютъ, по крайней мѣрѣ должны быть бѣдные люди; такъ, какъ

что онъ ничего не получитъ; онъ повернулся, пошелъ, но ему вздумалось надѣть шляпу еще въ комнатѣ, и за то получилъ отъ меня порядочный толчокъ изъ двери.

Въ Брауншвейгѣ улицы узки, и фонари висятъ посерединѣ. Breite Strasse хороша и широка. При въѣздѣ видѣли мы нѣсколько прекрасныхъ домовъ Италіанской архитектуры. Въ послѣднюю ночь, проведенную мною въ Гельмштетѣ, я много думалъ и все о своемъ домашнемъ. Всякую почти ночь снится мнѣ Москва. — Естьли мнѣ удастся пошататься по чужой сторонѣ года три, съ какимъ удовольствіемъ возвращусь я въ Москву (опять, естьли найду тамъ мало перемѣнъ въ томъ, что можетъ не мѣняться. — Но естьли найду все противное! — О нещастіе!) —

У меня все что-то побаливаетъ зубъ. Теперь утихла боль. —

Изъ большой красной книжки:

21 Августа пополудни. Теперь перемѣняемъ лошадей [въ] Ziesar, городокъ маленькой. Обѣдали и перемѣняли лошадей въ Брандебургѣ. Городъ, кажется, изрядный очень, но строеніе по улицамъ не вездѣ одинаково хорошо. Прусскіе инвалиды часто попадаются, прося милостыни. Я съ однимъ говорилъ; онъ служилъ 37 лѣтъ, и теперь долженъ ходить по міру [1]), потому что теперь не получаетъ никакого жалованья [2]).

3 часа ночи. Теперь остановились въ Гавензіацѣ перемѣнять лошадей. Дорогою мы пѣли, сидя на бей-вагенѣ, Русскія пѣсни. Мнѣ хотѣлось спать, но у кого отъ Русскихъ пѣсенъ сонъ не пройдетъ, не отъ того однакожъ [3]), что онѣ громки. Въ Почтамтѣ я поставилъ стулъ и взялъ свою кожаную подушку, и еще М. Г. Плисовъ, и мы двое, положа головы на мою пространную подушку, славно уснули; но меня разбудилъ постиліонъ для того, чтобы попросить на *Шнапсъ;* я его за это побранилъ, потому что очень досадно было [4]).

Понедѣльникъ. Теперь мы въ Магдебургѣ: здѣсь Эльба уже граница Вестфаліи. Магдебургъ принадлежитъ кор. Вестфаліи. Городъ очень, видно,

---

и вчера, за одну бѣдную дѣвку заплатила эта *одна изъ сестеръ* (опять хорошая собою) и мы.— Но вчера сидѣла же и довольно, кажется, достаточная для того, чтобы заплатить полталера въ Почтамтъ. Я нарочно сталъ говорить этой одной изъ сестрицъ (да! Нинѣ), что Blinde-Passagieren können nichts sehen, — а эта дама говоритъ, что естьли бы она не опоздала, то и она заплатила бы въ Почтамтѣ. Я сказалъ, что это обыкновенно одинъ отвѣтъ. Бѣдная дѣвка цѣлую дорогу ей и ее дочери маленкой прислуживала, но ничего за это не получила. Писать нечего, а перо пишетъ».

1) Въ рукописи: «помиру». 2) На поляхъ рукописи противъ послѣднихъ двухъ строкъ написано: «Ibid». 3) На поляхъ рукописи противъ послѣднихъ двухъ строкъ написано: «это теперь, а не изъ книжки». 4) На поляхъ рукописи противъ послѣднихъ четырехъ строкъ написано: «Ibid».

старинный, очень узки улицы и кривы. Площадь, называемая *Neue Markt* oder *Domplatz*, хороша: домы большіе, по сторонамъ алеи. Въ Префектурѣ подписали наши пасспорты. Breite Strasse[1]) хороша.

Четверг. Бейрейсъ показывалъ намъ четыре монеты, единственныя въ своемъ родѣ, *unici*, какъ видно и изъ описанія. Въ описаніи есть и рисунки, совершенно похожіе и мѣрою и всѣмъ на самыя монеты[2]).

Пятница. Полдень. Теперь остановились кормить лошадей въ *Königslutter*. Вотъ какова почта!—Здѣсь костюмъ[3]) для женщинъ и дѣвокъ очень не хорошъ. На головѣ назади носятъ какія-то скуфейки и на подобіе салоповъ съ воротниками затрапезныя. Здѣсь ходитъ Conventions-Geld и Брауншвейгская. У меня еще всѣхъ родовъ нѣтъ.

Ганноверъ: $\frac{17}{29}$ *Августа. Понедѣльникъ* $^1/_2$ *8-го часа утра.* Вчера въ 10-ть часовъ утра пріѣхали мы въ Ганноверъ. Окрестности города, мимо кот[орыхъ] мы ѣхали, хороши; есть большіе сады, гдѣ бываютъ гулянья. Вчера также назначили гулянье и иллюминацію въ одномъ саду, мимо кот[ораго] мы ѣхали, но цѣлой вечеръ шелъ дожжикъ и повидимому иллюминаціи не было. — Дорогою товарищей имѣли мы довольно хорошихъ, кажется, людей. Одинъ изъ нихъ, толстой Тиролецъ (который прошлую ночь, опорожнивъ пол-бутылки рому, нѣсколько меня безпокоилъ) иногда забавлялъ насъ своими шутками, много буфонилъ. Въ послѣднемъ трактирѣ, гдѣ мы завтракали, и онъ видно также попилъ и дорогою, когда мы пѣли: вино утѣшаетъ, вино веселитъ и проч., то онъ намъ поттягивалъ во все горло. Пріѣхавши въ Ганноверъ, онъ рекомендовалъ намъ трактиръ *Deutsches Haus*, куда насъ вчера и привелъ. Трактиръ хорошъ, особливо, что хозяинъ и сынъ его добрые, кажется, люди. Отобѣдавши пошли, я и Ник[олай] Кир[иловичъ] съ сыномъ хозяина играть на биліартѣ. Оттуда пришли домой. Я легъ спать. Въ 4-мъ часу здѣшній служитель разбудилъ и сказалъ, что пора итти (мы просили сына хозяина, чтобы онъ съ нами сходилъ посмотрѣть фонтанъ), и взялъ наши пасспорты. Я съ Ал[ександромъ] Петр[овичемъ][4]) пошелъ. Н[иколай] Кир[иловичъ] остался спать. Мы пошли въ садъ, кот[орый] принадлежитъ или принадлежалъ Королю. Садъ очень хорошъ и пространенъ. Видѣли, какъ билъ фонтанъ. Нашъ вожатый думаетъ, что фонтанъ билъ футовъ на 60, а я думаю, что не болѣе 6 и $6^1/_2$ саженъ, но надобно знать, что вчера были въ дѣйствіи только три колеса; когда же бываютъ

1) То же самое и противъ этихъ словъ. 2) Здѣсь оканчивается запись изъ Красной Книжки. 3) Въ рукописи: «костумъ». 4) Куницынымъ.

всѣ пять колесъ, тогда фонтанъ бьетъ гораздо выше. Въ саду еще засталъ насъ дожжикъ; когда мы пошли назадъ, то дожжикъ былъ довольно сильный, но мы шли густою алеею, и дожжикъ мало доставалъ до насъ.

(NB. Здѣсь есть прекрасная липовая алея по дорогѣ, ведущей въ Бременъ и проч. Но по этой алеѣ могутъ только ѣздить тѣ, кот[орые] ѣдутъ прогуливаться, но почта и прочее, все должно ѣздить по другой дорогѣ. [Деревья] высокія и густыя, вѣтвистыя насажены въ 4 ряда. По середней широкой алеѣ должно ѣздить въ каретахъ, колясках и проч. По алеѣ, съ правой стороны, должны ѣздить только верхомъ. По алеѣ, съ правой[1]) стороны можно только ходить пѣшкомъ).

Мы зашли домой, и немного погодя я пошелъ опять съ сыномъ же хозяина въ театръ.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть самое зданіе, но неловко было. Надобно пройти черезъ дворъ замка (замокъ, въ кот[оромъ] есть церковь Schloss-Kirche) и еще черезъ какой-то дворъ и наконецъ уже въ театръ. Театръ здѣсь, хотя и не очень обширенъ, однакожъ очень хорошъ; ложъ очень много, онѣ показались мнѣ тѣсными, но проводникъ увѣрялъ меня, что въ ложѣ могутъ помѣститься 10 человѣкъ; я этого не думаю. Особливо понравился мнѣ занавѣсъ: на немъ изображена колесница, запряженная лошадьми: одна изъ лошадей, бѣлая, очень искуссно нарисована. Эта лошадь изображаетъ ту, кот[орая] когда-то была подведена Королю или Императору (во время коронованія Австрійскаго Императора; на этой лошади ѣздилъ Министръ и бросалъ народу денги). Въ одномъ концѣ занавѣса виденъ какой-то храмъ, а на другомъ, на лѣвомъ, пирамида съ чьимъ-то портретомъ, на пирамидѣ подписано:

Ingenuas didicisse fideliter artes
Emollit mores nec sinit esse feroces[2]).

Играли піэсу: Молодость Генриха V. Игра актера *Stegmann'a*, представлявшаго Генриха, очень мнѣ понравилась: актеръ хорошій. Также актеръ *Нау*, представлявшій капитана *Коппа* (Copp), также хорошо игралъ.— Въ театрѣ стучали палками и вмѣстѣ аплодировали; естьли зашумятъ, то шикаютъ. Многіе въ ложахъ и вверху и во время представленія сидѣли въ шляпахъ. Много думалъ я, сидя въ театрѣ. Что-то обо мнѣ теперь думаютъ въ Москвѣ? — Гдѣ я? Что я дѣлаю? Изъ театра пришедши домой, поужинали и пошли въ свою комнату спать. — Вчера ночью, когда мы ѣхали, то

1) Съ лѣвой? 2) Въ рукописи сдѣланы двѣ ошибки: «In genuas» и «feros», хотя послѣднее слово потомъ исправлено.

почти въ продолженіе всей ночи видѣли большое зарево: въ одной деревнѣ былъ пожаръ. Рано поутру, когда мы выѣхали изъ какого-то города, то насъ обогнала пожарная труба. Проворны, проворны, думалъ я, настоящіе Нѣмцы. Зарева уже было не видно и поутру вздумали они уже ѣхать тушить пожаръ.

Геттингенъ. $\frac{19}{31}$ *Августа. Середа.* Сегодня въ 4 часа утра пріѣхали въ Геттингенъ; въ 7 или 8 часовъ стали въ трактирѣ. Мальчики, кот[орые] тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ явились къ намъ съ услугами въ разсужденіи квартеры, кот[орую] мнѣ и показали. (Притомъ еще они сказали, что ихъ послали Русскіе студенты къ намъ, между тѣмъ какъ ихъ никто не посылалъ). Но какъ бы то ни было, они показали намъ квартеру. Когда я пришелъ въ другой разъ посмотрѣть комнаты, то хозяйка, посмотрѣвши на меня, сказала своему мужу, что я похожъ на Г. Тургенева. Отгадала, отгадала! — Братъ во все время своего пребыванія въ Геттингенѣ жилъ въ этомъ домѣ, только въ верхнемъ этажѣ. А въ этой комнатѣ, гдѣ я живу и въ той, гдѣ живетъ Г. Куницинъ, жилъ А. М. Тургеневъ (der Herr Rittmeister von Turgenew). Сегодня, вскорѣ потомъ, какъ я остановился въ трактирѣ[1])...

$\frac{20 \text{ Августа.}}{1 \text{ Сентября.}}$ *Четвергъ.* Вчера по вечеру ходилъ гулять по алеѣ вокругъ города. Окрестности прекрасныя.

Изъ Красной книжки:

$\frac{18}{30}$ *Августа. Briden.* Это почтовой дворъ. Тутъ сегодня ночевалъ Вестфальскій Король Іеронимъ. Сегодня въ 8 часовъ утра онъ поѣхалъ далѣе, и мы его видѣли, когда стояли на крыльцѣ, и онъ прошелъ мимо. Мужики стояли около кареты, когда уже онъ сѣлъ, и смотрѣли на него въ шляпахъ. Теперь мы все ѣхали и кажется далѣе поѣдемъ по долинѣ: съ обѣихъ сторонъ горы, на нихъ нивы, лѣса — виды прекрасные. Я сижу въ бей-вагенѣ и слѣдовательно въ полнотѣ наслаждаюсь всѣми этими прелестями мѣстоположенія. Часа въ два пріѣхали мы въ Эйнбекъ. Здѣсь уже болѣе часа, но еще не обѣдали. Прошлую ночь было у насъ столько blinde-Passagieren, что уже на повозкѣ не было мѣста, и одинъ изъ нихъ, положивъ на повозку только свой чемоданъ, самъ сѣлъ верхомъ на другую коренную лошадь (на одной сидѣлъ постиліонъ). Каково-то ему было сидѣть безъ сѣдла.

Въ Ганноверѣ видѣли монументъ великаго Лейбница, дѣланный въ Италіи. Въ одномъ концѣ Platz-Parad (прекрасная большая площадь, обсаженная по обѣимъ сторонамъ алеями) на маленькомъ возвышеніи стоитъ

1) Въ рукописи фраза не кончена.

храмъ. Въ срединѣ, на пьедесталѣ стоитъ мраморный бюстъ Лейбница. На карнизѣ [1]) храма подписано:

Genio Leibnitii.

Нельзя сказать, находится ли монументъ въ городѣ или внѣ города. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ стоитъ, идетъ уже алея (кот[орая] около всего города) [2]). Мы опять все ѣхали долиною. Опять прекрасные виды: горы, лѣса, утесы, нивы; все это дѣлаетъ мѣстоположеніе прелестнымъ и очаровательнымъ.

Съ Королемъ Вестфальскимъ сѣлъ въ карету его обер-гофъ-маршалъ (кажется Французъ, позабылъ фамилію). Еще были одна карета, двѣ или три коляски и еще маленькая [3]) коляска. Четыре кирасира (молодцы) [4]), два вершника и какой-то офицеръ поѣхали верхомъ впереди, и подлѣ, и назади, и гдѣ угодно. Поѣхали скоро.

21 Августа / 2 Сентября. *Пятница*. Продолженіе изъ Красной книжки:

Нигдѣ въ городахъ не видно птицъ, напр. воронъ, галокъ и т. п. Это происходитъ, думаю, отъ тѣсноты строенія и воздуха.

Черезъ нѣсколько часовъ я въ Геттингенѣ. —

Дорогою сидѣли съ нами на бей-вагенѣ двѣ дамы (не знаю, какъ назвать: дѣвушки или женщины), одна изъ нихъ была не дурна собою. Однажды дорогой мы остановились у одного трактира. Я спалъ и проснувшись увидѣлъ въ лѣсу, въ прохладной тѣни сидящую эту даму. Одинъ изъ пассажировъ, сидѣвшихъ въ post-вагенѣ, дѣлалъ видно ей куры; но въ ту самую минуту, какъ я открылъ глаза, то увидѣлъ въ просонкахъ, что онъ ее обнималъ и дарилъ поцѣлуями. Я протеръ глаза и пошелъ къ нимъ (потому что Нѣмецъ и дама были добрые люди и не сердились за это). Когда я пришелъ къ нимъ, то нѣмецъ сказалъ: Ah! Die *Russische Küsse sind sehr süss!* — и заставилъ меня дѣлать тоже съ дамою, что и онъ. Я его послушался и доказалъ, что естьли Русскіе поцѣлуи и не всегда сладки, то по крайней мѣрѣ крѣпки.

I. M. Ender à Bremen (этотъ заставлялъ меня доказывать сладость Русскихъ поцѣлуевъ).

Ночь. Мы обѣдали въ Ейнбекѣ, а теперь перемѣняемъ лошадей въ Нордгеймѣ, за двѣ мили (starke Meile) отъ Геттингена.

---

1) Въ рукописи: «на корнизѣ». 2) На поляхъ рукописи сдѣлано указаніе, что «Ганноверскія впечатлѣнія» внесены въ дневникъ изъ «Красной книжки». 3) Въ рукописи: «маленкая». 4) На поляхъ рукописи къ послѣднимъ словамъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Одинъ изъ пассажировъ нашихъ сказалъ: Sie sind wie die Russische Cirassiren (онъ разумѣлъ не гвардію, а армейскихъ: я спрашивалъ)».

Steehmann aus Bremen.

(Этотъ спрашивалъ о банкирѣ Кнауфѣ: живъ ли онъ, каковы его дѣла и проч., и очень обрадовался, когда я ему сказалъ, что за три дня до моего отъѣзда изъ Москвы я его видѣлъ. Онъ знакомъ съ отцомъ Кнауфа, кот[орый] 3 года не получалъ отъ него ни денегъ, ни писемъ. — Этотъ Нѣмецъ занимается неподалеку отъ Бремена *mit Landwirtschaft.*

Толстой Нѣмецъ, ссорившійся со всѣми въ Ганноверѣ за свой сундукъ, довольно часто вынималъ изъ своего карману фляжку съ водкой и два раза подчивалъ меня, но я отказывалъ, и этотъ нектаръ пилъ онъ въ самый жаръ, когда ему было вѣрно болѣе всѣхъ жарче. Сзади меня сидѣвшій, также Нѣмецъ, подчивалъ меня ромомъ, и этому отказалъ. — Дорогою мы ѣхали мимо соляныхъ заводовъ. — Теперь убираютъ хлѣбъ съ полей. Прежде можно бы было сказать, думалъ я: вотъ надежда Вестфаліи! Теперь развѣ, посмотря на солдатъ, можно это сказать? — И кто знаетъ, для кого готовится хлѣбъ, и все для кого? —

Середа. 5 часовъ утра. Сегодня въ 4 часа утра пріѣхали мы въ Геттингенъ.

Вчера ввечеру былъ я у Р. Ѳ. Тимковскаго. Отъ него пошелъ домой и по прошествіи нѣкотораго времяни смотрѣлъ на церемонію, составленную для случая выбора новаго Проректора: впереди шли музыканты и играли; по обѣимъ сторонамъ шли съ факелами; въ серединѣ шли студенты по двое и по трое съ палками и трубками. Передъ домомъ Проректора всѣ выстроились. Сперва закричалъ одинъ изъ студентовъ не знаю что-то. Потомъ вся толпа кричала (похоже на то, какъ бывало въ пансіонѣ ученики кричали или *укали*). Здѣсь вся толпа кричала, какъ мнѣ сказывали: *Hoch!* разслушать нельзя было.

Покричавши, они пошли назадъ къ какому-то Ейхгорну и другимъ. На улицѣ подлѣ нашей слышенъ былъ опять такой же крикъ — это значитъ, что они благодарятъ стараго Проректора.

($\frac{21}{2}$ *Пятница*). *Одиннадцать часовъ ночи.* — Какъ провелъ я день этотъ? — По утру хотѣлъ итти къ Проректору записаться, но не успѣлъ. Купилъ себѣ шляпу, палку. Послѣ обѣда ходилъ играть съ Воронковскимъ на биліардъ. Потомъ ходилъ съ Г. Бутырскимъ къ Англинскому учителю и записался у него (ходить къ нему всякой день по 1-му часу за 6 тал. въ мѣсяцъ). Оттуда, когда шелъ домой, встрѣтился мнѣ А. И. Данилевскій и позвалъ меня къ себѣ. Въ 6 часовъ должно ему было итти къ Латинскому

учителю. Такъ какъ и мнѣ онъ нуженъ, то мы пошли вмѣстѣ, и я уговорился пока ходить 3 раза въ недѣлю. — Цѣны еще не знаю. Данилевскій и Wunderlich (Лат. учитель) не совѣтывали мнѣ учиться у Брауна (Англ. учит., у кот[ораго] я записался) и совѣтывали лучше учиться у *Бенеке*, и Г. Wunderlich пошелъ уже просить сего послѣдняго. Не знаю, чѣмъ рѣшиться. — Не знаю, чѣмъ-то кончилъ Вейденгамеръ[1]) (студентъ Моск[овскаго] университета) свой трудный нынѣшній подвигъ. —

Теперь только умолкли въ сосѣднемъ домѣ орать Г.Г. студенты. О народъ, народъ! —

25 Августа. / 6 Сент. *Вторникъ.* Кажется въ субботу, записавшись у Проректора Эйхгорна, пошелъ я къ *Шлецеру*. Прихожу, доложили. Я немного подождалъ. Выходитъ почтенный старикъ. Взялъ у меня письмо, попросилъ садиться, взялъ для себя стулъ, я тоже сдѣлалъ. Сѣвши онъ началъ разсматривать печать на пакетѣ и сказалъ, что это кажется ему быть отъ одного изъ знакомыхъ его Русскихъ; я отвѣчалъ ему, что я братъ того Тургенева, кот[орый] имѣлъ честь и проч. и проч.—*Tausend Mahl* (такъ какъ то), вскричалъ съ удивленіемъ Шлецеръ: Sie sind doch der Bruder von meinem theueren intimen Freund H. v. Turgenew? Началъ со мною очень ласково говорить и просилъ чаще къ себѣ ходить. — Прощаясь сказалъ: au revoir — проводилъ до сѣней. — Онъ далъ мнѣ каталогъ лекцій; но на другой день прислалъ другой и приказалъ сказать, что первый, кот[орый] онъ далъ, — прошлаго года. На второмъ сдѣлалъ самъ подпись по-Русски. Когда я записался у Проректора, то онъ сперва сказалъ, что надобно заплатить 3 тал. съ чѣмъ-то. Потомъ же, узнавши, что дворянинъ, сказалъ, что надобно заплатить 6 съ чѣмъ-то. Потомъ, когда прислалъ съ матрикелемъ педеля, то педель сказалъ, что надобно заплатить 8 съ чѣмъ-то. Вотъ каково[2]) быть здѣсь дворяниномъ.—Въ воскресенье ѣздили мы верхомъ въ Marienspring—славное мѣсто. Тамъ пили Kirschbrantwein; это хорошо.

29 Августа. / 10 Сентябр. *Суббота 1808.* Прошло нѣсколько дней, какъ я не бралъ въ руки моей *Бѣлой книги*, кот[орая] скоро сдѣлается совсѣмъ черною. — Что случилось со мною замѣчательнаго? — почти ничего: я началъ учиться по-Латинѣ у ассессора здѣшняго университета Вундерлиха, и Латинскій языкъ сдѣлался для меня теперь гораздо пріятнѣе, и я рѣшился учиться *ему* во все продолженіе моего пребыванія въ Геттингенѣ; не ручаюсь, устою ли въ этомъ. — Въ прошлый четвергъ послалъ я еще письмо въ Петербургъ —

1) Къ этимъ словамъ въ рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Кончилъ удачно и ничего не получилъ; какъ онъ сказывалъ, что и самъ того ранилъ». 2) Въ рукописи: «какого».

№ 2. Вчера ходили мы смотрѣть здѣшній рекрутской наборъ. При насъ изъ сорока или тридцати осьми человѣкъ, находящихся въ конскрибціи, должно было выбрать 3, кот[орые] должны были тотчасъ выступить въ походъ, и 1 для резерву. Секретарь сдѣлалъ столько же билетовъ, завернулъ ихъ и положилъ въ деревянную чашу[1]) на подобіе урны. Оттуда каждый, кого прокличатъ, долженъ былъ вынимать и отдавать секретарю: онъ развертывалъ и сказывалъ номеръ: 1, 2, 3 и для резерва 4. Эти нещастные нумера вынимали и при насъ нѣкоторые и возвращались отъ стола, гдѣ было засѣданіе, съ печальными лицами. Прочіе всѣ нумера означаютъ свободу, и вынувшіе ихъ съ радостію бѣжали изъ Рат-гауза, кричали и прыгали. За иныхъ вынимали отцы, матери, сестры, а коли никого не было, то вынималъ одинъ изъ присудствующихъ. Присудствующіе во время своего засѣданія пили чай съ ромомъ и проч. Естьли кто въ состояніи и захочетъ за себя нанять другаго солдата, то долженъ ему заплатить 200, 250 и 300 талеровъ.

3/15 Сентября 1808. Четвергъ. Вчера началъ я учиться по Италіански у Италіанца Rossi или de Rossi. Языкъ мнѣ нравится. А Rossi хорошо говоритъ по-Французски. Веселый старикъ, но такъ какъ онъ бываетъ у меня въ 2 часа (онъ ходитъ ко мнѣ всякой день и — за 4 червонца[2]) въ мѣсяцъ) послѣ обѣда, то уже старыя его щеки бываютъ красны. Вчера разсказывалъ онъ мнѣ анекдоты и теперь тоже. Одинъ Италіанецъ, по имяни *Alberts*, учившій по-Итал[ьянски] M. de Pompadoure, сказалъ ей: Ce *vi* (онъ хотѣлъ сказать: *vi-членъ*) que les Français mettent au devant, nous autres Italiens nous le mettons de derrière. Лудовикъ XVI[3]), присудствовавшій всегда при урокахъ, услышавъ это, взялъ шляпу и ушелъ. Другой, вмѣсто чтобы сказать одной дамѣ, своей ученицѣ: Madame, je fus chez Vous, vous ne futes pas et je m'en fuis, — сказалъ такъ, какъ обыкновенно произносятъ Италіанцы: *ou* вмѣсто *u* и пр.

Одинъ Нѣмецъ сказалъ въ Парижѣ вмѣсто: l'ainée rie[4]) (или какъ-то), la cadette badinne[5]) et la vie me devient dure, — сказалъ: l'ainée rie (или какъ-то), la cadette patigne (это значитъ щупать и т. д.) et le vie me devient dur(e). Piron, непріятель Волтера, ѣхалъ мимо Фернея и взошелъ въ домъ Волтера, когда онъ былъ въ саду; въ комнатахъ никого не было. Онъ, видя, что во всякой комнатѣ написано: Chambre à diner, chambre à coucher и пр., написалъ на двери послѣдней: le vieux........[6]) и пошелъ. Волтеръ увидѣлъ его и потомъ надпись, и когда Пиронъ ушелъ, одѣлся и поѣхалъ къ Пирону

1) Раньше было написано: «деревянной сосудъ». 2) Въ рукописи: «4 червонецъ». 3) Здѣсь ошибка, слѣдуетъ: Людовикъ XV. 4) Слѣдуетъ писать: rit. 5) Слѣдуетъ писать: badine. 6) Здѣсь не разобрано одно слово.

и, когда увидѣлъ его, сказалъ, что пріѣхалъ отплатить ему визитъ, такъ какъ онъ (т. е. Пиронъ) написалъ свое имя у него на двери. — Bravo! сказалъ я de Rossi — и простился съ нимъ.

Вчера проѣжжалъ здѣсь Вестфальскій Король: я видѣлъ его. Никто на улицѣ не снималъ предъ нимъ шляпъ, а когда, какъ говорятъ, онъ былъ здѣсь прежде и ѣздилъ и ходилъ пѣшкомъ въ библіотеку, то тоже было. Вестфальскіе студенты отдавали ему честь.

$\frac{9}{21}$ *Сентября. Середа.* На прошедшей почтѣ я не писалъ въ Россію. Теперь буду писать; и это будетъ № 3. Теперь пришелъ изъ бани, но надобно прибавить — изъ Нѣмецкой. Этого довольно, чтобы имѣть о ней понятіе.

$\frac{10}{22}$ *Четвергъ. 9 часовъ вечера, или по здѣшнему — ночи.* Теперь пришелъ изъ биліардной. Тамъ игралъ двѣ партіи съ Ѳ. Я. Рандомъ. На этихъ же дняхъ ходилъ я съ нимъ и другими гулять, выпивши у Коха (гдѣ и биліартъ) вина; по улицамъ и по алеѣ вокругъ города пѣли пѣсни. Домой пришли уже въ полночь. Это по здѣшнему очень, очень поздно. Я, кажется, не писалъ еще здѣсь, что въ послѣднее воскресенье ѣздили мы опять въ Mariensprіng, оттуда ходили на Плессу — какіе виды, какое мѣстоположеніе! Оттуда я ѣздилъ въ Nörden ужинать вмѣстѣ съ И. И. Кассіусомъ, кот[орый] добръ и нещастливъ. Въ Münden нарочно ѣздилъ за Картушемъ и заплатилъ за него 6 Гессенскихъ талеровъ, что составляетъ 6 — 6 грош. золотыми деньгами.

$\frac{17}{29}$ *Сентября. Четвергъ.* Сегодня пошлю письмо въ Россію къ матушкѣ и брату, и будетъ — № 4-й[1]). Я писалъ къ нему все о теперешней своей скукѣ. Такой скуки я еще никогда съ собою не помню. Мнѣ кажется, что я здѣсь никакъ не могу прожить долго и принужденъ буду для избѣжанія этой несносной болѣзни возвратиться домой. — Ахъ! при одномъ имяни этомъ сейчасъ слезы полились изъ глазъ. Богъ знаетъ, что со мною будетъ; вотъ уже третій день, какъ я самъ себя не знаю и самъ себѣ не принадлежу: жестокая скука совершенно овладѣла мною. — Не знаю, что дѣлать? Хочу искать развлеченія въ урокахъ; на минуту забудусь, но когда вновь возвращусь къ скукѣ, то дорого плачу за эту минуту забвенія...

Въ скукѣ, кот[орая] прежде у меня бывала, я находилъ удовольствіе въ разныхъ занятіяхъ, въ *Бѣлой книгѣ* этой, но теперь все постыло для глазъ моихъ, и книгу эту беру только за тѣмъ, чтобы замѣтить номеръ письма, кот[орое] посылаю къ брату. — Боже мой! многіе говорили, когда

1) Всѣ номера писемъ Тургеневъ ставилъ на поляхъ.

я уѣжжалъ изъ Россіи, что завидуютъ моей участи. Ахъ, естьли бы они знали о теперешнемъ моемъ состояніи, естьли бы знали, что я всякому изъ своихъ знакомыхъ теперь завидую и сію бы минуту, брося все, полетѣлъ бы въ свое отечество (измѣнники или, лучше сказать, оправдатели - слезы льются на бумагу)[1]), подышалъ бы тамошнимъ воздухомъ, поговорилъ бы съ любезными, и грусть, тоска, скука отлегли бы отъ моего сердца! — Нѣтъ! — Я не выдержу такой пытки и возвращусь скорѣе домой. Опять рыданіе, опять ручьи горькихъ, горячихъ слезъ. Что со мною будетъ?

18/30 Сентября. Пятница. Вчера, легши спать, я сталъ продолжать читать *Наталью, боярскую дочь*, соч[иненіе] Карамзина. Слѣдующее мѣсто мнѣ отмѣнно понравилось и очень, очень меня тронуло; оно какъ будто нарочно для меня написано въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ, когда здѣсь я такъ скучаю и только думаю, что о своемъ отечествѣ, всякую ночь провожу пріятно, потому что всякую ночь брежу о Россіи, бесѣдую съ любезными своими родными и знакомыми.

Алексѣй, мужъ Натальи, разсказываетъ, какъ они жили съ отцемъ своимъ въ уединеніи . . . .

. . . .

Они (жители Азіатской Россіи) приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недостатка, но безпрестанно горевали о своемъ отечествѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги и, смотря на ея волны, несущіяся отъ странъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы! Всякая птица, летѣвшая съ Запада (т. е. отъ Россіи) казалась намъ милѣе; всякую птицу, на западъ летѣвшую, провожали мы глазами и — вздохами. Между тѣмъ отецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву тайнаго гонца и получалъ письма отъ своего друга и проч. . . . .

. . . .

Естьли бы кто имѣлъ какое-нибудь понятіе о той степени скуки, въ кот[орой] я вчера послѣ обѣда находился, тотъ живо могъ бы себѣ представить, какое дѣйствіе произвели на меня слова сіи. —

28 Сентября/10 Октября. Понедѣльникъ. Вчера въ 9 часовъ вечера возвратился въ Геттингенъ изъ Эрфурта. Я не сожалѣю, что съѣздилъ въ Эрфуртъ и напротивъ того доволенъ этимъ. Чтобы напомнить это себѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и чтобы держаться моего обыкновенія записывать все, я хочу записать въ *моей Бѣлой книгѣ* и это.

---

1) Дѣйствительно весь листъ тетради въ этомъ мѣстѣ дневника покрытъ рыжими пятнами, остатками слезъ.

Въ прошедшій вторникъ, позавтракавши хорошо у Коха, въ 11 ч. утра сѣли мы съ Н. И. Бутырскимъ въ почтовую коляску и поѣхали въ Эрфуртъ [1]) (по экстра-почтѣ).

Съ нами выѣхалъ за городъ одинъ здѣшній Генезіусъ. Во время нашего выѣзда погода была пасмурна. Спустя нѣсколько часовъ пріѣхали мы въ Heiligenstadt, 3 ½ отъ Геттингена. Тутъ остановились мы въ трактирѣ Zum Deutschen Kaiser, велѣли подать себѣ чего-нибудь ѣсть, и намъ подали нѣсколько кусковъ очень хорошаго гуся. Мы поѣли съ большимъ апетитомъ и спросили еще. Давно, думалъ я, давно такъ не завтракалъ я. Позавтракавши, товарищъ мой пошелъ ходить по городу и, возвратившись, сказалъ мнѣ, что въ Ратгаузѣ праздникъ, что тамъ танцуютъ и проч. [2]). Я пошелъ туда съ нимъ. Взошелъ въ залу, гдѣ танцовали эти Bürger; очень смѣшны показались мнѣ ихъ пляска и наряды. Иной въ зеленомъ кафтанѣ, кот[орый], какъ говорятъ, бьется по пятамъ, гордо вальсируетъ съ толстою, красною дѣвкою, въ столь же смѣшномъ нарядѣ, и которая манерится, дурачится, чтобы показать свое искусство. Одинъ передъ другимъ хотѣлъ показать свое мастерство въ танцахъ. Долго смотрѣлъ я на нихъ и наконецъ, засмотрѣвшись, позабылся и думалъ, что я въ маскерадѣ. Оттуда пошелъ назадъ въ трактиръ, у воротъ кот[ораго] стояла уже для насъ маленькая коляска (chaise); лѣвое переднее колесо было изломано и связано цѣпью. Постиліонъ, привезшій насъ, сказалъ ѣдущему съ нами, что колесо не выѣдетъ даже за городъ. Немного онъ ошибся въ своемъ предсказаніи: колесо изломалось совсѣмъ тотчасъ, какъ скоро мы выѣхали изъ города. Кусокъ шины съ трехъ или четырехъ спицъ свалился, и мы ѣхали на спицахъ, но

---

1) Отъ поѣздки въ Эрфуртъ сохранился листокъ, исписанный карандашомъ и приклеенный къ полямъ рукописи около этого мѣста (86 листъ); содержаніе его слѣдующее: *5 Окт. Середа. Ерфуртъ.*—Не даромъ пріѣжжали мы сюда. Сюда пріѣхали мы часовъ въ 11 утра сегодня и стали въ трактирѣ. За большую комнату платимъ 2 тал. Сейчасъ пришли изъ-за города. Тамъ видѣли нашего Императора и Французскаго: хорошо разсмотрѣли. Они смотрѣли Французскій полкъ: пальба была славная. Подъ Фр[анцузскимъ] Имп[ераторомъ] лошадь показалась мнѣ очень простою, но она скакала по полю прытче всѣхъ. Нашего вел. князя также давича по утру видѣлъ, а на смотрѣ не видѣлъ. Имп[ераторъ] Фр[анцузскій] сперва сѣлъ въ карету у своего крыльца, поѣхалъ прежде къ брату своему, Вестфальскому королю, оттуда еще куда-то, а потомъ и къ нашему Императору. Оттуда поѣхали вмѣстѣ верхами. Солдаты [кричали] по окончаніи смотра: vive l'Empereur! Фр[анцузскій] Имп[ераторъ] одѣтъ былъ очень просто: мундиръ безъ шитья, шляпа маленькая безъ пера и проч. *7 Октября. Пятница.* Послѣ обѣда. Вчера было намъ довольно скучно цѣлые послѣ обѣда, потому что оба Императора отсюда уѣхали въ Веймаръ для охоты. Сказываютъ, что пріѣдутъ завтра. Сегодня былъ въ Августинскомъ монастырѣ. Вчера по утру былъ у графа Толстаго; принялъ кажется хорошо. Говорилъ, чтобы я пріѣжжалъ учиться въ Парижъ; при прощаньѣ сказалъ, что *онъ мнѣ и въ Геттингенѣ* можетъ быть полезенъ». 2) Въ рукописи къ этимъ словамъ на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Въ это время была свадьба. Бывшіе гости, хотѣвшіе танцовать у жениха или у невѣсты, пошли для того въ Ратгаузъ».

наконецъ и спицы изломались, и извощикъ подтормозилъ колесо такъ, чтобы оно тащилось на остальной дугѣ шины. Въ тріумфъ съ такими вареяціями ѣхали мы съ милю, и доѣхавши до одной деревни, постиліонъ остановился въ деревнѣ Geislen, чтобы найти колесо; онъ его не нашелъ, и мы рѣшились ѣхать верхомъ на тѣхъ лошадяхъ, кот[орыя] везли насъ. Намъ сыскали два сѣдла, и [мы] поѣхали; постиліонъ взялъ у своего товарища Stalkamerade лошадь и поѣхалъ съ нами. Мы ѣхали очень хорошо и часовъ въ девять пріѣхали въ *Dingelstadt*, слишкомъ миля отъ Geislen'a. Станція за станціею, и такимъ образомъ мы пріѣхали въ полдень въ Эрфуртъ и остановились въ трактирѣ подъ вывѣскою *Шелендорнъ*[1]). Тутъ платили мы за ночь за изрядную комнату 2 тал. (Прусскихъ), за хорошій обѣдъ $\frac{1}{2}$ тал., за вино дороже, чѣмъ въ Геттингенѣ, за кофе кажется тоже.

Въ трактирѣ сказали намъ, что послѣ обѣда оба Импер[атора] будутъ *смотрѣть* полкъ за городомъ. Мы пошли къ Наполеонову дому (гдѣ онъ живетъ, которой называется Gouvernements Gebäude). Тутъ сказали намъ, что Имп[ераторъ] поѣдетъ скоро верхомъ. Мы остановились, ждали, видѣли какъ Императоръ выѣхалъ, но не верхомъ, а въ каретѣ. Онъ заѣхалъ къ какому-то королю, оттуда къ брату своему, королю Вестфальскому, оттуда еще куда-то и наконецъ къ нашему Императору. Народу довольно бѣгало за его каретой. У нашего Императора побылъ онъ съ полчаса или болѣе, и оттуда оба поѣхали верхомъ за городъ. Тутъ я довольно изрядно видѣлъ нашего и Франц[узскаго] Императоровъ. Подъ Наполеономъ была лошадь очень простая съ виду, съ хвостомъ, однакожь послѣ видѣлъ я, какъ прытко она скачетъ, и узналъ, что она арабская. Полкъ стоялъ на полѣ, Императоры поѣхали туда. Мы сперва стали на валу, кот[орымъ] окруженъ городъ; тутъ много было народу, однакожь оттуда не хорошо видно было, потому что это было далеко. Мы пошли по большой дорогѣ туда, гдѣ все происходило и очень хорошо разсмотрѣли обоихъ Импер[аторовъ], когда они стояли на одномъ мѣстѣ, и полки пѣхотной и гусарской проходили мимо и салютовали имъ. Во время этого смотра была оружейная и пушечная пальба. Одинъ баталіонъ палилъ хорошо, а другой дурно; одинъ изъ капитановъ послѣдняго говорилъ мнѣ на другой день, что это происходило отъ того, что Импер[аторъ] (Фр[анцузскій]) былъ всегда передъ фрунтомъ, что солдаты смотрѣли на него и робѣли. По окончаніи смотра поѣхали Императ[оры] назадъ въ городъ. Я стоялъ на валу, и полкъ пѣхотный проходилъ мимо. На другой день, когда мы были еще въ постели, чистильщикъ сапоговъ или

1) На поляхъ рукописи въ этомъ мѣстѣ написаны слѣдующія слова: «Графиня Молкъ... К. П. въ Берлинѣ на балѣ».

трактирный служитель сказалъ намъ, что Императоры ѣдутъ въ 10-ть часовъ на охоту въ Веймаръ, что туда идетъ очень много народу. Мы послали его поискать для насъ коляски, но это было, какъ всѣ они говорили, невозможно. Импер[аторы] уѣхали, и въ этотъ день послѣ обѣда было намъ очень скучно. По утру пошелъ я къ Гр. П. А. Толстому, узнавъ отъ фельд-егеря, гдѣ онъ живетъ. Онъ принялъ меня, кажется, ласково. Говорилъ, чтобы я пріѣжжалъ учиться въ Парижъ въ политехническую школу, звалъ меня обѣдать, я сказалъ, что ѣду въ Веймаръ. «Зачѣмъ?» спросилъ онъ. — Чтобы видѣть Имп[ераторовъ], отвѣчалъ я. «Я ужъ на нихъ насмотрѣлся», сказалъ мнѣ Графъ. Много чести Вашему Сіятельству, думалъ я. — Потомъ сказалъ, что естьли я хочу видѣть хорошенько нашего Государя, то онъ возметъ меня когда-нибудь съ собою и поставитъ меня во дворцѣ (или какъ это назвать) въ комнатѣ, гдѣ я очень хорошо могу насмотрѣться на Государя. Я поблагодарилъ его и простился; онъ при прощаньѣ сказалъ мнѣ: «*Я тебѣ и въ Геттингенѣ могу быть полезенъ*». Я хотѣлъ было попросить у него рекомендательное письмо къ Профессору Герену, но жаль, что послѣ не былъ уже у него. На другой день, т. е. въ пятницу послѣ обѣда, пушечная пальба возвѣстила пріѣздъ Импер[аторовъ]. Мы были тогда на почтѣ и, услышавъ, тотчасъ пошли къ дому, гдѣ живетъ нашъ Импер[аторъ]. Черезъ нѣсколько времяни пріѣхали Импер[аторы] въ открытой коляскѣ четверкою (Jagtwagen). Кучера хотѣли въѣхать въ ворота подъ домъ наш[его] Имп[ератора], но Его И. В. махнулъ рукою, потомъ махнулъ рукою и Наполеону, чтобы остановились у воротъ. Однако передній кучеръ былъ уже почти въ воротахъ и не скоро могъ повернуть назадъ. Тутъ я разсмотрѣлъ очень хорошо Наполеона. Государь нашъ, ставши кажется на подножку, прощался съ нимъ, потомъ когда Наполеонъ сталъ отъѣжжать, то я, оглянувшись, увидѣлъ неподалеку отъ себя нашего Императора, кот[орый] еще простился съ Наполеономъ. Потомъ проскакали 5 или 6 эскадроновъ кирасировъ, кот[орые] стоятъ на караулѣ у двухъ Императоровъ. Черезъ часъ или болѣе Государь нашъ поѣхалъ къ Фр[анцузскому] Имп[ератору] обѣдать, я въ это время также его видѣлъ. Потомъ видѣлъ Великаго Князя Константина Павловича, кот[орый] шелъ пѣшкомъ къ Фр[анцузскому] Имп[ератору]. На другой день я также его видѣлъ, когда онъ шелъ пѣшкомъ къ нашему Императору. Видѣлъ многихъ: Румянцова, А. Н. Голицына, кажется Н. А. Толстаго, Сперанскаго, о кот[оромъ] узналъ уже въ Геттингенѣ изъ письма братнина, видѣлъ одного въ Генеральскомъ мундирѣ съ Александровской лентой и теперь догадываюсь, изъ газетъ, что это былъ Графъ Аракчѣевъ. Видѣлъ Фр[анцузскаго] Генерала *Удино*, какъ мнѣ сказали, и другихъ. Видѣлъ Саксонскаго

короля, принца Примаса, оба старики. О послѣднемъ сказывали мнѣ, что его въ Эрфуртѣ народъ очень любитъ. — Въ субботу, въ половинѣ 2 часа выѣхали съ ординарною почтою изъ Эрфурта. Одинъ изъ пассажировъ, кажется, житель Эрфуртскій или Веймарскій, сказывалъ мнѣ, что въ Эрфуртѣ изъ одной церкви (всѣхъ святыхъ Aller Heiligen), мимо кот[орой] мы проѣжжали, недѣли за четыре выгоняли чорта. Мили за двѣ отъ Геттингена есть славныя скалы, видъ величественный и ужасный. Дорогою на высокихъ горахъ видны еще столбы, кот[орые] во время 30-ти лѣтней, кажется, войны служили для подаванія сигналовъ[1]).

На прошедшей недѣлѣ въ пятницу послано безъ меня, письмо въ Россію — № 5.

29 Сентября. / 11 Октября. Писалъ еще къ брату письмо — № 6-й.

La beauté sans la grace est un appât sans hameçon. La plupart des femmes passent les jours à le procurer des nuits agréables, et les nuits à se procurer des jours tristes.

Rochefocol. Мнѣ сказалъ Rossi.

Рѣчь В. К. *Ер.*[2]) къ депутатамъ Гетт[ингенскимъ] и проч[имъ], кот[орые] поздравляли его, какъ своего новаго К[ороля]:

Je vous remercie pour tout ce que vous me dites. J'espère que mes *nouveaux* sujets auront assez d'attachement, pour remplir les grands bûts, que je me suis proposé. Messieurs, vous ferez desormais partie d'un grand Royaume; je veux, que vous ne soyez à l'avenir ni Allemands, ni Français, ni Hessois, ni Brunsviciens, mais Westphaliens, sujets d'un grand Royaume, qui servira d'exemple pour tous les autres Royaumes de l'Allemagne.

4/16 Октября. Воскресенье. Вчера ввечеру были у меня нѣкот[орые] изъ Русскихъ. А. В. Болдыревъ человѣкъ, кажется, добрый, Ѳ. Я. Рандъ также. Въ 9 часовъ пошли мы къ Коху играть въ пирамиду и проиграли тамъ до 12-го часа. Я всегда былъ въ выигрышѣ: вчера что-то пощастливилось. Сегодня на вечеръ звалъ Бутырскій. Завтра будетъ за $2^1/_2$ мили отъ Геттингена праздникъ по случаю собиранія винограда. Намъ хочется туда ѣхать.

7/19 Октября. Середа. Вчера въ три часа по полудни возвратились мы изъ Вицегаузена. Туда поѣхали мы въ понедѣльникъ въ 11 час. утра вер-

---

1) Болѣе подробно говоритъ Тургеневъ объ Эрфуртскомъ свиданіи Императоровъ въ одномъ письмѣ къ брату Ал. Ивановичу (см. ниже). 2) Т. е. Вестфальскаго Короля Іеронима, брата Наполеона I.

хами. Вицегаузенъ отсюда $2\frac{1}{2}$. Тамъ былъ праздникъ по причинѣ собиранія винограда. Но виноградъ собирали немногіе. — Естьли бы была хорошая погода, то на лугу передъ виноградными горами стали бы танцовать, но по причинѣ дурной погоды этого не было. Въ вечеру былъ балъ въ Ратгаузѣ. За входъ должно было заплатить тал[еръ] специель и 4 добр. гр. съ человѣка ($1\frac{1}{2}$ тал.). За то тамъ можно было даромъ танцовать, подавали даромъ чай и ужинъ. Ужинъ былъ довольно изрядный, но безпорядоченъ. На концѣ ужина кричали очень довольно. Въ Геттингенъ возвращались мы съ нѣкот[орыми] здѣшними студентами. Люди, кажется, добрые, а особливо одинъ, кот[орый] былъ въ Прусской службѣ въ гусарахъ.

Выписки изъ 166. нумера Гамбургскихъ Вѣдомостей.

(Am Sonnabend, den 15 October).

Schreiben aus Paris vom 7. October.

. . . .

. . . .

Die am 3-ten September zwischen dem Russischen Vice-Admiral Seniavin und Admiral Cotton geschlossene Convention ist volgende: Art. 1. Die jetzt im Tajo befindlichen Russischen Kriegsschiffe (9. Linienschiffe und 1. Fregate mit 676 Kanonen un 5685 Mann Equipage), werden dem Admiral Cotton sogleich mit allen ihren Vorräthen ubergeben. Sie werden nach England gesandt und von Sr. Brittischen Majestät in Deposito behalten, und Sr. Russisch-Kaiser. Majestät binnen 6 Monaten nach Abschluss des Friedens zwischen Sr. Brittischen Myestät und Sr. Kaiserl. Majestät aller *Reussen* zurückgegeben zu werden. Art. 2. Vice Admiral Seniavin kehrt mit den Officiers, Matrosen und Sensoldaten unter seinem Kommando nach Russland ohne irgend eine Stipulation oder Bedingung in Betreff ihrer künftigen Dienste zurück. Sie werden auf Kriegsschiffen oder eignen Fahrzeugen auf Kosten Sr. Brittischen Majestät dahin gebracht.

Admiral Cotton schreibt noch, dass der Contre-Admiral Tyler zum Inspector der ersten Division der Russischen Flotte ernannt sei, die er unverzüglich nach Spithead senden werde.

Andre hiesige Journale enthalten Auszüge aus Englischen Blättern, worin man uber das Schanderolle der Convention für England klagt. Wir können uns, sagt unter andern the Times, kaum der Thränen enthalten, wenn wir lesen, dass die Officiers und Matrosen der Russischen Flotte frey nach

Hause geschickt werden sollen, damit sie allenfalls unsern treuen Alliirten, den König von Schweden angreifen können. Unsre Armee in Portugall soll gesiegt haben, und schliesst mit einer geschlagene Armee eine Convention! etc.

Die Stadt Bordeaux hat die Büste des Kaisers zum Geschenk erhalten.

9/21 *Октября. Пятница.* Вчера отослалъ домой письмо — №. 7-й.

10/22 *Субб.* Cassel den 11. Oct.

(Выписка изъ 167 ном. Гамб. Корреспон., отъ 18 окт.).

. . . .

(Объ Эрфуртѣ). Mit wahrer Freude haben die Freunde des Friedens und der guten Ordnung wahrgenommen, dass gegenwärtig die Russischen Officiers, eben so wie die Französischen, zur Bezeichnung ihrer Grade Epauleten tragen. Der Russische Kaiser, der nie von der Seite des Kaisers Napoleon wich, trug beständig, gleich dem Französischen Helden, eine einfache Uniform mit obersten-Epauleten.

13/25 *Октября. Середа. Вечеръ.* (По Erinnerungsbuch). Сегодня послѣ обѣда былъ въ Keilbahn, видѣлъ разныя, довольно хорошія штуки, кот[орыя] дѣланы были на канатѣ. Теперь пришелъ только отъ Коха, гдѣ игралъ въ билліардъ. Въ прошедшую ночь со мной случилось тоже, что и съ *Причудницей* (соч. И. И. Дмитріева). Извѣстно моей Бѣлой книгѣ, что когда на меня приходило бѣшенство, даже и послѣ, то мнѣ непремѣнно хотѣлось возвратиться въ Москву; и въ особенности жизнь въ Геттингенѣ тогда мнѣ сильно опротивѣла. Итакъ въ прошедшую ночь приснилось мнѣ, что я послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія возвратился въ Москву и будто сижу въ кофейной съ знакомыми (NB. Они всѣ были въ томъ же видѣ, — Булатовъ въ томъ же капотѣ — въ какомъ я ихъ оставилъ). Я спрашиваю о томъ, о другомъ; мнѣ отвѣчають то и другое. Но я замѣтилъ, что мнѣ и тамъ скучно, и думалъ: вотъ каково! Я скучалъ въ Геттингенѣ, желалъ возвратиться въ Москву; теперь въ Москвѣ, но и тутъ мнѣ скучно. На это я досадовалъ и вмѣстѣ очень скучалъ. — Слетавши въ Москву, я возвратился въ Геттингенъ и очутился опять на своемъ измараномъ и изорваномъ канапе вмѣсто дивана въ кофейной. — Этотъ сонъ, кажется, на меня подѣйствовалъ и притомъ довольно сильно.

Конецъ моей Бѣлой книгѣ. Насилу измаралъ ее. — Теперь она болѣе уже не *бѣлая*, а *черная*. —

Когда въ Отечествѣ и подъ родимымъ кровомъ
Я разверну *мой Бредъ* во время мрачныхъ дней, —
То вспоминаніе о скучныхъ дняхъ съ симъ словомъ —
Меня утѣшитъ тамъ и въ горести моей! [1]) —

1808.

1.

$\frac{18}{30}$ *Октября. Воскресенье. Вечеръ.* Вотъ уже прошелъ послѣдній день такъ называемыхъ *ферій.* Завтра начнетъ Пр. Гееренъ читать свои лекціи. Я немного приготовился по тетрадямъ Ѳ. Я. Ранда (кот[орыя] мнѣ списываетъ Крамеръ); но все еще предвижу большую, очень большую трудность въ слушаніи лекцій и въ записываніи. Но съ помощію Божіею приступлю къ началу этого важнаго въ жизни моей подвига. Буду очень стараться и прилѣжать: въ этомъ даю себѣ честное слово. Съ начала очень, кажется, охотно я хочу приступать; не знаю, что будетъ впередъ [2]), но почти увѣренъ, что пойдетъ дѣло изрядно, потому что въ Геттингенѣ чтò дѣлать какъ не учиться? — Авось, авось! Авось, можетъ быть, и мы чему-нибудь да научимся! — Но вотъ что меня безпокоитъ: я буду учиться, прилѣжать, но надобно въ свое время имѣть и развлеченіе, а здѣсь я не предвижу себѣ никакого порядочнаго удовольствія: предвижу только послѣ трудовъ одну скуку. Не знаю, какъ пройдутъ эти два года.

$\frac{19}{31}$ *Окт. Понед.* Сегодня послѣ обѣда слушалъ двѣ лекціи у Герена. Первая, о древней Исторіи, была для меня легче, потому что я приготовился по его Compendium, а вторая потому труднѣе, что въ тетрадяхъ, кот[орыя] у меня списаны, нѣтъ вступленія, кот[орое] проходилъ Гееренъ. Читаетъ хорошо и для меня понятно. Мѣсто имѣю я также хорошее, *6 №.* По утру я занимался выписываніемъ различныхъ мѣстъ изъ Гено. —

---

1) Это стихотвореніе вчернѣ было набросано три раза на отдѣльномъ листкѣ, который приклеенъ къ послѣдней страницѣ рукописи. — Здѣсь оканчивается третья книга дневниковъ Тургенева. Прежде чѣмъ купить новую тетрадь, Тургеневъ записывалъ свои впечатлѣнія на отдѣльномъ листкѣ, который сохранился и приклеенъ въ концѣ рукописи. Кромѣ него тамъ сохранилось еще 3 листа, тоже отдѣльныхъ: Мы помѣщаемъ ихъ въ видѣ приложеній (1 — 3). 2) Въ рукописи: «въ передъ».

2[1]).

Понедѣл..	Вторникъ.	Середа.	Четвертокъ.	Пятница.	Суббота.	Воскресенье.
	8—9 у Бенеке.		8—9 у Бенеке		8—9 у Бенеке	
11—12 Росси	11—12 Росси	у Вундерлиха [2])	11—12 Росси	11—12 Росси	11—12 у Вундерлиха	
3—5 у Герена	3—5 у Герена	3—5 у Герена	3—5 у Герена	3—5 у Герена		
(Mittwoch Donnerstag	Sonnabend Freitag	—X—XI —5—6.)	5—6 у Вундерлиха.	5—6 у Вундерлиха.		
Понедѣльн.	*Вторникъ.*	*Середа.*	*Четвергъ.*	*Пятница.*	*Суббота.*	
	8—9 Бенеке.		8—9 Бенеке.		8—9 Бенеке.	
11—12 Росси	11—12 Росси		11—12 Росси	11—12 Росси		
3—5 Геренъ	3—5 Геренъ	3—5 Геренъ	3—5 Геренъ	3—5 Геренъ		
			5—6 Вундерлихъ	5—6 Вундерлихъ		
		10—11 у Вундерлиха.			10—11 у Вундерлиха.	

3.

Часть вторая.

Управленіе Государства.

(Т. е. о средствахъ употреблять власть верховную для достиженія цѣли Государства).

Введеніе.

(Общее обозрѣніе).

О раздѣленіи управленія Госуд-го.

a) права.

b) полиція.

c) финансы.

О законахъ.

О чиновникахъ.

---

1) Это росписаніе лекцій и уроковъ Н. И. Тургенева въ Геттингенѣ въ 1808 г. 2) Надъ этимъ словомъ были написаны и потомъ перечеркнуты цифры: 11—12.

Глава I. *О правахъ*[1]).

Отд. I) О правахъ одного Госуд-ва въ отношенiи къ другимъ.

Право народное.

Равновѣсiе Европы.

Средства защиты.

О войнѣ.

О завоеванiяхъ.

О мирѣ.

Отд. II) О взаимныхъ правахъ гражданъ или о правосудiи (iustitia).

Обеспеченiе правъ (Privat-Recht)

Наказанiе. (Straf-Recht)[2]).

1. Обеспеченiе правъ.
1. Образованiе учебное.
2. Независимость судей.
3. Право отстранять судей.
4. Право жалобы на беззаконность судей.
5. Гласность и открытые суды[3]).

Правильное распредѣленiе судовъ.

Сверхъ сего:

1) Гiерархiя, подчиненность судовъ.
2) Гражданскiе и уголовные суды.
3) Военные и гражданскiе.
4) Коммерческiе.
5) Для высшихъ чиновниковъ[4]).

2. Наказанiе.

О преступленiяхъ и проступкахъ вообще[5]).

---

1) Къ этому слову сдѣлано сбоку примѣчанiе: «Th. II. Полицiя. Th. III. Финансы». 2) Далѣе въ рукописи зачеркнуты слѣдующiя слова: «О законахъ, о судьяхъ, судопроизводствѣ и распредѣленiи судилищъ». 3) Далѣе зачеркнуто: «О скорости судопроизводства». 4) Далѣе въ рукописи зачеркнуты слѣдующiя слова: «О правѣ частномъ. (Handhabung des Privat-Rechts)». 5) Послѣднiй листъ приложенiй (4) представляетъ изъ себя списокъ 17 французскихъ, исключительно юридическихъ словъ, съ переводомъ на русскiй языкъ (не всѣхъ однако). Мы приводимъ ихъ здѣсь въ примѣчанiи. «Avocat—адвокатъ; greffier—регистраторъ или лучше секретарь; avoué—стряпчiй; chambre—Палата, отдѣленiе; juge de paix—судья мира, примирительный судья, мирной судья; cour de Cassation; rapporteur — докладчикъ; section des requêtes — отдѣленiе прошенiй; section civile — гражданское отдѣленiе; contravention — défaut de ramonage, de propreté; délit; crime; régie des domaines; huissier; chambre du conseil; cour d'assises; pouvoir discrétionnaire». —

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

(1808—1810 гг.).

Свободныя Минуты Геттингенскія.

1808.

27 Октября.
8 Ноября.

Геттингенъ.

Николай Тургеневъ.

(Кончена 22 Іюля 1810).

Разныя мѣлочи,

касающіяся

до

Исторіи вообще.

1808.

Николай Тургеневъ.

19/31 Октября.

Понедѣльникъ,

день въ который Про. Геренъ на-

чинаетъ свои лекціи.

Геттингенъ.

Когда по вечеру, уставши отъ работы,
Въ минуты праздныя возмусь я здѣсь писать;
Тогда къ ученью мнѣ не будетъ[1]) ужъ охоты:
На умъ что мнѣ взбредетъ, я буду то марать.

27 Ок[тября].
8 Нояб.

27/8. Сегодня былъ у Бенеке. Отъ него зашелъ къ А. В. Болдыреву. Посидѣлъ у него и пришелъ домой. Въ прошедшую субботу ѣздилъ смотрѣть сѣчу двухъ студентовъ. Не важная. Дрались безо всякихъ правилъ; Вестфалецъ очень горячился, и Меклембурецъ его ранилъ. Мнѣ хотѣлось здѣсь это посмотрѣть. — Вчера у Геерена на лекціи я очень много записывалъ и порядочно. Не знаю, какъ-то удалось. — Вчера въ Гамбургскихъ газетахъ читалъ рѣчь Наполеона къ законодательному сословію, гдѣ онъ говоритъ, что Провидѣніе столько ослѣпило Англичанъ, что они, отказавшись[2]) отъ владычества на моряхъ, вздумали выставить свои арміи на твердой землѣ. Бенеке мнѣ сказывалъ, что на слова Наполеона, что *онъ дѣлаетъ пожертвованіе для завоеванія Гишпаніи*, одинъ изъ Министровъ отвѣчалъ въ своей рѣчи, что въ семъ случаѣ (т. е. что касается, кажется, до пожертвованія) Наполеонъ сдѣлался *больше* самого себя. Послѣ читалъ я въ газетахъ рѣчь этого Министра la Fortaine. Тамъ не такъ сказано. —

Бенеке учитель очень хорошій, и тѣмъ лучше для меня, что я учусь у него вмѣстѣ и по-Нѣмецки. —

Вчера въ вечеру пришла мнѣ мысль о молебнахъ (не знаю что такое). Они соединяются, проливаютъ слезы предъ Престоломъ того, кто имъ неизвѣстенъ; призываютъ, благодарятъ, и ихъ клики раздаются только по сводамъ церковнымъ. —

27./8. *9 часовъ вечера.* Сей часъ ушелъ отъ меня de Rossi. Приходилъ получить остальные 28 маріиныхъ грошей за этотъ мѣсяцъ. Разсказывалъ

---

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: «марать». 2) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано. «entsagen».

анекдоты и между прочимъ одинъ. Однажды въ Италіи было подобное произшествіе ночи св. Варѳоломея въ Парижѣ, извѣстное подъ имянемъ: vêpres Siciliennes[1]), въ то время, когда зазвонили къ вечернѣ, то, по условію, въ нѣсколько часовъ перерѣзали 22000 французовъ. И однажды Людовикъ XIV сказалъ Неаполитанскому Посланнику, что онъ желалъ бы побывать въ Италіи. «О, ваше Величество будете приняты тамъ со всѣми должными почестями», отвѣчалъ Посланникъ.—Да, но я приду туда съ 100,000 человѣкъ войска. Je dinerais[2]) (кажется), j'entenderais la messe à Rome et je dinerois à...[3]) (кажется).— Et de là ne voudra-t-Elle pas passer entendre les vêpres Siciliennes?[4])—Хорошо!—Пора спать. 9 часовъ сей часъ било, а въ Геттингенѣ — 9 часовъ тоже почти, что въ Москвѣ 11 или 12. —

$\frac{21}{9}$ *Ноября*[5]). *Понедѣльникъ*. Въ прошедшій вторникъ было здѣсь большое торжество по причинѣ дня рожденія Вестфальскаго Короля Ер.[6]) — Наканунѣ охриплый крикунъ запретилъ народу работать подъ опасеніемъ 5 талеровъ штрафа. Я ходилъ въ церковь. Она была полна Нѣмецкаго народа, кот[орый][7]) всегда и вездѣ останется Нѣмецкимъ народомъ. Нѣкоторые стояли въ шляпахъ; солдаты подлѣ олтаря въ шляпахъ, студенты съ собаками, пасторъ на колѣнахъ просилъ Бога о низпосланіи щастія Отцу Отечества. Но Нѣмцы — чего не въ состояніи дѣлать эта шушера! Въ вечеру Ратгаузъ, Домъ Консиліума, Префектуры и нѣкоторыхъ чиновниковъ были освѣщены. Въ Ратгаузѣ горѣлъ щитъ, гдѣ былъ изображенъ бюстъ Короля съ подписью, кажется pater patriae. Геній какой-то держалъ надъ его головой вѣнокъ. — Пониже, сказалъ я Ранду, — еще пониже. — Оттуда пошелъ съ Данилевскимъ и Рандомъ въ ложу на хоры, въ залу къ Коху, гдѣ былъ балъ. Тутъ опять полюбовался просвѣщенными Нѣмцами. Танцовали, пили, ѣли, веселились. Нѣкоторые студенты Вестфальскіе франтили въ своихъ мундирахъ de la garde[8]) d'honneur, кот[орые] носить право получили они за то, что подъ предводительствомъ здѣшняго берейтера и какого-то фабриканта они встрѣчали Короля и провожали. — О Нѣмцы! — Понжераръ говорилъ Данилевскому во вторникъ: Aujourd'hui toute la canaille de Göttingue s'assemblera... и что Нѣмцы не хотѣли праздновать рожденіе Короля; mais lorsqu'on leur promirent du brandwein et un tonneau de bière, то они...

Вчера цѣлые послѣ обѣда я игралъ въ бостонъ подъ руководствомъ А. И. Данилевскаго. Сперва не понималъ я, какъ люди могутъ такъ долго

1) Въ рукописи написано: «vêpres Sitiniens». Очевидно, Тургеневъ говоритъ здѣсь о Сицилійской Вечернѣ 1282 года. 2) Въ рукописи далѣе зачеркнуты слова: «à Naples». 3) Въ рукописи здѣсь зачеркнуто слово: «Venise». 4) Въ рукописи: «Seciliens». 5) Въ датѣ ошибка: надо: $\frac{28\ \text{Окт.}}{9\ \text{Нояб.}}$ 6) Т. е. Іеронима, брата Наполеона I. 7) Въ рукописи послѣ этого слова сверху приписано «NB». 8) Въ рукописи: «guarde».

сидѣть за картами, а теперь вижу, что это очень весело. Оттуда пошли было въ Ulrich's Garten, но ничего тамъ не застали. Ужинали у Коха и очень изрядно. Домой пришли въ часъ. Въ обѣ эти субботы я былъ въ концертѣ, а послѣ въ клубѣ, въ кот[орый] записаны Курляндцы, Шведы и Померанцы. Вчера была тамъ страшная возня между студентами и много скверности. —

$\frac{11}{23}$ *Ноября. Середа.* Вчера у меня былъ маленькой бостончикъ. — Сегодня былъ у меня Вейденгамеръ и сказывалъ мнѣ, что онъ былъ призыванъ къ Проректору Ейхгорну въ разсужденіи его дѣла, но что онъ все свалилъ на Адама Фабриціуса. Ему Проректоръ показывалъ реэстръ всѣхъ тѣхъ, которые присудствовали въ Разе-мюле, но только не записаны мы и еще нѣкоторые. Рандъ сказалъ мнѣ нынче въ разсужденіи этого непріятную вѣсть. Не знаю, правда ли [1]).

Я самъ начинаю примѣчать, что время летитъ непримѣтно. Вотъ что дѣлаетъ дѣятельная жизнь! Вотъ уже мѣсяцъ, какъ начались лекціи, и я не почувствовалъ, какъ прошелъ этотъ мѣсяцъ. Лекціи я слушаю пока очень съ великою охотою; не знаю, что будетъ впередъ — какъ бы не простылъ этотъ жаръ къ ученью. — Иногда я рѣшаюсь остаться здѣсь въ Геттингенѣ какъ можно долѣе (тогда, когда я разсматриваю или разсуждаю о моихъ незначущихъ познаніяхъ). Иногда думаю, что двухъ лѣтъ прожить въ Геттингенѣ не возможно (это тогда, когда скука заступаетъ мѣсто всѣхъ моихъ разсужденій). Но всегда въ томъ и другомъ случаѣ думаю: неужели Природа перемѣнитъ свои законы для того, чтобы наказать меня, неужели эти два года продолжатся цѣлый вѣкъ? — Авось и они пройдутъ, пройдетъ время скучное, — и при сей мысли сладостный лучь надежды проникаетъ въ пустое сердце мое, и я оживаю, смотрю на всѣ предметы, меня окружающіе, и думаю: не вѣкъ буду смотрѣть на васъ; слышу Нѣмецкой языкъ и думаю: ахъ, когда-то услышу я вокругъ себя пріятные звуки родимаго языка! Тутъ опять сердце забьется, и я предаюсь мечтѣ, отъ которой не могу облегчить головы своей. Дышу Нѣмецкимъ воздухомъ и мнѣ кажется, что онъ не пріятенъ, не здоровъ, что свободно дышать можно только въ Россіи. — Сердце, вѣщее сердце, опять напоминаетъ мнѣ, что я мечтаю напрасно. — Бѣдное сердце, для чего, по крайней мѣрѣ, ты не имѣешь здѣсь такого предмета, при взглядѣ на котораго ты бы затрепетало! и тогда напоминаніе твое не то бы значило. —

Иногда я представляю себя существомъ, брошеннымъ въ средину всѣхъ людей: все вокругъ меня живетъ, все движется, можно прибавить: все куритъ

---

1) Въ рукописи на поляхъ противъ этихъ словъ написано: «Зебальдъ».

табакъ или педантствуетъ, или дурачится, все волнуется, все стремится къ своей цѣли,—и я смотрю на нихъ хладнокровно (и почелъ бы себя щастливымъ въ теперешнемъ моемъ положеніи, естьлибы нѣкоторыя домашнія обстоятельства не тревожили меня, или естьлибы я имѣлъ здѣсь человѣка, котораго бы любилъ болѣе самого себя). Все это можетъ привести меня въ нѣкоторый родъ очарованія, и одумавшись скажу:

Какъ будто странникъ утомленный
На берегу морскомъ стоитъ
И, волнъ свирѣпствомъ удивленный,
На бурный океанъ глядитъ.

Глядитъ, но не съ тою мыслію, съ какою предполагаетъ Руссо, что жители Швейцарскихъ горъ смотрятъ внизъ[1]) на судьбу себѣ подобныхъ и радуются, что они не такъ нещастливы, т. е., можно прибавить, что они радуются нещастіямъ себѣ подобныхъ. Я давно написалъ въ моемъ *Бредѣ*, что эта мысль Руссо похитила у меня много почтенія къ нему.

$\frac{21}{3}$[2]) *Суббота*. Сегодня пришла мнѣ мысль сходить послѣ обѣда съ Картушемъ въ Венде. Я произвелъ мысль сію въ дѣйство. Въ первомъ часу взялъ свою любимую палку и любимый чубукъ къ трубкѣ, отправился въ Венде. Дорогою шелъ по страшной грязи; но шелъ, думалъ, приклоня голову долу, и кое-какъ добрался до Венды. Тамъ засталъ Кайзеринъ спящую, спросилъ кофе. Мнѣ подали, и я, какъ натурально слѣдуетъ, сталъ пить. Кайзеринъ пряла, я говорилъ съ нею и шутилъ. — Выпивши свое кофе и давши молока своему товарищу, пошелъ назадъ въ Геттингенъ. — Грязь показалась мнѣ еще большею. Я курилъ трубку и все шелъ. Стоявшіе или лежавшіе камни пригласили меня отдохнуть. Я сѣлъ, все курилъ, смотрѣлъ на проѣжжающихъ мужиковъ и думалъ. — Невольный вздохъ прервалъ мои мысли: вздохнулъ и подумалъ о теперешнемъ своемъ состояніи. Тутъ сердце мое невольно разтрогалось: я вздумалъ о своей родинѣ и о прошедшемъ. Одна такая мысль (такого рода) влекла за собою другую подобную.— Наконецъ докуренная трубка возвѣстила мнѣ, что я засидѣлся и задумался. Я опять вздохнулъ и пошелъ. Пришелъ домой, поигралъ въ бостонъ и пошелъ въ концертъ. Тутъ меня ни что не веселило. Въ концѣ, кажется, одинъ изъ студентовъ началъ играть концертъ на скрипкѣ. Знакомые и пріятные звуки начали отдаваться въ моихъ ушахъ и что же: я вслушался и узналъ, что онъ игралъ *Камаринскаго*. Я вскочилъ, пошелъ къ Ѳоркелю, между тѣмъ

Въ рукописи: «въ низъ». 2) Т. е. $\frac{21 \text{ ноябр.}}{8 \text{ декаб.}}$

какъ Данилевскій восхищался уже, говоря съ нимъ. Ѳоркель сказалъ мнѣ, что это концертъ Роде, сдѣланный изъ Русской пѣсни. Я порадовался, растолковалъ Блезе и другимъ слова этой пѣсни и по окончаніи просилъ съ Данилевскимъ (между тѣмъ какъ я сильно уже аплодировалъ) Вормса поблагодарить отъ нашего имяни игравшаго. —

Изъ концерта пошелъ въ свой клубъ. Тутъ опять сѣли въ бостонъ. Студенты поорали и ушли. Я съ Болдыревымъ и Рандомъ пошли гулять по улицамъ. Намъ встрѣтилась толпа студентовъ. — Мы подошли къ нимъ и узнали, что они хотѣли давать серенаду передъ окошками одного Brifträger'а. Они играли и пѣли. Шнуры, или нынче ужъ солдаты, подходили къ нимъ и говорили, что надобно перестать. Студенты не слушались. Оттуда пошли давать серенаду къ Hübler, оттуда къ Ринкъ, немного къ Боне и къ Тиксену. Шнуры сначала на нихъ все смотрѣли. Пѣли очень изрядныя пѣсни и, къ удивленію, не орали. Оттуда они пошли, кажется, на алею, а я домой.— Пришелъ домой и опять думалъ и теперь думаю о своемъ теперешнемъ состояніи. — Я одинъ, думаю я, этого довольно — *я одинъ*, и при семъ словѣ невольный вздохъ вылетаетъ изъ моего сердца. 2 часа ночи. Пойду спать,— но что-то грустно немного.

11 Декаб. по нов. — Воскресенье. Утро. Сижу дома. Мнѣ скучно. Читалъ разныя піэсы въ Elégant le trait (sic). Потомъ не знаю, отъ чего пришла мнѣ мысль вообще о людяхъ. Сколько, думалъ я, нещастныхъ на семъ свѣтѣ! Или лучше сказать: сколь много нещастливы всѣ люди! Одни нещастные поклонники славы. Она первый предметъ ихъ желаній, ихъ дѣйствій, она и богиня[1]), она для нихъ все. Нещастные (гоняются за нею) ищутъ ее: иной въ поляхъ, иной на каѳедрѣ, иной на престолѣ, иной на бумагѣ, иной на улицахъ, иной въ борделяхъ, иной у себя на печкѣ. Всѣ ищутъ, и никто не находитъ истинной, постоянной, о которой они не имѣютъ даже яснаго понятія. Тщетны труды блуждающихъ. Люди! люди! престаньте раздирать нѣдра свои и напоять землю кровію вашею себѣ подобныхъ. Взгляните, взгляните на своихъ собратій человѣковъ, утопающихъ въ пучинѣ золъ и нещастій. Постыдитесь самихъ себя, собственнаго своего безумія! Многіе изъ нихъ не имѣютъ, гдѣ главы приклонить, между тѣмъ какъ вы пресыщаетесь прелестями сладострастія и всѣми возможными (избытками) выгодностями жизни. Бросьте одинъ только взглядъ на этихъ бѣдныхъ тварей и спросите, что скажетъ вамъ сердце ваше, естьли оно не перестало еще биться отъ пресыщенія вашего во всѣхъ порокахъ, т. е. естьли оно имѣетъ хотя искру

1) Въ рукописи надъ этимъ словомъ написано: «богъ».

состраданія, естьли оно бьется, естьли оно чувствуеть. А вы, невинныя творенія, обожающія то, чего сами не знаете и знать не можете! Смотрите на людей, на жизнь ихъ и говорите, что есть Провидѣніе! Каждый день приноситъ вамъ съ собою доказательства въ вашемъ невѣденіи и суевѣріи. —

Но — голосъ сердца говоритъ мнѣ:

Люди всегда останутся людьми.

Нѣтъ! Надобно стараться пріучить себя презирать всѣмъ на свѣтѣ и вознестись выше всѣхъ предразсудковъ людскихъ; но люди злы.

21 Декаб. 1808. / 2 Января 1809. Въ Геттингенѣ начали уже щитать другой годъ. Черезъ нѣсколько дней будутъ щитать и въ Россіи, а я такъ давно не писалъ въ своихъ *Свободныхъ Минутахъ*. Причиною этому главною была лѣность, а притомъ и праздникъ нашъ. Какъ восхищаются Геттингенскіе жители нашимъ праздникомъ! Да и подлинно, всѣ были и сыты и пьяны. Старый Генералъ Лестокъ смѣшилъ меня. Естьлибъ я самъ былъ на веселѣ, то я бы не такъ замѣчалъ его проказы, но мнѣ некогда[1]) было веселиться такимъ образомъ: я веселился тѣмъ, что все идетъ порядочно и всѣ довольны. Праздникъ сталъ намъ около 550 талер. Мы не думали, чтобы было такъ много. Посторонніе полагаютъ, что гораздо болѣе. На канунѣ новаго года были на улицахъ большіе спектакли. Ввечеру, съигравши нѣсколько партій въ Caffe Hause на Rotter-Strasse, пошли мы ужинать къ Коху, потомъ въ нашъ клобъ. А такъ какъ въ эту ночь запрещено было долѣе 10 часовъ оставаться, то меня и другихъ пригласили итти встрѣчать Новый Годъ въ комнатѣ одного студента, недалеко отъ Коха. Тамъ студенты пили и пѣли. Я тоже дѣлалъ. Иногда одинъ другому скажетъ: Gelehrter Herr,—за это на дуэль на рюмкахъ; кто побѣжденъ — кричатъ: Verstiess gemacht! — и онъ долженъ expier этотъ грѣхъ осушеніемъ нѣсколькихъ стакановъ пуншу, вина или воды. Въ первомъ часу я пошелъ съ Клапмейеромъ по улицѣ. У карцера услышали шумъ. Шнуры спорили съ студентами. Потомъ собралось поболѣе студентовъ. Многіе вмѣшались въ шумъ. Шнуры начали толкать ихъ съ площади. Потомъ Циммерманна, Рефельда, Пабста и другихъ шнуры отвели въ карцеръ. Первые двое ни въ чемъ не были виноваты, о послѣднемъ не знаю. Это показалось для меня несносно. Поганый солдатъ можетъ таскать студентовъ и вообще такъ грубо съ ними обращаться. Нѣкоторые пошли къ Проректору, и они были выпущены. Потомъ все еще шумѣли по улицамъ, шнуры разгоняли студентовъ. Домой пришелъ я въ 3-мъ часу. Многихъ студентовъ ранили шнуры штыками. Между прочимъ, говорятъ, и Кастальскаго. —

1) Въ рукописи: «нѣкогда».

Вчера послѣ обѣда поѣхали мы съ Данилевскимъ верхомъ. За Гейсмарскими воротами встрѣтили Ранда и Тимковскаго, который былъ довольно пьянъ. Поѣхали въ Венде. Тамъ были все студенты. Побывши тамъ, поѣхали въ Нörденъ: здѣсь поужинали и поѣхали черезъ Венде домой. Романъ смѣшилъ насъ дорогою очень довольно. Всѣ привязаны къ его дому: Безбородко, Заводовскій; отецъ его былъ часто при дворѣ... Какъ фамилія Тимк[овскихъ] дѣлаетъ честь Университету, и очень много тому подобнаго... Въ десятомъ часу пріѣхалъ я домой.

25 Декаб. 808. / *6 Январ. 809.* Сегодня у насъ на Руси праздникъ Рождества Христова. При этой мысли все мнѣ живо представляется. Наприм[ѣръ], въ Москвѣ почти каждый беретъ участіе въ праздникѣ, а поутру рано видны одни только лакеи, кот[орые] ѣздятъ съ визитными карточками. Рано всѣ идутъ къ обѣднѣ [1]). Потомъ видно, что одѣтые въ праздничныя платья идутъ по улицамъ. Ходятъ въ гости другъ къ другу. Потомъ видны попы, монахи и монахини, кот[орые] катаются по улицамъ, когда ѣздятъ со крестами. Я конечно бы мало или совсѣмъ не веселился теперь тамъ на праздникѣ, но по крайней мѣрѣ можно радоваться, смотря на другихъ веселящихся; а здѣсь и этого-то удовольствія имѣть нельзя. Все мертво и уныло. Все произростаетъ для собиранія денегъ и картофеля. — У насъ теперь громогласные діаконы провозглашаютъ: *Рождество Твое, Христе, Боже нашъ;* а здѣсь какой нибудь Геренъ будетъ разсказывать дѣянія Александра Великаго, критикуя ихъ своимъ образомъ, и будетъ врать про Французскую революцію и вмѣстѣ говорить свои Нѣмецкіе бон-мо. — Какая разница! — Право, лучше бы теперь послушать первое, нежели второе. Желалъ [бы] побывать теперь въ Москвѣ. Здѣсь и въ новый годъ (большой праздникъ у Нѣмцовъ) ничто не веселилось, только, кажется, перестало шить сапоги и дѣлать колбасы и сосиски

25/6 Пятница. И я праздновалъ нашъ Праздникъ. Былъ у Герена на лекціи Онъ говорилъ сегодня о Французской революціи. Какъ подумаешь о людяхъ, что за звѣри! — Естьлибы было теперь на свѣтѣ какое нибудь другое существо съ разсудкомъ, непричастное всѣмъ людскимъ порокамъ; и естьлибы разсказать ему различныя подобныя дѣла человѣковъ — что бы оно подумало о существахъ, которыя имѣютъ такую душу, какъ люди? Или лучше, естьлибы привести дикаго, невиннаго сына Природы и естьлибы поставить его по срединѣ людей и показывать ему ихъ варварскіе, безразсудные поступки,—то онъ нашелъ бы сходство между ними и дикими звѣрями, съ ко-

1) Въ рукописи: «къ обѣдни».

т[орыми] онъ живетъ, предпочелъ бы звѣрство первыхъ, и вѣрно бы захотѣлъ возвратиться въ свои лѣса и предпочелъ бы жить между тварями дикими и жестокими по природѣ, нежели между такими, кот[орыя] получили отъ Природы нѣсколько разума, и это-то нѣсколько употребляютъ на то, чтобы съ большимъ варварствомъ, нежели звѣри, нападать на себѣ подобныхъ.

Понедѣльникъ. — Естьлибы не искра надежды, оставшаяся въ унылой душѣ, иногда воспламеняла сердце мое, то не знаю, во сколько бы разъ грустнѣе, скучнѣе мнѣ было жить въ Геттингенѣ. Но надобно отдалять отъ себя эту мысль, иначе ничто на умъ не пойдетъ. Иногда бы бросилъ все, только бы бросить вмѣстѣ и скуку, кот[орая] часто, особливо теперь отвлекаетъ меня отъ всѣхъ малыхъ удовольствій, которыя я нахожу въ четырехъ стѣнахъ моей комнаты. Но пусть идетъ такъ, какъ хочетъ случай. Авось когда нибудь и мое сердце, совершенно отвыкшее (или лучше сказать и непривыкавшее) отъ живыхъ, истинныхъ удовольствій, почувствуетъ радость и удовольствіе и будетъ биться живѣе и радостнѣе. Однообразіе и одиночество совершенное становятся трудными для меня. — Авось! —

1809. Январь. 11 часовъ ночи. Опять принялся за † походы[1]) (переводить Геренову книжку). Съ начала теперь охотно, тѣмъ болѣе, что я почувствовалъ уже, что теперь болѣе знаю по Нѣмецки, нежели въ Октябрѣ прошлаго 1808 года. Геттингенъ день ото дня дѣлается для меня отвратительнѣе. Не предвижу ни одной пріятной минуты, кромѣ чаю и ужина. Горькое утѣшеніе, когда оно относится только до чувственности. Но зато выѣду уже отсюда съ головой, которая будетъ не такъ пуста, какъ прежде[2]). Вотъ утѣшеніе!.. Еще — надежда жить въ Россіи. Не обманите меня, пріятныя мечты легкаго моего воображенія, не обманите! —

Свѣча вся, пора спать. Какъ-то кончится Данилевскаго дѣло, меня это очень безпокоитъ. Досадно будетъ, очень, очень досадно, какъ Marcort......[3])

21 Января / 2 Февраля. Четвергъ. Бьетъ полночь. Пора оставить крестовые походы и ложиться спать. Эту недѣлю я почти ничѣмъ не занимался; причиною этому безпокойство о векселѣ; досадно потерять что называется *ни за что ни про что* 500 р., особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ больнаго моего кармана. Но я положилъ себѣ за правило не думать о поганыхъ денгахъ. Дѣло-ста наживное. Тотъ не разбогатѣетъ, которой присвоитъ себѣ мой вексель, а я не раззорюсь. Вотъ Русская нравственность. — Геттингенъ для меня скученъ, но мысль, что я когда нибудь уѣду отсюда, подкрѣпляетъ мое терпѣніе.

---

1) Т. е. крестовые походы. 2) Въ рукописи: «преждѣ». 3) Многоточіе въ рукописи.

Пріятная надежда! Пусть обманусь въ моихъ очень сбыточныхъ видахъ, но по крайней мѣрѣ ты будь всегда моимъ утѣшеніемъ.

Въ надеждѣ жить мы и умремъ! Сказалъ я нѣкогда. Но тогдашняя Желтая Книга имѣла для меня болѣе утѣшенія, нежели эта пестрая.

27 Января. / 8 Февраля. *Середа.* Я теперь въ безпокойствѣ, въ разсужденіи моего векселя, который пропалъ и вѣроятно, что не найдется; и 500 р. для меня потеряны. Бездѣлица, а теперь мнѣ очень нужная, и эта бездѣлица причиною моего безпокойства. Я боюсь и вспомнить о томъ щастливомъ днѣ, въ который долженъ буду оставить Геттингенъ. Всю скуку я предвидѣлъ, и сердце мое не обманулось въ предчувствіи. Лѣто, вмѣсто пріятностей, кажется, принесетъ съ собою другія непріятности. Менѣе буду заниматься. Въ другомъ мѣстѣ это ничего, а здѣсь занятія суть главная цѣль моя. Естьли это уменшится, то скука соединится съ досадою. Но пройдутъ же когда нибудь $1^1/_2$ или 2 года, думаю я, и съ этою мыслію засыпаю и просыпаюсь. Разстанусь съ Геттингеномъ! и эта мысль меня подкрѣпляетъ. Конечно, послѣ, когда вѣроятно случаться будутъ со мною большія неудовольствія въ Россіи, буду я сравнивать тогдашнюю жизнь съ теперешнею и буду отдавать преимущество теперешней, но тогда будутъ вмѣстѣ и какія-нибудь удовольствія, между тѣмъ какъ здѣсь нѣтъ ихъ совершенно, — нѣтъ ихъ! нѣтъ ихъ! — Бывало минута отрады вознаграждала цѣлые дни скуки! Въ эту минуту забвенія бывалъ я доволенъ! Но здѣсь всего лишенъ. Никакая животворная капля не канетъ на унылое сердце! — Бѣдное сердце! Пріятные звуки не раздаются въ ушахъ моихъ! — Я одинъ — и вотъ приговоръ слѣпаго Провидѣнія! Достоинъ ли человѣкъ такого рода жизни, на который осуждены всѣ здѣшніе жители? Нещастные! Естьли вы не почитаете себя таковыми, то произрастайте и буд[ь]те щастливы въ своемъ заблужденіи! — Пріятныя мечтанія, разгоните скуку мою! — Но нѣтъ ихъ, нѣтъ тѣхъ пріятныхъ мечтаній, которыя одни могли прежде оживотворять духъ унылый. Мечты тогда только пріятны, когда есть еще пріятные предметы вокругъ мечтающаго. Но здѣсь все для меня существовать перестало. Одно привидѣніе, злобное изчадіе самаго ада, носится вокругъ и не престаетъ наполнять моего разстроеннаго воображенія ужасами одиночества и разлуки съ любезными сердцу[1]). Одного еще не лишился я — пищи, — но и сію, и безъ того дурную, скука отравляетъ и дѣлаетъ вредною, представляясь безпрестанно моему воображенію.

Нѣтъ прелестныхъ глазъ, которыхъ бы взоры вливали въ душу мою отраду и утѣшеніе; нѣтъ милаго голоса, котораго бы звуки воззывали меня

1) Здѣсь на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Я уже представилъ, что это говоритъ человѣкъ въ какой нибудь ссылкѣ».

къ жизни! — Нѣтъ, все для меня не существуетъ болѣе. Я одинъ, одинъ — этого довольно, чтобы еще болѣе сдѣлать жизнь мою несносною для меня! — Возвратитесь ли вы, пріятныя минуты[1]), когда подъ родимымъ небомъ, въ кругу земляковъ-пріятелей буду я наслаждаться жизнію и вспоминать о минувшихъ горестяхъ! Когда? — Но надежда напрасна! Напрасны утѣшенія моему сердцу, напрасны!

Зачѣмъ, случай, позволилъ ты мнѣ разстаться съ любезнымъ отечествомъ! Сколько ни буду скитаться по бѣлу свѣту, но другой Россіи не найду нигдѣ.

Узнавать другія земли надобно для того, чтобы болѣе къ своей привязываться.

На родимой сторонѣ, когда въ ушахъ моихъ будутъ отдаваться родимые звуки Русскаго языка, сидя[2]) передъ каминомъ, вспомнить о прошедшемъ пріятно, возхитительно. Вотъ что подкрѣпляетъ меня!

Nachtwächter кричалъ: 10. geschlagen[3]).

Февраль. Смотрѣлъ въ окошко. Въ одномъ домѣ вижу студента, занимающагося работою. Хорошо быть прилѣжнымъ. Тутъ же вижу и слышу другихъ студентовъ, которые поютъ и видно веселятся. Хорошо пѣть и веселиться. Противъ же моей квартиры вижу сапожника, приготовляющагося опочить, послѣ трудной дневной работы, въ сбъятіяхъ Морфея и толстой Нѣмки, жены его. Я смотрѣлъ на нихъ: она уже предала свои прелести мягкой соломенной постелѣ, а мужъ приготовлялся сдѣлать тоже, но прежде загасилъ свѣчу, и любопытнымъ взорамъ моимъ представились одни темныя окошки. Его теперешняя участь, подумалъ я, еще лучше участи тѣхъ студентовъ! Онъ щастливъ своею неизвѣстностію и, уставши отъ работы, предается покою, забывая на сію ночь и сапоги, и Геттингенъ, и свѣтъ, — наслаждается въ тишинѣ своимъ щастіемъ и завтра проснется съ надеждою опять также пріятно заснуть.

Завтра (и писать этого не хочется) рѣшится Данилевскаго дѣло. Какъ меня это тревожитъ!

Сегодня читалъ съ Рандомъ *Негры въ неволѣ*, соч[иненіе] Коцебу. Это чтеніе, хотя и пріятное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, возродило во мнѣ чрезвычайно непріятныя мысли. О Россія, Россія! Естьлибы жизнь моя могла быть въ семъ случаѣ полезна славному, доброму Русскому народу, сей часъ радъ бы пожертвовать оною тысячу разъ!

1) На поляхъ приписано: «(Тихо говорено, тихо и писано)». 2) Далѣе зачеркнуто: «въ уединеніи». 3) Здѣсь на поляхъ рукописи сдѣлана слѣдующая приписка: «Между тѣмъ слышу трубящаго постиліона, напоминающаго мнѣ нещастныя минуты, проведенныя мною въ проклятыхъ дилижансахъ. Но все хорошо испытать.

Свѣча почти догорѣла. Минуты тихія, но безпокойныя! когда будете вы, по крайней мѣрѣ, только тихи? Будущность неизвѣстна, неизвѣстность со мною случиться можетъ. — *Любопытство.* —

Эней долженъ разстаться съ Дидоною, кот[орая] его облагодѣтельствовала и любила. А онъ поклялся богамъ и отцу своему завоевать Италію. Онъ объявляетъ ей. Она на него разсердилась, ушла.

Enea *Solo.*

E soffrirò, che sia
Si barbara mercede
Premio della tua fede, anima mia?
Tanto amor, tanti doni....
Ah pria, ch' io t'abbandoni [1]),
Pera l'Italia, il mondo,
Resti in obblio profondo
La mia fama sepolta;
Vada in cenere Troia un'altra volta.
Ah, che dissi! Alle mie
Amorose follie, (J'en rougis.)
Gran genitor perdona; io n'ho rossore.
Non fu Enea, che parlò; lo disse amore.
Si parta. E l'empio Moro
Stringerà il mio tesoro?
No... Ma sara frattamo
Al proprio genitor spergiuro il figlio?
Padre, amor, gelosia, Numi, consiglio.
Se resto sul lido,
Se sciolgio le vele,
Infido, crudele
Mi sento chiamar.
E intanto confuso
Nel dubbio funesto,
Non parto, non resto;
Ma provo il martire,
Ch'avrei nel partire,
Ch'avrei nel restáre.

---

1) На поляхъ приписаны еще стихи: «L'ultima, che si perde è la speranza. — Araspe въ Did. abband[onata].

6 марта по нов. ст. / *22 февраля по ст.* 1)

«Leve fit, quod bene fertur onus».

In English: «A burden becomes lightest,
When it is well borne».

Говорилъ учитель Parttridge, терпя отъ жены своей, въ Tom Jones or a foundling, by Fielding. — Правда, правда повторю и я вмѣстѣ съ этимъ учителемъ, терпя почти столь же много отъ скуки, которая не престаетъ быть со мною въ Геттингенѣ. Четвертаго дня, то есть въ пятницу, уѣхалъ отсюда Данилевскій, и теперь я никуда не хожу, кромѣ Ранда. Педагоги, Богъ ихъ знаетъ, на что похожи. А докторъ Б... также. Не знаю удастся ли мнѣ съѣздить куда нибудь во время этихъ ферій. Все зависитъ отъ присылки денегъ. Вчера видѣлъ Суно, котораго сильно ранилъ на дуэлѣ пріятель его, Валтеръ, кот[ораго] сегодня также видѣлъ. О проклятыя дуэли! а безъ нихъ обойтись нельзя, особливо здѣсь.

Черезъ три недѣли кончатся здѣсь лекціи. Сегодня Геренъ окончилъ Исторію Гиспаніи. Я читаю теперь Tom Jones Фильдингова. Книга хороша.

Различныя мечты бродятъ въ головѣ моей въ разсужденіи дальнѣйшаго моего пребыванія въ Геттингенѣ. Не знаю, какъ буду проводить будущее лѣто. Зима мнѣ болѣе здѣсь нравится, нежели лѣто. Не испыталъ еще, справедливо ли мое мнѣніе. Зимою, окончивши въ шесть или пять часовъ лекціи, спѣшишь домой иногда напиться чаю, иногда погрѣться, иногда выкурить трубку табаку; а лѣтомъ по окончаніи лекцій домой ничто не призываетъ, а что касается до прогулокъ, то не думаю, чтобы сіи могли очень развлекать меня, хотя и будутъ отвлекать отъ дѣла. Къ тому же и дни зимою короче и отъ того и время кажется идетъ скорѣе. Но эти полгода проведены мною такъ, какъ я желалъ бы провести и будущіе, потому что во время сихъ послѣднихъ я ожидаю болѣе скуки, менѣе удовольствія (хотя по настоящему слова сего я и не долженъ бы употреблять, живучи здѣсь). Иногда сны доставляютъ мнѣ удовольствіе, и о нихъ думаю я по цѣлымъ днямъ. Но иногда сны непріятны, а почти всегда самые пріятные (сны) наносятъ мнѣ неудовольствія и скуку, потому что, напоминая прошедшее, заставляютъ сравнивать это (а не другое) прошедшее съ настоящимъ, и отъ того конечно рождаются мысли, кот[орыя] вмѣсто того, чтобы услаждать горькое сердце, заставляютъ вздыхать и — врядъ ли не проливать слезы.

Но какъ бы то ни было, время пройдетъ, пройдетъ, — и кто

1) Невѣрно, вѣроятно: $\frac{10}{22}$ февраля.

можетъ ручаться, что даже въ скоромъ времяни (конечно не черезъ нѣсколько лѣтъ) не буду также вздыхать о Геттингенской жизни, какъ вздыхаю теперь объ однихъ пріятныхъ минутахъ моей нещастной жизни. Кто можетъ ручаться, что самой Геттингенъ черезъ два или три года будетъ въ глазахъ моихъ мѣстомъ тишины и спокойствія и, можетъ быть, истиннаго, гдѣ я, проведши невиннѣйшимъ образомъ, нежели когда нибудь въ прошедшемъ и будущемъ, не умѣлъ наслаждаться благосклонностію судьбы? Или что говорю я — да проведу время, какъ въ тихомъ, глубокомъ снѣ, который нарушаютъ развѣ только одни странныя видѣнія! Пора ужинать картофель.

12. Февраля. / 24. Марта. [1]) *Пятница.*

Къ сожалѣнію всѣхъ хорошо мыслящихъ, видно изъ Исторіи, что въ то самое время, когда какое нибудь государство начинаетъ болѣе образоваться, то вмѣстѣ съ образованностію поселяются между людьми и пороки, произходящіе отъ введенія искусствъ, вмѣстѣ съ ними роскоши и тому подобнаго; что просвѣщеніе, такъ сказать, бросаетъ сѣмя этимъ порокамъ, и въ особенности терпитъ при семъ одна изъ благороднѣйшихъ и первѣйшихъ добродѣтелей — Любовь къ Отечеству! Кто можетъ утверждать, что просвѣщеніе вмѣстѣ съ своими дурными [и] хорошими слѣдствіями дѣлаетъ людей щастливѣе, нежели тогда, когда они были въ простомъ ихъ состояніи?

Сегодня сказывалъ мнѣ Вундерлихъ, что Франція объявила войну Австріи. Мысль эта, соединенная съ другими многими, сдѣлала меня на цѣлый вечеръ болѣе мрачнымъ и будетъ возбуждать во мнѣ другія, столь же непріятныя.

Россія! Россія! съ благоговѣніемъ и любовію произношу священное Имя Твое и оставляю въ сердцѣ моемъ таиться различнымъ чувствованіямъ. Естьлибы незначущая жизнь моя могла содѣйствовать къ Твоему благу — съ радостію пожертвовалъ бы ею. Тысячу разъ умеръ бы для моего отечества, для Россіи!!!

Да носится Геній благотворительный надъ странами Русскими! И да будетъ Русской тѣмъ, чѣмъ благодѣтельная для него судьба назначила быть ему: да будетъ Русскимъ. Этого слова довольно.

Бьетъ 10 часовъ ночи. Все тихо, но сердце мое сильно бьется и напоминаетъ мнѣ, что я въ Геттингенѣ. Проклятый городъ! когда буду я внѣ стѣнъ твоихъ? Когда буду свободно дышать воздухомъ Русскимъ, роднымъ. Дышать свободно можно, кажется, только въ Россіи. При этомъ имяни не-

1) Ошибка, надо: $\frac{12}{24}$ февраля.

вольный вздохъ вылетаетъ изъ моего сердца, угнетѣннаго всѣмъ чужимъ. Самая природа здѣсь для меня мачиха: и солнце не такъ тепло, не такъ красно, и люди не тѣ. Да откроется предо мною непроницаемое таинство, и да узнаю, отъ чего истинно происходитъ это сладчайшее чувство любви ко всему родному. Чѣмъ далѣе удаляюсь отъ Отечества, тѣмъ ближе сердце мое дѣлается къ Нему. —

Свѣча догораетъ. Когда догорятъ эти $1\frac{1}{2}$ года, кот[орые] я долженъ здѣсь остаться? Пока еще я съ терпѣніемъ сношу скуку одиночества. Не знаю, что будетъ впередъ. Терпѣніе можно причесть также къ числу важнѣйшихъ добродѣтелей. Безразсудный человѣкъ! знаешь, что иначе нельзя, и не сносишь непріятное съ терпѣніемъ. Но за что винить бѣднаго человѣка! Онъ ли виноватъ въ своихъ слабостяхъ?

$\frac{2}{14}$ *Марта. Вторникъ. Вечеръ.* Жаловаться на скуку, значитъ повторять все одно и тоже, хотя жалобы сіи день ото дня становятся справедливѣе. Надобно перемѣнить предметъ[1]), но главное останется тоже, т. е. я все долженъ жаловаться естьли не на скуку, то на денги, которыхъ я давно уже не имѣю. Но довольно и этого сказать. Слѣдствія сего извѣстны и едва ли когда нибудь могутъ быть пріятны. Къ сему надобно прибавить, что я терплю въ денгахъ большую нужду. Но всѣ таковыя непріятности, наприм[ѣръ] потеря денегъ[2]), меня не много безпокоятъ, потому что всѣ произшествія, пріятныя и непріятныя, должны быть заключены въ этихъ нещастныхъ годахъ, кот[орые] я проведу въ Геттингенѣ. Главною цѣлію я имѣю одно: прошествіе этого времяни, столь скучнаго и иногда несноснаго. Я смотрю на главную точку и не забочусь о постороннихъ предметахъ, которые какъ будто на перерывъ стараются уничтожить или уменшить мое вниманіе. Таковыхъ постороннихъ предметовъ, къ нещастію моему, очень довольно. Но въ этомъ случаѣ я и тѣмъ утѣшаюсь, что ихъ могло бы быть еще болѣе. Что значатъ мои безпокойства и заботы въ сравненіи съ заботами или истинными нещастіями другихъ людей, имѣющихъ гораздо пространнѣйшій и важнѣйшій кругъ дѣятельности? И въ то же время что значатъ дѣла сихъ людей въ отношеніи ко всему *цѣлому?* Но еще и *Желтая Книга* моя говоритъ, что *всякому свое.* И это правда. -

Какъ, напримѣръ, провелъ я сего дня? Всталъ въ $\frac{1}{2}$ 8 часа, одѣлся. Въ 8 пошелъ къ Бенеке. Пробылъ у него до 9 и потомъ возвратился опять домой. Слѣдующій 10-й часъ по этимъ днямъ для меня непріятенъ, естьли нѣтъ какого нибудь дѣла, за которое я тотчасъ долженъ приняться. До 10-ти

1) Въ рукописи: «предмѣтъ». 2) Въ рукописи зачеркнуты слѣдующія слова: «птицъ (кот. умерли съ голоду 2)».

часовъ ничего не дѣлалъ, даже не выкурилъ и трубки. Потомъ перечиталъ еще не пройденныя Гереновы лекціи, и для того заперъ дверь, чтобы Росси, кот[орый] приходилъ въ 11 час., возвратился съ лѣстницы, не побывавши у меня въ комнатѣ. Послѣ обѣда болталъ и спалъ (потому что лекціи Гер[ена] прочиталъ до обѣда). Въ 3 часа пошелъ къ Герену. Въ 5 къ Форкелю; въ 6 — смотрѣть Кайданову комнату. Потомъ смотрѣть квартиру, кот[орую] хочу нанять; потомъ пришелъ домой. Болтали, поужинали, болтали, и потомъ я здѣсь сѣлъ писать, потому что читать не чего. Сегодня взяли книги въ библіотеку, и получигь ихъ можно еще въ понедѣльникъ. Вотъ жизнь—какая дѣятельность, какое разсѣяніе! И при всемъ томъ дни текутъ непримѣтно одинъ за другимъ, или, лучше сказать, довольно скоро, потому что я довольно замѣчаю почти каждый часъ моего житья въ этомъ Verfluchtes Loch, въ этомъ Pot de chambre des Muses. Gute Nacht — пора спать.

Nachtwächter прокричалъ 10 часовъ.

Марта $\frac{6.}{18.}$ Суббота. 10-й часъ вечера. Сегодншній вечеръ провелъ я изрядно, читая съ Рандомъ одно Нѣмецкое сочиненіе, печатанное въ «Цитерѣ». Этого довольно, чтобы заключить о родѣ сочиненія. Писано пріятно, и тутъ я увидѣлъ, что и на Нѣмецкомъ языкѣ можно писать довольно нѣжно и просто. Подобный слогъ хотятъ найти и въ Гöте, но я читалъ нѣсколько изъ него, и мнѣ онъ совсѣмъ не понравился. Сегодня поѣхалъ Тимковскій въ Лейпцигъ и оттуда въ Россію. Пріятно будетъ для него возвращеніе послѣ трехлѣтней разлуки. Когда наступитъ тотъ щастливый день, думаю я, когда ты скажешь самъ себѣ: вотъ послѣдній день, который ты пробудешь въ Геттингенѣ и завтра не увидишь болѣе тѣхъ предметовъ, кот[орые], такъ сказать, опостылѣли въ глазахъ твоихъ. Щастливая надежда! не обмани моихъ ожиданій. Онѣ обыкновенны и сбыточны. Я немногого требую отъ тебя. Не обмани твоего истиннаго почитателя!

Сегодня захотѣлъ я пить чай, хозяйки не было дома, и хозяинъ не могъ достать мнѣ сахару на 5 грошей. Я прибѣгнулъ къ своему Münz-кабинету, но и сей изтощился уже отъ подобныхъ сему случаевъ. Однакожь взялъ оттуда послѣдній спеціэсъ (кот[орый] не таковъ, какъ обыкновенный) и отдалъ его для сахару, но послѣ сказалъ хозяйкѣ, чтобы она назадъ его мнѣ принесла. Вотъ до чего дошелъ я въ Геттингенѣ! Но все это для меня смѣшно — не болѣе. Да къ тому же это случилось при Рандѣ, съ которымъ я обращаюсь по просту. Хочу сдѣлать еще теперь Латинскій переводъ изъ Цесаря, кот[ораго] читаю съ Вундерлихомъ.

$\frac{12.}{24.}$—Третьяго дня провожали Блезе до Гейлигенштадта. Я былъ въ этомъ

числѣ. Было съ лишкомъ 30 человѣкъ. Изъ Гейлигенштадта онъ пошелъ пѣшкомъ далѣе, а мы возвратились въ Геттингенъ. Сюда пріѣхалъ я только съ однимъ Рандомъ. Всѣ порознь ѣхали. Жаль что Блезе отсюда уѣхалъ. Малой былъ добрый и нужный. Не знаю, кто будетъ Синьоромъ въ ихъ Landsmannschaft вмѣсто его. Ему очень хотѣлось, чтобы и я записался въ это Landsmannschaft, уговаривалъ меня, и я согласился, но когда онъ прочелъ мнѣ законы, то я нашелъ нѣкоторые, которые были для меня безпокойны, и нѣкоторые непріятны. Напримѣръ, по крайней мѣрѣ 3 раза въ недѣлю надобно ходить на ихъ Fechtboden, и еще другіе. Наконецъ же я отказался, хотя и непріятно для меня было отказывать Блезе. Завтра ожидаю отвѣта изъ Гамбурга по посланной моей секундѣ Борнеманномъ. Вчера былъ я у Вундерлиха, видѣлъ тамъ Гöде, они оба увѣрены почти, особливо Гöде, что вексель мой украденъ хозяиномъ. Не знаю, какъ это не кончится.

$\frac{17.}{29.}$ *Мая.* Вотъ уже сколько времяни прошло, какъ я не бралъ въ руки этой нещастной книги. Вексель уже давно полученъ и издержанъ. Да и другой послѣ того также издержанъ. И я побывалъ на Гарцѣ. Это-то и подало мнѣ случай развернуть эту книгу и замѣтить въ ней хотя главное, касающееся до моей послѣдней поѣздки.

Въ Остерроде любовался прекраснымъ мѣстоположеніемъ, (въ Breitenbusch) былъ въ театрѣ. Потомъ на Брокенѣ (куда встащился вмѣстѣ съ лошадью); поутру любовался видами и удивлялся. Облака слались по вершинѣ горы и носились ниже оной. Оттуда насилу сошли по болотамъ. Тутъ дорогою видѣлъ деревянныя черепицы. Оттуда пришли въ Baumannshöhle — удивительная пещера: тутъ все состоитъ изъ сталактитовъ (вода, претворяющаяся въ камни); Klingende Säule довольно любопытна. Въ Госларѣ были въ рудокопняхъ; въ Клаусталѣ въ Hüte, гдѣ льютъ серебро, видѣли дѣланіе монеты. Клаусталь и другой подлѣ его городокъ мнѣ отмѣнно понравились. Вездѣ деревянное строеніе и вообще похоже на Русское. Въ Остерроде пріѣхалъ въ 1-мъ часу. Принужденъ былъ ночевать въ скверномъ трактирѣ. Поутру ѣздилъ верхомъ въ Leerbach смотрѣть *красноглазыхъ*. Глаза необыкновенны, а волосы бѣлы и обыкновенны. Въ Геттингенъ пріѣхали по экстра-почтѣ. Путешествіемъ доволенъ.

Фильдингъ занимаетъ меня.

Въ городахъ, кот[орые] я проѣжжалъ, были только по 8 и 10 человѣкъ Шилевыхъ гусаровъ и забирали казны. Въ *Бланкенбургѣ*[1]) смотрѣлъ замокъ, гдѣ жилъ Алексѣй Петровичь и былъ Петръ I. Тутъ есть *любопытное*. Фильдингъ ожидаетъ меня.

1) Надъ этимъ словомъ надписано: «Ильзенъ».

$\frac{16.}{28.}$ *Іюля.* Ровно два мѣсяца, какъ я не принимался за эту книгу!!!!

$\frac{9.}{21.}$ Въ пятницу въ 7 часовъ утра выѣхали мы (съ С. И. Михалковымъ) верхомъ въ Пирмонтъ. Сперва рѣшились было мы ѣхать по большой дорогѣ (или шосе), но послѣ Конради сказалъ намъ другую, ближайшую дорогу, проселочную, чрезъ Адлепсенъ (по его щету 8 миль, и это, кажется, справедливо, а по словамъ и щету ботовъ, которые насъ водили, выходило миль 10). Въ Адлепсенѣ взяли мы проводника и ѣхали съ нимъ очень много рысью. Дорога вела по большей части черезъ лѣсъ; подлинно плѣнительныя мѣста восхищали меня. Передъ городкомъ Höxter[1]) ѣхали мы берегомъ Везера и переправлялись черезъ него на баркѣ (Картушь чуть было не утонулъ).

Я не сожалѣлъ, что мы должны были ѣхать шагомъ (проводникъ нашъ Being, отставной солдатъ), потому что Везеръ, мѣстоположенія, наполняли голову мою пріятнѣйшими мечтами и не позволяли думать о нашемъ нескоромъ путешествіи. Никогда не забуду путешествія въ Пирмонтъ! Пріѣхавши въ городъ однакожь, первый нашъ вопросъ хозяину былъ: можно ли ѣхать далѣе безъ бота? Получивши отъ хозяина очень желаемый отвѣтъ, мы отпустили своего бота, заплативши ему отъ деревни Услара, за пять часовъ ходьбы 1 Rtl (довольно). Послѣ этого вопроса я велѣлъ дать лошадямъ сѣна, намъ ужинать (тогда было 6 часовъ вечера) и попросилъ хозяина написать намъ маршрутъ, что онъ со всею Нѣмецкою учтивостію исполнилъ. Поужинавши съ большимъ аппетитомъ и выпивши вина, закуривши трубку (пропустилъ было главное — трубку), пустились мы въ дальнѣйшій путь. Въ 7 часовъ взяли въ одной деревнѣ[2]) бота, которой за полчаса требовалъ съ насъ 4 гг. и хотѣлъ имѣть ихъ напередъ, говоря, что мы хотимъ его fixiren. Заплативши ему, поѣхали мы одни и въ 8 часовъ, выѣжжая изъ лѣсу, немного заблудились и принуждены были черезъ хлѣбъ, съ крутой горы, по ущелинамъ, сводить своихъ лошадей. Однакожь въ 10 часовъ пріѣхали въ одну деревню, часа за 3 или 4 отъ Пирмонта; тутъ, взявши бота[3]), выпивши пива и закуривши трубки, пустились въ путь по прескверной дорогѣ. Луна, подруга нещастныхъ (хотя насъ и нельзя было назвать тогда таковыми), появилась изъ мрачныхъ облаковъ и освящала путь нашъ (иногда по водѣ) въ Пирмонтъ. Она знала желаніе наше и рѣшимость ночевать въ Пирмонтѣ, не смотря на щеты милей ботовъ и ихъ противныя утвержденія.

31 Іюля. По нов. ст. Еще въ 11 часовъ начинали показываться намъ вдали огни въ Пирмонтѣ. Долго, смотря на огни, утѣшался я мыслію, что

1) Такъ мы думаемъ, въ рукописи же написано: Döxster. 2) Въ рукописи: «деревни». 3) На поляхъ прибавлено: «gegen Bezahlung. Неужели же можно и даромъ? спросилъ я у бота».

скоро буду спать въ Пирмонтѣ. Что главное—*спать* или *Пирмонтъ?* Оставляю себѣ рѣшить это.

28. Сентября. / *10. Октября.* *Вечеръ*. Теперь только, въ скучный вечеръ, на новой квартирѣ вздумалъ я окончить или, покрайней мѣрѣ, продолжать свое путешествіе въ Пирмонтъ на бумагѣ. Надобно перенестись мыслями на клячу, которая меня везла, и надобно хотѣть спать при приближеніи къ Пирмонту. Гдѣ давешній журналъ? Оный былъ скученъ и подъ заглавіемъ «London und Paris», и скоро произвелъ со мной то дѣйствіе, которымъ я столь наслаждался по пріѣздѣ въ Пирмонтъ. Зѣваю. Готовъ!

Въ часъ пополуночи въѣхали и притащились мы въ Пирмонтъ. Въ рекомендованномъ (въ городкѣ Дёкстерѣ)[1]) хозяиномъ трактирѣ были всѣ комнаты заняты, и мы поѣхали въ другой. Въ другомъ трактирѣ (кажется in d. Crone) отвели намъ довольно хорошую комнату, и мы без'памяти проспали до 9 часовъ утра. Я велѣлъ было разбудить себя въ 6-мъ часу, но глупая, неповоротливая Нѣмка не дѣлала этого, да и врядъ ли бы она успѣла, потому что мы очень чувствовали, что пріѣхали верхомъ. Вставши поутру и напившись кофе, пошли мы къ колодцу. Выпивши цѣлительной воды (которая очень похожа на Липецкую, только гораздо, кажется, не вкуснѣе, и до которой землякъ мой былъ большой охотникъ), пошли мы по прекраснѣйшей въ свѣтѣ липовой алеѣ знакомиться съ мѣстами и лицами, для меня, бѣднаго иностранца, совершенно новыми. Не могу пожаловаться, чтобы страждущее человѣчество могло здѣсь слишкомъ разтрогать чувствительное сердце. Больныя лица столь рѣдки, столь рѣдки, что можно легко подумать, Пирмонтская алея сдѣлана не для больныхъ, которымъ нужна прогулка, но для здоровыхъ, которымъ нужно увеселеніе. — Деревья, насаженныя по обѣимъ сторонамъ въ два ряда, прекрасны и должны, такъ сказать, помнить Царя Гороха[2]). По обѣимъ сторонамъ алеи Италіанцы хвастаются на перерывъ вывѣшенными картинами и картинками, и Нѣмцы и Французы галантерейными вещьми и вывѣсками кофейныхъ домовъ, но всѣ говорятъ: cativi tempi, Schlimmen Zeiten, on ne vend rien ici. Французы, которые имѣютъ право играть здѣсь публично въ банкъ, говорятъ тоже. По обѣимъ же сторонамъ алеи

---

1) То есть въ Höxter'ѣ? 2) На поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Начинается отъ колодца алея, гдѣ пьютъ минеральную воду; а на концѣ ся находится круглой прудъ, соединяемый каналомъ съ другими прудами. Пройдя алею, можно выйти (направо) на другую улицу города, которыхъ въ Пирмонтѣ, кажется, только двѣ, кромѣ [той], кот[орая] на алеѣ. Пройдя другую улицу, увидишь дворецъ Принца Пирмонтскаго на горѣ, обнесенной валомъ, который окруженъ водою. Домъ довольно хорошъ и годится для Пирмонтскаго Владѣтеля, кот[орый] болѣе ничего не имѣетъ. (Онъ apanagirt отъ своего брата, который владѣтельный). Все это принадлежитъ Рейнскому союзу».

идутъ двѣ улицы, на которыхъ дома довольно велики, но всѣ съ деревянными связями или перекладами.

На одной изъ сихъ улицъ находится трактиръ, гдѣ мы въ первый день нашего прiѣзду въ субботу играли въ билiардъ и обѣдали и притомъ очень хорошо—за 20 [грошей?] съ особы. За столомъ или, лучше сказать, за тремя большими столами (или за покоемъ (П), состоявшемъ изъ столовъ) обѣдало очень много. Въ первой разъ случилось мнѣ обѣдать за такимъ большимъ столомъ, гдѣ почти всѣ были Нѣмцы (въ Ригѣ, Берлинѣ, Эрфуртѣ не обѣдало столь много); къ тому же здѣсь обѣдали и Нѣмки, также Жиды съ Жидовками, которой чести я еще никогда не имѣлъ въ столь большомъ собранiи. Послѣ обѣда, походивши по алеѣ, пошли мы домой для отдохновенiя, но Baron von, de, Herr zu, tôt и т. д. смутилъ меня, и я пошелъ съ нимъ со двора... По вечеру пошли мы опять на алею, ходили, смотрѣли на людей, на игроковъ въ томъ кофейномъ дому, гдѣ мы обѣдали. Играли не высоко, и потому нельзя было бы физiогномисту разсматривать на лицахъ (играющихъ) чертъ страстей ихъ. Къ тому же они были въ шляпахъ, и табакъ (о Нѣмцы!) носился густыми облаками надъ ними и около ихъ. Часовъ въ 10 зашли мы въ одну изъ лавокъ на алеѣ, гдѣ можно имѣть кофе, пуншъ, закуску и т. п. Выпили тамъ по рюмкѣ водки и закусили какими-то сладкими пирогами, потому что другихъ уже не было. Содержатель жаловался на большую цѣну найма этой лавки и на малую выручку; и, чтобы доказать намъ это еще сильнѣе, взялъ съ насъ въ четверо или въ пятеро. Я подлинно повѣрилъ словамъ его!! Рано на другой день пошли мы на алею. Утро было прекрасное, лучи возходящаго солнца едва пробирались сквозь густыя вѣтви столѣтнихъ липъ и, слабо освѣщая прелестныхъ Нѣмокъ, придавали имъ новую красу. Онѣ гуляли въ утреннихъ одѣянiяхъ въ большомъ множествѣ въ прохладной тѣни алеи и, освѣжая себя чистѣйшимъ сельскимъ воздухомъ, становились живѣе и прекраснѣе. Иногда попадались мнѣ лица такiя, на которыя я смотрѣлъ съ сожалѣнiемъ, и такiя, смотря на которыя къ душевному сожалѣнiю присоединялись чувства уваженiя (Русской полковникъ Бреверъ, потерявшiй ногу на сраженiи противъ Французовъ). На однихъ были видны слѣдствiя дурной жизни; смотря на другихъ, были видны слѣдствiя или, лучше сказать, доказательства (потому что слѣдствiя не всегда таковы бываютъ) любви къ отечеству и храбрости, увѣнчанной славнымъ крестомъ Георгiевскимъ.

1./13. Октября. Вечеръ. Мы ходили по алеѣ въ низъ и въ верхъ и любовались прелестнымъ юнымъ поломъ Германскимъ. Самое солнце спускалось мало по малу ниже, чтобы полюбоваться красавицами, и было такъ нескромно, что смотрѣло прямо въ прелестныя глаза, между тѣмъ какъ прежде выгля-

дывало только сквозь густыя вѣтьви; но стыдливость или застѣнчивость Нѣмецкая не могла перенести сего, и красавицы скрылись. Аппетитъ заставилъ также и насъ примѣтить дерзость солнца. Это былъ полдень. Черезъ нѣсколько времяни увидѣли мы, не безъ удовольствія freulich, множество лакѣевъ, суетящихся при накрываніи предлиннаго стола, и *siehe da!* черезъ часъ (извините Нѣмецкому проворству) столъ былъ готовъ, усѣянъ множествомъ кушаньевъ, которые помѣшали мнѣ примѣтить, что алея часъ отъ часу наполнялась посѣтителями обоего пола.

$\frac{2.}{14.}$ *Октября.* Гуляющіе болѣе всего толпились около длиннаго стола. Иные искали[1]) своихъ мѣстъ. Другіе, радуясь, что имѣютъ ихъ, хотѣли поскорѣе обѣдать. Въ числѣ сихъ послѣднихъ были и мы. Но — не надобно пропустить Барона, который въ субботу еще познакомился съ нами, нахвасталъ о себѣ съ три пропасти, что онъ родня Императорамъ и проч. — Сей Господинъ Баронъ гулялъ съ нами вмѣстѣ по алеѣ и сдѣлалъ намъ честь, пригласивъ насъ вмѣстѣ обѣдать. Подлѣ насъ стоялъ кто-то изъ почетныхъ Нѣмцовъ съ звѣздою (кот[орая] была одинакова, кажется, съ нашею Анненскою — вѣрно Голстинская). Баронъ освѣдомлялся о его имяни, и не успѣли мы отвернуться, und siehe da: Баронъ вступилъ уже съ нимъ въ разговоръ. Такимъ точно образомъ познакомился онъ и съ нами. Я не большой охотникъ до такихъ людей, а иногда бы желалъ имѣть ихъ около себя, особливо въ какомъ нибудь неизвѣстномъ мѣстѣ. Наконецъ сѣли за столъ, и я увидѣлъ себя въ серединѣ почти 200 человѣкъ различныхъ націй, вѣроисповѣданій, различнаго пола, возраста, красоты и проч. Обѣдъ былъ очень хорошъ. Баронъ со всѣми познакомился и послѣ обѣда со всѣми пилъ кофе. Музыка, впрочемъ довольно изрядная, пособляла пищеваренію. Вѣтерокъ съ обѣихъ сторонъ доносилъ ко мнѣ звуки Нѣмецкаго языка. Черезъ нѣсколько времяни вѣтеръ сталъ, кажется, сильнѣе, и я слышалъ болѣе шуму. Наконецъ услышалъ я даже чоканье рюмками, и громогласное lebe hoch! раздавалось на одномъ концѣ стола, и эхо повторяло Нѣмецкія восклицанія въ алеѣ. Но вѣтеръ ли былъ причиною, что я болѣе слышалъ — нѣтъ: винной погребъ хозяина опустошался. Во время обѣда[2]) собралось много простаго народа по алеѣ и смотрѣло на пресыщающихся пищею и нектаромъ. Одинъ изъ полицейскихъ служитель[3]) (которыхъ вообще здѣсь двое) взду-

---

1) То, что продолжается послѣ этого слова, находится въ рукописи черезъ 3 листа ниже, съ 34 листа, а промежутокъ заполненъ впечатлѣніями отъ 28 сентября, 12 сентября и 31 іюля, которыя помѣщены ниже. См. стр. 223. 2) Далѣе въ рукописи зачеркнуты слѣдующія слова: «полицейской солдатъ, которыхъ вообще здѣсь двое». 3) Наверху надписано: «солдатъ».

малъ разогнать ихъ, и притомъ не слишкомъ учтиво палка его ходила по головамъ ихъ. Бѣдные! имъ нельзя и завидовать щастію другихъ! Но справедливо ли заключеніе мое? Кто щастливѣе?

Вотъ отвѣтъ:

Бѣднякъ, не ѣвши день, отъ глада
Лилъ слезы и вздыхалъ;
Богачь отъ сытости скучалъ,
Зѣваючи средь сада.
Кому тяжелѣе? Чтобъ это разрѣшить,
Я долженъ мудреца здѣсь слово приложить:
Отъ скуки самое желанье отлетаетъ,
А горести слезу надежда отираетъ.

(Дмитріевъ).

Насытившіеся множествомъ кушапій[1]) и виномъ встали всѣ изъ-за стола и пошли, иные пить кофе, иные ходить по алеѣ, — но тѣ и другіе курить табакъ. Я не былъ изъ числа ни тѣхъ, ни другихъ; я сѣлъ на стулъ, стоявшій подлѣ стола, и вздремалъ. Пробудившись, пошли мы[2]) подражать Нѣмцамъ, т. е. пить кофе или пиво — не помню хорошенько, и я курить табакъ. Въ это время всего, кажется, пріятнѣе смотрѣть на Пирмонтскую алею: надобно вообразить себѣ множество столиковъ, за которыми сидятъ прелестныя Нѣмки и толстые Нѣмцы. Около первыхъ увивались учтивые кавалеры, около вторыхъ носились облака табачныя. Всѣ потомки славныхъ Германцевъ, ужаса вселенной — во время оно! Какъ не подумать о перемѣнчивости времяни! Думалъ ли ты, Аріовистъ, что потомки твои будутъ на тебя столь мало похожи въ то время, когда ты пренебрегалъ самаго[3]) Цесаря? Но прочь, мечта! лучше напомню себѣ пріятное утро, которое мы провели въ это воскресенье на алеѣ, гдѣ было столь же много столовъ, гдѣ пили чай и кофе. Мы поставили себѣ также столъ, спросили чаю и[4]) наслаждались видомъ прекраснаго поля. По утру всѣ были свѣжи и веселы. Послѣ обѣда— сыты и лѣнивы.

Мало по малу становилось въ алеѣ темнѣе и наконецъ, когда мы опять пришли туда, совершенно темно. Половина повѣшенныхъ посрединѣ фонарей была зажжена; но право не у мѣста была бы тутъ Нѣмецкая экономія, есть-

1) Наверху надписано окончаніе: «ьевъ». 2) Далѣе зачеркнуты слова: «съ землякомъ своимъ». 3) Наверху надписано окончаніе: «имъ». 4) Далѣе зачеркнуты слова: «чувства наши, въ особенности чувство зрѣнія».

ли бы луна не освѣщала малаго числа гуляющихъ своими серебряными лучами. Какихъ проказъ не надѣлалъ бы въ темнотѣ рѣзвый сынъ Венеры! Но скромность гулявшихъ красавицъ предупредила искушеніе, и онѣ пошли на балъ, который былъ данъ въ одномъ домѣ на алеѣ же, — а мы, насытивши уже взоръ свой и прелестями прекраснаго пола, и прекрасной луны [1]), пошли насытить и вкусъ свой [2]). Однимъ словомъ на алеѣ никого болѣе не было, никого, кромѣ Hofmann; и мы пошли ужинать. Послѣ довольно хорошаго ужина со всѣми принадлежностями, зашли мы въ залу, гдѣ играли; а потомъ пошли, не знаю самъ куда, и зашли на балъ. Здѣсь-то подлинно разстаяло бы сердце чувствительнаго: цвѣточки, ленточки, граціи, нимфы, ихъ зефирные [3]) скачки, — все бы плѣнило его, и онъ, уронивъ нѣсколько чувствительныхъ слезокъ, покойно возвратился бы въ свою комнату мечтать о прошедшемъ. Со мной опять ни того ни другаго не было. Посмотрѣвъ на танцующихъ, на Принца Пирмонтскаго, его дѣтей, на игрецкой столъ и на все, что было видимо, я пошелъ съ землякомъ своимъ домой и, разплатившись съ хозяиномъ (у котораго въ трактирѣ не могли имѣть пива), сѣли на готовыхъ лошадей и съ веселымъ духомъ слѣдовали нашему боту. Въ это время было 12 часовъ ночи. Я простился съ Пирмонтомъ, но обѣщалъ, естьли можно будетъ, еще побывать въ немъ. У домика, гдѣ платятъ шосе-гельдъ (вездѣ гроши да фенинги — Матушка-Россія, ничего-то этого ты не знаешь!), попалась намъ какая-то фура, набитая людьми и запряженная только двумя клячами. Мы узнали, что они ѣдутъ туда же, гдѣ и мы должны проѣжжать, и, заплатя нѣсколько грошей боту, поѣхали за сею повозкою. Скоро примѣтилъ я, что этотъ народъ другаго разбора, нежели тотъ, которымъ мы были окружены въ Пирмонтѣ. Они запѣли пѣсни (видно національныя, потому что кромѣ Bier, Butterbrodt и Tabak я ничего не понялъ) и послѣ каждаго куплета лобызались съ своими любезными, сидѣвшими между ними. Долго ѣхали мы бодро, но передъ разсвѣтомъ зачало насъ клонить ко сну. Лучи восходящаго солнца вновь ободрили насъ, и мы поѣхали большою рысью (потому что дорога была пряма, и мы ѣхали уже одни)... Часу въ четвертомъ утра, подкрѣпивши себя ромомъ и бутербротомъ, переправились мы (кажется) черезъ Везеръ на баркѣ [4]) и поѣхали одни, безъ бота. Туманъ былъ очень великъ, такъ что я не могъ видѣть иногда вѣрнаго своего Картуша. Часа черезъ два пріѣхали мы въ одну деревню. Товарищъ мой усталъ, и мы рѣшились тутъ отдохнуть и заставить отдохнуть скотовъ, на которыхъ мы ѣхали.

---

1) Далѣе зачеркнуты слова: «которая блѣдными лучами освѣщала алею». 2) Наверху надъ послѣдними словами надписано: «чувствами». 3) На поляхъ приписано: «или э[фирные]». 4) Наверху надписано: «лодкѣ».

Мы заснули и непримѣтно проспали до десятаго часа. И при пробужденіи моемъ изба, въ которой мы спали, была полна мужиковъ, толковавшихъ о какомъ-то указѣ. С. И. проснулся отъ ихъ шума, а я отъ того, что не хотѣлъ болѣе спать. Сѣли на лошадей и пустились далѣе. Проѣжжали лѣсами, полями, долинами и наконецъ пріѣхали въ Einbeck. Здѣсь застали въ трактирѣ обѣдающихъ гостей и хозяина и пособили имъ. Послѣ обѣда отдохнули, сѣли, крякнули, покатились и пріѣхали въ Nordheim. Здѣсь купилъ я трубку, пошутилъ съ милою дочкою трактирщика, подкрѣпился и, въ 10-мъ часу проѣхавши Nörten, Bosster, Wende, въѣхали мы въ славную нашу Резиденцію. Но здѣсь какія перемѣны ожидали насъ! Студенты толпились на Венденской улицѣ, многіе въ смѣшныхъ шляпахъ, многіе совсѣмъ безъ шляпъ, и нѣкоторые повязали головы свои платками. Прежде всего услышалъ я: Stender, Stosrowsky и проч. sind conssillirt. Мы слѣзли недалеко отъ Коха съ лошадей и остались тутъ ужинать. Stender съ печальнымъ видомъ пришелъ туда и простился со мною. Жандармы разъѣжжали съ обнаженными палашами по улицамъ. Это былъ роковой день, въ которой запрещены красныя и другія шапки, куреніе табаку на улицахъ. Не знаю, переживетъ ли Геттингенъ такія нещастія. Но — поутру все было покойно. Черезъ нѣсколько времяни былъ другой шумъ у студентовъ съ жандармами. Это уже я видѣлъ. Описалъ путешествіе въ Пирмонтъ, но забылъ сказать что-нибудь о самомъ Пирмонтѣ. Пирмонтъ можно скорѣе назвать деревнею, нежели городомъ. Я еще не помню города въ Германіи менѣе Пирмонта.

— Пора спать[1]). —

28 Сентября. / 10 Октября. Вечеръ.

Великій Боже! въ какомъ забвеніи эта книга! Не докончилъ даже путешествія въ Пирмонтъ. Подобная этой книгѣ *Бѣлая Книга* не можетъ сравниться съ сею. Съ какимъ печальнымъ удовольствіемъ изливалъ я въ нее свои чувствованія въ зимніе вечера Московскіе. Здѣсь, въ Геттингенѣ, хотя я и не имѣю тѣхъ священныхъ обязанностей, хотя не нещастенъ, однимъ словомъ, хотя я здѣсь свободенъ, однакожь не чувствую здѣсь того удовольствія, которое я чувствовалъ въ то время въ Москвѣ. Хотя здѣсь не терзаетъ моего сердца видъ несравненнаго въ добротѣ и нещастіи отца, отца-друга, отца и благодѣтеля; но тамъ утѣшали меня иногда мысли пріятныя, смѣшанныя съ душевною горестію, и слеза, выкатившаяся, такъ сказать, изъ глубины сердца, оживляла меня и давала мнѣ новыя силы для

1) Здѣсь оканчивается описаніе путешествія въ Пирмонтъ. Дальше идетъ дневникъ. См. выше, начиная съ листа 30-а рукописи.

перенесенія новыхъ нещастій! Иногда мысль о людяхъ, съ которыми мнѣ было *пріятно быть вмѣстѣ*, радовала духъ унылой. Но теперь другія времяна, другіе годы, и я самъ другой, съ другими новыми мыслями о людяхъ, о всемъ. Но воспоминанія сіи пребудутъ на вѣкъ незабвенными; и естьли когда нибудь я буду въ состояніи сообщить эти чувствованія доброму моему брату Сергѣю съ откровенностію, то я буду доволенъ. Но кто знаетъ, какой океанъ долженъ я буду переплыть прежде, нежели увижу свое Отечество!

Въ продолженіе этого долгаго Zeitraum'а моей лѣности случилось то и другое. Пріѣхалъ Данилевскій. Я уже на другой квартирѣ, будетъ ли успѣхъ? Данилевскій хорошо поѣздилъ.

30 Окт[ября]. / 12 Сент. 1) Нынче надѣлалъ Курляндецъ Шиманъ пребольшаго шума здѣсь въ домѣ. Онъ собрался итти въ Галле, но — но позабылъ разплатиться въ Геттингенѣ. Служанка остановила сундукъ его и хотѣла запечатать.

Вчера проводилъ я Данилевскаго и Сер[гѣя] Ивановича до Венде. Они пошли на Гарцъ. Въ Венде поговорилъ я съ трактирщикомъ по-Английски. Онъ говоритъ, кажется, хорошо. Не знаю, не озябнутъ ли они на Гарцѣ. Сегодня пробылъ я цѣлый день въ своей комнатѣ. Погода была холодная и вѣтреная. Поутру занимался древнею Исторіею, а большую часть послѣ обѣда провелъ съ А. П. Куницынымъ, пилъ съ нимъ кофе и ужиналъ. Сей часъ только избавилъ меня пьяный Виртъ отъ своего посѣщенія. Посидѣлъ у меня съ 1/2 часа. Теперь 11-й часъ. Мнѣ спать не хочется. Продолжать путешествіе въ Пирмонтъ не разположенъ. Человѣкъ не можетъ имѣть самого себя въ своей волѣ — скорѣе другаго. Напримѣръ, любезный предметъ сердцу можетъ сдѣлать другаго веселымъ и печальнымъ, можетъ перемѣнять различнымъ образомъ разположеніе духа. Мнѣ тепло сидѣть за столомъ и марать, что на умъ не взбредетъ; и для того-то, кажется, и ложиться въ постель не хочется.

31 Іюля по нов. ст. 2)

Въ l'Asilo d'amore говоритъ между прочими богами, которые, будучи сердиты, жалуясь на Амура, искали его (Венера была тутъ же и знала о сынѣ),

Марсъ: Che crederia che questo
Temerario fanciullo anche fra l'armi

---

1) Очевидно ошибка, надо: 30 сентября / 12 октября. 2) Здѣсь на поляхъ приписано: Miedzibosz in Podolie in Polu.

Ardisse penetrar? L'ire feroci,
Le strepitose voci
D'oricalco guerrier punto non teme.
Scorre in mezzo alle schiere;
Chi accende, chi ferisce;
Ad uno il senno, all'altro il cor rapisce.
Tutti veggo cambiar. Sfidó quel stolto
A cimento la morte; or trema innanzi
Alla beltà che diventó suo Nume.
Chi le temule piume
Svelle dall'elmo, ed a vergar le adopta
Molli sensi d'amore; altri con l'asta
Destinata a ferir, su tronchi imprime
Il nome del suo bene. Eroica impresa
Sembra al guerriero il superar có vezzi
La durezza d'un core; e quando la viato,
Ne trionfa lo stolto.
Come se avesse appunto
Siracusa espugnata, arsa Sagunto.
Prima odiava l'oziosa dimora,
Or se tromba dal sonno lo desta,
Odia il giorno, detesta l'aurora
Avvilito l'amante guerrier.
Già sognava battaglie, ruine,
Ed or sogna quel volto, quel crine,
Quelle ciglia che apprese a temer.

$\frac{13}{25}$ *Октября.*

Сегодня вновь начались лекціи, и я въ первый разъ былъ на лекціи у Гуго, пропустивши вчерашнюю. Онъ началъ вчера, а я сегодня лишь записался. Читаетъ хорошо, но слишкомъ, такъ сказать, мямлетъ. Теперь время полетитъ скорѣе. Намѣренъ вставать ранѣе и ложиться пожже, слѣд. заниматься болѣе. Но что-то будетъ съ знакомствомъ въ низу. У Гуго была аудиторія полна (я нащиталъ 32 студента). Передъ этимъ часомъ была другая лекція. Слушателей также много было. Думаю, что для Гуго нечувствителенъ будетъ недостатокъ въ студентахъ; ему, который былъ главною причиною всѣхъ нещастій, постигшихъ родъ студентческій!

На сихъ дняхъ были мы у Сарторіуса и Герена и записались. Сарторіусъ *любитъ поговорить* и похвастать. Всклепалъ на меня, что я ввелъ его сына однажды на лекцію. Я конечно участвовалъ въ этомъ, но участвовалъ — не болѣе. А сынъ ему сказалъ: der diese Russe ввелъ меня. Очень ласковой человѣкъ. Не терпитъ, кажется, Фрейганга, кот[орый] въ описаніи своемъ Геттингенскаго Университета называетъ его Улиссомъ (Понжерардъ сочинялъ ему). И былъ столько простъ, что, не примѣтивши явной насмѣшки Понжерарда, этого проказника, принесъ книженку къ Сарторіусъ и показалъ ему это мѣсто. — Полно марать; ничего нейдетъ въ голову. Лучше почитать древнюю Исторію, пока принесутъ Карбонаду. Вчера игралъ въ бостонъ у А. М. Гусятникова, кот[орый] скоро отсюда ѣдетъ съ А. И. Данилевскимъ и Вунделихіусомъ и проигралъ всѣмъ — и полно и примѣрно.

Вчера послѣ обѣда сдѣлали мы очень пріятную прогулку до Ландверъ-Шенке, 1/2 часа отъ Геттингена, гдѣ, напившись кофе, поговоривши, возвратились въ городъ.

2. Ноябр. п. н. ст[*илю*].

Сейчасъ бьетъ полночь. Теперь только лишь я кончилъ переводить начатую сегодня Сарторіеву книжку о Народномъ богатствѣ и посмотрѣлъ въ окошко — вотъ настоящая мертвая тишина: никого не видно и не слышно, кромѣ раздающихся осиплыхъ голосовъ сонныхъ нахтвехтеровъ и двухъ или трехъ гаснущихъ фонарей на всей Грондской улицѣ. Я также не хочу возмущать этого покоя — и намѣренъ удалиться на постелю. Сегодня началъ Sartorius лекцію свою: National Oeconomie; читалъ по своему обыкновенію хорошо. Гееренъ былъ сегодня чрезвычайно горячъ въ Статистикѣ; говорилъ громко, скоро, и языкъ его перерывался отъ досады. Но, *не бойтесь, онъ сердитъ на дождь*, кажется, гов[оритъ] Дмитріевъ, а Гееренъ былъ сердитъ на Статистическія Таблицы. Симъ и сочинителямъ ихъ приписывалъ онъ пропасть дурнаго. См. сегодняшнюю лекцію. Я видалъ Герена, видалъ только два раза такъ сердитымъ: одинъ разъ, когда онъ сердился прошлою зимою на собакъ, кот[орыя] безпокоили его во время лекціи, а въ другой разъ сегодня на Статистическія Таблицы. Гуго читаетъ хорошо, но слишкомъ, какъ называютъ, мямлетъ, и улыбка его непріятна, потому что она зла, кажется, и ехидна. Геренова улыбка смѣшна, а Сарторіусъ почти совсѣмъ не улыбается. Но его въ моральномъ смыслѣ я бы Герену (о Гуго и говорить нечего) предпочелъ, — да только любитъ похвастать.

Прошли тѣ годы золотые,
Когда мечтой я въ свѣтѣ жилъ;
Минулись дни тѣ дорогіе,
Когда я будущность любилъ.

*

Теперь себѣ самъ удивляюсь,
Какъ мнѣ мечта была мила;
И къ будущности обращаюсь,
Уже которая прошла.

*

И вижу, что я все пустое
Мечталъ въ свободной головѣ;
Но сердце вѣть еще простое
Имѣлъ и я тогда въ себѣ!

*

Я то имѣю, чѣмъ плѣнялся.
Сбылось пророчество мое!
И не дивлюся, что смѣялся
Теперь сему: вѣть все прошло!

Года за 4 или 5 восхищался (естьли это не много сказано) я будущимъ, которое было совершенною бездѣлицею, и которая часто уже исполнялась послѣ того; бездѣлицею, въ разсужденіи теперешнихъ моихъ мечтаній о будущемъ. Но и сіи, какъ увѣренъ и какъ чувствую, черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ казаться столь же смѣшными, какъ и тѣ (лѣтъ за 5), хотя я теперь и мало думаю, очень мало о будущемъ, потому что занимаюсь болѣе настоящимъ.

Уже 40 минутъ 1-го часа по полуночи. Пора спать!

6 Ноября н. н. ст. Недавно било 12 часовъ, и я оставилъ свою ночную работу — переводъ Сарт[оріевой] книжки. Хочется перевести да напечатать; не знаю — первое гораздо легче послѣдняго.

Сегодня хотѣлъ я записаться у Сарторіуса въ Исторіи, но онъ сказалъ, что только 8 записалось у него, и изъ тѣхъ платятъ только трое. Но теперь я рѣшился уже не слушать Исторію, потому что дѣла очень много. Сегодня въ первый разъ былъ на лекціи у Зальфельда, кот[орый] читаетъ Дипломатику и на Французскомъ языкѣ. Трудно для меня записывать на Французскомъ.

Пора спать!

Вчера пили шеколадъ у меня, и Dr. Thoms ужиналъ, а третьяго дня я у него ужиналъ. Дочери красавицы.

9 Ноября п. н. ст. Бьетъ 2 часа ночи, и я оставляю Сарторіуса, чтобы увѣдомить эту книгу мою, что я по сію пору все переводилъ, что сталъ бы продолжать, но что свѣча догорѣла или догораетъ; и наконецъ, что я сжегъ сегодня ввечеру цѣлую свѣчу. Спать совсѣмъ не хочется, но, добрые люди говорятъ, пора. Прости все, миръ, табакерка, Сарторіусъ, трубка — хочу лечь спать, но передъ сномъ еще почитать Платонову Республику.

13 Ноября п. н. ст.

Сегодня воскресенье. У Коха веселятся Нѣмцы въ Thé dansant. Я проводилъ туда А. И. Дан[илевскаго], Мих[алкова] и Кун[ицина] и сей часъ пришелъ домой, пришелъ домой, чтобы приняться за Сарторіуса! (Хотѣлъ было итти на низъ, но нѣтъ никого дома). Горькая мысль! Отъ чего происходитъ, что мнѣ теперь скучно? Я намѣревался провести вечеръ иначе, нежели какъ теперь долженъ. Все утѣшеніе состоитъ въ томъ, что къ переводу моему прибавится страницы три или четыре: горькое утѣшеніе! Я думалъ, что вечеръ проведу съ T[homs] и буду естьли не веселъ, то не скученъ; теперь долженъ забавляться Сарторіусомъ: горькая забава! Но надѣюсь, что съ прошествіемъ $1\frac{1}{2}$ лѣтъ, кот[орые] я пробуду въ Геттингенѣ, пройдетъ и скука эта, и можетъ быть въ Отечествѣ буду я щастливѣе (по крайней мѣрѣ потому, что буду въ Россіи) и тамъ въ кругу земляковъ, подъ родимымъ небомъ, вспомню прошедшее! пріятная мысль! пріятное утѣшеніе! пріятная забава!

Не имѣю духа приняться за Сарторіуса. Не то на умѣ, и не расположенъ.

Вчера мы пѣли у Дан[илевскаго] Русскія пѣсни. Пѣсня: *говорилъ-то мнѣ сердечный другъ* — тронула меня; я пѣлъ ее съ величайшимъ удовольствіемъ и былъ очень веселъ.

$\frac{4}{16}$ Ноября. Четвергъ. Сегодня написалъ я предлинное письмо къ бр[ату] Ал. Ив. въ П.бургъ и отвѣчалъ ему на его, полученное третьяго дня, изъ кот[ораго] видно, что онъ еще не получалъ письма моего вмѣстѣ съ напоминаніемъ о присылкѣ денегъ, кот[орыхъ] у меня давно уже нѣтъ.

Вчера было въ Вестфаліи, а слѣдственно и въ Геттингенѣ торжество, по случаю дня рожденія В[естфальскаго] Короля Еремы. Я былъ въ церквѣ. Трефуртъ гов[орилъ] проповѣдь, молился на колѣнахъ за Короля. Я думаю, каждому мальчику пріятнѣе стоять въ школѣ на колѣнахъ, нежели вчера ему.

Послѣ обѣда въ три часа Профессора и гражд. чиновники собрались въ Conciliumhaus и пошли по-парно въ Sommerauditorium, гдѣ Мичерлихъ говорилъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ. Я отъ добраго сердца посмѣялся надъ Профессорами, особливо надъ своимъ Гереномъ, какъ онъ, на каблучкахъ переступалъ по камнямъ, чтобы не замараться въ грязи. Ейхгорнъ и вообще все, кареты, скоты, везшіе и везомые,—все было смѣшно и было бы достойно кисти самаго Гогарта, или, по крайней мѣрѣ, Чесалкина или Гребенкина. Повечеру была иллюминація на алеѣ. Студенты brachten Vivat или Lebe hoch Проф. Планку и Префекту. Вездѣ свои обычаи. Префектъ давалъ балъ и ужинъ. Зальфельдъ говорилъ сегодня, что В[ест] Ф[альскому] Королю не приходило офиціальнаго извѣстія о мирѣ; Саксонскому и Баварскому пришло и что въ Касселѣ отъ этого, по словамъ его, au désespoire!!! Охъ, царство! хуже пономарства! «Приуныль», видно «тяжела» (корона, какъ гов[оритъ] Жуковскій въ своей баснѣ).

¼ 1-го часа по полуночи.

Оставилъ переводъ Сарторіуса; почиталъ немного Шмита: глаза начинали смыкаться; я, закуривши трубку, отворилъ окошко и смотрѣлъ на улицу: все тихо, только лишь Nachtwächter прерываютъ глубокую тишину. Тамъ и сямъ видны еще огни въ домахъ. Можетъ быть прилежные студенты занимаются — и правы: нѣтъ лучше времяни для умственныхъ занятій, какъ теперь. Однакожь пора спать, хотя и не хочется. Одинъ предразсудокъ.

$\frac{3}{15}$ *Ноября* выпалъ первый снѣгъ, здѣсь стаялъ, а на Гейнбергѣ, какъ видно изъ моихъ окошекъ, остался.

$\frac{5}{10}$ [1]) *Ноября. ½ 11-го часа вечера.*

Сей часъ пересталъ переводить, кончивъ обыкновенный урокъ свой, состоящій въ переведеніи 8 страницъ. Погода дурная — идетъ снѣгъ. Нельзя смотрѣть въ окошко. Завтра въ 7 часовъ утра надобно итти къ Вундерлиху, и для того хочу теперь лечь спать. Сегодня читалъ въ газетахъ, что, можетъ быть, Понятовскій женится на дочери Саксонскаго Короля и будетъ самъ Королемъ. Хорошо!! Но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Онъ былъ уже и опять будетъ. Все преходяще въ мірѣ: «отдежурилъ и пошелъ», гов[оритъ] Державинъ.

$\frac{9.}{21.}$ *Ноября. Вечеръ.* Кончилъ переводить Сарторія.

Давно не проводилъ я такъ весело времяни, какъ третьяго дня, въ воскресенье, у Вундерлиха, у кот[ораго] я и Данил[евскій] ужинали. Я игралъ въ

1) Тутъ ошибка, надо $\frac{5}{17}$.

карты съ Hofrathin Lichsen, Калемъ и Асс. Гартманномъ. Она любезная и неглупая женщина. За ужиномъ сидѣлъ между нею и старшею дочерью ея Аделаидою, подлѣ кот[орой] сидѣлъ и Данилевскій. Я премного смѣялся съ Аделаидою, а Данилевскій отличался своею веселостію. Послѣ ужина говорилъ съ старухою и проч. А къ Вундерлиху то не хотѣлось было итти, но теперь не сожалѣю, что пошелъ.

$\frac{10}{22}$. *10 часовъ ночи.*

Хотя и мало перевелъ, но оставилъ. Хочется спать, потому что въ послѣднюю ночь не могъ спать. До ужина читалъ Смита; очень нравится. Погода прескверная. Цѣлой день идетъ дождикъ.

$\frac{11}{23}$. *Бьетъ 11 часовъ.* Съ полчаса, какъ кончилъ переводить. Смотрѣлъ въ окошко. Свѣча совсѣмъ догораетъ. Какъ похожа на умирающаго человѣка!

Середа $1/_2$ 11-го часа. Сей часъ положилъ на сторону Сарторіуса. До ужина все читаю Шмита. Нынче понималъ, а вчера ничего. Я выщиталъ сегодня, что я работаю по крайней мѣрѣ 10 или 11 часовъ въ сутки. Чего кажется нельзя бы надѣлать во столько времяни? Что то будетъ черезъ $1^1/_2$ года въ головѣ! Этотъ семестръ я болѣе прилежаю, нежели тѣ два. Пора спать. Вчера и третьяго дня не переводилъ Сарторіуса — читалъ послѣ ужина, но читая скоро засыпаю, а переводя нѣтъ. Итакъ, хоть и мало пользы, но лучше переводить Сарторіуса.

$\frac{\text{22 Ноября}}{\text{4 Декабря}}$. *Понедѣльникъ. 12-й часъ ночи.* Сей часъ кончилъ переводить Сарторіуса. Въ субботу провелъ вечеръ одинъ съ Данилевскимъ у него, а вчера столкнулись у меня человѣкъ съ 8. Пили чай съ ромомъ; въ 10-мъ часу пошелъ я въ низъ и просидѣлъ тамъ почти до 12-ти. Игралъ съ Томсоншами въ жмурки и въ другія игры. Погода сегодня была прескверная: шелъ снѣгъ съ дождемъ, и былъ холодный вѣтеръ. Теперь по ночамъ мнѣ что-то не мечтается. Вчера по утру, сидя за Сарторіусомъ, размечтался было о своемъ путешествіи, которое очень разпространилось въ головѣ моей; но хорошо, кабы и въ половину сбылось. Я думалъ поѣздить по Германіи, ѣхать въ Италію, заѣхать въ Швейцарію, оттуда въ Парижь, а изъ Парижа черезъ Вѣну въ Крымъ, а потомъ и въ П.бургъ! Но и abstrahirt v. d. Course не можетъ, кажется, этого случиться. А какъ бы славно, кабы случилось! Желалъ бы пожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и въ Симбирскѣ для того только, чтобы планъ или, лучше сказать, одно только мечтаніе мое исполнилось. Потомъ бы посмотрѣть на *смерть не въ далекѣ* — и дѣло кончено! Послѣ всего этого могу только быть хотя нѣсколько покоенъ. Индія, Аме-

рика, Китай, Сибирь — васъ также забыть не надобно. Въ этомъ случаѣ почувствуешь только цѣну денегъ и совершенной свободы. Пора спать и читать *Freymüthiger*.

29 Нояб./11 Декаб. Понедѣльникъ. 1/2 11-го часа вечера. Сей часъ окончилъ переводить Сарторiуса. На прошлой недѣлѣ видѣлъ казнь Жида и болѣе удостовѣрился въ негодности Нѣмецкаго народа. Эта сцена сдѣлала на меня очень сильное впечатлѣнiе. Въ другой разъ, думаю, что не пойду.

На сихъ дняхъ получилъ отъ бр[ата] А[лександра] И[вановича] 500 по 12 и 5/8 шил. Спасибо ему! Но какой дурной курсъ! За 500 р. получилъ я 180 тал. Не знаю, какъ разплатиться съ долгами. А ужъ живу очень экономно. Нечѣмъ болѣе себя ограничить. Пора спать и читать Joseph Andrews.

Что-то скучно зимою жить здѣсь. Въ этотъ семестръ болѣе прочихъ занимаюсь.

30 Ноября/12 Декабр. Вторникъ. 11 часовъ ночи. Денежный курсъ на наши ассигнацiи, какъ видно изъ сегодняшнихъ Гамбургскихъ газетъ, упалъ еще ниже, до 12 1/4 шил. Не знаю, чѣмъ это кончится и гдѣ оный остановится. А, признаться, это заставляетъ меня думать, и серiозно, о денгахъ. Выдумываю различны яограничиванiя себя въ издержкахъ, но и такъ уже вездѣ zu knapp. Рѣшился не покупать ни одной книги и не ѣздить верхомъ болѣе. Но что это значитъ? Чертъ Соколовичь не шлетъ 40 тал[еровъ]. Пора спать. Нынче я не ужиналъ, а пилъ вмѣсто того чай. До чаю занимался часа съ 3. Prêfac'омъ[ъ] Garnier, а потомъ былъ у меня Данилевскiй; а послѣ переводилъ Сарторiуса и теперь только кончилъ.

2./13. [1]) *Декабря. Четвергъ. 12-й часъ вечера.* Оставилъ переводить Сарторiуса; вчера не переводилъ — зубная боль помѣшала. До ужина читалъ Garnier Prêface. Въ субботу начнетъ Людеръ публичную лекцiю *Geist der Geschichte*.

Въ середу нельзя будетъ ходить, а въ субботу не буду пропущать. Сегодня, читая Garnier, почувствовалъ я какую то большую охоту читать книги. Занимаюсь теперь порядочно, а иначе бы — умирать со скуки. Хочется теперь все болѣе и болѣе узнавать — и теперь, кажется, я только начинаю чувствовать цѣну ученья, чувствовать, какимъ образомъ можно заниматься съ прiятностiю, но не знаю, что наконецъ будетъ съ Латинскимъ языкомъ. Труденъ, а нуженъ, необходимъ. Англiйскiй habe, кажется, los. Пора спать.

3./14. [1]) *Пятница. 1/2 12-го часа ночи.* Сегодня часа съ два до ужина занимался Латинскимъ языкомъ, глаголами и т. п., очень скучно — правду ска-

---

1) Вѣроятно: $\frac{1}{13}$ или $\frac{2}{14}$.

зать, такъ что дѣлаетъ противнымъ другія занятія. Сей часъ кончилъ переводить Сарторіуса — что-то не скоро идетъ. Урокъ, состоявшій прежде изъ 8 стр., уменшенъ мною до 4. Плохо — долго еще надобно переводить, а поправлять — еще долѣе. Но послѣ ужина нельзя другаго ничего дѣлать. Спать пора. Нынче не былъ у Бенеке, потому что сюда пріѣхалъ Виленской Профессоръ *Сконко*[1]), кажется, и былъ въ это время у Данилевскаго. Повечеру же видѣлъ его Данилевскій пьянаго очень. Хорошо! Не пріѣхалъ ли сюда Schnaps benutzen! Кн. Репнинъ и съ нимъ приказывалъ, чтобы я пріѣхалъ въ Кассель; нечего дѣлать — собираться въ походъ. Не одинъ луидоръ надобно для этого, а луидоры; ужь тошно отъ нихъ приходитъ. Проклятый курсъ! Проклятая еще болѣе война!

Люди сотворены для Государей — ибо курсъ дуренъ!

$\frac{14.}{26.}$ *Вторникъ. 12 часовъ ночи.* Сей часъ оставилъ Сарторіуса, переведя 9 цѣлыхъ страницъ. Болѣе не хочется и кажется труднымъ. Сегодня Bettag — завтра не будетъ коллегій. Черезъ 4 дня начнется здѣсь 1810 годъ. Черезъ 17 дней начнется 1810 въ Россіи. Низпошлетъ ли Провидѣніе благословеніе свое на Россію? и загладитъ ли 1810 годъ прошедшіе? Духъ разума и славы! осѣни Россію крыломъ своимъ и дай Александру сдѣлаться тѣмъ Александромъ, какимъ онъ былъ за 4 года!

Курсъ нашъ 11 съ чѣмъ-то шил. Хорошо! Что-то будетъ въ передъ.

А ты, Россія, возпряни вновь съ новымъ годомъ и затьми блескомъ своимъ всѣ царства земныя! Явись въ прежнемъ сіяніи своемъ, величественномъ и благодѣтельномъ для вѣрныхъ сыновъ твоихъ. Или собери сихъ послѣднихъ и ступай карать нарушителей твоего блаженства. Потомъ стряси съ себя тяжелое бремя, бремя рабства и явись какъ возходящее солнце, въ полномъ сіяніи славы и разума!

Пора спать! Бьетъ $^1/_4$ перваго часа пополуночи.

1810.

2 Января.

Сегодня послѣдній день праздниковъ. Въ концѣ прошлаго 1809 года ѣздилъ я съ С. И. Михалковымъ въ Кассель. Поѣхали туда на прошедшей недѣлѣ въ субботу, а возвратились на сей недѣлѣ въ середу; и я сожалѣю, что былъ въ Касселѣ; и сожалѣнію моему причиною эти проклятыя ден[ь]ги, пре-

1 Т. е. Зноско.

зираемыя столько Физіократами! Поѣздка стоитъ талеровъ съ 30, а пріемъ Кн. Репнина въ нѣкоторомъ отношеніи неоцѣненъ. Кассель имѣетъ въ себѣ много хорошаго; но скука, кажется, и тамъ имѣетъ одну изъ главнѣйшихъ своихъ резиденцій. Я видѣлъ тамъ: a) Мраморныя бани; b) дворецъ на N[apoleons]-höhe и c) залъ для Государственныхъ чиновъ. Все это прекрасно, но у кого въ рукахъ? Одинъ Жидъ, какъ говорятъ, я слышалъ, сказалъ по случаю перемѣны Wilh[elms]-höhe на N[apoleons]-höhe: когда украдутъ платокъ, то и имя, которымъ оный замѣченъ, перемѣняютъ. — ! —

Короля въ Касселѣ не было.—Одинъ изъ двухъ (или очень немногихъ) кофейныхъ домовъ въ Касселѣ хорошъ. Стоитъ на той же площади, гдѣ и дворецъ. «Дворецъ» — но подъ симъ имянемъ не надобно воображать себѣ прекраснаго, великолѣпнаго дома, — нѣтъ: снаружи онъ похожъ болѣе на тюрьму, нежели на жилище Короля. «Короля» — но и подъ симъ имянемъ не должно...

Въ субботу, воскресенье, понедѣльникъ ожидали мы, что будутъ что-нибудь играть на театрѣ, но все тщетно; но во вторникъ публикована была опера: *Петръ Великій* — какъ не остаться? думали мы и пожертвовали 1½ днемъ нашему патріотическому удовольствію. Въ 7 часовъ вечера взошли мы въ театръ. Зрѣлище было для меня пріятно; напоминало прошедшее, которое едва ли было хуже настоящаго; я съ удовольствіемъ вспоминалъ минуты, проведенныя въ Московскомъ театрѣ; воспоминаніе сіе вело за собою многія мысли. Москва живо представилась въ моемъ воображеніи. Но стой мечтаніе! Зубъ мой заболѣлъ тогда сильно, и въ entreacte вышелъ я изъ театра, положилъ на зубъ хлопчатой бумаги съ ромомъ и выпилъ рюмку сего напитка; и я не знаю, которое изъ сихъ двухъ средствъ помогло мнѣ болѣе. Но какъ бы то ни было, зубъ пересталъ болѣть, и я съ новымъ удовольствіемъ слушалъ и смотрѣлъ оперу. Играли довольно хорошо. Но какъ, думалъ я, можно Русскому вообразить себѣ Петра I, смотря на вертляваго Француза? И стоятъ ли того Французы, чтобъ представлять Русскихъ? Стоитъ ли вся Франція одного..? Но вмѣстѣ же, думалъ я, это театръ, и воображеніе мое успокоивалось. Игравшій Петра говорилъ: mon cher Мензикофъ, je suis Pierre Alexiovitz, Empereur de Russie и т. п., и вообще піэса можетъ развѣ понравиться иностранцу; хотя Петръ и представленъ тутъ съ хорошей стороны, но о немъ нельзя говорить такъ, какъ о прочихъ *великихъ* людяхъ. «Кому его уподобить, гов[оритъ] Ломоносовъ; между людьми нѣтъ ему подобнаго» и проч.

Вышедши изъ театра, я стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на разъѣздъ: экипажи хороши — всѣ парою. Оттуда пошли мы ужинать въ трактиръ Кö-

nig von Preussen; ѣли и пили, вино хорошо; а на другой день въ 10 часу разпрощались съ Касселемъ. Жили въ Hotel de Westphalie y Rivière. Сегодня читалъ въ газетахъ подъ статьею изъ Вѣны, изъ Константинополя, что Турки очень будто разбили Русскихъ. Скоты Нѣмцы и дураки Турки выдумали это.

4 Янв. н. ст. Докторъ Рау, ѣздившій вмѣстѣ съ нами въ Кассель, былъ для насъ полезенъ не только потому, что ѣздилъ съ нами въ N. höhe, ходилъ въ Saal der Stände, но и въ другихъ случаяхъ. Кромѣ того съ нимъ весело было ѣхать и покойно[1]). Во дворцѣ на N.-höhe есть два пребольшихъ зеркала, взятыя въ Брауншвейгѣ, куда оныя были присланы для Герцога изъ П.бурга. Дворецъ убранъ прекрасно и весь построенъ и[зъ] 4-роугольныхъ большихъ камней.

Кассель мнѣ очень не понравился; да и можетъ ли нравиться мѣсто, гдѣ царствуютъ Наполеоны? Городъ прескучный, сонный, ничего не видно, кромѣ солдатъ. Къ тому присоединяется скверное время, тогда бывшее и проч.

4 Янв. по н. ст[илю].

На канунѣ новаго года (по н. ст.), въ воскресенье провелъ я время отъ 3 часа послѣ обѣда до 3 часа ночи или утра въ низу у доктора. Въ 8 часу ужинали и передъ ужиномъ, по Русскому манеру, выпили мы по шнапсу, его дочки тоже. Докторъ, какъ патріотъ, не позабылъ и Нѣмецкаго обряда и послѣ ужина выпилъ также шнапсъ. Но не знаю, по какому обряду пилъ онъ во время ужина. Наконецъ, наѣвшись очень сыто и хорошо, мы встали. Услуга Русскому, патріотисмъ и проч. причинили въ докторской головѣ прекраснѣйшую мысль, а имянно: онъ объявилъ, что всѣ должны цѣловать другъ друга. «Мысль удачная», сказалъ я и тотчасъ исполнилъ ее со старшею дочкою. Потомъ пошли другіе поцѣлуи, которые были для меня уже не столь интересны. Спустя нѣсколько времяни послѣ ужина былъ принесенъ пуншъ, зака[за]нный Шиманомъ на мой и его щетъ; пуншъ былъ хорошо сдѣланъ, въ особенности же понравился доктору. Черезъ нѣсколько времяни почувствовалъ даже и я перемѣну въ головѣ моей. Я тогда не имѣлъ никакой скуки, былъ даже веселъ; все казалось мнѣ быть далѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ, и потому, хотя иногда только сказать M-lle Thoms слова два, я чувствовалъ уже, что губы мои касались уже ея милаго лица; а почувствовавши, повторялъ это въ другой и даже третій разъ. Пуншевые пары, восходившіе въ голову, имѣли также большее дѣйствіе и на языкъ, который отъ того дѣлался гораздо гибче и доказалъ Русскую пословицу, что *«языкъ безъ костей»*. Она,

1) На поляхъ сдѣлана приписка: «Ужинъ съ воскресенья на понедѣльникъ, встрѣча Новаго года — помѣстить сюда».

хотя и не пила пуншу, отвѣчала мнѣ очень ласково. Въ полночь всѣ мы встрѣтили новый годъ съ рюмками въ рукахъ, съ головами, наполненными спиртовыми парами, съ лицами, на которыхъ было видно веселіе. Не знаю, что у кого было на умѣ и на сердцѣ. Потомъ вышли на крыльцо — крики студентовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздавались по всей Грондской улицѣ и дѣлали ночь непохожею саму на себя. Ночь, сопутствуемая тишиною (въ особенности въ Геттингенѣ), взяла на этотъ разъ съ собой другую подругу, веселіе, и вступила съ онымъ въ новой, 1810 годъ, оставивъ обыкновенную подругу свою, тишину, при входѣ; но не безпокойтесь, о вы, которыхъ чувствительныя души питаются меланхоліею: въ то время, когда Природа вся въ покоѣ — не безпокойтесь! На другую же ночь возвратилась богиня, обожаемая вами, которой храмы воздвигаете вы во внутренности сердецъ вашихъ. На другой же вечеръ тишина воцарилась здѣсь съ самыхъ тѣхъ поръ, когда солнце перестало освѣщать трудящихся и курящихся Нѣмцовъ.

Но возвращеніе сіе было не столь пріятно любителямъ веселья. Но утѣшьтесь, друзья: черезъ годъ пройдетъ и *1810 годъ*. Этотъ вечеръ также мы много пѣли, а особливо:

Freulich erschalle der Jubelgesang,
Schwärmernder [1]) Brüder der Becherklang.

Изъ Шиллера.

Въ тотъ же вечеръ всѣ и танцовали различные танцы подъ музыку Шимана.

6 Января. п. н. ст. 1/2 11-го часа вечера.

Оставилъ переводить Сарторіуса — это въ первой разъ послѣ праздниковъ. Еще не привыкну къ обыкновеннымъ, до праздника бывшимъ занятіямъ. Смита еще не видалъ, Garnier тоже. Черезъ 16 воскресеній будетъ главное Свѣтлое Воскресенье. Это бы да еще одно, да и вонъ изъ Геттингена. Жить здѣсь не такъ то весело. Теперь уже привыкъ къ этой жизни, а прошлую зиму очень надоѣдалъ мнѣ Геттингенъ, хотя удовольствій тогда болѣе я имѣлъ, нежели теперь. Низъ, можетъ быть, будетъ иногда разгонять скуку.

10 Янв. н. ст. Понедѣльникъ. Бьетъ 10 часовъ ночи. Я оставилъ переводъ свой. Теперь хочу лечь спать, чтобы завтра ранѣе встать. Опять встаю въ 8 часовъ. Нѣтъ, мнѣ, кажется, никогда не привыкнуть вставать рано. Это для меня трудно, но за то я могу долго сидѣть по вечеру. Шлецеръ, какъ я слышалъ, былъ въ этомъ похожъ со мною. Хочется кончить Сарто-

---

1) Въ рукописи: Schwermernden.

ріуса, чтобы въ это время читать какія нибудь книги — для того, чтобы узнавать книги. Нога у меня все болитъ — не знаю отъ чего.

6/18 Января 1810. Четвергъ. 1/2 11 часа ночи. Сегодня писалъ письмо къ брату и увѣдомлялъ его о Молдавской Исторіи, о кот[орой] онъ ко мнѣ писалъ. Кончивши письмо, сталъ читать эту Молд. Исторію и заснулъ за ней. Поужинавши, переводилъ Сарторіуса, но все что-то плохо идетъ и скучно. Въ низу давно уже не былъ, что не хорошо, потому что тамъ можно было находить хотя малое развлеченіе. Вчера послѣ ужина тоже скучно было. Пріѣхавши изъ Касселя, т. е. съ начала 1810, я еще не принимался за Шмита и вообще менѣе дѣлаю, нежели прежде. Скука много причиною моей лѣности — но право, это не лѣность.

Сегодня ѣздили студенты съ фонарями въ саняхъ. Также была и Vornehme Schlitten-Partie, гдѣ Лишингъ ѣздилъ парою. Завтра будетъ блистательное катанье у Нѣмцовъ. Веселитесь, Нѣмцы, и забывайте свое горе, *а я уже покатаюсь въ саняхъ въ Россіи.* Много заключаетъ въ себѣ эта строчка. Вотъ уже 4-й день, какъ холодно по-Русски. Было, какъ говорятъ, до 15°. Холодно — а Нѣмцы все Нѣмцы, также лѣниво ходятъ по улицамъ. Сплю теперь на канапе и на постелѣ читаю *Joseph Andrews.*

22 Янв. 11-го 1/2 ночи.

Сегодня получилъ я письмо изъ Москвы, и слова Сережи меня чрезвычайно тронули — благородная душа!

Онъ описывалъ мнѣ встрѣчу Государя и Вел. Княгини въ Москвѣ — хорошо бы это посмотрѣть. Теперь только оставилъ переводить Сарторіуса, у котораго вчера былъ съ Данилевскимъ. Онъ намъ разсказывалъ нѣсколько анекдотовъ про Наполеона; крѣпко смѣялся надъ Нѣмцами. Жаль, что Ортманнъ пришелъ поздно и не могъ слышать хулы своихъ соотечественниковъ. Сарторіусъ человѣкъ веселый. Въ первый разъ ходилъ я вчера cour machen. Оттуда уговорилъ меня Данилевскій зайти къ Вундерлиху, который очень былъ радъ нашему посѣщенію. Послѣ обѣда мы пили у меня кофе, играли [въ] бостонъ, потомъ пили чай съ ромомъ. Докторъ Томсъ былъ вмѣстѣ, также заходилъ и Виленской Профессоръ Зноско; первой со мной ужиналъ. Въ 10 часовъ пошли мы съ нимъ въ низъ, и я пробылъ тамъ до *1-го* — но все не то! Кажется мнѣ, что мнѣ жаль! Но самъ не умѣлъ удержать.

25 Янв. 11-й часъ ночи. Сейчасъ оставилъ Сарторіуса, переведя 8 страницъ съ лишкомъ. Сегодня послалъ письмо къ брату съ докторомъ Eisner'омъ, отправляющимся въ П — бургъ по приглашенію медиковъ Русскаго правительства. Малой, кажется, не дуракъ.

Вчера проѣжжалъ здѣсь Шведскій Король съ супругою и дѣтьми; я его

видѣлъ и никогда этого не забуду. Какая перемѣна! Каково-то было ему ночевать въ Касселѣ? Но потомство будетъ къ нему справедливѣе современниковъ его! Утѣшься, Государь, утѣшься!

Потомство возгласитъ дѣла твои велики,
А сонмъ враговъ твоихъ уже теперь презрѣнъ,
И вѣчность сохранитъ ихъ имяна злодѣйски.
Твоимъ лишь, можетъ быть, названіемъ священнымъ
Смягчится *весь* ихъ стыдъ и злоба непомѣрна!

Что я навралъ!
Пора спать. — Вѣрю.
Вѣрю.
Вѣрю.

26 Янв. Пятница. 10 часовъ вечера.

Оставилъ Сарторіуса. По вычисленію моему вышло, что я работалъ сегодня болѣе 10 часовъ въ день или около 11. Это довольно, и это часто бываетъ. Какъ, кажется, должно *поумнѣть*, поработавъ этакъ два года; а какъ 10, 20, 30, 40, 50 лѣтъ? Чего не набьется въ голову! но правда многое опять выбьется. Пора спать. Слышно, что ѣдетъ дилижансъ — постиліонъ трубитъ: когда то настанетъ то блаженное время, когда эти звуки понесутся на сѣверъ! Дай Богъ, чтобы оно было блаженно, какъ я себѣ теперь воображаю.

Хотя я и не жалуюсь теперь на скуку (NB.. въ этой книгѣ), но это происходитъ не отъ того, чтобы мнѣ не было скучно, но отъ того, что и скучать-то *скучно*.

Несравненно бо́льшая часть людей занимается [1]) машинальною работою, или работаетъ тѣломъ. Гораздо мéн[ь]шая—умомъ. Естьли бы можно было такъ сдѣлать, чтобы всѣ занимались послѣднею работою?! Это невозможно. Но зачѣмъ же множество праздныхъ, которые никоторою изъ двухъ работъ не занимаются и живутъ на щетъ обѣихъ? Это несправедливо. Естьли бы всѣ праздные занимались послѣднею работою, то люди сдѣлали бы гораздо бо́льшіе успѣхи въ просвѣщеніи; этого можно надѣяться: это справедливо. Даже тѣ, которые от[ъ]играли уже свою роль въ свѣтѣ, должны бы чѣмъ нибудь заниматься, въ особенности относящимся къ старой работѣ. Зачѣмъ люди сотворены такъ, что они могутъ быть праздными? Не понимаю: по крайней мѣрѣ важной причины я сему никакой не вижу.

1) Противъ этихъ словъ сдѣлана на поляхъ надпись крупными буквами, какъ бы заглавіе: «*Праздность*».

«Я точно знаю, что онъ не укралъ, потому что онъ меня самъ увѣрялъ въ этомъ».

«Всѣ сбѣжались смотрѣть ихъ, какъ будто бы разбойники не похожи на честныхъ людей».

Изъ Фильдинга.

Фильдинга очень люблю, читаю теперь Joseph Andrews, когда ложусь спать.

29. Понед. 10 часовъ ночи. Вотъ уже третій день, какъ я поправляю переведенное мною изъ Сарторіуса; субботу и въ воскресенье поутру сидѣлъ прилежно за этимъ. Сегодня поутру тоже и послѣ ужина. Въ воскресенье послѣ обѣда ходилъ я съ С. И. М[ихалковымъ] въ Reitbahn, гдѣ дѣлали въ послѣдній разъ различныя штуки на лошадяхъ. Дѣлали хорошо. Народу было очень много. Я радъ былъ этому, потому что хозяева, особенно одинъ, кажутся очень добрые люди.

Сегодня получилъ я письмо отъ брата Ал. Ив. изъ П.бурга. Онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ о Ив. Влад.[1]) и не очень хвалилъ его. Homo est! повторилъ я въ письмѣ моемъ слова его. Отвѣчая къ нему сегодня же, мнѣ пришло на умѣ шутить, и на послѣдней страницѣ я очень былъ веселъ. Жаль, что надобно было итти къ Вундерлиху, а то бы я ему еще болѣе написалъ. Онъ писалъ, что у нихъ явилось нѣсколько твореній, касающихся до Римскаго права: должны быть опусы — въ 6 или 8 страницъ. Пишетъ также, что много вышло трагедій. «Но всѣ ли по Русски?» спрашивалъ я его. Распространялся сегодня къ нему хорошо. Пора спать. Сегодня работалъ болѣе 10-ти часовъ или около 11 часовъ — довольно. Пойду заключать carrière сегодняшняго дня Фильдингомъ и трубкою.

31 Января. 4 часа послѣ обѣда.

Сей часъ пришелъ съ лекціи отъ Гуго. Это время дня самое для меня скучное, какъ теперь, такъ и прошлую зиму. Взялъ эту книгу, хотѣлъ что нибудь пописать, но ничто нейдетъ на умъ, — лучше приняться за поправку перевода Сартор. книжки.

Слухъ носится, что политическія отношенія между Россіею и Франціею не совсѣмъ благопріятны для любящихъ миръ и не дружелюбны. Дай Богъ, чтобы туча эта прошла, или бы уже гроза кончилась побѣдою Россіи! Вчера я это слышалъ, безпокоился и не могъ спать покойно.

Говорятъ, что въ Касселѣ 28 было открыто засѣданіе Госуд. Чиновъ (Stände); при семъ случаѣ одинъ солдатъ переломилъ себѣ ногу, а уланы за-

1) Лопухинѣ.

кололи пиками двухъ бюргеровъ. Для чего, спросилъ я одного Нѣмца, созваны чины? Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы на предложеніе Королевское сказать: *Ja*.

1 Февр[аля] 1/2 XII часа ночи. Цѣлой вечеръ поправлялъ переводъ свой. Вчера тоже дѣлалъ, но послѣ ужина пришелъ С. И. М[ихалковъ] и Проф. Зноско, и потому я не писалъ въ этой книгѣ, и потому ничего болѣе не дѣлалъ.

Все слышно о войнѣ. — Гмъ! меня это безпокоитъ. Пора спать.

2 Февр. 1/2 XII часа ночи. Все поправлялъ переводъ. Повечеру 7—8 былъ на лекціи у Зальфельда. Послѣ ужина приходилъ ко мнѣ Данилевскій и жаловался, что Зноско помѣшалъ ему заниматься. Спасибо Зноскѣ, что меня не посѣщаетъ. Характеръ его мнѣ не очень нравится — Полякъ!

Сегодня Гуго говорилъ много вицовъ (по крайней мѣрѣ такъ, вѣроятно, онъ и большая часть его слушателей [думаютъ] о его скверныхъ (crasse) выраженіяхъ); студенты, натурально, хохотали; это въ ихъ вкусѣ: все гадкое для нихъ смѣшно и остроумно.

Напротивъ того, Сарторіусъ говорилъ совсѣмъ другіе вицы сегодня, и лекція его была очень весела. Напримѣръ, Султана называлъ онъ: Der allerkreditloseseter Gesell in d[er] Welt. Carl V. bettelt um Geld etc. Говорилъ, что естьли Султанъ хочетъ у кого занять денегъ, то онъ велитъ его прежде удавить: «Unsere Anleiher sind etwas honetter, obgleich wir bancrott machen», прибавилъ онъ. Этотъ Профессоръ мнѣ очень нравится, хотя часто бываетъ sehr confus. Пора спать! Въ послѣднюю ночь перина, которою я одѣваюсь, перевѣсилась съ меня, уронила столъ, стоявшій подлѣ канапе, и была также причиною собственнаго моего паденія. При первомъ паденіи полетѣли: Фильдингъ, трубка, табакерка, свѣча, бутылка, стаканъ; полились: вода изъ бутылки — но довольно; хорошо, что ничего болѣе не было опрокинуто.

Нынче день былъ чрезвычайный: таило, солнце свѣтило, и было довольно тепло. Эта недѣля прошла для меня совершенно непримѣтно — сегодня уже пятница. Правда, довольно и занимался въ продолженіе оной.

3 Февраля. Суббота. 3/4 1 часа пополуночи. Теперь занимался я поправкою своего перевода ровно 5 часовъ, почти не вставая съ мѣста. Это происходитъ отъ того, что пришедши въ 3 часа отъ Зальфельда, я легъ на канапе и читалъ Фильдинга; слѣдствіе сего — я заснулъ и проснулся уже около 7 часовъ, и чрезъ [то] не сдержалъ своего слова, обѣщавъ Вундерлиху притти къ нему въ 6 часовъ. Но не сожалѣю объ этомъ, потому что занимался. Я еще никогда, кажется, не занимался послѣ ужина съ такимъ удовольствіемъ, какъ сегодня; и отъ того состояніе ученыхъ мнѣ чрезвычайно

полюбилось. Я, кажется, почитаю ученыхъ болѣе, нежели свѣтъ. Умный и ученый человѣкъ для меня важнѣе многихъ. Пора спать. Сегодня было холодно, но погода прекрасна.

Билъ *часъ:* я смотрѣлъ въ окошко — тишина царствуетъ. Тамъ и сямъ виденъ огонь изъ комнатъ прилежныхъ, думать надобно, студентовъ. Я возвелъ глаза свои на небо, и никогда не былъ еще такъ пораженъ величествомъ усѣяннаго [1]) мірами неизмѣримаго океана, какъ теперь. «Безбожникъ! думалъ я: взгляни на небо, усѣянное звѣздами, а потомъ спусти взоры свои на человѣка въ нещастіи, твердо сносящаго сіе, и увѣрься, что есть Богъ!» Есть Богъ! Онъ есть даже въ самомъ безбожникѣ!

5 Февр. Понедѣльникъ. 1/2 XII часа ночи. Вчера, въ особенности по вечеру мнѣ было очень скучно. До 7 часовъ были у меня. Потомъ я ужиналъ у С. И. М[ихалкова]. Теперь только лишь оставилъ поправлять переводъ свой. Сегодня работалъ я, или занимался около 13 часовъ, въ числѣ которыхъ 5 часовъ на лекціяхъ. Что-то не расположенъ писать. Не очень весело.

Сегодня я еще не курилъ табаку, буду теперь курить.

Надобно, чтобы люди старались проводить жизнь свою какъ можно болѣе соразмѣрно должностямъ, человѣку Природою и разумомъ предписаннымъ, потому что настанетъ для каждаго такое время, когда надобно будетъ жить однимъ только прошедшимъ; когда будущность будетъ незанимательна и ничего не будетъ представлять восхитительнаго. А когда настанетъ такое время, то тогда люди болѣе начинаютъ думать о прошедшей своей жизни, думаютъ — и обыкновенно раскаиваются.

Бьетъ полночь!

Надобно въ старости спокойно ожидать конца своей жизни, и, смотря на тихое захожденіе солнечное, когда свѣтъ мало-по-малу уступаетъ мѣсто тьмѣ, должно вообразить свою кончину и желать, чтобы она была подобна сему тихому лѣтнему вечеру; чтобы смерть спокойно вступила въ права свои — надобно умирать великодушно и надѣяться.

6 Февраля. Вторникъ. 1/2 1-го часа пополуночи. Сегодня тоже занимался около 13 часовъ. Кажется, довольно. Но всегда этакъ заниматься, кажется, нельзя. Наконецъ кончилъ сегодня поправку переведеннаго изъ Сарторіуса и послѣ завтра посылаю переводъ свой съ Д. Науманомъ въ П.бургъ. Что-то будетъ ли напечатанъ. Сегодня читалъ въ газетахъ объ учрежденіи въ П.бургѣ новаго Государственнаго Совѣта — прочелъ и сердцемъ сокрушился; но не

---

1) Въ рукописи: «усѣяннами».

жалѣлъ, что читать учился, потому что съ этимъ знаніемъ, судя по членамъ, можно попасть и въ Совѣтъ.

8 Февр. 1/2 11-го часа. Прочитывалъ Геренови лекціи и все дремалъ. Вчера просидѣлъ въ низу и послѣ ужина ничего не дѣлалъ.

9 Февр. 10 часовъ. Повторялъ Цесаря. Спать хочется. Не удивительно дѣйствіе карбонада и латыни.

16 Февр. 11 час. ночи. Пятница. Вчера и третьяго дня мало дѣлалъ послѣ ужина. Сегодня принялся было переводить съ Лат., но не въ состояніи, и отъ того очень разсердился и началъ переводить Сарторіуса.

Въ прошедшую [1]) ужиналъ я у Сарторіуса, гдѣ были одни Русскіе и Проф. Зноско. Было весело. Сарторіусъ умѣетъ говорить, но подъ часъ представляетъ себя министромъ..... [2]) веселъ въ компаніи, жена тоже.

21. Середа. 1/2 11-го часа. Переводилъ Сарторіуса. До ужина читалъ Махіавеля. Строгія правила для добросердечнаго государя!

Вотъ уже третій день, какъ совершенно Русская зима, не по одному холоду, но и потому, что снѣгу очень много. Думаю, что 3/4 арш. Жаль, что въ этакую погоду надобно ходить пѣшкомъ. Говорятъ, Наполеонъ беретъ Австрійскую принцессу. Слухи о войнѣ съ Россіею поумолкли, но не для того ли, чтобы послѣ возстать съ большею силою?

22 Февр. Четвергъ. Оставилъ Сарторіуса. Во время занятія былъ я со всѣхъ сторонъ окруженъ праздными. На улицѣ ѣздили въ саняхъ и хлопали; у Ганхенъ въ комнатѣ было собраніе всѣхъ Геттингенскихъ Aufwärtherinnen u. Gesellen; въ верху у студентовъ пили пиво всѣ бибель-гусары. Внизу шумѣли Томсовы дочери. Я сидѣлъ въ серединѣ всего этого и думалъ: они говорятъ, я молчу — я одинъ. Но я уже привыкъ къ этой мысли, и она меня не печалитъ. Впрочемъ никто изъ шумѣвшихъ около меня незавидѣнъ.

Сегодня Сарторіусъ зарепортовался на лекціи; говорилъ, что Нѣмцовъ всегда презираютъ въ чужихъ краяхъ; что стыдно сказаться Нѣмцомъ и т. п. Ortmann, къ которому я послѣ Гуго заходилъ и пилъ у него чай, сердится очень за это, яко истый въ сердцѣ Вестфалецъ или вообще Нѣмецъ.

Геренъ началъ сегодня читать Статистику Россіи. Сказалъ вицъ на щетъ воднаго сообщенія въ Сибири.

Четвергъ. За недѣлю писалъ я въ этой книгѣ, что была здѣсь совершенно Русская зима — теперь лѣто. Вчера погода была прекрасная. Теперь шелъ дождикъ. Бьетъ 11 ночи. Я цѣлый вечеръ читалъ Смита. Умнѣйшій

---

1) Повидимому здѣсь пропущено какое-то слово. 2) Многоточіе въ рукописи.

человѣкъ! На сихъ дняхъ послалъ въ Кассель письмо братнино къ Кн. Репнину. Но мало надѣюсь!

13 Марта. Недавно была Нѣмецкая масленица. Праздновали тѣмъ, что каждый вечеръ бросали горшки, бутылки и т. п. въ двери. Третьяго дня у меня ужинали нѣкоторые изъ своихъ, докторъ Thoms и докторъ Венцель и ѣли *щи*, кот[орыя] были сдѣланы прекрасно. Мы чрезвычайно обрадовались, отвѣдавъ ихъ. Были веселы.

Сегодня въ 7 часу украли у Данилевск[аго] мундиръ, эполеты, нижнее платье и его клякъ. Но странно, послѣдній опять бросили въ комнату, вѣрно въ окошко. —

Теперь бываетъ иногда прекрасная погода, но почти каждый день идетъ дождь. Сегодня цѣлой день шелъ. Въ Кассель надобно послать послужной списокъ. Бьетъ $1/_4$ 12-го часа. Въ продолженіе прошедшей недѣли я очень мало занимался, но надѣюсь вознаградить это въ продолженіе ферій, которыя скоро настанутъ. Не знаю, поѣду ли въ Кассель. На сихъ дняхъ кончилъ лекцію ассессоръ Зальфельдъ, дипломатику.

Сегодня Вундерлиху далъ Богъ сынка: erste Ausgabe — s. Meister Stück [1]).

20 Марта. $1/_2$ 1 часа. Занимался отвѣтами на вопросы, заданные Сарторіусомъ. Былъ на аукціонѣ, но мало купилъ.

Вчера получилъ я отъ брата письмо. Пишетъ, что дѣло наше кончилось. Я очень этому радъ. Также прислалъ онъ мнѣ 1000 р. Я задумалъ свезти нѣсколько нещастныхъ таллеровъ въ Голландію. Не знаю, удастся ли послѣ.

Вотъ уже недѣли съ двѣ, какъ я плохо занимаюсь. Причиною тому, большею частью, моя лѣность, но также и хорошее время, увеличившіеся дни; это иногда мало придаетъ охоты садиться за работу въ 4 часа послѣ обѣда.

Спать не хочется — буду читать Гöде [2]).

21 Марта. $1/_4$ 12-го часа. Переводилъ Сарторіуса. Сегодня получилъ часть изъ 360 талеровъ за 1000 р. отъ Майера; былъ на аукціонѣ, но ничего не купилъ. Погода хороша, но немного холодно.

23. Вчера и нынче переводилъ послѣ ужина, т. е. послѣ 7 часовъ, Сарторіуса, а до ужина читалъ Смита. Сегодня была прекрасная погода. Сегодня я всталъ въ 6 часовъ, между тѣмъ обыкновенно встаю всегда около 8. Братъ Ал. Ив. пишетъ, что дѣло наше съ Ив. Вл. Лопухинымъ кончилось, что мы получили 97,700 р. Я очень, очень радъ этому концу.

---

1) Послѣднее слово въ рукописи написано очень неразборчиво. 2) Т. е. Гёде, проф. геттинг. университета.

Съ нѣкотораго времяни получаю все пріятныя извѣстія изъ Россіи, и отъ того мнѣ веселѣе въ Геттингенѣ, гдѣ впрочемъ скучно; но я уже привыкъ. Сегодня я кончилъ съ Бенеке Paradise Lost. Чрезвычайная поэма! Какъ я радъ, что понимаю по-Англійски, хотя далекъ отъ того, чтобы понимать такъ, какъ мнѣ хочется.

Думаю непремѣнно ѣхать въ Голландію.

29 Марта. 3/4 12-го часа ночи.

Конецъ и Богу слава Сарторіусову переводу и Гереновой Статистикѣ. Первое сей часъ кончилъ. Второе кончилъ Херепъ сегодня же. Гуго не стану дожидаться и поѣду въ Голландію. Я купилъ трубку на дорогу и слѣдственно готовъ. Вчера кричали студенты виватъ здѣшнему Берейтору, которому минуло вчера 50 лѣтъ, какъ онъ въ Манежѣ здѣшней учитъ лошадей и студентовъ. Два студента шли съ саблями; не знаю, что они хотѣли съ ними дѣлать. Рѣшился ѣхать въ Голландію.

17 Мая. И съѣздилъ.

На прошедшей недѣлѣ былъ я въ Гармоніи (клубъ въ Ulrichs-Garten). Тамъ ужинало 108 человѣкъ, и студентовъ только насъ двое. Ужинъ былъ, какъ говорили Нѣмцы, zu knapp, но за то веселье было въ изобиліи, также какъ и буфонство. Нѣкоторые надѣвали на себя парикъ, между прочимъ разпутный Дидрихъ и смѣшный Дорнедхенъ, изъ которыхъ первый явился въ залу въ мантіи, на плечахъ у другаго; а Торнедхена носили двое послѣ на рукахъ. Пляска была ужасная. Я еще не видывалъ такого веселья въ такомъ родѣ. Пр. Langenbeck тоже плясалъ.

Теперь я началъ уже вставать, съ сегодняшняго дня, въ 6 часовъ и ходить на Финанцы. Свободное отъ лекцій время употребляю на чтеніе Смита и въ эти 1 1/2 недѣли прочелъ столько, сколько въ цѣлую прошлую зиму: не понимаю этого самъ. Вообще я надѣюсь этимъ лѣтомъ успѣть болѣе, чѣмъ прошлой зимою. Прежде хотѣлось имѣть развлеченіе, хотя въ воскресенье, теперь пока не хочу ничего, кромѣ времяни какъ можно болѣе читать, — желаю сохранить эту охоту. 10 часовъ ночи уже било; въ это время, думаю, буду симъ лѣтомъ ложиться въ постелю, чтобы поутру легче было вставать. Смитъ восхищаетъ меня; а эта наука будетъ главнѣйшимъ моимъ занятіемъ въ продолженіе, думаю, всей моей жизни; но это сказано много.

Вечера теперь очень пріятны, и я не могу всегда отойти отъ окошка послѣ ужина и смотрю на улицу, гдѣ болѣе народу, нежели днемъ, — часъ и болѣе. Но правду говорятъ, что здѣсь безпрестанно идетъ дождикъ. Сегодня шелъ раза съ 3 или 4. Вчера раза съ 2, а вечера были и сегодня и вчера очень хороши.

19 Суббота. Вставши сегодня въ 6 часовъ, имѣлъ урокъ у Росси. Потомъ цѣлый день читалъ Смита и кончилъ вторую часть. Послѣ ужина взялъ читать Examen du Verney на книгу du Tôt — въ политическомъ родѣ. Du Verney критикуетъ du Tôt за его мнѣніе, что одинъ только вексельный курсъ можетъ показать, прибыльна ли торговля или нѣтъ; утверждаетъ, что торговый балансъ въ этомъ случаѣ очень много показываетъ; и всѣ эти остроумныя разсужденія заключаетъ: Le change avertira du progrès ou de l'altération du Commerce; et la Balance en développera les veritables causes. C'est envain que l'auteur (du Tôt) insinue qu'il est impossille de la faire avec exactitude: Le Bureau de Commerce ne sera pas de son avis. Этимъ кончится вторая и къ щастію послѣдняя часть сочиненія du Verney.

Теперь нельзя себѣ представить, какъ человѣку, не сошедшему съ ума, можно было думать и писать такіе пустяки, какъ неостроумные, такъ и опасные. Бѣдные авторы! Вы трудились, просиживали ночи въ размышленіяхъ, и что же наконецъ вышло? — васъ почитаютъ за съ ума спедшихъ. Скоро 11 час. ночи.

30 Мая. Полночь. Сей[часъ] кончилъ просматривать *Жизнь Пита* (отца). Читалъ его рѣчь (введеніе) противъ Stampact въ Америкѣ. Причина первой его *отставки* было то, что Король не хотѣлъ тотчасъ объявить войны Испанцамъ, а объявилъ тогда уже, когда Питъ былъ въ отставкѣ; Питъ же хотѣлъ, объявивши войну, овладѣть Испанскими кораблями, ѣдущими изъ Америки съ ден[ь]гами. Пруской Король почиталъ Пита. Подъ конецъ онъ ошибся въ поступкахъ своихъ съ L. Templ и сожалѣлъ, что разстроился съ симъ послѣднимъ.

1 Іюня. Пятница. 11 часовъ ночи. Сегодня повечеру читалъ *Jacob'a*; есть нѣкоторое, что хорошо, но — ничего новаго какъ подъ солнцемъ, такъ и у всѣхъ послѣдователей Смита. Онъ разнствуетъ въ опредѣленіи цѣнъ съ Смитомъ и своими ничего незначущими раздѣленіями [1]) запуталъ только простое и ясное опредѣленіе Смита. Въ опредѣленіи производящей и непроизводящей работы онъ самъ себя не понимаетъ, и такъ можно ли послѣ сего понимать его другимъ? Онъ говоритъ, что только та работа производящая, которая приноситъ болѣе, нежели что она стоитъ, и что всякая работа можетъ быть иногда производящею, а иногда и непроизводящею. Гдѣ же опредѣленіе работы? Зачѣмъ *отъ добра искать лучшаго* и, отступая отъ Смита, блуждаться съ своимъ воображеніемъ въ предѣлахъ неопредѣленности? Также говоритъ онъ, что въ землѣ, не имѣющей капиталовъ, народонаселеніе не можетъ дѣлать

1) На поляхъ написано крупными буквами: «*Jacob*».

большихъ успѣховъ; этого порядочно не опредѣляетъ, противорѣчитъ, кажется, самъ себѣ въ понятіи *капитала*. Иначе можно противъ сего сослаться на примѣръ Россіи и Сѣверной Америки. Какая земля, преисполненная капиталовъ, дѣлала бо́льшіе успѣхи въ народонаселеніи? Вообще о капиталахъ онъ очень большаго мнѣнія. Утвержденіе, что работа можетъ служить мѣрою цѣнности товаровъ, у него не такъ постоянно и твердо, какъ у Смита.

Вчера было *Вознесенье* и[ли], лучше сказать, Himmelfahrt; я цѣлый день просидѣлъ дома; по вечеру, по прозбѣ моей служанки, пошелъ въ Ulrichs-Garten ужинать. Хозяинъ сада и трактира повѣсилъ большой фонарь бумажный на дерево, и весь городъ сбѣжался смотрѣть на иллюминацію. Зала, гдѣ танцовали, и другая комната были набиты народомъ.

Я теперь живу совершенно одинъ, никуда не хожу и не скучаю болѣе прежняго, или и менѣе, имѣя въ виду *чтеніе книгъ*. Хорошо бы было прожить здѣсь болѣе года, но обстоятельства, курсъ и можетъ быть скука могутъ воспрепятствовать сему. Бьетъ $^1/_2$ 11 часа. Пора читать Донкишота, кот[ораго] представляетъ сочинитель уже слишкомъ сумашедшимъ, что мнѣ кажется ненатуральнымъ, и потому не нравится.

$^1/_2$ 11 часа ночи. 2 Іюня. Суббота.

Jakob раздѣляетъ капиталы на *nährende* и *erwerbende*[1]) и сіи послѣдніе на liegende und umlaufende. Это раздѣленіе покойно. О податяхъ говоритъ хорошо, что оныя должны быть взимаемы только съ годоваго дохода, а не съ капитала. Теперь читалъ о Банкахъ, о ускореніи обращенія денегъ (посредствомъ различныхъ установленій, чтобы каждый могъ не держать у себя денегъ и тотчасъ употреблять ихъ) и наконецъ о бумажкахъ.

Сегодня былъ на лекціи у Людера (Geist der Geschichte); говорилъ много хорошаго; примѣры его гнусны. Опровергалъ мнѣніе, что просвѣщеніе перешло вдругъ изъ Константинополя въ Италію, и замѣтилъ, что и Гиббонъ думая такъ, ошибается.

$^1/_2$ 1-го часа ночи. Воскресенье[2]).

Сегодня читалъ у Jacob'а о *потребленіи* (consumtion), кот[орое] онъ раздѣляетъ на полезное и неполезное. Къ первому роду относитъ и потребленіе для наслажденія. Потомъ на производящее и непроизводящее, что тоже, какъ и въ работѣ.

Онъ говоритъ, что надобно стараться какъ можно болѣе расходовъ и и управленія предоставлять провинціямъ въ нихъ самихъ, и какъ можно менѣе

---

1) На поляхъ противъ этихъ словъ написано «Jacob». 2) Противъ этихъ словъ опять написано: «Jacob».

отягощать мѣстнымъ управленіемъ главное начальство государства. Но о вредѣ таковаго управленія не говоритъ.

Сегодня отъ 7—9 былъ у Бальгорна, отъ 9—10 былъ у меня Росси. До 12 занимался, потомъ пошелъ къ Д. [1]) обѣдать и пробылъ у него до $4^1/_2$ часовъ. Пришедши домой, сталъ было читать Jacob'а, но не могъ; легъ спать, проспалъ почти до 7 часовъ. Потомъ ужиналъ, смотрѣлъ въ окошко и наконецъ кончилъ Jacob'а. Вотъ воскресенье!

5 Іюня. $^1/_2$ 10 ночи. Вторникъ.

Вчера послѣ ужина, читая Стуарта о банкѣ Ло, заснулъ я на канапѣ и сегодня, проснувшись въ 4 часа, увидѣлъ, что свѣча вся сгорѣла. Это со мною теперь начинаетъ случаться, потому что усталость дневная дѣлаетъ сонъ очень крѣпкимъ. Съ 4-хъ часовъ былъ я занятъ до 12 повтореніемъ и слушаніемъ лекцій. Потомъ послѣ обѣда имѣлъ 3 лекціи и часа 2 или 3 занимался дома. Читалъ о системѣ Ло. Регентъ иногда запрещалъ имѣть болѣе 500 ливровъ ден[ь]гами каждому; иногда унижалъ цѣнность монеты и, собравши оную въ казны по 60 ливр. марку, выдавалъ по 80, потомъ опять обѣщалъ унизить, и люди, боясь потерять, несли опять ден[ь]ги въ казну. Главная причина паденія *Системы* Ло было то, что Регентъ взялъ Банкъ его въ казны, противъ воли Ло; а конецъ всему былъ, что Регентъ унизилъ цѣнность банковыхъ ассигнацій и возвысилъ серебро, дабы чрезъ то унизить (нареченную) цѣнность товаровъ. Послѣ сего ассигнаціи потеряли всю свою цѣну; Регентъ отмѣнилъ указъ, но кредитъ, непостижимый кредитъ, кот[орый] тогда народъ имѣлъ къ бумажнымъ ден[ь]гамъ, былъ уже потерянъ, и Ло изгнанъ — награда обыкновенная заслугъ великихъ! Бѣдный, жалкій народъ! Сколь много зависитъ щастіе твое отъ неосторожности людей и отъ обстоятельствъ! Безъ сердечной жалости нельзя думать объ этомъ.

Середа ([6 Іюня]) 1 часъ пополуночи.

Въ понедѣльникъ началъ я читать 3 часть Смита и сегодня кончилъ. Но любопытно запомнить, сколько я сидѣлъ вчера. Поутру отъ 8 — 12. Послѣ обѣда (до пяти спалъ) отъ 5 — 7. Потомъ отъ 8—почти 10. Потомъ отъ $^1/_2$ 11—до $^1/_2$ 6 часа утра. Итакъ около 15 часовъ. Сегодня отъ 7—8 у Фіорилло. Отъ 8—12 читалъ Смита. Послѣ обѣда спалъ почти до 6. Отъ $^3/_4$ 6 до $^1/_2$ 10 [занимался][2]). Потомъ былъ въ Келлерѣ (гдѣ хорошо). Потомъ отъ $^1/_2$ 12 до 1 часа [занимался]. Итакъ около 11 часовъ. Прошедшую ночь читалъ Сегюра. Славно пишетъ. Въ 4-мъ часу смотрѣлъ въ окошко, погода была прекрасная. Вчера и нынче былъ я повечеру въ Келлерѣ. Тамъ были

---

1) Данилевскому? 2) Здѣсь на поляхъ приписано: «Въ 8-мъ не ужиналъ, а пилъ чай».

различнаго сорту люди, съ кот[орыми] мнѣ весело. Я спалъ сегодня поутру отъ $1/2$ 6 почти до 7—только.

$1/4$ 2 часа ночи. Четвергъ.

Занимался отъ 7—12, отъ 4—9 съ пол.; отъ 11 съ $1/4$ до $1 1/4$ читалъ Смита и Сегюра. Сегодня шелъ градъ. Повечеру я былъ въ Келлерѣ, тамъ мало было и не такъ весело, какъ вчера. Прошедшую ночь я прочиталъ почти до 3 часовъ. Нынче врядъ ли тоже будетъ, потому что послѣ обѣда мало спалъ.

Пятница. Сегодня, къ величайшей досадѣ, проспалъ лекцію Фіорилло, читавши вчера опять до разсвѣта. Занимался отъ $1/2$ 9 — 12. Отъ $1/2$ 6 до $1/2$ 10. Отъ $1/2$ 12 до 1 и теперь въ постелѣ буду читать Сегюра. Былъ въ Келлерѣ, гдѣ было весело.

20 Іюня. Середа. 12 часовъ ночи.

Дѣла у меня тьма. Занимаюсь съ 6 часовъ утра до $1/2$ 10 вечера почти безпрерывно, кромѣ отъ 12 — 2. Сегодня опять былъ въ Келлерѣ, гдѣ страшно всѣ смѣялись на[дъ] докторомъ Томсомъ за его обжерство. Теперь дѣлалъ выписки изъ Ло. Въ постелѣ буду читать Сегюра.

Безпрестанно идетъ дождикъ уже нѣсколько дней. Сегодня было разгулялось, но теперь опять дождикъ [началъ] засыплять Нѣмцовъ.

Я теперь живу въ Геттингенѣ такъ весело, или, лучше сказать, такъ довольно, какъ еще никогда здѣсь не живалъ. Келлеръ развлекаетъ меня. Сегодня былъ тамъ отъ 10.— 11.

Четвергъ. Полночь.

Утро провелъ по обыкновенному, занимался отъ 6 — 12 лекціями и дома. Послѣ обѣда отъ 2 — 8 имѣлъ 5 лекцій, между которыми публичную Герена, и отъ того былъ дома только $1/2$ часа. Послѣ ужина читалъ Ло, Steuart'а, былъ въ Келлерѣ, откуда пришедши въ 11 часовъ, дѣлалъ выписки изъ Steuart'а. Шумъ на улицѣ заставилъ меня выглянуть изъ окошка: пьяные студенты бранились съ унтеръ-педелями, кот[орые] хотѣли ихъ тащить въ Consiliums-Haus. Студенты кричали Burschenheraus! Но никто не пришелъ имъ на помощь, хотя многіе слышали это. Послѣ я слышалъ, что одинъ изъ унтеръ-педелей лежалъ на улицѣ и былъ битъ — трудная должность! Не удивляюсь ихъ грубости!

$3/4$ 2 часа ночи. Пятница.

Сегодня былъ на лекціи у Людера. Онъ доказывалъ, что d[er] Mensch ist ein mit der übrigen Natur übereinstimmendes Wesen. Также, что изъ Исторіи нельзя научиться, какъ поступать. Но тутъ онъ вретъ, или я не понялъ его доказательства, хотя тема была сказана точно такъ. Потомъ читалъ Стуарта

до 10; до $^1/_4$ 12 былъ въ Келлерѣ, съ $^1/_2$ до $^3/_4$ 2 дѣлалъ выписки изъ Стуарта. Теперь немного усталъ.

Воскресенье. 11 часовъ.

Вчера ужиналъ я за городомъ въ трактирѣ (Mitropolitica). Ужинъ былъ хорошъ. Общество веселое. Докторъ Томсъ былъ Canonen besessen и со всѣми переругался. Домой возвратился я не ранѣе 4 часовъ, и отъ того проспалъ сегодня до 11-го часа. Послѣ обѣда читалъ Людера и отъ $^1/_2$ 3 до 9 часовъ. Потомъ ужиналъ въ König и теперь возвратился домой, будучи не въ состоянiи заниматься, потому что очень спать хочу.

Четвергъ. $^1/_4$ 1-го часа. Сегодня послѣ обѣда имѣлъ я пять лекцiй, но за то вчера занимался послѣ обѣда отъ 4 — 10. Сегодня и вчера прiятно провелъ по часу въ Келлерѣ, гдѣ всегда бываетъ Тринiусъ, служащiй здѣсь въ Префектурѣ: добрый и неглупый малой, но служба скверная: служитъ Префекту Францу, котораго бы порядочной человѣкъ не захотѣлъ имѣть у себя подъ начальствомъ. Этого Префекта всѣ хвалятъ какъ за умъ, прилежанiе, такъ и за доброту, но послѣднее пятно, которое онъ не стеръ, подаетъ дурное мнѣнiе о немъ. Къ тому же онъ служитъ—изъ чести! Вездѣ можно видѣть человѣка!

Кажется 30 Iюня[1]). *Воскресенье $^1/_4$ 12 часа ночи.* Сегодня съ двухъ часовъ до сихъ поръ читалъ Галлiани. Началъ было Италiанскими глаголами, но чуть чуть не заснулъ. Сегодня было очень жарко, но у меня въ конурѣ только воняло съ двора, а не было жарко. И въ Келлерѣ сегодня не былъ. Поутру былъ у Сарторiуса, кот[орый] выигралъ Preis-Schrift въ Парижѣ.

Понедѣльникъ. 1 часъ пополуночи.

Сегодня хотѣлъ я провести вечеръ дома, но Вернеръ пришелъ ко мнѣ; съ нимъ пошелъ гулять, потомъ въ Келлеръ, гдѣ пробылъ до $^1/_2$ 12 часа, но не такъ прiятно, потому что надъ бѣднымъ Гезеллiусомъ много шутили, я тоже. Въ 12 часовъ пошелъ сильный дождь, гремѣлъ громъ; молнiя сверкаетъ еще и теперь. Это явленiе при большой темнотѣ возбудило во мнѣ много размышленiй. Между прочимъ думалъ я, что удовольствiе и утѣшенiе должно мнѣ искать въ самомъ себѣ, что напрасно буду я искать въ свѣтѣ такого друга, какого я хочу. Горькая мысль, но справедливая и необходимая. Конечно она влечетъ за собою нѣкоторый родъ эгоисма. Это противно мнѣ, но что же дѣлать? Надобно жить съ людьми, видаться съ ними, веселиться, но утѣшенiе должно имѣть въ своемъ сердцѣ, въ книгахъ. Этому состоянiю

---

1) Повидимому эта дата приписана позже.

можетъ иногда пособить подруга, но какой рискъ въ этой игрѣ! Но какой важной шагъ, чтобы рѣшиться сдѣлать его съ размышленіемъ, съ холодностію и безпристрастіемъ! Эта мысль вырвала вздохъ изъ сердца; я увидѣлъ, что надобно жить для того только, что живется, и не заботиться о различныхъ услажденіяхъ жизни, часто обманчивыхъ и никогда постоянныхъ.

Французы теперь любятъ выходить.

Какъ не больно Русскому сердцу, при видѣ Французовъ, вспомнить о состояніи нашихъ солдатовъ, такихъ же человѣковъ, одаренныхъ отъ Природы тѣмъ же. Эта мысль существеннѣе прежней и потому сильнѣе на меня дѣйствуетъ.

Середа. Вчера ужиналъ за городомъ и легъ спать въ 11-мъ часу.

Сегодня, пришедши отъ Герена въ 3 часа (прогулялъ Гуго), сѣлъ я за свой столъ: повторилъ лекціи и читалъ Галіяни до $^{3}/_{4}$ 12-го часа, почти безпрерывно.

20 Іюля. 9 часовъ вечера.

Для того такъ рано принялся я за эту книгу, что намѣренъ передать позднѣйшимъ годамъ моей жизни путешествіе мое въ Hof Geismar, въ продолженіе котораго я увѣрился въ твердости моего духа, ѣхавъ часа съ два или три во время сильнаго дождя. Но важнѣйшее произшествіе, по крайней мѣрѣ по своей необыкновенности для меня въ Геттингенѣ, ожидаетъ моего краснорѣчія утренняго, потому что теперь, обременивши голову свою Финансами, Исторіею Искуствъ, Исторіею 3 посл[ѣднихъ]столѣтій, духомъ Исторіи же, къ кот[орой] присоединяются бонмо Людера, Сеемъ, Латынью, досадою и проч. и проч. и проч., и желудокъ сквернѣйшимъ картофелемъ, — я не способенъ витійствовать. Къ тому же глаза мои, наскучившіе смотрѣть все на одно тоже, на бѣлую стѣну моей комнаты, смыкаются, и во снѣ хотятъ найти утѣшеніе отъ дневной скуки. Это необыкновенное произшествіе состоитъ въ томъ, что я вчера обѣдалъ у Князя Репнина (хотя и не за княжескимъ, но болѣе студенческимъ столомъ). Третьяго дня пріѣхалъ онъ сюда. Въ свитѣ его находились глава[1]): Гунъ, Геслеръ, Струве (всѣ были хороши) и Броденъ, съ кот[орымъ] я въ одно время учился въ Пансіонѣ. Князь былъ вчера гораздо ласковѣе прежняго. Онъ ѣдетъ въ Мадридъ. Вчера поутру ходили мы съ нимъ въ манежь, ботаническій садъ (гдѣ онъ повторялъ за Гуномъ латинскія названія растеній), и потомъ на лекцію къ Сарторіусу, который плохо разпространялся съ Княземъ по-Французски. Сарторіусъ никому изъ нихъ не понравился; лепеталъ на лекціи много названій книгъ по Французски;

1) Такъ въ рукописи.

къ тому же и читалъ подлинно не съ лишкомъ хорошо. Послѣ обѣда ходили съ Княземъ въ библіотеку, потомъ простились съ нимъ, а потомъ съ Геслеромъ и Броденомъ и пошли по домамъ.

Теперь приступаю къ другому описанію — *путешествія въ Гофгейсмаръ.*

Вставши въ субботу поутру въ 4 часа и одѣвшись, натянулъ я шпоры (кот[орые] къ нещастію были не одного калибера) и дожидался Данилевскаго. Онъ пришелъ; мы напились кофе, я закурилъ трубку, и потомъ вышли на крыльцо, чтобы показать свѣту искусство наше садиться на лошадей. Сіи послѣднія были очень малы, такъ что я съ успѣхомъ окончилъ сіе важное предпріятіе того дня. Сѣвши на лошадь, надобно было ѣхать, и я поѣхалъ.

Вытащившись изъ опостылаго Геттингена (и этой опостылой страницы)[1]), — при видѣ полей, симбола свободы, стало и сердце мое свободнѣе, я чувствовалъ внутри наружную перемѣну[2]). Вмѣсто скверныхъ улицъ представились мнѣ зеленые луга, нивы, лѣса, горы, — словомъ вмѣсто дурнаго искусства увидѣлъ я прекрасную природу; вмѣсто дурацкихъ криковъ студентовъ услышалъ я пѣніе птицъ, кот[орыя] радовались восхожденію солнца; и сею перемѣною наслаждался я, сколько можно было наслаждаться вмѣстѣ съ трубкою. Картушъ предшествовалъ намъ; и, разговаривая о балѣ Сарторіуса, бывшемъ на канунѣ, и о другомъ, были мы пріятно поражены златыми шпицами башенъ, великолѣпіемъ заставы — славнаго Дрансфельда. Но не долго продолжалось наше наслажденіе, потому что минуты черезъ двѣ мы уже очутились у другихъ воротъ, а потомъ и у трактира (кот[орый] по причинѣ величайшей чистоты въ городѣ, находится внѣ города!). Въ этомъ-*то* трактирѣ выпилъ я шнапсъ и поѣхалъ далѣе. А. И. Данилевскій разпросилъ дорогу, но это не помогло; и естьлибы попавшійся намъ мужикъ не показалъ намъ поворота, то мы бы доѣхали можетъ быть до Мюндена. Спустившись на коняхъ къ деревнѣ Гемпель[3]), кажется, взяли мы съ собою мальчика, въ качествѣ скорохода или Бота.

Между прочимъ мы выѣхали впередъ и пріѣхали къ Везеру.

Мѣста божественныя, опредѣленныя самою Природою служить украшеніемъ тихому Везеру, примите поздравленіе странника, ѣдущаго въ Гофгейсмаръ къ цѣлебнымъ водамъ!

А вы, сребристыя волны, величественныя смиреніемъ своимъ, донесите въ океанъ желаніе мое, чтобы воды Везера превратились въ цѣлебныя воды;

1) Далѣе въ рукописи зачеркнуты слѣдующія слова: «Сердце мое стало веселѣе». 2) Здѣсь на поляхъ сдѣлана слѣдующая приписка: «Надобно знать, что это въ первой разъ сего лѣта выѣхалъ я за городъ». 3) Гемельнъ (Hemeln)?

чтобы чрезъ то путешественникъ, плѣненный красотами Природы на берегахъ сей рѣки, останавливался и не ѣздилъ бы въ скучный Гофгейсмаръ.

Не смотря на это, мы спокойно переправились въ челнокѣ на другой берегъ Везера, въ деревню Veckerhagen, а лошадей нашихъ перевели въ бродъ въ другомъ мѣстѣ.

Здѣсь представился намъ мужикъ съ своими услугами и уговорилъ насъ взять его какъ бота. Покормивши лошадей хлѣбомъ, пустились мы въ путь по прекрасной долинѣ (по хорошой шосе)[1]. Ботъ, я думаю, раскаявался въ своемъ краснорѣчіи, потому что ему надобно было скоро бѣжать. Доѣхавши до лѣса, остановились мы у Zollhaus'а. Смотритель увѣрилъ насъ, что ботъ намъ совсѣмъ не нуженъ — и говорилъ правду. Мы поѣхали одни, все искусство состояло въ томъ, что надобно было ѣхать совершенно прямо.

22 Іюля. 10 часовъ вечера. Вторникъ.

Простившись съ смотрителемъ при Zollhaus'ѣ, поднялись мы на гору и въѣхали въ прекрасный лѣсъ. Я не могъ насытить взора прелестнымъ видомъ зелени. Смотря на простоту Природы, я вспомнилъ простоту сельской жизни; воображалъ себѣ все блаженство оной, независимость, безпечность, покой, когда можно ложиться и вставать спокойно; и потомъ вспомнилъ о противуположной городской жизни, и такъ какъ я всего ближе былъ къ Гёттингену, то вспомнилъ и объ этой городо-деревнѣ. Живо представилъ я себѣ мои прогулки въ нашей Подмосковной; воспоминаніе было пріятно; и я на тотъ разъ рѣшился жить въ деревнѣ; воображалъ, какъ я буду ходить гулять, какъ, вошедши на гору, буду удивляться Природѣ; взоръ мой не встрѣтитъ никакой препоны и будетъ свободенъ подобно душѣ моей. Я вообразилъ себѣ, какъ при лунномъ сіяніи буду я сидѣть подъ деревомъ съ трубкою табаку, посереди широкаго двора или на берегу чистаго пруда, и думать о прошедшемъ, наслаждаться настоящимъ и желать провести будущее въ такомъ же щастіи, въ такой же свободѣ. Кабинетъ мой, думалъ я, будетъ окошками въ садъ, простый, но богатый плодами; другая комната, гдѣ я буду сидѣть послѣ обѣда, будетъ окошками въ чистое поле.

Каждое утро будетъ посвящено занятіямъ и въ особенности наукѣ народнаго богатства и Исторіи. Обѣдъ будетъ для меня одною нуждою и чистѣйшимъ наслажденіемъ. Послѣ обѣда, сидя въ Волтеровыхъ креслахъ, буду иногда заниматься газетами, новостями столицъ, съ тѣмъ чтобы послѣ этого занятія заснуть и такимъ образомъ отдалить отъ себя шумъ и суету.

Священнѣйшимъ долгомъ рѣшился я поставить себѣ *улучшеніе состоянія*

---

1) На поляхъ сдѣлана приписка: «Дорога эта сдѣлана послѣднимъ Курфирстомъ».

земледѣльцевъ, на которыхъ буду имѣть вліяніе; и послѣ трудами, доказательствами стараться способствовать къ *облегченію судьбы* земледѣльцевъ вообще въ Россіи.

Къ всему этому присоединятся лошади, дворовыя птицы, вѣрная собака, а можетъ быть, для усовершенствованія истиннаго, величайшаго блаженства, и что нибудь другое. О, какъ можно еще воспользоваться жизнію, кот[орая] обыкновенно имѣетъ столько тяжестей и бѣдъ!

Люди отъ того такъ много жалуются на жизнь свою, что не умѣютъ ею пользоваться. Ищутъ блаженства въ томъ, въ чемъ можно найти одну только неудачу, досаду и скуку.

Все это (сцена) должно происходить въ Тургеневѣ — глубоко въ человѣческомъ сердцѣ лежитъ привязанность къ Родинѣ!

Не могу ручаться, пришли ли мнѣ на умъ всѣ эти мечтанія въ то время, какъ я ѣхалъ по лѣсу; но подлинно мѣста были прекрасны: горы, лѣса, долины наперерывъ хвалились своими прелестями!

Наконецъ выѣхали мы изъ лѣсу, ѣхали по тропинкѣ, подлѣ ржи, спустились съ горы и черезъ нѣсколько минутъ, по прекрасной тополевой алеѣ, въѣхали въ Гофгейсмаръ (не въ мѣстечко, кот[орое] отстоитъ отъ колодца ¼ часа). Это мѣсто состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ для пріѣжжающихъ, построенныхъ около колодца. Алеи для прогулки прекрасны, также есть и пруды, парки. Мы пріѣхали туда въ 12-мъ часу. Въ часъ пошли обѣдать, и попались въ общество Жидовъ, которыхъ было около 15, между тѣмъ какъ вся компанія состояла изъ 18 или 20. Это общество, не хорошій обѣдъ, скверное вино подали мнѣ невыгодную идею о Гофгейсмарѣ; но послѣ обѣда алеи и красивыя мѣстоположенія утѣшили меня. Я легъ на берегу чистаго пруда подъ деревомъ, читая Метастазія (изъ кот[opaго] мало понималъ), потомъ перешелъ на скамейку, и сельская жизнь представилась моему воображенію въ величайшей красотѣ. Я думалъ о Геттингенскихъ жителяхъ (по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ, напр. Бенеке, Сарторіусѣ), какъ мало наслаждаются они жизнію; заснулъ и проснулся въ 6-мъ часу. Это было въ субботу.

Повечеру пили мы на алеѣ чай, ѣли ягоды и по причинѣ дождика пошли спать. Я, не имѣя никакой книги, началъ читать бывшій у меня въ карманѣ каталогъ книгъ и заснулъ. Къ воскресенью съѣхалось много, такъ что за столомъ, за кот[орымъ] мы обѣдали, сидѣло около 150 человѣкъ; но мы не ушли отъ Жидовъ: противъ насъ сидѣла цѣлая свора. Поутру ѣздили мы въ мѣстечко Geismar, ¼ отъ колодца. Довольно дурно. Вставши изъ за стола въ 4-мъ часу, сѣли мы на своихъ Россинантовъ и пустились въ путь. До-

рогою мочилъ насъ часа съ три дождикъ, но воображеніе замѣняло всѣ неудобства. Трубка не выходила у меня изъ рукъ. И въ $1/2$ 11, при лунномъ сіяніи, возвратились мы въ Геттингенъ[1]).

Я очень доволенъ своимъ путешествіемъ, хотя это и стоитъ мнѣ около 2 луидоровъ, кот[орые], будучи мною заняты у Мейера, требуютъ процентовъ. Итакъ, можно полагать круглымъ числомъ, что путешествіе сіе стоитъ мнѣ 2 луидора.

Возвратній путь вечеромъ былъ очень пріятенъ.

Здѣсь теперь погода не похожа ни на лѣтнюю, ни на весеннюю, ни на зимнюю, и слѣдственно на осеннюю. Каждый день идетъ дождикъ; холодно. Но это радуетъ меня, я думаю о зимѣ, которая будетъ послѣдняя въ Геттингенѣ.

$1/4$ 12 часа.

Конецъ этой книги[2]).

1.

Tome Jones, обрадовавшись выздоровленію благодѣтеля своего Allworthy, отъ радости выпилъ много вина и сдѣлался очень веселъ. Авторъ между прочимъ замѣчаетъ: To say truth, nothing is more erroneous than the common observation, that men who are ill natured and quarrelsome when they are drunk, are very worthy persons when they are sober: for drink, in reality, doth not reverse Nature, or create passions in men which did not exist in them before. It takes away the guard of reason, and consequentey forces us to produce those symptoms which many, when sober have art enough to conceal. It heightens and inflames our passions, generally indeed that passion which is uppermost in our mind so that the angry temper, the amorous, the generous, the good humoured, the avaricious, and all other dispositions of men, are in their cups heightened and exposed. —

Фильдингъ, говоря о красотѣ Софіи, когда отецъ принуждаетъ ее итти за мужъ за Блифиля, котораго она не терпитъ, и когда она проливаетъ отъ того слезы, замѣчаетъ между прочимъ: Indeed no one hath seen beauty in its highest lustre, who hath never seen it in distress. —

---

1) Послѣдними словами начинается новая страница, сверху которой приписаны слѣдующія слова: «*D. Zeiten. Voss. 1809. 9-tes Stück September*». 2) Здѣсь оканчивается журналъ Тургенева «Свободныя минуты Геттингенскія (1809—1810 гг.). Къ нему приложены три отдѣльныхъ листка, которые здѣсь помѣщаются въ видѣ приложеній (1—3).

2.

Томъ Джонсъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что ранилъ Партриджа на дуэлѣ, и лѣкарь сказалъ, что рапа смертельна.

Г-жа Миллеръ и Nightingale посѣщаютъ его въ тюрьмѣ. Гов[орятъ] объ утѣшеніи имѣть друзей... Nor are instances of this kind so rare (т. е. дружба) assome superficial and innacurate observers have reported. To say the truth, want of compassion is not to be numbered among our general faults. The black ingredient which fouls our disposition is envy. Hence our eye is seldom, I am affraid, turned upwards to those who are manifestly greater, better, wiser, or happier than ourselves without some degree of malignity; while we commodly look downwards on the mean and miserable, with sufficient benevolence and pity.

In fact I have remarked, that most of the defects which have discovered themselves in the friendships within my observation, have arisen from envy only: a helish vice; and get one from which I have known very few absolutely exempt.

3.

An die Studierenden der Universität Göttingen[1]:

Kraft ausdrücklichen Befehls Sr. Majestät unsers allergnädigsten Königs und Herrn befinde ich mich in Göttingen, um über verschiedene Puncte, welche der Gegenstand vielfacher Beschwerden gewesen sind, Erkundigungen an Ort und Stelle einzuziehen, die erforderlichen Untersuchungen anzustellen, und sodann zweckmässige Maassregeln zu ergreifen.

Leider sind mehrere des Besorgnisse, von welchen erfüllt ich mich dieser mit so vollem Rechte berühmten literarischen Anstalt nahte, eingetroffen! Leider hat sich noch gestern ein Factum zugetragen, welches von der grössten Rohheit, Ungelundenheit, Insubordination und Verahtung aller Amts Auctorität zeugt, und daher die schärfste Bestrafung verdient.

Zu Folge meiner Königlichen Vollmacht beschliesse und verordne ich vorläufig folgendes:

I. Die Studierenden sollen sich aller Abzeichen in ihren Anzügen und Trachten enthalten. Insonderheit wird ihnen das Tragen der farbigen Mützen, der Schnurbärte und Waffen, von welcher Art sie seyn mögen, hiermit um so mehr auf das Ernstlichste verboten, als einige dieser Gegenstände auf solche Verbindungen Beziehung zu haben scheinen, welche durch die academischen Gesetze schon längst verboten sind. Binnen zweyhmal vier und zwanzig Stunden müssen die genannten Abzeichen bey unausbleibeicher Strafe des consilii abeundi gänzlich abgelegt seyn.

---

1) Это обращеніе къ студентамъ отпечатано на листѣ тонкой бумаги.

II. Der Studierenden erstes Bestreben muss dachin gerichtet seyn, durch ein vollkommen anständiges und sittliches Betragen sich auszuzeichnen. Daher werden die bereits bestehenden Verbote gegen die zu Unordnungen führenden Versammlungen in öffentlichen und Privat-Häusern, gegen das Tabackrauchen auf dem Walle und den Strassen, das nächtliche Singen und Lermen und die Begehung anderer dergleichen Unanständigkeiten und Unsittlichkeiten hiermit erneuert und die pünctlichste Beobachtung derselben wird abermals eingeschärft.

III. Die von Sr. Majestät angeordneten öffentlichen Auctoritäten, sie mögen Namen haben, wie sie wollen, müssen den Studierenden heilig seyn. Es wird ihnen deshalb zur unerlässlichen Pflicht gemacht, denselben mit gebührender Achtung zu begegnen, und ihren Amts befehlen unweigerlich Gehorsam zu leisten.

IV. Sollte wider Verhoffen der Eine oder Andere den obigen Verordnungen zuwider handeln, so soll derselbe mit einer der Grösse seines Vergehens angemessenen Strafe belegt werden, zu welchem Ende der Universitäts-Deputation die bestimmtesten Vorschriften ertheilt sind.

Gegeben Göttingen den 22-ten Iulius 1809.

Iustus Christoph Leist.

Staatsrath und Generaldirector des öffentlichen Unterrichts.

КНИГА ПЯТАЯ.

(1810—1811 гг.).

Размышленія

послѣ десяти часовъ ночи.

1810.

$\frac{12}{24}$ Іюля. Гёттингенъ.

1) Пятая книга дневниковъ Тургенева — толстая тетрадь въ полъ-листа — имѣетъ 140 листовъ, изъ которыхъ исписаны только первые 82 листа. Она начата $\frac{12}{24}$ іюля 1810 года и окончена 20 іюня 1811.

$\frac{12}{24}$ *Іюля. Пятница.* $^1/_2$ ~~11~~. *часа ночи.*

Плохо будетъ, естьли и эта книга столь же долго мнѣ служить будетъ, какъ первая. Но мнѣ остается еще почти годъ жизни, и есть надежда измарать всю сію бумагу.

Сей оставилъ читать Сея, но мало пользы отъ этой книги. Читать досадно, потому что думаю терять чрезъ то время, а бросить не хочется. Впрочемъ я читаю, кажется, очень долго.

Сегодня я былъ на лекціи у Людера (Geist der Geschichte, öffentlich). Онъ говорилъ о *бракѣ*: утверждалъ, что бракъ не есть человѣческое изобрѣтеніе, что это есть законъ самой Природы; что даже одинъ мущина не есть одна только половина, и что онъ только въ соединеніи съ женщиною составляетъ цѣлое. Что люди, имѣвшіе *дѣло* между собою, не могутъ разстаться равнодушно, подобно скотамъ. Приводилъ извѣстіе древнихъ писателей, которые разсказываютъ объ одномъ народѣ, имѣвшемъ d[ie] Gemeinschaft der Weiber, и сказалъ, что это невозможно, что въ такомъ случаѣ люди бы давно уже перестали существовать, истребивъ себя изъ ревности и проч. Въ этомъ онъ, кажется, правъ: человѣкъ родится безпомощнымъ; когда же мать не знаетъ отца своему ребенку, кто будетъ о ней и о ребенкѣ заботиться? Оба должны погибнуть.

Потомъ говорилъ Людеръ, что женскій полъ имѣетъ болѣе Theoretischen Verstand, мужескій болѣе practischen Verstand. Наприм. онъ говоритъ: мущина стоитъ у постели своего больнаго друга и только что жалѣетъ. Входитъ самая необразованная женщина — и найдетъ тотчасъ сдѣлать что нибудь для больнаго: поправить подушку и т. п. Женщины, гов[оритъ] онъ, имѣютъ болѣе склонности дѣлать около себя все щастливѣе. Также онѣ должны имѣть предметъ, кот[орый] бы онѣ любили, была бы это кошка или моська. Что касается до упомянутой склонности дѣлать добро, разсказывалъ онъ анекдотъ Брандеса, кот[орый] однажды спросилъ у жены, которой мужа любить нельзя было и приходу котораго она всетаки радовалась, — о причинѣ сего послѣдняго, и она отвѣчала ему: мой мужъ любитъ Kuchen, и я люблю его кормить оными.

Воскресенье $\frac{14}{26}$ Іюля. $^1/_4$ 2-го часа ночи.

Теперь я сдѣлался совершеннымъ нехристіяниномъ — ни одного воскресенья не посвящаю ни Богу, ни добрымъ людямъ, а все себѣ, т. е. ни хожу ни въ церковь и не дѣлаю прибыли трактирщикамъ, а читаю книги. Сегодня поутру занимался съ 6—12 почти безпрерывно, такъ какъ и отъ 5-ти послѣ обѣда до сихъ поръ. До 5. — соснулъ. Вчера поутру наскучило мнѣ все сидѣть да сидѣть, и я рѣшился послѣ обѣда итти въ Венде: и исполнилъ намѣреніе свое. Пошелъ туда въ 6 часовъ. Погода была прекрасная; я, подлинно сказать, наслаждался своею прогулкою, ибо это было въ первой разъ, какъ я вышелъ изъ города этимъ лѣтомъ (кромѣ той кнейпе, гдѣ по субботамъ раза два ужиналъ, и кромѣ Гоф-Гейсмара). Въ Венде, къ щастію, не нашелъ почти никого, поужиналъ хорошо и, возвратившись въ городъ, просидѣлъ до 11 часовъ въ Келлерѣ, гдѣ у меня былъ съ однимъ студентомъ диспутъ о томъ, нужны ли были мѣры, предпринятыя Робеспіеромъ; онъ утверждалъ это. — Я натурально противное. Теперь долженъ итти въ постелю, потому что свѣча догораетъ.

Сюда ожидаютъ въ середу Короля Ерему.

$\frac{20 \text{ Іюля.}}{1 \text{ Августа.}}$ 11 часовъ ночи.

Вчера проѣжжалъ мимо Геттингена Король; я вышелъ посмотрѣть на народъ и не много жалѣлъ о потерѣ времяни, потому что видѣлъ важный Anblick — Bürgergarde. Тщетно бы сталъ я описывать этихъ вѣрныхъ по[д]данныхъ. Чиновники были смѣшны. — Изъ аудиторіи Гереновой видѣлъ я Eingang Гвардіи въ городъ. За нею шло нѣсколько мужиковъ, у которыхъ тоже былъ барабанщикъ и флейщикъ. Шнуры парадировали у заставы еще, естьли можно, смѣшнѣе Гвардіи, въ особенности два ихъ антика-коменданта. — Король soll versprochen haben заѣхать на возвратномъ пути въ Геттингенъ. Народу было много за заставою. Между прочимъ шелъ сильный дождикъ. — Еремѣ беззаботное житье.

Теперь погода ни то, ни сё; безпрестанно либо дождикъ, либо солнце, либо холодный вѣтеръ. Хорошая погода продолжалась не болѣе двухъ недѣль.

Скучно здѣсь жить:
лекціи надоѣли.

3 Авг[*уста*]. Сегодня проспалъ Герена; вставши въ 4 часа, сѣлъ за Нестора и читалъ его до сихъ поръ — $^1/_2$ 11-го часа. Поужинавши, сѣлъ въ 8 часовъ за книгу и когда било 10, то я не вѣрилъ самъ себѣ: эти два

часа показались мнѣ $1/2$ часомъ. Этого давно со мною не бывало. Погода сегодня была по большой части жарка. Теперь пойду курить трубку на крыльцо, потому что Ганна должна перестилать постель; а потомъ буду читать Дюма. А въ постелѣ — Донкишота: Какая постепенность!

3. Августа. Воскресенье. Цѣлый день не выходилъ изъ своей горницы. Поутру читалъ Нестора, послѣ обѣда читалъ Dumas, спалъ, читалъ Нестора, опять Dumas, и теперь $1/2$ 2-го часа ночи! Теперь у меня болѣе ничего нѣтъ въ головѣ, кромѣ *чтенія книгъ*; но это чтеніе идетъ тихо; въ продолженіе сего семестра я немного прочту[1]) книгъ: не желалъ бы болѣе, какъ кончить Нестора, прочесть Ремера и заключить Гиббономъ, но врядъ ли это удастся. Нестора первую часть читалъ я въ продолженіе всей этой недѣли. Конечно притомъ читалъ я и Dumas, поздно по вечерамъ.

Сегодня погода была порядочная, хотя и не постоянна; я въ моей конурѣ, и окошки завѣшаны, и я совершенно равнодушенъ къ перемѣнамъ погоды.

Вчера былъ сильный дождикъ, чего уже давно желалъ Альборнъ для своего картофеля.

4 Августа. Понедѣльникъ. $1/2$ 11-го часа ночи. Сегодня я усталъ, занимаясь съ 6 часовъ утра до сихъ поръ почти безпрерывно — все за Несторомъ. —

Совѣтъ самому себѣ:

Пріѣхавши въ Россію и естьли надобно будетъ жить въ П.бургѣ, то надобно будетъ заниматься дома, обѣдать дома каждый день, выходить какъ можно менѣе, кромѣ естьли по службѣ. Пріѣхавши, естьли обстоятельства позволятъ, должно тотчасъ начать писать пол[итическую] экон[омію]. Очень желаю, чтобы мысли мои въ разсужденіи сего не перемѣнились.

Четвергъ. $1/2$ 12-го часа. Этотъ день для меня самый непріятный въ этомъ семестрѣ, потому что послѣ обѣда имѣю я 4 урока, кромѣ Гуго, къ которому завтра опять надобно начать ходить.

Сегодня, поужинавши въ 8 часовъ, принялся я отвѣчать [на] заданные Сарторіусомъ вопросы; намаралъ цѣлый листъ, но проку мало. А признаться люблю марать объ этомъ предметѣ!

Дни примѣтнымъ образомъ умен[ь]шились, и для меня это пріятно, потому что напоминаетъ, что дни въ послѣдній разъ умен[ь]шаются для меня въ Геттингенѣ, напоминаетъ приближеніе зимы, которая будетъ послѣдняя въ

1) Въ рукописи вѣроятно по ошибкѣ написано: «не могу прочту».

Геттингенѣ. Сегодня нѣсколько разъ шелъ сильный дождикъ, вчера тоже съ молніею и громомъ. Погода похожа на осеннюю, кот[орая] для меня и потому пріятна, что въ дурную погоду я болѣе думаю; другіе называютъ это меланхоліею.

Воскресенье 12 Авг[уста]. 10 часовъ вечера.

Сегодня кончилъ V-ю часть Нестора послѣ обѣда въ 4 часа. Послѣ читалъ Hist[oire] de Brandenburg par Fréd[éric] II. Тутъ говоритъ между прочимъ, что Калвинъ (1533) зналъ, какъ поступать съ своимъ народомъ; зналъ, что его можно скорѣе привлечь къ себѣ пѣсенками, нежели учеными доказательствами, написалъ пѣсни, гдѣ каждая строфа, какъ говорятъ, кончится Рефренемъ[1]): ô moines! ô moines! il faut vous mater[2]). Также онъ гов[оритъ], что Гуса (сожженъ), Лютера, Калвина не надобно почитать за необыкновенныхъ людей, но что все зависило отъ обстоятельствъ. Въ Германіи причиною введенія новой вѣры былъ Интересъ (присвоивать имѣнія духовенства), въ Англіи—les amours (Генрихъ VIII написалъ прежде книгу противъ Лютера, а потомъ, когда Папа не хотѣлъ его развести съ женою *(чтобы жениться на другой)*, то онъ самъ развелся и сдѣлался самъ Папою), а во Франціи — la nouveauté, а можетъ быть и пѣсенка. —

Врядъ ли Фридерикъ не справедливъ!

L'electeur de Saxe refusa aux Suédois le passage sur le pont de l'Elbe à Wittenberg; ce qui empêcha Gustave de secourir la ville de Magdebourg, comme il en avoit l'intention.

Сегодня въ переулкѣ, подлѣ дома, въ кот[оромъ] я живу, дрались (и очень серіозно!) два Gesellen. Нѣмцы окружили ихъ, смотрѣли, радовались, что это[3]) зрѣлище имъ ничего не стоитъ, и были столь похожи сами на себя, что не розняли этихъ нещастныхъ, пока [не] пришелъ служитель изъ полиціи. Когда эта сцена кончилась, то я ожидалъ, что по крайней мѣрѣ шумъ перестанетъ, но нѣтъ: онъ удвоился: Нѣмцы и Нѣмки разсказывали другъ другу (между тѣмъ какъ всѣ смотрѣли), кричали, смѣялись — поганые Нѣмцы! Вездѣ народъ — народъ, а здѣсь онъ — *Нѣмцы!*

14 Авг[уста]. 1/4 12 часа.

Сегодня цѣлые послѣ-обѣда читалъ Русскую Исторію, и съ величайшимъ удовольствіемъ. Чрезвычайно обрадовался, когда прочелъ, что Татары въ послѣдній разъ были въ Россіи. При чтеніи о Петрѣ I чуть-чуть было не заплакалъ. — Теперь догораетъ свѣча — пора спать.

Вчера видѣлъ *Мимика.* Прекрасно дѣлаетъ различныя положенія, мины и проч. Онъ Gr. v. Sexendorf и подъ имянемъ своей жены забавляетъ пуб-

1) Т. е. припѣвъ — refrain. 2) Въ рукописи: «matier». 3) Въ рукописи: «ето».

лику и кормитъ 7 дѣтей. Въ немъ видно благородство, непринужденность, несвойственныя фиглярамъ.

$\overline{15}$. *$1/2$ 12-го часа.*

Сегодня принялся послѣ обѣда за Гиббона и читалъ отъ $1/2$ 4-го часа до сихъ поръ, употребивши на ужинъ около 1 часа. Славно пишетъ! Не знаю, удастся ли мнѣ кончить его до ферій. Постараюсь употребить всѣ возможныя силы.

Это не малое удовольствіе, какъ въ 12 часу положишь книгу, закуришь и ляжешь въ постель читать Донкишота, а потомъ заснешь.

$\overline{16}$. *Четвергъ. $1/2$ 1-го часа пополуночи.*

Сегодня цѣлыя послѣ обѣда отъ $1/2$ 2 часа читалъ Гиббона. Въ 4 часа ходилъ къ Бенеке, а къ Вундерлиху позабылъ. Теперь было принялся повторять лекціи Фіорилло, но сонъ клонитъ. Ночь прекрасная. Посмотрю въ окошко. Вѣтеръ дуетъ.

$\overline{17}$. Съ трехъ часовъ до $1/2$ 12 читалъ Гиббона; но все идетъ не скоро: иногда въ часъ 24, по большей части 20, а послѣ ужина даже 15 страницъ. Теперь совершенно не имѣю свободнаго времяни и очень радъ, что эти большія занятія, кромѣ всей пользы, совершенно прогоняютъ скуку, о которой даже и думать теперь нѣкогда. А о томъ, что приближается послѣдній семестръ, все еще я думаю съ удовольствіемъ.

Сегодня была очень холодная погода для сего времяни года. Лѣто прошло, но я не видалъ его и не сожалѣю. Даже въ Mariensprіng не былъ ни разу и вообще выходилъ только одинъ разъ въ Венде (кромѣ той кнейпе, гдѣ я раза два ужиналъ).

Сегодня послѣ обѣда легъ я спать. Въ три часа велѣлъ себя разбудить, но это не нужно было: въ три часа разбудили меня трубачи. Я выглянулъ въ окошко и увидѣлъ Ehren-Garde, составленную изъ студентовъ, ѣдущую во всемъ парадѣ. Судя по красивымъ бѣлымъ мундирамъ, можно получить большее мнѣніе о Нѣмецкомъ патріотисмѣ, но при взглядѣ на лошадей можно будетъ въ точности цѣнить это благородное чувство, чуждое сердцамъ Германскимъ!

Вчера и нынче ночь прекрасная. Иду смотрѣть въ окошко, любоваться луною и думать...

$\overline{18}$. *11 часовъ ночи.* Съ 3 часовъ читаю Гиббона и такъ, что теперь глаза подлинно слипаются. Сегодня страшныя суеты въ Геттингенѣ: все ожидаетъ Короля — о патріоты Нѣмцы!

$\overline{20}$. *Понедѣльникъ $1/4$ 12.*

Давно не видалъ Геттингенъ такого праздника, какъ вчера. Въ 5 ча-

совъ послѣ обѣда всѣ ходили около Префектуры, смотрѣли изъ окошекъ, висѣли па заборахъ и проч. И вдругъ пріѣхалъ отецъ этого добраго и приверженнаго къ нему народа. Многократное lebe hoch разсѣкало облака табашнаго дыма. Между тѣмъ также и колокола не позабыли сдѣлать это дѣйствіе торжественнѣе. Черезъ нѣсколько времяни Король пошелъ въ библіотеку. Тутъ видѣлъ я его близко, и онъ показался мнѣ гораздо хуже прежняго. Королева какъ-то смѣшно была одѣта — въ синихъ тюникѣ и шапкѣ, и все вышито золотомъ. На крыльцѣ привѣтствовалъ его Гуго рѣчью, но кажется не тронулъ Короля, кот[орый] и шляпы не скинулъ. Дорого бы заплатилъ живописецъ карикатуръ за позволеніе посмотрѣть на представленіе Профессоровъ Королю; одни названія: Геренъ, Dornetchen, Reiss и проч., заставляютъ уже смѣяться, кто видалъ эту братію. Торнетхенъ, говорятъ, былъ страшно напудренъ и со шпагою, кот[орую] онъ взялъ у Данилевскаго. Хороша фигурка! Оттуда поѣхалъ Король въ Манежъ. Туда же пошелъ я съ А. И. Дан[илевскимъ] и безъ билета насилу туда пробрались. Тутъ Эйеръ съ 3 своими учениками забавлялъ Короля своимъ мастерствомъ — не только ѣздить, но даже и стрѣлять и бѣгать. Король обѣщалъ старому берейтору присылать ежегодно 6 лошадей. Старикъ, услышавши отъ Лейста, служившаго толмачемъ, королевскую милость, полѣзъ черезъ загородку, чтобы благодарить Короля, не едва было не заставилъ Короля пожалѣть о его старости. Ерема и шляпы не ломитъ! Правда и никому изъ присудствующихъ не пришло въ голову снять шляпу. Потомъ приносили Королю виватъ и закурили его совершенно смолою. Потомъ онъ былъ на балу и вдругъ скрылся. Ehren-Garde, состоявшая изъ студентовъ, заставила меня душевно пожалѣть о бѣдныхъ студентахъ, составлявшихъ оную. Весь городъ былъ вчера иллюминованъ. Король въ библіотекѣ опредѣлилъ Гардингу 4000 франковъ для путешествія въ Парижъ. Вчера еще слышно было, что Префектъ, Гуго и Гаусъ получили ордена, и нынче этотъ слухъ подтвердился. Префектъ можетъ утѣшиться синенькою ленточкою и серебрянымъ барашкомъ или трясогузкою (вѣрно они хотѣли представить орла) и позабыть обиду, сдѣланную имъ предъ всею Европою, изругая его въ газетахъ. — Всѣ Нѣмцы таковы! Кто ни попъ, тотъ батька.

$\overline{21}$. *Вторникъ. $^1/_2$ 1-го часа ночи.* Я все еще не получаю денегъ и боюсь, чтобы это не помѣшало моему вояжу.

Король довольно надѣлалъ здѣсь подарковъ.

Это для меня самое пріятное время, когда я иду спать. Теперь буду читать Mannstein'а.

$\overline{22}$. *Середа. Полночь.* — Сей часъ кончилъ 3 часть Гиббона. Подлинно

славно пишетъ, но трудно читать его отъ 9—10 часовъ послѣ ужина.—Сегодня погода была прекрасная. Съ нѣкотораго времяни я опять все думаю о П.бургѣ, и мнѣ бываетъ грустно. Но рано еще задумалъ я о томъ щастливомъ днѣ, въ кот[орый] оставлю Геттингенъ. Почему щастливъ день сей? Конечно никогда можетъ быть не буду я вести столь дѣятельной жизни, какъ здѣсь, по крайней мѣрѣ столь полезной. Но кромѣ этой пользы — все противно. На каждый даже предметъ смотрю я почти съ отвращенiемъ, не только что на самихъ людей, кот[орые] мнѣ совершенно опротивѣли. Ни одного нѣтъ порядочнаго. Эти подлецы не имѣютъ никакого понятiя о Россiи, иначе бы не разѣвали рта! Нещастныя животныя! можетъ вы почитаете себя щастливыми, но вы достойны презрѣнiя. Чего стоитъ одинъ Вундерлихъ съ своею дражайшею супругою. Только Нѣмецъ въ состоянiи такъ жить, какъ живетъ эта стоящая другъ друга и своихъ нѣжныхъ родителей парочка. Не ѣдятъ, ни пьютъ — и дышутъ, надѣясь, что кто нибудь позоветъ даромъ потанцовать (?)[1]; верхъ блаженства, коли дадутъ поѣсть. Какая шушера, притомъ же нечувствительны, подлы и проч. и проч. и пр. Et cet. et cet.

23. 8 часовъ вечера.

Сегодня въ 6 часовъ былъ на лекцiи у Göde (онъ дублируетъ). Между прочимъ онъ говорилъ о супружеской любви, и говорилъ прекрасно. Я подумалъ объ этомъ и мнѣ пришло на умъ, сколько надобно было прочесть книгъ, чтобы сказать эти десять словъ! Пришедши домой, все я думалъ объ этомъ и теперь еще думаю.

Что значитъ прочесть какихъ нибудь двадцать книгъ, къ тому же по большей части Историческихъ? Чему можно научиться здѣсь въ три года, или лучше сказать — въ 1 годъ! Какое утѣшенiе выѣхать изъ Геттингена съ тѣмъ увѣренiемъ, что ничего не знаешь! Начало, скажутъ, сдѣлано; но что значитъ начало въ безконечномъ? И естьли кто нибудь мнѣ скажетъ, что я что нибудь знаю, то я буду видѣть ничто иное, какъ этотъ человѣкъ или льститъ, или самъ тоже ничего не знаетъ. Но вопросъ, важный въ семъ случаѣ, состоитъ въ томъ: можно ли будетъ продолжать послѣ увѣряться въ своемъ невѣжествѣ и наконецъ хотя нѣсколько вникнуть, какъ надобно, въ извѣстный предметъ? Но какъ могу я ручаться за будущее, и какъ неважны средства къ тому!

О, какъ важно терпѣнiе въ семъ случаѣ! Какъ важна и надежда! Но надежда сiя бываетъ различна, смотря по тѣмъ предметамъ, кои заставляютъ надѣяться. Иной надѣется на проницательность, другой на остроту ума; иной

---

1) Это слово въ рукописи написано неразборчиво.

надѣется посредствомъ побочныхъ средствъ достигнуть желаемой цѣли. Но что осталось дѣлать тому, кто ни на что *надѣяться* не можетъ и кому осталось только терпѣть? А! Это плохое состояніе! — Также точно бываетъ съ надеждою и во всѣхъ другихъ вещахъ. Обыкновенно люди думаютъ о будущности болѣе, нежели что она есть въ самомъ дѣлѣ; каждый цѣлитъ на лучшее состояніе, а не на худшее теперешняго, и выбираетъ уже зараанѣе. Что приводитъ въ движеніе всѣ эти пружины? — Надежда. Одинъ надѣется улучшить свое состояніе, хотя бы это состояло и въ какой нибудь отличности, посредствомъ того, другой посредствомъ другаго; но каждый увѣренъ, что средства его (умъ и т. п.) къ тому достаточны, хотя это и не всегда бываетъ. Но положимъ, что средства сіи подлинно достаточны — такой человѣкъ бываетъ замѣтенъ. Средства сіи, состоящія изъ замѣтныхъ дарованій, какъ то: изъ ума и проч., даютъ полное право на надежду — по тому самому, что они замѣтны; но *добрая воля*, въ пространномъ значеніи сего слова, не замѣтна; естьли же и замѣтна, то она сама по себѣ не доказываетъ своей истинны, потому что она можетъ быть и притворна. Итакъ я опять спрашиваю, что же остается дѣлать тому, кто никакихъ отличающихъ дарованій не имѣетъ, но имѣетъ добрую волю? Надѣяться? Терпѣть? Увѣрять людей въ своей доброй волѣ? Ахъ, нѣтъ: *молчать, показывать свою добрую волю на дѣлѣ и не заботиться о вѣтряномъ мнѣніи толпы народной!*

25. Суббота. 3/4 2. часа ночи.

Свѣча догораетъ, и отъ того оставляю Гиббона, хотя спать еще не очень хочу. Нѣмцы развеселились: сегодня даютъ нѣсколько студентовъ d. Waldpartei, а это Профессорамъ и на руку. Цѣлую недѣлю только и слышно было, что о праздникѣ. Не унываютъ Нѣмцы.

Съ нѣкотораго времяни я опять все думаю о Россіи, о будущей жизни.

Иногда мнѣ досадно, что я не буду видѣть всего свѣта. Имѣю теперь страшную страсть путешествовать. Но обратимся къ трубкѣ, постелѣ и Манстейну, этому Нѣмцу, кот[орый] иногда вретъ о Россіи на Нѣмецкой маперъ.

27. 3/4 12 часа ночи.

Читалъ Гиббона, но послѣ ужина идетъ это чтеніе чрезвычайно тихо, естьли послѣ обѣда я не спалъ. Не знаю, какъ этому помочь. Очень извиняетъ лѣто. Вчера и сегодня было чрезвычайно жарко. Сегодня же шелъ маленькой дождикъ. Пора спать.

29. Середа. 1 часъ по полуночи.

Сегодня я легко, т. е. не засыпая, читалъ Гиббона, потому что вмѣсто ужина пилъ кофе, что и всегда буду теперь дѣлать.

Сегодня былъ я въ уголовномъ судѣ; судили d. Ober-Amtmann Körber, по доносу, что онъ на охотѣ стрѣлялъ въ вора и что онъ велѣлъ въ другой разъ стрѣлять своему пивовару, кот[орый] будто бы его и застрѣлилъ. Amtmann этотъ очень богатый человѣкъ. Но правосудіе здѣшнее, кажется, подлинно право судитъ. Другой воръ, кот[орый] былъ съ убитымъ, гов[орилъ], что пивоваръ его застрѣлилъ. Körber и пивоваръ утверждаютъ противное, и тотъ и другіе присягали. О люди! ничего священнаго нѣтъ для васъ! При всемъ томъ можно было замѣтить, что Körber богатый человѣкъ: много пріятелей было въ судѣ; одинъ, стоявшій подлѣ меня, бранилъ нещастнаго вора и всегда съ одобрительною улыбкою сопровождалъ слова Амтманна. Cr. R. Melling достоинъ своего сана: почтенный человѣкъ; почтеннѣе его я никого изъ Нѣмцовъ не знаю. Адвокаты Бальгорнъ и . . . . [1]) знаютъ дѣло, но не знаютъ говорить.

30. Четвергъ. 1/4 4-го часа утра.

Все читалъ Гиббона: хотѣлъ непремѣнно кончить VI-ю часть, что и сдѣлалъ. Заключеніе въ этой части о паденіи Р[имской] Имп[еріи] очень хорошо. — А я сдѣлаю теперь заключеніе Манштейномъ и лягу спать.

31. Пятница. 12 часовъ. Читалъ Гиббона и стоялъ теперь на крыльцѣ.

Повтореніе лекціи уголовнаго права сдѣлалось для меня почти несноснымъ: сегодня не могъ кончить. Охотникъ до насѣкомыхъ могъ бы на моемъ мѣстѣ собрать порядочный кабинетъ. Каждую ночь я сожигаю безъ жалости множество пауковъ, комаровъ, разнаго рода моли и чертъ знаетъ чего еще. Не знаю отъ куда эта дрянь берется. Сегодня цѣлый день былъ я нѣсколько слабъ отъ вчерашняго сидѣнья.

Нынѣшнія газеты были для меня чрезвычайно непріятны: Богъ даетъ добраго сосѣда Петербургу. Бернадотъ выбранъ Шведскимъ королемъ въ наслѣдники, и это, какъ говоритъ этотъ подлый старичишка, — сообразуясь съ общимъ желаніемъ народа. Большая обида приписывать не Нѣмцамъ такія желанія. Это извѣстіе меня очень взтревожило. Гмъ!... Чѣмъ все это кончится? Не это ли предсказывало мнѣ чувство *тоски по отчизнѣ*, кот[орое] съ нѣкотораго времяни меня безпокоитъ?

1. Сент[ября]. Суббота. 11 час. ночи.

Сегодня цѣлыя послѣ обѣда читалъ Гиббона, но въ 9-мъ часу помѣшала иллюминація, сдѣланная студентами отъ радости, что Гуго оставилъ

---

1) Имени другого адвоката не удалось разобрать.

свое званіе Проректора, и Тиксенъ заступилъ его мѣсто. Они хотѣли было по обыкновенію vivat bringen mit und Musik, но Префектъ запретилъ; и они иллюминовали свои окошки; у иныхъ по 12 свѣчей стояло въ каждомъ окошкѣ. Но этого не довольно: они собрались и три раза проходили мимо окошекъ Тиксена и кричали ему; но наконецъ пришли два педеля съ палками, и храбрецы (теперь безъ удивленія говорю это) — храбрецы разбѣжались, и ни одного не стало на улицѣ черезъ нѣсколько минутъ. Одинъ попался даже и въ карцеръ. Теперь все тихо, какъ будто ничего не бывало. Шуты! собираются затѣмъ только, чтобы показать искусство свое въ бѣганьи!

$\overline{7}$ *Августа*[1]). *Суббота.* *1/2 2-го часа ночи.* Сей часъ кончилъ 9-ю часть Гиббона. — Вотъ уже приближаются феріи. Гöде кончилъ уже уголовное право. Семестръ сей прошелъ непримѣтно. Я доволенъ своими занятіями въ продолженіе онаго, и теперь какъ будто во снѣ вспоминаю скучное время отъ 8—9 часовъ и скучныя и жаркія послѣ-обѣда по субботамъ, и воскресеньямъ, и по буднямъ, когда бывалъ дома.

Прошлаго воскресенья пріѣхалъ Сергѣй, и пустыня моя обновилась. Я много разпрашивалъ его о Россіи и изъ всего вижу, что все у насъ находится въ безпечной дремотѣ, все унижено и унизилось, и все въ страшнѣйшемъ и страннѣйшемъ безпорядкѣ.

Вторникъ 1/4 2 часа ночи.

Кончилъ 10 часть Гиббона.

Я теперь въ недоумѣніи, ѣхать ли мнѣ или нѣтъ въ Дрезденъ. Надобно видѣть Дрезденъ и надобно заняться финанцами.

$\frac{6}{18}$ *Сентября.* Сей часъ насилу кончилъ 11-ю часть Гиббона. Это время я мало дѣлалъ, часто отъ лѣности, часто отъ того, что мѣшали. Наконецъ мало по малу кончились всѣ мои лекціи, и зимній семестръ будетъ для меня послѣдній: при сей мысли я чувствую что-то неизъяснимое. Многое способствуетъ къ сему чувству: это послѣдній семестръ въ Геттингенѣ, послѣднее ученье, перемѣна жизни — и братъ остается здѣсь почти одинъ. Все это волнуетъ сердце мое.

Нѣкоторую бодрость ощущаю я также при сей мысли и нѣкоторое удовольствіе. — Часто теперь думаю я объ обстоятельствахъ Россіи и иногда заблуждаюсь въ царствѣ хаоса и непонятности. Иногда думаю о своей будущей жизни въ П — бургѣ. Мнѣ хотѣлось бы быть опредѣлену по финансамъ, хотѣлось бы быть полезнымъ: вижу, что все это будетъ напротивъ, и заранѣе досадую. Недавно былъ я долго въ рѣшимости, пріѣхавши въ

---

1) Сентября?

П.бургъ, заняться и написать — —. Теперь жаръ этотъ нѣсколько простылъ; я вижу, что трудно быть прилѣжнымъ въ П.бургѣ. И это меня также безпокоитъ и досадуетъ, какъ и первое. Но много еще воды утечетъ. Какъ бы желалъ узнать теперь, что будетъ со всѣмъ этимъ спустя 10 лѣтъ!—Часто я думаю о многомъ: и тамъ надобно, и то нужно, необходимо; но все это пустыя мечтанія. Но всего ближе теперь ко мнѣ *послѣдній семестръ* и мое предполагаемое путешествіе: всего ближе изъ до меня касающагося. Что касается до Отечества, то *моему* сердцу извѣстны только мои чувствованія. Обнаруживать ихъ не нужно: чрезъ то можно подвергнуть себя мнѣнію легковѣрности и проч. Къ тому же чувства эти такъ часто бываютъ повторяемы на словахъ и бумагѣ; а всѣ повторенія ослабѣваютъ, чѣмъ далѣе идутъ.

21 Сентября. Четверъ. 10 часовъ ночи.

На прошедшей недѣлѣ въ пятницу поѣхалъ я въ Кассель съ братомъ С[ергѣемъ] и П. П. Каверинымъ. Пробылъ тамъ два дня и въ понедѣльникъ въ полдень былъ уже въ Геттингенѣ. Въ этотъ разъ Кассель мнѣ показался не столь отвратительнымъ, какъ прежде, по причинѣ хорошей погоды, и болѣе Nap[oleons] — Höhe.

Пріѣхавши туда въ пятницу, пошли мы въ театръ. Играли la Reigne de Golconde. Актеры порядочные, но публика — ахти! Ложи были пусты, а партеръ и раекъ глупъ, глупѣе обыкновеннаго. На другой день играли La jeunese de Henry V. Зрителей и слушателей было болѣе, но за то партеръ и все казалось еще глупѣе. Пріятно послѣ театра хорошо ужинать въ трактирѣ и, поѣвши и поболтавши, итти спать. Но праздность, естьлибы она продолжалась долго, сдѣлалась бы для меня несносною. Въ субботу ходилъ я на поклонъ къ Струве, а потомъ и къ нашему попу, единственному порядочному человѣку въ Касселѣ, и завтракалъ у него Русскую водку и огурцы— славно, какъ русскимъ кормятъ Русскіе! Но на другой день, въ воскресенье, поѣхали мы къ обѣднѣ. Церковь наша мнѣ очень понравилась. При входѣ во храмъ невольно почувствовалъ я священное благоговѣніе къ *Божеству* и *Отечеству;* сердце мое забилось, и я изъ глубины души молился *первому* о *послѣднемъ.* — Потомъ душа моя успокоилась: вотъ уже, думалъ я, вотъ протекли два года, какъ слухъ мой былъ чуждъ божественнымъ звукамъ,— сердце—чувствамъ церковнаго благоговѣнія. Эти два года прошли, какъ совершенный сонъ, но оставили по себѣ неизчезаемые слѣды. Много перемѣнъ въ теченіе сего времяни произошло въ образѣ моемъ мыслей, перемѣнъ въ характерѣ. Еще годъ — и можетъ быть все это загладится новыми, важнѣйшими перемѣнами; образъ мыслей будетъ, можетъ быть, другой; но есть воспоминанія, есть чувствованія, которыя никогда не оставляютъ человѣка,—

блаженныя воспоминанія! вы для меня рѣдки, но по тому самому останетесь незабвенными для моей души. Священныя чувствованія, чувствованія къ Отечеству и высокимъ добродѣтелямъ, украшающимъ смертнаго, — вы останетесь при мнѣ до гроба! Любовь къ Отечеству будетъ для меня всегда первѣйшимъ и священнѣйшимъ долгомъ, и все должно быть покорено оному. Это щастливое чувство будетъ доставлять мнѣ восхищеніе въ радости, утѣшеніе въ нещастіи. И есть ли — — — сердце мое восхищается заранѣе и доказываетъ, до какой степени идеалъ можетъ плѣнить человѣка.

Каждая молитва въ обѣднѣ приводила мнѣ новыя мысли на память, но каждая мысль заключалась тѣмъ: когда я увижу Россію, когда я ее увижу! Благоговѣйныя чувствованія Религіи смѣшивались съ священнѣйшими чувствованіями къ Отечеству, и я находился въ какомъ то неизъяснимомъ восторгѣ, и теперь еще сердце мое бьется при воспоминаніи; оно наполнено восхитительными чувствами, но чувства сіи невыразимы! Любовь къ Отечеству можетъ довести человѣка до такого же безумія, какъ и обыкновенная любовь, или, можетъ быть, и до большаго, естлибы то было возможно.

Послѣ обѣдни дьячки поздравили насъ съ праздникомъ. Какъ это по-Русски! Они сами Русскіе, и я радовался, что говорю съ ними, досадовалъ, что долженъ ихъ оставить. — Любовь къ Отечеству *можетъ* довести человѣка до безумія.

Дьячки бѣдные грустны; въ Касселѣ имъ скучно: Русскихъ совсѣмъ тамъ нѣтъ. — Послѣ обѣдни мы пошли къ попу по его приглашенію и завтракали у него прекраснѣйшимъ Русскимъ образомъ. Никогда, думаю, здѣсь не ѣдалъ я съ такимъ аппетитомъ. Меня кормилъ Русской по-Русски!

Кто истинно любитъ свою Отчизну, тотъ пойметъ меня.

Позавтракавши поѣхали мы со священникомъ въ Nap[oleons]-Höhe и тотчасъ по пріѣздѣ пошли въ Löwenburg. Это новый замокъ, сдѣланный въ древнемъ вкусѣ и въ древнемъ видѣ. Очень хорошаго тамъ я ничего не нашелъ и былъ прежде объ ономъ замкѣ лучшаго мнѣнія, нежели теперь. Оттуда пошли мы къ башнѣ, на вершинѣ которой стоитъ славный Геркулесъ, котораго славную же палицу и мы посѣтили. Высоко взошли мы и любовались подлинно прекрасными видами; къ щастію за горами я не могъ видѣть Геттингена! — До Геркулеса щитается 902 ступеней, но лѣстницы такъ покойны, что я совсѣмъ не усталъ. Внизу башни дожидались мы, пока пустятъ воду. Въ три часа начали бить фонтаны. Одинъ изъ суетящихся и заботящихся о фонтанахъ, въ шитомъ мундирѣ (вѣрно какой нибудь Oberhoffwasser Inspector), въ формѣ Нѣмецъ, вздумалъ пошутить (жаль, что по-Нѣмецки) и пустилъ воду на стоящихъ изъ маленькихъ дыръ въ полѣ, нарочно сдѣлан-

ныхъ для этой невинной забавы; но эта шутка, которая впрочемъ можетъ притти въ голову только одному Нѣмцу, касалась въ другой разъ и до меня, потому что въ другой разъ Нѣмецъ, стоя подлѣ меня, пустилъ воду и обмочилъ между прочимъ и мой фракъ. Я подошелъ къ нему, говорилъ ему, что одинъ только дуракъ можетъ такъ шутить, что мнѣ бы хотѣлось побить этого дурака и проч. Но мой Нѣмецъ, спасибо, остался вѣрнымъ своему Нѣмецкому характеру, ворчалъ про себя: Ich weiss nicht, ich weiss nicht, и былъ равнодушенъ къ словамъ моимъ, привыкнувъ, видно, къ таковымъ, достойнымъ его титламъ. Сверху смотрѣлъ я, какъ мало по малу текла внизъ вода. Потомъ сошелъ внизъ, любовался единственнымъ видомъ и наконецъ пошелъ къ самому послѣднему пруду, гдѣ билъ прекраснѣйшій фонтанъ. Тутъ было довольно почтенной публики, много озолоченныхъ шутовъ и проч.

Видъ переливающейся изъ одного водоема въ другой воды величественъ, прекрасенъ; въ особенности понравился мнѣ Чортовъ мостъ и дикой водопадъ съ правой стороны. Оттуда пошли съ попомъ пить кофе въ трактиръ. Часто, смотря изъ окошка, поднималъ я глаза на Геркулеса и говорилъ Пет. Пав. Каверину: «Экъ куда нас носило!» Въ 9-мъ часу поѣхали мы въ Кассель, а въ 4 изъ Касселя. Утро было туманное, но мало по малу показалось и наконецъ возсіяло ясное солнце. Я въѣжжалъ въ Геттингенъ, но не чувствовалъ никакой пріятности, какъ по обыкновенному; или еще даже и напротивъ.

Обѣдни $\overline{24}$ Сентября никогда не забуду, также и добраго Русскаго священника.

$\frac{26}{8}$ Сентября. / Октября. *Понедѣльникъ. 1/2 11-го часа ночи.*

Сегодня послѣ обѣда провелъ я прекраснѣйшимъ образомъ. Я началъ писать свое разсужденіе, и вступленіе, гдѣ я говорилъ о среднихъ вѣкахъ, было для меня пріятно писать. Сегодня набралъ тьму книгъ изъ библіотеки. Хочется написать, а то чортъ знаетъ что будутъ о мнѣ думать, особливо братъ Ал[ександръ] Ив[ановичъ]!

Теперь 1 руб. нашъ стоитъ ровно 6 грошей добрыхъ. Какъ то будетъ ѣхать отсюда.

---

1. Частные люди заводили банки по причинѣ безпокойства платить золотомъ и серебромъ.

2. Правительства, чтобы платить долги.

а. Одни — заводили сами банки.

b. Другія — принимали на себя частные, кот[орые] были уже чрезвычайно употреблены во зло. (Здѣсь о Law).

Частный банкъ не можетъ имѣть тѣхъ дурныхъ слѣдствій, какъ государственный. Но не можетъ производить такихъ чудесъ. (Здѣсь о чудесахъ).

Гостепріимство среднихъ вѣковъ. Открытіе Америки и пути мимо мысу Добр[ой] Над[ежды].

Въ среднихъ вѣкахъ различіе состояній. Bildung der Bürgerstand.

Послѣ жиро-банка о Zettelbanke. Учрежденія сихъ въ различныхъ государствахъ[1]). О различныхъ родахъ P. G.[2]) Потомъ о пользѣ[3]). О вредѣ и вредныхъ слѣдствіяхъ.

О назначеніи предѣловъ ассигнаціямъ. Лучше ли, естьли Правительству банкъ принадлежитъ, или частнымъ людямъ? (Въ послѣднемъ случаѣ не можетъ произойти такого вреда, какъ въ первомъ; но за то и не той пользы).

Надобно завернуть о теперешнихъ правилахъ Государствъ, чтобы напомнить о системѣ меркантилистовъ и проч.[4])

Ассигнаціонные Банки.

1. Первое основаніе и цѣль.

Частными людьми. (Различіе основателей съ берущими участіе).

Распространеніе асс[игнаціонныхъ] банковъ. *Различные роды.*

Цѣль ассигнацій. 444 стр. II. В. о торгѣ асс—и

Предѣлы — —

Польза введенія бумажныхъ денегъ.

Вредъ — — — — — — — —

Вмѣшиваніе Прав[ительствъ].

Кто лучше: частные люди или Прав[ительство] могутъ содержать банки?

Конклузіонъ.

А что скажетъ Thornton?

---

1) На поляхъ карандашомъ прибавлено: «Банки могутъ быть не только въ республикахъ». 2) Papier-Geld. 3) На поляхъ прибавлены два слова, одно — «Россія», а другое не удалось разобрать. 4) Далѣе написано карандашомъ: «Въ большомъ городѣ — Альтона. — Монета».

Über d. Handlung.

Misshandlung der B[anken] 573 ч. 1. и 631. II. Къ банкамъ
. . . . . [1]) mit d. Politik 571 — Прав[ительствъ].
Фр[анцуз.] асс[игнаціи] — 576 —
Verleihung der Z[ettel]-B[anken] — — — — — — — — 26. —
Verschiedenheit d. P[apier]-G[elder] von Banknoten — — 27. —
— — — — — — — — — — — St]aats] Schulden — 28. —
Actien sind nur P[apier]-G[eld] — — — — — — — — — 29. —
Nur d. Casse kann P[apier]-G[eld] gut erhalten — —
Abhand[lung]. (Law, § 41. и 46).
Eigner und Innhaber d. Bank. § 11.
Mehr B. Zett. als d. Summe kann v. Z. Bank geb. § 14 +
Z. Bank verleiht ihr B.-Noten — — — — — — — — 16.
— помогаетъ государству — — — — — — — — — 20.
— ссужаютъ на многое, на землю — — — — — — 24.
— покупаютъ — — — — — — — — — — — — — 28.
— кредитъ нуженъ — — — — — — — — — — — 31.

О правѣ разныхъ P.G. 498. Geldumlauf § 1.

Банковыя ассигнаціи не должны быть слишкомъ малы — § 35.
— — — — — — упадаютъ искаживаніемъ денегъ 36—38.
— — — — — — падаютъ отъ умноженія. Law 39—41.
Уменьшение Münzfusses въ Швецiи — — — — — — — — 47.
Int[eresse] der Eigner und d[er] Innhaber — — — — — — — — 49.
D[ie] Zet[tel] B[ank] bringt Geldwerthe in Circulation — — — 50.
Wie beide Banken in Revolution — — — — — — — — — 55.
Umstände des Bank-Eigner zu werden — — — — — — — — 58.
Aufnahme der Handlung als Zwecke der Z[ettel]-B[ank] — — 64.
Verleihen [und die Verrinnerung der Zinsen] — — — — — — 65.
Hülfe für d[en] St[aat] — — — — — — — — — — — — 66.
Vorzug der B. N. vor d[en] St[aats]-Schulden — — — — — — 67.
Hülfe bey d[em] Verfall der Z[ettel]-B[ank] — — — — — — 69.
Mittel dazu — — — — — — — — — — — — — — — 72.
О уменьшеніи — — — — — — — — — — — — — — — 73.

Geldumlauf.

Fr. Ass. — — — — — — — — — — — — — — — — —151 стр.
Ob die Abbezahlung der Schulden gefährlich sey — — 41 B. III.

1) Не разобрано одно слово.

Steuart.

Wie man d[en] Credit erhalten konnte— — — — 236
Verminderung der P[apier]-G[elder] in Fr[ankreich] 246
Depositen und Uebertragungs-Banken — — — — 255
Folgen der Schulden — — — IV. Buch. 4. Theil. Cap. 1 (зам. 6).
Antizipationen — — — — — — — — — — — Cap. 3.
Bezahlung der Schulden — — — — — — — — — 10 и послѣ.
Bis zum Jahr 1700 war d[as] Wort Rubl bloss eine Munzrechnung. Schlözers Münzwesen, 32 стр. 34.

Фр[анція] вела войны посредствомъ P. G. и обязана частію имъ, что теперь одно изъ двухъ сильнѣйшихъ госуд[арствъ] въ Евр[опѣ].

Объ ажіотированіи — тамъ, гдѣ гов. о перемѣнѣ[1]).

О томъ, что асс[игнаціи] не должны быть малы, стр. 81.—Да и самое свойство асс[игнацій] противно сему: онѣ сдѣланы для облегченія обращенія денегъ, а маленькія суммы и чистыми деньгами могутъ легко обращаться. Ibid. и 82.

Англ. б[анкъ] . . . .[1])

Американскія асс[игнаціи] — 87 стр.

---

21 Октября. Воскресенье. 10 часовъ вечера.

Завтра начинаетъ Гуго читать свои лекціи; слѣдственно феріи для меня кончились съ нынѣшнимъ днемъ. Нѣсколько недѣль, въ которыя не было лекцій, прошли для меня очень скоро; я занимался каждый день, прочелъ нѣсколько книгъ и написалъ Разсужденіе; могъ бы можетъ быть сдѣлать болѣе, нежели сколько я сдѣлалъ; но должно быть довольнымъ и этимъ. Занятія не казались никогда мнѣ трудными въ продолженіе сего времяни, и почти всегда пріятными, потому что непріятностей я не помню. Я теперь увѣренъ, что можно весело жить, занимаясь только книгами — по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Можно соединять долговремянное занятіе утра съ полдневною прогулкою, а занятія послѣ обѣда вознаграждать часомъ или двумя размышленія въ полѣ при захожденіи солнца. Я почти совсѣмъ не испыталъ сего, не имѣя къ прогулкамъ времяни и проч.; но испыталъ по крайней мѣрѣ, сидя однажды послѣ обѣда на валу, дожидаясь 2 часовъ, чтобъ итти въ библіотеку, [испыталъ], какъ небольшой отдыхъ пріятенъ; и проведенныя мною въ то время минуты открыли мнѣ новую, истинную отрасль щастливаго спокойствія и трудолюбивой жизни. — Въ началѣ этихъ

---

1) Неразобрано нѣсколько словъ.

ферій я ѣздилъ въ Кассель, а послѣ сего все почти сидѣлъ дома; не болѣе двухъ разъ выходилъ за городъ. Впрочемъ единственные мои выходы изъ дому были въ библіотеку и одинъ разъ ужинать въ König v. Preussen. Вообще я теперь ко всему этому единообразію такъ привыкъ, что оно для меня непримѣтно. Занятія пріучили меня къ сему, или, лучше сказать, оныя не позволяютъ мнѣ думать много о другомъ, кромѣ ихъ самихъ. Впрочемъ, естьли когда нибудь *настоящее* и взойдетъ мнѣ въ голову, то *будущее* покажется мнѣ въ такой важности, что всѣ бездѣлки теперешней моей жизни бываютъ забыты; я начинаю думать о путешествіи — это меня утѣшаетъ и безпокоитъ; или о П.бургской жизни — это меня....... занимаетъ! Странно жить въ Геттингенѣ! Съ каждымъ полугодомъ чувствуешь самаго себя какъ будто новымъ человѣкомъ. Какъ бы хорошо имѣть такія пособія въ П.бургѣ!

24. Середа. 11 час. н[очи][1]). Лекціи Гуго покуда занимательны, и я много надѣюсь узнать любопытнаго, въ особенности касательно до Code N[apoleon]. Сего дня имѣли первую лекцію у Бальгорна. Это повтореніе очень полезно.

Сегодня я всталъ въ 5 часовъ и занимался дома и на лекціяхъ цѣлое утро, а послѣ обѣда сѣлъ за Spitler's Kirchen-Geschicte въ 2 часа и читалъ до сихъ поръ съ малыми отрывками.

Италія меня теперь zunächst всего болѣе занимаетъ: непремѣнно хочется побывать въ этой благословенной землѣ. Хочу заняться исторіею Италіи. Ахъ, время! ахъ, ден[ь]ги! Никогда не были вы мнѣ такъ дороги, да и врядъ ли когда будете. — Въ то время, какъ 20-ти лѣтняя кровь течетъ въ жилахъ человѣка, въ то время онъ либо живетъ надеждою, либо наслаждается жизнію, живѣйшія удовольствія могутъ тогда занимать его; польза присоединится къ сему. А послѣ—ахъ! послѣ 30 лѣтъ родятся другія мысли; тогда человѣкъ долженъ болѣе мыслить о должностяхъ гражданина, между тѣмъ какъ прежде онъ могъ быть просто вѣрнымъ сыномъ Отечества. Послѣ 30 лѣтъ перестаетъ сердце его биться при одномъ воображеніи или, по крайней мѣрѣ, не бьется такъ сильно; между тѣмъ какъ прежде одна восхитительная мысль какъ молнія зажигала кровь его.

Послѣ 30 лѣтъ и долѣе мрачная опытность даетъ человѣку свои уроки, наставленія, а прежде юношескій духъ стремился къ предположенной цѣли, не смотря на всѣ опасности,—и часто достигалъ ее. Естьли же и случались бѣды, то чего не могли загладить воспоминанія и надежда!

1) На поляхъ приписано: «22. Октября, въ понедѣльникъ начинаемъ обѣдать у А. И.; до 24, до середы, заплачены деньги за обѣды».

Благословенная земля! Естьли судьба и не позволитъ мнѣ дышать тѣмъ воздухомъ, коимъ дышали великіе сыны твои; естьли я и не буду удивляться памятникамъ творческаго искусства, о коемъ одно только воспоминаніе производило безсмертныя творенія (Gibbon.),—то по крайней мѣрѣ благоговѣніе мое къ твоей славѣ, къ твоей важной опытности будетъ всегда неразлучно съ сими чувствами удивленія. Естьли же щастіе приведетъ меня наслаждаться дарами природы и искусства, обогащающими тебя, то восхищеніе мое будетъ равно только тѣмъ чувствамъ, кои на каждомъ шагу будутъ возбуждаемы памятниками чудесъ. И тогда, прельщенный, очарованный, излію сердечныя чувствованія мои на бумагу и тѣмъ болѣе запечатлѣю и утвержу сладостныя воспоминанія, кои на холодномъ отеческомъ Сѣверѣ [1]) будутъ въ уединеніи питать мою душу.

30. Октября. 11 часовъ ночи.

Вчера началъ свои лекціи Бутервекъ, и началъ прекраснѣйшимъ образомъ и возбудилъ во мнѣ почтеніе и ревность къ эстетикѣ: главнѣйшее искусство въ Профессорѣ, которое я почитаю важнымъ достоинствомъ въ Сарторіусѣ. Завтра начну Латинскій и Французскій уроки, коими надѣюсь много заниматься. Послѣ завтра начнутся двѣ лекціи Гöде, потомъ лекція Бекмана, и послѣ всего этого надобно сыскать какой нибудь часъ въ суткахъ, чтобы заняться чтеніемъ. Кабы можно было не спать! Естьли кто замѣчаетъ теченіе съ пользою употребленнаго здѣсь времяни, то тотъ, съ прошествіемъ каждаго полугода долженъ удивляться, чувствуя въ себѣ новыя чувства и сравнивая прошедшее съ настоящимъ; будущаго вообразить себѣ нельзя въ семъ случаѣ.

Часто думаю я теперь о Россіи, въ особенности относительно къ состоянію тамъ просвѣщенія, рабства и любви сыновъ къ отечеству. Первое требуетъ важнаго вліянія и внимательности со стороны Правительства и лучшихъ средствъ, нежели каковыя были употреблены до сихъ поръ (хотя сіи послѣднія очень важны и велики); требуетъ соединенія многихъ умныхъ и благомыслящихъ людей, кои бы общими силами старались, способствовали разпространенію образованія на теоріи и на практикѣ. — Второе, рабство, должно, кажется, быть первѣйшею цѣлію внутренняго Правительства. Уничтоженіе онаго есть первый, важнѣйшій шагъ къ достиженію всѣхъ цѣлей Государственныхъ вообще. Но тутъ Правительство, кажется, не столько можетъ успѣть, сколько частные люди, а сіи должны видѣть свою пользу; а чтобы видѣть оную, надобно знать немного болѣе, нежели курить вино и ѣздить за собаками, — надобно просвѣщеніе. Слѣдственно судьба рабства

1) Въ рукописи: «Северѣ».

тѣсно соединена съ судьбою просвѣщенія дворянъ, которымъ должно вбить въ голову благородныя, человѣческія понятія; собственную ихъ пользу надобно имъ показать, убѣдить ихъ въ истинѣ справедливости, человѣколюбія, Религіи; а для сего нужны соединенія умныхъ, вѣрныхъ граждань, покровительствуемыхъ Правительствомъ. Правительство можетъ даже показать дорогу, сдѣлать первый примѣръ, а духъ подражанія, ободряемый разноцвѣтными ленточками[1]), много можетъ подѣйствовать на самыя благороднѣйшія души. — Что касается до любви къ Отечеству, то это я здѣсь принимаю только относительно къ гражданской службѣ, т. е. къ управленію внутреннему Государства. Высшіе, начиная съ перваго Повелителя, должны всего болѣе стараться выбирать людей и, выбравъ ихъ, давать имъ приличныя (но однородныя) мѣста, кои бы представляли случай дѣлать добро и быть истинно полезными Отечеству; и тогда человѣкъ, чувствуя цѣну самому себѣ и заслугъ своихъ Государству, будетъ съ равнодушіемъ смотрѣть на наружныя отличія, имѣя [въ] виду бо̀льшія, благороднѣйшія цѣли. —

Часто думаю я тоже о состояніи Россіи во время Екатерины II, Павла I и Александра I, и сожалѣю, что силы мои не могутъ быть достаточны для того, чтобы быть употребленными на самый ближайшій моему сердцу предметъ — для представленія перемѣнъ съ Отечествомъ во время трехъ послѣднихъ Правительствъ. Исключивъ правленіе Павла I, какъ необыкновенный періодъ, надобно только бросить взглядъ на правленіе Екатерины II, чтобы почувствовать и со слезами благодаренія признать великія благодѣянія Александра I, не уменьшая достоинства великихъ дѣлъ великой женщины.— Какая перемѣна въ духѣ Правительства! Какая безбоязненность, какая увѣренность въ любви народной! Какая доброта, милосердіе, добрая воля Правительства! Какое стараніе о разпространеніи просвѣщенія и уничтоженіи рабства, какія умныя, справедливыя правила въ новыхъ установленіяхъ! Кто удивлялся прежде при слухѣ, что тотъ посланъ въ деревни, тотъ въ Сибирь, и кто даже думаетъ теперь объ этомъ? Правда, что доброта доходитъ иногда до слабости.—Все сіе способствуетъ къ тому, что первые года истиннаго Государя, отца Отечества, могутъ съ справедливостію назваться *золотымъ*[2]) *вѣкомъ* Россіи. Свѣтъ чудился необыкновеннымъ явленіемъ сѣвѣрнымъ, и Европа, поколебанная въ основаніи своемъ, съ изумленіемъ взирала на щастливую Россію и съ благоговѣніемъ на Творца щастія великаго народа. — Еще и дѣла Екатерины заставляли философовъ предсказывать, что науки и искусства перейдутъ скоро на сѣверъ, и что благоденствіе, во-

1) Въ рукописи: «лѣнточками». 2) Сверху приписано: «хотя и краткимъ».

царяющееся въ Россіи, произведетъ златый вѣкъ; но дѣла Александра заставили всѣхъ провозглашать, что сбылось славное пророчество! Я сожалѣю, что не имѣю Гиббонова пера для изображенія сихъ чувствованій; но на что оно мнѣ? Мысли сіи будутъ служить только для меня, а сердечныя чувствованія не имѣютъ нужды въ новой силѣ, и боготвореніе Отечества увеличиваться уже не можетъ.

1. Ноября. 11 час. ночи. Третьяго дня шелъ въ первый разъ снѣгъ вмѣстѣ съ дождемъ; сегодня прекрасная, холодная осенняя погода. Я теперь имѣю тьму лекцій и долженъ употреблять много времяни на повтореніе оныхъ; такъ что, вставая въ 5, а ложась въ 11 и проводя только въ бездѣйствіи tout-au-plus два часа, отъ 12 до 2,—я не могу болѣе 4 часовъ заниматься чтеніемъ книгъ. — Сегодня началъ Гöде[1]) свою лекцію о Краснорѣчіи и читалъ очень хорошо; а Бутервекъ—превосходно и подлинно восхищаетъ меня и удивляетъ. Сегодня купилъ я себѣ славную деревянную трубку за $5\frac{1}{2}$ тал. (1 луидоръ) — насилу собрался сдѣлать такой dépense. —

6. Ноября. $\frac{3}{4}$ 11-го часа.

Сегодня Богъ сподобилъ 16 часовъ позаниматься дѣломъ, щитая, такъ сказать, въ обрѣзъ, а круглымъ числомъ — 17 часовъ: отъ 5[2]) — 12 и отъ $\frac{1}{2}$ 2 до $\frac{3}{4}$ 11. Утромъ провелъ 5 часовъ на лекціяхъ, а послѣ обѣда 2. Пріятно заниматься, но скучно въ воскресенье колебаться между работою и праздностію. Бекманова лекція мнѣ очень нравится, а о Гöдевой и Бутервековой и говорить нечего: превосходны!

Воскресенье. 10 часовъ вечера.

Сей часъ посѣщалъ меня одинъ изъ студентовъ, живущихъ въ одномъ со мною домѣ; малой доброй, но нельзя быть болѣе Нѣмцомъ, какъ онъ. Нѣмѣцкіе разговоры (состоящіе по большой части въ молчаніи), Нѣмецкая Steifheit и все, все въ полной мѣрѣ Нѣмецкое, не исключая походки и лица. —

Сегодня былъ я въ Венде и видѣлъ Штендера, котораго пребываніе его въ Парижѣ ничуть не перемѣнило: все тотъ же пузанъ и проч. и проч. Съ нѣкотораго времяни читаю я съ очень большимъ удовольствіемъ Шишкова «*Разсужденіе о слогѣ Р*[*оссійскомъ*]», ложась въ постелю. Я нашелъ, что Шишковъ очень твердо знаетъ Русскій языкъ, и что намѣреніе его, при изданіи сей книги, было точно то, какъ онъ говоритъ: желаніе быть полезнымъ. И подлинно: можно многимъ воспользоваться въ его умной книгѣ. Нехорошъ, скажутъ, слогъ. Совсѣмъ неправда: слогъ точно таковъ, какимъ онъ воображаетъ самый лучшій; и въ семъ случаѣ частію можно съ нимъ согласиться.

---

1) То есть Гёде. 2) На поляхъ рукописи прибавлено: «еще прежде 5».

Конечно инде не гладокъ, но вездѣ чистъ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣлкихъ ошибокъ, кот[орыя] скорѣе можно причесть наборщику, нежели сочиненію. Напрасно пристрастные, умные и обезьяны-дураки нападаютъ на Шишкова: мнѣніе его о Славянскомъ языкѣ и о Французскомъ совершенно справедливо и не можетъ быть подвержено благоразумной критикѣ. Остроумный непріятель его слога и намѣренія можетъ сказать нѣсколько вицовъ на щетъ сей книги; но сіи вицы будутъ только одни вицы и ничего болѣе. Естьли кто скажетъ, что онъ слишкомъ много нападаетъ на новыя Русскія выраженія, то я соглашусь, что Шишковъ иногда могъ бы смолчать, напримѣръ, при выраженіи: *потребность сердца, трогательность;* но возраженія его противъ сихъ словъ основаны частію на справедливомъ основаніи. Остроуміе его видно вездѣ. Впрочемъ мнѣніе его о Карамзинѣ, на коего онъ впрочемъ не явно нападаетъ, не справедливо и въ называніи *Бѣдной Лизы* сказочною показываетъ пристрастіе. Эта часть у Шишкова, касающаяся до Карамзина, самая слабѣйшая. Примѣры его частію удачны, частію же очень плохи. Незнаю, кто писалъ первое письмо, приложенное при концѣ книги. Второе, какъ по всему видно, писалъ онъ самъ; посему тоже можно заключить и о первомъ. Но только выборъ примѣровъ въ первомъ письмѣ очень нещастливъ. Что можно подумать о томъ человѣкѣ, который, стараясь показать красоту Русскаго слога и не говоря ни о Дмитріевѣ, ни о Карамзинѣ, представляетъ читателю мѣста изъ безвкуснаго, несноснаго, рыжаго враля?

Изъ критики Мартынова видно, что сей послѣдній имѣетъ нѣсколько природной остроты, но никакой не только основательной, но даже и простой учености ни въ чемъ. Нападенія его на Шишкова книгу состоятъ, по большой части, въ незначущихъ возраженіяхъ, въ маловажныхъ, пустыхъ привязкахъ[1]). Вездѣ одни *цѣпточки*. — Макаровъ, сколько можно видѣть изъ опроверженія Шишкова, свѣдущѣе Мартынова, но нигдѣ[2]) не видно основательной учености; свѣдѣнія его почерпнуты, видно, большею частію изъ однихъ наслышекъ. Разсужденіе о Русскомъ языкѣ — пустое и отъ части глупое. Шишкова опровергаетъ отъ части несправедливо, а отъ части смѣшно. Говоря о странномъ примѣрѣ Шишкова о св. дѣвахъ, заключаетъ, что это должна быть ошибка. — Напрасно. Ошибкою, напримѣръ, можно назвать грубое невѣжество Мартынова, которой нашелъ между рѣдкостями Домбровскаго Русскія лѣтописи, писанныя до времянъ Рюрика: этакое вранье можно назвать въ журналѣ *ошибкою*; а для примѣра св. дѣвъ это выраженіе слишкомъ строго. — Отвѣты Шишкова стоятъ критикъ: встрѣчаются даже такія мѣста,

---

1) Въ рукописи: «привязокъ». 2) Въ рукописи это слово написано неразборчиво.

которыя могутъ быть приличны подлымъ и глупымъ Нѣмецкимъ журналистамъ, а не людямъ, кои гордятся желаніемъ быть полезнымъ отечественному языку. —

Непонятно, какъ эти журналисты и многіе другіе могли такимъ несправедливымъ образомъ нападать на Шишкова. Книга его подлинно имѣетъ большія достоинства; и предубѣжденіе злонамѣренныхъ и глупость *невинныхъ* его опровергателей должны быть очень велики. — Впрочемъ я бы посовѣтывалъ Господамъ журналистамъ поосторожнѣе и даже порѣже говорить о Ломоносовѣ, о которомъ каждой Русской долженъ говорить съ величайшимъ душевнымъ почитаніемъ.—Можно разсуждать какъ хочешь свободно о Херасковѣ, иногда о Сумароковѣ и нѣкоторыхъ другихъ, но что касается до Ломоносова, то каждое слово о семъ необыкновенномъ человѣкѣ должно быть взвѣшено. Даже и Шишкова можно иногда почесть вольнодумцемъ, когда онъ говоритъ о Ломоносовѣ. Изъ сей важности можно заключить, что таковые люди либо слишкомъ много, либо мало знаютъ о семъ человѣкѣ. Осторожность, почтеніе должны всегда сопровождать мысли о немъ.

Я бы хотѣлъ поболѣе написать о семъ предметѣ и напомнить публикѣ Р[усской] о заслугахъ Шишкова: отдаленіе за нѣсколько тысячь верстъ отъ отечества поручится за безпристрастіе.

Пятница. 12-й часъ. Вчера былъ день рожденія, или чортъ знаетъ чего — здѣшняго Короля, и Нѣмцы плясали отъ радости и иллюминовали Ратушу и славный фонтанъ; но все это до меня не касается.

Я теперь веду очень дѣятельную жизнь, но работа моя по большой части *махинальная*: хожу на лекціи и повторяю ихъ. Отъ 7 или 8 часовъ всегда занятъ лекціями до 12. Тамъ послѣ обѣда прочту что-нибудь, потомъ иду на лекцію и, возвратясь въ 6 часовъ, провожу остальное время въ повтореніи лекцій. Часто сержусь на себя, что не столько дѣлаю, сколько бы можно было. Сержусь также, что не знаю по-Латыни и что нельзя прослушать еще нѣсколько важныхъ для меня лекцій. Также очень безпокоюсь въ разсужденіи своего путешествія: долго оставаться послѣ лекцій здѣсь нельзя, потому что надобно посмотрѣть Лейпцигскую ярмонку. Самъ ничего думать о путешествіи не могу, а Италія все нейдетъ съ ума.

Я прочиталъ теперь нѣкоторыя мѣста изъ моего *путешествія въ Голландію,* и сладостныя воспоминанія меня очень плѣнили и вырвали на нѣсколько секундъ изъ моей теперешней сферы. — Это дѣйствіе воспоминаній о Голландіи: каковы же будутъ или могутъ быть воспоминанія объ Италіи?—Въ полномъ смыслѣ могу сказать: «Путешествіе сдѣлалось потребностію моего сердца». —

Гуго меня и Данил[евскаго] часъ отъ часу болѣе и болѣе сердитъ. Читаетъ скверно лекціи, самъ скверенъ — какую охоту можно получить къ R[ömisches] R[echt], не научась презирать толкователей онаго? Порядокъ лекцій у Гöде всѣхъ лучше и, кажется, и для него всего легче. —

Понедѣльникъ. $^1/_2$ 11-ю часа.

Сей часъ насилу кончилъ повторять Римское Право и Церковное; послѣднее съ грѣхомъ пополамъ, т. е. дремля. Лекцій у меня много, но хорошо, что есть между ними такія, кои требуютъ мало домашняго занятія, какъ то: Торговля, C[ode] N[apoleon] (пока еще теперь обѣ) и Краснорѣчіе. Но за то Естетика и Римское Право требуютъ много времяни.

Сегодня купилъ я нѣсколько книгъ на аукціонѣ и между прочимъ *Людера* за 2 т. 6 гр. — дешево. Какъ пріятно покупать книги; но какъ досадно покупать не столько, сколько надобно и сколько хочется! — Погода теперь теплая. Вчера было воскресенье, и я просидѣлъ цѣлый день дома, хотя послѣ обѣда и очень мало сдѣлалъ. Досадно, что ввечеру всегда хочется спать, особливо когда читаешь книги.

Много мыслей въ головѣ моей о моемъ ученьи. Я вижу, какъ далекъ еще я отъ того, чтобы знать что нибудь порядочно; вижу прекрасныя средства къ пріобрѣтенію нужныхъ познаній; посреди сего, начиная чувствовать цѣну наукъ, долженъ оставить этотъ блаженный и полезный родъ жизни, который, несмотря на большее единообразіе и на скуку, имѣетъ свои пріятности; — долженъ ѣхать изъ Геттингена. Ахъ, кабы воля да ден[ь]ги! никогда ни то, ни другое не было и не будетъ для меня такъ нужно и полезно. Естьлибы отъ меня зависѣло, то я остался бы еще здѣсь на годъ; учредивъ образъ жизни совсѣмъ другимъ образомъ, началъ бы имѣть развлеченія, а потомъ, поѣздивши по Германіи, Швейцаріи и Франціи, поѣхалъ бы въ благословенную Италію, куда духъ мой и сердце безпрестанно стремятся, влекомые невидимою, непонятною силою! Одно слово *Италія* заставляетъ сердце сильно биться и воображеніе воспламеняться! Поѣхалъ бы въ Италію и пожилъ бы тамъ столько, сколько хотѣлось, по-больше. Самъ не постигаю сего желанія, которое дѣлается во мнѣ необходимостію.— Благословенная земля, буду ли я тамъ щастлив[ъ]? Но что же, естьли и счастіе сбудется, но лестная надежда меня обманетъ? Но нѣтъ, этого случиться не можетъ. — Увидя Италію, новыя красоты, новыя прелести, неизвѣстныя теперь моему воображенію, представятся мнѣ. Но и ты, колыбель просвѣщенія Европейскаго, и ты, садъ Европы, благословенная Провидѣніемъ страна, — и ты несешь тяжкое иго несвободы, заслуживая сіе нещастіе менѣе другихъ земель! Эта мысль часто мучитъ меня. Но прелести твои видны и въ самомъ бѣдствіи—

подобно красотѣ, которая и въ нещастномъ положеніи показываетъ достоинство свое, и которой слезы и изнуренное сердце придаютъ часто новыя пріятности! Конечно въ семъ случаѣ ты не похожа на красоту сію!

Вторникъ. 1/2 12 часа. Вотъ еще прошелъ день! Эта мысль приводитъ мнѣ многое на память: пройдетъ день, пройдетъ годъ, пройдетъ и вѣкъ и жизнь! — и все пройдетъ! —

Сегодня купилъ на аукціонѣ большое сочиненіе Фіорилло, и дешево: за 2 т. и 5 гр. Только недостаетъ второй части.

Идучи сегодня отъ Бекмана къ Буттервеку, говорилъ я съ Данилевскимъ о нашей теперешней жизни. Мнѣ попались на мысль двѣ справедливыя, давно извѣстныя мнѣ мысли, а имянно, что къ скукѣ сдѣлался я почти нечувствительнымъ; но что *грустно* мнѣ можетъ быть, [а] не скучно. И всѣ удовольствія (я принимаю сіе слово въ обыкновенномъ значеніи) для меня очень маловажны: я къ нимъ равнодушенъ и отказываюсь отъ выгоды пользоваться ими, не испытавъ еще их[ъ]. Отказываюсь на удовольствія и на увеселенія, которыхъ, правда, сердце мое еще не испытало.

Есть для меня другаго рода удовольствія, которыя также, можетъ быть, современемъ перемѣнятся; но по крайней мѣрѣ теперь онѣ могли бы быть для меня неоцѣнимы[1]),ощастливили бы меня, естьлибы я могъ ими пользоваться: Италія! свобода!

1/4 12 часа. Пятница.

Насилу справился съ лекціями. Римское Право читалъ и перечитывалъ, но все сегодня мало нашелъ толку: Гуго, скотина, скверно читаетъ.

Бекманъ разсказывалъ сегодня о Seelenverkäufer.

Арто разсказывалъ мнѣ сегодня о сочиненіи шалуна-Сарторіуса, какъ онъ ему поправилялъ оное.

Я все сижу — въ надеждѣ будущихъ благъ, но очень желалъ бы, и нужно еще остаться въ Геттингенѣ для того, чтобы заняться Юриспруденціею. — Но ничего не могу сказать напередъ. — Прежде ожидалъ съ нетерпѣніемъ дня, въ который выѣду изъ Геттингена; онъ приближается — и я думаю противное! Таково постоянство, но сіе по крайней мѣрѣ натурально.

Только и удовольствія, какъ ложусь спать съ трубкою и Шишковымъ!— Я умѣренъ, скажутъ мнѣ, въ моихъ удовольствіяхъ;—я думаю, что надобно безпрестанно заниматься, какъ здѣсь такъ и вездѣ, чтобы совсѣмъ не чувствовать скуки праздности и съ большимъ удовольствіемъ наслаждаться легкими и пріятными занятіями, какъ то: чтеніемъ леген[ь]ких[ъ] сочиненій.—

[1]) Въ рукописи: неоценимы.

Праздну никогда быть не надобно. Я уже и позабылъ, какъ скучаютъ въ праздности.

Понедѣльникъ. ³/₄ 12-го часа ночи.

Въ пятницу, легши въ постелю, почувствовалъ я ознобъ. Въ субботу и въ воскресенье былъ довольно нездоровъ, особливо вчера по вечеру.—Но на ночь вчера напился чаю и спалъ въ комнатѣ (in der Stube), и болѣзнь моя очень уменьшилась — помирюсь, я думаю, на сильномъ насморкѣ.

Теперь только что кончилъ повторять лекціи. Я опять перемѣнилъ планъ своего путешествія. Хочется подолѣе пожить здѣсь и опять сюда заѣхать.

¹/₂ 12-го часа ночи.

3 Декабря.

Вотъ уже Декабрь 1810 года. Куда дѣвался годъ сей? Онъ прошелъ, и я провелъ его недаромъ. Врядъ ли когда, или точно никогда не занимался я столько, какъ въ 1810, въ особенности начиная съ прошедшаго лѣта.

Идетъ время, проходятъ дни за днями, годы за годами, и мы непримѣтно приближаемся къ той ужасной неизвѣстности, поглощающей *и всѣхъ и вся* въ неизмѣримой пучинѣ вѣчности. Сіе приближеніе, составляющее жизнь человѣческую, подлинно непримѣтно. Нещастія заставляютъ людей чувствовать, что они живутъ; щастіе ихъ усыпляетъ — жестокая участь бѣдныхъ смертныхъ! — Въ семъ постепенномъ *приближеніи* человѣкъ стремится къ чему-то и почти никогда не достигаетъ своей цѣли, и никогда совершенно недоволенъ въ случаѣ достиженія, но сіе то стремленіе къ неизвѣстному какому-то щастію, сіе желаніе улучшить свое состояніе, однимъ словомъ *надежда*, божественный даръ, поддерживаетъ смертныхъ на трудномъ пути ихъ; подкрѣпляетъ силы ихъ, увеличиваетъ пылкость юности, разглаживаетъ морщины на челѣ старца и отираетъ горькую слезу у нещастнаго! — Естьли къ какому мысленному существу или, лучше сказать, Идеалу, имѣю я теплую вѣру и энтузіасмъ, то это къ Надеждѣ. Давно уже сдѣлался я ея[1]) вѣрнѣйшимъ поклонникомъ, но она сурова ко мнѣ и рѣдко облегчаетъ грустное сердце отъ тяжкаго бремяни благотворнымъ, усладительнымъ лучемъ своимъ.—*Я вѣрю въ надежду*, но рѣдко *надѣюсь*. Нещастливъ буду совершенно, естьли Отчаяніе, божество ада, противоположное Надеждѣ, овладѣетъ мною. — И для того опять обращаюсь къ надеждѣ, единственной утѣшительницѣ[2]) моей жизни.

Всѣ благороднѣйшія и всѣ сладостнѣйшія мечтанія смертныхъ неразлучно соединены съ надеждою. Чѣмъ свято для насъ Провидѣніе?—И чѣмъ

---

1 Въ рукописи: ее. 2) Въ рукописи: утешительницѣ.

священны для насъ всѣ добродѣтели? — Чѣмъ связана цѣпь жизни? И съ чѣмъ наконецъ человѣкъ переселяется изъ сего міра суеты въ міръ неизвѣстности? — «Въ надеждѣ жить мы и умремъ!» — Сказалъ я нѣкогда.

Суббота. 1/4 12-го часа.

Со второго часа поправлялъ я сегодня свою диссертацію. С'начала идетъ хорошо, а въ срединѣ очень отрывиста: нѣтъ единства, которое бы соединяло всѣ предложенія одно съ другимъ — до конца еще не дошелъ; но заранѣе страшусь безпорядка. — Я самъ не понимаю, какъ я *скропалъ* (въ подлинномъ смыслѣ сего слова) эту диссертацію. Началъ съ середины, потомъ приставилъ начало и конецъ; слѣдовалъ сперва нѣкоторому плану, а потомъ перемѣнялъ его на каждой страницѣ—часто вносилъ мысли, разпространенныя въ выраженіи на цѣлыхъ страницахъ, изъ книгъ, и когда видѣлъ, что онѣ не нужны, то жалѣлъ ихъ вымарывать, опасаясь сдѣлать тетрадь тонѣе. Вообще это желаніе *утолстить* (несмотря на *утонченныя* выраженія) диссертацію часто заставляло меня долго думать, что̀ изъ двухъ, изображающее одно и тоже, должно выкинуть, и желаніе *утолстить* рѣшило слѣпо, не спрашивая, что достойнѣе или что лучше. Написавши еще въ продолженіи ферій вдругъ мою диссертацію въ 7, 8 или 9 дней, я ее послѣ разъ, кажется, прочелъ, да въ другой дополнилъ; вижу, что много не такъ, какъ бы я могъ сдѣлать, но поправка можетъ превратиться въ переработаніе, чего ни время, ничто мнѣ не позволяетъ — ни даже охота! —

Но мысль написать книжку о Пол[итической] Экон[оміи] не умерла еще. Къ ней присоединилась еще другая: заманить П[етер]б[ургски]хъ молодыхъ людей, черезъ нѣсколько лѣтъ къ пол[итическимъ] наукамъ посредствомъ лекцій.

12. 10 часовъ ночи. Середа.

Чѣмъ болѣе Нѣмцы ограничиваютъ себя въ удовольствіяхъ, тѣмъ болѣе Правительство способствуетъ имъ къ се́му. Съ нѣкотораго времяни, въ силу Французскихъ приказаній, конфискованъ здѣсь кофе и сахаръ и, думаю, чай. Наша Софья поитъ еще насъ каждое утро кофеемъ, но не знаю, долго ли это продолжится. Безпрестанно въ газетахъ теперь читаешь, что вездѣ жгутъ Англійскіе товары. Во Франкфуртѣ, я думаю, уже на миліонъ фр[анковъ] сожжено, въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ и проч. Недавно жгли и въ Касселѣ, и этой очереди ожидаютъ и здѣсь. Все бѣда! А намъ въ другомъ нещастье: чѣмъ болѣе экономь, или, лучше сказать, скряжничай, тѣмъ болѣе курсъ упадаетъ: теперь рубль стоитъ съ небольшимъ 7 шиллинговъ: dies ist schon zu arg! И всѣ мои Италіи, всѣ планы, удовольствія, воспоминанія, мечтанія и пр. и пр. и пр. — разрушаются одною строчкою Гамбургскихъ газетъ,

но по крайней мѣрѣ надобно будетъ съѣздить въ Парижъ. Впрочемъ здѣсь хочется подолѣе пожить для библіотеки. Теперь я имѣю гораздо болѣе прежняго времяни читать книги. Гöде лекція, церковное право, дома меня не занимаетъ, а Bekman сдѣлалъ лекцію свою столь интересною, что я о ней почти уже и не думаю. Къ тому же и Code Napoleon мало отнимаетъ времяни: не всегда къ Гуго хожу. Кромѣ сего Эстетика и Римское Право, коими занимаюсь, въ особенности Р[имское] П[раво], сдѣлались для меня легче и требуютъ менѣе времяни для повторенія. Одна бѣда: не знаю, какъ предохраниться отъ сна при чтеніи Латинской какой нибудь книги, или, еще болѣе, при переводѣ изъ Вернера. Теперь читаю Dénino: Revolutions de l'Italie. — Жаль, что началъ не съ потопа, а только лишь съ разрушенія Трои! И сегодня по вечеру долженъ былъ я пробѣжать нѣсколько главъ объ упадкѣ Римской Имперіи — и это послѣ Гиббона! — Очень весело! Впрочемъ книга имѣетъ свои достоинства; но жаль, что, кажется, безъ нужды иногда пространна.

Воскресенье. 11 часовъ ночи.

Сегодня цѣлый день и вчера цѣлые послѣ-обѣда переписывалъ свою диссертацію и только что теперь кончилъ. Давича думалъ было по окончаніи сей работы выпить Viertel бѣлаго вина, однакоже поздно кончилъ. Не знаю самъ, что сказать о диссертаціи. Естьли печатать, то многое можно смѣло, многое подумавъ, а многаго совсѣмъ нельзя. — Сегодня дождику почти совсѣмъ не было, а въ послѣдніе три дни дождикъ совсѣмъ не переставалъ.—

О курсѣ я серіозно много думаю и не знаю, какъ жить будетъ: 7 шил. за 1 рубль!

— *Суббота. 1/2 1-го часа.*

Сегодня кончилъ бы, можетъ быть, 8-й томъ Итальянской исторіи Денины, естьли бы не боялся, что свѣчи недостанетъ. Исторія Денины хороша довольно, въ особенности что касается до войны Нѣмецкихъ Королей или Императоровъ въ Италіи. Переводчикъ Jardin много вставляетъ своего, и съ большою пользою.

Сегодня всѣ лекціи кончились, по крайней мѣрѣ на $1\frac{1}{2}$ недѣли. Новый Годъ! Нѣмцы будутъ веселиться, а я скажу: *авось* будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

Курсъ, проклятый курсъ, рушилъ всѣ мои планы въ разсужденіи Италіи. Но неужели мнѣ никогда не видать Рима, Неаполя, Венеціи и пр. и пр. и пр.? Нѣтъ, это невозможно: не умру, не видавъ Италіи.

Теперь я живу въ совершенномъ уединеніи, никуда не хожу; въ продолженіе всего прошедшаго лѣта и теперешняго семестра я ни у одного человѣка не былъ, кромѣ однажды минуты на двѣ у д[октора] Рау. — Лекціи

немного надоѣли; хочется пожить безъ нихъ да почитать книгъ. Чтеніе книгъ легкая и пріятная работа.

Вестфальское Правительство открыло новый, частію gezwungenes заемъ, и сіе для заплаты путевыхъ издержекъ въ Парижь Отца Отечества! — Сегодня слышалъ, что Гамбургъ присоединенъ къ Франціи.

Здѣсь было въ продолженіе нѣкотораго времяни невозможно покупать ни чаю, ни сахару. Теперь опять открыты лавки. Бѣдные Нѣмцы! Страшитесь, чтобы и трубки у васъ не отняли!

$\frac{28}{}$ *Декабря.* — Здѣсь прошло Рождество, но прошло и до меня не коснулось. — На этихъ дняхъ былъ день Тезоимянитства нашего Императора, и Курляндцы уговорили и меня съ Сергѣемъ присутствовать при ихъ *комершъ.* Я былъ тамъ, пилъ вино, и не чудо; но главное — пріобрѣлъ нѣсколько друзей; всѣ Курляндцы ребята добрые, только пьяные и не церемонятся... Теперь я читаю Швейцарскую исторію Мюллера: жалѣю, что Мюллеръ не употребилъ трудовъ своихъ на что-нибудь поважнѣе добрыхъ своихъ земляковъ. Сравненія Швейцарцевъ съ Греками иногда странны, и кажется, безъ нихъ онъ бы могъ очень хорошо обойтись. Иногда даже можно подумать, что Мюллеръ шутитъ. — Языкъ прекрасный, но не слишкомъ ли онъ важенъ иногда дѣлается при описаніи какой нибудь деревеньки и невинныхъ жителей оной? Не можетъ ли онъ показаться отъ того надутымъ? Впрочемъ Мюллеръ—поэтъ: Wenige vorleuchtende Beispiele, *wie in leiser Abenddämmerung vergoldete Alpenspitzen* — — — останется послѣ 500-лѣтней славы Швейцарцевъ, и только Auszug von diesem Buch — — — не слишкомъ ли смѣло поставлено одно подлѣ другаго?

Не могу рѣшить: мудрено судить о томъ, чего самъ сдѣлать не въ состояніи.

Здѣсь около трехъ недѣль почти безпрерывно шелъ дождикъ, очень сильный и сопровождаемый страшнымъ вѣтромъ, такъ что на алеѣ одно дерево изъ корня вырвало. Лишь только сегодня дождикъ итти пересталъ, и мѣсто его заступилъ снѣгъ.

Плохо поговариваютъ о политическихъ обстоятельствахъ. Надобно скрѣпиться и дожидать[ся]. $^3/_4$ 12 ночи.

Тихо проходятъ теперь послѣднія минуты 1810-года; тихо и провелъ я годъ сей. Щастливая безпечность почти всегда сопровождала мои занятія. Непримѣтно текли дни за днями, недѣли за недѣлями, и наконецъ время заставило меня вспомнить о послѣднихъ часахъ 1809 года и бросить взглядъ на протекшій: поглотила вѣчность то время, въ которое *спокойствіе заставляло меня забывать скуку* и наполняло душу мою внутреннимъ удоволь-

ствіемъ; не возвратятся тѣ дни, когда, забывая все на свѣтѣ, я углублялся въ Гиббона. Ничто меня не тревожило; я былъ спокоенъ: солнце встрѣчалъ и провожалъ, сидя за книгою или идя на лекцію. Поздный сонъ былъ для меня единственнымъ непріятелемъ и единственнымъ другомъ, отрывая меня отъ чтенія и услаждая утомленную душу во время тихой ночи. Иногда, не вставая со стула, былъ я свидѣтелемъ захожденія и восхожденія небеснаго свѣтила. И я бы назвалъ себя щастливымъ, естьли бы рокъ не судилъ мнѣ никогда не употреблять слова сего въ отношеніи къ себѣ самому; по крайней мѣрѣ я былъ столько щастливъ, сколько можетъ душевное спокойствіе, сопряженное однакоже съ единообразностію и скукою и нѣкоторыми неудовольствіями, способствовать и щастію. Надежда никогда не оставляла меня, но мирное уединеніе дѣлало все привычкою. Каждый день былъ для меня совершенно таковъ же, какъ и прошедшій: да и я не перемѣнялся. — Спокойствіе сдѣлалось потребностію души моей, и въ любезной отчизнѣ, награду [1]) мудрыхъ, въ мечтаніи о времянной жизни, призову покой, какъ Бога, и поклянусь жить въ мрачной неизвѣстности и наслаждаться мирными дарами небеснаго милосердія! Тогда къ сей щастливой единообразности не присоединится никакое горькое чувство. Естьли же злая участь постигнетъ мое Отечество, моихъ кровныхъ или (естьли можно имѣть ихъ) *друзей*, то тогда либо смерть, либо совершенное презрѣніе ко всему мирскому [1]), — презрѣніе, сопряженное съ ненавистію, послѣдуетъ за бѣдствіемъ. Съ друзьями все кончается при смерти ихъ — отечество умереть не можетъ: подъ другимъ небомъ оно живетъ въ сердцѣ; природа связала человѣка неразрывными узами съ этимъ божественнымъ идеаломъ. Отечества нѣтъ только для недостойнаго пользоваться правами человѣка. Вѣрный ставитъ его выше всего на свѣтѣ. —

12 часовъ било [2]): наступилъ новый, **1811 годъ**. Никогда не было для меня покойнѣе 1810 года; никогда можетъ быть не будетъ безпокойнѣе 1811-го.

1811 — по но[вому] ст[илю].

Нѣмцы только лишь перестали кричать изъ окошекъ, и, судя по ихъ разноголосистой встрѣчѣ новаго года, не можно надѣяться, чтобы онъ принесъ имъ съ собой новаго щастія. Да говорятъ, и фортуна не любитъ крику, а тишину блаженную.

1) Такъ въ рукописи. 2) На поляхъ приписано крупными цыфрами: 1811.

21 Января. 10 часовъ ночи.

Кому, какъ не тебѣ, любезная книга, повѣдаю я сердечныя чувствованія? Съ кѣмъ могу я бесѣдовать столь откровенно? Часто досадую я на мой характеръ, но его и самъ не понимаю. Часто находятъ на меня минуты, въ которыя всѣ окружающіе предметы дѣлаются отвратительными; на все досадую, а между тѣмъ не знаю подлинной причины сего. Иногда бездѣлицы, совершенно незначущія, взглядъ, слово, дѣлаютъ меня на нѣсколько часовъ мрачнымъ, въ особенности это состояніе продолжается отъ послѣ-обѣда до вечера; безпрерывное чтеніе въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мало по малу меня успокоиваетъ, и къ вечеру непріятныя чувствованія утихаютъ; поздно и ночью я всегда веселъ духомъ. Часто духъ мой волнуется, (и я не знаю, что о немъ думать, досадую на себя)[1]), на него никогда, и эти мысли производятъ во мнѣ какое то ощущеніе, невольное, непонятное, имѣющее въ себѣ что-то пріятное, соединенное однакожь съ досадою. Долго надобно мнѣ стараться узнавать себя. По сю пору я еще не знаю, какой родъ жизни будетъ для меня всего лучше: либо безпрестанныя, важныя заботы, либо совершенный покой и уединеніе — изъ этихъ двухъ крайностей, кажется, выбирать надобно.

Щастливая безпечность для свободной души есть лучшее средство быть довольнымъ самимъ собою, а въ семъ довольствіи заключается и все блаженство. Всѣ люди стремятся къ сему — Природа имъ это повелѣваетъ,— стремятся, но многіе не думаютъ о сущности ихъ желаній, цѣли ихъ.

Заботливая жизнь, исполненная безпрерывныхъ безпокойствъ и даже опасностей, нужна или можетъ быть полезна для мрачнаго духа, смотрящаго на все съ горькостію и какимъ-то негодованіемъ и зараженнаго меланхоліею.

У меня душа свободна, но чувства мои часто мрачны, исполнены огорченія; хорошо, естьли все сіе превращается въ грусть, имѣющую нѣчто питательное, даже сладостное для чувствительнаго сердца, подверженнаго меланхоліи. — Итакъ, какой родъ жизни выбирать мнѣ осталось: въ покоѣ проведу я дни свои, какъ въ пріятной дремотѣ, окруженный знакомыми предметами, и при паденіи листьевъ, какъ говоритъ Гӧде, буду только думать, что наступаетъ зима; въ безпрерывныхъ заботахъ жизнь моя протечетъ непримѣтно, я не буду имѣть времяни обращать вниманія на себя и видѣть въ полнотѣ свое нещастіе: жизнь пройдетъ, какъ безпокойный сонъ. Но не будетъ размышленій, кои въ безпечности могутъ навести скуку и грусть на опостылое сердце.

---

1) Слова, поставленныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

Изъ сихъ двухъ родовъ жизни я бы выбралъ первый, но кажется, что характеръ мой велитъ мнѣ выбрать послѣдній. «Тебѣ надобно жить въ безпрестанномъ забвеніи самаго себя; надобно только стараться съ злобнымъ удовольствіемъ сталкивать съ себя дни и годы и съ остервененностію приближаться къ гробу». —

Нещастный характеръ! Я бы болѣе говорилъ о своемъ характерѣ, но не могу выразить всего того, что чувствую, и теперь досадная улыбка заставляетъ оставить перо.

Недавно здѣсь на дуэлѣ между *Дорномъ* и другимъ студентомъ (Вильмансомъ) первый (какъ всего вѣроятнѣе и какъ всѣ думаютъ) имѣлъ нещастіе [1]) проколоть секунданта своего соперника (Брануса) шлегеремъ подъ колѣнкою, отъ чего сей нещастный черезъ два дня умеръ. Похороны были очень хороши. Около 250 студентовъ шли за гробомъ.—Теперь еще одинъ опасно раненъ въ брюхо: онъ самъ наткнулся на шлегерь.

Папстъ опять принятъ. Многіе изъ Профессоровъ сердятся на Проректора Тиксена за его снизхожденіе и нестрогость въ разсужденіи студентовъ; въ особенности стерва Гуго, которой, естьли бы онъ родился гдѣ нибудь еще [2]), могъ бы играть съ своею харею не послѣднюю ролю на большихъ дорогахъ.

$\frac{}{4}$ *Февраля*. Погода совершенно весенняя. Я продолжаю заниматься по большей части отъ привычки — машинально или, такъ сказать, безъ живости; читаю такъ, какъ и ѣмъ, хожу и проч. Такъ что я къ занятію сдѣлался хладнокровнымъ, могу не дѣлать цѣлой день ничего — и можетъ быть не пожалѣю. Сему есть нѣкоторыя причины: съ нѣкотораго времяни не могу вставать въ 5 часовъ. Это и другія бездѣлицы, соединяясь съ мрачнымъ характеромъ, рождаютъ досаду... Жаль П. П. [3]) — Надобно рыцарствовать, но этого, кажется, нечего опасаться; но жаль его вообще: совсѣмъ свернулся съ истиннаго пути; и что касается до меня, то съ моей стороны я не вижу никакого способа помочь этому, по крайней мѣрѣ теперь. Онъ очень вѣтренъ и имѣетъ нѣкоторые слабости молодыхъ людей его лѣтъ; но имѣетъ, кажется, и много добраго и любезнаго—«кажется»: неужели мнѣ всегда должно ошибаться? Больно, естьли ошибусь въ семъ случаѣ. Правда, что вѣтреность его иногда или и очень часто бываетъ непростительна и кажется болѣе, нежели просто вѣтреностію 17-лѣтняго молодаго человѣка. Но я не хочу почитать сего чѣмъ [4]) либо другимъ, кромѣ вѣтрености.

---

1) Въ рукописи: нечастіе. 2) Въ рукописи: ище. 3) Каверина. 4) Въ рукописи: чемъ.

Прошлое воскресенье я былъ у него поутру, и онъ мнѣ говорилъ между прочимъ, что *отъ насъ* онъ познакомился съ Нѣмцами: это я тоже приписываю вѣтрености, потому что справедливости тутъ нѣтъ. По вечеру были у него мы и Курляндцы; оттуда позвалъ всѣхъ къ себѣ Данилевскій: тутъ *Штендеръ* и всѣ кричали и пѣли, но все что-то Курляндцы не очень веселились и разошлись въ 12 часу. Я еще пробылъ нѣсколько времяни одинъ у Данилевскаго. Что думать объ этомъ человѣкѣ? Во всякомъ случаѣ надобно думать о немъ, а не писать.

Недавно былъ я здѣсь въ Criminal-Gericht, гдѣ одна дѣвка, зарѣзавшая своего новорожденнаго ребенка, была осуждена провести остальные дни своей нещастной жизни въ смирительномъ домѣ. Бальгорнъ гов[оритъ], что адвокатъ могъ бы это сдѣлать легче, и многіе изъ присяжныхъ на сіе были согласны.

Третьяго дня умеръ старикъ Бекманъ; онъ не долго былъ боленъ. Я уже давно пересталъ ходить на его лекцію о комерціи. Завтра будетъ похороненъ — гдѣ всѣ деньги, гдѣ всѣ книги? Всякій день мы видимъ эти примѣры, но они на насъ не дѣйствуютъ: бросивъ горсть земли на могилу отошедшаго, мы начинаемъ снова суетиться о мирскомъ и забываемъ объ участи, общей всѣмъ смертнымъ; но сія то самая безпечность сохраняетъ въ вѣчной дѣятельности родъ человѣческій, — и что бы было безъ оной? Природа человѣка сдѣлала таковымъ, каковъ онъ есть, и слабости, кои онъ имѣетъ, всѣ имѣютъ цѣль свою въ вѣчной мудрости, покрытой непроницаемою завѣсою для самихъ смертныхъ. — Я не говорю однакожъ, что чрезъ то жизнь человѣческая становится лучшею.

Пятница. 11 часовъ ночи. Погода все весенняя. Теперь дуетъ вѣтеръ и расположилъ бы духъ мой къ меланхоліи, естьли бы другіе предметы не разсѣявали моихъ мыслей. П[етръ] П[авловичъ] еще не рыцарствовалъ; на лекціи онъ кажется уже совсѣмъ рѣшился не ходить. Жаль его... Сегодня я завтракалъ и полдничалъ холодною свининою, оставшеюся отъ вчерашняго ужина. Софья служанка прекрасная и дѣлаетъ намъ сама ужины. Обѣдъ иногда хорошъ, иногда дуренъ; напримѣръ вчера только были свининыя ребры, а прочія кушанья состояли изъ какой-то моркови и несносныхъ сырыхъ сосисокъ.

У меня на умѣ написать новую диссертацію, но пополнѣе. Много надобно для того читать; а многое хотѣлось бы сказать — предметъ въ головѣ обширный. Хочу начать съ образованія капиталовъ въ обществѣ, хочу говорить о 3 система[хъ], хочу говорить о кредитѣ, долгахъ, налогахъ, о продажѣ госуд[арственныхъ] имѣній. О Россіи хочется кое что сказать. Не знаю, когда поѣду отсюда и когда можно будетъ писать.

$\frac{}{20}$ Февраля[1]). *$^1/_2$ 12-го ночи.*

Давно не писалъ въ этой — давно и не былъ въ такомъ расположеніи духа, чтобы писать здѣсь. Теперь началъ потому, что сейчасъ дѣлалъ выписки изъ Генриха. Маленькія досады, неудачи меня развлекаютъ, теперь однакоже гораздо спокойнѣе прежняго.

Недавно одинъ Перерадъ-шустеръ ранилъ Курляндца Шмелинга, кот[ораго] мнѣ очень жаль. Онъ, кажется, изъ всѣхъ Курляндцевъ лучшій — въ другихъ немного проку. Каверинъ еще не дрался, но что-то о немъ я не такъ интересуюсь, какъ прежде; видно, что мальчикъ совершенно пустой.

На дняхъ умеръ одинъ студентъ. — Мы получили 150 червонцевъ. Сегодня велѣно Бапсту выѣхать за его глупое разсужденіе.

$\frac{}{24}$ Февраля. 11 часовъ ночи.

У меня какъ гора съ плѣчь свалилась: Каверинъ не будетъ въ другой разъ драться съ Плюсно (онъ уже сдѣлалъ съ нимъ 12 Gänge, но ничего не вышло). Прежде объ этомъ дуэлѣ я не такъ заботился, ибо не думалъ, что Плюсно будетъ серіозно драться; но потомъ, когда онъ въ другой разъ заставилъ Каверина драться, я началъ бояться. Третьяго дня, т. е. въ воскресенье, узналъ я, что все это окончилось, и порадовался для праздника. Хотя и надобно бы было молодаго Каверина проучить, однако въ этой школѣ было много риску. Поведеніе его, въ особенности въ отношеніи къ его землякамъ, ни на что не похоже и не можетъ быть извинено даже и его молодостію. Серіозно говорить съ нимъ ни о чемъ[2]) нельзя. Надобно имѣть много увѣренности, чтобы пустить такого молодаго мальчика въ чужіе краи одного. Хорошо, естьли эта ошибка не будетъ много стоить. А въ немъ впрочемъ пути мало; также и надежда не очень большая. —

$\frac{}{28}$ Февраля. $^1/_2$ 12 часа ночи.

Сей часъ кончилъ свое сочиненіе для Арто. Предметомъ служило мнѣ раздѣленіе Montesquieu *правилъ правленій*.

Вчера былъ раненъ старшій Stromberg — Бернеромъ, Курляндцемъ же: оба не умѣютъ драться. Я сегодня заходилъ къ Штромбергу: бѣдняшка лежитъ обвязаной, не можетъ ни говорить, ни ѣсть; ему даютъ бульонъ посредствомъ пера. Очень жаль его; но всѣ земляки говорятъ, что онъ самъ виноватъ въ дѣлѣ. Уроки не должны быть слишкомъ строги; иначе они будутъ имѣть противное должному дѣйствіе.

Каверинъ не держитъ своего слова и лѣнится ходить на лекціи по прежнему, не смотря что дѣло съ Плюсно кончилось.

---

1) Сбоку на поляхъ приписано: «19 или». 2) Въ рукописи: не о чемъ.

Завтра вступитъ въ управленіе новый Проректоръ Потъ. Дай Богъ ему лучшаго щастія, нежели Тиксену; при этомъ трое умерло отъ дуэлей.

2 Марта. 1/2 12 часа.

Сегодня былъ послѣдній день ярмонки (суббота). На улицахъ было много народу; только сапожники, стоявшіе передъ моими окошками, мало продали, да и дождикъ ихъ много безпокоилъ. Сегодня, какъ сказывалъ Каверинъ, сильно ранили Мюниха въ лицо. У Каверина никакъ не ладится съ Данилевскимъ. Сегодня за обѣдомъ новые споры, и послѣдній отказалъ въ кувертѣ первому! Богъ не судилъ Каверину жить въ ладу съ Русскими въ Геттингенѣ. Досадно и жаль видѣть его безпрестанно съ Нѣмцами. Ничего не дѣлаетъ — франтитъ да растетъ, да ходитъ строить куры Madame. . .[1])

Вчера получилъ письмо отъ Куницына изъ Парижа; пишетъ, что Русскихъ векселей тамъ совсѣмъ не принимаютъ уже. Colaincourt отозванъ изъ П.бурга. На его мѣсто — Lauriston.

Здѣсь теперь дуэли очень часты и все не конча[ю]тся однимъ разомъ; въ особенности Курляндцамъ предстоитъ много путей къ славѣ.

5 Марта. Новое нещастіе! Сегодня былъ раненъ меньшой Турнау Плюсномъ.—Я этого никакъ не ожидалъ. Этотъ дуэль произошелъ отъ дуэля Плюсна съ Каверинымъ, гдѣ Турнау былъ свидѣтелемъ. Нечего сказать: Курляндцы нещастливы. Сегодня послѣ обѣда, читая Montesquieu, былъ я прерванъ Педелемъ, кот[орый] взошелъ ко мнѣ и гов[оритъ], что одинъ изъ насъ раненъ, и звалъ брата къ Проректору. Меня это раздосадовало, я шугнулъ поганаго Пуделя; но Сергѣю надобно было итти. Прор[екторъ] Потъ осматривалъ его грудь и шею (гдѣ раненъ Турнау), но ничего не нашелъ; однакоже все еще не увѣрился. Я желалъ бы, чтобы онъ меня къ себѣ пригласилъ, я бы и его Магнифиценство также шугнулъ, какъ и Педеля. Поганые Шмерцы! Не могутъ себѣ представить, какъ ихъ презираютъ.

11 Марта. 11 часовъ ночи.

Дѣло съ Проректоромъ мнѣ не пройдетъ даромъ и можетъ даже заставить меня проститься навсегда съ Геттингеномъ. Не смотря на мое презрѣніе къ Нѣмцамъ, они таки привязались ко мнѣ. На прошлой недѣлѣ я былъ цитованъ въ Consilien-Haus, гдѣ Проректоръ представилъ мнѣ донесеніе на меня педеля, въ коемъ не было забыто, что я сказалъ: Ich speie auf d[en] Prorector. — Я сказалъ, что что-то подобное я сказалъ. — Послѣ Данилевскій говорилъ объ этомъ съ Потомъ и, по его совѣту, написалъ къ нему письмо о мнѣ. — Завтра или послѣ завтра все это должно кончиться. Я не

1) Фамилія написана неразборчиво.

понимаю, что здѣсь эти комары или, лучше сказать, навозныя мухи могутъ кусаться! Хотя и не чувствительно, но досадно, которая досада происходитъ отъ презрѣнія къ нимъ.

Съ Каверинымъ уже недѣлю не говорю ни слова. Тоже дѣлаютъ и другіе. Вижу его только за обѣдомъ; и жалко, что я принужденъ поступать съ нимъ такимъ образомъ; досадно, что и онъ долженъ молчать, ибо съ нимъ не говорятъ.

17 *Марта*. 11 часовъ ночи бьетъ — а мы еще не ужинали. Уже нѣсколько дней, какъ мы ужинаемъ такъ поздно, а въ 7 часовъ пьемъ чай. Отъ этого сонъ не мѣшаетъ работать — очень большая выгода.

Отъ Сената отдѣлался я 4 луидорами. Рихтеръ сказывалъ, что eigentlich stehet Relegation darauf. Тогда были выгнаты: *Плюсно*, *Торнау*, *Бернеръ*, *Штромбергъ* за дуэли по-парно.

Въ Воскресенье былъ въ Венде.

4 *Апрѣля*. *1/2 11-го часа ночи*.

Недѣли за двѣ передъ симъ кончились для меня лекціи — и навсегда! Теперь я вижу, что лекціи суть не что иное, какъ азбука для дальнѣйшихъ занятій; это я давно уже видѣлъ. Подъ конецъ лекціи наскучили, въ особенности что у меня оставался одинъ Гуго. — Теперь я занимаюсь чтеніемъ книгъ — и затѣваю *разсужденіе* о *налогахъ*. Насморкъ, головная боль и кашель мѣшаютъ нѣсколько заниматься по болѣе; еще развлекъ меня пріѣздъ Куницына изъ Парижа. Парижъ не перемѣнилъ его ни въ одномъ отношеніи. Говоритъ о Бентамѣ, о Беккаріи все также, какъ за 3 года и за годъ; но каково то мнѣ *теперь* это слушати, такъ какъ и другія его разсужденія? Въ субботу онъ съ другими ѣдетъ въ П.бургъ — posterité heureuse! То то просвѣщеніе разольется по всей Россіи! Со стороны досадно, больно и жаль самихъ ихъ. — Я вступилъ теперь въ переписку съ Нѣмцами — писалъ вмѣстѣ съ Данилевскимъ письма къ Профессорамъ, кои по требованію Яковлева дали о насъ ему свидѣтельства. Потомъ я писалъ и къ Струве, но недоволенъ его отвѣтомъ и намѣренъ писать къ нему еще разъ. Со скуки имъ въ Касселѣ нечего дѣлать. — Я теперь въ неизвѣстности, долго ли пробуду въ Геттингенѣ: для налоговъ хочется прожить здѣсь до августа, а слухи и время года зовутъ въ Парижъ. Но не знаю, что-то охота отъ Парижа отпала съ тѣхъ поръ, какъ Педагоги[1]) тамъ побывали и говорили о немъ.

Каверина здѣсь теперь нѣтъ — поѣхалъ провожать Штромберга и повидаться съ пріятелями въ Ѣну. Но не знаю, какъ онъ живетъ съ своими деньгами. Wilder Svitier.

1) Т. е. Куницынъ и другіе изъ Педагогическаго института.

Сегодня старшій Турнау дрался съ однимъ шустеромъ — одинъ другаго ранили взаимно послѣ гальта въ голову.

Геттингенъ мнѣ съ нѣкотораго времяни нравиться [1]) начинаетъ. Погода была прекрасная. Теперь все сѣрые дни. Сегодня въ послѣдній разъ повторялъ съ Бальгорномъ Римское право.

$\frac{}{12}$ *Апрѣля.* *3/4 12 ночи.* Послѣ бывшихъ жаровъ сдѣлалось третьяго дня холодно, и тогда же былъ слышенъ громъ, и видна молнія. Вчера было холодно и дождикъ, сегодня даже и снѣгъ. Такъ все на свѣтѣ перемѣнчиво. Сегодня не была отперта библіотека, и я сидѣлъ цѣлый день въ своей комнатѣ. Нынче у Нѣмцовъ Gruner Donnerstag, и для сего подали за столомъ какой-то зелено-черной капусты съ вонючимъ мясомъ, и ни того, ни другаго нельзя было ѣсть.

Въ воскресенье уѣхалъ отсюда Куницынъ въ Россію. Мы были у него повечеру, а потомъ я и Данилевскій проводили его до Landwehr-Schenke, гдѣ, разбудивши хозяина, заставили его таскать бутылки съ краснымъ виномъ изъ погреба. Ночь была мѣсячная. Мы всѣ вспоминали прошедшее и были истинно веселы. Все вокругъ насъ было тихо. Куницынъ малой очень добрый — не знаю, какого то пойдетъ съ его ученостію. Кайдановъ отправился съ нимъ. Въ 12-мъ часу пошли мы въ городъ съ Данилевскимъ. Съ нами шелъ одинъ Померанецъ, котораго мой землякъ безпрестанно ругалъ за то, что онъ Нѣмецъ, не смотря на то, что сей увѣрялъ его: ich bin Schwede. — На другой день въ воскресенье былъ я въ церквѣ, гдѣ видѣлъ конфирмаціи дѣвушекъ и мальчиковъ. — Картушь ушелъ за дилижансомъ, но былъ присланъ. Послѣ обѣда пошли мы въ Венде, отужинали тамъ хорошо и возвратились при лунномъ сіяніи.

$\frac{}{13}$. *Суббота.* *3/4 12-го часа.*

Радостно бьется теперь сердце у 40 милiоновъ Русскихъ. Россія черезъ четверть часа — въ радости истинной, чистѣйшей. И теперь Москва будетъ зрима въ своемъ блескѣ. Триста храмовъ будутъ освѣщены, и колокольный звонъ, прервавъ мрачную тишину ночную, будетъ вторить кликамъ народнымъ. Естьли когда либо Зиждитель міра [2]) могъ радоваться своимъ твореніемъ, то это конечно въ первый день свѣтлаго праздника, смотря на Русскую землю. Кто не пріемлетъ въ Россіи въ ономъ участіе? Кто не чувствуетъ обновленія существа своего? А сіи чувствованія суть лучшая жертва сотворшему вся! Но есть и тамъ нещастные, забытые симъ благимъ провидѣніемъ; есть нещастные, также твореніе руку его, кои внутри сердца своего

1) Въ рукописи: нравится. 2) Въ рукописи: мира.

могутъ только благословлять или — творца своего. Такова судьба человѣковъ: радость и печаль, удовольствіе и скорбь—никогда неразлучны! Шумъ, происходящій отъ щастливцевъ, заглушаетъ стенанія нещастныхъ. Но утѣштесь и вы, жертвы злобы своихъ собратій! И для васъ зайдетъ солнце радости, и вы будете причастны удовольствію миліоновъ. — Великій праздникъ всегда сопровождаемъ великими дѣлами великаго народа: благодѣянія текутъ рѣками на угнетенныхъ рокомъ; они простираются даже и до невинныхъ тварей! Гдѣ найдешь тебѣ подобнаго, великодушный, храбрый, величавый, однимъ словомъ *Русской* Народъ! Естьли бы я не имѣлъ щастія быть Русскимъ (мысль, служащая для меня величайшимъ утѣшеніемъ въ жизни сей), то сердце мое всегда бы стремилось къ сему народу.

Радуйся, благословенный народъ, лучшее произведеніе Руки Творческой! Радуйся и чувствуй свою радость, свое существованіе!

И между тѣмъ, какъ сорокъ миліоновъ моихъ соотечественниковъ находятся теперь въ очаровательномъ волненіи, я, отторженный отъ отчизны, между презрѣнными иноплеменниками, осужденъ только чувствовать свое нещастіе — но нѣтъ: и я буду радоваться при одной мысли, что Русской народъ теперь радуется. Сердце Русское бьется и подъ другимъ небомъ при воспоминаніяхъ о веселящихся миліонахъ своихъ единоземцевъ.

Презрѣніе къ безчувственнымъ сердцамъ Нѣмецкимъ! нѣтъ для нихъ радости: Рокъ судилъ имъ быть Нѣмцами.

Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

Я не могъ быть сегодня цѣлой вечеръ покоенъ, и теперь сердце сильно бьется, и кровь волнуется: кромѣ всего — привычка младенчества въ состояніи уже одна имѣть сіе дѣйствіе.

Чѣмъ болѣе возвышаюсь я къ духу Русскаго народа, чѣмъ болѣе чувствую достоинство, тѣмъ болѣе невольно чувствую презрѣніе къ тѣмъ, съ коими пространалъ уже почти 3 года.

Послѣдній день Апрѣля. 11 часовъ ночи.

Продолжаю читать книги по части налоговъ: много собралъ мыслей для диссертаціи; не знаю, каково-то будетъ съ ними тогда, когда начну писать. На прошедшей недѣлѣ я часто выходилъ по вечерамъ послѣ 10 часовъ. Одинъ разъ былъ у Каверина, раза съ два сидѣлъ на крыльцѣ съ Мамзелями.

Теперь тоже прошелся до Вѣнскихъ воротъ. Вчера ужиналъ съ Сергѣемъ въ Ulrichs-Garten, а за двѣ недѣли, наканунѣ отъѣзда Турнау, въ Коронѣ, гдѣ, ругая Нѣмцевъ, чуть-чуть было съ ними не поссорился. Теперь все сижу въ своей камерѣ. Курю много. Въ библіотеку хожу рѣдко, ибо беру оттуда книги гуртомъ. Днемъ выходить для меня очень непріятно. Денегъ у насъ только 3 червонца; но надѣюсь на Майера: спасибо сему еврею — даетъ денегъ сколько угодно. Недавно Каверину случилась самая крайняя нужда въ 15 луид[орахъ]. Просилъ у Мейера — ему не далъ, а мнѣ — тотчасъ.

Думая безпрестанно о налогахъ, я забываю мечтать. Живу теперь очень покойно. Еще бы лучше было, естьлибы послѣ 10 часовъ иногда, когда захочется, можно было выходить со двора: это очень пріятно и полезно для занятій. Напр. думая, что въ 10 часовъ выйдешь, хотя сего и не случится, но одна мысль уже свѣжаго воздуха прогоняетъ сонъ. Къ тому же и поутру съ большею свѣжестію садишься за работу. — Ночью для меня пріятно ходить по Вѣнской улицѣ, днемъ — совсѣмъ напротивъ.

$\overline{12}$ *Мая. 1/2 11-го часа ночи.* Я на новосельѣ! Разныя причины заставили меня оставить квартиру, на которой я жилъ около двухъ лѣтъ. Все тамъ было очень дурно, кромѣ услуги. Конечною же причиною сей перемѣны можно почесть *доброту* красавицъ, жившихъ подъ нашею комнатою. Онѣ очень ласковы, въ особенности съ молодыми людьми — и ночью. Теперь я живу въ Prinzen-Haus(e) и очень доволенъ своею комнатою. На старости Богъ привелъ и мнѣ пожить въ Геттингенѣ на порядочной квартирѣ. Одна изъ главныхъ выгодъ оной состоитъ въ томъ, что лучи солнечные не досягаютъ моего угла, гдѣ слѣд[овательно] я спокойно могу курить, читать, писать. — Нынче воскресенье. Погода прекрасная; — я цѣлой день читалъ Смита. Въ 10-мъ часу пошелъ прогуляться; прошелъ по алеѣ. Чистый, теплый воздухъ, темнота, кваканье лягушекъ, прудъ, густыя деревья, черныя горы привели духъ мой въ такое положеніе, въ каковомъ онъ давно не былъ. Я думалъ и чувствовалъ одиночество свое естьли не въ любви, то по крайней мѣрѣ въ (чужей) дружбѣ; живо представлялъ себѣ пріятность противнаго сему. Естьли человѣкъ лишенъ и сихъ невинныхъ, единственныхъ выгодъ для сердца, умѣющаго чувствовать, то что можетъ его привязать къ жизни, исполненной неудовольствій? Хотя разсѣянность и, съ другой стороны, искусство находить утѣшеніе въ самомъ себѣ и могутъ сдѣлать легкимъ или, лучше сказать, сноснымъ иго тяжкаго существованія, но при всемъ томъ нѣтъ тѣхъ узъ, кои, привязывая сердце къ извѣстнымъ предметамъ одушевленнымъ, даютъ новую, неизъяснимую цѣнность и самымъ бездушнымъ предметамъ.

Какъ бы, напримѣръ, былъ милъ тотъ лугъ, мимо котораго я теперь прошелъ, сколько бы онъ могъ способствовать сладкимъ мечтаніямъ, естьли бы сіи послѣднія были раздѣляемы съ любовію или нѣжною дружбою! Чувства сердечныя изливались бы тогда съ восхитительною простотою. Чего бы нельзя было забыть, о чемъ бы нельзя было тогда вспомнить! Имѣя предъ глазами чистое небо — какъ бы чисты были тогда самыя чувства и сердца мечтающихъ! Вотъ наслажденія жизни! Пусть несмысленные ищутъ ихъ въ удовлетвореніи чувственныхъ страстей, или страстей душевныхъ: гордости, честолюбія и проч. Я не причастенъ симъ ложнымъ наслажденіямъ, свойственнымъ только душамъ мѣлкимъ. — Естьли, какъ я къ нещастію начинаю увѣряться, — судьба навсегда лишитъ меня тѣхъ чистыхъ, истинныхъ наслажденій, то я готовъ отказаться отъ всего; буду искать облегченія единственно въ облегченіи нещастныхъ, кои вообще нещастны не столько отъ себя и отъ рока, сколько отъ злобы и невѣжества себѣ подобныхъ человѣковъ. Буду итти слѣпо по стезѣ, назначенной стольже слѣпо судьбою, безбоязненно приближаться къ предѣлу всѣхъ нещастій, когда можетъ быть рѣшится великая загадка жизни. Впрочемъ спокойну никогда быть невозможно; естьли разсѣянность когда-нибудь и опуститъ завѣсу, то при новомъ видѣ нещастій себѣ подобныхъ, пробужденіе будетъ тѣмъ несноснѣе. — Щастливы тѣ, кои смотрятъ на захожденіе солнца и — ни о чемъ не думаютъ! —

$\overline{21}$ *Мая.* Вчера въ полночь возвратился я изъ Касселя. Это путешествіе сдѣлалъ я верхомъ вмѣстѣ съ Данилевскимъ.

Въ субботу въ 5 часовъ утра выѣхали мы изъ Геттингена. Погода была прекрасная. Послѣ сего говорятъ обыкновенно о лошадяхъ; но наши не стоятъ того, чтобъ о нихъ говорили. Отъѣхавши съ милю отъ Геттингена, взошли мы въ споръ съ работникомъ на шосѣ и потеряли такимъ образомъ нѣсколько грошей и болѣе получаса времяни. Начинало становиться жарко. Мы продолжали ѣхать и, не останавливаясь въ Дрансфельдѣ, дотащились до Мюндена. Мѣстоположенія около сего городка чрезвычайны и не теряютъ цѣны въ глазахъ моихъ при частомъ видѣ ихъ. Мы опять пожалѣли, что Münchhausen не завелъ Университета въ Мюнденѣ. Выпивши здѣсь по стакану вина и съ трудомъ накормивши лошадей своихъ, пустились далѣе и въ 1-мъ часу были уже въ Касселѣ у Ривьера. Это не очень скоро, но какъ быть?

Мы пріѣхали къ самому обѣду и тотчасъ сѣли за столъ. Общество обѣдавшихъ не превосходило числа музъ. Подлѣ меня сидѣлъ какой-то Президентъ, которой, называя себя Французомъ, вѣрно позабылъ, что лице его

говорило совсѣмъ противное. Онъ говорилъ, доказывалъ, увѣрялъ и все въ томъ, въ чемъ, какъ было видно, противникъ его никогда не сомнѣвался. Въ семъ то и состоитъ искусство говорить за общимъ столомъ. При всемъ томъ онъ мнѣ очень наскучилъ. Послѣ обѣда я почувствовалъ большую тяжесть въ желудкѣ и пошелъ въ свою комнату спать. Проснувшись и одѣвшись, пошли къ Штруве, кот[орый], принявши насъ очень по-министерски, предложилъ притти въ Нап[олеонъ]-Höhe и обѣщалъ насъ ввести въ придворный театръ. Мы пошли отъ него къ нашему Русскому Священнику, кот[орый] принялъ насъ по-Русски. Напившись у него прекраснаго кофе и пожалѣвши отъ чистаго сердца, что не можемъ быть у всенощной, потащились пѣшкомъ на высоту наполеонскую. Весь дворъ Е. В. Короля Вестфал[ьскаго] Еремы стремился къ одной съ нами цѣли, но съ тою разницею, что они были въ колясках и каретахъ и притомъ очень хорошихъ или недурныхъ. Мы шли спокойно и смотрѣли, какъ должно Русскимъ смотрѣть на всю эту шушеру. Каретамъ и скотамъ, запряженнымъ и сидѣвшимъ въ самихъ каретахъ, не было числа. Имѣли щастіе видѣть и Русскаго посланника посреди всего этого. Взобравшись на гору и стоя у трактира, видѣли проѣжжавшаго Струве — по поклону со всѣхъ респективны[хъ] сторонъ; онъ вскорѣ пришелъ за нами, попросилъ, чтобы мы почистили свое платье, и потомъ пошелъ съ нами въ театръ. При входѣ былъ весь дворъ in d. grösste Galas, а мы: я — въ московскомъ синемъ фракѣ и соотвѣтствующихъ оному шароварахъ, сапогахъ и заслуженою шляпою въ рукахъ, которая не моложе Вестф[альскаго] королевства; Данилевскій — немножко почище, но все плохо; мы шли съ Штруве. Тутъ опять встрѣтился мнѣ Газенбальхъ въ аудиторскомъ мундирѣ и подошелъ ко мнѣ. Мы взошли въ театръ и въ une loge grillé. Здѣсь нашли одного Австрійскаго посланника, рѣдкаго человѣка между Нѣмцами; говорили съ нимъ о томъ и о семъ; онъ нѣсколько разъ просилъ меня взять его мѣсто. — Въ 9-мъ часу явился Король; музыка заиграла; партеръ, набитый мундирами, изшитыми серебромъ и золотомъ, обернулся къ королевской ложѣ; и дамы, сидѣвшія по обѣимъ сторонамъ оной, тоже встали. Е. В. сдѣлалъ три поклона (естьли такъ можно назвать киваніе его) на три стороны и усѣлся. Піэсы выбрать скучнѣе не было возможно; Король обыкновенно выбираетъ ихъ. По окончаніи спектакля Король также поклонился и ушелъ. — Въ продолженіи одного entreact'а Штруве водилъ насъ и Австр. полковника, Барона von Spiegel-я, показывать галлерею, гдѣ было накрыто нѣсколько столовъ для ужина. Гал[л]ерея была украшена цвѣтами, и разноцвѣтныя стекла по сторонамъ дѣлали хорошій видъ.

Я не замѣтилъ ни одного умнаго лица изъ всѣхъ золотыхъ шутовъ,

коими набитъ былъ партеръ. Изъ дамъ дорогою видѣлъ только одну порядочную; но кромѣ некрасоты одна бы жадность, съ коею онѣ бросались на мороженое, дѣлала ихъ для меня противными. Объ одеждѣ ихъ я судить не могу, но не примѣтилъ ничего не только блистательнаго, но даже немного необыкновеннаго. Необразованность публики видна была не только въ судѣ піэсы, но также и въ нескромномъ смѣхѣ, коимъ были сопровождаемы глупости, произнесенныя актерами; изъ чего не выключается и прекрасный полъ.

Посмотрѣвши на всѣ сіи китайскія тѣни, какъ говоритъ Австр[ійскій] полковникъ, мы пошли прямо домой. Полковникъ, пріѣхавши туда съ Австрійскимъ посланникомъ и не хотѣвши его дожидаться, пошелъ съ нами. У меня были сапоги новые (т. е. головы), и я очень усталъ дорогою; безпрестанный стукъ отъ каретъ сопровождалъ насъ до самаго города. Мы притащились въ свой трактиръ, спросили ужинать, и намъ подали — двухъ голубей, масла и сыру! Подлинно ужинъ для двухъ голодныхъ Русскихъ! Мы спросили вина — я не могъ выпить болѣе двухъ рюмокъ. На другой день посѣтилъ насъ d. Polizey-Commissaire и сказалъ намъ, что министръ полиціи препоручилъ ему въ письмѣ своемъ сдѣлать намъ Verhör, и, услышавши, что мы безъ пасспортовъ, очень удивился; успокоился однакожь тотчасъ, узнавши, что мы изъ Геттингена. Намъ должно было взять carte de sureté; пасспортовъ у насъ не было, свидѣтельства же отъ Штруве взять еще не успѣли. Коммисаръ приходилъ послѣ два или три раза въ трактиръ и даже къ Штруве, у котораго мы взяли свидѣтельства, успокоили полицію и заплатили гульденъ за carte de sureté. Одѣвшись въ мундиръ, пошелъ я съ Дан[илевскимъ] къ Штруве, оттуда къ посланнику, кот[орый] принялъ насъ очень хорошо, говорилъ съ нами о торговлѣ Русской; сказалъ между прочимъ, что никто не знаетъ истинныхъ причинъ дурнаго курса на Россію; хотѣлъ растолковать, но я ничего болѣе и отъ него не узналъ. Отъ него пошли мы въ церковь — у него въ домѣ. Въ половинѣ обѣдни и онъ пришелъ, такъ какъ и его братецъ. У обѣдни стоялъ я съ душевнымъ удовольствіемъ. Отъ обѣдни онъ насъ позвалъ опять къ себѣ, говорилъ объ атестатахъ, опять звалъ насъ къ себѣ обѣдать. Мы въ первой разъ сказали ему, что отозваны обѣдать къ священнику, но онъ сказалъ, что мы успѣемъ притти и къ нему. Вышедши отъ него, мы отправились съ священникомъ къ нему обѣдать. Обѣдъ былъ прекрасный; Русскія зеленыя щи, кромѣ прекраснаго вкусу, привели мнѣ на память очень многое. За такимъ обѣдомъ, въ особенности съ такими хозяевами нельзя было не обременить желудка, въ особенности пріѣхавши изъ Геттингена. Давно не обѣдалъ я такъ пріятно. Отобѣдавши, пошли въ садъ пить кофе. Сидѣли подъ тѣнію деревъ до 5-ти часовъ. Поблагодарили доб-

рыхъ хозяевъ и пошли къ посланнику. Тутъ нашли мы Его Пр[евосходительство], брата его и секретаря Фанненберга. Черезъ нѣсколько времяни пришла жена сего послѣдняго[1]) — недурна очень собою и добрая женщина. Потомъ явился der grosse Struv'. — Потомъ посланникъ Виртембергской, потомъ Дармштадскій, и наконецъ — что всего интереснѣе: и Баварскій. Первый молодецъ и хватъ собою, второй старикъ и одѣтъ хуже всякаго геттингенскаго Профессора, а третій — соединяя съ незначущею и даже подлою фигурою, въ особенности для посланника, не простую глупость.—Пошли обѣдать. Я сѣлъ между посл[анникомъ] Вирт[ембергскимъ] и Штруве. Нашъ пос[ланникъ] сѣлъ по-барски и разливалъ супъ; обходился прекрасно съ посл[анниками], какъ надобно Русскому (это мнѣ очень понравилось) — давалъ имъ чувствовать, какъ далеко всѣ они отстоятъ отъ него. Обѣдъ былъ хорошъ, услуга очень хороша. Посланникъ говорилъ мнѣ, что онъ насъ всѣхъ ожидалъ на св. недѣлѣ въ Кассель и для говѣнья. Спрашивалъ, знакомъ ли я съ M-me de.....[2]) и почему незнакомъ; видѣлъ ли я Виллерса и проч. Зашла рѣчь о семъ послѣднемъ; говорили о его знаніяхъ, о его невинности. D[er] grosse Struv' называлъ его мостомъ между Франц. и Нѣм. литтератур[ами]. А Баварскій посланникъ говорилъ qu'il est un des premiers historiens à presens et qu'il connoit surtout l'histoire de 3. ou 4 siècles derniers; et encore, — прибавилъ онъ: il est (un peu) géographe — не знаю, что его голова разумѣла подъ этимъ словомъ; никто не просилъ его растолковать это; и хорошо сдѣлали, иначе бы онъ и еще болѣе заврался.

Передъ концемъ обѣда явился *der Kleine Struv'* съ своею сестрицею; пилъ здоровье министра, а министръ велѣлъ пить его сестрѣ здоровье du cons[eilier] de cons[ulat] et de légations[3]). —

Посидѣвши за этимъ дипломатическимъ обѣдомъ, мы встали, вышли на балконъ, пили кофе. Говорилъ съ министромъ нашимъ, Вирт[ембергскимъ] посл[анникомъ], съ Фанненбергомъ, Штруве, его женою. Его Пр[евосходительство] предложилъ намъ итти въ театръ въ его ложу и далъ намъ билетъ. Пришли въ театръ. Играли двѣ піески. Во второй пѣли арію: *Femmes voules vous éprouver*, и очень хорошо; но Нѣмцы остались очень хладнокровны, между тѣмъ какъ мы восхищались; на этотъ же голосъ пѣлъ лакей буфонскую арію, и Нѣмецкія лицы осклабились.—Черезъ нѣсколько времяни пришелъ нашъ посланникъ съ Дармштатскимъ, потомъ его братъ и Баварскій. Братъ гов[орилъ] о Лопухинѣ и глупо. Всѣ ушли, мы остались съ Дармштадскимъ и молчали. Театръ былъ очень пустъ. Послѣ театра пошли домой.

1) Въ рукописи «послѣдняя». 2) Имя написано неразборчиво. 3) Далѣе зачеркнуто: «Отобѣдавши такимъ образомъ для меня въ первый разъ».

Я отправился chercher des aventures, но неудачно. — Съ Штруве гов[орилъ] я много о Людерѣ, къ кот[орому] онъ мнѣ далъ письмо и звалъ къ себѣ на другой день завтракать. Мы явились къ нему въ лосинныхъ панталонахъ; онъ поилъ насъ шоколадомъ и какимъ-то ликеромъ. Жена его очень добрая женщина; d[er] kleine Struv' разсказывалъ исторію Ганнибала, и очень хорошо. Съ нимъ пошли мы въ библіотеку, состоящую изъ одной прекрасной залы и изъ 60.000 книгъ, какъ говорятъ; но книги, какъ видно, самыя дрянныя. Въ нижнемъ этажѣ, въ залѣ поставлены модели Римскихъ развалинъ. Библіотекарь почетный Нѣмецъ. Этого довольно. Поблагодаривши Штруве, я пошелъ къ банкиру Брентано для промѣны моего векселя, причемъ я потерялъ 25 талеровъ, ибо на гессенскіе гроши червонецъ стоитъ 3 — 3., а луидоръ 5 — 12, а здѣсь 1. 3 — 1; [а луидоръ] 5 — 10 теперь. Онъ хотѣлъ мнѣ отдать все серебромъ по 3-т. 3 гр., и это выгодно бы было для меня, естьли бы сіи ден[ь]ги не нужны мнѣ были для путешествія. Я получилъ 709 талеровъ. Оттуда пошелъ къ Попу, куда пріѣхалъ съ лошадьми и Дан[илевскій], заплативши безсовѣстному кельнеру болѣе 13 талеровъ за одинъ обѣдъ, завтракъ, 3 голубей, за комнату и лошадей. Поѣвши еще вкуснѣе вчерашняго у Попа щей, огурцовъ, напившись чаю, — онъ насъ хотѣлъ было принудить пить пуншъ, но это не мое дѣло. Было чрезвычайно весело. Я пѣлъ съ нимъ ирмосы, и пастырь сказалъ мнѣ, что я болѣе его знаю оные.

26 Мая. ¾ 1-го часа ночи. Воскресенье.

Вотъ уже цѣлую недѣлю, какъ я все пишу. Теперь мало еще занятія для ума; работа по большой части махинальная. Очень пріятно заниматься этимъ. Теперешнія мои занятія подобны жатвѣ: долго собиралъ я матерьялы для своей диссертаціи и теперь пользуюсь симъ собираніемъ.

Погода прекрасная. Я все сижу дома, время летитъ скорѣе обыкновеннаго. Никого почти не вижу. Каверинъ продолжаетъ вести себя по прежнему. Сегодня признался мнѣ въ новыхъ шалостяхъ, о которыхъ я ничего не зналъ. Совѣты ему, кажется, какъ въ стѣну горохъ. Жаль. — Геттингенъ все тотъ же; я доволенъ своею квартирою. Грондская улица мнѣ надоѣла. Недѣль черезъ 8 надѣюсь отправиться отсюда въ Парижъ. Какъ то приведетъ Богъ сдѣлать путешествіе.

Іюня « » ½ 12 часа ночи. Середа.

«*Велитъ ли Богъ свидѣться*» — утѣшительныя слова при прощаньи! — Ахъ! я не могу сказать этого, оставляя Геттингенъ! Послѣднее письмо, полученное изъ П.б. лишило меня надежды еще разъ увидѣть незабвенное мѣсто, въ которомъ я прожилъ 3 года, можетъ быть, самые лучшіе моей жизни. Я

долженъ скоро оставить Геттингенъ и съ нимъ очень многое. Эта мысль тяжела для моего сердца, и я не могу къ ней привыкнуть. Сегодня, сидя за книгою, я представилъ себѣ все то, что теряю своимъ отъѣздомъ отсюда. Покойная, беззаботная жизнь, щастливѣйшая жизнь—я долженъ промѣнять тебя на пустую, исполненную непріятностей, трудную П.бургскую жизнь! Горько думать объ этомъ; чувствъ своихъ я выразить не могу. Какое-то невольное предчувствіе, т. сказать, отталкиваетъ меня отъ Россіи. Съ чѣмъ разстаюсь я? съ Геттингеномъ! Не могу удержать слезъ; горесть вынуждаетъ ихъ изъ глазъ моихъ. Не помню, плакалъ ли я въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ!

Съ чѣмъ разстаюсь я? съ Геттингеномъ—съ покоемъ, съ безпечностію, съ независимостію. Я всегда чувствовалъ цѣну всего этого; но теперь чувствую ее еще болѣе. Слезы горькія, очень горячія слезы усиливаютъ чувства сіи и доказываютъ мнѣ, что я болѣе люблю Геттингенъ, нежели сколько я самъ думалъ. Никогда тебя не увижу! Не велитъ Богъ свидѣться! Для чего Природа не сдѣлала меня камнемъ, чтобы я могъ смотрѣть на все это хладнокровно? Сердце мое твердо, и слезы мои не текутъ напрасно. — Но мысль разстаться навсегда съ Геттингеномъ превозмогаетъ мои силы. Навѣки! Естьли судьба судила мнѣ вѣчно жить въ горести, то зачѣмъ лишила она меня утѣшенія питать горесть сію тамъ, гдѣ мнѣ хочется!

Нѣтъ — всегда будетъ преслѣдовать меня нещастіе: въ бездѣлицахъ и въ важныхъ дѣлахъ.

Прости, любезный Геттингенъ! много, очень много я тебѣ обязанъ. Ты заставилъ меня войти въ самого себя, и смотрѣть на все съ другой, можетъ быть, и я думаю, съ справедливой стороны. Много я тебѣ обязанъ! И не забуду тебя до тѣхъ поръ, пока сердце мое будетъ биться, и кровь течь въ жилахъ моихъ! Не забуду! Можно ли забыть незабвенное! Но зачѣмъ такъ? Нельзяли бы мнѣ было остаться здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ, или послѣ заѣхать сюда?

Нельзя. — Я ѣду. И не увижу болѣе Геттингена. И вѣрно никогда болѣе его не увижу.

Безпечная жизнь! щастливая жизнь! Я вставалъ спокойно и ложился спокойно. Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ такомъ обществѣ, хотя бы состояло только изъ двухъ, гдѣ для меня быть всего пріятнѣе, въ особенности въ послѣднее время, дѣлали меня веселымъ. Гдѣ я найду это? Найду пріятное общество, но гдѣ *покой*, и гдѣ *такая* пріятность?

Я бы желалъ изчислить всѣ выгоды Геттингенской жизни, но не могу. Потеря каждой бездѣлицы, которой я лишаюсь, невознаградима.

Я самъ не чувствую порядочно теперешняго моего положенія: плачу— думаю о Геттингенѣ, думаю о проведенномъ здѣсь времяни, о щастливой жизни, и мысли сіи прерываетъ мысль о свирѣпой будущности, отъ которой я ни на грошъ добра не ожидаю. Геттингенъ долженъ я оставить—и съ нимъ большую часть всего!

Гдѣ можно такъ *ни о комъ и ни о чемъ не думать* какъ здѣсь? Гдѣ можно быть такимъ господиномъ самому себѣ, какъ въ Геттингенѣ?

Пользы, которую я получилъ отъ Геттингена, я самъ еще теперь въ полной мѣрѣ чувствовать не могу; не могу также чувствовать, чего я съ нимъ лишаюсь. П.бургъ заставитъ все это почувствовать, и воспоминанія будутъ мучительны.

Я завидую теперь состоянію не только каждаго студента, но даже каждаго жителя, и кажется согласился бы теперь навѣки остаться здѣсь.

Не могу себѣ представить, не могу привыкнуть къ этой мысли, что я долженъ оставить Геттингенъ. Геттингенъ, Геттингенъ, прости! Жестокое прости! Какъ бы желалъ, хотя не много, выразить чувства свои на бумагѣ, дабы строки сіи служили вѣчнымъ доказательствомъ моей привязанности къ Геттингену и моей грусти при оставленіи его!

Всякой предметъ милъ теперь глазамъ моимъ.

Какъ разстанусь я съ тобой, Геттингенъ! Какова будетъ та минута, въ которую я въ послѣдній разъ тебя увижу? Судьба! жестокая судьба! Привычка, жестокая привычка! Сердце, зачѣмъ привязываешься ты къ тому, съ чѣмъ ты вѣчно быть не можешь?

Геттингенъ! Геттингенъ! Горькія слезы, увѣрьте его въ любви и привязанности моей къ нему, вѣчной и непремѣнной.

Оставляю Геттингенъ!

Что я сдѣлаю тогда, когда въ послѣдній разъ взгляну на него?

Геттингенъ! Геттингенъ! Геттингенъ! Геттингенъ! Геттингенъ! Геттингенъ!!!

Оставляя свѣтъ, можно смѣяться надъ жизнію; оставляя Геттингенъ, этого нельзя дѣлать.

Пятница. 1/2 11-го часа. Цѣлый день сидѣлъ дома. По вечеру ходилъ два раза къ доктору Дорнедхену, но не засталъ его дома. Потомъ Каверинъ позвалъ въ Ulrichs-Garten; тамъ я съ нимъ ужиналъ, курилъ трубку и болталъ — и время прошло очень пріятно. Отгуда зашли въ Корону, а потомъ на Gemeine Kneipe, т. е. на крыльцо и Prinzen-Haus, гдѣ я живу. Тутъ посидѣли. Пошли къ Каверину; я выпилъ тамъ стаканъ пива и возвратился теперь домой. Вечеръ провелъ я прекрасно. Тѣмъ болѣе чувство-

валъ пріятность, что все это скоро кончится, и кончится навѣки! Прости, Геттингенъ!

Прости, блаженная будущность! Надобно укрѣпиться, чтобы съ твердымъ духомъ встрѣтить будущность.

Сегодня отдалъ изъ Каверина толстой палки сдѣлать чубукъ. Очень досадно будетъ, естьли палка испортится.

Погода чрезвычайная. Мѣсяцъ свѣтелъ свѣтитъ. Ахъ, блаженная, беззаботная жизнь! Прости! —

Гдѣ можно ходить цѣлый день безъ штановъ, или цѣлый годъ въ широкихъ широварахъ, въ флаусѣ — со всѣмъ надобно проститься.

Сегодня я слышалъ отъ пришедшихъ съ Гарца, что Сергѣй очень усталъ и натеръ себѣ ноги. Какъ то дойдетъ сюда?

Вторникъ. 11 часовъ вечера.

Вчера пріѣхалъ Туро изъ Парижа и немного обезпокоилъ меня дороговизною вояжа, но также и обстоятельствами. Надобно знакомиться и приготовить уши ко многому. Сегодня читалъ Блакстона о налогахъ. Прекрасная книга. Въ 10 часовъ пошелъ гулять; прошелся съ Каверинымъ по алеѣ; потомъ зашелъ къ Сакену, кот[орый] сегодня по вечеру возвратился съ Гарца. Теперь привыкаю къ мысли оставить Геттингенъ; и различныя обстоятельства, все мѣлкія, дѣлаютъ, что мнѣ бы даже и не хотѣлось здѣсь остаться. Но во всякомъ бы случаѣ очень, очень, очень хотѣлось побывать здѣсь еще.

$\overline{20}$ *Іюня*. Мы съ Ал[ександромъ] Ив[ановичемъ] собрались ѣхать; но Штруве задерживаетъ насъ пасспортами. Сабля, портупея готовы. Трубки тоже[1]).

1) Ниже этихъ словъ написано краснымъ карандашомъ: «Слѣдуетъ «Выѣздъ» изъ Гет[тингена] до Госпиталя». Этимъ и заканчивается пятая книга дневниковъ Тургенева (№ 205). Къ ней приложенъ небольшой листокъ со слѣдующими словами: «Bose: Sur les Capitaux. — Fabrique. e Turgo. Turgenef. Ct. Benecke. Fabrique».

ПИСЬМА.

Письма Николая Ивановича Тургенева къ брату Александру Ивановичу Тургеневу отъ 1808—1811 гг.[1])

1.

№ 1. *22 Іюня* [*1808*].

Милостивый Государь Братецъ!

Принеся вамъ чувствительнѣйшую благодарность за всѣ ваши ласки и прямо братской пріемъ, которыми я пользовался и наслаждался въ бытность мою въ П.бургѣ, увѣряю васъ, что это на всегда пребудетъ для меня незабвеннымъ. Вчера, разставшись съ вами, пріѣхали мы ночевать въ Робшу, гдѣ скончался Петръ III-й. Я и товарищи мои пошли ко дворцу и, полюбовавшись Архитектурою его и вспомнивши *прошедшее*, мы пошли въ садъ. Тутъ попался намъ садовникъ Англичанинъ, съ кот[орымъ] я началъ говорить кое-какъ по-Англински, и за то, кажется, онъ повелъ насъ по саду, показывалъ множество мален[ь]кихъ каскадъ, очень хорошо и со вкусомъ разположенныхъ. Походивши съ часъ по садамъ, простились мы съ добрымъ Англичаниномъ и пошли на квартеру въ харчевню. Изъ Робши пріѣхали мы сюда кормить, здѣсь кромѣ постоялаго двора, или корчмы ничего нѣтъ. Нынче ночевать будемъ, думаю, гдѣ-нибудь не доѣжжая Ямбурга, а завтре кормить будемъ въ Нарвѣ, откуда и надѣюсь вамъ послать письмо сіе. Покуда простите и не забывайте душевно васъ любящаго и почитающаго брата

Н. Т.

23-го Іюня. Сей часъ пріѣхали мы въ Нарву, откуда спѣшу вамъ послать письмо сіе. Пообѣдавши, пойдемъ посмотрѣть городъ. Простите. Любезному другу, Дмитрію Гавриловичу, также и Милостивому Государю Александру Ѳедоровичу свидѣтельствую мое почтеніе.

Спасибо, любезный Борисъ, тебѣ за кошелекъ, онъ мнѣ очень пригодился.

---

1) Отъ геттингенскаго періода жизни Н. И. Тургенева сохранилась пачка писемъ, состоящая изъ 57 штукъ. Изъ нихъ самому Тургеневу принадлежатъ 55 писемъ: 52 — къ брату Александру Ивановичу и два къ матери; остальныя два письма писаны А. П. Куницынымъ къ А И. Тургеневу въ Петербургъ.

2.

№ 2.

Милостивый Государь Братецъ!

Я думаю, что вы получили уже письмо мое изъ Нарвы. Тамъ пробыли мы около шести часовъ. Ходили смотрѣть городъ, кот[орый] не походитъ уже на Рус[с]кой: улицы узки, домы высоки; иногда встрѣчаются на домахъ смѣшныя подписи, которыми Нѣмцы отличаются. Потомъ пошли мы смотрѣть Наровскіе пороги, верстахъ въ трехъ отъ города. Какое зрѣлище для меня, привыкшаго видѣть Москву рѣку и удивляться Невѣ! Здѣсь Нарова идетъ все какъ будто подъ гору, такъ что покатъ очень примѣтенъ, и вдругъ падаетъ перпендикулярно сажени на двѣ или на три. На островѣ сей рѣки есть пильныя мѣльницы, кот[орыя] были для меня также занимательны, особливо внутреннее ихъ строеніе. Сегодня по утру мы ѣхали по берегу Чудскаго озера. Одному изъ нашихъ товарищей показалось, что по озеру плыветъ тюлень; разбудили меня, чтобы посмотрѣть, я смотрѣлъ, смотрѣлъ, но ничего не видалъ; но онъ рѣшился раздѣться и пошелъ съ саблею ловить тюленя, долго боялся подойти къ нему, наконецъ рѣшился и увидѣлъ вмѣсто тюленя пребольшой камень. Какое легкомысліе! — Сегодня въ этой корчмѣ, откуда я пишу къ вамъ, мы видѣли Чухонцовъ, кот[орымъ] ѣсть совершенно не чего. Примѣромъ этому можетъ служить то, что мы, ѣвши рыбу, бросили кости на полъ; Чухонецъ, шедшій мимо, поднялъ эти косточки, и когда мы имъ дали хлѣба и немного денегъ, то они кланялись, целовали ноги и полъ и почти плакали, при томъ же онѝ и пьяницы. Этого въ Россіи я никогда еще не видывалъ. Извините, что безпорядочно и дурно пишу къ вамъ. Я нынче цѣлое утро не спалъ по причинѣ мнимаго тюленя.

Н. Т.

25 Іюня. Завтре изъ Дерпта, или Юрьева пошлю къ вамъ письмо сіе. Жаль, что мы не можемъ тамъ пробыть побольше. Мы должны проѣхать его мимо.

3.

№ 3. *Тильзитъ. 14 Іюня*[1]).

Милостивой Государь Братецъ!

Вчера ввечеру пріѣхали мы въ Тильзитъ. Признаюсь, что дорога отъ Риги до сихъ поръ показалась мнѣ скучною, потому что наши Нѣмки очень часто

1) Вѣроятно — Іюля.

остонавливаются, иногда пить кофе, иногда кормить лошадей. Почти всю дорогу ѣхали мы тихо и очень много сами шли пѣшкомъ. Наши Нѣмки, желая проѣхать поближе, не поѣхали на Пашвейнъ, ближнюю отъ Тильзита Россійскую таможню, но на Шилинъ, мѣсто, гдѣ живутъ одни объѣщики и козацкой капитанъ, которой, увидѣвъ наши пасспорты, сказалъ, что они должны быть подписаны въ Пашвейнѣ. Мы ѣздили двое съ пасспортами въ Пашвейнъ, и надзиратель таможни велѣлъ также всѣмъ туда же пріѣхать. Вчера часу въ 3, когда всѣ пріѣхали въ Пашвейнъ, надзиратель пропустилъ насъ за границу. Здѣсь насъ совсѣмъ не осматривали. На Прусской же границѣ пришелъ осмотрщикъ, и я только что разтегнулъ чемоданъ, онъ пощупалъ рукою и ушелъ. Съ Нѣмками было много хлопотъ. Вчера ввечеру ходили мы посмотрѣть городъ. Объ этомъ вамъ говорить нечего, потому что вы лучше меня знаете это. Видѣли домъ, гдѣ жилъ Государь. Я писалъ къ вамъ изъ Янища, мѣстечка, и отдалъ письмо одному курьеру, которой обѣщалъ доставить письмо Вельяшеву. — Здѣсь по дорогамъ въ Россіи очень много лошадей англизированныхъ солдатами. Это бы очень понравилось Юнгу: онъ, говорятъ, представлялъ, чтобы въ Россіи приказано было обрѣзать мужичьимъ лошадямъ хвосты. — Напишите, пожалуйте, какъ мнѣ надобно пересылать письма къ Матушкѣ, черезъ васъ ли или по почтѣ прямо въ Москву.

Я бы къ вамъ гораздо болѣе писалъ (къ вамъ), но теперь еще все хлопочемъ. Сегодня хотимъ ѣхать и не знаемъ какъ. Простите.

Н. Т.

PS. Нельзя ли написать письма къ А. Ѳ. Малиновскому отъ моего имяни и попросить Бор[иса] Петр[овича] переписать? Мнѣ очень жаль, что я не могъ написать въ бытность мою въ П.бургѣ, а не сдержать слова совѣстно. Онъ хочетъ знать, на чемъ остановился докладъ о больницѣ Г. Шереметева. Здѣсь началась уже чрезвычайная дороговизна. Теперь хочется узнать, гдѣ вы здѣсь жили.

4.

№ 4. *Кенигсбергъ. $\frac{22\ Іюля}{3\ Августа}$ 1808.*

Милостивой Государь Братецъ!

Третьяго дня рано по утру пріѣхали мы въ Кенигсбергъ. Изъ Тильзита вздумалось намъ ѣхать сюда водою, и мы сѣли на судно, но въ Тапіо, за 5 миль отъ Кенигсберга должны мы были оставить судно, потому что въ каналѣ было очень мало воды, и доѣхать сюда сухимъ путемъ. Хотя только

5 дней ѣхали мы водою, но намъ такая ѣзда очень наскучила; безпрестанно должно быть въ зависимости отъ вѣтра, ничего нельзя предполагать опредѣленнаго; къ тому же мы простояли болѣе сутокъ на мѣли. Пріѣхавши сюда, я тотчасъ пошелъ на разводъ, потому что мнѣ сказали, что тамъ можно видѣть Короля, но я его не видалъ. По вечеру мы пошли въ театръ; играли какую-то оперу: нѣкоторые актеры и актрисы играютъ довольно хорошо, театръ же самъ по себѣ очень малъ и не можетъ сравниться даже съ нашимъ Московскимъ театромъ, сдѣланномъ въ Пашковскомъ манежѣ. Освященіе состояло изъ 20 сальныхъ свѣчь. Вчера мы ходили въ Почтамптъ Освѣдомиться объ ординарной почтѣ и сегодня отнесли уже деньги до Брауенсберга. Сегодня здѣсь большой праздникъ, на здѣшнемъ каналѣ будетъ сожженъ фейерверкъ, и, кажется, будетъ иллюминація: все это для дня рожденія Прусскаго Короля. Сегодня мы пойдемъ въ Университетъ. Тамъ будетъ какое-то собраніе, гдѣ будетъ здѣшній Кронпринцъ, а въ вечеру хочется посмотрѣть здѣшнее празднество. У нашего хозяина всякой вечеръ бываетъ маленькое собраніе въ саду. Тамъ цирюльники, сержанты, сапожники и проч. играютъ въ кегли, пьютъ пиво и курятъ табакъ. Вчера и мы попали на это гулянье, и я разговорился съ однимъ Нѣмцомъ по Русски. Онъ началъ мнѣ выхвалять нашего Императора, особливо тогда, когда я ему сказалъ, что прошлаго года изъ казны продавали хлѣбъ по половинной цѣнѣ; и въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ: *вашъ Сударь святой*.

Здѣсь же поселяне должны теперь отдать много хлѣба въ казну, потому что прошлаго года они оттуда занимали.

PS. Я не пишу къ Матушкѣ, что я пріѣхалъ сюда водою, потому что она этого очень боится. Завтра поѣдемъ отсюда въ Берлинъ въ дилижансѣ. — Сдѣлайте одолженіе, напишите мнѣ что нибудь о нашемъ дѣлѣ. Мнѣ очень жаль, что я такъ давно не имѣю ни отъ Матушки, ни отъ васъ никакого извѣстія. Сегодня спрошу еще на почтѣ, нѣтъ ли писемъ.

Гдѣ вы теперь, въ Москвѣ или въ Петербургѣ? — Сегодня опять сказали намъ, что Король будетъ на разводѣ, и мы опять пошли и опять ничего не видали, а отъ того опоздали сходить въ Университетъ. Завтра одинъ здѣшній учитель обѣщался сходить съ нами въ Загородный домъ Короля, верстахъ въ 3 отъ города: тамъ, сказываютъ, можно видѣть Короля.

Простите — и не забывайте истинно васъ любящаго и почитающаго брата

Н. Т.

5.

№ 5. *Берлинъ.* $\frac{2}{13}$ [1]) *Августа 1808.*

Милостивой Государь Братецъ!

Вчера пріѣхали мы въ Берлинъ; по ординарной почтѣ ѣхали мы восемь дней. Надобно признаться, что такая почта, такая карета, каковы здѣсь въ обыкновеніи, не слишкомъ мнѣ понравились. Дорогою все очень дорого, но за то можно иногда питать, по крайней мѣрѣ, душу прелестными видами и мѣстоположеніями, но я этакою пищею питаться не охотникъ. Я еще не отдавалъ письма *Кругу*, потому что не узналъ еще, гдѣ онъ живетъ. Гейманнъ, здѣшній докторъ, завтре дастъ мнѣ адрессъ. Этотъ же Гейманнъ обѣщалъ насъ сводить посмотрѣть здѣшній анатомическій кабинетъ и ботанической садъ. Онъ здѣсь вообще знакомится со всѣми пріѣжжающими Русскими; знаетъ очень коротко Матвѣя Яковлевича Мудрова (которому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе). Онъ мнѣ сказывалъ, что они часто между собою спорили, что М[атвѣй] Я[ковлевичъ] напитанъ Массонствомъ, всегда говоритъ о колдовствѣ и даже что-то такого же рода написалъ и въ книгѣ у этого Гейманна. Я еще здѣсь ничего не видалъ, слѣдственно ничего вамъ и сказать не могу. Въ Кенигсбергѣ же мнѣ удалось видѣть Короля, но чего мнѣ это стоило! — Въ день нашего отъѣзда по утру пошли мы за городъ въ Hupen, гдѣ Король живетъ, разстояніемъ отъ нашей квартиры по крайней мѣрѣ на милю. Приходимъ туда и идемъ къ саду, и видимъ, что изъ одного сада въ другой идетъ человѣкъ въ синемъ сертукѣ; часовой отдалъ ему честь, а я хотѣлъ, естьлибы былъ къ нему близко, спросить о Королѣ. Мы подошли къ часовому и спросили, можно ли здѣсь видѣть Короля, и онъ отвѣчалъ намъ, что это былъ самъ Король. Мы подивились и пожалѣли, что безъ примѣчанія на него смотрѣли. Товарищи мои не хотѣли дожидаться другаго случая его видѣть, я же рѣшился дожидаться и остался одинъ. Стоялъ у сада часа съ два или три и наконецъ увидѣлъ Короля, когда онъ вышелъ изъ своей палатки. Я уже съ спокойнымъ духомъ возвратился въ Кенигсбергъ. Когда былъ я уже въ городѣ, то на улицѣ попалась мнѣ на встрѣчу Королева, а потомъ и Принцесы, а мален[ь]кихъ Принцовъ я прежде видѣлъ. Вотъ все, что случилось со мною въ Кенигсбергѣ замѣчательнаго, по крайней мѣрѣ для меня. Дорогою ничего особеннаго съ нами не случалось. — Въ слѣдующій понедѣльникъ, сказываютъ, будетъ здѣсь иллюминація и фейерверкъ, по причинѣ дня рожденія Наполеона; а

1) Вѣроятно: $\frac{2}{14}$.

день рожденія Прусскаго Короля, кажется, здѣсь было запрещено праздновать. Въ Кенигсбергѣ же была довольно изрядная иллюминація, и жители хотѣли было сдѣлать еще большую, но Король запретилъ.

$\frac{3}{14}$[1]) *Августа.* Вчера ввечеру ходили мы гулять по городу и были на здѣшнемъ ежедневномъ гуляньѣ, называемомъ: *Подъ липами* (Unter Linden). Эта алея простирается до конца города, или до Магдебургскихъ воротъ. Я попробовалъ спросить одного здѣшняго жителя, гдѣ теперь находится *Слава*, стоявшая на воротахъ этихъ. — Она, отвѣчалъ онъ мнѣ, поѣхала на своихъ лошадяхъ въ Парижъ. — Всѣ улицы, пересѣкающія улицу Unter Linden, прекрасны и, я думаю, единственны. Какіе домы, какъ прямо выстроены, и притомъ улицы очень длинны и широки!

$\frac{6}{17}$[2]) Мы все еще живемъ въ Берлинѣ, потому что почта отходитъ не прежде, какъ еще черезъ два дня, да притомъ же намъ хотѣлось здѣсь кое что посмотрѣть. Напримѣръ, мы ходили въ Анатомическій кабинетъ, на Фарфоровую фабрику, въ Институтъ глухо-нѣмыхъ. Здѣсь думалъ я, что иногда надобно удивляться слабости человѣческаго ума, а иногда великости. Человѣкъ, нѣкоторымъ образомъ, вознаграждаетъ недостатки Природы. Какъ не удивляться этому?

Третьяго дня ѣздили мы съ Г. Гейманномъ въ Шарлотембургъ, а оттуда ходили во Французской лагерь. — Солдаты живутъ не въ палаткахъ, а въ маленькихъ домикахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и общекатуренныхъ. Передъ лагеремъ сдѣланъ родъ мален[ь]каго храма: тамъ на холму стоитъ бронзевый бюстъ Императора Французовъ, украшенный лавровымъ вѣнкомъ. Видъ довольно хорошъ. —

Вчера съ помощію добраго и услужливаго Гейманна, нашелъ я квартеру Г. Круга. Пошелъ къ нему, не засталъ дома. Женщина, бывшая въ комнатѣ, сказала, что онъ скоро возвратится, и спросила мою фамилію, я сказалъ, она говоритъ: «такъ вамъ по крайней мѣрѣ не скучно будетъ его дожидаться», и съ этими словами подала мнѣ письмо отъ васъ. Вообразите мою радость! болѣе мѣсяца не имѣлъ я о васъ никакого извѣстія; по прочтеніи письма радость моя умножилась. Вѣрно немногіе въ свѣтѣ, думалъ я, могутъ радоваться такъ письмами! —

Сегодня Кругъ принесъ ко мнѣ маленькое письмо къ его брату, кот[орое] и посылаю.

Наканунѣ дня рожденія Наполеона былъ здѣсь за городомъ въ ТирГартенѣ большой фейерверкъ. Мы тамъ были. А въ самый день были въ

1) Вѣроятно: $\frac{3}{15}$. 2) Вѣроятно: $\frac{6}{18}$.

городѣ иллюминованы тѣ дома, гдѣ живутъ Французскіе чиновники, также и Почт-амтъ.

Въ Данцигѣ введенъ уже Наполеоновъ Кодиксъ. Здѣсь этого еще не слышно. Въ Данцигѣ же у двухъ студентовъ Педагогическаго Института, кот[орые] также теперь здѣсь, украли всѣ денги ихъ (200 албертовыхъ талеровъ). Русскій консулъ ссудилъ имъ 50 червонныхъ на дорогу, и этимъ должны они ѣхать одинъ до Геттингена, а другой до Гельмштедта. Здѣсь принужденъ уже я былъ прикоснуться къ вашимъ червоннымъ и размѣнялъ 15 по 3 тал[ера] и 10 грошей in courant. Этого, я думаю, станетъ мнѣ до Геттингена. Еще размѣняю червонцевъ съ пять для заплаты здѣсь за квартиру. До сихъ поръ ѣхалъ я албертовыми таллерами, кот[орыхъ] на 150 р. размѣнялъ въ Ригѣ. — Естьли успѣю, то постараюсь отвѣчать на письмо ваше, столь для меня драгоцѣнное, естьли же нѣтъ, то позвольте уже отвѣчать изъ Геттингена, гдѣ недѣли черезъ пол-торы мы будемъ. На Лейпцигъ мы не поѣдемъ: это совсѣмъ намъ не по дорогѣ.

$\frac{7}{18}$ [1]) Вчера послѣ обѣда ходили мы въ скотоврачебное училище. Это одно изъ первѣйшихъ заведеній въ своемъ родѣ. Тамъ видѣли мы електрическую машину, ванну для лошадей, кабинетъ животныхъ и между прочихъ лошадь Фридриха Великаго (т. е. чучилу). Однимъ словомъ намъ здѣсь показывали все, что только видѣть можно. Сегодня въ вечеру хочется сходить въ театръ. Жаль, что славнаго здѣшняго актера Ифланда здѣсь нѣтъ: онъ уѣхалъ въ Вѣну. Завтра въ 7 часовъ утра поѣдемъ мы въ Потсдамъ, откуда въ субботу ночью поѣдемъ далѣе. — Простите до Геттингена и помните душевно любящаго и почитающаго васъ брата. — Н. Тургеневъ.

6.

№ 2 [2]). *Геттингенъ.* $\frac{8 \text{ Сен.}}{28 \text{ Авг.}}$ [3]) *1808.*

Милостивой Государь Братецъ!

Вотъ уже другая недѣля, какъ я въ Геттингенѣ. Въ первый еще день моего пріѣзда я нанялъ квартеру, и такъ случилось, что въ самомъ томъ домѣ, гдѣ жили вы, Андрей Сергѣевичь и проч. Я живу въ той комнатѣ, гдѣ жилъ А[лександръ] М[ихайловичъ] Тургеневъ. Плачу 6 луидоровъ. Вы, какъ я слышалъ, болѣе платили. — Четвертаго дня я былъ у Шлецера.

---

1) Вѣроятно: $\frac{7}{19}$. 2) Къ этой цифрѣ съ боку на другомъ листѣ приписано: «Адресъ мой: Bey Bühler in d. Kupfer-Strasse». 3) Вѣроятно: 9 сентября.

Когда подалъ ему ваше письмо, то онъ началъ разсматривать печать и сказалъ, что это кажется ему отъ одного изъ его знакомыхъ Русскихъ. Я отвѣчалъ, что я братъ Тургенева, имѣвшаго честь и проч. и проч. Тогда Шлецеръ почти вскочилъ со стула. На лицѣ его видны были радость и удивленіе: *Sie sind doch der Bruder von meinen theuern, intimen Freund H. von Turgenew*, нѣсколько разъ повторялъ онъ. Потомъ я ему сказывалъ, что вы мнѣ писали о Карамзинѣ; умолчалъ однакоже о томъ, что вы *еще ни на Русскомъ, ни на другихъ языкахъ ничего подобнаго не читали его отрывкамъ*, а сказалъ только, что вы очень хвалите нѣкот[орые] отрывки изъ Исторіи его. Шлецеръ улыбнулся, но эта улыбка.....

Шлецеръ много разспрашивалъ у меня о васъ: служите ли вы еще при Коммиссіи, Hofrath ли вы, и проч. О сынѣ своемъ не спрашивалъ ни слова. Послѣ пасхи обѣщалъ читать для Русскихъ Русскую Исторію. — Старикъ очень добрый и почтенный, но доживетъ ли онъ до пасхи — не знаю: онъ уже никуда не выходитъ и очень слабъ. — Третьяго дня былъ у Гейне; этотъ довольно хорошо насъ принялъ. Теперь выбранъ здѣсь Проректоромъ Ейхгорнъ: я былъ у него и записался. Сперва онъ сказалъ, что надобно мнѣ заплатить 3 талера; потомъ, узнавши, что я дворянинъ, сказалъ, что я долженъ заплатить 6 тал., а когда пришелъ ко мнѣ педель съ матрикелемъ, то я долженъ былъ еще заплатить 2 тал. съ чѣмъ-то, и все это за то, что я дворянинъ. На этотъ случай я отказался бы отъ своего дворянства. — Русскихъ теперь здѣсь 14 или 15 человѣкъ, столь много, какъ говорятъ, здѣсь никогда не бывало. — Здѣсь я нашелъ двоихъ изъ Московскаго Университета, которые Богъ знаетъ почему очень обрадовались моему пріѣзду. Одинъ изъ нихъ Болдыревъ, съ кот[орымъ] я совсѣмъ не былъ знакомъ въ Москвѣ, приготовилъ было для меня квартеру въ томъ домѣ, гдѣ онъ живетъ, и самъ для того не нанималъ ее, что желалъ уступить мнѣ, хотя для него она была очень выгодна. Въ А[лександрѣ] И[вановичѣ] Данилевскомъ также я нашелъ человѣка очень добраго: онъ рекомендовалъ мнѣ Латинскаго учителя, Г. Вундерлиха, кот[ораго] вы знаете. Я на третій же день моего пріѣзда началъ у него учиться: человѣкъ очень добрый и имѣетъ большую способность учить. Вчера въ книжной лавкѣ у Дидриха слышалъ я, что Андрей Сергѣевичь къ Михайлову дню будетъ сюда. — Это бы очень хорошо было. — Здѣсь живетъ извѣстный вамъ Cassius; онъ очень въ жалкомъ положеніи: за нѣсколько мѣсяцевъ ему почти ѣсть нѣчего было, а выѣхать отсюда также не можетъ, потому что имѣетъ на себѣ много долгу. — По Англійски буду я учиться у Профессора Бенеке. Его мнѣ очень хвалили. — Прежде я не могъ думать, чтобы въ Геттингенѣ можно было

жить не скучно, но теперь въ короткое время узналъ, что здѣсь можно жить весело, тѣмъ болѣе, естьли все будетъ спокойно.— Я не понимаю, отъ чего вы только два письма отъ меня получили. Я по крайней мѣрѣ до Берлина писалъ къ вамъ раза четыре или и болѣе. — Простите! —

Естьли письмо это найдетъ васъ уже въ П.бургѣ, то пожалуйте скажите Дмитрію Гавриловичу, что Болдыревъ за 8 мѣсяцевъ передъ симъ получилъ письмо отъ Павла Петровича, онъ тогда былъ здоровъ. Теперь здѣсь о немъ я ничего не слыхалъ, а буду писать къ одному Греческому Попу въ Лейпцигѣ и спрошу у него о Павлѣ Петровичѣ.

Николай Тургеневъ.

7.

№ 3. *Геттингенъ.* $\frac{10}{22}$ *Сентября 1808.*

Милостивой Государь Братецъ!

На прошедшей почтѣ я къ вамъ не писалъ потому, что цѣлый день былъ занятъ то тѣмъ, то другимъ и успѣлъ написать только письмо къ Матушкѣ, но и тутъ неудача: служанка вмѣсто того, чтобы нести письмо на почту, пошла смотрѣть Короля, который въ тотъ день проѣжжалъ здѣсь. Я его также видѣлъ здѣсь и уже въ другой разъ. Здѣсь теперь всѣ Профессора кончили уже читать лекціи, и отъ того здѣсь жить теперь не такъ весело. Въ другомъ бы городѣ эта перемѣна была не такъ *чувствительна*, но здѣсь почти совершенно нечѣмъ заниматься кромѣ ученья, и отъ того, когда эти занятія кончатся, то кажется, что съ ними все кончится, и можно сказать, что Геттингенъ принимаетъ другой видъ. — Я еще не могу вамъ опредѣленно сказать, у кого буду слушать лекціи, потому что не имѣю еще Нѣмецкаго каталога, но думаю, что эти полгода буду слушать лекціи у одного Герена, которой будетъ читать древнюю исторію, исторію главнѣйшихъ Государствъ Европейскихъ и Статистику. Также онъ, можетъ быть, будетъ въ эти полгода читать и Русскую Исторію. Жаль, что онъ не будетъ читать теперь Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Это онъ читаетъ лѣтомъ: я слушалъ у него нѣсколько лекцій, и мнѣ онъ показался очень хорошимъ Профессоромъ.

Въ прошедшее воскресенье ѣздили мы въ Mariensprins, извѣстное, думаю, вамъ гулянье, и оттуда ходили смотрѣть развалины замка на Плессу. Всѣ эти мѣста вамъ извѣстны. Мнѣ еще не случалось бывать на такихъ мѣстахъ, откуда можно бы было видѣть такъ далеко, но главное дѣло въ томъ,

что виды эти такъ прелестны и даже очаровательны. Изъ Marienspring ѣздили мы вмѣстѣ съ И. Ивановичь Кассіусомъ въ Nörden и оттуда возвратились домой уже ночью. И. Ивановичь человѣкъ очень почтенный, но притомъ и нещастный. Къ нему, какъ мнѣ здѣсь сказывали, было оффиціальное предложеніе отъ Розенкамфа, но теперь опять все умолкло, и бѣдный Кассіусъ живетъ здѣсь въ нищетѣ и скукѣ и въ ожиданіи Богъ знаетъ чего. — Нельзя ли вамъ какъ нибудь вновь разтревожить это дѣло и постараться о человѣкѣ, который прямую бы пользу принесъ Коммиссіи и вѣрно бы не заставилъ васъ раскаяваться въ вашемъ стараніи, но — вы сами его знаете. Онъ васъ очень любитъ и Андрея Сергѣевича, кот[орый], какъ говорятъ, будетъ сюда вмѣстѣ съ Гусятниковымъ. Этотъ будетъ, говорятъ, здѣсь еще полгода учиться. Недавно случилось мнѣ быть въ Ратгаузѣ въ то время, когда записанные въ конскрипцію бросали жребій. Иной со страхомъ и трепетомъ подходитъ къ роковой урнѣ, изъ которой вынимаютъ билеты, но, вынувъ щастливый, бѣжитъ изъ Ратгауза, кричитъ и проч. Одинъ какой-то франтъ съ твердостію и великодушіемъ подошелъ вынимать билетъ и — что же? — вынулъ 3 номеръ: gleich marschiren. Вся бодрость его Богъ знаетъ куда дѣвалась, и онъ пошелъ на крыльцо возвращать ее виномъ. — Чуть чуть было не попались въ солдаты сынъ Профессора Озіандера и Проректора Ейхгорна. Я думаю, въ П.бургѣ начались уже маленькіе морозы — здѣсь еще тепло.

Простите!

Ник. Тургеневъ.

8.

№ 4. *$\frac{17}{29}$ Сентября 1808. — Геттингенъ.*

Что скажу вамъ, Милостивый Государь Братецъ, о себѣ? Я здоровъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю начатія лекцій, а безъ того, надобно признаться, жить здѣсь немного скучно. Погода же наступила теперь осенняя, безпрестанно идетъ дождь. Многіе изъ Русскихъ разъѣхались на нѣсколько времяни, я бы, можетъ быть, и самъ поѣхалъ съ нѣкоторыми на Гарцъ, но такъ какъ я началъ брать уроки въ языкахъ, то не хочу прерывать ихъ.

Сперва жизнь здѣшняя казалась мнѣ очень покойною и отъ того пріятною, но теперь мало по малу спокойствіе это превращается въ нѣкоторую скуку, и я жду щастливой перемѣны отъ лекцій, тогда будетъ болѣе разсѣянности и слѣдовательно менѣе времяни скучать. Но также надобно сказать, что скука въ первый еще разъ посѣтила меня здѣсь, и это, думаю, происходитъ отъ вліянія дурнаго времяни и также отъ размышленій, не слишкомъ

веселыхъ, но эта небольшая болѣзнь скоро проходитъ. — Я бы желалъ васъ занять чѣмъ-нибудь другимъ, но право ничего новаго не нахожу, что бы васъ могло интересовать, и рѣшился писать къ вамъ то, что чувствую. Чувствованія мои теперь не веселы, чтожь дѣлать! — Нельзя всегда управлять собою по своей волѣ. — Естьли не ошибаюсь, то на прошедшей недѣлѣ былъ день вашихъ имянинъ. Естьли это такъ, то сердечно васъ поздравляю и желаю вамъ всего того, чего вы сами себѣ желаете. — Писать право болѣе нечего при теперешнемъ разположеніи моего духа. — Простите! Помните брата, сердечно васъ любящаго.

Н. Тургеневъ.

P. S. Еще по сію пору получилъ отъ васъ только два письма: одно въ Берлинѣ отъ Круга, а другое здѣсь, но теперь, такъ какъ вы уже возвратились изъ деревни, то надѣюсь чаще имѣть это истинное и… для меня удовольствіе. Сдѣлайте милость, не лишайте меня его! —

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ С.П.бургѣ.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *A St. Petersbourg.* 1)

9.

23 Сентября / 5 Октября 1808. Геттингенъ.

Милостивой Государь Братецъ!

Извините, что письмо это будетъ для васъ незанимательно: я для того только и пишу его, чтобы увѣдомить васъ о моемъ отъѣздѣ отсюда дня на два въ Веймаръ. Туда, какъ уже здѣсь увѣряютъ, давно пріѣхалъ нашъ Императоръ. Многіе студенты отсюда туда поѣхали, и я также съ однимъ изъ студентовъ П.бургскихъ рѣшился туда же ѣхать. Къ тому же Професоръ Бенеке, у котораго я беру уроки въ Англійскомъ языкѣ, также куда-то уѣхалъ. Да это и очень любопытно видѣть своего Государя здѣсь въ Германіи и также Французскаго Императора и весь дворъ. А такъ какъ это любопытство исполнить не трудно, то я и намѣренъ ѣхать. Разсѣяніе также одна не изъ послѣднихъ причинъ моей поѣздки. —

Во вчерашнихъ Гамбургскихъ газетахъ читалъ я рескриптъ, данный Григорью Александровичу Щербинину, и очень порадовался, увидѣвъ, что онъ

1) Внизу подъ этими словами написано другой рукой: «Вдо[мѣ] Салтыкова вмилионой».

получилъ Владимірской крестъ 4-й степени. Поздравьте, пожалуйте, его отъ меня, также М. Г. Александру Петровичу и М. Г. Софьѣ Петровнѣ засвидѣтельствуйте мое истинное почтеніе и поздравьте ихъ. Наконецъ Александръ Петровичь не будетъ такъ нападать на нашу Иностранную Коллегію.

Можетъ быть черезъ недѣлю бѣдный Кассіусъ поѣдетъ отсюда въ Лейпцигъ. Хозяинъ дома, Боне, гдѣ онъ живетъ, позволилъ ему жить только до Михайлова дня, и такъ какъ этотъ срокъ прошелъ, то онъ и рѣшился ѣхать въ Россію. Должники его позволяютъ ему. Мы собрали ему здѣсь между собою нѣсколько денегъ. Въ Лейпцигѣ же онъ найдетъ такихъ купцовъ, которые довезутъ его къ Яншину. Насилу то онъ образумился и взялся за дѣло. — Простите! —

Въ слѣдующемъ письмѣ напишу вамъ, что увижу въ Веймарѣ, естьли туда поѣду.

Николай Тургеневъ.

На оборотѣ: An Herrn Herrn von *Turgenew*, Russischen Kaiserlichen Hofrath. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу Тургеневу. Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова *въ С.П.бургѣ. In St. Petersburg.*

Штемпель: Goettingen.

10.

№ 6. *Геттингенъ.* $\frac{29 \text{ Сентября}}{11 \text{ Октября}}$ *1808.*

Милостивой Государь Братецъ!

По возвращеніи моемъ изъ Эрфурта, нашелъ я здѣсь письмо ваше. По обыкновенію моему я очень обрадовался, но — прочитавъ въ немъ мнѣніе о мнѣ Мерзлякова и увидѣвъ, какъ на васъ оное подѣйствовало — удивился и огорчился сердечно: мнѣніемъ Мерзлякова я не дорожу; для меня все равно, какъ бы онъ обо мнѣ ни думалъ; я самъ стараюсь всегда строго судить мои поступки, охуждать и одобрять ихъ и при томъ не извинять себя ни въ малѣйшей погрѣшности; передъ вами оправдываться противъ такого мнѣнія я не намѣренъ, но любовь истинно братская и съ нею все то, что я къ вамъ чувствую, заставляютъ меня сказать вамъ нѣсколько словъ въ разсужденіи этого. *Мерзлякову больно было видѣть брата друга его часто въ кофейной и съ Чеботаревымъ*. Не понимаю, отъ чего ему больно было видѣть меня въ кофейной.— Что я ходилъ въ кофейную, объ этомъ вы и всѣ знаютъ. Ходить въ кофейную не есть какое нибудь безчестіе или что нибудь другое, въ этомъ

и вы согласитесь. Туда ходилъ я не для шалостей, не для того, чтобы тамъ пить и дурачиться, но для удовольствія, совершенно позволеннаго. Тамъ часто находилъ я знакомыхъ, пріятелей, разговаривалъ съ ними, пилъ чай, кофе, читали газеты и болѣе ничего. Никто меня не увѣритъ, чтобы это можно было почитать разпутствомъ или шаловствомъ; и что я ходилъ въ кофейную, этого никакой человѣкъ, имѣющій хотя малѣйшую способность мыслить, не поставитъ мнѣ въ порокъ. Въ этомъ я увѣренъ и всегда буду увѣренъ. Что также часто я находилъ тамъ Чеботарева — въ этомъ я не виноватъ; мнѣ самому непріятно было быть съ нимъ тамъ вмѣстѣ, онъ обращался со мною такъ, какъ съ короткимъ знакомымъ, и я долженъ былъ обращаться съ нимъ также. Конечно люди, знавшие его, видя меня вмѣстѣ съ нимъ, заключали обо мнѣ также, какъ и о немъ; но и тутъ опять я не знаю, отъ чего вздумалось Мерзлякову произнести обо мнѣ столь строгій и обидный приговоръ: шалостей и съ Чеботаревымъ я никакихъ не дѣлалъ. Это правда, что однажды, когда я былъ въ Университетѣ у обѣдни, Чеботаревъ стоялъ подлѣ меня и, когда Мерзляковъ прошелъ мимо насъ, то онъ сказалъ очень непріятное и глупое въ разсужденіи Мерзлякова. Мерзляковъ, можетъ быть, подумалъ что нибудь и о мнѣ дурнаго, но для меня, естьли не болѣе, то по крайней мѣрѣ также, какъ и для него самаго было это непріятно, о чемъ сказалъ я и Чеботареву. — Изъ этого, естьли захотите мнѣ повѣрить, увидите, что мнѣніе Мерзлякова право несправедливо, но я повторяю еще, что мнѣніемъ его я не уважаю, но больно для меня то, что я по сію пору не могъ заслужить довѣренности вашей, и что по сію пору вы думаете обо мнѣ почти также, какъ и Мерзляковъ: это для меня очень, очень прискорбно. — Я теперь показалъ вамъ, что значатъ слова Мерзлякова: вѣрить и не вѣрить остается въ вашей волѣ, но по крайней мѣрѣ у меня на сердцѣ ничего, такъ сказать, лежать не будетъ: я сдѣлалъ свое дѣло. — Слова: *Милый другъ и братъ, будь осторожнѣе въ поведеніи. Я говорю только одно слово, но сердце мое иногда за тебя трепещетъ.* Эти слова меня очень тронули, и сердце мое отъ нихъ тоже сильно, сильно затрепетало. — Этихъ словъ я никогда не ожидалъ отъ васъ и, естьли все продолжать говорить правду, то я долженъ признаться, что я за нихъ на васъ подосадовалъ. — Изъ письма моего вы видите, по крайней мѣрѣ, что я говорю вамъ откровенно, что у меня ничего нѣтъ такого, чего бы я и вамъ не сказалъ. — Никого другаго не сталъ бы я переувѣрять въ его обо мнѣ мнѣніи, но вамъ — я уже сказалъ, что заставляетъ меня говорить вамъ откровенно. — Черезъ полгода возвратятся въ Россію Русскіе, посланные отъ Московскаго Университета въ чужіе краи, и, естьли вамъ будетъ угодно, то вы можете тогда узнать отъ нихъ о мнѣ.

Также очень меня огорчило увѣдомленіе о нашемъ дѣлѣ, что оно идетъ все еще по прежнему. Вамъ, кажется, давно уже обѣщалъ Юрисъ-Консультъ представить его на консультацію. Удивительно для меня, что вы по сію пору не получали отъ меня писемъ изъ Геттингена; я одну только почту пропустилъ, но и тому не былъ причиною. — Простите!

Можетъ быть вы со времянемъ удостовѣритесь въ несправедливости мнѣнія Мерзлякова, я же забыть этого никогда не буду въ состояніи.

Вашъ вѣрный братъ Николай Тургеневъ.

11.

№ 7. *7/19 Октября. Геттингенъ.*

Милостивой Государь Братецъ!

На прошедшей недѣлѣ получилъ я письмо ваше, посланное съ Д. Н. Блудовымъ. И такъ онъ отправился въ Голландію. Это очень хорошо, но лучше было, естьлибъ онъ опредѣлился къ Миссіи въ Касселѣ, какъ онъ говорилъ въ П.бургѣ.

О моемъ теперешнемъ образѣ жизни немного могу сказать вамъ, потому что главныя мои занятія, лекціи, еще не начались, но уже скоро начнутся, и этого ожидаю я съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ я началъ брать уроки въ языкахъ: въ Латинскомъ у Вундерлиха, Англійскомъ у Пр. Бенеке и въ Италіанскомъ у Росси. Этотъ послѣдній также очень хорошій учитель, но жаль, что при старости своей имѣетъ слабость пить и отъ того бѣденъ. У Бенеке и Вундерлиха беру по четыре урока въ недѣлю, у Росси бралъ всякой день, но теперь у него началъ брать по четыре раза. — Лекціи въ эти полгода буду я слушать только у одного Геерена, у котораго давно уже и записался: 1. Древнюю Исторію и 2. Исторію знатнѣйшихъ Государствъ Европейскихъ. Для послѣдняго предмета онъ не издалъ еще никакого компендіума, но я взялъ тетради у одного изъ Русскихъ, Г. Ранта[1]), кот[орый] слушалъ у него эти лекціи; тетради эти я спишу и между тѣмъ самъ всегда буду записывать на лекціяхъ. Книгу сочиненія Герена *Versuch einer Entwickelung der Folge der Kreuzzüge für Europa* я имѣю и съ удовольствіемъ начну переводить ее. Я теперь ее читаю, и мнѣ она очень нравится. Она была написана по случаю одной задачи, предложенной Парижскимъ Національнымъ Институтомъ, и за нее Геренъ получилъ награжденіе, кажется

1) Ранда?

медаль. Онъ сочинилъ ее на Нѣмецкомъ, а Виллерсъ, его пріятель, извѣстный по переводу Кантовыхъ сочиненій, перевелъ ее на французской и предложилъ Институту. Она составляетъ 3 часть Геренoвыхъ *Kleine Historische Schriften*, которыя также у меня есть. Напрасно никто не переведетъ на Русской языкъ его *мыслей или идей о политикѣ, торговлѣ и проч.* въ трехъ частяхъ. Эта книга, какъ говорятъ всѣ, безподобная; я ее купилъ, но не получалъ еще отъ переплетчика. Я думаю, что вы ее знаете. — Переводъ же мой *Versuch einer Entw*[*ickelung*], думаю, я не скоро могу кончить, потому что время[ни] свободнаго мало имѣю. У Шлецера я былъ и пересказывалъ ему, что вы пишете объ Исторіи Карамзина. Онъ все какъ будто не вѣритъ и безпрестанно говорилъ, что надобно скорѣе печатать и представить на судъ публикѣ. На письмо ваше, посланное съ Данилевскимъ, онъ отвѣчалъ вамъ дня за три до моего пріѣзда сюда и притомъ послалъ вамъ нѣсколько листовъ изъ его Исторіи, недавно напечатанныхъ (объ Ольгѣ). Латинской книги, о которой вы пишете, у него нѣтъ, и онъ о ней ничего не знаетъ, но совѣтывалъ мнѣ справиться у Библіотекаря Рейса, и Вундерлихъ обѣщалъ мнѣ спросить объ этомъ. — Здѣсь слышно, что нашъ Императоръ и Наполеонъ уѣхали уже изъ Эрфурта. — Я обоихъ очень хорошо и нѣсколько разъ видѣлъ. — Былъ также у Гр. Петра А. Толстаго, кот[орый] принялъ меня ласково, звалъ учиться въ Парижъ и говорилъ, что въ Геттингенѣ не могутъ такъ учить, какъ въ тамошнемъ Политехническомъ училищѣ. При прощаньѣ между прочимъ сказалъ мнѣ: *Я и въ Геттингенѣ могу тебѣ быть полезенъ.* Когда я шелъ домой отъ него, то дорогою думалъ, чѣмъ бы Его Сіятельство могъ быть мнѣ полезенъ въ Геттингенѣ, и наконецъ, вспомнивши связи его съ учеными людьми, хотѣлъ было попросить рекомендательнаго письма къ Герену! — Новаго вашего начальника, Сперанскаго, также видѣлъ, но тогда не зналъ еще, что онъ сдѣланъ членомъ въ Коммиссіи, хотя онъ и ходилъ въ Коммиссіонномъ мундирѣ.

Въ Эрфуртѣ было большое стеченіе иностранцевъ, и всегда предъ дворами Императоровъ толпились кучи народа. — Денегъ за свой вексель отъ консула я еще не получалъ, но надѣюсь получить на этой или на будущей недѣлѣ. Теперь курсъ на наши ден[ь]ги сталъ еще хуже, такъ что здѣсь нѣкоторые изъ Русскихъ получили по 14 шилинговъ за рубль, между тѣмъ какъ и мой вексель по $15\frac{7}{8}$ шил. Студенты же П.бургскіе получили каждый за 300 р. только по 128 талеровъ. Имъ были присланы кредитивы отъ П.бургскаго банкира. Иногда эти кредитивы очень выгодны. Естьли курсъ очень дуренъ, то нельзя ли будетъ и вамъ взять у Банкира въ П.бургѣ кредитивъ и прислать ко мнѣ вмѣсто векселя, но притомъ надобно быть увѣрену, что

такимъ образомъ выгоднѣе, и банкиръ долженъ быть человѣкъ извѣстный и имѣющій кредитъ.

Простите!

И помните брата, истинно васъ любящаго и почитающаго.

Ник. Тур[геневъ].

P. S. Я имѣю до васъ прозьбу и покорно васъ прошу исполнить ее: когда вы будете пересылать ко мнѣ ден[ь]ги, то сдѣлайте милость, отошлите изъ нихъ въ обѣ наши деревни тѣмъ мужикамъ, кот[орые] будутъ отданы въ солдаты, каждому по 25 р. — Этимъ очень вы меня обяжете.

P. S. Покорно прошу отъ меня поклониться Дмитрію Гавриловичу и сказать, что я получилъ съ Русскими, пріѣхавшими изъ Лейпцига, письмо отъ Павла Петровича. Я просилъ ихъ, чтобы они ему попѣняли, что онъ къ братцамъ своимъ не пишетъ, и онъ признался откровенно, что ему лѣнь. Онъ здоровъ и обѣщался непремѣнно скоро пріѣхать сюда, чтобы со мною повидаться.

На оборотѣ: An Herrn Herrn von Turgenew, Russischen Kaiserlichen Hofrath. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова *въ С.-Петербургѣ. A. St. Petersbourg.*

Штемпель: Goettingen.

12.

1808. 14/26 Октября. — Геттингенъ.

Милостивой Государь Братецъ!

На прошедшей почтѣ я не получалъ отъ васъ писемъ, но думаю, что получу завтра. Изъ Москвы же, кромѣ вашего, еще ни одного не получалъ съ самаго моего отъѣзда. — О себѣ скажу вамъ, что я здоровъ и занимаюсь все одними языками, потому что Геренъ не начиналъ еще лекцій. Многіе другіе Профессора уже начали. Вчера я взялъ изъ здѣшней библіотеки двѣ книги, касающіяся до Французской Исторіи (сочинен[іе] Гено и Генриха). Геренъ всегда начинаетъ свой курсъ съ Исторіи Франціи, и потому теперь эти книги, особливо Гено, могутъ быть мнѣ очень полезны. Вы сами вѣрно ихъ знаете.— Книгу его: Versuch einer Entw[icklung] я началъ переводить, но переводъ мой идетъ очень тихо, потому что кромѣ субботы и воскресенья я мало имъ занимаюсь. — Вы пишете, что желали бы пріѣхать сюда и опять

здѣсь учиться. Это желаніе ваше, кажется, невозможно, а очень бы хорошо было, естьли бы я вась здѣсь могъ увидѣть. Конечно въ Петербургѣ и будучи въ такой службѣ, какъ вы, мало или почти совсѣмъ нельзя заниматься тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлось. Здѣсь же, въ Геттингенѣ, хочешь или не хочешь, но надобно учиться, потому что другихъ занятій нѣтъ совершенно; весь городъ наполненъ учащимися, и даже не охотнику до наукъ придетъ къ нимъ охота, когда онъ видитъ множество людей, ему подобныхъ, которые всѣ стремятся къ одной и той же цѣли. Въ этомъ случаѣ Геттингенъ не можно сравнить съ нашимъ Москов[скимъ] и ни съ какимъ, думаю, другимъ Университетомъ. Вездѣ можно имѣть другія занятія, другое развлеченіе, но здѣсь все, такъ сказать, дышетъ ученьемъ или ученостію, а за то очень многое бываетъ заражено и педантисмомъ. Но и кромѣ сего несноснаго порока многихъ изъ здѣшнихъ ученыхъ можно назвать скорѣе ремесленниками, нежели Профессорами. Одинъ говоритъ: ступай ко мнѣ, я ужъ 50 лѣтъ учу все одному, а другой говоритъ: нѣтъ, онъ ничего не смыслетъ, я гораздо лучше его *научу*. Это совершенная правда, со мною случилось нѣчто подобное. Когда я пріѣхалъ сюда, то *Брауну*, здѣшнему Англійскому учителю (у кот[ораго], по словамъ его, и вы учились) сказали, что я у него хочу учиться, но когда Вундерлихъ рекомендовалъ мнѣ Бенеке, то я началъ у сего послѣдняго. Браунъ, узнавши, что Бенеке былъ рекомендованъ мнѣ Вундерлихомъ, началъ бранить Бенеке и жаловаться, что Вундерлихъ отнимаетъ у него хлѣбъ, такъ что сей послѣдній долженъ ужъ былъ итти къ нему и его разъувѣрить. Но такимъ образомъ поступаетъ здѣсь не одинъ Браунъ, а большая часть ученыхъ. Какъ бы то ни было, но между нашими учеными это гораздо рѣже, можетъ быть отъ того, что они болѣе обезпечены въ разсужденіи своего состоянія, но кажется и здѣшніе не могутъ жаловаться на бѣдность. Хотя за уроки или лекціи они и мало получаютъ, но зато трудятся чрезвычайно.

Присемъ прилагаю вамъ письма Г. Куницына. Онъ проситъ васъ, чтобы вы выдавали брату его ежемѣсячно по 10 р. изъ моихъ денегъ, естьли вамъ это не трудно, то вы его очень одолжите. Мы уже съ нимъ будемъ здѣсь щитаться.

Простите до слѣдующей почты и не забывайте брата, которой преданъ къ вамъ всею душею.

Николай Тур[геневъ].

P. S. Увѣдомьте, пожалуйте, меня, что будетъ съ Ком. Сост. Зак. — Какова у васъ погода? Становится ли зима? —

На оборотѣ: An Herrn Herrn von *Turgenew*, Russischen Kaiserlichen Hofrath. *In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцелярію Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С.-Петербургѣ.*

Штемпель Goettingen.

Письма А. П. Куницына къ А. И. Тургеневу.

1.

Берлинъ. 1808-го года. Авг. 8 д.

Ваше высокоблагородіе,
Милостивой Государь,
Александръ Ивановичь!

Я не могъ представить, чтобъ братъ мой былъ живъ; почти два года я и наши родители не получали отъ него никакихъ извѣстій. Мы думали, что онъ уже умеръ; военныя обстоятельства подтверждали нашу догадку. Родители оплакивали смерть нещастнаго сына; я былъ нѣкоторымъ образомъ доволенъ, что онъ кончилъ тягостную жизнь, между тѣмъ старался узнать точнѣе обстоятельства его смерти. Въ военной Коллегіи мнѣ сказывали, что онъ живъ и находится въ своемъ полку; я не могъ этому вѣрить потому, что братъ на мои письма не присылалъ отвѣтовъ. Но это происходило отъ того, что онъ былъ тогда въ Виленскомъ Гошпиталѣ. За день до моего отъѣзда я получилъ о семъ извѣстіе. Что можно было сдѣлать въ толь короткое время?

Прежде сего другой мой братъ, священникъ, просилъ Генеральшу Тучкову (она ему и прежде много благодѣтельствовала), мать Тучкова 1-го, что бъ она сказала нѣсколько словъ въ пользу нашего Брата своему сыну. Она обѣщала свое покровительство, только напередъ хотѣла знать, точно ли Братъ находится въ Дивизіи ея сына. Мой Братъ в. не могъ ей сказать утвердительно, потому что и самъ не зналъ точно.

Такимъ-то образомъ нещастной братъ до сихъ поръ не видитъ никакого облегченія. Его участь не столько бы насъ безпокоила, если бы онъ былъ не такъ молодъ. До 15-ти лѣтъ онъ не зналъ ни какой заботы; получалъ содержаніе отъ родителей, хотя не богатое, однакожъ не бѣдное, судя по нашему званію. На 16-мъ году онъ поступилъ въ воинскую службу, которая самому послѣднему крѣпостному человѣку кажется несносною. Можно бы было отвратить сіе нещастіе посредствомъ денегъ, но братъ стыдился увѣдомить родителей, что онъ находится въ опасности. Вы не заключите изъ того, что онъ человѣкъ порочной или развратной. Онъ отданъ въ солдаты за такіе пороки, за которые въ другихъ училищахъ сѣкутъ лозами или ставятъ на колѣна. Онъ былъ лѣнивъ, часто не ходилъ въ классъ, вотъ проступки, за которые онъ такъ строго наказанъ. Онъ имѣетъ дарованія, можетъ быть способенъ ко всему, только не къ этой тягостной должности. Онъ вспыльчивъ, признателенъ, самолюбивъ, иногда непокоренъ, смѣлъ, нетерпѣливъ, простъ, сострадателенъ и всегда добродушенъ; вотъ добродѣтели и пороки, которые въ немъ были

примѣтны. Не знаю, каковъ онъ теперь; можетъ быть это состояніе совсѣмъ перемѣнило его характеръ. Оно способно развратить, а не исправить человѣка.

Въ письмѣ къ В. Б. вы обѣщали сдѣлать что-то въ пользу моего брата. Ахъ, еслибы вы устояли въ вашемъ словѣ! Будьте благотворителемъ нещастныхъ родителей, которые день и ночь оплакиваютъ горькую участь малолѣтняго сына. Облегчите судьбу нещастнаго юноши, котораго тягостная должность сдѣлала уже человѣкомъ несовершеннымъ. Вы сдѣлали многихъ щастливыми, не откажитесь утѣшить еще одно плачущее семейство.

Вашего высокоблагородія Милостиваго моего Государя всепокорьнѣйшій слуга

Александръ Куницынъ.

P. S. Здѣлайте милость, отошлите приложенное здѣсь письмо куда слѣдуетъ. Человѣкъ, которой просилъ меня запечатать оное въ одинъ конвертъ, всѣхъ насъ одолжилъ чрезвычайно. Онъ водилъ насъ во всѣ мѣста, которыя осмотрѣть было нужно, давалъ намъ нужные совѣты и все время, которое провели мы въ Берлинѣ, старался услужить намъ, какъ родственникъ или человѣкъ, нами одолженой. Я думаю, Ник. Ив. писалъ вамъ о добромъ Гейманѣ — это онъ самой.

2.

Милостивой Государь
Александръ Ивановичь!

Вы облегчили судьбу моего брата и сдѣлали для насъ такое одолженіе, на которое мы не имѣли ни какаго права. Я очень знаю, сколько трудно сдѣлать такой оборотъ, особливо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Одни только подобные вамъ Геніи благотворители могутъ принимать такое участіе въ судьбѣ людей, имъ вовсе безполезныхъ. Бѣдные наши родители перестанутъ теперь проливать слезы при видѣ каждаго военнаго человѣка, при каждомъ слухѣ о войнѣ, справедливомъ и ложномъ. Нещастіе брата было конечно велико, но имъ представлялось гораздо большимъ; два года единственное ихъ утѣшеніе состояло въ томъ только, чтобъ оплакивать его нещастіе; теперь они спокойны и до гроба не престанутъ благословлять ваше имя.

Такъ какъ братъ мой не получаетъ жалованья и терпитъ во всемъ недостатокъ, то я хотѣлъ писать къ И. И. Т...ву, чтобъ онъ выдавалъ ему по 120 рублей изъ моего жалованья въ годъ. Но мы недавно увѣдомляли Конференцію, что сумма, опредѣленная на наше содержаніе, недостаточна, и кто знаетъ, что я, помогая брату, самъ терплю нужду? Мнѣ представилось еще болѣе неудобнымъ пересылать деньги отселѣ посредствомъ векселя, и я не нашелъ другаго средства помочь брату, какъ просить васъ, что бъ вы выдавали ему помянутую сумму изъ числа денегъ, которыя переводите на вексесь для Николая Ивановича. Если вы согласитесь оказать мнѣ эту милость, то я прошу васъ выдавать брату не единовременно, а по 10-ти рублей въ месяцъ и въ каждомъ письмѣ, въ которомъ будете посылать вексель Николаю Ивановичу, давать мнѣ извѣстіе, сколько денегъ выдано моему брату до того числа, въ которое полученъ вексель отъ банкира; по этому курсу мы будемъ расчитываться съ Н. И. Я его просилъ объ этомъ, и онъ согласенъ.

Мои требованія очень велики, но я не имѣю другаго средства помочь брату, которой составляетъ половину бытія моего. Ощастлив[ь]те людей, совершенно вамъ преданныхъ.

Вашъ всепокорнѣйшій слуга Александръ Куницынъ.

1808-го года. Окт. 14-го д.

Приложенное здѣсь пис[ь]мо покорнѣйше прошу отдать моему брату.

13.

№ 9. *22 Октября / 3 Ноября 1808. Геттингенъ.*

Милостивый Государь Братецъ!

Въ прошедшую субботу получилъ я отъ И. И. Шварца ден[ь]ги по своему векселю: за 500 р. получилъ 231 талеръ, въ которыхъ однакожь не знаю, какимъ образомъ недоставало $3^1/_2$ тал. Противъ тѣхъ, которые мѣняли здѣсь выигралъ я талеровъ 7 или 8. Съ тою же почтою получилъ также письмо отъ Золотарева, которой пишетъ ко мнѣ, что васъ видѣлъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, и что вы хотѣли было писать ко мнѣ. — Наконецъ въ прошедшій понедѣльникъ началъ читать свои лекціи Пр[оф]. Гееренъ. Во время первой лекціи я немного могъ записывать, но во вторую и третію записываніе здѣлалось уже для меня легче. Чего я самъ не успѣю записывать, то беру у другихъ. Читаетъ прекрасно. Слушателей — полна аудиторія. Онъ читаетъ каждый день кромѣ субботы. Мѣсто мнѣ досталось очень хорошее, на первой скамейкѣ, такъ что ни одного слова я не пропускаю. Вчера возвратился сюда Данилевскій, который во время послѣднихъ ферій былъ въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Прагѣ, Франкфуртѣ, Вѣнѣ и проч. Въ Вѣнѣ видѣлъ онъ Булгакова, которой однакожь показался ему спѣсивымъ, не знаю почему. Увѣдом[ь]те, сдѣлайте одолженіе, всѣ ли письма вы отъ меня получаете. Я не пропущаю ни одной почты, но теперь, можетъ быть, это будетъ случаться. Простите! Сію минуту надобно итти къ Герену. — Душевно васъ любящій братъ

Николай Тургеневъ.

P. S. Сбудутся ли когда нибудь ваши слова, что Сергѣй сюда пріѣдетъ? Право, въ Москвѣ дѣлать нечего; толи дѣло здѣсь! Естьли у меня когда нибудь будутъ дѣти, то я ихъ непремѣнно пошлю въ Геттингенъ.

На оборотѣ: An Herrn Herrn von *Turgenew.* Russischen-Kaiserlichen Hofrath. In *St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С. Петербургѣ.* У Г. Соколовича въ Газетной Експедиціи.

Штемпель: Goettingen.

14.

№ 10. *Геттингенъ. $\frac{5}{17}$ Ноября 1808.*

Милостивый Государь Братецъ!

На прошедшей недѣлѣ, къ величайшему моему удовольствію, получилъ я письмо ваше отъ 1-го Октября. Не знаю, отъ чего вы не всѣ мои письма получили. О политикѣ я вамъ въ письмахъ ничего не писалъ, да и писать нечего. Вы вѣрно болѣе знаете въ Петербургѣ, нежели мы въ Геттингенѣ, а цензура здѣсь *не все пропускаетъ.* — Письмо ваше, посланное съ Блудовымъ, я получилъ, о чемъ и писалъ къ вамъ. Напрасно вы приписываете ему такую вѣтренность. Это, кажется мнѣ, съ вами когда-то случилось. — Сережа пишетъ къ вамъ, что я не скучаю въ Геттингенѣ, — это правда теперь, но прежде, въ особенности когда я не имѣлъ еще никакихъ лекцій, мнѣ было здѣсь очень скучно, такъ что тогда я не зналъ, что дѣлать. Да это и натурально: вдругъ изъ дому пріѣхалъ я въ такую землю, гдѣ кромѣ профессорскихъ лекцій ничего нѣтъ порядочнаго; даже они и сами не занимательны, когда не на каѳедрѣ. Это на меня сильно подѣйствовало. — Полюбить мирныя занятія, какъ вы пишете, здѣсь непремѣнно должно, потому что всѣ наши занятія и все очень или даже слишкомъ мирно. Только занятія эти бываютъ иногда прерываемы пѣснями студентовъ, которые веселятся на улицахъ ночью; а вы сами испытали, что ничего на свѣтѣ нѣтъ несноснѣе Нѣмецкихъ пѣсенъ, въ которыхъ нѣтъ ни вкусу, ни гармоніи и вообще ничего. Что же касается до того, что вы теперь *очень свободны,* это не такъ то хорошо, потому что видно Ник[олай] Ник[олаевичъ] Нов[осильцовъ] не возвращался еще въ П.бургъ, а въ Коммиссіи служить... не знаю что-то нехорошо. Какъ можно хладнокровно смотрѣть на какихъ нибудь Нѣмцовъ, которые хотятъ давать законы Русскимъ? Это досадно.—Вы, кажется, довольно жили въ Германіи, а все еще любите этотъ народъ. Надобно, по крайней мѣрѣ, послушать, что говоритъ о нихъ Понжерардъ, Фр[анцузскій] учитель, и мой De Rossi. Это два смертельные врага Нѣмецкаго народа. Къ Шлецеру схожу и прокричу ему все, что вы пишете о немъ. Надобно знать, что онъ

сталъ глухъ. Теперь онъ ничего не читаетъ, лѣтомъ же обѣщался читать для Русскихъ Русскую Исторію. Но, какъ кажется, ему надобно приготовить себя къ другому предпріятію, нѣсколько важнѣйшему, нежели лекціи. Всѣ старики таковы: чѣмъ болѣе старятся, тѣмъ менѣе думаютъ о смерти.

Кассіусъ, какъ я и писалъ къ вамъ, давно уже отсюда уѣхалъ въ Лейпцигъ, откуда хотѣлъ съ Русскими купцами ѣхать въ Россію къ Янпину. — Обѣ книги, о которыхъ вы пишете, и еще другія, непремѣнно пришлю вамъ по первой оказіи, естьли достану сочинен[іе] Фокса. — Слава Богу, что дѣло наше идетъ хорошо, но все, можетъ быть, долго продолжится.—Вы пишете, что Гр[афъ] Строгановъ вышелъ противъ Шведовъ;— что слышно у васъ о Туркахъ и Англичанахъ? О первыхъ здѣсь ничего не говорятъ, а о вторыхъ слишкомъ много. —

Уже третья недѣля, какъ я слушаю лекціи у Геерена: 1) Древнюю Исторію и 2) Исторію важнѣйшихъ Государствъ Европейскихъ. Читаетъ прекрасно. Въ продолженіе первыхъ двухъ или трехъ лекцій, мнѣ нѣсколько трудно было записывать, но теперь привыкъ. Къ тому же у меня есть книги, кот[орыя] я беру изъ Библіотеки. — Въ эти полгода я потому не взялъ болѣе этихъ лекцій, что у меня есть другіе приватные уроки въ языкахъ, и потому, что мнѣ хотѣлось болѣе имѣть времяни для чтенія книгъ, касающихся до сей части. — Англійскаго языка я никогда не забуду, потому что онъ мнѣ чрезвычайно нравится. Не случится ли этого съ Латинскимъ, когда выучусь — не ручаюсь. —

Мѣсто Мартенса здѣсь никто не занялъ, и Дипломатики здѣсь совсѣмъ не читаютъ. — Лекторомъ Французскаго языка здѣсь, кажется, Д'Арто, но я буду въ продолженіе того семестра учиться у Понжерара, которой вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Я видѣлъ его у Данилевскаго, у котораго онъ всегда обѣдаетъ, и которой также свид[ѣтельствуетъ] вамъ почтеніе [1]).

По вашему требованію скажу вамъ, что я лѣтомъ раза два былъ въ Маріенспрингъ, ходилъ на Плессе. Въ послѣднее воскресенье ѣздилъ верхомъ гулять; заѣхали потомъ въ Венде, гдѣ, напившись чаю, возвратились домой.

Естественное право я буду слушать въ тѣ полгода у Сарторіуса. Римское право, я думаю, у Валдека или у Гуго. На эти полгода мнѣ нельзя было слушать болѣе двухъ лекцій, на которыхъ я все очень свободно понимаю и записываю.

Третьяго дня, во вторникъ, было здѣсь торжество по причинѣ дня имянинъ или рожденія Вестфальскаго Короля. По утру всѣ Профессора и чи

1) Далѣе зачеркнуты слѣдующія слова: «Вы вѣрно не получали того письма, въ которомъ я писалъ къ вамъ о моемъ пріѣздѣ сюда».

новники собрались въ церковь, и по оканчаніи проповѣди были обвѣнчаны двѣ пары, которымъ тутъ же и дали отъ Короля по сту талеровъ въ приданое. По вечеру Ратгаузъ, домъ Консиліума, Префектуры и домы чиновниковъ были иллюминованы. Въ это же время былъ данъ балъ, гдѣ собрались Професcора, студенты, по большой части Вестфальскіе, Геттингенскія красавицы, которыхъ здѣсь очень довольно. Изъ Русскихъ никого на балу не было; были нѣкоторые, но Курляндцы. Я ходилъ съ Данилевскимъ въ ложу, которая сдѣлана на верху залы, и оттуда любовался праздникомъ, даннымъ въ честь Отца Отечества! Третьяго дня, какъ сказываютъ, получено здѣсь королевское приказаніе, чтобы Профессора не назывались впредь ни Гофратами, ни Юстицъ-ратами, а просто Профессорами. Это посбавитъ немного съ нихъ Нѣмецкой ихъ спѣси, а то, будучи Гофратами, они гордились и, когда къ нимъ придешь, то они провожаютъ только съ лѣстницы до сѣней, а теперь будутъ вѣрно провожать на улицу, что они теперь дѣлаютъ тогда только, когда имъ даютъ ден[ь]ги.

Вундерлихъ вамъ свид[ѣтельствуетъ] свое почтеніе. Онъ отличается немного отъ другихъ Нѣмцовъ: премилый человѣкъ. Онъ предлагалъ мнѣ познакомиться съ Профес[соромъ] Тихсеномъ, но я еще не выучился у Данилевскаго играть въ бостонъ и потому пока отказался отъ этой чести.

Простите! — Помните вашего брата Н. Т.

P. S. Увѣдом[ь]те, пожалуйте, можно ли надѣяться, чтобы Сережа сюда пріѣхалъ. Это, кажется, мнѣ очень труднымъ, но какая польза! Вы это знаете сами. Кто живетъ въ Россіи, тотъ думаетъ, что учиться и въ Россіи также можно, какъ и здѣсь — это несправедливо. Я это теперь самъ испыталъ, между тѣмъ какъ прежде самъ также сдѣлалъ. Иные, можетъ быть, думаютъ, что трудно учиться всему на Нѣмецкомъ языкѣ. Это опять, въ разсужденіи Сережи, не правда. Я точно увѣренъ, что онъ въ недѣлю привыкнетъ ко всѣмъ лекціямъ. —

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо съ векселемъ на 500 р. — Покорнѣйше васъ благодарю. — Курсъ сталъ видно еще хуже. Не знаю, какъ въ Петерб[ургѣ], изъ Москвы прислали недавно сюда по 16 шил., а въ Петербургѣ, кажется, долженъ быть лучшій курсъ.

Къ Матушкѣ писалъ особо.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn Herrn von *Turgenew*. Russisch-Käyserlichen Hofrath in *St. Petersburg*. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С. Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

15.

Геттингенъ. $\frac{26\ Ноября}{8\ Декабря}$ [1]) *1808.*

Милостивый Государь Братецъ!

Послѣднее письмо ваше отъ 13 Окт. получилъ я тогда уже, когда мое было запечатано, и потому я не отвѣчалъ на него. А прошедшую почту также пропустилъ, самъ не знаю почему. Покорнѣйше васъ благодарю за присылку векселя. Курсъ, какъ видно, сталъ еще хуже, хотя по газетамъ $16^1/_2$ шил. за рубль. Не лучше ли будетъ сдѣлать впередъ такимъ образомъ: взять отъ банкира въ П.бургѣ вѣрющее письмо, по которому бы можно было здѣсь получить по хорошему курсу, напр. шилинговъ по двадцати, и за это письмо платить ему пятерной процентъ въ годъ, и послѣ при хорошемъ курсѣ можно возвратить тому банкиру занятыя у него денги за вѣрющее письмо. Подумайте, пожалуйте, объ этомъ и посовѣтуйтесь съ кѣмъ нибудь. Данилевскій получалъ такимъ образомъ, и посланные отъ Университета также. Имъ сдѣлалъ это тогда Михайло Никитичь Муравьевъ. Я писалъ къ вамъ, что я за прежній вексель получилъ 231 талеръ Conv[entions]-Münze. Этотъ я также послалъ къ Консулу. Не понимаю, отъ чего вы не получаете моихъ писемъ. Я пишу почти каждую недѣлю. Только двѣ почты пропустилъ. — Я уже писалъ къ вамъ, у кого я слушаю лекціи. Теперь скажу, какъ провожу время. 6 дней провожу на лекціяхъ и дома. Рѣдко вижу знакомыхъ, кромѣ Куницина, потому что онъ живетъ вмѣстѣ со мною. Въ Субботу послѣ обѣда и Воскресенье послѣ же обѣда теперь началъ проводить совсѣмъ новымъ для меня образомъ, а имянно: началъ играть въ бостонъ. Въ это время ничего другаго не дѣлаю. Въ понедѣльникъ начинаю опять попрежнему, и такимъ образомъ нечувствительно протекли уже семь недѣль.— Видаюсь я въ субботу и воскресенье почти со всѣми Русскими, а болѣе съ Данилевскимъ, которой выучилъ меня играть въ бостонъ. Онъ человѣкъ очень добрый и любезный, и занимается науками очень прилежно.—По субботамъ ввечеру хожу въ концертъ. Тамъ Ѳоркель, здѣшній кравикордный (sic) учитель и многіе студенты играютъ кто на чемъ гораздъ. — *Тоска по Отчизнѣ* теперь кажется прошла; конечно, иногда, какъ вспомнишь о Россіи и о всѣхъ васъ, то очень соскучится. Но уже за то настоящей скуки никогда не бываетъ. — Веснѣ, признаюсь, я не обрадуюсь. Тогда болѣе будетъ разсѣянности, надобно будетъ съѣздить или сходить и туда и сюда, а это накладно,

1) Ошибка, надо: 17 нояб.—1 декабря, см. ниже, стр. 336, письмо 16-е

какъ для ученья, такъ и для кармана. Во время же ферій надобно будетъ куда нибудь съѣздить. Мнѣ хочется съ Данилевскимъ съѣздить въ Голландію. До Амстердама только сорокъ двѣ мили, это составляетъ 250 верстъ. Это сущая бездѣлица. Что значатъ 250 верстъ у насъ? — Какъ вы мнѣ присовѣтуете? — Какъ вы отгадали, что послѣ нашего обѣда желудокъ не отягощается — совершенная правда, но и то правда, что и дешево. Въ мѣсяцъ платимъ мы по 4 тал. за обѣдъ, а за ужинъ каждый день по 3 добр. гроша (это выдетъ 25 коп.). Обѣдаю съ Куницинымъ дома. — Теперь здѣсь продаютъ съ аукціона книги, и иногда попадаются хорошія, но жаль, что въ такое время, когда мнѣ нельзя туда ходить, т. е. отъ 6—8 часовъ вечера. Въ это время я бываю всегда дома занятъ. — Чѣмъ болѣе я слушаю Гееренови лекціи, тѣмъ болѣе онѣ мнѣ нравятся. Жаль только, что очень кратко читаетъ, а иначе нельзя. Въ особенности мнѣ нравится его *Древняя Исторія*. Мнѣ хочется и на будущій семестръ у него ее слушать. Еще съ нетерпѣніемъ хочу слушать Сарторіуса на будущіе полгода. Онъ очень хорошо читаетъ. — Мнѣ бы хотѣлось послать къ вамъ Геереновы *Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel*. Это его образковое (sic) произведеніе (Chef d'œuvre). На этой недѣлѣ здѣсь выпалъ снѣгъ, и студенты катались уже на саняхъ съ побрекушками и съ бичами. При видѣ снѣга я чувствовалъ не знаю какое-то неизъяснимое удовольствіе и позавидовалъ вамъ, что вы теперь можете ѣздить на саняхъ.

Что это вздумалось Сережѣ опредѣлиться въ Медикохирургическую Академію? — На этой недѣлѣ я получилъ отъ Матушки и отъ него письмо; онъ мнѣ ничего объ этомъ не пишетъ, а Матушка намѣрена ѣхать опять въ П.бургъ. Когда-то это дѣло кончится! Пожалуйте, увѣдомляйте меня, естьли можно по чаще, о немъ.—Возвратился ли NNN [1]) въ П.бургъ? Что дѣлается съ вашею Коммиссіею? Останетесь ли вы при ней или нѣтъ, и останется ли тутъ Розенкампфъ по прежнему? — Что слышно у васъ о Политическихъ дѣлахъ, о Министерствѣ и тому подобномъ? Естьли можно, то увѣдомляйте меня, живущаго здѣсь въ совершенной глуши. Ничего не слышешь, ничего не знаешь. Я помню, вы сами говаривали, какъ пріятно, живучи въ Геттингенѣ, получать какія нибудь новыя извѣстія. — Сережа пишетъ, что на будущій годъ Вѣстникъ Европы будутъ издавать Жуковскій и Кочановскій вмѣстѣ. Здѣсь мы хотимъ согласиться и вмѣстѣ же получать его.

Простите! —

Любящій васъ братъ Николай Тургеневъ.

1) Н. Н. Новосильцовъ?

P. S. Да пожалуйте увѣдомляйте болѣе, естьли можно, о себѣ. Вы не можете себѣ представить, какое душевное участіе беру я въ каждой бездѣлицѣ, до *васъ* касающейся. Въ какомъ состояніи нашли вы нашу деревенскую библіотеку? —

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohrenen Dem Herrn Von *Turgenew*. Russisch-Kayserlichen Hofrath. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Канцелярію Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С. Петербургѣ*. A St. Petersburg.

Штемпель: Goettingen.

16.

№ 12. *Геттингенъ.* $\frac{26}{8}$ *Ноября / Декабря* *1808.*

Милостивый Государь братецъ!

Въ послѣднемъ письмѣ я ошибся и въ числѣ мѣсяцевъ и въ Номерѣ. Оно было написано въ прошедшій четвергъ, ровно за недѣлю до этого. — Въ прошедшее воскресенье проѣжжалъ здѣсь одинъ чиновникъ изъ Коммиссіи Составленія Законовъ (не знаю его фамиліи, Лифляндецъ). Онъ ѣдетъ, какъ онъ сказывалъ, въ Парижъ. Здѣсь онъ долженъ былъ видѣться съ Шлецеромъ и Гуго. Въ воскресенье ввечеру онъ былъ у меня. Мы всѣ обрадовались ему, какъ родному. Разсказывалъ намъ много новостей, изъ которыхъ нѣкоторыя для насъ непонятны. Онъ сказывалъ мнѣ, что васъ не было въ то время въ Петербургѣ, когда онъ уѣжжалъ. — Причина его посылки принадлежитъ также къ числу тѣхъ новостей, которыхъ мы не поняли. Вамъ лучше можно знать объ этомъ.

Въ разсужденіи моихъ занятій не могу ничего сказать вамъ новаго — онѣ единообразны. — Гееренъ оканчиваетъ теперь Французскую Исторію. Всякую лекцію началъ онъ говорить бон-мо и смѣшитъ насъ какъ этимъ, такъ и выговоромъ своимъ Французскихъ словъ. Примѣтно, что Нѣмцы безо всякой нужды употребляютъ Французскія выраженія. Эту слабость имѣютъ, по большой части, Профессора. Бенеке, мой учитель Англійскаго и отчасти Нѣмецкаго языка, не причастенъ однакожъ этому пороку. — На другой же лекціи Гееренъ проходитъ теперь Исторію Греціи вообще. — Такъ какъ вы желаете знать и о моихъ прогулкахъ, то скажу вамъ, что въ субботу послѣ обѣда мнѣ вздумалось сходить одному въ Венде. Я сходилъ и дорогою сожалѣлъ, потому что грязь была престрашная. Въ воскресенье же мы ѣздили туда верхомъ. Съ нами ѣздилъ и Тимковскій. Этотъ человѣкъ

очень страненъ и часто забавляетъ насъ своимъ педантствомъ. Впрочемъ человѣкъ хорошій. Онъ теперь въ горѣ. Извѣстный вамъ Оливіери сдѣланъ теперь Профессоромъ древней словесности въ Московск. Университетѣ вмѣсто Маттеа. Это мѣсто готовлено было для Тимковскаго. —

Недѣли три назадъ случилось здѣсь очень непріятное и нещастное приключеніе. Вейденгамеръ (университетскій кандидатъ, учившійся здѣсь на свой коштъ) имѣлъ дѣло съ однимъ изъ студентовъ (съ берлинцемъ). Сей послѣдній вызвалъ Вейденгамера на дуэль. В[ейденгамеръ] его ранилъ. Черезъ недѣлю раненый сдѣлался боленъ; отъ невоздержанія пришла нервическая горячка, и черезъ недѣлю онъ умеръ. Въ разсужденіи смерти его былъ созванъ совѣтъ ученыхъ. Доктора, лѣчившіе его, подали пис[ь]менно, что онъ умеръ отъ горячки, а не отъ раны. Ему разрѣзали голову и нашли, что ихъ мнѣніе было справедливо. Между тѣмъ, Вейд[енгамеръ], будучи еще въ нерѣшимости, уѣхалъ отсюда. По окончаніи дѣла Профессора сказали, что онъ можетъ возвратиться сюда назадъ. Онъ было и поѣхалъ опять сюда. Но опять нещастіе: здѣшній Генералъ-Секретарь, имѣющій личное неудовольствіе къ здѣшнему Проректору Эйхгорну, написалъ объ этомъ произшествіи въ Кассель, давая знать, что будто бы Проректоръ старался замять или скрыть это дѣло. Вейденгамеру объ этомъ дали знать, и онъ долженъ былъ опять возвратиться. Онъ, я думаю, поѣдетъ домой. — Нещастный случай, котораго ему никакъ предвидѣть было невозможно. — Теперь прислано изъ Касселя приказаніе разобрать это дѣло строгимъ образомъ; и можетъ быть, для наказанія примѣрнымъ образомъ дуэля, онъ будетъ осужденъ просидѣть полгода въ крѣпости. — На этихъ дняхъ будетъ Вейд[енгамеръ] призванъ къ суду (citirt) и такъ какъ онъ не явится, то получитъ *Relegation*. Это для него очень неловко, тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался сдѣлаться здѣсь докторомъ. — Нещастный человѣкъ! —

У васъ, я думаю, настала уже теперь зима въ полномъ значеніи сего слова, а здѣсь погода предурная, безпрестанно идетъ дожжикъ и иногда снѣгъ. Здѣсь болѣе нужды въ хорошей погодѣ, нежели въ П.бургѣ. Тамъ и въ дурную погоду можно имѣть много развлеченій. Можно покойно сидѣть въ театрѣ и не заботиться, идетъ ли дожжикъ или нѣтъ. Здѣсь же этого нельзя. На этихъ двухъ недѣляхъ я не получалъ писемъ ни отъ васъ, ни изъ Москвы. Можетъ быть получу завтра! — У Шлецера я еще не былъ послѣ полученія вашихъ послѣднихъ писемъ. Онъ, какъ мнѣ сказывали, не здоровъ.

Т.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohrenen Dem Herrn Von *Turgenew*. Russisch-Kayserlichen Hofrath. *In St. Petersburg*. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С. Петербургѣ*. У Г[оспо]д[и]на Соколовича въ Газетной Экспедиціи.

Штемпель: Goettingen.

17.

Геттингенъ. $\frac{10}{22}$ Декабря 1808.

Милостивой Государь Братецъ!

На прошедшей почтѣ я не писалъ къ вамъ. Причинъ тому почти никакихъ не было, но просто не было времяни. — На прошедшей недѣлѣ, къ величайшему моему удовольствію, я получилъ письмо ваше отъ Ноября « » дня. — Я самъ думаю, что у васъ въ Коммиссіи должны быть перемѣны, потому что число законодателей слишкомъ велико. — Останется ли при васъ это почтенное званіе? — Я съ великимъ удовольствіемъ принялся за то, о чемъ вы пишете, въ разсужденіи Эрфурта, но за успѣхъ не отвѣчаю. Тутъ сказать можно очень не много, потому что главное дѣло[1]), причина и большая часть слѣдствій этого свиданія совсѣмъ не извѣстны. Я постараюсь написать только о томъ, о чемъ вы пишете. Не знаю, какъ лучше написать это—письмомъ ли, или просто разсужденіемъ. Я напишу послѣднее, послѣ вы можете перемѣнить, какъ вамъ угодно. — Въ театрѣ въ Эрфуртѣ мнѣ не удалось быть, но надобно упомянуть и объ этомъ: можно сказать просто о театрѣ, о публикѣ, и потомъ пусть догадываются, былъ ли я тамъ или нѣтъ.

Черезъ три дня будутъ здѣсь праздники и продолжатся 8 дней. Въ это время я постараюсь кончить это и пришлю къ вамъ; но не думаю, чтобы это стоило печати, особливо въ Вѣстникѣ Европы.

3-я часть Генриховой Французской Исторіи вышла, и теперь я ее читаю, потому что Геренъ проходитъ Франц[узскую] Исторію и скоро кончитъ. Третью часть Гереновыхъ *Kleine Schriften* составляетъ его новое разсужденіе о слѣдствіяхъ крестовыхъ походовъ. Книга очень хороша и не велика: не много побольше 2 части его *Kleine Schriften*. Я уже писалъ къ вамъ, что я получилъ другой вексель на 500 р. и давно уже послалъ его въ Лейпцигъ, но по сію пору не получалъ отвѣта и денегъ отъ Консула, между

---

1) Далѣе зачеркнуто слово: «Политика».

тѣмъ какъ послѣднія мнѣ теперь нужны. — Въ разсужденіи книгъ скажу вамъ, что на аукціонахъ я еще почти не покупалъ. Нѣсколько самыхъ нужнѣйшихъ взялъ отъ Дидриха. — Что Борисъ: останется ли въ Петерб[ургѣ] или поѣдетъ въ Москву?

Вундерлихъ сдѣланъ на прошедшей недѣлѣ Экстраорд[инарнымъ] Профессоромъ. Чрезвычайно радуется. Теперь онъ скоро женится. Только и дожидались, что Профессорства. — Онъ къ вамъ хотѣлъ приписать, но я его вчера не видалъ. —

Брали ли вы уроки у Бенеке и Брауна?

Простите! пора итти къ Геерену на лекцію. На той недѣлѣ ожидаю отъ васъ писемъ.

Н. Т.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohrenen Dem Herrn Von *Turgenew. In St. Petersbourg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ Санкт-Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

18 [1].

Въ 1808 году прославился Эрфуртъ свиданіемъ двухъ Императоровъ. Взоры цѣлаго свѣта были устремлены на одну точку. Народы ожидали съ нетерпѣніемъ слѣдствій сего свиданія: иные надѣялись, другіе трепетали [2]. — Но судьба ихъ еще не рѣшена; все еще покрыто непроницаемою завѣсою неизвѣстности.

Случай позволилъ мнѣ быть въ это время въ Эрфуртѣ и наслаждаться картиною, столь необыкновенною и вмѣстѣ великолѣпною. Эрфуртъ въ этомъ блескѣ своемъ ни съ чѣмъ сравненъ быть не можетъ.

Въ концѣ Сентября мѣсяца въ Эрфуртѣ все было приготовлено къ прибытію Ихъ И. Величествъ и вообще всѣхъ высокихъ особъ. Домы для Ихъ Величествъ были отдѣланы прекраснѣйшимъ образомъ [3]. Французскій Императоръ прибылъ прежде Россійскаго, 26 Сентября. Для

---

1) Это и есть то описаніе Эрфуртскаго свиданія монарховъ, о которомъ упоминается въ предыдущемъ письмѣ (см. стр. 338). Сохранился также черновой набросокъ этого описанія. 2) Далѣе въ черновой рукописи зачеркнуто: «И когда Монархи удалялись изъ земель своихъ, подданные благословляли путь ихъ, сопровождали желаніями и надеждами». 3) Далѣе въ черновикѣ рукописи прибавлено: «Французская Гвардія и другіе полки, необыкновенное множество иностранцевъ и вмѣстѣ ихъ любопытство — все, все ожидало обладателей свѣта».

Его В. былъ приготовленъ домъ, въ которомъ живалъ прежде Штатгалтеръ (Die Statthalterei) (Hofstadt, aula proprincipis). Когда въ Эрфуртѣ было получено извѣстіе о приближеніи Наполеона, то всѣ важнѣйшіе городскіе чиновники, члены тамошняго Университета и духовенство вышли за городъ на встрѣчу Е. В. Граждане, составлявшіе на то время городскую гвардію (Bürger-Garde), поѣхали также на встрѣчу Е. В. и просили позволеніе служить Ему въ званіи городской гвардіи.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городскихъ воротъ, гдѣ собирались вышеупомянутые чиновники, остановилась карета Е. В. Губернаторъ города поднесъ Е. В. городскіе ключи и притомъ произнесъ маленькую[1]) рѣчь: (Sire, j'ai l'honneur de présenter à Votre Majesté les cles d'Erfort, et de la suplier, d'agréer nos sentiments d'admiration et d'amour ainsi que le tribut de notre fidélité et soumission). Рѣчь, приличная для сего случая въ наше время. — Послѣ сей Губернаторъ поднесъ Е. В. другую рѣчь отъ имяни Гражданъ, исполненную чувствованій глубочайшаго почтенія, вѣрности и великихъ желаній. По окончаніи сего Е. И. В. въѣхалъ въ городъ и остановился въ приготовленномъ домѣ. Повечеру была въ городѣ иллюминація: множество надписей въ стихахъ и прозѣ, которыя всѣ очень[2]) просты и незанимательны и не заслуживаютъ, чтобы о нихъ упоминать можно было.

Между тѣмъ число иностранцевъ въ Эрфуртѣ съ каждымъ днемъ возростало. Всѣ трактиры и даже частные домы были наполнены. Все было вздорожало въ Эрфуртѣ, но благодаря полиціи, которая приняла свои мѣры, все было приведено въ порядокъ, и отъ того въ Эрфуртѣ сдѣлалось опять все очень дешево.

27 Сентября, при извѣстіи о приближеніи Е. В. Россійскаго Импер[атора], Наполеонъ поѣхалъ на встрѣчу, сопровождаемый Маршалами и Генералами. Увидѣвши изъ дали Россійскаго Импер., Его В. оставилъ свою лошадь. Е. В. Росс. Им[ператоръ] вышелъ изъ кареты, и оба Императора пошли на встрѣчу другъ другу и обнялись, какъ истиннные друзья. Небо было свидѣтелемъ ихъ объятій. Оно благословитъ дѣла ихъ, на пользу[3]) свѣта предпринимаемыя. — Потомъ Е. В. В. К. Константинъ Павловичъ обнялъ Е. В. Франц. Императора. Свита поѣхала впередъ. Ихъ Импер. Величества шли нѣкоторое время пѣшкомъ; потомъ, сѣвши на приготовленныхъ лошадей, прибыли въ Эрфуртъ. При семъ случаѣ сказываютъ, что Фр. Импер. имѣлъ точно такую лошадь, на какой Е. В. И[мператоръ] Росс. ѣздитъ въ П.бургѣ. Сѣдло и все были такія же.

1) На верху надписано: «слѣдующую». 2) Раньше было написано: «слишкомъ». 3) Сверху надписано: «для пользы».

Какой видъ для жителей Эрфурта! — Всѣ стремились на встрѣчу Императорамъ, которые благосклонно отвѣчали на привѣтствія народныя. Вмѣстѣ съ Ихъ И. Величествами въѣжжали Е. И. Высочество, Ихъ Свѣтлости Герцогъ Веймарскій и наслѣдный Принцъ Веймарскій. Потомъ слѣдовали многія кареты, въ кот[орыхъ] находились различныя особы и между прочимъ Саксонскій Король. (Потомъ слѣдовали баталіоны конницы и пѣхоты и артиллерія) 1).

Для Е. В. Россійскаго Импер. былъ приготовленъ прекрасный домъ (стоящій фасадомъ на площадь), кот[орый] принадлежитъ одному тамошнему купцу Трибелю. — На этой же улицѣ былъ приготовленъ домъ, также прекрасно отдѣланный для Е. И. Высочества. Около этого времяни прибыли въ Эрфуртъ Короли: Саксонскій, Виртембергскій, Баварскій и Вестфальскій съ супругою; Герцоги: Веймарскій, Олдембургскій, Олдембургъ-Шверинскій, Баварскій, Меклембургъ-Шверинскій и Готскій 2). Принцы 3): Принцъ 4) Примасъ, Принцъ Вильгельмъ Прусскій изъ Парижа, Гессенъ-Гомбургскій, наслѣдный принцъ Меклембургъ-Штрелицкій, Саксен-Кобургскій и Филипстальскій. — Ко всѣмъ симъ особамъ былъ приставленъ караулъ изъ Французской гвардіи, у Импер[аторскихъ] домовъ былъ поставленъ еще конный караулъ. Домы, которые занимали всѣ сіи особы, очень хороши и по большей части были приготовлены къ пріѣзду ихъ; и такимъ образомъ Эрфуртъ долженъ былъ очень перемѣниться въ разсужденіи чистоты строеній и улицъ и вообще всего. Прекрасные экипажи и верховыя лошади для всѣхъ высокихъ особъ были приведены изъ Касселя. — Виландъ и Гёте, извѣстные люди по своимъ сочиненіямъ, также были въ то время въ Эрфуртѣ и получили отъ И. И. Величествъ знаки отличія.

29 Сентября была представлена Е. В. Фр. Импер[атору] прозьба отъ имяни гражданъ: 1) въ разсужденіи уменшенія получаемыхъ пенсій (пансіоновъ), 2) въ разсужденіи великаго отягощенія, причиняемаго отъ квартированія войскъ 5) и 3) въ разсужденіи Университетской библіотеки, которая была закрыта, и объ Университетѣ вообще, который во время военныхъ безпокойствъ претерпѣлъ очень много. Въ этотъ же день была поднесена

1) Далѣе въ черновой рукописи написано: «Е. И. В. Р[оссійскій] И[мператоръ] въѣхалъ въ Эрфуртъ 27 Сент. въ 4 часа по полудни». 2) Къ этому слову въ рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «У сего Герцога Августа спросилъ однажды Наполеонъ, когда онъ почти ничего за обѣдомъ не ѣлъ: «Не воздухомъ ли вы живете?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Герцогъ поклонившись: «лучами отъ солнца» (!). 3) Сверху надписано: «князья». 4) Наверху — «князь». 5) Къ этимъ словамъ въ рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Начиная съ другаго дня прибытія Фр. Импер. въ Эрфуртъ, солдаты начали получать изъ казны мясо и хлѣбъ; между тѣмъ какъ прежде и это должны были давать имъ граждане, у которыхъ они стояли».

Е. В. Фр. Импер. программа отъ Университета, въ которой члены онаго изъявляли радость ихъ въ разсужденіи пріѣзда Е. В. —

Въ Эрфуртѣ въ продолженіе дня не видно было, чтобы кто нибудь работалъ. Весь народъ безпрестанно толпился на улицахъ, особливо передъ домами, въ которыхъ жили Ихъ И. В. Къ тому надобно прибавить великое стеченіе иностранцевъ, которые со всѣхъ сторонъ стекались, чтобы видѣть обладателей свѣта. Какая новая и великая картина! —

Ежедневно можно было видѣть Ихъ И. Величествъ и вообще всѣхъ высокихъ особъ, когда они посѣщали одинъ другаго. Въ разсужденіи конференціи Ихъ И. В. никому ничего не было извѣстно. Иногда, какъ говорятъ, оба Императора, съѣхавшись вмѣстѣ наединѣ, долго разговариваютъ. —

По утрамъ видно было, что Ихъ И. В. выѣзжали иногда верхомъ, иногда въ каретахъ для прогулки или для посѣщенія другихъ высокихъ особъ. Обѣдали часто у Фр. Импер., послѣ обѣда ѣздили въ театръ, а оттуда обыкновенно къ Россійскому Императору, гдѣ часто до глубокой ночи Монархи наединѣ бесѣдовали о благѣ своихъ подданныхъ. —

Для представленія на Эрфуртскомъ театрѣ пріѣжжали туда Императорскіе актеры изъ Парижа. Имъ назначено было дать 17 представленій, въ числѣ которыхъ одно въ Веймарѣ. Говорить объ искусствѣ актеровъ было бы лишнее. Ихъ И. В. и Е. И. Высочество и иногда Саксонскій Король бывали обыкновенно вмѣстѣ въ одной ложѣ. Входъ въ театръ былъ позволенъ всякому, кто только могъ получить билетъ отъ директора. Обыкновенно играли трагедіи изъ Волтера, Расина и Корнеля.

Однажды случилось, что Ихъ И. В. и съ ними всѣ высокія особы поѣхали на охоту къ Веймару. Во время ихъ отсудствія городъ совсѣмъ перемѣнился. Мертвая тишина и какъ будто унылое спокойствіе заступило мѣсто повсемѣстной дѣятельности и жизни. Казалось, что сама природа брала участіе въ мрачности Эрфуртскихъ жителей. Но это недолго продолжалось: на другой день послѣ обѣда пушечная пальба возвѣстила приближеніе Ихъ И. В. Народъ стекался къ дому Россійскаго Императора. У городскихъ воротъ Французскіе солдаты встрѣтили Императоровъ восклицаніемъ: *Vivent les Empereurs!* и черезъ нѣсколько времяни Ихъ И. В. въ легкомъ охотничьемъ фаэтонѣ подъѣхали къ дому Россійскаго Императора. За ними скакали Эскадроны Французскихъ кирасировъ.

Для сей охоты наканунѣ передъ назначеннымъ днемъ жители окружныхъ деревень должны были сгонять звѣрей въ одно мѣсто. Посрединѣ одной площади[1]) въ лѣсу была разбита охотничья палатка, въ которой на-

1) Сверху: «ровнаго мѣста».

ходились всѣ высокія и знатныя особы.— По окончаніи охоты Ихъ И. В. и другія высокія особы поѣхали въ Веймаръ. У городскихъ воротъ были встрѣчены со всѣми приличными почестями. Съ наступленіемъ ночи городъ былъ освященъ. На другой день поутру Ихъ И. Вел. въ сопровожденіи его Свѣтлости Герцога Веймарскаго поѣхали на то мѣсто, гдѣ за два года происходило столь кровопролитное сраженіе при Енѣ или, какъ называютъ его Пруссаки, при Ауерштетѣ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ то время Наполеонъ проводилъ ночь (на бивакахъ) съ 13-го на 14-е Октября, на высокомъ холмѣ, было построено зданіе на подобіе храма. Надъ входомъ была слѣдующая надпись:

Praesentes DIVos nUnC prIsCa ThUrIngIa IUnXIT:
En noVUs attonItos IUnget aMor popULos!

Для другихъ знатныхъ особъ были разбиты вокругъ сего зданія палатки, и потомъ здѣсь опять началась охота. Въ 2 часа пополудни поѣхали Ихъ И. В. назадъ въ Веймаръ и въ скоромъ времяни вновь пріѣздомъ своимъ вновь оживили Эрфуртъ. Все приняло прежній видъ, вездѣ видна была жизнь.—

За день до отъѣзда Ихъ И. В. въ Веймаръ былъ за городомъ смотръ 17-го полка пѣхотныхъ шасеровъ. Передъ симъ, вскорѣ послѣ обѣда Французъ. Импер[аторъ] пріѣхалъ къ Е. В. Росс. Импер[атору]. Площадь была наполнена народомъ; всѣ ожидали выѣзда двухъ Импер., и черезъ нѣсколько времяни представилась глазамъ ихъ величественная картина: Александръ и Наполеонъ выѣхали верхомъ въ сопровожденіи многихъ знатныхъ особъ и тихо поѣхали за городъ. Тысячи слѣдовали за ними. По пріѣздѣ Ихъ И. В. на мѣсто смотра, начались маневры. Ихъ И. В. оставили своихъ лошадей и въ продолженіи всего смотра ходили пѣшкомъ. Смотръ продолжался довольно долго, и наконецъ отъ пороховаго дыма нельзя было видѣть И. И. В.— По окончаніи смотра Ихъ И. В. сѣли опять на лошадей и остановились на одномъ мѣстѣ. Мимо Ихъ проходилъ полкъ, и офицеры салютовали. Е. В. Росс. Импер[аторъ] благодарилъ[1]) за салютованіе. Все это кончилось по вечеру, когда И. И. Величества поѣхали назадъ въ городъ. Передъ отъѣздомъ Ихъ И. В. проѣхали передъ фрунтомъ и слышали нѣсколько разъ восклицанія солдатъ: *vivent les Empereurs!* раздавались по полю.

Примѣтны были любовь и приверженность Эрфуртскихъ жителей къ почтенному Принцу[2]) Примасу, прежнему ихъ владѣтелю. При всякомъ

1) Сверху надписано: «отвѣчалъ на». 2) Сверху «Князю».

случаѣ они старались оказывать ему свои чувствованія различнымъ образомъ. Напримѣръ: когда онъ выходилъ изъ церкви, (то) дѣвушки встрѣчали его, усыпали дорогу цвѣтами, подносили ему разные стихи и тому подобное. При отъѣздѣ были поднесены ему стихи отъ имяни Эрфуртскихъ жителей, исполненные истинно-благородныхъ чувствованій, любви и благодарности. Жители Эрфурта были подлинно щастливы подъ его правленіемъ. Онъ же съ своей стороны принимаетъ всѣ сіи доказательства съ благодарностію и чувствительностію. Даже всякой иностранецъ, при видѣ сего, не можетъ остаться равнодушнымъ, и въ душѣ его вселяются чувства уваженія къ доброму Принцу (Князю) Примасу. Эрфуртская Академія полезныхъ наукъ, извѣстная ученому свѣту по нѣкоторымъ сочиненіямъ, почувствовала также благодѣянія Князя Примаса (который въ то время былъ еще Штатгалтеромъ Эрфуртскимъ), но послѣ во времяна Прусскаго правленія Академія была почти совсѣмъ забыта. — Принцъ (Князь) Примасъ выѣхалъ изъ Эрфурта 11-го Октября, 14-го выѣхалъ Король Баварскій, 15-го Саксонскій Король. Во время пребыванія Его Вел. въ Эрфуртѣ, жители окрестныхъ Саксонскихъ владѣній стекались въ Эрфуртъ, дабы видѣть Короля своего. Церковь Св. Лаврентія, которую ежедневно посѣщалъ Король, обыкновенно была наполнена его подданными. Когда Король выходилъ изъ церкви, то нѣкоторые изъ нихъ пользовались симъ случаемъ и подавали ему прозьбы.— Когда онъ въ послѣдній разъ былъ въ церквѣ, то при выходѣ множество мальчиковъ усыпали дорогу цвѣтами, а потомъ одна дѣвушка говорила ему рѣчь.

13-го Октября начались прощальные визиты со всѣхъ сторонъ. Всѣ военные, которые бывали въ караулахъ у всѣхъ высочайшихъ особъ, получили знатные подарки. Въ особенности щедрость Русскаго Императора удивляетъ Германію: всѣ публичныя вѣдомости полны похвалъ добрѣйшему изъ Монарховъ.

14-го при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ оставили Е. Вел. Рос. И. и Е. И. Выс. Эрфуртъ. Е. В. Франц. Импер. проводилъ Е. И.[1]) Вел. до мѣста ихъ встрѣчи, гдѣ оба Монарха разстались. Ихъ И. В. и Его Имп. Высочество выѣхали верхомъ. Кирасиры, городская гвардія и вмѣстѣ съ ними всѣ жители Эрфурта провожали Ихъ.

Ввечеру прибыли Е. И. В. и Е. И. Выс. въ Веймаръ. Для сего пріѣзда былъ весь городъ освященъ прекраснѣйшимъ образомъ. Е. И. В и Выс. посѣтили также и театръ (сдѣлавшійся болѣе извѣстнымъ чрезъ Директора своего Гѣте).

1) Сверху: «Ихъ».

Во время пребыванія всѣхъ высокихъ особъ въ Эрфуртѣ, газеты сего города были подъ цензурою Государственнаго Министра Марета [1]).

Что касается до самаго Эрфурта, то можно сказать, что мѣстоположеніе города совсѣмъ не красиво. Эрфуртъ лежитъ на плоской пространной долинѣ, орошаемой рѣкою Герою, которая протекаетъ и въ городѣ. Страна сія довольно плодоносна. Что же касается до внутренности города, то вообще очень примѣтно, что это городъ изъ числа очень древнихъ. Есть улицы широкія и довольно прямыя. Домы, кот[орыхъ] щитаютъ около 3150, по большой части хороши и построены по линіи [2]) одинъ съ другимъ. Есть много церквей очень старинныхъ; есть манастыри мужскіе и женскіе, которыхъ архитектура показываетъ также, что они еще за нѣсколько вѣковъ были построены со вкусомъ. Во внутренности города есть нѣсколько площадей, которыя по большой части окружены красивыми зданіями. На иныхъ есть нѣкотораго роду памятники, изъ кот[орыхъ] замѣчательнѣйшіе: воздвигнутый въ честь Курфирста Фридриха, Карла Іосифа и еще одна статуя, высѣченная изъ камня, представленная въ латахъ и называемая Роландомъ. Подобныя статуи находятся во многихъ древнихъ Германскихъ городахъ. Въ самомъ городѣ есть мѣста, гдѣ особенно лѣтомъ граждане, а по большой части студенты гуляютъ.—Что касается до исторіи сего города, то подлинно не извѣстно, кто былъ основателемъ сего города. Иные утверждаютъ, что Цимбры, другіе, что Гермундуры. А что Римляне еще въ древнѣйшихъ времянахъ въ сей странѣ были, то это доказывается отъисканіемъ въ окружностяхъ Эрфурта Римскихъ сосудовъ, урнъ, оружій и проч. Нѣкоторые Эрфуртскіе лѣтописцы догадываются, что Эрфуртъ есть древній Бикурдіумъ, принадлежавшій Римлянамъ. До 4-го столѣтія о существованіи Эрфурта ничего не извѣстно. Отъ 719 до 741: въ это время Эрфуртъ былъ еще совсѣмъ незначущимъ мѣстомъ. Во времяна Королей Мервиха и Дагоберта Эрфуртъ возникнулъ изъ своей неизвѣстности и при Карлѣ Великомъ сдѣлался уже замѣтнымъ. Послѣ многихъ переворотовъ Эрфуртъ былъ взятъ.... [3]).

Вотъ вамъ, М. Г. Братецъ, что могъ написать, то и посылаю вамъ.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ.—Въ прошедшее воскресенье, въ день рожденія нашего Императора, Русскіе, Курлянцы и Лифляндцы давали здѣсь праздникъ. Почти всѣ Професcора были приглашены и важнѣйшіе чиновники Геттингена.

---

1) Здѣсь оканчивается черновая рукопись. 2) Въ рукописи: «по линѣ». 3) На этомъ обрывается рукопись. Конецъ повидимому потерянъ, но сохранился небольшой листокъ — письмо, помѣщаемый ниже.

Праздникъ былъ очень хорошій. А вчера ночью здѣсь на улицахъ былъ большой шумъ: студенты встрѣчали новый годъ. На той почтѣ буду болѣе писать къ вамъ. Я еще отъ консула не получалъ денегъ. Писалъ къ Золотареву и просилъ его поторопить консула. Простите!

Желаю провести вамъ новый годъ лучше прежняго.

Н. Тургеневъ.

1 Января 1809.
20 Декабря 1808.

19.

24 Декаб. 1808.
5 Янв. 1809. *Геттингенъ.*

На прошедшей почтѣ, М[илостивый] Г[осударь] Братецъ, послалъ вамъ то, о чемъ вы ко мнѣ писали, и тогда ничего не успѣлъ сказать вамъ о праздникѣ, кот[орый] давали здѣсь всѣ подданные Россійскаго Императора. Почти всѣ Профессора и важнѣйшіе Геттингенскіе чиновники были приглашены на балъ. Посѣтители были угощены сперва чаемъ, потомъ пуншемъ, конфектами и проч.; потомъ ужиномъ, который былъ приготовленъ прекраснымъ образомъ, и гдѣ вино лилось какъ вода, кот[орой] совсѣмъ и на столѣ не было. (Ужинало 120 человѣкъ). На концѣ ужина пили здоровье нашего Государя, потомъ фамиліи. Послѣ того Вестфальскаго Короля, потомъ Georgia Augusta (здѣшній Университетъ), потомъ здоровье Проректора Ейхгорна; передъ этимъ Нѣмцы пили наше здоровье, а наконецъ здоровье здѣшняго Вестф[альскаго] Генерала Лестена, кот[орый] былъ за ужиномъ и прислалъ намъ на этотъ вечеръ портретъ нашего Государя. Онъ два раза былъ въ Россіи посланникомъ отъ какого то Курфирста. Всѣ до одного были отмѣнно довольны праздникомъ и угощеніемъ и очень благодарили насъ. Послѣ ужина примѣтно стало дѣйствіе, которое имѣло шампанское вино на всѣ ученыя головы. Профессора пошатывались. Генералъ Лестенъ въ своемъ золотомъ мундирѣ пошелъ было плясать съ Пр. Гереномъ, но послѣдній неосторожно спотыкнулся и упалъ. Но это совсѣмъ было незамѣтно. Лестенъ просилъ написать имяна Русскихъ, бывшихъ тамъ, и хочетъ видно отблагодарить насъ. Я съ нимъ познакомился. Онъ очень знаетъ банкира Раля. Естьли и вы съ нимъ знакомы, то поклонитесь ему отъ него. Онъ просилъ меня. Одного недоставало на праздникѣ нашемъ — Шлецера. Наканунѣ я былъ у него. Онъ былъ очень радъ, но не далъ вѣрнаго слова. Въ день праздника присылаетъ ко мнѣ письмо, извиняется, что быть не можетъ, благодаритъ и заключаетъ письмо свое: Zu ewiger. . . . .[1])

1) Многоточіемъ обозначено то, что въ рукописи залеплено сургучемъ.

Erhaltung ersuche und bevollmächtig..........[1]) Hochwohlg. in meinem Namen die Gesundheit auszubringen: Es lebe Kaiser Alexander! Auch *mein* Kaiser und grosser gnädigster Woltäter!!!

A. L. v. Sh.
Ritter такого-то ордена.

(Я уже давно не получалъ писемъ ни отъ васъ, ни изъ Москвы).

Письмо это пишу я къ вамъ наканунѣ нашего праздника Рождества Хр[истова]. Завтра, думаю я, будутъ П.бургъ и Москва въ волненіи. Сколько визитовъ и тому подобнаго, потомъ праздниковъ, театровъ, маскерадовъ! Въ мирномъ Геттингенѣ все будетъ спокойно. Только слышны будутъ одни Профессора и ихъ уроки и приговоры цѣлымъ народамъ. Вы видите, что мнѣ нельзя завидовать судьбѣ Моск[овскихъ] и Петербургскихъ жителей. Здѣшнее все важнѣе и существеннѣе.

Каково вы будете проводить праздникъ? Я думаю, что по прежнему. Сергѣй также. — Простите. Н. Т.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew*. Russisch-Kayserl. Hofrath. In *St. Petersburg*. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу Тургеневу. Въ Канцелярію Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. Въ С.-Петербургѣ.

Штемпель: Göttingen.

20.

12 Янв. 1809. / 31 Декаб. 1808. Геттингенъ.

Съ новымъ годомъ и съ новымъ щастіемъ! говоритъ Русская пословица. Итакъ поздравляю васъ съ 1809 годомъ. Желаю вамъ болѣе, нежели вы сами себѣ желаете. — На прошедшей почтѣ я опять не получалъ отъ васъ писемъ, также и изъ Москвы. Либо большія занятія, либо визиты тому причиною. Но какъ бы то ни было, я съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ писемъ. Право это самое большое и почти ли не единственное существенное удовольствіе, которое я здѣсь имѣю. — Изъ газетъ видно, что уже Прусской Король и Королева должны быть въ П.бургѣ. Для этого будутъ, думаю, большіе праздники. — N. N. Новосильцовъ также, какъ пишутъ въ газетахъ, пріѣхалъ изъ Кіева въ П.бургъ. Пожалуйте, какъ будете писать, не забудьте, естьли можно, увѣдомить и объ этомъ. — Черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, будете вы читать о нашемъ праздникѣ въ Гамбургскихъ газетахъ.

---

1) Многоточіемъ обозначено то, что въ рукописи залеплено сургучемъ.

Что касается до меня, то я слава Богу самъ здоровъ, только по причинѣ мѣдленности Консула карманъ мой боленъ. Онъ по сію пору не присылаетъ еще мнѣ денегъ по моему второму векселю. Что касается до занятій, то я съ большимъ удовольствіемъ слушаю лекціи у Герена; въ особенности нравится мнѣ древняя Исторія. Съ Бенеке также очень весело: очень умный и притомъ добрый человѣкъ. Не брали ли вы у него уроковъ? Вундерлихъ же добротою своею облегчаетъ для меня трудности языка, которымъ я не такъ охотно, какъ другимъ, занимаюсь.—Генрихъ, писавшій Французскую Исторію, издалъ и 3 часть, которая теперь у меня изъ библіотеки. Также я взялъ теперь оттуда его Англійскую Исторію, которую онъ издалъ въ 1806 году. Написана въ томъ же родѣ, какъ и Французская, и доведена въ 3-хъ частяхъ до Ганноверскаго дома. 4-я часть выдетъ скоро. Геренъ началъ теперь Англійскую Исторію, но жаль, что очень коротко говоритъ, а иначе не возможно.—Недавно записался я въ одинъ клубъ, гдѣ въ двѣ недѣлѣ (sic) разъ собираются, ужинаютъ и послѣ говорятъ, кто съ кѣмъ хочетъ. Бенеке тамъ *Презесомъ*, и онъ предложилъ мнѣ. Тамъ иногда бываетъ Дидрихъ, здѣшній извѣстный вамъ книгопродавецъ. Спрашивалъ у меня о васъ. — Гдѣ теперь Андрей Сергѣевичь? Шутъ Гезеліусъ безпрестанно у меня о немъ спрашиваетъ и намѣревается ѣхать съ нимъ въ Россію. Удивительно, сколько встрѣчалось мнѣ людей и дорогою и здѣсь, которые хотятъ ѣхать въ Россію; но я имъ часто отсовѣтываваю. Этотъ народъ не можетъ быть тамъ полезенъ. Здѣсь какимъ нибудь сапожникомъ, а у насъ будетъ гувернеромъ, и такіе-то гувернеры, къ нещастію, воспитываютъ нашихъ дворянскихъ дѣтей! Большая надежда отечеству! — Простите!

Помните брата, истинно васъ любящаго и почитающаго.

Николай Тургеневъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew*. Russisch-Kayserl. Hofrath. *In St. Petersbourg*. Его Высокоблагородію Милостивому Г[осу]дарю Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича *Новосильцова*. Въ С.-Петербургѣ.

Штемпель Goettingen.

21.

№ 18. *Геттингенъ $\frac{18}{30}$ Января 1809.*

Милостивой Государь Братецъ!

Причиною письма сего есть маленькое неудовольствіе, случившееся со мною. Я писалъ къ вамъ, что я послалъ вексель къ Консулу. Третьяго дня

получилъ отъ Золотарева изъ Лейпцига письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что консулъ совсѣмъ не получалъ втораго моего векселя. — Я справился здѣсь на почтѣ; письмо было точно послано, въ которомъ былъ вексель, и сегодня же послали изъ почтамта здѣшняго въ Лейпцигъ отношеніе въ разсужденіи письма этого, гдѣ спрашивается, получено ли письмо это въ Лейпцигѣ или нѣтъ, и не пропало ли гдѣ на дорогѣ.—Пожалуйте, пришлите мнѣ поскорѣе *секунду* и спросите у того банкира, отъ котораго былъ вексель: могу ли я получить по секундѣ, и, напримѣръ, естьли кто нашелъ мой потерянный вексель, то можетъ ли тотъ получить по немъ дѐньги? На векселѣ я ничего не подписывалъ, а просто послалъ его къ Шварцу. — Здѣсь всѣ говорятъ, что это пропасть никакъ не можетъ, и я самъ въ этомъ очень увѣренъ, но то жаль, что долго надобно дожидаться отвѣта.

Простите! — Пожалуйте разпросите объ этомъ у банкира въ П.бургѣ.

Николай Тургеневъ.

P. S. Между тѣмъ для предосторожности я напечатаю объ этомъ въ газетахъ. — Не пеняйте на меня въ этомъ — я не виноватъ, да впрочемъ это совсѣмъ не опасно.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew.* Russisch-Kayserlichen Hofrath. *In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ Петербургѣ.*

22.

Геттингенъ. $\frac{\text{26 Января.}}{\text{7 Февраля.}}$ *1809.*

Милостивый Государь Братецъ!

Завтра отправляется отсюда докторъ Науманъ въ Петербургъ на щетъ нашего Правительства. Очень сожалѣю, что не могу послать къ вамъ никакой книжки, къ тому же я не знаю, какая болѣе всего для васъ нужнѣе; а многаго докторъ съ собою взять не можетъ. Пользуясь его отъѣздомъ, я рѣшился послать къ вамъ переводъ мой Сарторіусовой извѣстной вамъ книжки; онъ еще не совсѣмъ конченъ; но остальное можно переслать послѣ. Я старался въ переводѣ семъ удержать всегда смыслъ; но часто техническія слова дѣлали мнѣ затрудненіе. Прочтите его и потомъ скажите мнѣ, стоитъ ли онъ того, чтобы быть напечатану или нѣтъ. Я совершенно равнодушенъ и къ тому и другому, потому что переводя я не много терялъ времяни, ибо этимъ занимался я всегда ввечеру, послѣ ужина, когда голова

не способна къ другимъ важнѣйшимъ сего занятіямъ, и отъ того будете вы находить въ немъ ошибки. Однимъ словомъ, дѣлайте съ моимъ переводомъ что хотите. Но при всемъ томъ нужна будетъ ваша поправка. Употребите часть своего времяни, для васъ конечно оченъ дорогаго, на оную.

Докторъ Науманнъ, живущій въ Геттингенѣ мѣсяца съ три, случайнымъ образомъ познакомился со мною и бывалъ иногда у меня. Человѣкъ, кажется, хорошій. Впрочемъ коротко знакомъ я съ нимъ не былъ.

Здѣсь все говорятъ о новой войнѣ; но все это невѣроятно. Однакожь на сей недѣлѣ будутъ проходить черезъ Геттингенъ около 15.000 Французовъ; неизвѣстно, куда они идутъ. Говорятъ, что вообще идетъ 40.000 Фр[анцузскихъ] войскъ въ Пруссію.

Вчера читалъ я въ газетахъ новое образованіе Государственнаго Совѣта у васъ. Удивился сходству съ Французскимъ! Посредствомъ кого получилъ Совѣтъ это новое образованіе? Кто будетъ Министромъ Финансовъ? Зачѣмъ такое сходство, такіе члены? ect. Это все вопросы, которые я хотѣлъ бы вамъ сдѣлать. Но отвѣты на оные будутъ вѣроятно трудны.

Дабы совершенно не (sic) воспользоваться сею оказіею и дабы доставить вамъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, посылаю вамъ новое сочиненіе Герена, стоющее предмета своего.

Могъ бы болѣе писать къ вамъ, но докторъ ѣдетъ завтра, и къ тому же письмо сіе придетъ къ вамъ очень поздно. — Простите!

Любящій и почитающій васъ братъ
Николай Тургеневъ.

P. S. Перешлите, сдѣлайте одолженіе, приложенное письмо по адресу, въ Москву къ Вейденгамеру. Сережа знаетъ его.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn Herrn von *Turgenew.* Russisch-Kayserlichen Hofrath. In *St. Petersburg,* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу.* Zu finden: *In der Gesetzcomission,* auf der Strasse *Liteinaja;* oder in der *Italianskaja Slobodka,* in d. Hause von dem Herrn Staatsrath *von Putiatin.* Въ Коммиссіи составленія законовъ, *на Литейной;* или въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ Его Высокоблагородія Петра Ивановича *Путятина.* — *Въ С.-Петербургѣ.*—Aus Göttingen.

23.

№ 19. *Геттингенъ. 28 Января / 9 Февраля 1809.*

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ теперь, Милостивый Государь Братецъ, присылки секунды векселя. Сдѣлайте милость поспѣшите; мнѣ это

теперь очень нужно. О своемъ потерянномъ векселѣ ничего не могу вамъ теперь сказать; послано съ здѣшней почты справиться, получено ли письмо въ Лейпцигѣ, но отвѣта еще не получено. Естьли бы у меня была теперь секунда, то я бы ее могъ послать.

Пожалуйте пришлите поскорѣе.

Здѣсь теперь изъ лѣта сдѣлалась опять зима. Довольно холодно.

Я отъ васъ не получалъ писемъ довольно уже давно. Въ Петербургѣ ли Матушка еще, и какъ идетъ дѣло? Пожалуйте увѣдом[ь]те. Болѣе писать право нѣкогда. На слѣдующей почтѣ, естьли узнаю что нибудь о векселѣ, то увѣдомлю.

Понжерардъ вамъ свидѣтельствуетъ свое почтенiе.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Hr. von *Turgenew.* In *St. Petersburg.* Его Высокоблагородiю Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцелярiи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. Въ С.-Петербургѣ.

24.

№ 20-ый. *Геттингенъ. $\frac{4}{16}$ Февраля* [*1809*].

Я думаю, Милостивый Государь Братецъ, что вы получили уже письмо мое, въ которомъ я просилъ васъ прислать мнѣ по скорѣе секунду векселя. Пожалуйте поспѣшите; отъ этого теперь и дѣло зависитъ. Естьли бы она у меня давно была, то я давно бы и получилъ мои ден[ь]ги, въ которыхъ теперь имѣю нужду, да и не малую, между тѣмъ какъ здѣсь занять никакъ не возможно. Съ почты еще никакого извѣстiя не имѣю, но меня увѣряютъ, да и вѣроятно, что по секундѣ я могу получить мои ден[ь]ги. Я не помню также имяни банкира, на котораго былъ адресованъ вексель. Пожалуйте пришлите поскорѣе секунду.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Носятся слухи, о справедливости которыхъ судить невозможно, не зная другихъ обстоятельствъ.

Лекцiи идутъ своимъ порядкомъ. Геренъ сегодня кончилъ Англiйскую Исторiю. Въ это время я читалъ Генрихову Исторiю Англiи и Голдшмитову; первая ничего не значитъ въ сравненiи съ послѣднею. Не понимаю, для чего Нѣмцы берутъ писать Исторiю Англiи. Лучше Англiйскихъ историковъ написать имъ не возможно. Лучше бы просто переводили.

У Шлецера былъ на этихъ дняхъ. Онъ вамъ кланяется. Болѣе ничего не вышло еще изъ его 5 части, а выдетъ на будущей Ярмонкѣ въ Лейпцигѣ.

Естьли угодно, то я вамъ пришлю это,—лѣтомъ поѣдутъ отсюда нѣкоторые въ Москву.

Я къ Матушкѣ сегодня не успѣю писать. Что—въ Петербургѣ ли она? Я давно уже не получалъ отъ васъ писемъ.— Что наше дѣло? Кончится ли оно въ Сенатѣ? — Естьли можно также, то увѣдом[ь]те и о политическихъ обстоятельствъ.

Простите и помните

брата вашего

Н. Тургенева.

Ожидаю отъ васъ секунды векселя.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohrnen Dem Herrn von *Turgeneiv*. Russisch-Kayserlichen Hofrath. *In St. Petersburg*. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. Въ *С.-Петербургѣ*.

25.

№ 21. *Геттингенъ.* $\frac{11}{23}$ *Февраля 1809.*

Милостивой Государь Братецъ!

Я уже очень давно не получалъ отъ васъ писемъ и не знаю, получили [ли] вы мое письмо отъ $\frac{18}{30}$ Января, въ которомъ я писалъ къ вамъ о моемъ векселѣ и просилъ васъ о присылкѣ секунды векселя. Естьли бы сія секунда была у меня, то я давно уже получилъ бы мои ден[ь]ги, пославъ ее вскорѣ послѣ примы; а теперь, можетъ быть, денегъ я и не получу, естьли кто нибудь нашелъ мой вексель и получилъ по немъ ден[ь]ги отъ банкира. Надобно вамъ сказать, что я имѣю большую нужду въ ден[ь]гахъ съ самыхъ тѣхъ поръ, когда вы мнѣ прислали второй вексель, а вы, можетъ быть, знаете, каково здѣсь жить безъ денегъ. Черезъ двѣ недѣли, естьли вы получили то письмо мое, я ожидаю отъ васъ секунды и тотчасъ пошлю ее—и можетъ быть получу по ней. Но во всякомъ случаѣ прошу васъ, естьли можно, постараться прислать мнѣ новый вексель впередъ за будущіе полгода, потому что ден[ь]ги мнѣ очень нужны. — Черезъ четыре недѣли кончатся здѣсь лекціи, и, не имѣя денегъ, я долженъ буду провести все это время въ Геттингенѣ. Феріи продолжатся долго, а въ это время здѣсь жить очень скучно. На будущей недѣлѣ ѣдетъ отсюда Данилевскій въ Италію, а по окончаніи лекцій ѣдутъ отсюда посланные отъ Университета въ Россію. Увѣдом[ь]те, пожалуйте, поскорѣе, какихъ книгъ надобно прислать вамъ, чтобы

я съ ними могъ ихъ послать. — Очень жаль, что всѣ эти оставляютъ Геттингенъ, тѣмъ болѣе, что между Петербургскими студентами очень мало такихъ, съ которыми можно бы было проводить время не скучно.

На слѣдующій семестръ я долженъ буду взять опять лекціи въ Латинскомъ, Англійскомъ и Италіанскомъ языкѣ; первыя двѣ необходимы, а послѣдняя также хороша. Росси учитъ довольно изрядно, или также, какъ и другіе. Теперь читаю съ нимъ Метастазія.

Простите!—Пожалуйте не забудьте прозьбы моей. Я къ Матушкѣ объ этомъ ничего не писалъ; это кажется не нужно.—Что — въ Петербургѣ ли Матушка?—и что наше дѣло?—Пожалуйте напишите что нибудь. Вы знаете, каково, живучи здѣсь въ скукѣ, получать письма изъ Россіи.

Вашъ вѣрный братъ
Ник. Тургеневъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew.* Russish-Kayserlichen Hofrath. *In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С.-Петербургѣ.*
Штемпель: Goettingen.

26.

№ 22. *Геттингенъ. $\frac{25}{9}$ Февраля 1808*[1]).

На прошедшей почтѣ, Милостивой Государь Братецъ, надѣялся я получить отъ васъ секунду векселя, но къ величайшему сожалѣнію моему не получилъ даже и письма. Не знаю, чему приписать молчаніе ваше. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло послѣ полученія послѣдняго письма вашего. — Не зная вашихъ обстоятельствъ, не могу и судить объ этомъ, но думаю, что этому должны быть какія нибудь причины. Но какъ бы то ни было, я прошу васъ, естьли возможно, прислать мнѣ сколько нибудь денегъ, потому что я имѣю въ нихъ самую крайнюю нужду. Здѣсь теперь безпрестанно жалуются за долги на студентовъ и очень мало вѣрятъ, и я думаю, что и со мною скоро тоже дѣлать будутъ. — Вы можете знать, какъ неохотно пишу я къ вамъ объ этомъ. Но нужда все преодолѣваетъ; и естьли вамъ это будетъ непріятно, то вы должны извинить меня. Что же касается до моего потеряннаго векселя, то ничего не могу вамъ сказать объ этомъ, потому что не-

1) 1809?

извѣстно, точно ли онъ потерянъ, или нѣтъ. Все бы это рѣшилось, естьли бы я получилъ отъ васъ секунду векселя.

Черезъ двѣ недѣли кончатся здѣсь лекціи, и на тотъ семестръ я рѣшился слушать у Геерена: Этнографію, Исторію 3-хъ послѣднихъ столѣтій и, можетъ быть, въ другой разъ Древнюю Исторію, и у Сарторіуса Всеобщую Политику. Всѣ эти лекціи прекрасны. — Я думаю, что этого довольно будетъ, оставивъ притомъ Англійской, Латинской и Италіанскій языки. Къ тому, естьли Шлецеръ сдержитъ свое слово, прибавится еще одна лекція.

Недѣли за двѣ передъ симъ былъ здѣсь дуэль между двумя пріятелями, кот[орые] поссорились. Одинъ ранилъ другаго очень опасно, такъ что доктора отчаявались въ его жизни; однакожь ему лучше, и онъ уже ходитъ по улицамъ.—Тогда же было прислано изъ Касселя повелѣніе, чтобы религировать троихъ студентовъ; о винѣ ихъ не сказано ничего, но извѣстно, что они ничего не дѣлали здѣсь, кромѣ какъ занимались дуэлями.

Простите! Сдѣлайте милость напишите что нибудь, объ этомъ проситъ братъ вашъ Н. Т.

Напишите, сдѣлайте [милость], о ден[ь]гахъ сами къ Матушкѣ или поговорите, естьли Матушка еще въ П.бургѣ. Мнѣ самому не хочется писать объ этомъ: къ тому же она писала ко мнѣ, что думаетъ, что я нуждаюсь и въ ден[ь]гахъ и въ пищи здѣсь.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С.-Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

27.

№ 23. *Геттингенъ. $\frac{5}{17}$ Марта 1809.*

Вчера, къ великому моему удовольствію, получилъ я письмо ваше вмѣстѣ съ *секундою*. Я тотчасъ отнесъ ее къ Борнеманну, кот[орый] вчера же послалъ въ Гамбургъ. Отвѣтъ придетъ черезъ 9 дней, и тогда узнаю я, получу ли я за нее ден[ь]ги или нѣтъ. Я всегда въ этомъ случаѣ былъ осторожнымъ, но не могу сказать *пред*осторожнымъ.

Какимъ образомъ Сергѣй чуть чуть не уѣхалъ въ Финляндію? — Слава Богу, что дѣло скоро будетъ рѣшено. Но, кончившись въ Совѣтѣ, кончится ли оно совершенно? — Алина мнѣ очень жаль по многимъ причи-

намъ. — Наконецъ Андрей Сергѣевичь возвратился въ Россію, а здѣсь многіе его ожидали и спрашивали о немъ. Намѣренъ ли онъ вступить въ службу?

Вчерашній день Гереиъ кончилъ обѣ свои лекціи, и у меня остались теперь только уроки въ языкахъ. Феріи эти продолжатся долѣе мѣсяца, и естьли я получу ден[ь]ги по секундѣ, то можетъ быть съѣжжу посмотрѣть Кассель, естьли позволятъ ден[ь]ги.—На прошедшей недѣлѣ уѣхалъ отсюда Данилевскій. Сперва онъ хотѣлъ ѣхать въ Италію, но тамъ рубль нашъ стоитъ не болѣе 5-ти здѣшнихъ грошей, и потому онъ поѣхалъ въ Парижъ.— здѣсь теперь безпрестанно проходитъ Французская конница и идетъ въ Саксонію. Что слышно у васъ о войнѣ? — Можетъ быть Геттингенскій Университетъ теперь опять поднимется. Гельмштедскій Университетъ и еще другой, говорятъ, точно уничтожены, и студенты пріѣдутъ сюда. Министръ Миллеръ, кажется, въ хорошемъ отношеніи съ Гейне.

Вотъ извѣстнѣйшія книги по Исторіи, вышедшія въ послѣдніе годы: Remers Handbuch der altern, mittlern und neuen Geschichte. Эта, я думаю, у васъ есть. Книга очень хорошая, особливо для древней Исторіи; я ее имѣю. Eichhorn — Geschichte der drey letzten Iahrhunderten. Эта также очень хороша. Heeren — Kleine historische Schriften. Эта у васъ есть, кромѣ третьей части. Müller—Geschichte der Schweizarischen Eidgenossenschaft.— Heinrichs Geschichte von England und Frankreich. У васъ есть двѣ первыя части. Еще должна вытти одна часть. Becks Welt und Völker-Geschichte. Послѣднія двѣ части недавно вышли. Sartorius Geschichte des Hanseatischen Bundes. Онъ же издалъ Spittler—Entwurf der Geschichte der Europäischen Staaten. Естьли бы я зналъ, какія изъ нихъ вамъ надобны, то я бы ихъ прислалъ съ Тимковскимъ, кот[орый] чрезъ три или четыре недѣли ѣдетъ изъ Лейпцига въ Россію. Но на всякой случай я пошлю къ вамъ нѣкоторыя вмѣстѣ съ листами Шлецеровой Исторіи, естьли ихъ можно будетъ получить до Ярморки.

Простите и помните любящаго васъ брата

Н. Т.

Поздравляю васъ съ Праздникомъ. — Вундерлихъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С.-Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

28.

№ 24. *Геттингенъ. $\frac{18}{30}$ Марта 1809.*

Спѣшу васъ увѣдомить, Милостивый Государь Братецъ, что по присланной вами секундѣ я получилъ третьяго дня около 215 Rtl. Еще разъ благодарю васъ за скорую присылку оной. Эти талеры, хотя теперь у меня ихъ почти и нѣтъ, причинили мнѣ много удовольствія, тѣмъ болѣе что теперь я насытилъ ими большую часть моихъ кредиторовъ, изъ которыхъ главные были мои учители. Но при всемъ томъ имѣю долгу еще талеровъ сто. Этотъ долгъ принадлежитъ Филистрамъ, и они должны ждать.—Еще скажу вамъ, что сегодня переѣхалъ я на другую квартиру, которая гораздо чище прежней, и гдѣ хозяйка богатая женщина, и слѣдовательно здѣсь можно имѣть mehr Ruf. Помните ли вы эти Burschen-Ausdrücke? Die sind ganz fideles. У студентовъ есть особенныя выраженія, которыя понятны только въ Геттингенѣ. Что же касается до прочихъ моихъ обстоятельствъ, скажу вамъ, что на прошедшей недѣлѣ кончились мои уроки публичные и приватные. На будущей недѣлѣ хочу опять начать съ Вундерлихомъ и Росси. Англійскимъ же языкомъ не буду заниматься во время сихъ Ферій съ Бенеке. Въ Россіи я не видалъ той пользы, которую приноситъ Латинскій языкъ, но здѣсь почти каждый студентъ treibt lateinisch и часто griechisch.— Времяпровожденіе мое почти одинаково съ прежнимъ, только знакомство съ земляками ограничилось, и будущая жизнь моя здѣсь будетъ даже единообразнѣе той, которую я велъ по сихъ поръ. И этимъ я доволенъ.

Теперь здѣсь все еще продолжается Конскрибція, и конскрибентовъ содержатъ теперь подъ карауломъ, потому что многіе бѣгаютъ. — Судя по газетамъ и различнымъ слухамъ, война Франціи съ Австріею кажется неизбѣжною. Что слышно объ этомъ въ П.бургѣ? Здѣсь много слуховъ, но которые всѣ подобны тѣмъ, кот[орые] намъ разсказывалъ Транзе, служившій въ Коммиссіи. Вѣрить ничему не возможно, а знать очень любопытно. Но черезъ два или три мѣсяца все и всѣмъ будетъ извѣстно. — Теперь безпрестанно проходитъ здѣсь Французская конница и артиллерія. Идетъ, вѣроятно, въ Саксонію. — На сей почтѣ я не успѣю писать къ Матушкѣ. Въ прошедшемъ письмѣ поздравлялъ Матушку съ Праздникомъ, а въ этомъ позвольте поздравить и васъ. Желанія напрасны.

Простите! — помните почитающаго и любящаго васъ брата Ник. Т.

P. S. Естьли будетъ возможно, постарайтесь къ сроку прислать мнѣ будущій вексель. Вы сами видите, каковъ теперь курсъ и можете судить о всемъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Г[ос]у[да]рю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С.-Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen [1]).

29.

Геттингенъ. 8 Апр. по нов. ст. 1809.

Сегодня, Милостивый Государь Братецъ, отправляется въ Россію Ѳома Яковлевичь Рандъ вмѣстѣ съ Романомъ Ѳедоровичемъ Тимковскимъ. Они взялись доставить вамъ посылку, состоящую въ книгахъ, которые показались мнѣ достойными такого большаго путешествія. Мнѣ очень хотѣлось послать вамъ послѣднюю часть Шлецерова Нестора, которая почти вся отпечатана, но Шлецеръ печаталъ ее на свой щетъ, и потому напечатанныхъ листовъ ни у кого достать нельзя, кромѣ его самого. Я просилъ его объ этомъ, но онъ, изъявивъ свое сожалѣніе, сказалъ, что не можетъ послать ихъ, потому что еще предисловіе къ книгѣ не готово; однакожъ обѣщалъ мнѣ, какъ скоро оное выдетъ и естьли встрѣтится случай, послать къ вамъ всю часть. Шлецеръ принужденъ былъ печатать эту часть на свой щетъ, потому что никто изъ книгопродавцевъ не соглашался купить ее, по причинѣ малаго разхода.

Отъ Ѳомы Яковлевича Ранда вы можете узнать все обо мнѣ и о моихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ здѣсь моимъ короткимъ пріятелемъ. Полюбите его. Этимъ вы много меня обяжете. — Какъ завидна участь тѣхъ, которые послѣ долговремяннаго отсутствія возвращаются домой. Это удовольствіе врядъ ли можетъ сравниваться съ какимъ нибудь на свѣтѣ. Я заранѣе чувствую его. Дай Богъ, чтобы оно не было смѣшано съ какими нибудь горестями!

Что касается до здѣшнихъ политическихъ слуховъ, то ихъ не много. Всѣ говорятъ о войнѣ Франціи съ Австріею, и думаютъ, что Русской Императоръ будетъ со стороны первой. Здѣсь этого не желаютъ.— Между тѣмъ здѣсь Конскрибція не перестаетъ отягощать бѣдныхъ жителей. Французскіе полки безпрестанно проходятъ въ Саксонію. Чего все это стоитъ нещастнымъ жителямъ и каково должно быть состояніе этой земли, покоренной Французамъ!—Король Вестфальскій, какъ сказываютъ, не разположенъ къ своимъ подданнымъ, и пребываніе его въ Касселѣ, говорятъ, для него

1) Надъ этими словами приписано карандашомъ (другою рукою): «Въ тальянской вд. Путятина, вд. Ганина».

очень тягостно; для того онъ четыре мѣсяца въ году будетъ жить въ Брауншвейгѣ.

Мало, кажется, изъ Нѣмцовъ такихъ, которые бы совершенно чувствовали все это. Для нихъ важны только подати и конскрибція.

Простите!

Искренно васъ любящій и почитающій братъ

Ник. Т.

Я думаю, что у васъ есть первое изданіе Эйхгорновой Исторіи 3 посл[ѣднихъ] столѣтій. Пошлите, пожалуйте, эту къ брату Сергѣю въ Москву, естьли его нѣтъ въ П.бургѣ. Эта книга очень ему пригодится.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу*. *Въ С.-Петербургѣ*. Спросить въ Коммиссіи Составленія Законовъ на Литейной, или въ Италіанской Слободкѣ въ домѣ Путятина.

30.

№ 24. *Геттингенъ. $\frac{1}{13}$ Апрѣля 1809.*

Спѣшу увѣдомить васъ, Милостивой Государь Братецъ, о полученіи послѣдняго письма вашего съ приложеніемъ векселя (секунды) на 400 р. Я увѣдомлялъ уже васъ о полученіи денегъ по послѣднему векселю на 500 р. Ден[ь]ги сіи употребилъ я на уплату долговъ моихъ и, размѣнявши послѣдній вексель, я не буду имѣть совершенно никакой нужды въ ден[ь]гахъ. Покорнѣйше васъ благодарю за присылку сію. — Векселя сего я не пошлю для размѣны къ Консулу въ Лейпцигъ для избѣжанія различныхъ непріятностей и для того, чтобы его не безпокоить болѣе. Впрочемъ я и здѣсь получу за него тоже. Чрезвычайно обрадовало меня извѣстіе, что наше дѣло кончилось и въ нашу пользу. Что теперь еще осталось дѣлать и какъ поступятъ съ Ив. Влад[имировичемъ]: будутъ ли продавать его имѣніе, или онъ самъ продастъ его? — Я думаю, что князь Репнинъ не пріѣдетъ теперь въ Кассель, потому что Король уѣхалъ недавно въ Брауншвейгъ, гдѣ онъ ежегодно будетъ проводить 4 мѣсяца. Король проѣжжалъ здѣсь; множество мальчишекъ, Bürger Garde, состоявшая изъ шести различныхъ Gesellen, Префектъ и проч. кричали ему Lebe hoch! изъявляя притомъ знаки живѣйшей радости и приверженности. Это точная правда; многіе толпились около его кареты, кричали, махали шляпами и тому подобное. Изъ этого можно заключить о характерѣ Нѣмцовъ. — Хорошо было, естьлибы мнѣ можно было числиться при По-

сольствѣ у Кн. Репнина. Тогда можно бы долѣе остаться въ Геттингенѣ. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомте сколько вы выдали денегъ Куницыну. — Съ Коммисіею дѣлаются все перемѣны, но эти Сенаторы, которые сдѣланы членами Совѣта, могутъ быть очень полезны для Коммиссіи. Но жаль, что они не могутъ заниматься одною только Коммиссіею. Что дѣлаетъ теперь Ник. Ник.?—пожалуйте объ этомъ увѣдом[ь]те.—На прошедшей недѣлѣ поѣхали отсюда Тимковскій и Рандъ. Я послалъ съ ними къ вамъ нѣсколько книгъ и вмѣстѣ одну (Истор. 3 посл. столѣтій Эйхгорна) для брата Сергѣя. Я думаю, что книги вамъ понравятся. — Недѣли черезъ двѣ или прежде начнутся здѣсь лекціи. Мнѣ никуда не удалось съѣздить. Теперь хотѣлъ побывать въ Касселѣ, но Короля тамъ нѣтъ.—Теперь я опять началъ учиться по Латынѣ и еще начну по Италіански. Хотя и дешево плачу за это, но вообще выходитъ много. Недавно получилъ я письмо отъ Данилевскаго изъ Парижа. Ему тамъ совсѣмъ не понравилось, и онъ хочетъ возвратиться опять въ Геттингенъ. Думаете ли вы, что мнѣ удастся побывать тамъ?

Я думаю, что братъ Сергѣй можетъ и въ Москвѣ найти хорошихъ учителей для Англійскаго и Латинскаго языковъ. Для перваго можетъ взять Бересфорда, у котораго я учился, будучи въ П.бургѣ, а для Латинскаго трудно сыскать лучше Ганнеманна. Этотъ человѣкъ очень свѣдущій. Каковъ онъ вамъ понравился?

Простите и помните брата, истинно васъ любящаго и почитающаго.

Н. Тургеневъ.

P. S. Я просилъ Ранда, который поѣхалъ вмѣстѣ съ Тимковскимъ, побывать у васъ. Пожалуйте примите его ласково. Онъ человѣкъ очень добрый и былъ мнѣ короткимъ пріятелемъ.

Дмитрія Гавриловича поздравляю съ выпускомъ изъ Института и съ чиномъ, и покорно прошу увѣдомить, куда вышелъ А. Ѳ. Владиславлевъ. Я увѣдомлялъ о вашемъ выпускѣ Павла Петровича, который теперь въ Лейпцигѣ. А. П. Куницынъ вамъ кланяется. —

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *v. Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С. Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

31.

№ 25. *Геттингенъ. $\frac{15}{27}$ Апрѣля 1809.*

Послѣднее письмо ваше, Милостивый Государь Братецъ, отъ 19 Марта, къ величайшему удовольствію получилъ на прошедшей недѣлѣ со вложеніемъ примы векселя. Я и по второй могъ получить, но это нужно для порядка.— Мнѣ очень жаль, что не удалось никуда съѣздить во время этихъ ферій; но въ нѣкоторомъ отношеніи это и хорошо, потому что, получивши ден[ь]ги за послѣдній вексель, на мнѣ почти совсѣмъ не будетъ долгу. Въ продолженіи будущаго полгода надѣюсь имѣть менѣе издержекъ; но за то надобно будетъ покупать болѣе книгъ, на которыя по сію пору я очень мало изтратилъ денегъ. Въ книжныхъ лавкахъ покупать ихъ дорого, а аукціонъ въ продолженіе всей зимы былъ очень въ невыгодное время, по вечеру, и въ это время совѣстно было ходить со двора. Къ тому же тогда я и книгъ зналъ не такъ много. — Жаль, что Гаврила очень испортился. Но кого винить въ этомъ? Кто не изпортится въ Петербургѣ?—И какихъ пороковъ не влечетъ за собою праздность? — Какъ пріятно въ такомъ случаѣ смотрѣть на здѣшнія обыкновенія. Здѣсь, напримѣръ, въ домѣ живутъ нѣсколько студентовъ, и одна служанка служитъ имъ всѣмъ, и не смотря на то, я имѣю гораздо лучшую услугу здѣсь, нежели вы въ Петербургѣ. Главная причина тому... Я теперь увѣренъ въ честномъ поведеніи Василья повара, но кто ручается, останется ли онъ таковымъ, поживши годъ въ П.бургѣ? — О Швеціи знаемъ мы здѣсь то, что было въ газетахъ... Но теперь глаза всего свѣта обращены на Россію, въ разсужденіи новой и вмѣстѣ ужасной, рѣшительной войны. — Естьли сравнить состояніе теперешней Европы съ состояніемъ лѣтъ за 50—какая великая разница! Но какъ, можетъ быть, разница сія еще увеличится въ продолженіе будущихъ 4 или 5 лѣтъ! — Загорѣвшаяся теперь война имѣетъ уже слѣдствія: въ Касселѣ сдѣлался бунтъ; и объ этомъ ничего болѣе сказать вамъ не смѣю, какъ то, что на сихъ дняхъ прибита на здѣшнихъ улицахъ прокламація отъ Короля, въ которой говорится, что 200,000 Французовъ и 100,000 войскъ рейнскаго союза могутъ въ случаѣ нужды вдругъ утишить всѣ здѣшнія безпокойства. — Сегодня же прибитъ былъ подлѣ той прокламаціи бюллетинъ, въ которомъ говорится, что Французы одержали страшнѣйшую побѣду надъ Австрійцами, что армія сихъ послѣднихъ *pulverisée*, что одинъ Ерцъ-Герцогъ убитъ, два ранены и проч. (баталія была при Рорѣ). Это, я думаю, будетъ въ газетахъ. —

Я совсѣмъ не предполагалъ, чтобы вы имѣли уже Исторію Сарторіуса [о] Ганзеатическихъ городахъ, и для того послалъ ее къ вамъ, но естьли она

вамъ не нужна, то пошлите ее къ Сергѣю или къ Ганнеману. — Какъ больно будетъ для меня, естьли дѣло опять начнется! Что хочетъ еще дѣлать Ив. Владим[имировичъ]? — Рано или поздно надобно будетъ лишиться деревень своихъ и я увѣренъ, что потерю эту онъ снесетъ великодушно. — Не знаю, поздравлять ли васъ съ новымъ вашимъ званіемъ. Они такъ часто перемѣняются, что и поздравленія тщетны. — Скоро ли буду поздравлять васъ съ Владимірскимъ крестомъ? Но теперь кажется, что не скоро. Имѣть столь много начальниковъ не годится. Всѣхъ бы ихъ не промѣнялъ на Ник. Николаевича. Какой добрый человѣкъ...[1]) заботится о своихъ студентахъ и недавно еще велѣлъ послать имъ жалованье прежде срока, что имъ было очень нужно. — Можно ли мнѣ надѣяться, что Сергѣй пріѣдетъ сюда? Мнѣ самому хотѣлось бы пожить здѣсь подолѣе. Хорошо, когда бы можно было числиться при Кассельскомъ посольствѣ. Но можно ли это сдѣлать? — Шлецеръ здоровъ все также какъ и прежде. Несторъ совсѣмъ напечатанъ, кромѣ предисловія, и потому онъ не согласился послать къ вамъ его, но, какъ скоро совсѣмъ будетъ готовъ, то онъ пошлетъ. А теперь можно будетъ посылать съ курьерами изъ Касселя. — Теперь о моихъ занятіяхъ: въ будущій понедѣльникъ они начнутся съ новою силою. У Геерена буду слушать Этнографію (NB въ 6 часовъ утра) и Исторію 3 послѣднихъ столѣтій. У Сарторіуса: Всеобщую Политику. (Эта лекція превосходна. Я былъ у него, и онъ мнѣ очень понравился. Разпрашивалъ о васъ и о своемъ пріятелѣ Гр. Н. П. Румянцевѣ) И... Но еще не рѣшился. Двѣ лекціи кажутся для меня необходимыми: технологія у Бекманна и логика, начало Психологіи и введеніе въ Философію у Буттервека. — Обѣихъ взять нельзя, потому что изъ четырьмя очень мудрено управиться. Думаю, что выборъ мой остановится на Бекманнѣ. — Вотъ будущія мои занятія. — Согласны ли они съ вашимъ мнѣніемъ? Объ этомъ меня увѣдом[ь]те. Покуда простите и помните брата, истинно васъ любящаго и почитающаго. —

Никол. Т.

На оборотъ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn won *Turgenew. In St. Petersburg.* Его высокоблагородію Милостивому Г[ос]у[да]рю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С. Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen [2]).

1) Вырвано слово. 2) Къ этому письму приложены два миніатюрныхъ листка, писанныхъ тоже рукою Тургенева, со слѣдующимъ содержаніемъ: 1. «Эпиграмма Д. Н. Блудова хороша; но напрасно такъ много нападать на Шишкова. Онъ человѣкъ умный. Разсужденіе его о старомъ и новомъ слогѣ, право, очень хорошо. — А Шаховской, критикуя Карамзина,

32.

№ 26. [№ 1]. *Геттингенъ.* $\frac{29\ Апр.}{11\ Мая}$ *1809.*

Птицы, чувствуя приближеніе зимы, отлетаютъ прочь; муравьи осенью заготовляютъ себѣ пищу на зиму; люди наполняютъ магазины хлѣбомъ, чтобы во время голода питаться имъ — однимъ словомъ все, чувствуя приближеніе какихъ нибудь невыгодныхъ времянъ, запасается. — Не будетъ ли какой нибудь политической зимы и для насъ здѣсь въ Геттингенѣ? — Вы это можете лучше знать, нежели мы здѣсь; мы, которые ничего о Россіи здѣсь не слышимъ, и которымъ вы ничего объ этомъ не пишете.

Вотъ уже другая недѣля, какъ начались лекціи. Я слушаю у Геерена: Этнографію и Исторію III послѣднихъ столѣтій; у Сарторіуса: Всеобщую Политику и у Бекмана: Технологію. Сверхъ того продолжаю брать уроки въ Латинскомъ, Англійскомъ и Италіанскомъ языкахъ. Вы сами можете судить объ этихъ лекціяхъ, потому что вы ихъ слушали. На прошедшей недѣлѣ вышла Геренова Handbuch для Исторіи III посл. стол. Это очень много способствуетъ къ слушанію. — Эта лекція и Сарторіусова мнѣ чрезвычайно нравятся. Едва ли можно теперь найти подобнаго Профессора Герену во всей Германіи. Цѣну его можно было узнать, слушая у него вступленіе сихъ лекцій! Надобно сказать, что я отроду не слыхалъ ничего подобнаго сему съ каѳедры. — Сарторіусъ также очень хорошо читаетъ и всегда, какъ вы знаете, изъясняетъ примѣрами изъ Исторіи свои опредѣленія. Ахъ, когда бы, вмѣсто Штелцера, Гофмана и подобныхъ имъ, выписали къ намъ Герена, Сарторіуса *и подобныхъ имъ!* тогда бы можно было Муравьеву похвастаться своимъ выборомъ. — Но врядъ ли бы и всѣ Герены принесли у насъ болѣе пользы Гофмана и Штелцера: и къ нимъ также бы ходили слушатели. — Это-то у насъ и дурно. Наши дворяне еще не знаютъ (и не хотятъ знать) пользы, которую правительство хочетъ доставить имъ. Изъ всей Москвы выбралось только человѣка три или четыре, которые посылаютъ дѣтей своихъ въ Университетъ. Нѣкоторые берутъ профессоровъ на домъ, думая, что только за чрезвычайно дорогую цѣну можно покупать просвѣщеніе. —

самъ себя критикуетъ. Не знаю, какъ позволяютъ печатать его сочиненія. Въ комедіи его: «Чувствительный Путешественникъ» много даже подлаго, но наша почтенная публика почитаетъ это остротою, и Шаховской прослылъ остроумнымъ человѣкомъ». 2. «Dr. Torneden кланяется Андрею Сергѣевичу и каждый день объ немъ думаетъ и дожидается письма его. Dr. Apel, маляръ Швендерлей, буфонъ Гезеніусъ—всѣ вмѣстѣ кланяются Андрей Сергѣевичу».

Я уже очень давно не получалъ отъ васъ писемъ; не знаю почему вы не пишете. Не ужьли занятія ваши столь велики, что не позволяютъ вамъ писать ко мнѣ? Естьлибы вы знали, какое удовольствіе чувствую я при полученіи писемъ вашихъ, то право чаще бы ко мнѣ писали. Изъ Москвы также не получалъ еще ни одного письма съ тѣхъ поръ, какъ Матушка уѣхала изъ П.бурга. — Въ Касселѣ теперь все спокойно, но вообще въ Вестфаліи— хотѣлъ бы написать вамъ что нибудь, но думаю, что писать объ этомъ не такъ хорошо.—

Простите до будущей почты и помните брата, которой васъ любитъ и проситъ писать къ нему почаще.

Николай Тург.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohrnen Dem Herrn *von Turgenew.* In St. Petersburg. Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Канцеляріи Его Превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. *Въ С. Петербургѣ* [1]).

Штемпель: Goettingen.

33.

№ 26 [№ 2]. *Геттингенъ.* $\frac{\textit{29 Апр.}}{\textit{11 Мая}}$ *1809.*

На прошедшей почтѣ, Милостивой Государь Братецъ, получилъ я письмо отъ Матушки и брата Сергѣя. Очень обрадовался, что всѣ здоровы и кажется спокойнѣе въ разсужденіи дѣла. Только Сережа очень не доволенъ, что можетъ быть къ Ив. Вл. приставятъ опекуновъ. Конечно это очень непріятно, но что же можно теперь дѣлать? Ив. Вл. долженъ рано или поздно продать свои деревни. Но несравненно лучше [бы] было и для него и для кредиторовъ, чтобы онъ продалъ деревни свои самъ; — это было въ его волѣ, но, какъ увѣряютъ, цѣны деревнямъ были слишкомъ велики. — Можетъ быть, естьлибы кредиторы были снизходительнѣе и лучше бы знали собственную свою пользу, сдѣлка съ Аникѣевымъ была [бы] удачна. Я тогда совѣтывалъ Матушкѣ согласиться на предложеніе Аникѣева, тѣмъ болѣе, естьли онъ говорилъ правду, что онъ обѣщалъ Матушкѣ нѣкоторыя выгоды въ сравненіи съ другими кредиторами;—Матушка не согласилась;—и дѣло кончено теперь другимъ образомъ, можетъ быть выгоднѣе, а можетъ быть и не выгоднѣе для насъ. — Я теперь очень боюсь, чтобы дѣло это не началось снова. — Пожалуйте увѣдомте меня, что теперь остается до совершеннаго

1) Другой рукой прибавлено: «въ итальянской слоботке вд. путьятина».

окончанія. — Сергѣй пишетъ ко мнѣ, что онъ худѣетъ; это меня довольно безпокоитъ. Неужели участь наша въ чужихъ краяхъ будетъ одинакова?—

Завтрашній день начинаются здѣсь восмидневныя феріи (Fingsten), и мы ѣдемъ на Гарцъ. Въ особенности мнѣ хочется побывать на Брокенѣ.— Геттингенъ не такъ уже походитъ теперь на тихое и спокойное обиталище музъ. Здѣсь безпрестанно проходятъ полки. Иные остаются здѣсь и стоятъ здѣсь по недѣлѣ или и болѣе. Третьяго дня былъ парадъ на алеѣ, состоявшій изъ двухъ полковъ Кассельской гвардіи и одного Голландскаго. Играла музыка, стрѣляли изъ пушекъ — торжество, по причинѣ занятія Вѣны Наполеономъ. — Все это очень не выгодно для Университета; иногда отъ шуму и барабаннаго боя нельзя ничего дѣлать, а иногда аудиторіи бываютъ пусты, потому что студенты находятъ болѣе удовольствія въ вахтъ-парадахъ, нежели въ лекціяхъ. — А граждане также все это чувствуютъ: они должны кормить все это.—

Я думаю, что писалъ уже къ вамъ о женидьбѣ Вундерлиха: онъ взялъ дочь одного здѣшняго пастора. Она гораздо его старѣе, но, говорятъ, и гораздо богатѣе. Многіе изъ здѣшнихъ Профессоровъ хотѣли имѣть его своимъ зятемъ; я также былъ на свадьбѣ, игралъ въ бостонъ, ужиналъ.— Проректоръ Штедлинъ говорилъ мнѣ, что онъ васъ помнитъ. Бекманнъ говорилъ мнѣ, что очень васъ любитъ.—Сегодня пойдемъ съ нимъ на суконныя фабрики для осмотрѣнія работы. — У васъ, я думаю, весна не такъ хороша, какъ здѣсь. Съ нѣкотораго времяни здѣсь погода прекрасная, и даже очень жарко. Но нѣмцы, въ Геттингенѣ покрайней мѣрѣ, не умѣютъ пользоваться благодѣяніями Природы. Въ началѣ весны, когда было холодно и грязно, у нихъ были феріи, а теперь вмѣстѣ съ начатіемъ хорошей погоды они начали лекціи. Нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь видовъ? Можетъ быть они думаютъ, что въ дурную погоду студентовъ не такъ много выѣжжаетъ изъ Геттингена, — и слѣдственно ден[ь]ги остаются въ городѣ. — Простите— помните брата, который васъ никогда не забудетъ и повторяетъ свою прозбу. Николай Тург[еневъ].

P. S. Вчера студенты Педаг[огическаго] Института получили изъ Конференціи своей письмо, въ которомъ имъ запрещается писать партикулярныя письма къ Профессорамъ, потому что сіи послѣдніе должны много платить за нихъ.

P. S. Не попадется ли вамъ въ руки Архенгольцова Минерва (1808 года), гдѣ онъ говоритъ о теперешнемъ состояніи Франціи. — Прочтите и посудите о Нѣмцахъ!—

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn won Turgenew.

In St. Petersburg. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Италіанской Слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина. *Въ С. Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

34.

№ 27. *Геттингенъ.* $\frac{\textit{20 Мая}}{\textit{1 Іюня}}$ *1809.*

Вотъ уже недѣля, Милостивый Государь Братецъ, какъ я возвратился съ Гарца. Путешествіе сіе было для меня пріятно и полезно. Полезно по тому, что мнѣ удалось видѣть рудокопные заводы, дѣланіе монеты и проч. А пріятно — но можно ли изчислить всѣ пріятности путешествія по такимъ прекраснымъ мѣстамъ, каковъ Гарцъ? Можно ли изобразить тѣ чувствованія, которыя я ощущалъ, смотря съ Брокена, когда я въ первый разъ въ жизни смотрѣлъ на необозримое пространство вокругъ меня, на безчисленное множество городовъ и деревень, лежавшихъ предъ моими глазами, и на густыя облака, которыя носились ниже того мѣста, на которомъ я стоялъ? — Все это было для меня совершенно ново; а все новое, поражающее чувства, поражаетъ вмѣстѣ и разумъ. — Вы сами все это видѣли и чувствовали и можете судить о моемъ тогдашнемъ состояніи. — Возхожденіе солнца не удалось намъ видѣть съ Брокена, потому что до 12 часовъ облака были чрезвычайно густы и препятствовали видѣть не только солнце, но и человѣка шагахъ въ десяти: и едвали кто нибудь изъ пріѣжжающихъ на Брокенъ на день или на два можетъ похвастаться этимъ. — На возвратномъ уже пути съ Брокена заѣжжали мы въ Госларъ и Клаусталь, гдѣ спускались въ самыя тѣ мѣста, гдѣ достаютъ руду. При видѣ работниковъ часто приходила мнѣ мысль о Сибири. Какое различіе между состояніями людей! — Здѣсь люди работаютъ по своей волѣ, получаютъ плату и свободны. Хотя и нельзя завидовать ихъ состоянію, но они къ нему привыкли, работая тамъ съ десяти или двенадцати лѣтъ ихъ возраста; привычка дѣлаетъ для нихъ самыя трудныя работы сносными и даже легкими; а тамъ — но что говорить объ этомъ. — Изъ Остерроде ѣздилъ я въ Лербахъ смотрѣть такъ называемыхъ Канерлановъ (которыхъ вы не видали, какъ вы сказывали). Волосы ихъ совсѣмъ не такъ необыкновенны, какъ объ нихъ говорятъ. Правда, что очень бѣлы, но мало ли есть бѣловолосыхъ ребятъ. Но я думаю, что ихъ волосы не перемѣнятся съ лѣтами, между тѣмъ какъ обыновенные бѣлые волосы становятся съ лѣтами темнѣе. Но глаза ихъ совершенно отличны

отъ обыкновенныхъ. Верхняя перепонка красновата. Желательно бы знать, изъ какой матеріи состоитъ внутреннее строеніе глаза. При дневномъ свѣтѣ они худо видятъ, и это умножается съ умноженіемъ свѣта.

Путешествіе наше продолжалось недѣлю. Въ прошедшій понедѣльникъ начались здѣсь лекціи. Геренъ продолжаетъ читать все также превосходно. Сарторіусъ читаетъ также хорошо. — Съ Бекманномъ ходили на суконную фабрику, какъ онъ называетъ, на которой только одинъ станокъ и 3 работника. —

На прошедшей недѣлѣ умеръ въ Касселѣ Министръ Просвѣщенія Миллеръ. Многаго лишились въ немъ Вестфальскіе Университеты, и вообще потеря эта должна быть чувствительна для все[го учена]го свѣта [1]).

Новостей здѣсь никакихъ нѣтъ, о которыхъ можно бы было писать къ вамъ. Сообщите намъ [о] своихъ, естьли можно. Но давно не получалъ я отъ васъ писемъ, не знаю отъ чего.—Пишите пожалуйте по чаще и помните вашего брата.

Простите! Николай Тургеневъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem H. *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Италіанской Слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина. *Въ С.-Петербургѣ.*

35.

№ 28. *Геттингенъ $\frac{18}{30}$ Іюня 1809.*

На сихъ дняхъ, Милостивый Государь Братецъ, получилъ я письмо ваше, посланное не знаю съ кѣмъ отъ 4-го Мая, съ приложеніемъ Манифеста и басенъ Крылова. Сколько я могу догадываться, то это письмо было послано съ Княземъ Гагаринымъ, который въ прошедшую пятницу проѣжжалъ черезъ Геттингенъ въ главную квартеру Фр[анцузскаго] Императора. Но письмо прислано мнѣ черезъ Эрфуртъ. Но какъ бы то ни было, я очень ему обрадовался. Покорно благодарю васъ за присылку Манифеста и Басенъ, намъ все здѣсь любопытно. Но неужели въ разсужденіи политическихъ обстоятельствъ извѣстно у васъ столько же, какъ и у насъ?—Напрасно вы безпокоитесь о Геттингенѣ. Здѣсь все очень спокойно, въ особенности теперь, когда проходъ войскъ кончился. А внутренія безпокойства еще никакого дѣйствія не имѣли на Геттингенъ; не знаю, что случится впередъ.

1) Поставленное въ скобкахъ — въ рукописи вырвано.

Надобно отдать честь здѣшнимъ миролюбивымъ жителямъ. Когда въ Кассель торопились Голландскіе полки для усмиренія тамошнихъ безпокойствъ, здѣсь все было спокойно. Здѣсь также не знаютъ, чѣмъ теперешняя война кончится; но вы, кажется, должны болѣе знать, зная лучше насъ, что дѣлается въ П-бургѣ. — Князь Репнинъ, какъ видно по газетамъ, остался въ Берлинѣ. Теперь и Короля нѣтъ въ Касселѣ, а, какъ пишутъ въ газетахъ, онъ собираетъ корпусъ войскъ въ Зондерегаузенѣ, миль съ 10 отсюда. Не знаю, правда ли это, и врядъ ли можетъ Князь Репнинъ быть при немъ въ теперешнее время.

Очень мнѣ жаль, что выборъ книгъ, посланныхъ вамъ, не удаченъ, потому что и Ейхгорнъ и Сарторіусъ у васъ есть; но я не могъ найти здѣсь лучшихъ готовыхъ, а изъ Лейпцига выписывать было уже нѣкогда, потому что Тимковскій и Рандъ собрались вдругъ отсюда. Притомъ же я смотрѣлъ въ книжной лавкѣ Дидриха, въ реэстрѣ книгъ, которыя вы тамъ купили, и не нашелъ этихъ.

Я думаю, что Тимковскій поѣдетъ на Москву, также и Рандъ. Напрасно, пишете вы, я нигдѣ не побывалъ во время ваканцій. На это скажу вамъ одинъ анекдотъ: Лудвигъ XV проѣжжалъ однажды мимо одного города; Бургемейстеръ или Меръ пошелъ ему на встрѣчу, привѣтствовалъ рѣчью, извинялся, что не встрѣтилъ его пушечною пальбою. «На это, говорилъ, В. В., имѣю я много причинъ. Первая, что у насъ нѣтъ пушекъ, вторая...» — Довольно, сказалъ Лудовикъ: первая причина убѣдительна. — Хорошо, естьлибы мнѣ удалось побывать въ Парижѣ, но продолжатся ли теперешнія политическія обстоятельства? — Я получалъ письма отъ Данилевскаго изъ Парижа. Онъ тамъ скучалъ и нашелъ Парижъ совсѣмъ не таковымъ, каковымъ онъ себѣ воображалъ. Это обыкновенная ошибка путешественниковъ. Къ тому же писалъ онъ, что почти всѣ Русскіе оттуда разъѣхались. Изъ Парижа поѣхалъ онъ въ Италію, откуда еще ничего не писалъ ко мнѣ. Въ Сентябрѣ онъ воротится сюда и хочетъ прожить здѣсь года съ полтора. — Надобно сказать, что послѣ Геттингена каждый городъ долженъ показаться скучнымъ, но вмѣстѣ, по крайнѣй мѣрѣ съ начала, и веселымъ. Первое потому, что здѣшняя жизнь дѣятельная, а второе потому, что здѣсь нѣтъ почти никакихъ удовольствій.

Что дѣлается съ нашимъ дѣломъ? Ему видно никогда конца не будетъ. — Мы здѣсь никакихъ періодическихъ Русскихъ изданій не получаемъ.

Вы жалуетесь на дороговизну. Здѣсь также вздорожали вещи, получаемыя посредствомъ Англичанъ, вдвое или втрое въ сравненіи съ прежнимъ. Прибав[ь]те къ тому нашъ курсъ, когда 1 Guter Groschen стоитъ

около 10 копѣекъ. — Сережа писалъ ко мнѣ, что въ Москвѣ серебряный рубль стоитъ 250 копѣекъ. По этому курсъ на наши ден[ь]ги еще болѣе унизится. Въ Парижѣ не долго можно прожить съ такимъ курсомъ.

Я еще ничего не зналъ о кончинѣ Катерины Михайловны Соковниной. Отъ чего она умерла? А Сергѣй Соковнинъ собирался ѣхать съ нею въ чужіе краи. Съ кѣмъ онъ будетъ теперь жить? — Препорученіе ваше, въ разсужденіи сочиненій Миллеръ, будетъ исполнено въ точности. Я уже писалъ къ вамъ, что онъ умеръ. — Что касается до меня, то я здоровъ, и время, при всей невеселой и единообразной жизни, течетъ для меня неприметно. —

Вотъ уже минулъ годъ, какъ я разстался съ вами. Когда настанетъ та щастливая минута, въ которую я опять увижу васъ. Я часто объ этомъ думаю.

Естьли Андр[ей] Сергѣевичь въ П.бургѣ, попрошу васъ засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, также и Дмитрію Николаевичу. — Простите! Еще разъ благодарю васъ за письмо ваше. Истинно любящій и уважающій васъ братъ Ник. Тур.

P. S. Сдѣлайте одолженіе, естьли возможно, увѣдом[ь]те о разположеніи П.бургскаго кабинета въ разсужденіи теперешней войны.

На прошедшей недѣлѣ я получилъ письмо отъ Матушки и отъ брата Сергѣя.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ.* Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина.
Штемпель: Goettingen.

38.

№ 29. *Геттингенъ. Іюля $\frac{8}{20}$ 1809.*

На сихъ [дняхъ] получилъ я письма ваши, посланныя съ Кн. Репнинымъ и еще прежде по почтѣ отъ 31 Мая. Прежде всего надобно сказать вамъ слова два о Репнинѣ. Лишь только мы услышали о пріѣздѣ его сюда, то рѣшились итти къ нему, и въ 12 часовъ трое изъ студентовъ, я и одинъ новопріѣжжій нашъ землякъ изъ Парижа, С. И. Михалковъ (служившій въ Семеновскомъ полку, которой кажется васъ знаетъ), пошли къ Князю. На дорогѣ встрѣтился мнѣ Князевъ Секретарь и сказалъ мнѣ, что Князь послалъ его за мною. Мы продолжали путь свой. Когда взошли мы къ Князю,

то онъ отдалъ мнѣ письмо ваше и поговорилъ со мною о васъ и о Геттингенѣ. Потомъ занялся разговоромъ съ какимъ то Нѣмцомъ или Русскимъ, который былъ съ нимъ. (Вотъ до чего мы дожили, что Русскихъ нельзя отличить отъ Нѣмцовъ, все это говоритъ по Французски). Потомъ сказалъ слова два съ студентами, а съ Михалковымъ не поговорилъ ни слова, даже не спросилъ и имяни его. Черезъ нѣсколько минутъ мы поклонились Его Сіятельству и ушли вонъ. При прощаніи онъ еще поговорилъ немного со мною, прибавивъ: *venez-me voir* и тому подобное. Земляки мои, особливо Михалковъ, очень разсердились на Князя за его пріемъ. Да и какъ не разсердиться. Не знаю, происходитъ ли эта неучтивость отъ гордости или отъ недостатка въ головѣ той вещи, которая дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Первое въ этомъ случаѣ было не кстати. — Между прочимъ Князь разсказывалъ этому Нѣмцу или Русскому, съ которымъ онъ говорилъ, что и вы учились здѣсь и что теперь *сами учите другихъ* въ Юридическомъ Институтѣ. Я не захотѣлъ перебивать его рѣчи, потому что примѣтилъ, что онъ до разговоровъ не охотникъ. — Когда я былъ въ Эрфуртѣ у Гр. Толстаго, то съ нимъ у насъ были совсѣмъ другіе разговоры, да и онъ совсѣмъ другой человѣкъ, по крайней мѣрѣ, какъ я судить могу. — Не знаю и не думаю, чтобы мнѣ можно было числиться при Кассельскомъ посольствѣ. Здѣсь этого сдѣлать не возможно.

Препорученія вашего въ разсужденіи Фишерова Сибирскаго лексикона не успѣлъ еще совершенно исполнить. Пр. Бенеке обѣщалъ мнѣ справиться, нѣтъ ли его въ библіотекѣ. Къ Шлецеру пойду послѣ завтра, въ воскресенье, потому что въ будни нѣкогда. — Что касается до перевода какой нибудь книжки на Русской, то это, при теперешнихъ моихъ занятіяхъ, почти совершенно невозможно. Зимою, во время прошедшаго семестра, употреблялъ я на это 11-й, 12-й и иногда 1-й часъ ночи, а теперь этого не могу дѣлать, потому что имѣю коллегіи въ 6 часовъ утра каждый день, кромѣ воскресенья; поутру имѣю два раза только три коллегіи (вмѣстѣ съ языками), а прочіе дни по четыре и по пяти. Послѣ обѣда имѣю каждый день коллегію у Герена и Италіянской два раза. Утреннія коллегіи долженъ прочитывать послѣ обѣда, а иногда по вечеру читаю книги. Изъ этого вы можете видѣть, что переводомъ теперь мнѣ заниматься нельзя. Мнѣ хочется, когда будетъ гораздо болѣе свободнаго времяни, перевести хорошую книгу и, не знаю почему, перевести съ Англійскаго языка, къ которому я день ото дня болѣе пристращаюсь. Но не знаю, когда удастся это сдѣлать. У меня столько ввиду лекцій, которыя непремѣнно хочется прослушать, что врядъ ли достанетъ до этого еще двухъ семестровъ. Естьли началъ, такъ должно естьли не

окончить, то по крайней мѣрѣ ввести какъ можно далѣе. Геренова Handbuch der Geschichte der Europ. Staatensystems und seiner Colonien (или III послѣднихъ столѣтій) вышла послѣ того уже, когда послалъ я къ вамъ книги. Она начинается съ открытія обѣихъ Индій (съ конца XV столѣтія до воздвиженія (Errichtung) Французскаго Императорскаго престола). Исторію Россіи начинаетъ онъ съ Ивана Васильевича Великаго (великаго князя), съ 1505 года. На лекціяхъ онъ только еще началъ говорить о Петрѣ I и говоритъ довольно подробно, а въ книгѣ говоритъ о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II очень кратко, такъ какъ и о всемъ другомъ. Такъ какъ исторія его прерывается въ самое то время, когда Наполеонъ былъ коронованъ Императоромъ, слѣдовательно онъ не говоритъ о теперешнемъ могуществѣ Франціи и заключаетъ, что *перемѣна Французскаго престола изъ Королевскаго въ Императорскій было болѣе нежели одна перемѣна имяни; за это ручался тотъ, который былъ возведенъ на него.* Докторъ Зальфельдъ читаетъ по середамъ исторію паденія Польши по своей тетради; представляетъ только одни происшествія (facta), не разсматривая ни поводу къ онымъ, ни слѣдствій. Я думаю, что онъ ничего еще не писалъ.

Простите и помните брата, истинно васъ любящаго и почитающаго.

Николай Тур.

Теперь стало веселѣе. Новый землякъ пріѣхалъ къ намъ изъ Парижа и, кажется, очень добрый человѣкъ.

Изъ Москвы ко мнѣ хотѣли прислать 700 р., но Матушка заботилась о посылкѣ. Нѣкто Фогель хотѣлъ такъ сдѣлать, что я вмѣсто того получу изъ Ганновера его деньги, но не знаю, на чемъ рѣшились. А ден[ь]ги мнѣ теперь нужны и давно уже. Профессорамъ за языки не платилъ еще.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ.* Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина.

Штемпель: Goettingen.

37.

№ 30. *Геттингенъ. $\frac{22 \text{ Іюля}}{3 \text{ Августа}}$ 1809.*

На прошедшей недѣлѣ, Милостивый Государь Братецъ, получилъ я два письма отъ брата изъ Москвы, со вложеніемъ векселя, примы и секунды, на 700 р. Хозяйка моя, которая ѣдетъ завтра въ Брауншвейгъ на Ярморку,

взялась тамъ размѣнять мой вексель. Это, думаю, для нее выгодно, а можетъ быть и для меня.

По порученію вашему справлялся я о Фишеровомъ лексиконѣ и узналъ, что недѣль за шесть передъ симъ искали его въ библіотекѣ, тоже для Аделунга, и не могли найти, и библіотекари сами не знаютъ, гдѣ онъ. Думаютъ, что Гейне кому нибудь его самъ отдалъ и позабылъ объ этомъ. Пропасть онъ не можетъ, и когда будетъ опять въ библіотекѣ, то я сдѣлаю, что вы писали, естьли нужно вамъ будетъ. Шлецеръ подарилъ его въ библіотеку. Ему не сказываютъ, что его нѣтъ въ библіотекѣ, иначе онъ надѣлалъ бы шуму.

Сережа пишетъ ко мнѣ, что книги, посланныя мною къ вамъ съ Тимковскимъ, сей послѣдній оставилъ въ Лейпцигѣ. Очень сожалѣю объ этомъ, тѣмъ болѣе, что теперь не предвижу никакого случая переслать вамъ какія нибудь книги. Мнѣ также чрезвычайно хотѣлось бы послать къ Сережѣ нѣсколько книгъ, частію о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ.

Не знаю, возвратился ли Золотаревъ изъ Ліона и можно ли будетъ съ нимъ послать что нибудь.

Въ продолженіе всей этой недѣли проходилъ Геевенъ Россію. Съ Петра I до конца Турецкой войны при пачатіи правленія Анны Ивановны. Вы можете себѣ представить, какъ пріятно было мнѣ слушать о Петрѣ I, не смотря на то, что Гееренъ называетъ его halb-Barbar, а Русскихъ совершенными Barbaren; Нѣмцы, не выключая и Геерена, знаютъ Россію очень посредственно и воображаютъ ее себѣ таковою, какова она была за 50 лѣтъ, или можетъ быть и хуже. Наприм. на прошедшей недѣлѣ ходили мы по Этнографической лекціи съ Гееренoмъ въ здѣшній музеумъ. Я началъ съ нимъ говорить и между прочимъ о собраніи рѣдкостей нашего Баузе; отъ него перешла рѣчь къ Гейму; я сказалъ ему, что онъ читаетъ лекціи на Русскомъ языкѣ. Гееренъ, какъ будто удивившись, спросилъ у меня: *Ist es erlaubt Russisch zu lesen?* Трудно или и не возможно вообразить себѣ вопросъ смѣшнѣе этого, тѣмъ болѣе отъ человѣка, который, какъ видно, хорошо знаетъ Русскую Исторію и Статистику. (Иные спрашиваютъ, можно ли писать на Русскомъ стихи, иные съ утвердительнымъ тономъ говорятъ: In Russland ist alles Catholisch; иные спрашиваютъ, есть ли какая нибудь разница между Греческою и Магометанскою религіями!). Вообразите себѣ при этомъ спрашивающаго Нѣмца, тонъ его, съ какимъ онъ спрашиваетъ, и тогда можете представить себѣ мою досаду при этомъ. Но, не смотря на все, Герена слушалъ я съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ конечно говоритъ о Петрѣ I, какъ о великомъ человѣкѣ, но иногда сравниваетъ его съ Карломъ XII, а въ древней Исторіи сравнивалъ съ нимъ Митридата вели-

каго—какъ будто можно во всей Исторіи найти подобнаго Петру Первому! Желалъ бы привести вамъ для сего случая нѣсколько строкъ изъ Ломоносова Похвальнаго слова, но, помня одну только мысль, боюсь испортить слова его. Помню только: «.....*но нигдѣ не нахожу подобнаго Петру Великому*». Великихъ было много, а Петръ I былъ *одинъ*. — Правленіе Анны Ивановны Гееренъ тоже хвалилъ, въ разсужденіи внѣшнихъ отношеній, не позабывъ упомянуть, что тогда (Мюнихъ), Биронъ, Остерманнъ занимали главныя мѣста въ государствѣ. Сегодня же онъ началъ новый періодъ съ 1740 — 1786. Этотъ періодъ, гов[оритъ] Гееренъ, надобно бы назвать Нѣмецкимъ періодомъ, потому что на всѣхъ главныхъ престолахъ (выключая Французскаго) были правительницы и правители изъ Германіи. Введеніе въ сей періодъ было читано превосходно. Сколько лекцій нашего общаго учителя Черепанова можно промѣнять на одно это введеніе Герена! Нынѣшнею лекціею Геренъ прогналъ изъ моего сердца всю досаду, которую я имѣлъ (на него) за вопросъ его. — Сарторіусовы лекціи теперь стали еще занимательнѣе. Онъ проходитъ теперь Государственное хозяйство (Staatswirtschaft). Объ этомъ предметѣ онъ по большой части писалъ и читаетъ съ большимъ жаромъ и охотою. Говорятъ, что Сарторіуса приглашали къ намъ въ Москву (онъ самъ сказывалъ — въ П.бургъ). Какая разница, естьли бы вмѣсто Шлецера имѣли мы Сарторіуса, тѣмъ болѣе, что онъ по видимому, болѣе другихъ Нѣмцевъ занимается Россіею и всегда старается узнать болѣе и болѣе о Россіи. — Бекманнъ — онъ всегда останется одинаковымъ. Отъ черепицъ переходитъ къ горшкамъ, отъ горшковъ къ пиву, и не удивительно, что половина класса у него спитъ, хотя и у Герена есть *добрые люди* (какъ говоритъ Карамзинъ, называя спящихъ слушателей, не помню у какого-то Профессора, *добрыми людьми*). Что касается до Латинскаго языка, то по выѣздѣ изъ Геттингена я не скажу вмѣстѣ съ Долгорукимъ, который жалуется, что не выучился совсѣмъ по Латынѣ, говоря: *Латынь, одну Латынь твердилъ семь битыхъ лѣтъ! Но*...... и д. т.

Простите! Не забудьте написать что-нибудь ко мнѣ о себѣ и, естьли можно, о политическихъ обстоятельствахъ Россіи.

— Вокругъ Геттингена шумитъ бывшій Герцогъ Брауншвейгскій.

Николай Т.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren dem Herrn v[on] Turgenew. *In St. Petersburg*. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ Петра Ивановича Путятина. *Въ С.-Петербургѣ*.

Штемпель: Goettingen.

38.

№ 31. *Геттингенъ. $\frac{12}{24}$ Августа 1809.*

Милостивый Государь Братецъ!

На прошедшей недѣлѣ случилось здѣсь произшествіе, которое могло бы сдѣлаться очень вреднымъ для Геттингена вообще: въ четвергъ послѣ обѣда поссорился одинъ студентъ на улицѣ съ однимъ изъ Жандармовъ (которые учреждены здѣсь по Французскому примѣру и должны смотрѣть за порядкомъ, какъ въ городѣ, такъ и въ окружностяхъ его). Жандармъ поступилъ съ студентомъ чрезвычайно грубо и наконецъ еще отвелъ его въ Concilium-Haus, гдѣ студента посадили въ карцеръ. Студенты, видѣвшіе это, вступились, и къ вечеру шумъ сдѣлался всеобщимъ. Множество студентовъ ходили по Вендской улицѣ толпами. Нѣкоторые ходили жаловаться на поступокъ Жандарма, но вмѣсто удовлетворенія всѣ здѣшніе Жандармы, которыхъ здѣсь 8, начали ѣздить по улицѣ, разгонять студентовъ, но съ обнаженными палашами, крича на студентовъ, бранили ихъ ужаснѣйшимъ образомъ и нѣкоторыхъ даже били палашами. Студенты пошли въ Ulrich's Garten, подлѣ Геттингена, чтобы уговориться, что дѣлать, и нѣкоторые думали вести оттуда переговоры съ начальствомъ. Но тщетно. Пять жандармовъ выгнали ихъ изъ Ulrichs-Garten и разогнали по улицамъ, посадивши нѣкоторыхъ въ карцеръ. Студенты положили, чтобы на другой день не ходить на лекціи, и въ пятницу стояли у всѣхъ коллегій студенты и, кто приходилъ, то говорили, что лекцій нѣтъ. На другой день сдѣлали подписку между собою, гдѣ каждый студентъ обѣщался до окончанія сего курса не ходить на лекціи, а по прошествіи ѣхать изъ Университета, естьли имъ не сдѣлаютъ удовлетворенія. Я и мы всѣ, хотя и не учавствовали въ ссорѣ, но должны были подписаться. На третій день число подписавшихся доходило уже до 600. Многіе студенты однакожь требовали, чтобы можно было начать коллегіи; Проректоръ также выдалъ въ разсужденіи этого объявленіе, и въ понедѣльникъ начались коллегіи снова. На другой день шума многіе студенты жаловались и по большой части на того Жандарма, который началъ ссору и который обидилъ очень многихъ; напримѣръ, ругалъ нѣкоторыхъ, которые спокойно шли по улицѣ, гонялъ домой, приставлялъ къ груди пистолеты, кто ему отвѣчалъ, и билъ палашемъ своимъ. — Здѣшніе Граждане, которые видѣли, что выѣздъ студентовъ будетъ для нихъ очень погубенъ, послали отъ себя депутатовъ въ Кассель съ жалобою на Жандармовъ; Университетскій Сенатъ послалъ также это на разсмотрѣніе въ Кассель. Вчерашній день, какъ увѣрялъ меня Вундерлихъ, пришло Королевское рѣшеніе, по

которому Жандармъ долженъ быть разжалованъ и переведенъ изъ Геттингена въ другое мѣсто. Иные говорятъ, что рѣшеніе было совсѣмъ противное этому и въ выгоду Жандармовъ, а не студентовъ.— Но какъ бы то ни было и такое наказаніе очень несоразмѣрно съ столь большими проступками.— Между тѣмъ очень многіе студенты оставятъ Геттингенъ, потому что съ нѣкотораго времяни вольность ихъ очень ограничена. Напримѣръ, недавно запрещено имъ ходить по улицамъ съ трубками, носить шапки, которыя означали, изъ какой они земли, и также усы. Совершенно ненужныя запрещенія!— Впрочемъ я почти увѣренъ, что гораздо большая часть студентовъ здѣсь останется, въ противномъ же случаѣ Университетъ здѣшній совершенно рушится и многіе Профессора уѣдутъ. Естьли же, чего я не думаю, надобно будетъ ѣхать отсюда всѣмъ, то я по крайней мѣрѣ выѣду послѣдній. Всему этому причиною новое Правительство. — Я, думаю, писалъ къ вамъ, что я получилъ отъ Матушки вексель въ 700 р. за послѣднее время сего года. Я не получалъ еще по немъ денегъ. Такъ какъ этотъ годъ уже прошелъ, то мнѣ хотѣлось было на эти ден[ь]ги съѣздить въ продолженіе ферій въ Голландію. Но теперь это не возможно, потому что въ Голландію высадили[сь] Англичане (съ своею необыкновенною экспедиціею, каковой Англія еще никогда не дѣлала).

Вчера прислалъ ко мнѣ Шлецеръ пакетъ, который просилъ при случаѣ послать къ вамъ. Я думаю, это листы его Нестора. Жаль, что онъ позд[н]о прислалъ. Недѣли за двѣ передъ симъ былъ здѣсь одинъ Русской, возвращающійся изъ Парижа, Г. Фурманнъ, кот[орый] поѣхалъ въ П.бургъ. Я для того и не писалъ къ вамъ, что онъ пробудетъ мѣсяца два въ Саксоніи, а послать ничего нельзя съ нимъ было. — Сережа пишетъ ко мнѣ, что и книги, кот[орыя] я послалъ съ Тимковскимъ, сей послѣдній оставилъ въ Лейпцигѣ.

Что у васъ новаго въ разсужденіи политическихъ обстоятельствъ? Здѣсь все замолкло послѣ перемирія. Нельзя ли увѣдомить насъ въ разсужденіи полит[ическихъ] обстоят[ельствъ] Россіи. Да не худо бы вы сдѣлали, естьлибы и о себѣ что-нибудь написали, потому что очень давно я не получалъ отъ васъ писемъ, а вы знаете, какъ это для меня пріятно. — Простите! Помните брата, истинно васъ любящаго и почитающаго.

Ник. Тур.

На оборотѣ: A Monsieur Monsieur de *Turgenew. A St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ.* Въ Италіянской Слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія *Петра Ивановича Путятина.*

Штемпель: Magdebourg[1]).

1) Первоначально стоялъ штемпель: «Minden», но потомъ это слово было зачеркнуто и замѣнено словомъ «Magdebourg», а съ боку приписано: «mal envoyé».

39.

№ 32. *Геттингенъ. $\frac{9}{21}$ Сентября 1809.*

На прошедшей недѣлѣ, Милостивой Государь Братецъ, получилъ я письмо Ваше отъ 4 и 5 Августа. О князѣ Репнинѣ мы теперь уже совсѣмъ другаго мнѣнія. Нѣкоторые изъ нашихъ Русскихъ были въ Касселѣ и очень довольны его пріемомъ. Недавно онъ приказывалъ мнѣ поклонъ съ Г. Михалковымъ, кот[орый] былъ у него въ Касселѣ. На этой недѣлѣ кончатся всѣ мои лекціи, и мнѣ хочется съѣздить въ Кассель и, можетъ быть, въ Лейпцигъ.—Выписки изъ книгъ, о которыхъ вы пишете, я обыкновенно теперь дѣлаю, но не всегда на Русскомъ, для скорости. Мнѣ кажется, что книгъ, которыя касаются до части, которою занимаешься, нельзя читать, не дѣлая выписокъ, иначе ничего не упомнишь, тѣмъ болѣе у кого такъ, какъ у меня, память дурна. Что касается до Французскаго языка, то здѣсь мнѣ не съ кѣмъ болѣе говорить, какъ съ Росси. Съ Понжераромъ я не знакомъ, да онъ же все боленъ.

Здѣсь слышно, что военныя дѣйствія между Австріею и Франціею опять начнутся, что и изъ газетъ видно. — Что касается до книжки *le 13 journées* и до отвѣта на письмо Саратовскому помѣщику, то я желалъ бы лучше, чтобы кто нибудь написалъ отвѣтъ на первую. Пусть эти Саратовскіе помѣщики занимаются и пишутъ, хотя и дурно, но по Русски. Очень жаль Якова Ивановича. Я еще не зналъ о его смерти. Я все еще надѣялся, не знаю по чему, что онъ будетъ опять въ службѣ, и очень желалъ этого.

Здѣсь также умеръ на прошедшей недѣлѣ Шлёцеръ. Недѣли за двѣ передъ смертію прислалъ онъ ко мнѣ пакетъ, вѣрно съ листами 3 части Нестора, для пересланія къ вамъ. Я слышалъ, что библіотеку его будутъ продавать съ аукціона, а что рукописи подарилъ онъ въ Дерптской Университетъ. Не знаю, правда ли это. Въ самый день смерти пріѣхалъ сюда А. М. Гусятниковъ изъ Франціи. Онъ еще здѣсь и поѣдетъ черезъ Лейпцигъ въ Москву. Я былъ у него. Здѣсь теперь все спокойно, какъ и всегда было; однакожъ студенты очень много выѣжжаютъ. Но Профессора надѣются, что сюда вмѣсто того многіе пріѣдутъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторые Университеты въ Вестфальскомъ королевствѣ уничтожаются. Въ Енѣ студенты надѣлали большихъ проказъ между собою. Одни напали ночью на другихъ и перерубились. Здѣсь же студенты очень спокойны, безъ усовъ и безъ трубокъ на улицахъ. Недавно вышелъ здѣсь указъ и публикованъ, въ которомъ Профессора здѣшніе лишены ихъ титловъ. Какой ударъ für

den Hofrath, а еще большій für die Hofräthin! Шлёцера вздумали было передъ смертію лишить его дворянства и замарали въ каталогѣ *von*. Онъ однакожь вступился и въ каталогѣ напечатали *von Schlözer*.

На сихъ дняхъ кончили: Геренъ Этнографію, а Сарторіусъ Политику. На этой недѣлѣ кончатся и остальныя мои лекціи. Мнѣ хочется съѣздить въ Кассель и, естьли обстоятельства позволятъ, въ Лейпцигъ. Здѣсь гостилъ недѣли съ двѣ Павелъ Петровичь Соколовичь. Онъ приписалъ къ вамъ ошибкою въ Матушкиномъ письмѣ. За 700 р. получилъ я 298 талеровъ, изъ которыхъ, естьли не заплачу хозяйкѣ своей 80 талеровъ, останется талеровъ со 100 и съ этимъ хочется мнѣ съѣздить.—Что слышно у васъ новаго? Увѣдом[ь]те, пожалуйте, что теперь дѣлается съ Комм. Сост. Закон. и что дѣлаетъ Ник. Ник. Нов.? Увѣдом[ь]те, пожалуйте, какъ идетъ наше дѣло. Я уже очень давно не получалъ писемъ изъ Москвы. — Я думаю, Матушка была въ деревнѣ. Я думаю, что уже у васъ теперь начнется зима. Здѣсь погода очень дурна. Лѣта совсѣмъ почти не было.

Простите! помните вашего брата Ник. Тург.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ Его Высокор. Петра *Ивановича Путятина*. Въ С.-Петербургѣ.

Штемпель: Goettingen.

40.

№ 33. *Геттингенъ. $\frac{7}{19}$ Октября 1809.*

Извините меня, Милостивый Государь Братецъ, что столь давно я не писалъ къ вамъ. Не подумайте, чтобы тому была причиною какая-нибудь отлучка изъ Геттингена. Нѣтъ — всѣ мои намѣренія съѣздить въ Лейпцигъ, въ Дрезденъ, или по крайней мѣрѣ въ Кассель, разрушены по самымъ убѣдительнѣйшимъ причинамъ. Въ Кассель могъ бы еще съѣздить, но раздумалъ и вмѣсто путешествія сижу теперь недѣли съ двѣ за древнею Исторіею. Хотя это и хорошо, но лучше бы было во время ферій прогуляться. 298 талеровъ, которые я получилъ за послѣдніе 700 р. за прошедшій годъ, — долженъ былъ я употребить на разплату долговъ; а 40 талеровъ изъ нихъ взялъ у меня П. П. Соколовичь, бывши здѣсь, въ займы и еще не прислалъ; но и эти долженъ бы я былъ отдать. Теперь я занялъ для покупки дровъ и другихъ потребностей. Къ тому же надобно еще заплатить Профессорамъ за будущія и даже за прошедшія коллегіи, а денегъ не имѣю

ничего. Сдѣлайте милость, постарайтесь, чтобы мнѣ поскорѣе прислали сколько-нибудь. Этотъ годъ начался съ 20 Августа, времяни моего пріѣзда въ Геттингенъ. Я къ Матушкѣ ничего не писалъ объ этомъ, да и вообще о ден[ь]гахъ писать для меня непріятно; но иногда нужда заставляетъ преодолѣвать себя. Живу же я здѣсь, кажется, уже слишкомъ экономно — да и невозможно иначе при теперешнемъ курсѣ, когда за рубль получаемъ здѣсь только 13 Mariengroschen или шилинговъ, что все равно. Можетъ быть это для васъ будетъ столь же непріятно читать, какъ для меня писать объ этомъ, но что же дѣлать?

На будущій семестръ буду я слушать Статистику у Герена, Политическую Экономію у Сарторіуса и вѣроятно Эстетику у Буттервека. Также, естьли пріѣдетъ сюда опять д'Арто, Проф[ессоръ] Фр[анцузской] Литтературы, то мы будемъ у него слушать Дипломатику. Онъ имѣетъ тетради Мартенса и вообще хорошъ по этой части, въ особенности по практической. Притомъ буду продолжать Англійскій, Латинскій и можетъ быть Италіанскій языки. — Думаю, что я писалъ къ вамъ о множествѣ студентовъ, подписавшихся выѣхать отсюда. Многіе сдержали слово свое, которымъ сатисфакція (состоявшая въ переведеніи Жандарма въ другое мѣсто) показалась малою. И теперь въ Геттингенѣ очень, очень мало студентовъ. Новопріѣжжихъ также мало, и я думаю, въ эти полгода доходъ Профессоровъ и вообще всего города будетъ очень умѣренъ. Но къ Святой недѣлѣ почти всѣ возвратятся, и должно ожидать еще новыхъ, потому что другіе Университеты очень въ плохомъ состояніи. — А. И. Данилевскій свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Онъ недавно возвратился изъ своего путешествія, былъ въ Парижѣ, почти во всей Италіи и Швейцаріи и кажется со всею пользою, которую только можно имѣть отъ путешествія. — Изъ газетъ узналъ я, что Россія заключила миръ со Швеціею. Что слышно у васъ о мирѣ между Франціею и Австріею? Здѣсь много говорятъ объ этомъ, также и о мирѣ Россіи съ Турціею.—Сдѣлайте одолженіе, увѣдом[ь]те меня, правда ли, что Дерптскій Университетъ приходитъ въ упадокъ, и что трое лучшихъ Профессоровъ оставили Университетъ. Отсюда былъ званъ туда Пр[офессоръ] Göde и затѣмъ только не поѣхалъ [....][1]). Что наше дѣло? Приближается ли къ концу? Я давно уже не получалъ писемъ изъ Москвы и отъ васъ. Скоро ли кончатся (или начнутся) дѣла вашей Коммиссіи? А. М. Гусятниковъ все еще здѣсь. Съ нимъ хочется послать къ вамъ 5 часть Нестора и Handbuch Герена для Сергѣя. — Простите! и помните брата, любящаго и почитающаго васъ.

Ник. Тургеневъ.

---

1) Повидимому фраза не окончена.

P. S. Недавно было въ газетахъ замѣчаніе, что теперь во всѣхъ Университетахъ столько студентовъ, сколько сперва бывало въ одномъ Гальскомъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина. *Въ С. Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

41.

№ 34. *Геттингенъ.* $\frac{4}{16}$ *Ноября 1809.*

Милостивый Государь Братецъ!

Послѣ долгаго, но тщетнаго ожиданія наконецъ получилъ я третьяго дня письмо ваше отъ 11 Сентября, отправленное съ Барономъ Шилингомъ. Прежде всего скажу вамъ, что подписка моя въ разсужденіи выѣзда не имѣла никакихъ дурныхъ слѣдствій. Я подписался потому, что подписалось около 400 человѣкъ и отказаться было бы не ловко, хотя я и пробовалъ это. Жандармъ, бывшій главною причиною всѣхъ безпокойствъ, былъ, какъ я думаю и писалъ къ вамъ, переведенъ въ другое мѣсто. Не смотря на то, многіе изъ подписавшихся уѣхали, а многіе остались. Теперь и позабыли обо всемъ. Студентовъ наѣхало болѣе, нежели сколько ожидали при такихъ обстоятельствахъ, хотя все не столько, сколько пріѣхало тогда, когда бы не было этихъ безпокойствъ. Не подумайте изъ этой подписи, чтобы я находился въ какихъ нибудь связяхъ съ здѣшними студентами. Совсѣмъ нѣтъ. Я былъ знакомъ съ нѣкоторыми Курляндцами во время прошедшихъ зимы и весны, но теперь они всѣ разъѣхались, и я не знакомъ ни съ однимъ изъ студентовъ, естьли выключить то, что я съ однимъ или двумя на улицахъ кланяюсь. Съ этой стороны вы должны быть совершенно покойны. Покорно васъ благодарю за извѣстіе о мирѣ и за статью, выписанную изъ газетъ. Но гораздо любопытнѣе было для меня увѣдомленіе о васъ самихъ, потому что первое зналъ уже я изъ газетъ. — Довольны ли вы новымъ начальникомъ своимъ? Что дѣлаетъ вашъ старый начальникъ, и дѣлаете ли вы что-нибудь при немъ? Каковы успѣхи въ Коммиссіи? Очень жалъ, что Яковъ Ивановичь не оставилъ законнаго завѣщанія. Я помню, что Матушка нѣсколько разъ хотѣла ему напомнить объ этомъ и кажется, напоминала.— По порученію вашему я справлялся о дѣлѣ Графа Сиверса. Мать зовутъ *Christina Rupertin*, она была въ то время служанкою у Графа, когда онъ жилъ въ домѣ купца Onsterleg. Такъ ли это? Ребенокъ-сынъ и теперь еще живъ, 4 лѣтъ, и былъ вчера и

сегодня у меня съ матерью. Естьли онъ похожъ на Графа, то сей послѣдній долженъ быть красавецъ, потому что ребенокъ прекрасной и премилый. Мать жалуется очень на теперешнее свое состояніе и вмѣстѣ на Кантора Бетхера, который не исполнялъ препорученія Графа увѣдомлять къ нему. Она должна получить отъ Графа, по словамъ ея, за два слишкомъ года для содержанія ребенка. Она принесла потомъ письмо для Графа и просила прочесть и, естьли я хочу, послать, что я и дѣлаю. Она очень обрадовалась, узнавши, что Графъ хочетъ прислать ей денегъ, но напрасно пишетъ, что я радовался, глядя на ребенка, похожаго на Графа. Я радовался ребенкомъ, потому что онъ хорошъ и не могъ сказать ей, что онъ похожъ на Графа, котораго я не имѣю чести знать. Но могу сказать, что на нее онъ не похожъ.... Недѣли съ двѣ тому, какъ поѣхалъ отсюда А. М. Гусятниковъ, котораго ласкамъ я очень обязанъ, въ Москву. Я съ нимъ послалъ къ вамъ 5 часть Нестора и для Сережи Геренову Handbuch der neueren Geschichte. Въ пакетѣ, присланномъ пок[ойнымъ] Шлецеромъ на ваше имя, были запечатаны 8 послѣднихъ листовъ Нестора. Я не послалъ къ вамъ ихъ потому, что не увѣренъ, имѣете ли вы первые пять или шесть кажется. Я помню, что прошлаго года онъ послалъ къ вамъ нѣсколько листовъ, но не знаю, сколько. Болѣе ничего я не послалъ, боясь отяготить А. Мих. Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ снова реэстръ книгамъ соч. Мюллера, которыя вамъ нужны. Я не могу найти письма вашего, въ кот[оромъ] вы объ этомъ писали.—Теперь позвольте сказать вамъ что-нибудь о себѣ. Вотъ уже третья недѣля, какъ у меня въ головѣ однѣ лекціи, которыхъ у меня 4: I) Политическая Экономія у Сарторіуса, II) Статистика у Герена, III) Естественное право у Гуго и IV) Дипломатика у Ассесора Зальфельда. О первыхъ двухъ вы знаете. Не знаю, какъ о третьей. Гуго по сію пору не началъ еще ничего того, чего я ожидалъ. Подъ Naturrecht онъ разумѣетъ Философію Положительнаго права (Philosophie des Positiven Rechts). А Дипломатику слушаю я, Куницынъ, Данилевскій и еще одинъ изъ Русскихъ — у Зальфельда, о которомъ я уже давно писалъ къ вамъ, на Французскомъ языкѣ; читаетъ изрядно. На лѣто хочется мнѣ съ нимъ приняться за Русскую Исторію. Надобно вамъ сказать, что всѣхъ болѣе лекцій занимаетъ меня Пол[итическая] Экономія, и для того я началъ переводить Сарторіусову книжку: Von den Elementen des Nat[ional]-Reichthums und v. d. Staatswirthschaft nach Ad[am] Smith и довелъ переводъ свой почти до половины. Теперь же спрашиваю у васъ, можно ли будетъ книжку сію напечатать? Въ сей наукѣ встрѣчается много словъ, которыя, думаю, не совсѣмъ еще введены въ языкъ Русской, или, по крайней мѣрѣ, которыхъ я на Русскомъ не знаю (Werth переводятъ у насъ — цѣн-

ность, а Wechselreiter?). Таковыхъ словъ множество. Я слышалъ, что Ад. Шмитъ переведенъ на Русской. Тамъ должны быть всѣ слова эти. Какъ вы объ этомъ думаете? Увѣдом[ь]те, пожалуйте, поскорѣе. Латинскій и Англійскій языкъ продолжаю, только Латинскій съ бо́льшимъ прилежаніемъ. Италіанскій оставилъ — нѣкогда заниматься имъ. — Понжерардъ приказалъ долго жить. Оставилъ нѣсколько долгу. — О политическихъ новостяхъ не пишу къ вамъ, боясь, чтобы не увѣдомить васъ о томъ уже, что было въ газетахъ. — Что наше дѣло? Есть ли надежда на скорое окончаніе? Матушка пишетъ, что хочетъ опять зимою (которая, я думаю, уже началась у васъ, сѣверныхъ жителей) ѣхать въ П.бургъ. Это очень неловко. — Вчера было здѣсь празднество по случаю дня рожденія Короля, кот[орый] уѣхалъ въ Парижъ. Лекцій не было. Довольно посмѣялся я вчера и сожалѣлъ, что не имѣю искусства Гогарта или по крайней мѣрѣ Яншина въ писаніи карикатуръ. Въ три часа послѣ обѣда шли почти всѣ Профессора изъ Consiliumhaus'а въ Sommerauditorium, гдѣ Мичерлихъ говорилъ рѣчь и прочелъ имяна студентовъ, которые получатъ награжденіе за свои диссертаціи. При всемъ моемъ почтеніи къ здѣшнимъ ученымъ не могъ я удержаться отъ смѣха. Вообразите себѣ Герена, Ейхгорна, Бекмана и т. д. всѣхъ en grand galas, съ клюками, въ башмакахъ, и вы можетъ быть сами посмѣетесь. Видите ли, какъ Геренъ пробирается по камнямъ на каблукахъ, боясь замараться грязью; Ейхгорнъ танцуетъ на ципочкахъ, Бекманъ страшно шагаетъ. Ихъ парики, пряжки, кафтаны, — все окружающее ихъ находится въ гармоніи съ ихъ лицами. Простите!

Ник. Т[ургеневъ].

Увѣдом[ь]те, что вы думаете о моемъ переводѣ.

42.

№ 35. *Геттингенъ. 29 Ноябр./11 Декабр. 1809.*

Милостивый Государь Братецъ!

Третьяго дня къ величайшему моему удовольствію получилъ я письмо ваше отъ 2 Ноября, вмѣстѣ со вложеніемъ примы векселя на 500 р. Чувствительно благодарю васъ за присылку сію, тѣмъ болѣе что въ денгахъ я имѣлъ очень большую нужду. Но что дѣлать съ курсомъ? Мы надѣялись, что новый миръ со Швеціею возвыситъ оный, но надежда наша не исполнилась, и курсъ сдѣлался даже хуже. За 500 р. я получаю только 180 Rt. Такого

курса еще никогда не бывало. Самый безкорыстный человѣкъ пожалѣетъ объ этомъ, особливо живучи на чужей сторонѣ! Одно утѣшеніе: что дѣлать? а другое то, что въ Геттингенѣ можно еще кое-какъ auskommen съ моими денгами, но кое-какъ — не болѣе. Съ мѣсяцъ тому назадъ я получилъ изъ Москвы письмо, въ которомъ Матушка пишетъ, что хочетъ послать мнѣ 1000 р., но съ тѣхъ поръ не получалъ никакого извѣстія. Что касается до нашего дѣла, то я право начинаю терять всю надежду, чтобы оно когда нибудь кончилось. Отъ кого зависитъ исполненіе? Что вы думаете о дѣлѣ? Совѣтъ вашъ, занять у кого нибудь здѣсь денегъ хорошъ; но вы, можетъ быть, знаете, какъ трудно занимать денги и въ Геттингенѣ. Удастся или нѣтъ съѣздить куда нибудь во время слѣдующихъ вакацій, это также зависитъ совершенно отъ денегъ и курса. — Какъ бы прекрасно было, естьлибы Сережа пріѣхалъ сюда! Когда я буду умирать и оставлю по себѣ потомство, то прикажу дѣтямъ своимъ ѣхать въ Геттингенъ, и чтобы приказаніе сіе переходило изъ рода въ родъ, пока Геттингенъ существовать будетъ. Вы спрашиваете, учусь ли я правамъ. Изъ послѣдняго письма моего (№ 34) вы, думаю, видѣли, что я теперь этимъ не занимаюсь. На будущій семестръ, лѣтомъ мнѣ хочется заняться въ особенности Русскою Исторіею, а при этомъ врядъ ли будетъ время для Римскаго права и другихъ; но впрочемъ можетъ быть. Но теперь позвольте мнѣ спросить васъ: долго ли мнѣ будетъ можно остаться въ Геттингенѣ? Въ послѣдніе полгода надобно покороче познакомиться съ библіотекою. Теперь болѣе всего я занимаюсь Политическою Экономіею и Латинскимъ языкомъ. Но первая несравненно легче послѣдняго, но надобно по крайней мѣрѣ стараться. И Римскому праву нельзя учиться, не знавъ Римскаго языка. Но за то весь трудъ Латинскаго языка вознаграждаетъ мнѣ Англійскій языкъ, на которомъ писалъ Мильтонъ! Вотъ уже другой семестръ, какъ я читаю съ Бенеке *Paradise lost* и каждый день чувствую болѣ[е] охоты къ Англійскому языку. По Англійски можно учиться для того только, чтобы прочесть Мильтона. Притомъ какого учителя я имѣю — лучшаго имѣть не возможно, думаю, въ самой Англіи. По сю пору еще не извѣстно, что будетъ дѣлаться съ библіотекою покойнаго Шлецера. Вчера продавался на аукціонѣ его Несторъ или, какъ Нѣмцы написали, Hektor, по сходству словъ. Здѣсь слышно, что ново-учрежденнымъ Вестфальскимъ орденомъ украсятъ нѣкоторыхъ изъ Профессоровъ. Также говорятъ, что Вестфальскому Королю и королевству предстоятъ большія перемѣны. Еще носятся и другіе слухи въ разсужденіи Россіи, но имъ нельзя вѣрить или по крайней мѣрѣ о нихъ нельзя писать. — Пожалуйте, увѣдом[ь]те меня по обстоятельнѣе о новомъ указѣ, вышедшемъ у васъ въ разсужденіи экзамена при повышеніи въ чи-

нахъ. Обстоятельнаго мы ничего объ этомъ не знаемъ, но кажется, что это должно быть очень хорошо. По какому случаю и посредствомъ кого онъ былъ изданъ? Мое письмо придетъ къ вамъ къ самому новому году. Поздравляю васъ съ нимъ и желаю всего того или и болѣе, чего бы вы сами могли желать себѣ. Не будетъ ли какой нибудь перемѣны къ новому году по вашей службѣ? Изъ газетъ видно было, что у насъ новый рекрутскій наборъ. Кого у насъ отдали?

Сюда пріѣдетъ скоро изъ Брауншвейга Пр[оф]. Lüder и будетъ, какъ говорятъ, получать Шлецерово жалованье. Говорятъ, что онъ, кромѣ большихъ своихъ свѣденій, имѣетъ и большую способность преподавать. Это, я думаю, очень непріятно для Сарторіуса, у котораго и такъ на Политикѣ и Пол[итической] Экономіи очень мало слушателей, а Исторической лекціи онъ не могъ совсѣмъ zu Stande bringen. Но здѣсь носятся слухи, что онъ имѣлъ зовъ въ Россію служить при Министерствѣ Иностр[анныхъ] Дѣлъ.

Недавно произходило здѣсь очень печальное явленіе, а имянно: одному Жиду рубили голову, хотя онъ и не признался въ своей винѣ. При семъ случаѣ я получилъ еще худшее понятіе о здѣшнемъ народѣ. Воз[ь]мите первое то, что для зрителей были построены мѣста, кот[орыя] получаютъ за денги. Народъ смотрѣлъ съ величайшею хладнокровностію, слѣдствіе Нѣмецкаго характера, шнапса и табаку, который они безпрестанно пили и курили. Послѣ экзекуціи они закричали палачу: браво! а многіе изъ почетныхъ людей подходили и говорили съ этою особою. Въ Россіи и подобнаго этому никогда не случится. Но многіе иностранцы приписываютъ добродушіе и благородство характера Русскихъ необразованности и варварству, какъ они это называютъ, а свое варварство — просвѣщенію. — Простите!

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ Петра Ивановича Путятина. *Въ С. Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

43.

№ 36. $\frac{18}{30}$ *Декабря 1809. Геттингенъ.*

Третьяго дня, Милостивый Государь Братецъ, получилъ я письмо ваше отъ 23 Ноября и въ то же время и письмо отъ Матушки со вложеніемъ векселя на 350 Гол. гульд., за которые и получилъ вчера 180 тал., столько

же, сколько и за послѣдніе 500 р. Этими денгами хочется мнѣ заплатить долги свои; и естьли всѣ сіи денги употребить на уплату, то у меня отъ нихъ ничего не останется. Впрочемъ по щету я долженъ жить этими денгами до 20 Февраля и потому прошу васъ сдѣлать милость не замѣдлить тогда присылкою слѣдующихъ денегъ впередъ. На этихъ дняхъ, такъ какъ у насъ продолжаются теперь праздники, былъ я въ Касселѣ съ однимъ изъ Русскихъ, Г. Михалковымъ, который здѣсь съ полгода, пріѣхалъ сюда изъ Парижа, а прежде служилъ въ Гвардіи. Вмѣстѣ являлись къ Кн[язю] Репнину; онъ принялъ насъ очень ласково, спрашивалъ у меня о моей службѣ и потомъ сказалъ, что онъ можетъ причислить меня къ Миссіи, и что время, которое я останусь въ Геттингенѣ, будетъ зачтено мнѣ въ службу; что все это онъ тотчасъ сдѣлаетъ, но что жалованья мнѣ не будетъ. Я благодарилъ его. Все хорошо. Прощаясь же онъ просилъ насъ къ себѣ когда нибудь обѣдать, но извинился, что не можетъ насъ пригласить сегодня, потому что, сказалъ онъ: je ne sais pas ce que je dois faire avec tout mon monde — vous m'excuserez comme compatriotes. Въ этотъ же день у него былъ большой столъ и фейерверкъ по причинѣ дня рожденія нашего Императора. Эта учтивость намъ не понравилась, особливо моему товарищу, и мы у него болѣе не были. Онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ подать ему прозбу, но я не думаю, чтобы это было для меня очень полезно. Можетъ быть тогда я буду зависѣть отъ посланника. Это хорошо, покуда я въ Геттингенѣ, а потомъ врядъ ли будетъ хорошо.

Скоро ли явится новый Opus вашъ въ свѣтъ и нельзя ли какъ-нибудь прислать экземпляръ въ Геттингенскую библіотеку? Объ исторіи Вольфа (о Молдавіи) я еще не могъ справиться у Бенеке, а Зальфельдъ, нашъ дипломатикъ, ничего объ этомъ не знаетъ и также рекомендовалъ мнѣ справиться у Бенеке.

О Шлецеровой библіотекѣ и завѣщаніи еще ничего неизвѣстно; на сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда женихъ его дочери; постараюсь отъ него узнать объ этомъ.

Вы совѣтуете мнѣ побывать гдѣ нибудь во время будущихъ ваканцій. Мнѣ давно уже хочется въ таковое время съѣздить въ Голландію, но всегда бываетъ остановка за денгами. Теперь же получаю я 700 тал. въ годъ, и такъ врядъ ли могу думать о путешествіи. Вы сами знаете, какова здѣсь жизнь, теперь же все гораздо дороже прежняго. Сахаръ, кофе и чай (хотя товаръ этотъ почти никогда не бываетъ въ моей комнатѣ) сдѣлались въ трое дороже противъ прежняго. Къ тому же я имѣю на себѣ долги и очень себя теперь ограничилъ, дабы заплатить ихъ. Главную часть долговъ сихъ со-

ставляетъ долгъ за книги, а потомъ долги за необходимое платье, за другія удовольствія никому не долженъ. Я намѣреваюсь еще пробыть здѣсь, щитая отъ св. недѣли, годъ; а естьли Сережа пріѣдетъ, то можно пробыть и долѣе. Впрочемъ это зависитъ отъ Матушки и также отъ курса. Очень огорчаетъ меня извѣстіе ваше о дѣлѣ.

У Зальфельда можетъ быть я буду слушать лекцію Русской Исторіи отъ Петра I. Лѣтомъ мнѣ хочется въ особенности заниматься Р[усской] Исторіею.

Недавно пріѣхалъ сюда Пр[оф.] Lüder изъ Брауншвейга и читаетъ публичную коллегію *Der Geist der Geschichte*. Какъ слышно, сюда будутъ призваны еще до 10 Профессоровъ. На святой недѣлѣ ожидаютъ сюда много студентовъ.

Въ Касселѣ пробыли мы 4 дня. Городъ хорошъ, но тишина столь же велика, какъ и здѣсь, къ тому же и Король еще не пріѣжжалъ. Мы смотрѣли дворецъ въ Napoleonshöhe, или прежде Wilhelmshöhe. Убранъ прекрасно. Я ходилъ къ Куріолю, у котораго вы всегда останавливались. Онъ просилъ меня сдѣлать вамъ Hundert Millionen Empfehlungen. Помнитъ всѣхъ Русскихъ, бывшихъ тогда здѣсь, и показывалъ мнѣ книжки, гдѣ имяна всѣхъ записаны.

Также видѣли мы залу, гдѣ будетъ скоро засѣданіе Государственныхъ Чиновъ (der Stände). Прекрасная зала; тронъ для Короля великолѣпенъ.

Простите! Желаю, чтобы все, случающееся съ вами въ продолженіе новаго года, было для васъ пріятно.

Н. Т.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *v. Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Г[осу]дарю Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина. *Въ С. Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen.

44.

№ 37. *Геттингенъ.* $\frac{6}{18}$ *Января 1810.*

Милостивый Государь Братецъ!

Вотъ уже два раза встрѣчалъ я здѣсь Новый Годъ! Какъ скоро прошло время съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами; сколько новаго видѣлъ и узналъ я въ продолженіи сего времяни; какъ много перемѣнился образъ мо-

ихъ мыслей! На многія вещи смотрю я теперь совсѣмъ другими глазами, нежели прежде.

Въ продолженіи этого времяни привыкъ я къ теперешнему моему роду жизни. Конечно скука иногда посѣщаетъ меня, но тогда другія мысли о возвращеніи моемъ прогоняютъ ее.

Но предметъ письма моего совсѣмъ другой: я хотѣлъ увѣдомить васъ о той книгѣ, о которой вы ко мнѣ писали; я ее нашелъ въ библіотекѣ, подъ заглавіемъ: Beiträge zu einer statistisch-historischen Beschreibung des Fürstenthums Moldau von Andreas Wolf. Hermannstadt. 1805. 2 Th. in 8.

Въ первой части авторъ занимается по большой части Статистикою Молдавіи. Въ предисловіи говоритъ, что онъ не могъ пользоваться ученымъ твореніемъ: *von Engel*, Geschichte des Moldau und Walachey (als Fortsetzung der allgemeinen Weltgeschichte), Halle 1804, — ни даже рукописью Гамера, секретаря посольства въ Константинополѣ. Также упоминаетъ онъ о сочиненіяхъ Кантемира (кот. у меня есть), Генерала Бауера, Карры, Зульцера, Райновича, называя все это одними только отрывками. Вторая часть, какъ я думаю, можетъ быть для васъ очень полезна. Онъ предлагаетъ въ оной списокъ воеводамъ, съ послѣдней половины XIV-го почти до конца XVIII столѣтій. Этотъ списокъ переведенъ имъ съ Валахскаго языка кажется изъ сочиненій покойнаго Якова, Митрополита Молдаванскаго. Къ сему списку принадлежитъ краткая Исторія каждаго Воеводы, и это составляетъ II-ю часть. Здѣсь упоминаетъ онъ и о войнахъ, которыя Россія имѣла съ Турціею. Вамъ, какъ мнѣ кажется, эта книга непремѣнно нужна; многое можно изъ нее почерпнуть, тѣмъ болѣе что объ этомъ очень мало писали, какъ говоритъ авторъ. Естьли вы не достанете этой книги въ Петербургѣ, то я могу переслать ее къ вамъ съ какимъ нибудь лѣкаремъ, которыхъ большое количество отправляется изъ Германіи въ Россію (щастливые люди!). А между тѣмъ могу доставить къ вамъ, естьли вы хотите, списокъ воеводамъ (безъ описанія ихъ жизни), онъ не великъ. Впрочемъ, увѣдом[ь]те меня, какихъ вамъ книгъ прислать надобно. Можетъ быть будетъ можно послать ихъ съ однимъ знакомымъ мнѣ докторомъ, отправляющимся недѣль черезъ 6 въ Россію. Недавно читалъ я въ газетахъ изъ Вѣны, подъ статьею изъ Константинополя, что наша армія должна была перейти опять черезъ Дунай. Вы можете себѣ представить, что я не повѣрилъ этому и долженъ былъ не одинъ разъ спорить съ Нѣмцами, которые Гамбургскія газеты почитаютъ оракуломъ. Черезъ нѣсколько времяни подлинно писали въ газетахъ изъ Берлина, что извѣстіе это несправедливо. Недавно также читалъ я въ газетахъ увѣдомленіе о сочиненіи Гр. Санти, кажется, Статистическое или Историческое опи-

саніе Финляндіи, должно быть чрезвычайно хорошо! Первое доказательство то, что писано по-Французски. Какъ щастлива Финляндія! Гагарины, Санти описываютъ ее! Недостаетъ только Фрейганга, чтобы довершить сіе щастіе.

Сюда пріѣхалъ Виленскій Профессоръ Полит[ической] Экономіи, Зноско, и хочетъ пробыть здѣсь до лѣта. Онъ просилъ меня освѣдомиться, въ П.бургѣ ли Иванъ Ѳедоровичь Журавлевъ, бывшій прежде въ Университетѣ, котораго вы знаете. Онъ знаетъ также многихъ изъ вашей Коммиссіи. — Здѣсь теперь зима и похожа на Русскую. Вчера было, какъ говорятъ, 15°, было очень холодно. Завтра будетъ здѣсь очень большая Schlitten-Partie, гдѣ die Vornehme Геттингенскія будутъ отличаться.

О Шлецеровой библіотекѣ я еще ничего не узналъ.

Простите, помните истинно любящаго и почитающаго васъ брата

Ник. Т.

Увѣдом[ь]те о своей Истор. Молдавіи — скоро ли выдетъ?

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ С. Петербургѣ.* Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина.

Штемпель: Goettingen.

45.

Геттингенъ. $\frac{13}{25}$ *Января 1810.*

Милостивый Государь Братецъ!

Сегодня отправляется отсюда докторъ Eisner въ П.бургъ на щетъ нашего Правительства. Вамъ, я думаю, извѣстно, что Государь нашъ приглашаетъ здѣшнихъ медиковъ и хирурговъ ѣхать въ Россію, чтобы служить въ арміи и другихъ мѣстахъ и очень на хорошихъ условіяхъ. Приглашеніе сіе давно уже было извѣстно въ Германіи, въ Вестфаліи же оно извѣстно со времяни прибытія въ Кассель Князя Репнина. Тѣ, которые намѣрены ѣхать въ Россію, получаютъ отъ посланника 100 или 150 червонцевъ, судя по тому, къ которому изъ двухъ классовъ они себя причисляютъ. Въ П.бургѣ и въ Вильнѣ будутъ они эксаменованы. Условія, на которыхъ опредѣляются записавшіеся въ первый классъ, очень трудны и врядъ ли найдутся охотники. Черезъ нѣсколько времяни ѣдутъ отсюда еще двое. Докторъ Eisner недавно еще въ Геттингенѣ и познакомился здѣсь съ нами. Онъ человѣкъ, кажется, добрый и болѣе намъ тѣмъ понравился, что съ большею радостію ѣдетъ въ

Россію, съ охотою, какъ говоритъ, поѣдетъ хоть въ Камчатку и притомъ старается узнать Русскій языкъ.

Я хотѣлъ было писать къ вамъ о состояніи моихъ финансовъ, но это оставлю до слѣдующей почты.

Вчера проѣзжалъ черезъ Геттингенъ Шведскій Король, ѣдущій въ Швейцарію, и мнѣ удалось его и супругу его видѣть. Въ это время весь Геттингенъ сбѣжался въ трактиръ *Корону*, гдѣ онъ останавливался. Онъ ѣхалъ въ колязкѣ съ маленькимъ сыномъ, а Королева въ каретѣ. Студенты собрались у его окошекъ и кричали ему: Lebe hoch! три раза. Онъ не показывался у окошка, но когда входилъ и выходилъ изъ трактира, то кланялся всѣмъ очень ласково. Здѣсь учится нѣсколько студентовъ изъ Шведской Помераніи; они пошли къ одному изъ его Генераловъ, и Королю доложили, что они хотятъ его видѣть. Король отвѣчалъ, что это ему будетъ очень пріятно, не смотря на то, какъ бы они одѣты ни были. Они пошли къ нему, будучи одѣты совершенно по-студенчески. Съ ними вмѣстѣ набилось пропасть студентовъ въ комнату, такъ что Королева должна была стоять въ углу. Король говорилъ съ ними очень долго, спрашивалъ у каждаго о его имяни; потомъ сказалъ, что Померанія опять уступлена Швеціи, потомъ сказалъ: «я надѣюсь, что вамъ также будетъ хорошо подъ новымъ Правительствомъ, какъ и прежде», и при сихъ словахъ слезы катились изъ глазъ его. Студенты проводили его и вездѣ кричали ему: ура! по-Шведски. Вотъ Король! Какой человѣкъ долженъ онъ быть?

Теперь сравните съ этимъ пріемомъ пріемъ нашего посланника Кн. Репнина и сравните также Густава IV съ Кн. Репнинымъ, который ни у кого изъ насъ, кромѣ меня, не спросилъ объ имяни.

Королева прекрасная женщина. Каково было смотрѣть на нее и сравнивать положеніе двухъ сестеръ!

Свита Королевская была довольно велика, съ нимъ было 9 каретъ; сегодня онъ долженъ былъ ночевать въ Касселѣ. Какова-то была для него ночь эта?

Вы не можете себѣ представить, какъ странно было для меня смотрѣть на Короля. Къ Королямъ и Императорамъ имѣешь какое-то особенное чувство и послѣ видѣть его въ такомъ положеніи? Не знаю, какъ-то онъ самъ это чувствуетъ? Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ, былъ уже онъ Королемъ, и вдругъ ничего не значитъ! Но такіе люди живутъ въ потомствѣ. И Густавъ будетъ занимать въ исторіи лучшее мѣсто, нежели многіе изъ теперешнихъ Монарховъ.

Простите! Вашъ Н. Т.

P. S. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Матушки и брата.

P. S. Какъ вы думаете объ этомъ, что Шведская Померанія уступлена Шведамъ? Здѣсь многое въ разсужденіи этого пророчествуютъ, и все это вѣроятно. — Что значитъ извѣстіе въ газетахъ, что Русскія войска собираются на Польской границѣ? Не будетъ ли чего-нибудь въ скоромъ времяни? Увѣдом[ь]те объ этомъ какъ-нибудь, хоть Іероглифами, и вообще о нашихъ теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ, а особливо касательно Франціи. Мы здѣсь совершенно ничего не знаемъ. Правда ли также это, что наша армія была разбита подъ Силистріею и что Багратіонъ вновь перешелъ за Дунай. Это все чрезвычайно меня безпокоитъ и досадуетъ; можетъ быть это и неправда? Но такъ какъ мы самой истинны здѣсь знать не можемъ, то и должны по крайней мѣрѣ слушать или читать то, что говорятъ или пишутъ.

46.

№ 38. *Геттингенъ. $\frac{18}{30}$ Января 1810.*

Сей часъ, Милостивый Государь Братецъ, получилъ я письмо ваше отъ 20 Декабря и премного благодарю васъ за него. Я самъ получилъ на сихъ дняхъ письмо изъ Москвы, и Сережа писалъ и ко мнѣ, что Гусятниковъ прислалъ одно только письмо, безъ книгъ, посланныхъ мною, а что онъ самъ, какъ онъ слышалъ въ домѣ его, поѣхалъ *въ Англію* (не во Францію, какъ вы пишете). Но этотъ слухъ невѣроятенъ, потому что Гусятникову нельзя ѣхать въ Англію: всѣхъ Русскихъ, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, вывезли при началѣ войны изъ Англіи и высадили въ Кале. Можетъ быть, что онъ поѣхалъ въ Вѣну, куда однакожь, какъ онъ говорилъ мнѣ, хотѣлъ ѣхать уже изъ Москвы. Къ тому же я недавно получилъ письмо изъ Лейпцига отъ Соколовича, который увѣдомлялъ меня, что Г. Гусятниковъ еще тамъ и ничего не писалъ о его отъѣздѣ ни въ Англію, ни Францію. Что же касается до 5-й части Нестора, то это была не та самая книга, которую мнѣ прислалъ Шлецеръ, потому что сія послѣдняя состояла только изъ нѣсколькихъ листовъ, и я, опасаясь, что 5-я часть Нестора будетъ у васъ не полна, послалъ къ вамъ новую, а листы, присланные Шлецеромъ, хранятся у меня, и я, можетъ быть, пришлю ихъ къ вамъ съ однимъ докторомъ, отправляющимся отсюда. Письма при листахъ сихъ никакого не было, а адресъ на оберткѣ, писанный рукою Шлецера, я, кажется, приложилъ къ книгѣ. О книгахъ и бумагахъ покойнаго я еще ничего узнать не могъ. Сережа также увѣдомлялъ меня о Государевомъ пребываніи въ Москвѣ. Подлинно Русской

народъ! Посмотрѣлъ бы на *православныхъ* въ это время ихъ радости. Внѣ Россіи ничего подобнаго нельзя ожидать отъ народа. Здѣшняго Короля встрѣчали гдѣ-то постиліоны хлопаніемъ бичевъ, и объ этомъ, кажется, писали въ газетахъ! Давно бы пора было дать Ив[ану] Влад[имировичу] орденъ св. Алек[сандра] Невскаго *за его службу*. Онъ, кажется, видя, что люди къ нему несправедливы и не отдаютъ должной справедливости великимъ заслугамъ, рѣшился самъ хвалить себя! Я повторяю слова ваши: *homo est!* На Русскомъ — человѣкъ то есть! — Но все это abstrahirt отъ его долговъ; думая о сихъ послѣднихъ, kann ich nicht aus ihm klug werden. Также давно бы пора было отставить Спиридова и Овцина. Послѣдній, какъ я слыхалъ, много проказъ еще прежде дѣлалъ. Что есть интереснаго для насъ въ запискахъ Ив. Влад.? О томъ, о бюстѣ котораго вы пишете, я не говорю ни слова. Но люди и тутъ не отдавали справедливости, непремѣнно должной его дѣламъ, достоинству и чрезвычайному, необыкновенному характеру!

Я почти уже кончилъ мой переводъ Сарторіуса. Трудностей въ самой матеріи, благодаря его лекціямъ, для меня нѣтъ, но нѣкоторыхъ техническихъ выраженій на нашемъ языкѣ нѣтъ. Можно ли будетъ переводъ этотъ напечатать, разумѣется послѣ вашей поправки? Растолкуйте мнѣ, сдѣлайте одолженіе, ваши эксамены; кто эксаменуетъ? За аттестатами дѣло не станетъ: отъ Сарторіуса воз[ь]му преогромный, естьли надобно. Увѣдом[ь]те меня подробнѣе объ этомъ, мы ничего здѣсь не знаемъ. Отъ кого это вышло, почему и каково приводится въ исполненіе? Неужели надобно было и вамъ брать теперь аттестатъ? Но по крайней мѣрѣ много чести: подписано «*самимъ*» Ректоромъ! Сами Профессора, я разумѣю нашихъ, не могли бы выдумать для себя ничего лучше этихъ экзаменовъ. Нѣмцы или и другіе будутъ набивать карманы, а наши Матадоры (*Харитонъ* и т. п.) Московскаго Университета будутъ довольствоваться хорошимъ завтракомъ и *дюжиною* вина. Просвѣщеніе и вмѣстѣ жрецы онаго покровительствуемы со всѣхъ сторонъ! Anders sieht es hier aus! Die armen Teufel können kein Collegien zu Stande bringen! а о завтракахъ и не думаютъ. Бѣдная Германія! Щастливая Россія (!).

Переводъ Ленкевича долженъ быть очень хорошъ. Что же касается до другаго творенія, то я бы врядъ ли подумалъ о немъ что-нибудь хорошее, естьли бы вмѣстѣ не стояло, подъ чьимъ руководствомъ оно писано. Вѣрно Opus въ 6 или 8 страницъ (!). Это значитъ брать не съ высока и искать: «*въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка?*» Всѣ эти *творенія*, пишете вы, произвели указъ объ экзаменахъ. А! великія причины имѣютъ великія дѣйствія! Но жаль, что изъ этого *я не могу судить о направленіи, данномъ*

умамъ и Литтераторамъ вашимъ, какъ вы пишете. Не завидую вашему богатству въ трагедіяхъ! Но всѣ ли трагедіи писаны на Русскомъ? Нѣтъ ли еще какихъ нибудь новыхъ твореній нашихъ Патріотовъ на Французскомъ? Либо я, либо вы ошиблись: я не писалъ къ вамъ, или не хотѣлъ писать, что Латынь моя идетъ съ успѣхомъ: совсѣмъ напротивъ. Англійской языкъ дѣло другое. Много бы еще сталъ писать къ вамъ, но пора итти къ Вундерлиху твердить эту Латынь. Далѣе буду отвѣчать на слѣдующей почтѣ. Теперь только прибавлю, что денегъ, которыя мнѣ Матушка присылаетъ, для меня довольно *жить здѣсь*. Только покорно прошу васъ сдѣлать такъ, чтобы мнѣ присылали въ срокъ. Я пріѣхалъ сюда 20 Августа 1808,—20 Авг. 1809 минулъ годъ. До 20 Февраля 1810 я получилъ послѣднюю тысячу. Теперь прошу мнѣ прислать къ 20 Февраля, потому что отъ 1000 р. остался 1 луидоръ. Простите! Н. Т.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew. In St. Petersbourg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ С. Петербургѣ.* Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія *Петра Ивановича Путятина.*

Штемпель: Goettingen [1]).

47.

№ 39. *Геттингенъ. $\frac{3}{15}$ Февраля 1810.*

Давно я такъ не радовался, какъ третьяго дня, получивши отъ васъ письмо отъ 12 Января, въ которомъ вы увѣдомляете о полученіи Владимірскаго креста. Какъ бы желалъ посмотрѣть теперь на васъ при этомъ новомъ украшеніи. Тысячи разъ поздравляю васъ и радуюсь болѣе, нежели вы сами. Спасибо Сперанскому. Итакъ вы кавалеръ! — По всему видно, что у насъ въ Россіи многое перемѣняется и образуется вновь. Манифестъ о Совѣтѣ и образованіе сего я читалъ уже въ Гамбургскихъ газетахъ. Большое сходство съ Французскимъ. Также видно и въ Министерствѣ большія перемѣны. Не знаю, выиграетъ ли Юстиція въ новомъ Министрѣ; Ив[анъ] Ив[ановичъ] [2]) кажется не сотворенъ для того, чтобы быть Министромъ, скорѣе онъ можетъ быть Сенаторомъ. Умъ и честность не составляютъ еще всѣхъ способностей, нужныхъ Министру. Надобно имѣть характеръ твердый и непоколебимый. Но какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ то вѣрно, что Русская Словесность много потеряетъ при этомъ. — Куда ѣдетъ N. N. No-

1) Сверху письма, на первой страницѣ надписано: «съ манускр. Фишера». 2) Дмитріевъ.

восильцовъ? «Отдежурилъ и пошелъ», говоритъ Державинъ. — Я недавно получилъ письмо изъ Москвы, и ко мнѣ ничего не пишутъ о дурномъ оборотѣ, который взяло наше дѣло. Въ чемъ состоитъ сей оборотъ? Видно долго еще надобно дожидаться рѣшенія. Какимъ образомъ Ив[анъ] Влад[иміровичъ] остановилъ исполненіе повелѣнія о продажѣ деревень его? Непонятный человѣкъ! Онъ долженъ былъ предвидѣть, что при такихъ его благодѣяніяхъ должно будетъ наконецъ разстаться съ своимъ имѣніемъ.

Вмѣстѣ съ послѣднимъ письмомъ вашимъ получилъ я письмо отъ васъ къ Князю Репнину, которое я думаю отослать въ Кассель, самому же мнѣ туда ѣхать нельзя, по причинѣ лекцій. Признаюсь, что я не предвижу большей выгоды, будучи опредѣленъ къ Миссіи, потому что остаться при Миссіи служить, думаю, нельзя, а, будучи причислену, не выиграю я болѣе $1\frac{1}{2}$ года службы. Но боюсь, чтобы это не сдѣлало мнѣ затрудненій по Архивѣ; а пріѣхавши въ Россію и выдержавши экзаменъ, можно надѣяться, что время моего отживанія будетъ зачтено въ службу, о чемъ говорилъ мнѣ и Малиновскій. Впрочемъ какъ бы не быть въ тягость Князю? Я не знаю, почему онъ будетъ дѣлать такія одолженія? Не можетъ ли мнѣ это сдѣлать затрудненія тогда, когда я долженъ буду ѣхать изъ Геттингена или возвращаться въ Россію? Какая цѣль всего этого? Князь сказалъ мнѣ, что жалованья получать мнѣ нельзя при Миссіи. Но письмо ваше пошлю, а на св. недѣлѣ, когда буду въ Касселѣ, и естьли все это останется такъ, подамъ прозьбу Князю, по его собственному приказанію. Теперешнія занятія мои вамъ извѣстны. Въ продолженіе будущаго лѣта, я рѣшился заниматься Исторіею Россіи и также Финансами, кот[орые] вѣроятно будетъ читать Сарторіусъ. Правами же вообще думаю я заняться на слѣдующую зиму.

Недавно послалъ я къ вамъ съ докторомъ Науманомъ, который поѣхалъ въ Россію на щетъ нашего Правительства для того, чтобы быть опредѣлену по Медицинской части, переводъ мой Сарторіуса; онъ еще не конченъ, но я не хотѣлъ пропустить случая; съ нимъ же послалъ я недавно вышедшее маленькое сочиненіе Герена о Мюллерѣ. Желаю, чтобы эти посылки не имѣли равной участи съ прежними.

Людеръ, пріѣхавшій сюда Профессоръ, долженъ быть хорошъ по своей части, но имѣетъ много странныхъ и несправедливыхъ положеній, напр. что война есть величайшее благо и источникъ народнаго богатства. Скорѣе первое, нежели послѣдней (sic). Онъ получаетъ то жалованье, кот[орое] получалъ Шлецеръ. Онъ читаетъ теперь публично: Geist der Geschichte два раза въ недѣлю. Мнѣ можно ходить только одинъ; Богъ знаетъ, чего онъ сюда не прибираетъ! Я прежде думалъ, что онъ повредитъ Сарторіусу, но

теперь сомнѣваюсь въ этомъ. У сего послѣдняго мы недавно ужинали; было только 4 Русскихъ и Виленской Проф. Зноско (кот[орый] просилъ меня освѣдомиться о Журавлевѣ); было очень весело; Сарторіусъ спрашивалъ меня о васъ.

Гейне получилъ недавно новоучрежденной орденъ Вестфальской Короны 3-го класса, болѣе никто не получилъ. Сережа пишетъ, что онъ умеръ, и будто вы къ нему объ этомъ писали. Вообще я не понимаю, отъ чего Сережа думаетъ, что Геттингенъ въ упадкѣ, и что Берлинскій Университетъ будетъ нашему вреденъ. Это не возможно, и я старался вывести его изъ заблужденія. Простите! Радуйте чаще своими письмами любящаго васъ брата, кот[орый] полагаетъ въ томъ первѣйшее свое удовольствіе.

Н. Т.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew*. Russisch-Kayserlichen Hofrath. *In St. Petersburg*. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія Петра Ивановича Путятина *Въ С.-Петербургѣ*.

48.

25 Февраля / 9 Марта 1810.

Сей часъ, М[илостивый] Г[осударь] Братецъ, получилъ я отвѣтъ отъ Секретаря Кн. Репнина, Г. Геслера, къ которому я посылалъ письмо ваше для доставленія къ Князю. Князь приказалъ мнѣ доставить къ нему извѣстіе о времяни вступленія моего въ службу, о пожаловании въ чинъ и годѣ, имяни и проч. Годъ рожденія моего помню, но годъ вступленія въ службу и пожалованія позабылъ, также какъ и число. Письмо очень ласковое. Итакъ, пришлите мнѣ послужной списокъ поскорѣе. Я здоровъ. Дожидаюсь отъ васъ Ессенціи. Вчера получилъ 40 талеровъ отъ Соколовича.

Простите!

Вашъ братъ Никол[ай] Тур[геневъ].

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew*. In *St. Petersburg*. Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу*. Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ Путятина. *Въ Петербургѣ*.

Штемпель: Goettingen.

49.

№ 40. *Геттингенъ.* $\frac{12}{24}$ *Марта 1810.*

На сихъ дняхъ, Милостивый Государь Братецъ, получилъ я письмо ваше отъ 16 Февраля съ приложеніемъ векселя на 1000 р., за который я почти уже и получилъ 360 тал. Курсъ въ этомъ векселѣ $\frac{1}{4}$ лучше послѣдняго, но за то срокъ долѣе, и потому я получилъ столько же, какъ и въ послѣдній разъ. Покорнѣйше благодарю васъ за письмо и за присылку денегъ. Теперь можно мнѣ будетъ куда нибудь съѣздить въ продолженіи ферій, которыя начнутся недѣли черезъ двѣ. Какъ я радъ, что дѣло наше кончилось! Теперь съ этой стороны можно быть покойну. Довольна ли Матушка этимъ окончаніемъ? Я еще не имѣю изъ Москвы о томъ извѣстія. По моему мнѣнію должно радоваться хотя такому окончанію. По крайней мѣрѣ не будетъ теперь никакихъ безпокойствъ, ни хлопотъ. Я очень этому обрадовался, очень. — Что дѣлаетъ Андрей Сергѣевичь? Поклопитесь ему отъ меня и скажите, что недавно по его милости мы ѣли *щи*, и первая рюмка вина была выпита за его здоровье и провозглашенъ ему Lebe-Hoch! 3 Mahl. Не думаетъ ли онъ вступить въ службу? Какъ живетъ М. Сергѣевичь, въ П.бургѣ ли онъ? Я никакъ не ожидалъ отъ П. Серг. таковыхъ поступковъ; да и отъ какого человѣка можно ожидать поступковъ противъ брата! Это для меня непостижимо. Дѣло бы сдѣлалъ Василій Андреевичь[1]), естьлибы пожаловалъ въ Геттингенъ, а еще бы лучше было, естьлибы Сережа вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ, которому непремѣнно нужно побывать здѣсь. Лексиконъ Фишера былъ подаренъ Шлецеромъ библіотекѣ здѣшней, но теперь его не могутъ найти и думаютъ, что Гейне его отдалъ или послалъ къ кому нибудь и позабылъ объ этомъ. Впрочемъ скажу объ этомъ Бенеке. 5 часть Нестора послана мною къ вамъ съ А. Н. Гусятниковымъ, который по послѣднему письму отъ П. П. Соколовича (съ приложеніемъ должныхъ мнѣ 40 тал.) все еще живетъ въ Лейпцигѣ. Странный человѣкъ! Онъ такимъ образомъ въ 5 лѣтъ не доѣдетъ до Москвы! Дай Богъ успѣха Графу Каменскому въ Молдавіи. Жаль Кн. Богратіона. — Я еще ничего не слыхалъ о посольствѣ Кн. Репнина въ Мадритъ. Я послалъ въ Кассель извѣстіе о моей службѣ и проч. Написалъ, что вступилъ 1803, пожалованъ 1806 въ Декабрѣ и проч., но будетъ ли это достаточно? Во всякомъ случаѣ постарайтесь прислать послужный списокъ. Куда выпу-

---

1) Жуковскій.

щенъ Иванъ Сем.? Куницину продолжить пенсію зависитъ отъ васъ. Я здѣсь не хочу брать отъ его брата этихъ денегъ, потому что ему самому мало чѣмъ жить. Какъ это не хорошо, что у насъ люди съ великими дарованіями, какъ Уваровъ, о которомъ вы пишите, пишутъ иногда сочиненія свои на Французскомъ! Въ такомъ случаѣ стихи и проч. теряютъ свою цѣну. Эта мода смѣшна въ путешественникѣ въ Финляндію, непростительна въ такомъ, кот[орый] равняется съ Делилемъ. Хорошо, что Дмитріевъ не перемѣнился въ отношеніи къ вамъ, но не перемѣнился ли онъ въ другихъ отношеніяхъ? Впрочемъ должно жалѣть, что онъ теперь Министръ. Министровъ можно было найти много, а Дмитріевыхъ? Шлецеръ прислалъ ко мнѣ тогда нѣсколько листовъ 5-й части Нестора. Но я, боясь, что вы будете имѣть неполную книгу, послалъ къ вамъ съ Гусятн[иковымъ] 5-ю часть полную, о чемъ къ вамъ и писалъ. Я думаю, вы уже получили мой переводъ Сарт[оріуса] съ докт[оромъ] Науманномъ; естьли вы захотите печатать его, то увѣдом[ь]те меня, — надобно написать предисловіе. Большая часть студентовъ нашихъ хочетъ ѣхать отсюда и для того просили свою конференцію, чтобы имъ прислали жалованье за цѣлый годъ; и конференція очень дурно сдѣлаетъ, естьли не исполнитъ ихъ прозбы. Иначе трудно будетъ нѣкоторымъ отсюда подняться. Я надѣюсь съ 200 тал., которые у меня останутся по чистой разплатѣ долговъ, съѣздить куда нибудь. Но, чтобы разстаться на нѣкоторое время съ Нѣмцами, намѣре[ваюсь] (не болѣе) съѣздить въ Голландію. На Гарцѣ уже я былъ. Слѣдующую тысячу лучше всего прислать черезъ 6 мѣсяцевъ, щитая отъ 20 Февраля. Теперь для меня очень хорошо, что вы присылаете ден[ь]ги въ пору. Сарторіусъ опредѣлилъ два часа въ недѣлю для того, чтобы разговаривать съ слушателями о Полит[ической] Экономіи и спрашивать ихъ. Это испытаніе уже было. Я тамъ былъ и мнѣ очень это понравилось. Съ слѣдующаго семестра начнутъ это дѣлать всѣ Профессора, по предписанію правительства, кот[орое] хочетъ, чтобы аттестаты были справедливѣе. Также Сарторіусъ задалъ два вопроса: чего хочетъ Австрія посредствомъ своего новаго Плана о Финансахъ, и какія отъ того могутъ быть слѣдствія? Я подалъ свои отвѣты, но сіи должны быть очень несовершенны, потому что первый вопросъ очень труденъ. Изъ Гамбургскихъ газетъ увидите, какъ обезчестенъ здѣшній Префектъ, человѣкъ прекрасный и умный, Министромъ военныхъ силъ, кот[орый] никакого вліянія на Префектовъ не имѣетъ, — и за бездѣлицу, которая до Префекта никакъ не касается. *Гановеръ* принадлежитъ къ Вестфаліи. Простите! Данилевскій вамъ кланяется и поздравляетъ съ орденомъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew*. Russisch-Kayserlichen Hofrath. *In St. Petersbourg*. Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу*. *Въ С.-Петербургѣ*. Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія *Петра Ивановича Путятина*.

Штемпель: Goettingen.

50.

Геттингенъ. $\frac{11}{23}$ Мая 1810.

Сей часъ, Милостивый Государь Братецъ, получилъ я письмо ваше отъ 30 Марта черезъ Г. Фроманна. Я слышалъ, что др. Науманнъ, привезшій вамъ мой переводъ, сердится на меня и на Данилевскаго за то, что мы ему хвалили Россію, которую онъ изволилъ найти совсѣмъ напротивъ. Это для меня удивительно, потому что этотъ человѣкъ совершенно ничего не имѣетъ. Теперь, думаю, вы уже получили и конецъ перевода съ др. Фольмаромъ. Что касается до этого перевода, то въ то время я еще не прочелъ всего Смита и слѣдственно не могъ совершенно обнять матеріи. Но вотъ уже двѣ недѣли, какъ я возвратился въ Геттингенъ, видѣлъ Голандію, удивлялся уму, искусству, всемогуществу человѣка, восторжествовавшаго надъ природою; на водахъ воздвигнулъ онъ города, изъ болотъ сотворилъ поля; обогатилъ первые, обработалъ послѣднія и поставилъ эту чудесную землю на степень совершенства, которой еще никакая земля въ Европѣ не имѣла! На каждомъ шагу можно замѣтить трудолюбіе, благосостояніе, царствующія въ Голландіи. Судя по теперешнему состоянію земли, можно представить себѣ важность сего Государства въ тѣ времяна, когда Вильгельмы, де-Рейтеры, Гейніусы, Трумпы и проч. полагали предѣлы жадности честолюбиваго завоевателя, унижали гордыхъ Англичанъ и проч., когда со всѣхъ частей свѣта сокровища текли и соединялись въ ономъ. Но все это прошло; одни слѣды прежняго величія остались, одно воспоминаніе и — *можетъ быть — надежда!* Большое участіе въ сей перемѣнѣ имѣла и перемѣна народнаго характера; кто бы подумалъ прежде, что изъ постоянныхъ Голландцевъ, съ правомъ гордившихся своею свободою, большая часть превратилась въ самыхъ пустыхъ людей, гордящихся золотыми мундирами, ленточками и т. п.? Но таковы люди! Но нельзя сказать сего о всѣхъ; многихъ Голландцевъ встрѣчалъ я, имѣющихъ еще духъ своихъ предковъ и достойныхъ своего имяни.

30-го Мая. О мѣлкихъ сочиненіяхъ Мюллера я справлялся, отъискать и[хъ] всѣ почти невозможно; но черезъ двѣ недѣли выдутъ 2 или 3 части его

полныхъ сочиненій и постараюсь переслать ихъ къ вамъ съ Г. Кайдановымъ, послѣднимъ студентомъ П[едагогическаго] Института, которой ѣдетъ отсюда на этой недѣлѣ и котораго я буду просить купить эти книги въ Лейпцигѣ. Теперь остается только двое Русскихъ въ Геттингенѣ — Данилевскій и я. Съ этимъ же Кайдановымъ хочу я послать вамъ окончаніе моего перевода, потому что Dr. Folmar не могъ ѣхать въ Россію. Состояніе Геттингенскаго Университета очень поправилось со стороны числа студентовъ и Профессоровъ. Первыхъ щитаютъ теперь здѣсь болѣе 600, а къ числу послѣднихъ присоединились Shulz [1]) (дѣлающій *подрывъ* Буттервеку), de Crele и проч. Lüder имѣетъ довольно слушателей, но у Герена все столько же, почти мѣста нѣтъ, у Сарторіуса хотя и болѣе, чѣмъ прошлую зиму, но все мало въ сравненіи съ его лекціею. Намѣреніе мое заниматься въ особенности Русскою Исторіею въ продолженіе этого семестра не исполнилось, потому что я принужденъ былъ слушать болѣе лекцій нежели прежде думалъ.

Я слушаю теперь: Финансы у Сарторіуса; Уголовное право у Гӧде (читаетъ очень хорошо. Указъ объ экзаменахъ по большей части заставилъ меня взять эту лекцію, и я не сожалѣю объ этомъ), Инциклопедію (sic) правъ у Гуго (говоритъ много вздору; эта лекція служитъ введеніемъ къ прочимъ его лекціямъ), Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій у Герена (это слушаю я въ другой уже разъ и теперь взялъ для того, что время отъ 2—3 послѣ обѣда никакъ употребить иначе нельзя) и Исторію Искусства у Фіорилло (который имѣетъ только 3 слушателей и долженъ читать, имѣя нужду въ деньгахъ). Къ этому присоединится скоро Исторія † [2]) походовъ, публичная лекція Герена 2 раза въ недѣлю; кромѣ сего хожу я съ Данилевскимъ отъ 7—9 часовъ утра въ воскресенье къ Ассессору Бальгорну, съ которымъ повторяемъ юридическія коллегіи. Два раза въ недѣлю, въ субботу и въ воскресенье отъ 6—7 ходитъ ко мнѣ старикъ Росси. Два раза въ недѣлю хожу къ Бенеке и читаю съ нимъ Шекспира и 3 раза къ Вундерлиху. Сарторіусъ читаетъ отъ 6—7 утра. Изъ сего можете вы видѣть, сколь мало времяни остается мнѣ для чтенія книгъ по этимъ частямъ, а еще менѣе по части Р[усской] Исторіи. Менѣе лекцій мнѣ нельзя было взять. Я хотѣлъ было еще слушать у Гӧде Kirchenrecht (прекрасная лекція), но это ist nicht zu Stande gekommen.

Жаль будетъ, естьли мнѣ ничего не удастся послушать у Людера, хотя я и предпочитаю ему Сарторіуса, котораго лекціямъ и ласкамъ обязанъ я болѣе всѣхъ. Недавно спрашивалъ онъ о васъ, Фіорилло тоже. Князь Репнинъ еще въ Касселѣ и, какъ сказываютъ, послалъ своего secretaire en

1) Schulz? 2) Крестовыхъ.

second Геслера въ П.бургъ съ прозьбою остаться при здѣшнемъ дворѣ. Онъ, между нами будь сказано, долженъ въ Касселѣ уже 65.000 таллеровъ, но этотъ слухъ, кажется, невѣроятенъ.

NB. Въ Амстердамѣ познакомился я съ Русскими, служащими при Посольствѣ, которымъ очень обязанъ за ихъ ласки. Всѣ до одного Русскіе и потому отличны очень отъ Кассельской Миссіи. Одинъ изъ нихъ, Г. Корсаковъ, женится на Голландкѣ. — Путешествіе это стоитъ мнѣ 22 луидора. Въ отсутствіи былъ я около 5 недѣль и пріѣхалъ сюда еще до начатія лекцій и воспользовался времянемъ, чтобы прочесть Ад. Смита. Матушка писала ко мнѣ, что намѣрена отпустить Сережу въ Геттингенъ. Съ кѣмъ, вы думаете, онъ поѣдетъ, и точно ли это? Курсъ хотя и дуренъ, но въ Геттингенѣ можно еще жить. А впрочемъ: *куй желѣзо пока горячо*. Простите, помните брата истинно васъ любящаго и почитающаго. Н. Т. — Не сердитесь, естьли я вамъ безпрестанно дѣлаю вопросы: чѣмъ вы теперь въ особенности занимаетесь и есть ли у васъ одно какое-нибудь дѣло или занятіе?

Важнѣйшая NB. Срокъ присылкѣ мнѣ денегъ будетъ еще къ 20 Августу, но не худо бы и нужно прислать вексель мѣсяца [за] два прежде, т. е. теперь; тѣмъ болѣе, что Матушка предлагала мнѣ прибавить денегъ, но я отказалъ. Постарайтесь о присылкѣ.

Напомните Сиверсу о бѣдной матери его сына, которая вышла замужъ, и содержаніе ребенка стоитъ ей дорого. Я слышалъ, что она хочетъ на него жаловаться. Съ его стороны это непростительно.

P. S. Что дѣлаетъ въ П.бургѣ Jacob, Харьковской профессоръ? Г. Кайдановъ остается еще здѣсь.

Теперь живетъ здѣсь дочь Шлецера, докторъ, дожидается брата изъ Москвы для раздѣла имѣнія. Недавно въ библіотекѣ сняли бюстъ Цесаря и на мѣсто онаго поставили бюстъ сей дочери Шлецера. O tempora! o mores! — Мейнерсъ умеръ.

Должно ли *порядочно* заняться Наполеоновымъ Кодексомъ? Этого бы я не хотѣлъ по самымъ извѣстнымъ причинамъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn von *Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Милостивому Государю Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ.* Въ Италіанской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія *Петра Ивановича Путятина.*

Штемпель: Goettingen[1]).

1) Къ этому письму приложенъ небольшой кусокъ бумаги, на которомъ написано: «Увѣдом[ь]те, можно ли мнѣ здѣсь остаться еще годъ. Прежде года мнѣ нельзя отсюда выѣхать».

51.

Геттинген. $\frac{10}{22}$ *Іюля 1810.*

Милостивый Государь Братецъ!

Вчера, къ величайшему удовольствію, получилъ я письмо ваше отъ 10 Іюня съ приложеніемъ стиховъ Пушкина, посланное вами съ Ханыковымъ. Изъ сего письма я вижу, что вы еще не получали тогда письма моего, писаннаго по возвращеніи изъ Голландіи. Съ тѣхъ поръ я не писалъ ни къ вамъ, ни къ Матушкѣ; теперь же, кажется, столько накопилось предметовъ, о кот[орыхъ] должно васъ увѣдомить, что и не знаю, съ чего начать. Извините, естьли я послѣдую извѣстной Русской пословицѣ и начну съ самаго себя; и въ семъ случаѣ рука моя, почти противъ моей воли, старается напомнить вамъ мою прозьбу о присылкѣ векселя, которому, сверхъ того, и срокъ будетъ ровно черезъ мѣсяцъ. Причиною сего недостатка не есть моя (слишкомъ скромная) жизнь, но путешествіе въ Голландію. Сдѣлайте одолженіе, постарайтесь не замѣшкать присылкою, потому что въ продолженіе слѣдующихъ ферій, то есть, щитая отъ сегодня, недѣль черезъ 7, мнѣ хотѣлось бы съѣздить въ Дрезденъ. Вамъ извѣстно, что я слушаю лекцію у Фіорилло и сдѣлался отъ того большимъ охотникомъ до картинъ, и потому-то я рѣшился непремѣнно посмотрѣть Дрезденскую Галлерею. Такъ какъ я началъ вамъ говорить о моихъ охотахъ и планахъ, то кстати сообщу вамъ одно изъ важнѣйшихъ моихъ намѣреній: я рѣшился не умирать безъ того, чтобы не видать Италіи! Забравшись въ Россію, трудно будетъ оттуда ѣхать куда-нибудь; и такъ это бы было прекрасно, естьлибы я могъ будущимъ лѣтомъ, простившись съ Геттингеномъ и посмотрѣвши Францію, исполнить обѣщаніе, данное самому себѣ. Я даже бы, естьли обстоятельства не позволятъ, не поѣхалъ ни въ Парижь и никуда, лишь бы только побывать въ Италіи.

Это путешествіе для меня можетъ быть полезно, а о пріятности и говорить нечего, потому что пребываніе мое въ Геттингенѣ, при всей пользѣ, бываетъ иногда очень скучно. Да иначе и быть не можетъ, потому что я теперь совершенно никуда не выхожу, кромѣ лекцій, никого не вижу, кромѣ Данилевскаго, и то только потому, что мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдаемъ. Онъ точно также живетъ; иначе же, естьлибы я старался имѣть какія-нибудь развлеченія, то Геттингенъ совершенно бы мнѣ надоѣлъ. Это я заключаю изъ того, что теперь, когда я гораздо болѣе занимаюсь науками, нежели прежде, и имѣю гораздо менѣе развлеченія,— время для меня не такъ

скучно, какъ прежде: можетъ быть это происходитъ отъ привычки, но какъ бы то ни было я теперь смѣюсь самъ себѣ, читая журналъ мой прошлаго года и встрѣчая на каждой страницѣ проклятія бѣдному Геттингену.—Итакъ прошу васъ, подумайте объ этомъ и увѣдом[ь]те меня, могу ли я по крайней мѣрѣ надѣяться. Правду сказать, что курсъ чрезвычайно дуренъ, но я нахожу утѣшеніе въ наукѣ, которою занимаюсь. Смитъ, творецъ оной, говоритъ, что ден[ь]ги суть не что иное, какъ *представители* товаровъ, и составляютъ очень малую часть капитала; что съ товарами вездѣ можно имѣть ден[ь]ги. Данилевскій готовъ вѣрить Смиту, но не можетъ переувѣрить самаго себя.

Впрочемъ, возвратясь домой и не находя утѣшенія въ настоящемъ, надобно будетъ вспоминать о прошедшемъ. Конечно и Геттингенъ заставитъ о себѣ помнить... но воображеніе должно услаждать душу пріятнѣйшими мечтами и воспоминаніями, потому что человѣкъ врядъ ли менѣе живетъ воспоминаніемъ, нежели надеждою. Къ тому же надобно пользоваться всѣмъ въ свое время; надобно узнавать *народовъ* тогда, когда еще не имѣешь справедливаго понятія о *людяхъ*. Поживя въ свѣтѣ, узнавъ и увидѣвъ на опытѣ всѣ нещастныя качества своихъ собратій, все опротивѣетъ, въ каждомъ будешь видѣть врага; ничто не будетъ тебя веселить; въ щастіи другихъ будешь видѣть свое нещастіе; добрые смѣшаются въ глазахъ у васъ съ худыми, и тогда нещастіе неизбѣжно. Итакъ подумайте о моемъ путешествіи и увѣдом[ь]те меня.

За недѣлю передъ симъ проѣжжалъ здѣсь Кн. Репнинъ, ѣдущій въ Веймаръ, а оттуда въ Мадритъ. Я былъ у него; онъ былъ ласковѣе всѣхъ прошедшихъ разовъ. Позвалъ меня и Данилевскаго обѣдать. По утру мы водили его смотрѣть Манежъ, Ботаническій Садъ и наконецъ завели его на лекцію къ нашему Сарторіусу, къ кот[орому] Князь зашелъ прежде лекціи въ комнату. Для Сарторіуса это былъ *праздникомъ-праздникъ*. Онъ старался показать все свое искусство говорить по-Французски вдругъ и отъ того говорилъ дурно. На лекціи присудствовала вся Миссія Русская (Гуцъ, Струве, Геслеръ и Брозенъ, адъютантъ Князя, учившійся нѣкогда въ Пансіонѣ, котораго вы знаете. Онъ мнѣ сказывалъ, что онъ часто бывалъ у К. Я. Булгакова, когда сей послѣдній жилъ у васъ). Сарторіусъ старался и на лекціи хвастаться своимъ Французскимъ выговоромъ, приводилъ тьму Французскихъ книгъ; говорилъ много пустаго, да и матерія была не очень интересна (о больницахъ), и такимъ образомъ не понравился ни одному изъ гостей. Князь былъ всѣхъ умнѣе и былъ остороженъ въ своемъ сужденіи; между тѣмъ какъ *причетъ* его за обѣдомъ страшно вооружился противъ

нещастнаго Сарторіуса, употреблявшаго всѣ силы, чтобы понравиться. Послѣ обѣда мы ходили съ Княземъ въ библіотеку и нельзя не похвалить его терпѣнія какъ въ слушаніи лекцій (у Герена на публичной лекціи онъ долженъ былъ стоять посерединѣ лестницы), такъ и въ разсматриваніи книгъ и растѣній. Въ 4 часа мы простились съ нимъ; онъ изъявилъ мнѣ свое сожалѣніе, что не могъ меня опредѣлить къ себѣ въ Миссію, по причинѣ отъѣзда, а я отъ чистаго сердца поблагодарилъ его и увѣрился, что онъ добрый человѣкъ. Струве, секретарь посольства, остается въ Касселѣ, потому что имѣетъ больную жену въ Брауншвейгѣ. Этотъ человѣкъ очень достойный какъ по знаніямъ, такъ и по добротѣ сердца. Онъ мнѣ сперва самъ говорилъ, что еще я могу быть опредѣленъ къ Миссіи; а потомъ черезъ Бродена предложилъ мнѣ это, обѣщаясь это сдѣлать и увѣряя, что это для него пріятно и нужно, потому что онъ не знаетъ по-Русски и что другой, кот[орый] сюда къ Миссіи ѣдетъ, тоже Нѣмецъ и не знаетъ Русскаго языка. Я благодарилъ за предложеніе, но отвѣчалъ, что я не иначе могу щитаться при Миссіи, какъ съ тѣмъ, чтобы жить въ Геттингенѣ.

Броденъ разсказывалъ намъ много новостей, также какъ и Геслеръ, который недавно ѣздилъ курьеромъ въ П.бургъ. Между прочимъ о строгихъ экзаменахъ, которымъ подвержены даже и коллежскіе совѣтники; Броденъ сказывалъ, что Лубяновскій дурно отставленъ. Князь разсказывалъ, какимъ образомъ рыжій издатель рыжаго журнала сдѣлался кураторомъ Моск[овскаго] Университета: когда умеръ Муравьевъ, то онъ вмѣстѣ съ покойнымъ Кн. Ив. Серг. Гагаринымъ пріѣхалъ къ Гр. Разумовскому и оба заставили его обѣщать стараться о Кутузовѣ. Разумовскій обѣщалъ, но послѣ самъ былъ сдѣланъ кураторомъ и теперь, вѣрно, чтобы исполнить свое слово, выхлопоталъ *Голенищъ* (какъ называетъ его Князь Репнинъ) кураторство. Всѣ подобныя извѣстія, также какъ и 10 министерствъ (но сколько министровъ?) очень огорчаютъ меня. Скажите, пожалуйте, чѣмъ вы теперь занимаетесь по службѣ? Есть ли у васъ какая-нибудь особенная часть, по которой бы вы могли быть полезнымъ? Вамъ покажется страннымъ послѣдній вопросъ мой, но я, живучи здѣсь, потерялъ уже и привычку судить о дѣлахъ, производимыхъ въ столицахъ, въ особенности въ канцеляріяхъ министерскихъ. Я разумѣю быть полезнымъ не только частнымъ людямъ, но всему *цѣлому*.

Изъ письма вашего я вижу, что Матушка рѣшилась уже отпустить Сережу. Съ кѣмъ онъ поѣдетъ? Очень много одолжите меня присылкою чая; но у меня есть другая *присылка* въ виду — но не смѣйтесь надо мною, и пришлите мнѣ, естьли можно, *Калмыцкій тулупъ*. «*Такъ*, говорите вы, *это*

въ его вкусѣ: одѣться потеплѣе да полежать». Но отъ того и отъ другаго я здѣсь совершенно отвыкъ. Зимою хожу въ байковомъ сертукѣ, а сплю всегда не болѣе 6 часовъ въ сутки, а часто и менѣе. Итакъ вы можете безъ опасности сдѣлать мнѣ большое вспоможеніе, естьли только можно.

Присылайте поскорѣе Сережу. Я уже очень давно не получалъ изъ Москвы писемъ. Здѣсь теперь находится дочь Шлецера (докторъ), но хочетъ, не дождавшись брата, ѣхать отсюда. Простите! Помните Никол. Тург.

Проэкта о законахъ я еще не получалъ отъ Ханыкова.

NB. Стихи Пушкина понравились мнѣ потому только, что писаны по-Русски. Жаль, что адресованы къ В. Ан. Жук[овскому]. Ненужно говорить о томъ, о чемъ ничего не знаешь; и нехорошо безъ нужды нападать на Шишкова. Неумно будетъ, естьли Шишковъ будетъ отвѣчать Пушкину.

52.

Herr Collegienrath! пусть самъ себѣ представитъ, какъ письмо его обрадовало братьев[ъ]-студентовъ. Но еще болѣе потому, что это и Матушку обрадовало. Что касается до нашего путешествія въ Кассель, то я записалъ только кое-что для себя. Хотя первыя чувства, которыя васъ интересуютъ, какъ вы пишете, сильнѣе послѣднихъ, но за то смутны, смѣшаны, ихъ трудно описать, да часто и невозможно. Я сумнѣваюсь, могъ ли бы Державинъ, смотря на водопадъ, описать его и, даже спустя долгое время, едва ли бы рѣшился, еслиб[ъ] онъ былъ не Державинъ. Не будетъ ли и у насъ однаго эксемпляра сочиненія Уварова? Это бы очень интересно. О деньгахъ думать долго никогда, кажется, не надобно, особливо теперь, когда на поправку курса едва ли есть надежда. Впрочемъ я думаю, что мы нужды терпѣть не будемъ, потому что здѣсь можно достать денегъ. Русскихъ здѣсь никого не останется, кромѣ меня и Каверина, если новые не пріѣдутъ. Что касается до послѣдняго, до это tout autant que rien. Приложенное письмецо доставьте Андрею Сергѣичу и постарайтесь удержаться не читать его; вы меня одолжите, а если и прочтете, такъ для себя. Простите! писать больше нечего и нѣкогда. Сегодня иду къ Мичерлиху на лекцію; и если пойму, то буду на будущій курсъ слушать его толкованія Латинскихъ авторовъ.

Вашъ С[ергѣй] Т[ургеневъ].

Мюллерову исторію мы давно ужъ купили. Если вамъ какая-нибудь книжка отсюда нужна, то намъ можно будетъ прислать съ Данилевскимъ.

Спѣшу поблагодарить васъ, Милостивый Государь Братецъ, за послѣднее увѣдомленіе о повышеніи вашемъ въ чинъ Коллежскаго Совѣтника. Хотя я уже и давно позабылъ объ этихъ степеняхъ различія госуд. чиновниковъ, однакоже еще помню, что Коллежскаго Совѣтника называютъ у

насъ въ Россіи *человѣкомъ съ имянемъ*, а бѣдныхъ Профессоровъ выше и жаловать долго не хотѣли. Дай Богъ, чтобы найти васъ Этатсратомъ, превосходительнымъ и т. д. Что касается до вашихъ вопросовъ о моемъ путешествіи, то я въ послѣднемъ письмѣ моемъ частію васъ предупредилъ: принужденъ былъ почти отказаться отъ щастія видѣть Италію: курсъ лишаетъ меня провести нѣсколько мѣсяцевъ можетъ быть самымъ щастливѣйшимъ образомъ моей жизни. Всегда досадно зависѣть отъ денегъ. Но еще болѣе, когда ихъ имѣешь, но обстоятельства лишаютъ способовъ ими пользоваться; больно рѣшиться на такое пожертвованіе, въ особенности потому, что пропущенный случай не возвратится.

Впрочемъ я еще боюсь совершенно отказаться отъ мечты, дѣлающей размышленія мои часто пріятными и раждающей во мнѣ надежду щастливѣйшихъ воспоминаній.

Много воображаю я объ Италіи, такъ много, что согласился бы пожертвовать удовольствіями будущей жизни для доставленія великаго удовольствія провести нѣсколько блаженныхъ мѣсяцевъ въ Италіи, землѣ, которая заранѣе меня очаровала.

Итакъ, естьли надобно проститься съ Италіею, не видавши ея, то я намѣренъ (что и необходимо нужно) вѣроятно въ теченіи Мая отправиться въ Парижъ. Пребываніе мое въ семъ городѣ будетъ совершенно зависѣть отъ денегъ. Изъ Парижа я хотѣлъ бы опять возвратиться въ нашу *ученую обитель* и посвятить себя единственно чтенію книгъ по моей части и собиранію матеріаловъ, изъ коихъ бы можно было въ послѣдствіи что нибудь сдѣлать, и сіе что-нибудь должно быть лучше моей нещастной дессертаціи-скороспѣлки, отправившейся съ Шлецеромъ въ Москву. Не могу сказать напередъ, долго ли останусь тогда въ Геттингенѣ. Что же касается до возвратнаго путешествія въ Россію, то и въ семъ случаѣ вексель опредѣлитъ маршрутъ мой, но черезъ Дрезденъ ѣхать непремѣнно должно; Вѣна будетъ зависѣть отъ денегъ. Вотъ все, что я вамъ могу сказать о моемъ путешествіи in spe. Вы видите, какъ судьба смертныхъ зависитъ отъ холоднаго металла, называемаго золотомъ и преобращеннаго въ деньги. Деньги были изобрѣтены для облегченія торговыхъ сношеній между людьми, и изобрѣтеніе оныхъ слѣдовало непосредственно изъ *раздѣленія работы* между членами общества,— а теперь тѣ же самыя деньги затрудняютъ, напримѣръ, мое путешествіе. Все превратно въ мірѣ! Имѣя деньги, можно конечно легко научиться презирать ихъ; но, чувствуя въ нихъ нужду, это хладнокровіе скоро изчезаетъ.

Геттингенъ все тотъ же; вчера началась вторая зима. По словамъ

покойнаго Понжерара (знавшаго хорошо какъ здѣшній климатъ, такъ и почтенныхъ жителей) быв[аетъ][1]) здѣсь четыре зимы. Итакъ Нѣмцы, ожидая снѣгу, не отчаяваются блеснуть опредѣленною Schlittenpartie, имѣющей быть во всемъ блескѣ и со всѣмъ вкусомъ, коего могутъ только достигнуть Нѣмецкія головы. Теперь я думаю, что вы уже послали къ намъ ден[ь]ги; ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ.

Недавно сдѣланъ сюда Профессоромъ извѣстный по своимъ переводамъ Villers, съ 3000 франковъ жалованья; вмѣстѣ же онъ назначенъ быть корреспондентомъ-секретаремъ (Secretaire Correspondant) здѣшняго общества: вѣрно новое неудовольствіе старику Гейне, который еще все живетъ. Villers въ слѣдствіе новыхъ перемѣнъ съ Любекомъ, а еще болѣе въ слѣдствіе банкрота банкира Роде, мужа дочери Шлецера, сдѣланной докторомъ, и коей бюстъ заступилъ въ здѣшней библіотекѣ мѣсто бюста Юлія Цесаря, — Villers отказался отъ славныхъ своихъ подвиговъ защищать свободу Ганзеатическихъ городовъ и рѣшился — профессорствовать!

Простите! Н. Т.

1811. Января $\overline{21}$. Геттингенъ.

Недавно получилъ я письмо отъ Томашевскаго изъ *Карлсру*. Онъ лѣчится тамъ въ больницѣ отъ болѣзни, часто постигающей подобныхъ ему неопытныхъ юношей. Просилъ у меня, чтобы я написалъ къ посланнику, что я его знаю. Онъ ѣдетъ въ Парижъ, и посланникъ не даетъ ему паспорта.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren, Dem Herrn *von Turgenew.* Russisch-Kayserlichen Collegien-Rath. *In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу.* Въ Италіянской слободкѣ, въ домѣ Его Высокородія *П. И. Путятина. Въ С.-Петербургѣ.*

Штемпель: Goettingen[2]).

53.

Геттингенъ. 20 Февраля [1811].

Наконецъ Клапротъ прислалъ намъ 150 червонцевъ, и я сегодня благодарилъ уже его за сію присылку, которая пришла такъ кстати, что

1) Конецъ слова въ рукописи залепленъ сургучемъ. 2) Къ этому письму приложенъ небольшой листокъ съ слѣдующимъ содержаніемъ: «§ 68. *Правило для Правительства:* въ этомъ параграфѣ сказано, въ началѣ, что *между тѣмъ какъ каждый стремится за своею выгодою, то онъ способствуетъ выгодамъ цѣлаго общества.* Такъ стоитъ у Смита. Но въ примѣчаніи моего перевода должно поставить это: «вмѣсто *каждый* должно сказать: *между тѣмъ какъ всѣ...* Потому что нѣкоторые могутъ, напримѣръ во время голода, вывозить хлѣбъ съ прибылію себѣ, но ко вреду всего общества».

уже половины какъ не было. Откуда ни взяли[сь] проклятые Rechnungen, которые однакоже состояли въ щетахъ за пищу, книги (самый маловажный), бумагу, сапожнику и Штифельвиксеру. Портные не имѣютъ причины насъ безпокоить, да я и совсѣмъ не имѣлъ бы съ ними никакого дѣла, естьлибы мой байковой сертукъ можно было носить *три* зимы *не ворочая*. Въ продолженіе двухъ прошедшихъ недѣль получили мы отъ васъ два письма, изъ коихъ одно отъ Матушки. Вѣроятно вы писали ей о моемъ путешествіи, и она намѣрена послать мнѣ 3000 вмѣсто 2000 на одно путешествіе. Я старался въ письмѣ моемъ изъяснить ей мою благодарность, но тщетны слова тамъ, гдѣ должны говорить чувства, а чувствъ моихъ многіе не знаютъ; самъ же изъяснять я ихъ не умѣю.

О Шлецерѣ я писалъ уже къ вамъ. Съ нимъ я ничего не послалъ; порученій отъ васъ не было, а въ Гӧттингенѣ ничего новаго не вышло, кромѣ Сарторіусова разсужденія о Готахъ, за кот[орое] онъ получилъ награжденіе отъ Національнаго Института; но эта книжка тогда еще не вышла изъ печати.

Отъ моей собственной диссертаціи вамъ конечно будетъ мало утѣшенія, но я прошу васъ ее отложить къ сторонѣ, чтобы я могъ, пріѣхавши въ П.бургъ, вспомнить свои прежніе грѣхи. Теперь я совершенно оторванъ отъ своей части и занимаюсь Исторіею Европейскихъ Государствъ. Утро провожу на лекціяхъ и повтореніяхъ оныхъ, но послѣ обѣда почти всегда могу только читать книги. Надѣюсь недѣли черезъ двѣ кончить эту часть и снова приняться за Политическую и продолжать до самаго отъѣзда изъ Гӧттингена. Жаль, что не могу прожить здѣсь столько годовъ, сколько проживу мѣсяцевъ; каждый день узнаю я болѣе и болѣе цѣну Геттингенской библіотеки. Лекціи меня теперь занимать не могутъ, и я долженъ былъ даже оставить Эстетику, дабы не прерывать занятія послѣ обѣда; а *Торговлю* заставила оставить смерть старика Бекмана, скончавшагося за двѣ недѣли передъ симъ. За нѣсколько дней только пересталъ онъ читать свои лекціи. Былъ похороненъ съ сопровожденіемъ студентовъ и съ музыкою, за которую однакожь Frau Hofräthin не почла за нужное заплатить. Сегодня были также похороны одного студента, умершаго отъ горячки; а послѣ завтра будутъ хоронить другаго студента, умершаго, какъ сказываютъ, отъ раны, полученной на дуэлѣ. О *Феслерѣ* я ни съ кѣмъ здѣсь не говорилъ, ибо вижу Профессоровъ только въ библіотекѣ да на лекціяхъ. Curen mache ich an keinem, а ко мнѣ и подавно никто не ходитъ. Путешествіе мое стоитъ все тамъ же; не знаю только, какъ разставаться съ Геттингеномъ (т. е. съ библіотекою), прочее съ хладнокровіемъ (не скажу — восхищеніемъ) оставляю.

Едва имѣю время написать къ вамъ нѣсколько строчекъ, не потому, чтоб[ъ] я предпочиталъ слушать пѣніе Симони, Вѣнскаго музыканта, котораго я иду слушать теперь, [чѣмъ] писать къ вамъ, но потому что это случилось одинъ разъ въ зиму, и, какъ охотникъ, я не хотѣлъ пропустить. Въ обыкновенные еженедѣльные концерты я оставляю ходить Каверину. Конечно смѣшно, что за тридевять земель пишу къ вамъ такъ мало, но вы меня извините, потому что я заглажу ошибку. Дай Богъ, чтоб[ъ] вамъ было такъ хорошо всегда, какъ мнѣ иногда. Поѣзжайте къ Матушкѣ. Что это съ нею дѣлается? Къ хлопотамъ еще и болѣзнь. Еслибы я былъ увѣренъ, что впередъ она будетъ покойна, то и самъ бы себя будущій покой рѣшилъ (sic). Эти ферiи я останусь въ Геттингенѣ и употреблю это время, кромѣ чтенія книгъ, на языки, а имянно буду учиться по латынѣ, по англински и немного по нѣмецки; для того послѣднее, чтоб[ъ] в[ъ] запискахъ[ъ] лекцій болѣе нѣмецкаго смысла было. По англински я здѣсь не учился, но надѣюсь, что совсѣмъ ничего не забылъ, потому что англинскія книги читаю, особенно по древней исторіи. — Не забудьте коммисіи Ив. Влад[имировича] [1]). Поздравьте Его Превосходительство Ѳедора Петровича [2]) съ новымъ, столь почтеннымъ мѣстомъ. Петербургской парнасъ щастливѣе московскаго. Какое можетъ быть сравненіе? — Простите! — Вамъ преданной братъ

Сергѣй Тургеневъ.

На оборотѣ: Sr. Hochwohlgebohren Dem Herrn *von Turgenew. In St. Petersburg.* Его Высокоблагородію Александру Ивановичу *Тургеневу. Въ Санктъ-Петербургѣ.* Въ Итальянской слободкѣ, въ домѣ *Петра Ивановича Путятина.*

Штемпель: Goettingen.

Письма Н. И. Тургенева къ матери.

1.

Геттингенъ. $\frac{30\ \text{Сентября}}{12\ \text{Октября}}$ [*1808*].

Милостивая Государыня Матушка!

Третьяго дня возвратился я изъ Эрфурта, пробывъ тамъ три дни. Тамъ видѣлъ я нашего Императора и Французскаго, Великаго Князя и другихъ Королей. Такое стеченіе важнѣйшихъ особъ рѣдко видѣть можно. Въ первый еще день нашего пріѣзда, нашъ и Французской Императоръ ѣздили за городъ верхомъ для смотра одного Французскаго полка. Тутъ мнѣ пощастливилось хорошо видѣть обоихъ Императоровъ. На другой день нашъ Государь вмѣстѣ съ Французскимъ Императоромъ ѣздили на охоту и

---

1) Лопухина. 2) Ключарева.

въ Веймаръ, и когда они возвратились въ Эрфуртъ, то мнѣ опять удалось видѣть ихъ очень хорошо. Неизвѣстно, долго ли еще они тамъ пробудутъ. Графъ П. А. Толстой пріѣхалъ изъ Парижа и теперь также въ Эрфуртѣ. Я былъ у него, онъ принялъ меня очень ласково, спрашивалъ о нашемъ дѣлѣ, о васъ, о братьяхъ; потомъ звалъ меня къ себѣ обѣдать, но мнѣ нельзя было притти къ нему, потому что въ тотъ день должно было ѣхать. Съ нимъ пріѣхалъ одинъ только Неслероде. Въ Эрфуртѣ теперь очень много иностранцевъ, но все гораздо менѣе, чѣмъ недѣли за двѣ передъ симъ. Я удивляюсь, что при такомъ стеченіи жить тамъ не такъ дорого, какъ я воображалъ. Ходя по улицѣ, безпрестанно встрѣчается множество народу, а особливо передъ домами Императоровъ. Тутъ безпрестанно толпится народъ и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ видѣть ихъ. Третьяго дня получилъ я письмо изъ Лейпцига отъ Павла Петровича Соколовича; онъ обѣщаетъ пріѣхать сюда, чтобы повидаться со мною, и проситъ меня засвидѣтельствовать вамъ его высокопочтеніе.

Братья его въ Петербургѣ около года не получали отъ него писемъ и опасались въ его жизни, а онъ признается, что ему писать лѣнь. Консулъ Русской Иванъ Ивановичъ *Шварцъ* взялся переслать мой вексель въ Гамбургъ и скоро пришлетъ мнѣ деньги, а между тѣмъ приказываетъ мнѣ сказать, что естьли я имѣю нужду въ деньгахъ, то онъ мнѣ пришлетъ. Но я отвѣчалъ, что нужды не имѣю.

Съ чувст[вомъ] сын[овней] пр[еданности]

Ник. Тургеневъ.

Здравствуй, любезнѣйшій братъ! Какъ понравилась тебѣ поѣздка твоя въ Симбирскъ и къ Троицѣ? Я уже получилъ письмо отъ Алекс[андра] Ивановича, по возвращеніи его въ Петербургъ; а я, братъ, третьяго дня возвратился изъ Эрфурта, насмотрѣлся тамъ на нашего Императора и на Императора Французовъ, также на Королей и на Генераловъ. Очень понравилась мнѣ Французская Гвардія, называемая *Elites*; народъ прекрасной. Нашей Гвардіи тамъ нѣтъ, хотя и говорили, что туда пришло нѣсколько. П. П. Соколовичь тебѣ кланяется. Р. Ѳ. Тимковской видѣлъ въ Лейпцигѣ Золотарева, которой сказывалъ, что Керестури скоро пріѣдетъ сюда. Ѳ. К. Ганнеманъ мое почтеніе.

Тургеневъ.

2.

Геттингенъ. $\frac{11}{23}$ Февр. 1809.

Милостивая Государыня Матушка!

Я уже давно не получалъ писемъ отъ васъ и не знаю теперь ничего о дѣлѣ и о васъ. Въ Петербургѣ ли вы? и для того пишу письмо сіе черезъ брата. Что касается до меня, то я слава Богу здоровъ. Такъ какъ черезъ четыре недѣли кончатся здѣсь лекціи, то я, можетъ быть, въ свободное время съѣжжу куда нибудь, напримѣръ въ Кассель, потому что въ это время здѣсь бываетъ очень скучно.

Недавно здѣсь, недалеко отъ Геттингена, сдѣлалось на одной горѣ отверзтіе, и говорили, что будто отъ туда идетъ дымъ и прочее, и вздумали, что это родъ огнедышущей горы, однакожь это невѣроятно, и я думаю, что выдумка это пустая. Погода же здѣсь очень перемѣнчива: на одной недѣлѣ бываютъ прекрасные лѣтніе дни, потомъ снѣгъ, дождь и прочее; климатъ очень не постояненъ.

Впрочемъ съ сыновнимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

вашимъ покорнѣйшимъ сыномъ,

Н. Тургеневъ.

Здравствуй, любезный братъ!

Давно и отъ тебя не получалъ я писемъ. Напиши, каково тебѣ понравилось въ П.бургѣ и что ты тамъ дѣлаешь или дѣлалъ, потому что я не знаю теперь, гдѣ ты? Напиши, пожалуйста, поскорѣе, какихъ книгъ тебѣ надобно прислать. Черезъ нѣсколько времяни ѣдутъ отсюда Тимковскій и Болдыревъ въ Москву, чтобы я съ ними могъ послать эти книги.— Теперь идетъ здѣсь множество плѣнныхъ Прусаковъ изъ Франціи. На прошедшей недѣлѣ попался между ними и одинъ Русской солдатъ, которому тотчасъ мы сдѣлали сборъ и дали ему всего.

Прости! Твой вѣрный братъ Ник. Т[ургеневъ].

Приложенія.

1.

Pour la fête de la naissance de l'Empereur Alexandre, célébrée à Göttingue par MM. les étudians Russes le $\frac{13}{25}$ Décembre 1808.

Chansôn [1])

sur l'air: *Ce mouchoir belle Raimonde*
ou: *Aussitôt que la lumière.*

Jadis un autre Alexandre,
Pour étendre ses états,
Réduisit l'Asie en cendre,
Détrôna des potentats.
Au sein de son vaste empire
Le NÔTRE, dans ses projets,
Moins ambitieux, n'aspire
Qu'au honheur de ses sujets.

A l'age encore où la gloire
Pour les rois a tant d'attraits,
Il ne voit dans la victoire
Que le gage de la paix.
Sur notre machine ronde
Sans chercher à s'agrandir,
Il veut arranger le monde
Au liau de le conquérir.

---

1) Эта Chanson напечатана на двухъ листкахъ въ осьмушку и вѣроятно была пропѣта студентами на праздникѣ русскихъ студентовъ, о которомъ упоминаетъ Тургеневъ въ своемъ дневникѣ (см. выше, стр. 206).

Le fier vainqueur du Granique
Trouvoit, pour son appetit,
(On ignoroit l'Amérique),
Le monde, helas! trop petit.
Notre ALEXANDRE, plus sage,
Moins jaloux de dominer,
Trouve son petit ménage
Suffisant à gouverner.

Objets de sa bienfaisance,
O! Vous, ses heureux enfans;
Pour preuve de sa puissance,
Vous qu'il comble de présens,
Allez, à sa voix dociles,
Dans les differents climats
Cueillir ces plantes fertiles,
Qui font fleurir les états.

Russes! Voila les conquêtes
Où vous devez aspirer.
Par les plus brillantes fêtes
Vous pouvez les célébrer.
C'est ainsi qu'avant trois âges
Pierre, votre fondateur,
S'éleva par ses voyages
A la solide grandeur.

Amis! marchons sur ses traces,
Et, comme Notre Empereur,
En sacrifiant aux graces,
Sacrifions à l'honneur;
Laissons au froid égoïsme
Ses calculs avilissants;
Le feu du patriotisme
Doit épurer les talens.

Près du trône d'ALEXANDRE
Qu'ils viennent tous se ranger,
Réunis pour le défendre,
Réunis pour le venger.
Que leur concert unanime
Fasse bénir à jamais
De ce prince magnanime
Les vertus et les bienfaits.

Qu'il en mette un terme à la guerre,
A ce fléau destructeur!
Et soit de toute la terre
L'heureux Pacificateur!
Que dans l'un et l'autre monde
Anglais, Turcs, Russes, Français
Chantent bientôt à la ronde
Vive ALEXANDRE! et la Paix.

Pont-Gérard,
ancien Professeur de l'université
de Paris.

2.

Женева. 27-го Іюля 1810-го года.

Николай Ивановичь!

И я перешелъ чрезъ Чертовъ мостъ и Готардъ по стопамъ Великаго Суворова и нашего пріятеля Александра Ивановича, и послѣ всехъ опасностей и безпокойствъ кой какъ приплелся въ Женевскій городокъ, гдѣ и имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо и паспортъ, при ономъ приложенный. — Чрезмерно благодаренъ за Ваши труды при отысканіи сего проклятаго паспорта, которой столько мнѣ нанесъ неудовольствія, а все отъ моей неосторожности. — При видѣ ужасной долины, называемой Schölenen, а на концѣ ея Чертова моста, нельзя быть равнодушнымъ, и вспомнишь иногда слова Александра Ивановича, что, не видавъ Швейцаріи, нельзя имѣть о ней подробное понятіе по всемъ красивымъ описаніямъ.—Въ Гошпиталѣ я ночевалъ въ той самой горницѣ, гдѣ спалъ Суворовъ и великой князь.

Здѣсь природа совершенно мертва, не видно никакихъ растеній, кромѣ ужасныхъ скалъ и ихъ вершинъ, покрытыхъ вечнымъ снѣгомъ. Отъ туда отправился я чрезъ Фуркенъ, Гримзель, Мейнингенъ, Гриндельвальдъ, Лаутербруненъ и *Бернъ,* гдѣ пробылъ нѣсколько дней для отдохновенія, спросилъ у А. И. посетилъ ли онъ Die Mutten? А изъ Берна переселился въ мою любимую Pays de Vaud, чрезъ Moudon въ Лозан[н]у. Городъ сей мнѣ во все не понравился, по причинѣ безпрестанныхъ montée et descente. Окрестности превосходятъ все изящное. Отсюда дѣлалъ я екскурсіи въ Вевей, Clarens et Chateau Chillon où tomba la malheureuse Iulie. Toute cette contrée est vraimant romantique. Отсюда возвратился я опять въ Лозан[н]у, гдѣ, взявъ Дилижансъ (ходъ настоящей кареты), пріѣхалъ благополучно въ *Женеву.* — Извините, Николай Ивановичь, что я у васъ отнялъ нѣсколько минутъ сими раз[с]казами; но, будучи увѣренъ, что вы берете во мнѣ не малое участіе, предприня́лъ сию смелость.

Что касается до Г. Лодена, то я его еще оставилъ въ Берлинѣ, ибо онъ перемѣнилъ свой планъ: онъ ету зиму думаетъ провести въ Венѣ. Такимъ

образомъ я одинъ путешествовалъ до Аугсбурга, гдѣ нашелъ одного любезнаго чѣловека... Kühlenthal, по правдѣ нѣмецъ................[1]).

Все Швейцарское путешествіе отъ *Люцерна* до Готарда путѣшествовали мы съ одною Италіанкою, которая ни слова не разумѣла по-французъ[с]ки; по сему я отважился съ нею говорить по-Италіански. Вы можете судить, каковъ былъ разговоръ; не взирая на то, она такъ имъ пленилась, что неотступно просила, чтобъ я ее проводилъ до Венеціи. Вы понимаетѣ, что ето значитъ; но я, яко скромный агнецъ, отказалъ ей въ этомъ.—Съ пріѣзда моего въ Женеву я уже успелъ много зделать знакомства, а особливо съ *Гениъ*, у котораго я почти каждой день бываю. Онъ здесь почитается первымъ банкиромъ и имѣетъ прекраснейшую мызу на берегу Женевскаго озера, противъ самаго M.t Blanc. Я нигдѣ не нашелъ такихъ любезныхъ, воспитанныхъ и прекрасныхъ девушекъ, какъ здесь, и обращеніе ихъ мнѣ показалось столь пріятно, что я провелъ целой вечеръ съ ними въ саду, ни мало не помышляя, что время было весьма поздно.

Я нынешній годъ отложилъ мое путешествіе въ Италію по причинѣ болѣзни моего кошелька: онъ такъ зделался пустъ, что каждый зефиръ въ состояніи поднять его на воздухъ. И для того думаю пробыть нынешнюю зиму въ Женевѣ.

Какъ вы меня обрадовали вашимъ путешествіемъ въ Италію! Напишите ко мнѣ предъ Вашимъ отъѣздомъ, то я выѣду за несколько миль васъ встретить. 50 миль почту я прогулкою въ *Ферней*, дабы обнять моего истиннаго друга.

Фаненгеймъ окончилъ свои дни въ Берлинѣ, послѣ долговременной болѣзни. Верно путешествіе ему не показалось. Здоровъ ли вашъ разбойникъ Картушь?

Простите, научайтесь Геттингенской премудрости и переселите ее въ непросвещенную Россію (Марко). Но при всемъ томъ не забывайте вашего преданнаго слугу.

С. Михалковъ.

Ваша надпись въ Гошпитальскомъ трактирѣ, А. Иванов[ичъ][2]), принесла мнѣ необыкновенную радость, и я, дабы увековечить свое имя, осмелился подъ нею тоже внести свое имя.

Я вашъ планъ тотчасъ вспомнилъ и былъ опять весьма доволенъ. На вершинѣ Готарда я пилъ ваше здоровье, и также Н. И. весьма крепкимъ италіанскимъ виномъ, и думалъ, что мо[жетъ] быть вы въ ето время пьете за мое здоровье Геттингенскимъ Шнапсомъ. Ето было въ началѣ 1-го часа, часъ, въ которой вы нигде не бываете. Вотъ какъ я нечувствительно удалился отъ васъ; но никакое разстояніе не можетъ переменить моихъ къ вамъ чувствъ, и что на всегда пребуду вашимъ *преданнѣйшимъ слугою*.

С. Михалковъ.

Адресъ: dans la grande Rue chez M-r Devez pharmacier. № 8. A Genève.

---

1) Здѣсь не удалось разобрать нѣсколько словъ рукописи. 2) Данилевскій.

3.

Письмо Павла Каверина Н. Тургеневу.

Примите, Милостивый Государь мой, Николай Иванович, совершенную мою благодарность за приписаніе ваше ко мнѣ въ письме моего сына и за обнадеживаніе не оставлять его благоразумными вашими совѣтами. Я право не в[ъ]состояніи изьяснить вамъ, сколь много зависитъ будущее счастіе Петра Павловича, слѣдовательно и мое, отъ участія, которое вы по христіанству великодушно примите въ семнатцатилетнемъ пылкомъ юноше, находящемся на свободѣ, съ совершеннымъ незнаніемъ свѣта. Когда вы будите сами отцомъ, то узнаете совершенную цѣну тѣхъ одолженіевъ, за которыя я кленусь вамъ во всю жизнь мою быть совершенно признательнымъ, пребывая всегда съ совершеннымъ почтеніемъ,

Милостивый Государь мой,
вашимъ обязаннымъ и
покорнымъ слугою,
Павломъ Каверинымъ.

P. S. Сергѣю Ивановичу и Господину Данилевскому прошу взять на себя трудъ сказать мой поклонъ.

$\frac{25}{13}$ октября 1810 г. Изъ Москвы.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію, Милостивому Государю Николаю Ивановичу Тургеневу. Въ Гетингинѣ.

4.

Письмо Струве къ Н. И. Тургеневу.

Cassel ce 31 Mars 1811.

Monsieur,

Je me fais un plaisir de répondre à la lettre que Vous avez bien voulu m'adresser le 29 de ce mois.

La demande que le Prorecteur de l'Université Vous a faite a été motivée par S. E. Mr de Yacowleff; il n'est donc pas douteux qu'il en ait eû le droit. Je m'étais déjà précédemment adressé pour cet objet à Mr Babst, mais pour obtenir des renseignements plus positifs et des notions exactes sur les études, l'application et la conduite individuelle des sujêts de Sa Majesté Impériale étudiants dans ce moment à Göttingue, Monsieur le Ministre s'est adressé directement au Cons. d'Etat Bon de Leist. Les renseignements détaillés sont entre ses mains et l'ont confirmé dans la bonne opinion qu'il avait deja conçu de Vous, Monsieur, et de plusieurs compa-

triotes; mais il[s] ne sont pas tous également satisfaisant[s]. En attendant on ne perdra pas de vue ses jeunes compatriotes pour leur propre bien et pour la consolation de leurs parents aussi bien que par amour pour la patrie.

Cette surveillance et l'obligation qui en résulte pour eux de rendre compte de leurs études et de leur conduite academique ne peut et ne doit pas Vous inquiéter. Elle est une suite naturelle de l'autorité des Ministres de S. M. I. sur ses sujets dans l'étranger. Comme Vous êtes destiné pour la même carrière Vous Vous convaincrez aisément dans la suite que cette autorité est salutaire.

Les circonstances politiques ne doivent pas non plus Vous inquiéter, Monsieur. Le public n'est pas dans le secret de ce qui se passe dans les Cabinets. Vos études ne seront pas troublés. Je suis charmé de pouvoir Vous rassurer à cet égard et Vous prie de recevoir à cette occasion l'assurance des sentiments pleins de considérations avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre tres humble et tres obéissant serviteur, H. Struve, Cons. de Cour[1]) de Legat[ion].

На оборотѣ: A Monsieur Monsieur N. de Tourguenew à *Göttingue.*
Штемпель: 31 Mars 1811.

5.

Письмо Куницына Н. Тургеневу.

Варшава. 1811, Апрѣля 24.

Милостивой Государь
Николай Ивановичь!

Разставшись съ вами въ Ландвершенкѣ, мы продолжали путь нашъ очень медленно; между тѣмъ не переставали съ Кайдановымъ веселиться. Доброй нашъ почталіонъ завезъ бы насъ въ Виценгаузенъ, если бы Кайдановъ не зналъ дороги; природа лишила его одного глаза, а шнапсъ остановилъ дѣйствіе другаго. Резвые его пегасы едва переставляли ноги и два раза угрожали намъ паденіемъ. Примѣтивъ, что Картушъ вашъ бѣжитъ за нами, я посадилъ его въ дилижансъ, дабы вывести изъ заблужденія; ибо онъ предполагалъ, что вы сидите съ нами. Но этотъ песъ такъ закоснѣлъ въ своемъ предразсудкѣ, что не хотѣлъ вѣрить собственнымъ глазамъ своимъ и, когда я его высадилъ изъ повозки, продолжалъ бѣжать за нами по прежнему. Отчаявшись вразумить его такими мѣрами, я прибѣгнулъ [къ] строгости. Взявши бичъ у почталіона, я далъ ему нѣсколько ударовъ, довольно чувствительныхъ, думая, что, оскорбившись такою обидою, онъ не будетъ провожать далѣе неблагодарнаго знакомца. Но Картушъ побѣдилъ меня своимъ терпѣніемъ. Пріѣхавши въ Гейлигенштатъ, я не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Хотѣлъ поручить его содержателю трактира, а вамъ написать письмо, чтобъ вы за нимъ пріѣхали; но это причинило бы вамъ много труда и великую потерю времени. Я рѣшился было взять его съ собою, но не могъ положиться на его вѣрность: раскаявшись въ своемъ побѣгѣ,

---

1) Въ рукописи: Coures.

онъ могъ бы меня оставить. На конецъ почталіонъ, съ которымъ мы пріѣхали въ Гейлигенштатъ, предложилъ свои услуги доставить его вамъ. Я далъ ему нѣсколько грошей, напоилъ его шнапсомъ и обѣщалъ также, что вы дадите ему gutes Trinkgeld. Не знаю, сдержитъ ли онъ свое слово. Когда будете писать къ Александру Ивановичу, напишите также о благополучномъ возвращеніи Картуша, которой три года служилъ вамъ вѣрою и правдою и на конецъ обезславилъ себя подлою измѣною.

Изъ книгъ, которыя вы мнѣ поручили купить въ Лейпцигѣ, я нашелъ только четыре. Über Protestantismus, Catholicismus etc. не могъ здѣсь отъискать. Флейшеръ и другіе книгопродавцы увѣряли меня, что всѣ экземпляры сей книги уже распроданы.

Путешествіе наше до Мильгаузена было очень безпокойно. Вы видѣли, въ какой повозкѣ отправились мы изъ Геттингена; въ Гейлигенштатѣ посадили насъ въ Нѣмецкія дроги, которыя въ состояніи выбить всѣ романическія идѣи изъ головы самаго чувствительнаго путешественника. Между тѣмъ съ вершинъ Гарца дули сибирскіе вѣтры; прохлаждая наше воображеніе, они напоминали намъ стужу, которая на границахъ Россіи, въ видѣ бѣлой медвѣдицы, простираетъ къ намъ свои грозныя лапы.

Въ Веймарѣ мы были только четыре часа. Великую Княжну видѣть не случилось. Руской протопопъ совѣтовалъ намъ просить ея секретаря Левандовскаго, чтобъ онъ доставилъ случай ей представиться. Намъ показался смѣшнымъ такой совѣтъ, ибо для сего надобно имѣть характеръ. И такъ мы довольствовались только прогулкою въ томъ саду, которой часто посѣщаетъ добрая, чувствительная, истинно Великая Княжна Марія.

Въ Лейпцыгѣ мы видѣли удалыхъ русскихъ извощиковъ; сидя на легкихъ своихъ колесницахъ, они презираютъ Нѣмецкихъ фурмановъ, смѣются надъ ихъ синими рубашками и грузными фурами.

Извощикъ, лошади, кареты, хомуты
И все имъ кажется на свѣтѣ за мечты.

Проѣзжая по Варшавскому Герцогству, мы не встрѣтили никакой непріятности. Поляки, съ которыми мы имѣли дѣло, такъ были учтивы, какъ можно ожидать отъ добраго, благороднаго народа.

Силезскіе Прусаки суть Антиподы жителей сѣверной и западной Пруссіи; здѣсь совсѣмъ нѣтъ той грубости, которую мы замѣтили, проѣзжая по другому краю Пруссіи.

Чудѣсъ я не видалъ ни какихъ. Въ Дрезденѣ достойна любопытства конная статуя Густава II, Саксонскаго Электора, не по своему совершенству, но по огромному парику, которымъ прикрыта голова героя. Не знаю, кто работалъ коня и всадника, а парикъ непремѣнно долженъ быть Нѣмецкой работы, ибо до сихъ поръ ни одному ваятелю (кромѣ Нѣмцовъ) не пришло въ голову нарядить рыцаря въ латы и вмѣсто шлема, или шишака отяготить голову его курчавою лошадиною гривою. Представ[ь]те, какъ бы смѣшно было придѣлать голову пастора Каля рыцарю, покрытому воинскими доспѣхами. Но да не подумаетъ этотъ посланникъ неба, проповѣдникъ Ивановской церкви, что я мало имѣю къ нему почтенія; я всегда съ благоговѣніемъ взиралъ на священныя его кудри. Въ

прочемъ онъ самъ признается, что голова его мало имѣетъ сходства съ образомъ Антиноя, и что онъ вовсе не годится быть рыцаремъ.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе вашему братцу Сергѣю Ивановичу.

Очень жалѣю, что не могу писать особеннаго письма Александру Ивановичу[1]). Прошу его вспомнить меня, когда онъ будетъ прогуливаться въ своемъ загородномъ саду или когда будетъ читать вѣчныя истинны Адама Смита, сидя въ кудрявой бесѣдкѣ. Что до меня, я помяну всѣхъ васъ въ Красниинькомъ за бутылкой пива, не говорю вина, ибо для сего не достанетъ денегъ.

Вашъ Куницынъ.

1) Данилевскому

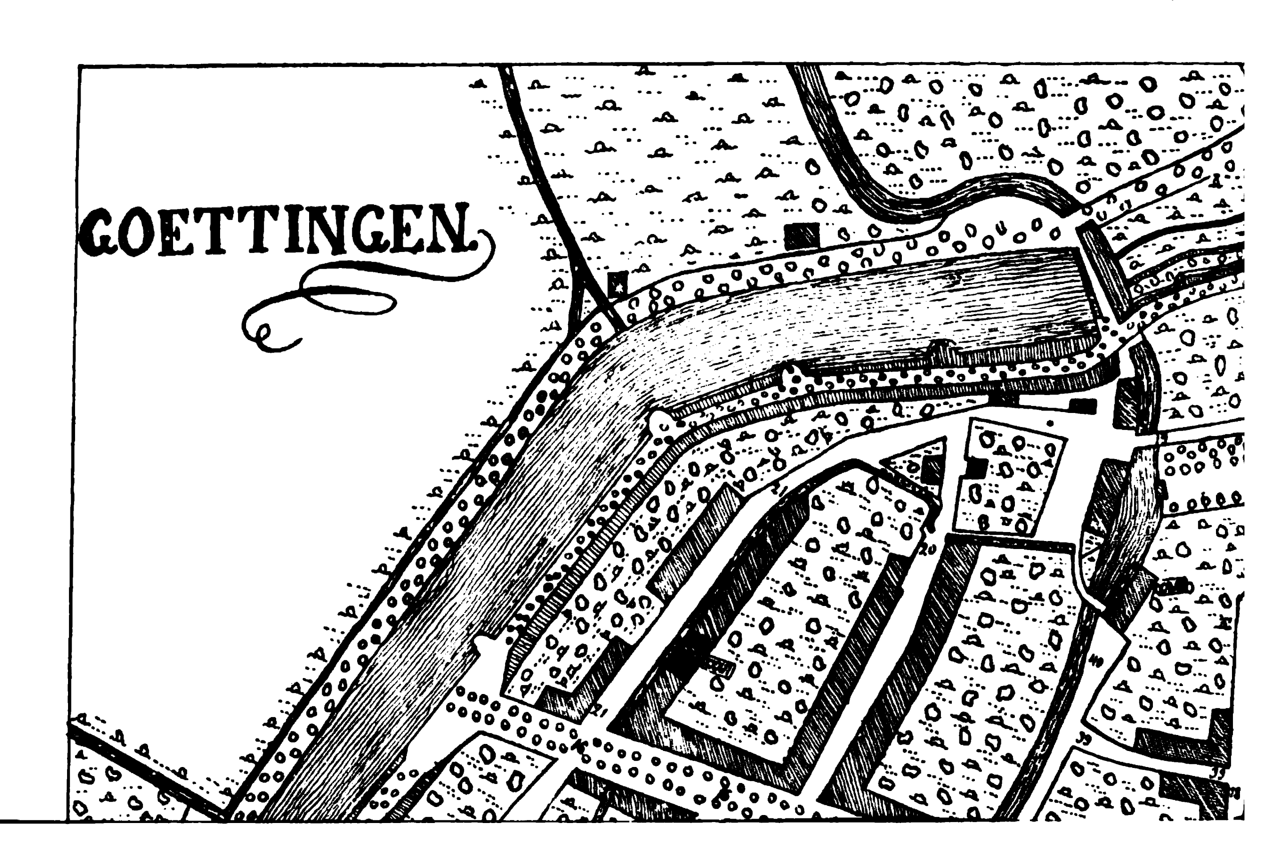
Объясненія къ плану г. Геттингена.

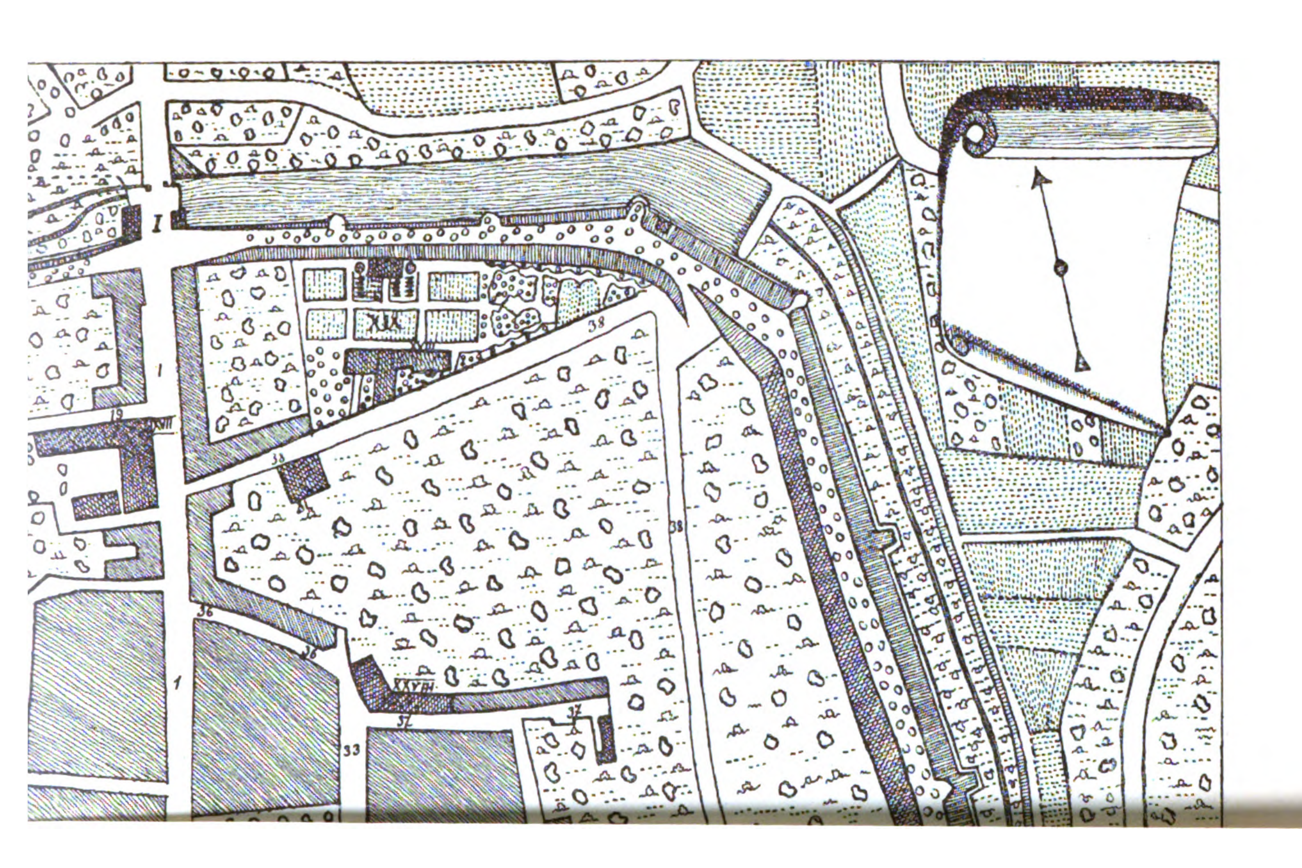
Названіе улицъ Геттингена.

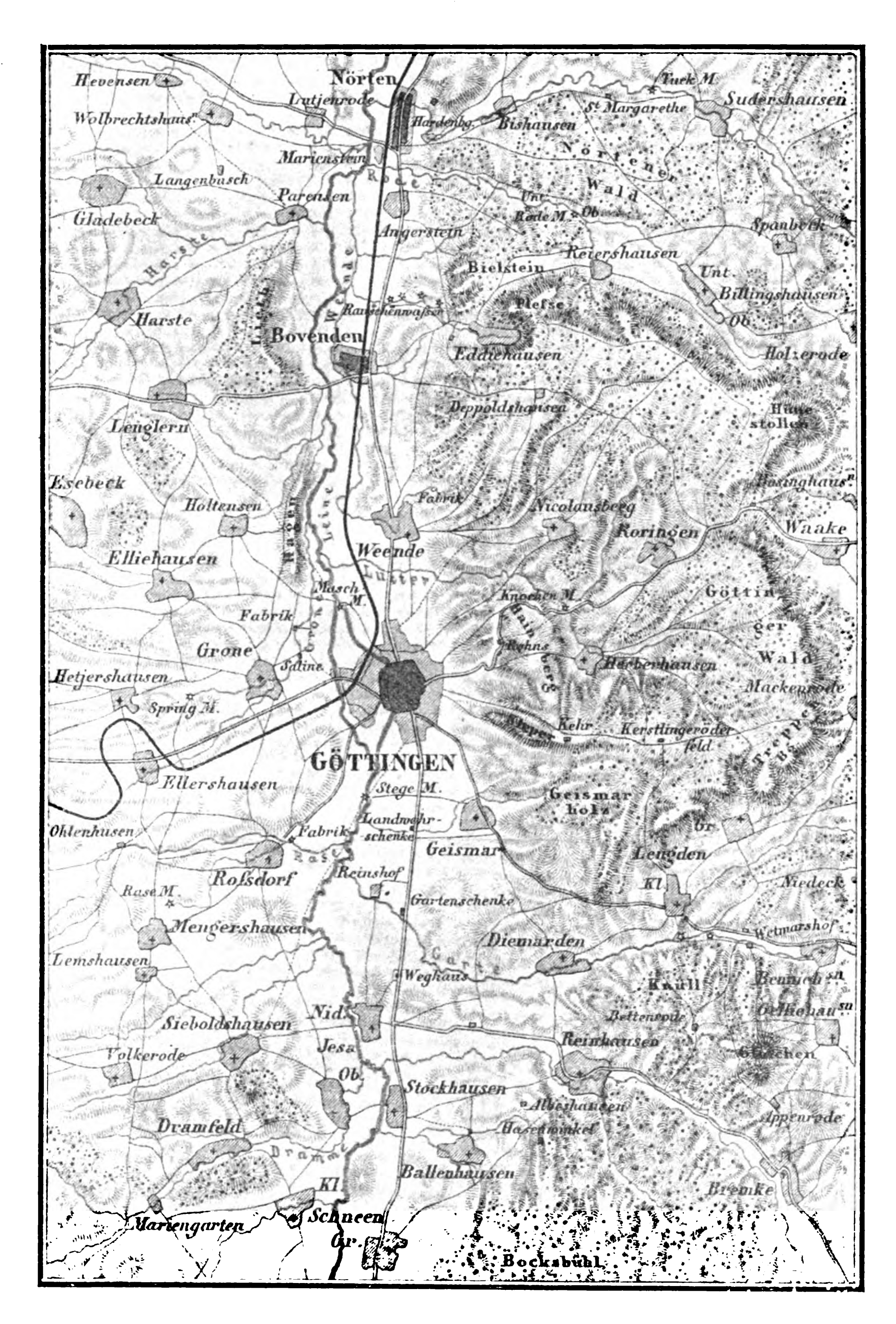
1. Die Weenderstrasse.
2. Der Kornmarkt.
3. Die Guldenstrasse.
4. Die kurze Strasse.
5. Die kurze neue Strass.
6. Die Hospitalstrasse.
7. Die Geismar kurze Strasse.
8. Die Geismar lange Strasse.
9. Die Grohnderstrasse.
10. Die Zindelstrasse.
11. Der grosse Markt.
12. Die Johannisstrasse.
13. Die Paulinerstrasse.
14. Die Gothmarstrasse.
15. Die Prinzenstrasse.
16. Die Allee.
17. Die Buchstrasse.
18. Im stumpfen Biel
19. Bei dem Reitstalle.
20. Die untere Teichstrasse.
21. Die obere Teichstrasse.
22. Die Neustadt.
23. Die Petersilienstrasse.
24. Der Anger.
25. Die dustere Strasse.
26. Die Nicolaistrasse.
27. Die neue Querstrasse.
28. Die rothe Strasse.
29. Die Wenneckenstrasse.
30. Der Ziegenmarkt.
31. Der neue Markt.
32. Die Burgstrasse.
33. Die Judenstrasse.
34. Die Kupferstrasse.
35. Die Speckstrasse.
36. Die Riddagshäuserstrasse.
37. Der Ritterplan.
38. Die Kasspfule.
39. Die Mühlenstrasse.
40. Die Leinenstrasse.
41. Die Barfusserstrasse.

Общественныя зданія и сады.

I. Das Weender Thor.
II. Das Grohnder Thor.
III. Das Geismar Thor.
IV. Das Albaner Thor.
V. Die Johanniskirche.
VI. Die Jacobikirche.
VII. Die Albanikirche.
VIII. Die Nicolaikirche.
IX. Die Marienkirche.
X. Die Universitätskirche.
XI. Die reformirte Kirche.
XII. Die catholische Kirche.
XIII. Das Concilienhaus.
XIV. Das Accouchirhospital.
XV. Das chymische Laboratorium.
XVI. Das Reithaus und die Stallmeister-[wohnung.
XVII. Die Anatomie.
XVIII. Der botanische Garten.
XIX. Der oeconomische Garten.
XX. Das Observatium.
XXI. Das Rathaus.
XXII. Das Commandantenhaus.
XXIII. Die Hauptwache.
XXIV. Das Zeughaus.
XXV. Die Stadtschule.
XXVI. Das Krankenhospital.
XXVII. Das Posthaus.
XXVIII. Die Universitätsapotheke.
XXIX. Die Rathsapotheke.
XXX. Die Waage.
XXXI. Der Teutsche-Ordenshof.
XXXII. Das Waisenhaus.
XXXIII. Die Rathsziegelbrennerei.
XXXIV. Die Brauhäuser.
XXXV. Die Fischerei.
XXXVI. Der Fleischscharn.
XXXVII. Die Stadtmühlen.
XXXVIII. Das Kaufhaus.


GOETTINGEN


I
XIX
38
1
19
33
36
XXVIII
32
37



Карта окрестностей Геттингена.

ПРИМѢЧАНІЯ.

— (Стр. 5). «Я болѣе твоего нещастливъ»... Несчастіе Тургенева состояло въ томъ, что горячо любимый отецъ его, Иванъ Петровичъ, былъ въ это время разбитъ параличемъ. См. стр. 223.

— (Стр. 6). «19. I M. 4 T. 806». Въ началѣ своего дневника Тургеневъ четыре раза обозначаетъ дату особымъ способомъ. Секретъ его раскрывается таблицею-кругомъ, помѣщенною здѣсь въ приложеніи къ первой книгѣ дневника (см. стр. 26). Тамъ по-англійски между прочимъ написано слѣдующее: «День — по-арабски только, мѣсяцъ — по-римски и M. Годъ — по-арабски и обозначается безъ тысячи. Годъ дѣлится на четыре времени, которыя обозначаются: I, II, III, IV». Слѣдовательно дата: 19. I M. 4 T. 806 обозначаетъ 19 число перваго мѣсяца въ четвертомъ сезонѣ 1806 года, т. е. 19 октября 1806 г.

— *Фишеръ* (фонъ Вальдгеймъ), Григорій Ивановичъ (1771—1854), родомъ изъ Саксоніи, профессоръ естественной исторіи въ Московскомъ университетѣ съ 1804 по 1853 г. и директоръ музея въ Москвѣ.

— *Муратъ*, Федоръ Дмитріевичъ, содержатель кофейной въ Москвѣ. См. выше, стр. 163.

— *Пишегрю*, Шарль (1761—1804), французскій генералъ, командовавшій во время революціи рейнской арміей. Дѣятельности Конвента онъ не сочувствовалъ и вступилъ въ сношенія съ роялистами. Послѣ разныхъ неудачъ Пишегрю въ 1804 г. вмѣстѣ съ Ж. Кадудалемъ пытался свергнуть перваго консула, но былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму и вскорѣ найденъ въ ней мертвымъ.

— *Великій князь* — очевидно Константинъ Павловичъ, такъ какъ Николай и Михаилъ Павловичи были въ это время еще дѣтьми.

— (Стр. 6 — 7). *Каменскій*, графъ Михаилъ Федоровичъ (1738—1809), ген. фельдмаршалъ. Въ 1806 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ армію, дѣйствовавшую противъ французовъ, прибылъ къ ней 7 декабря, а черезъ шесть дней, подъ предлогомъ болѣзни, уѣхалъ въ свое орловское помѣстье. Тамъ, года три спустя, онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ дворовыхъ.

— (Стр. 8). M....., иниціалъ неизвѣстной особы, повидимому женскаго пола. Въ другихъ мѣстахъ дневника она носитъ названіе Минево. Послѣднее могло быть составлено по способу, который объясненъ Тургеневымъ въ такъ наз. «Загадкѣ Философа» (см. стр. 26).

— (Стр. 10). *Фонтенель*, французскій литераторъ (1657—1757), племянникъ Корнеля.

— «*Вѣстникъ Европы*» Карамзина началъ выходить съ 1802 г.

— *Делиль,* французскій поэтъ (1738—1813), переводчикъ Вергилія и Мильтона.

— (Стр. 11—12). *Жанъ-Жакъ Руссо* (1712—1778), знаменитый французскій прозаикъ, моралистъ и философъ эпохи просвѣщенія. Тургеневъ записываетъ въ дневникъ нѣкоторыя мысли очевидно изъ его романа «Nouvelle Héloïse». См. ниже примѣчаніе къ стр. 13.

— *Борисъ* [*Тургеневъ*], очевидно сынъ Петра Петр. Тургенева, слѣд. двоюродный братъ Николая Тургенева, ученикъ университ. благород. пансіона. Въ 1805 г. (дек.) онъ былъ на среднемъ возрастѣ и при переводѣ въ старшій получилъ одинъ призъ. Въ дек. 1806 г. онъ получилъ три приза и перчатку за то, что на актѣ бился на рапирахъ (съ Есиповымъ и Альбединскимъ). Въ дек. 1807 г. онъ студентъ и на актѣ тоже бился на рапирахъ и получилъ перчатки, а за успѣхи получилъ одинъ призъ. Въ отчетѣ за 1808 г. Борисъ Тургеневъ не упоминается. (См. Моск. Вѣд. 1805—1808, №№ 103 и 104 (1808).

— *Есиповъ*, Николай, воспитанникъ университетскаго пансіона. Изъ отчетовъ объ актѣ за 1803 г.—1807 гг. видно, что въ 1803 г. онъ былъ на меньшемъ возрастѣ, въ дек. 1805 г. онъ на среднемъ возрастѣ, получилъ два приза и переведенъ въ старшій возрастъ. На актахъ въ декаб. 1806 и дек. 1807 гг. онъ дрался на рапирахъ. Съ 1806 г. онъ — студентъ, получилъ рапиру и серебр. медаль (простую). Онъ рисовалъ, и его картина оставлена въ унив. пансіонѣ. Въ 1807 г. онъ получилъ эспадронъ и серебр. медаль съ именемъ.

— *Языковъ Дмитрій*, воспитанникъ моск. унив. пансіона, товарищъ Тургенева. Въ 1805 г. онъ былъ еще на среднемъ возрастѣ и получилъ одинъ призъ. На актѣ 1806 г. онъ переведенъ въ старшій возрастъ и получилъ одинъ призъ. Въ 1807 г. онъ — студентъ и получилъ одинъ призъ.

— «Проклятая диссертація занимаетъ меня»... Тургеневъ писалъ выпускное сочиненіе на тему: «О необходимости знанія отечественнаго языка». Оно было признано лучшимъ, и объ немъ упомянуто на актѣ 22 дек. 1806 г. (См. Моск. Вѣд. 1806 г., № 103).

— *Лизогубъ*, очевидно, Александръ, воспитанникъ университ. пансіона, въ которомъ было четверо братьевъ Лизогубъ: Александръ, Илья, Яковъ и Виталій. Они каждый годъ играли на актѣ, и Жихаревъ подъ 23 дек. 1805 г. говорилъ въ своемъ дневникѣ объ актѣ въ пансіонѣ слѣд. слова: «Играли на клавикордахъ тѣ же піэсы, которыя играли прошлаго года и будутъ играть въ будущемъ году все тѣ же братья Лизогубы» (Записки. М. 1891 г., стр. 119). Въ 1806 г. Александръ Лизогубъ игралъ на флейтѣ, а Сергѣй Соковнинъ аккомпанировалъ ему на фортепіано. Лизогубъ получилъ серебр. медаль съ именемъ. Онъ уже студентъ. На актѣ 1807 г. (декаб.) студентъ-Лизогубъ опять игралъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Соковнинымъ и получилъ серебр. медаль съ именемъ и листомъ. Кромѣ того ему подарили «флейтраверсическій концертъ». Въ отчетѣ объ актѣ 1808 г. Лизогубъ Александръ уже не упоминается.

— (Стр. 13). *Сенека* (3—65 г. по Р. Хр.), римскій философъ моралистъ, наставникъ имп. Нерона.

— *Nouvelle Hêloïse*, романъ Ж. Ж. Руссо, впервые появившійся въ свѣтъ въ 1761 г. Героиня романа, Юлія, въ концѣ концовъ погибаетъ въ озерѣ, спасая свою дочь. Это — образецъ чувствительнаго романа, подражаніе Ричардсону въ эпистолярной формѣ.

— (Стр. 15). *Попе*, Александръ (1688—1744), знаменитый англійскій поэтъ. Онъ обработалъ въ поэтическую форму извѣстную переписку Абеляра и Элоизы (въ 1716 г.), которая вызвала не мало слезъ у чувствительныхъ читательницъ. Именно эту переписку упоминаетъ здѣсь Тургеневъ, читавшій ее по-французски въ переводѣ Колардо («Lettre amoureuse d'Héloïse à Abailard», см. Oeuvres choisies de Colardeau. A Paris 1817, ed. stereotypa Firm. Didot). — Колардо — французскій поэтъ (1732—1776).

— *Леманъ*, Иванъ Ивановичъ, воспитатель и преподаватель московскаго университетскаго благороднаго пансіона, повидимому близкій къ семьѣ Тургеневыхъ. По свидѣтельству С. П. Жихарева (см. его Записки), младшіе Тургеневы, Николай и Сергѣй, были «въ классѣ Лемана» и считались «записными нѣмцами». Умеръ онъ въ 1808 г. Къ сожалѣнію другихъ свѣдѣній о немъ у насъ не имѣется, но несомнѣнно, онъ оказалъ большое вліяніе на юношу Тургенева. См. дневникъ, стр. 16, 19 и 31.

— *Санкюлоты* — названіе извѣстныхъ революціонеровъ въ 1789 году.

— (Стр. 16). *Каменскій* — можетъ быть Владиміръ Николаевичъ, сынъ Бантыша-Каменскаго, управляющаго архивомъ иностр. коллегіи. Онъ служилъ подъ начальствомъ отца. См. прим. къ стр. 84.

— *Сушковъ* — вѣроятно двоюродный братъ Н. Тургенева, сынъ Мих. Ник. Сушкова и Анны Петровны Тургеневой.

— *Ковалинскій*, Илья — воспитанникъ университ. благороднаго пансіона.

— *Буринскій*, Захаръ Алексѣевичъ, магистръ и суббибліотекарь москов. университета, род. въ 1780-хъ годахъ, въ университетъ студентомъ вступилъ въ 1801 г. и ближайшими товарищами имѣлъ М. В. Милонова, Р. Ѳ. Тимковскаго и Н. Ѳ. Кошанскаго; слѣд. онъ былъ нѣсколько старше Н. Тургенева. Въ 1806 г. онъ на актѣ унив. пансіона (22 дек.) читалъ свое стихотвореніе «Къ питомцамъ музъ» (Моск. Вѣд. 1806, № 103). Современники очень цѣнили его поэтическій талантъ. См. о немъ Ост. Архивъ, II, 525—526, и Записки С. П. Жихарева (М. 1891 г.).

— *Аржевитиновъ*, Петръ Семеновичъ, двоюрод. братъ Н. Тургенева, сынъ Семена Владим. и Харитины Петровны, урожденной Тургеневой. Въ 1805 г. (декабрь) онъ—воспитанникъ старшаго возраста, получившій три приза, и сдѣланъ студентомъ. Въ 1806 г. (декабрь) онъ получилъ серебр. медаль съ именемъ за успѣхи и за сочиненіе: «О вліяніи Литературы на общественныя должности». Въ отчетѣ акта 1807 г. (дек.) онъ не упоминается и вѣроятно выбылъ изъ пансіона (см. Моск. Вѣд. 1805—1807 гг. № 103). Умеръ онъ 10 сент. 1827 г. См. Ост. Архивъ III, 589.

— *Соковнинъ*, Сергѣй Михайловичъ, воспитанникъ университ. пансіона, товарищъ Тургенева. Изъ отчетовъ объ актахъ пансіона (см. Моск. Вѣд. 1805—1807 гг.) видно, что С. М. Соковнинъ въ 1805 г. (дек.) на актѣ читалъ «французской разговоръ» съ С. Тургеневымъ и Никол. Есиповымъ, потомъ читалъ свое стихотвореніе: «Счастіе» и получилъ похвальный листъ и клавикордный концертъ. Вмѣстѣ съ Н. И. Тургеневымъ писалъ онъ сочиненіе на ту же тему, а именно: «О пользѣ чтенія, о выборѣ книгъ и способѣ читать съ успѣхомъ». Оба, Соковнинъ и Тургеневъ, въ одинъ годъ (1803) были «произведены» въ студенты. На актѣ 1806 г. Соковнинъ съ Лизогубомъ игралъ на фортепіано и читалъ свое стихотвореніе: «Юность». Онъ и Тургеневъ одни только (изъ всего выпуска) получили по золотой медали (съ именемъ и листомъ). Въ 1807 г. Со-

ковнинъ, пробывшій 4 года студентомъ, получилъ дипломъ на кандидата, и имя его было занесено на доску въ число лучшихъ воспитанниковъ пансіона. О службѣ его см. Остаф. Архивъ, I, 444—445.

— *Геевскій, Михайла*, воспитанникъ универс. пансіона. Въ 1805 г. (дек.) онъ былъ на среднемъ возрастѣ и получилъ два приза. Въ 1806 г. (дек.) онъ— студентъ и получилъ одинъ призъ (книгу). Въ 1807 г. онъ еще студентъ и получилъ серебр. медаль (простую). На актѣ 1808 г. Геевскій уже не упоминается.

— *Волковъ-Ланевскій*, Семенъ, воспитанникъ универс. пансіона. Въ 1806 г. (дек.) онъ «произведенъ» въ студенты и получилъ одинъ призъ (книгу). Въ отчетѣ объ актѣ 1807 г. онъ не упоминается (См. Моск. Вѣд. 1806—1807 г. № 103).

— *Шишковъ*, Николай, воспитанникъ универс. пансіона, въ 1805 г. (дек.) былъ на среднемъ возрастѣ и, получивъ два приза, переведенъ на старшій возрастъ. Въ 1806 г. (дек.) онъ — студентъ и получилъ серебр. медаль (простую). Въ 1807 г. онъ получилъ серебр. медаль съ именемъ. Въ отчетѣ объ актѣ за 1808 г. Шишковъ не упомянутъ (См. Моск. Вѣд. 1805—1808, №№ 103—104).

— *Альбединскій* 1-й, Дмитрій, воспитанникъ унив. пансіона. Въ 1805 г. онъ на старшемъ возрастѣ, получилъ скрипичный дуэтъ и одинъ призъ. На актѣ 1806 г. (декаб.) онъ бился на рапирахъ (вмѣстѣ съ Н. Есиповымъ и Борисомъ Тургеневымъ) и получилъ серебрян. медаль (простую). Онъ—студентъ и повидимому скоро выбылъ изъ университет. пансіона, такъ какъ въ отчетѣ объ актѣ за 1807—1808 г. Дм. Альбединскій не упоминается (См. Моск. Вѣд. 1805—1808, №№ 103—104).

— *Есиповъ Николай*—см. выше, прим. къ стр. 12.

— *Америка* — повидимому кофейная или ресторанъ въ Москвѣ.

— (Стр. 17). Здѣсь Тургеневъ приводитъ стихи тропаря 3-го часа (изъ 50-го псалма).

— (Стр. 18). Въ эту пору Тургеневъ читалъ Вольтера, см. ниже примѣчанія къ приложеніямъ (на стр. 29—32), гдѣ указываются сочиненія этого философа, прочитанныя Тургеневымъ. Здѣсь же послѣдній отмѣчаетъ *деизмъ* Вольтера.

— (Стр. 19). *Тимонъ*, Τίμων ὁ μισάνθρωπος, зажиточный и философски образованный аѳинянинъ временъ Пелопонесской войны (431—404 г. до Р. Х.).

— *Александръ Ивановичъ* [Тургеневъ], т. е. братъ Н. И. Тургенева (1784—1845). Лучшая біографія его написана В. И. Саитовымъ, см. соч. Батюшкова, изд. П. Н. Батюшкова, т. I, с. 355—372. Дневники и переписка Ал. И. Тургенева очень обширны и хранятся въ рукопис. отдѣленіи Академіи Наукъ, а его студенческія тетради находятся въ библіотекѣ московскаго университета. Въ 1807 г. (лѣтомъ) Ал. Ивановичъ находился въ свитѣ государя, во время его заграничнаго путешествія.

— *Милоновъ*, Михаилъ Васильевичъ (1792—1821), бывшій ученикъ пансіона, по мнѣнію Вигеля (Воспом., III, 150), надѣленъ былъ огромнымъ поэтическимъ талантомъ. Здѣсь подъ 20 января Тургеневъ упоминаетъ «принятіе Милонова въ сочлены» Собранія воспитанниковъ Университетскаго Пансіона, основаннаго Жуковскимъ и другими его товарищами въ 1791 г.

— *Антонскій*, — повидимому родственникъ инспектора пансіона, Ант. Ант. Прокоповича-Антонскаго, часто упоминаемаго въ дневникѣ Тургенева.

— (Стр. 20). *Смирновъ*, Аѳанасій Михайловичъ, помощникъ Антонскаго по управленію университетскимъ благороднымъ пансіономъ.

— «Къ Антону съ цифирою 3 (помноженному на три)», т. е. къ Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому, начальнику университетскаго пансіона. Свѣдѣнія о немъ см. у Сушкова (Москов. унив. благор. пансіонъ. М. 1860); также въ энцикл. словарѣ Брокгауза.

— *Платонъ*, знаменитый митрополитъ Московскій (1730—1812), былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ къ семьѣ И. П. Тургенева и вообще къ новиковкому кружку. Это подтверждается и нѣкоторыми еще не напечатанными бумагами архива Тургеневыхъ.

— *Марья Семеновна Нефедьева*, тетушка Тургенева, сестра его матери Екатерины Семеновны, урожденной Качаловой.

— (Стр. 21). «*Бредъ*» — записная книга Тургенева, составляетъ вторую книгу этого тома его дневниковъ.

— (Стр. 23). Подъ стихотвореніемъ стоятъ цифры 50 и 300; это иниціалы Тургенева: 50 = Н, 300 = Т. Тоже см. и на стр. 25.

— (Стр. 26). Кругъ, помѣщенный въ приложеніяхъ къ первой (Желтой) книгѣ дневниковъ Тургенева, исписанъ англійскими фразами, которыя въ переводѣ означаютъ слѣдующее.

Загадка Философа. 18 августа.

Сдѣлано въ 1806 г. Октября 18.

1. Имя вещи обозначается *двумя слогами въ концѣ*, которые находятся въ этой вещи въ началѣ.

2. Имя семейства обозначается *однимъ слогомъ въ концѣ*, который въ семействѣ находится въ началѣ.

3. Люди (лица), которыхъ *я долженъ* любить, или родные, обозначаются— a, b, c, etc., смотря по старшинству. Итакъ a—значитъ *Отецъ*.

4. День — по-арабски только, мѣсяцъ по-римски и М. Годъ по-арабски и обозначается безъ тысячи.

Годъ дѣлится на четыре времени, которыя обозначаются: I, II, III, IV.
Первое время содержитъ: Я[нварь], Ф[евраль], М[артъ] или I.
Второе — Апрѣль, Май, Іюнь или II.
Третье — Іюль, Августъ, Сентябрь или III.
Четвертое—Октябрь, Ноябрь, Декабрь или IV.

5. Книга обозначается словомъ: Жолтая книга.

— «Былъ въ Архивѣ», т. е. въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, куда прикомандировывались молодые люди лучшихъ фамилій, главнымъ образомъ для полученія чиновъ. Это повелось со временъ имп. Павла, когда было запрещено записывать дворянскихъ дѣтей въ полкъ чуть не съ пеленокъ — тоже для полученія чиновъ. Тургеневъ, подобно другимъ, уже на школьной скамьѣ (съ 1803 г.) числился переводчикомъ иностранной коллегіи.

— (Стр. 27). Что за произведеніе «*Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ*» — намъ не удалось выяснить.

— (Стр. 28). *Соковнинъ*—о немъ см. выше примѣчаніе къ стр. 16 и ниже примѣч. къ стр. 83.

— Стихотвореніе: «Ванька, ты ли недоволенъ щастьемъ жизни своея» и т. д. очевидно написано Тургеневымъ на радостяхъ по поводу полученія золотой медали.

— Статья Карамзина, въ которой Тургеневъ читалъ о Борисѣ Годуновѣ находится въ «Вѣстникѣ Европы» 1802 г. и носитъ заглавіе: «Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицкой Лаврѣ».

— (Стр. 28 — 29). Хронологическія выкладки изъ всемірной исторіи сдѣланы Тургеневымъ по книгѣ Кондильяка «Histoire ancienne». См. объ этомъ ниже примѣчаніе къ стр. 119.

— (Стр. 29). Весьма возможно, что Тургеневъ пользовался базельскимъ изданіемъ сочиненій Вольтера (1786—1789 гг.), и у него въ рукахъ были слѣдующіе томы: 11, 24, 32, 33, 44, 45 и 47. Особенно сильное впечатлѣніе произвели на него статьи, помѣщенныя въ 32 и 45 томахъ. «Histoire de Genni», написанная въ 1769 г., находится въ 45 томѣ (глава IX); она озаглавлена такъ: «Sur l'athéisme». Здѣсь ведутъ разговоръ Биртонъ и Фрейндъ. — «Epître aux Romains» находится въ 33 томѣ (стр. 426—460). «La profession de foi des Theistes» помѣщена въ 32 томѣ (стр. 349—378) и болѣе подробно озаглавлена такъ: «Que Dieu est le père de tous les hommes, des superstitions, des sacrifices de sang humain... de la doctrine des théistes». Тургеневъ говоритъ, что «Ааронъ отнималъ у ней», а у кого — не видно. Ааронъ, какъ извѣстно, отнималъ у бѣдной вдовы шерсть, ягненка и овцу (См. Вольтера, т. 32, стр. 356).

— (Стр. 30). «Les oreilles de Chesterfield et le chapelain Goudmon» находится въ 45 томѣ (стр. 339—368). Имя принцессы (Обеира) передано Тургеневымъ невѣрно, надо: Obéréa; она—царица островов Таити. Стихъ: «Abime tous plutôt c'est esprit de l'église» взятъ изъ трагедіи Вольтера «Эдипъ». — Фразы, приводимыя ниже, взяты изъ 45 тома сочиненій Вольтера. «Les lettres d'Amabed»—находятся въ томъ же томѣ (стр. 187—254).

— (Стр. 31). *Θеофилактъ* (Русановъ), архіерей Калужскій, выдающійся дѣятель въ религіозномъ движеніи начала XIX столѣтія, стоявшій во главѣ партіи нецерковнаго направленія. Онъ преподавалъ въ С.-Петербургской духовной академіи антихристіанскую эстетику и составилъ руководство богословія по лютеранской книгѣ Буддея. Θеофилактъ любилъ говорить по-французски и оттого получилъ въ обществѣ названіе «французскаго архіерея». Это былъ скорѣе свѣтскій человѣкъ, чѣмъ архипастырь, увлекавшійся западнымъ движеніемъ и поклонникъ Фенелона. См. Дубровина — «Наши мистики-сектанты» (Рус. Стар. 1894, окт.).

— *Діонисій Младшій*, сынъ Діонисія Старшаго, тиранна Сиракузскаго, бывшій и самъ тиранномъ въ Сиракузахъ съ 367 по 343 г. По разсказу Плутарха (Dion et Timoleon), Діонисій дѣйствительно увлекъ въ распутство Гиппарина, сына Діона. Послѣдній былъ тоже сиракузецъ, сынъ Гиппарина, братъ Аристомахи, супруги Діонисія Старшаго, мужъ ея дочери. Онъ жилъ въ 409—353 гг. до Р. Хр.; подъ вліяніемъ Платона увлекался философіею и былъ соперникомъ Діонисія Младшаго.

— *Петръ Ивановичъ Путятинъ*, дядюшка Тургенева, женатъ былъ на Варварѣ Семеновнѣ, урожденной Качаловой, жилъ въ «Италіанской Слободкѣ», т. е. гдѣ теперь Итальянская улица. См. Остаф. Архивъ, II, 542.

— *Николай Андреевичъ Беклешовъ*, сенаторъ, братъ извѣстнаго Александра Андреевича, ген. прокурора при имп. Павлѣ.

— *Титовъ,* Петръ Яковлевичъ, былъ оберъ-прокуроромъ во 2-мъ Департаментѣ Сената въ Петербургѣ.

— *Алексѣй Николаевичъ Сухотинъ* (а не Сухатинъ, какъ напечатано у насъ въ текстѣ). См. о немъ въ письмѣ Жуковскаго къ А. И. Т. отъ 31 янв. 1825 г. (Письма Ж. къ Т-ву).

— Стр. 32. *Панглосъ* — дѣйствующее лицо въ повѣсти Вольтера: «Кандидъ или Оптимистъ» (Женева 1759 г.), нападавшей на благодушное убѣжденіе, что «все къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ», и призывавшей человѣка къ борьбѣ со зломъ и невзгодами, къ распространенію свѣта и добра среди людей. Пессимистическое настроеніе Тургенева объясняется тѣмъ, что у него въ это время (въ февр. 1807 г.) умеръ отецъ.

— (Стр. 37—39). *«Любовь и женитьба»*, «Повѣсть о двухъ любовникахъ», Элегіи Шарлоты Смитъ и другіе отрывки переведены Тургеневымъ, повидимому изъ какой то англійской хрестоматіи, которую онъ читалъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъココ Бересфордомъ и потомъ Кордомъ.

— (Стр. 39). *Попе* (или Попъ) — англійскій поэтъ, см. выше примѣчаніе къ стр. 15.

— (Стр. 40). *Болинброкъ*, изъ котораго Тургеневъ перевелъ «Покорность Провидѣнію», былъ англійскій писатель и государственный дѣятель (1678—1751). Особенной популярностью пользовалась его книга: «О пользѣ изученія исторіи», а также его политическія сочиненія, и между ними особенно: «Dissertation on parties».

— (Стр. 41). *Bossuet* — знаменитый французскій проповѣдникъ, историкъ и богословъ (1627—1704). Труды его относятся къ тремъ родамъ: 1) проповѣди, 2) надгробныя рѣчи и 3) политическо-драматическія сочиненія. Лучшей изъ его проповѣдей считается проповѣдь «О смерти». Въ своихъ «Oraisons funèbres», которыми пользовался Тургеневъ, Боссюэтъ является новаторомъ: онъ создалъ этотъ видъ краснорѣчія и не имѣлъ въ немъ ни предшественниковъ, ни послѣдователей. Всѣхъ надгробныхъ рѣчей 10 (См. изд. стереот. до 1810 г. Ферм. Дидо).

— (Стр. 43). *Фридрихъ II*, прусскій король (1740—1786), какъ извѣстно, въ началѣ былъ большимъ поклонникомъ Вольтера; еще 22-лѣтнимъ наслѣднымъ принцемъ завязалъ съ нимъ переписку и выказывалъ ему самое пламенное обожаніе. Сдѣлавшись королемъ, онъ пригласилъ къ себѣ въ Берлинъ Вольтера, который и прожилъ при прусскомъ дворѣ 3 года. Однако между королемъ и философомъ произошло охлажденіе, и они разстались врагами.

— *Ламетри* (De la Metrie), извѣстный врачъ и философъ (1709—1751). Его сочиненіе «L'homme machine» (1748) было публично сожжено, и самъ авторъ нашелъ убѣжище въ Берлинѣ, куда прибылъ по приглашенію Фридриха II и гдѣ состоялъ членомъ академіи наукъ. Отзывъ Фридриха II о Вольтерѣ, переданный Ламетри, Тургеневъ взялъ изъ книги Лантье, о которомъ см. ниже.

— Отсюда и приблизительно до стр. 65 Тургеневъ постоянно дѣлаетъ выдержки изъ книги *Лантье: Les voyageurs en Suisse.* Par M-r de Lantier, chevalier de saint Louis» (см. Nouvelle édition à Paris 1817, въ трехъ томикахъ). Это—исторія двухъ влюбленныхъ, путешествующихъ по Швейцаріи и въ письмахъ къ роднымъ описывающихъ все ими видѣнное, слышанное и пережитое. Много литературныхъ анекдотовъ о писателяхъ, особенно о Вольтерѣ, Руссо и пр.

— Стихъ: Il me dit: Je vous aime» и т. д. сказанъ былъ Вольтеромъ въ отвѣтъ на вопросъ, какъ онъ могъ любить Фридриха II. (См. Lantier, Voyageurs, I, 187—188).

— (Стр. 43—44). Разсказъ о двухъ дѣвушкахъ эскимоскахъ взятъ Тургеневымъ изъ перваго тома Lantier, въ примѣчаніяхъ (I, 406—408). Послѣдняя фраза, гдѣ мы въ рукописи не разобрали одно слово, читается по-французски такъ: «Elle ajoutoit qu'elle vivoit sur les arbres, soit pour se garantir des bêtes féroces, soit pour mieux découvrir les animaux proportionnés à ses forces et à ses besoins pour s'en nourrir».

— Двустишіе: Qui n'a pas l'esprit de son âge и т. д. приводитъ M-me de Saint-Omer въ письмѣ къ Blanche въ оправданіе своей любви къ баламъ, гдѣ она смотритъ на забавы молодежи (Lantier, I, 191). Оттуда же взялъ Тургеневъ и слѣдующій стихъ, сказанный Diderot'омъ г-жѣ Сентъ-Омеръ. Послѣдняя передаетъ свой разговоръ съ Дидеро: «Берегитесь», говорила она ему: «ваша болѣзнь можетъ имѣть послѣдствія».—Quelles suites?—Une mort subite. Dieu vous entende! je pense comme Montaigne: la plus morte mort est la meilleure» (Ibid., 194).

— (Стр. 45). Разсказъ о траппистахъ взятъ Тургеневымъ изъ Лантье (I, 417—418), гдѣ онъ помѣщенъ въ примѣчаніяхъ. Трапписты — монашескій орденъ, основанный въ 1636 г. де Рансе, аббатомъ цистеріанскаго монастыря Ла-Траппъ въ департаментѣ Орнъ, близъ Мортани. Орденъ отличался строгими правилами.

— *Ламотъ* (Antoine-Houdart de Lamotte), французскій писатель (1672—1731), членъ франц. академіи. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась передѣланная имъ трагедія Камоэнса: Ines de Castro. См. Oeuvres choisies de Houdart de Lamotte, A Paris 1811. Edit. Firm. Didot.

— (Стр. 45—46). Оба разсказа, о Ла-Моттѣ и о Давидѣ, сынѣ бриліантщика, взяты изъ перваго тома сочиненія Лантье, стр. 417—418 и 223—230.

— (Стр. 47). *Ces reflexions me vont remémorant(rer)*... Окончаніе, поставленное здѣсь въ скобкахъ, прибавлено Тургеневымъ; наша же ошибка лишь въ томъ, что вмѣсто кривыхъ мы поставили прямыя скобки. У Лантье это мѣсто на стр. 261—262; тамъ же (стр. 279) находятся и стихи: Sexe aimable и пр. *Адольфъ Дельмонтъ* и *г-жа Сентъ-Омеръ* — дѣйствующія лица въ «Voyageurs en Suisse».

— *La Bruyère*, знаменитый французскій моралистъ (1645—1696); лучшее его сочиненіе — Les Caractères.

— Приведенныя Тургеневымъ слова Цицерона: secundas res ornant, adversis solatium praebent—находятся въ его рѣчи за Росція Америйскаго.

— (Стр. 48). Все нижеслѣдующее о Вольтерѣ взято изъ 33-го письма Voyageurs en Suisse (I, 330—347), посвященнаго описанію Фернѐ, Женевы и жизни тамъ Вольтера.— Фернѐ (Ferney)—имѣніе Вольтера въ 1200 гектаровъ, въ женевскомъ округѣ. Приводя изъ книги Лантье извѣстіе о томъ, что книги Вольтера, съ безчисленными замѣтками на поляхъ, были перевезены въ Россію, Тургеневъ опускаетъ обидную для Россіи замѣтку автора, что книги эти «ont encore enterrées dans les caisses du voyage» (I, 336).

— *Фреронъ* — извѣстный французскій критикъ, врагъ Вольтера (1719—1776).—*Сабатье* (аббатъ) — французскій писатель-компиляторъ (1742—1817). *Дефонтенъ* (аббатъ) — критикъ, извѣстный своей полемикой съ Вольтеромъ (1685—1745). *Патулье*—французскій іезуитъ, болѣе всѣхъ осыпанный сарказмами Вольтера (1699—1779). — Анекдотъ о Григоріи Великомъ взятъ изъ Voyageurs en Suisse (I, 337). Во французскомъ текстѣ, взятомъ оттуда же, Тургеневъ допустилъ ошибку: вмѣсто — le général Capanée онъ написалъ — le grand Capanée.

— *Іеромонахъ Макарій*—неизвѣстно какой; было два духовныхъ писателя, носящихъ это имя и подходящихъ по времени: одинъ сербъ (1734—1766), отъ котораго сохранились: «Православное ученіе» (1783) и «Проповѣди» (1786); другой—Макарій Сусальниковъ († 1787), собраніе сочиненій котораго было издано въ Москвѣ въ 1799—1803 гг. Вѣроятнѣе всего, что Тургеневъ имѣетъ въ виду послѣдняго.

— (Стр. 50). Бересфордъ—учитель Тургенева по англійскому языку.

— *Зороастръ*— основатель религіи персовъ; ему приписываются священныя книги Зендъ-Авеста.

— (Стр. 52). *Гольдсмитъ*, знаменитый англійскій писатель (1728—1774), былъ очень любимъ въ кружкѣ Ивана Петр. Тургенева. Имъ увлекались Андрей Тургеневъ, Жуковскій и даже Николай Тургеневъ, заимствовавшій любовь къ Гольдсмиту очевидно отъ старшихъ сверстниковъ. Всѣ они особенно читали и переводили его философскую поэму «The Deserted Village», богатую подробностями автобіографическаго характера. (См. выше, стр. 92).

— (Стр. 54). Начиная со стиха: «In Deo vivimus, movemur et sumus» и вплоть до эпитафіи Вольтеру—все это взято изъ сочиненія Вольтера «Tout en Dieu» (Полн. собр. сочиненій, т. 32, стр. 209 и др.). Эпитафія Вольтеру взята изъ выше упомянутой книги Lantier.

— (Стр. 55). *Король Станиславъ* — конечно Понятовскій (1764—1795).— *Кребильонъ*—французскій поэтъ-трагикъ (1674—1762). Его трагедія «Катилина» была поставлена на сцену впервые въ 1742 году, но имѣла мало успѣха: ее уничтожила, написанная въ томъ же году драма Вольтера: «Rome sauvée». Всѣ эти свѣдѣнія Тургеневъ взялъ изъ Лантье (I, 347).—Всѣ стихи, помѣщенные ниже на этой страницѣ, взяты Тургеневымъ тоже изъ книги Лантье. M-lle Blanche—героиня упомянутаго романа «Les voyageurs en Suisse». Милордъ Ellis—тоже одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа.

— (Стр. 56—58). Всѣ замѣтки Тургенева объ альпійскихъ орлахъ, о капуцинѣ въ Неаполѣ, о Бернардинцѣ Амедеѣ, о Пужетѣ, о Галлерѣ, Вольтерѣ и пр. заимствованы изъ второго тома упомянутой книги Lantier (см. стр. 17—18, 38—39, 40—41, 44—45, 46, 56—57, 58, 59—60 и 61).

— (Стр. 57). *Галлеръ* знаменитый естествоиспытатель и поэтъ (1708—1777). Его дидактическая поэма «О происхожденіи зла» обратила на себя вниманіе новиковскаго масонскаго кружка и была переведена на русскій языкъ Карамзинымъ въ 1786 году. Понятно, почему Николай Тургеневъ относится къ Галлеру съ уваженіемъ.

— (Стр. 58). Лучшая эпитафія Вольтеру взята у Lantier (II, 61).

— *Руссо* «хулилъ» Петра Великаго за преобразованіе русскихъ въ своемъ знаменитомъ «Contrat social» (глава VIII, о народѣ; см. также русскій переводъ Неманова, изд. Жуковскаго, Спб. 1907 г., стр. 81). Вольтеръ же критиковалъ Руссо въ своемъ сочиненіи: «Histoire de Russie sous Pierre le Grand» (Пол. соб. соч., т. 24).

— *Аретинъ*—знаменитый итальянскій сатирикъ (1492—1557).

— Тургеневъ конечно ошибается, приписывая папѣ Григорію VII (1073—1085) начало крестовыхъ походовъ; только Урбанъ II (1088—1099) осуществилъ мысль Григорія VII и въ 1096 г. поднялъ первый крестовый походъ. Людовикъ IX Святой, французскій король (1226—1270), совершилъ два крестовыхъ похода, 1248 и 1270 гг.

— (Стр. 59). *Кларкъ* (Clarke), англійскій философъ, ученикъ Фенелона, авторъ сочиненія: «Démonstration de l'existence et des attributs de Dieu» (1675—1729). Тургеневъ беретъ цитату не изъ самаго Кларка, а изъ Вольтера (Соч. т. 32, с. 420).

— *Лордъ Шафтсбури* (— Шэфтсбюри, графъ Antony Ashley Cooper, Earl of Shaftesbury, 1671—1713), извѣстный англійскій моралистъ; онъ училъ, что міръ и добродѣтель суть гармонія; благо есть вмѣстѣ съ тѣмъ и красота; цѣлое же есть та сила, которая господствуетъ надъ частностями. Онъ пользуется идеей міровой гармоніи для обоснованія теизма и теодицеи (ученія, которое старается примирить существованіе зла съ понятіемъ о Богѣ. См. Фалькенбергъ, Ист. новой фил. (СПб. 1894), с. 176—179).—Объ оптимизмѣ и о Шефтсбюри Тургеневъ читалъ у Lantier (II, 142—143 и 423) и у Вольтера (соч., т. 32, с. 422).

— *О папѣ Сикстѣ* IV (1471—1484), умертвившемъ двухъ Медицисъ въ церкви de la Reparade, Тургеневъ узналъ изъ Вольтера (Сочиненія, т. 32, стр. 429—430: Homélie sur l'athéisme).

— (Стр. 60). Слова: «Очень вѣроятно, что атеизмъ былъ философіею всѣхъ сильныхъ людей, которые проводили жизнь свою въ кругу преступленій, которые были называемы глупцами *политикою, образомъ правленія*» — составляютъ неудачный переводъ слѣдующихъ словъ Вольтера изъ «Homélies sur l'athéisme, sur la superstition» и пр.: «Il est très vraisemblable que l'athéisme a été la philosophie de tous les hommes puissens qui ont passé leur vie dans ce cercle de crimes que les imbéciles appellent *politique*, coup d'état, *art de gouverner*». (Сочиненія, т. 32, стр. 430).

— *Phalaris*—тираннъ Агригентскій съ 670 до 564 г. до Р. Хр. Онъ сжигалъ свои жертвы въ мѣдномъ быкѣ, а въ концѣ концовъ и самъ былъ сожженъ агригентинцами.

— *Busiris* — легендарный царь Египта, убитый Геркулесомъ.

— (*Стр. 61*). Стихи: «Le secret d'annuyer» взяты у Lantier (II, 230 и 237).

— (*Стр. 62*). Фраза: «Умный любитъ Монархическое правленіе, а дураки и разбойники — демократическое» приведены у Lantier во II томѣ (стр. 245), а замѣчаніе Saint-Preux (см. ниже) взято изъ его письма къ Юліи, приведеннаго въ III т. у Lantier (стр. 347—353, см. также II т., стр. 88). Сенъ-Прё — возлюбленный Юліи въ романѣ Руссо «Nouvelle Héloïse». Также у Lantier (т. II, стр. 353) Тургеневъ нашелъ фактъ, что пили за здоровье уже во времена Гомера. Тамъ же ниже (стр. 360) есть разсказъ о сектѣ бичующихся въ Испаніи О Карлѣ Смѣломъ (Дерзкомъ) Тургеневъ прочиталъ у Lantier (III, 296).

— (*Стр. 63*). *Грамматинъ*, Алексѣй Θедоровичъ, братъ извѣстнаго поэта Николая Θедоровича Грамматина.

— (Стр. 64). «*Сонъ Радищева*», т. е. шестая глава его книги «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», носящая заглавіе: «Спаская полѣсть». (См. изданіе Суворина 1906 г., стр. 30).

— (Стр. 65). *Путятины* — родственники Тургеневыхъ; Петръ Ивановичъ Путятинъ женатъ былъ на родной сестрѣ Екатерины Семеновны Тургеневой. См. выше примѣчаніе къ стр. 31.

— *Бѣлая Книга* — дневникъ Николая Тургенева, веденный въ 1807—1808 гг. и хранящійся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Академіи Наукъ подъ № 202. Въ этомъ томѣ «Бѣлая Книга» обнимаетъ стр. 33—122.

— (Стр. 66). Отецъ Тургенева умеръ 24 февраля 1807 года въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ лечиться у доктора Франка.

— *Гамалея*, Семенъ Ивановичъ (1743—1822), мистикъ и масонъ, членъ новиковскаго кружка и другъ Ив. Петр. Тургенева, служившій съ нимъ въ одно время въ канцеляріи москов. ген. губернатора Зах. Чернышева († 1784).

— (Стр. 69). *Кастельветро*—итальянскій гуманистъ (1505—1571); главное его сочиненіе—«Объясненіе на поэтику Аристотеля» (Вѣна 1570).

— (Стр. 70). *Баккаревичъ*, Михаилъ Никитичъ (1775—1819), извѣстный, въ свое время преподаватель русской словесности и помощникъ инспектора москов. унив. благороднаго пансіона.

— (Стр. 71). Панегирикъ Людовику XV есть отдѣльное небольшое сочиненіе Вольтера, помѣщенное въ 47 томѣ базельскаго изданія (стр. 23—51). На стр. 33 тамъ есть слѣдующія слова, на которыя обратилъ вниманіе Н. Тургеневъ: «On sait assez que ceux qui sont à la tête des peuples sont jugés par le publique avec autant de sévérité qu'ils sont loués en face avec bassesse; que tout prince a pour juges les coeurs de ses sujets».

— (Стр. 73). *Тутолминъ, Тимофей Ивановичъ* (1739—1809), московскій главнокомандующій, по словамъ Державина, былъ несимпатичный человѣкъ, надутый спесью и чванствомъ. Тургеневъ тоже не съ похвалою говоритъ о немъ.

— «*La Pucelle*» Вольтера написана около 1730 г. и въ 1755 г. издана въ искаженномъ видѣ врагами Вольтера, а въ 1762 г. издана имъ самимъ. Эта поэма съ неслыханной дерзостью глумится надъ королемъ Людовикомъ XV и г-жей Помпадуръ, надъ первыми сановниками государства и личными врагами поэта. «Все низкое и скандальное, двусмысленное и наглое находится здѣсь въ самомъ раскошномъ изобиліи». См. Геттнеръ, Исторія всеобщ. литературы, II, 176.

— *Бонифацій VIII* былъ папою въ 1294—1303 гг.

— (Стр. 75). *Каменскій* — конечно Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ (1737—1814), управляющій москов. архивомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

— «Полинька глупенькой *Горчаковъ*»—князь Павелъ Горчаковъ, воспитанникъ пансіона и переводчикъ Коллегіи иностр. дѣлъ. Въ 1805 г. онъ—воспитанникъ старшаго возраста, получилъ призъ и «произведенъ въ студенты». См. Моск. Вѣд. 1805 г., № 105.

— (Стр. 76). Въ отрывкѣ изъ «Pucelle», послѣ стиха: Son tendre amant l'embrasse tout-à-l'heure пропущенъ стихъ: Ses yeux ardents, éblouis, enchantés...

— (Стр. 77). «*Дебора*—первая женщина-героиня»—очевидно та Девора, пророчица и судья, которая избавила евреевъ отъ угнетеній ханаанскаго царя Іавина (вскорѣ послѣ поселенія евреевъ въ Палестинѣ). См. Книгу Судей, гл. IV—5.

— *Жансенисты*—послѣдователи ученія голландца Янсенія (1585—1638), который отрицалъ свободу воли и всѣ поступки человѣка ставилъ въ полную зависимость отъ Провидѣнія.

— (Стр. 78). Генер. губ. *Тутолминъ*—см. выше примѣчаніе къ стр. 73.

— (Стр. 79). *Золотаревъ*, Өедоръ Михайловичъ, московскій купецъ, знакомый Н. И. Тургенева, упоминается послѣднимъ ниже въ Геттингенскихъ письмахъ, см. стр. 349.

— *Карповъ Сергѣй* — воспитанникъ московскаго университет. благороднаго пансіона. Въ 1805 г. онъ былъ на старшемъ возрастѣ и получилъ одинъ призъ; слѣдовательно онъ былъ немного моложе Тургенева.

— *Иванъ Базилевскій* — повидимому Иванъ Өедоровичъ Базилевскій (1791—1876), дѣйств. стат. совѣтникъ, золотопромышленникъ и откупщикъ, много жертвовавшій на полезныя предпріятія всякаго рода.

— *Каченовскій* завѣдывалъ изданіемъ «Вѣстника Европы» съ 1805 г. по 1807 г. и съ 20 № 1809 г. по 21 № 1811 г.

— (Стр. 80). Александръ Ивановичъ Тургеневъ ѣздилъ въ армію съ Новосильцовымъ съ марта по іюль 1807 г. О Новосильцовѣ см. примѣч. къ стр. 361.

— Стихи Вольтера: «Les prêtres ne sont pas ce qu'un vain peuple pense»... взяты изъ «Эдипа» (1718 г.).

— *Мордвиновъ*, графъ Николай Семеновичъ (1754 — 1845), дѣйствительно въ 1806 г. былъ избранъ московскимъ дворянствомъ въ предводители московскаго ополченія, хотя онъ не былъ дворяниномъ Московской губерніи.

— *Дмитріевъ,* Иванъ Ивановичъ, извѣстный поэтъ и баснописецъ (1760 — 1837).

— *Голенищевъ-Кутузовъ*, Михаилъ Иларіоновичъ (1745 — 1813), князь Смоленскій, герой отечественной войны.

— *Багратіонъ,* князь Петръ Ивановичъ, герой отечественной войны (1765 — 1812).

— (Стр. 81). *Плетеневъ*, учитель рисованія и чистописанія въ москов. университ. благород. пансіонѣ, дававшій уроки Н. Тургеневу и на дому, до поступленія его въ пансіонъ.

— *Княжево* — имѣніе Тургеневыхъ недалеко отъ Москвы.

— *Воейковъ,* Николай Константиновичъ, пансіонскій товарищъ Тургенева, нравился товарищамъ своимъ «изряднымъ лицемъ». См. стр. 84.

— (Стр. 82). *M-lle Ninon de Lenclos* — знаменитая куртизанка (1616—1706) временъ Людовика XIV. Первымъ ея поклонникомъ былъ кардиналъ Ришелье.

— *All partial evil a general good* — сказано Попомъ въ его сочиненіи «Опытъ о человѣкѣ». Эту фразу и вообще взгляды Попа на міропорядокъ Тургеневъ заимствовалъ у Вольтера. Нападки послѣдняго на оптимизмъ и оптимистовъ (Попъ, Болингброкъ и Шефтсбюри) начались съ 1755 г., т. е. послѣ Лиссабонскаго землетрясенія. Къ этому времени относится его «Кандидъ», эта уничтожающая своимъ остроуміемъ сатира противъ оптимизма, представляющая исторію того кроткаго и благонравнаго юноши, котораго безъ всякой мѣры толкаетъ, мучитъ и угнетаетъ судьба, и который такъ однако твердо убѣжденъ въ ученіи о лучшемъ изъ міровъ. Вольтеръ нападалъ на Болингброка, Шефтсбюри и Попа за то, что они защищаютъ взглядъ, будто все устроено наилучшимъ образомъ. «Зла никакого нѣтъ», говоритъ Попъ: *«всѣ частные роды зла составляютъ только общее благо»*. Послѣднее, напечатанное курсивомъ, и внесено въ дневникъ Тургеневымъ, который взялъ это изъ сочиненій Вольтера. Панглосъ — дѣйствующее лицо въ упомянутомъ произведеніи Вольтера: «Задигъ или Оптимистъ» (см. примѣчаніе выше, къ стр. 32).

— Дядя *Петръ Петровичъ Тургеневъ*, братъ Ивана Петровича, симбирскій помѣщикъ, членъ Типографической компаніи, извѣстный въ свое время масонъ.

— *Графъ Петръ Александровичъ Толстой* (1761 — 1844) былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ съ октября 1807 по октябрь 1808 г.

— *Генералъ Савари* (Аннъ-Жанъ-Мари-Рене Savary, герцогъ de Rovigo, 1774 — 1833) съ 1800 г. былъ адъютантомъ и довѣреннымъ лицомъ генерала Бонапарта, который давалъ ему деликатныя, хотя не всегда почетныя порученія, въ родѣ тайныхъ разслѣдованій. Въ 1802 — 1804 гг. былъ директоромъ бюро тайной полиціи и раскрылъ заговоръ Кадудаля и Пишегрю. Въ 1805 — 1807 гг. Савари принималъ участіе въ походахъ противъ Австріи, Пруссіи и Россіи. Послѣ Тильзитскаго мира (8 іюля 1807 г.) Савари былъ отправленъ посланникомъ въ Петербургъ, но, какъ одинъ изъ виновниковъ смерти герцога Энгіенскаго, не пользовался симпатіями русскаго двора и былъ замѣненъ Коленкуромъ въ концѣ 1807 г.

— (Стр. 83). *Лопухинъ*, Иванъ Владимировичъ (1756 — 1816), сенаторъ, извѣстный масонъ и общественный дѣятель,—занялъ у отца Тургеневыхъ, какъ это видно изъ ихъ архива, еще во времена Типографической компаніи, значительную сумму денегъ, которую впослѣдствіи не могъ уплатить въ виду разстроеннаго состоянія своихъ дѣлъ. Мать Тургеневыхъ, Екатерина Семеновна, затѣяла процессъ противъ Лопухина, дошедшій, благодаря его упорству, до сената. Именно объ этомъ процессѣ—«дѣлѣ» и упоминаетъ здѣсь Н. Тургеневъ. Сохранилось письмо М. М. Сперанскаго къ Лопухину, въ которомъ онъ жестоко пробираетъ его за нежеланіе платить свой долгъ. Лопухинъ былъ очень близокъ къ семьѣ Тургеневыхъ, и старшіе братья, Андрей и Александръ Ивановичи, любили его какъ родного отца. Андрей и умеръ на рукахъ Лопухина. См. геттингенскія письма Ал. И. Тургенева 1802—1804 гг., печатающіяся подъ наблюденіемъ академика В. М. Истрина.

— *Соковнины*—семья, знакомая Тургеневымъ. Ихъ было 4 брата: Сергѣй, Михаилъ, Павелъ и Николай Михайловичи, и три сестры, Анна, Варвара и Екатерина Михайловны. Къ первой изъ нихъ, Аннѣ Михайловнѣ, питалъ платоническія чувства юноша Александръ Ивановичъ Тургеневъ, а къ сестрѣ ея такія же чувства питалъ старшій братъ его Андрей Ивановичъ. Онѣ-то и приглашали къ себѣ Николая Тургенева. Братъ ихъ, Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ, былъ товарищемъ Тургенева по университетскому пансіону, см. выше примѣчаніе къ стр. 16. Объ Аннѣ Михайловнѣ см. Веселовскаго — Жуковскій, поэзія чувства и сердечнаго воображенія, (СПб. 1904) стр. 73.

— *Архимандритъ Викторъ* [Прокоповичъ-Антонскій], игуменъ Донского монастыря, родной братъ Ан. Ант. Пр.-Антонскаго, профессора и инспектора университетскаго благороднаго пансіона. См. записки Жихарева, стр. 138.

— Преосвященный *Августинъ* [Виноградскій] (1766—1819), Московскій викарій, съ 1814 г. — архіепископъ Дмитровскій и съ 1818 — архіепископъ Московскій.

— *Каменскій,* Владимиръ Николаевичъ, сынъ извѣстнаго Бантыша-Каменскаго, управляющаго архивомъ Московской иностранной Коллегіи (род. 1778). Онъ служилъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

— *Чеботаревъ,* Харитонъ Андреевичъ (1745 — 1815), профессоръ и первый ректоръ москов. университета; читалъ русскую исторію.

— (Стр. 84). *Сандуновъ,* Николай Николаевичъ (1768 — 1832), юристъ, оберъ-секретарь 6-го департамента правительствующаго сената и профессоръ московскаго университета, преемникъ Горюшкина по каѳедрѣ законоискусства (гражданскаго и уголовнаго судопроизводства).

— *Моисей*, ректоръ московской духовной академіи (1770 — 1825), въ мірѣ — Михаилъ Ильичъ Близнецовъ-Платоновъ, духовный писатель и проповѣдникъ.

— Александръ Ивановичъ Тургеневъ учился въ Геттингенѣ съ августа 1802 по апрѣль 1804 годъ и прослушалъ курсы слѣдующихъ профессоровъ: Буле (философія), Герена (всеобщая исторія), Мартенса (дипломатика), Буттервека (эстетика), Шлецера (рус. исторія), Бекмана (технологія) и друг.

— *Снегиревъ*, Михаилъ Матвѣевичъ († 1820), проф. москов. университета сначала по каѳедрѣ логики и нравственной философіи, потомъ по каѳедрѣ естественныхъ, политическихъ и нравственныхъ правъ. Н. Тургеневъ очевидно учился у него и не совсѣмъ былъ доволенъ его преподаваніемъ.

— (Стр. 85). *Мабли* (Габріэль Бонно de Mably, 1709—1785), аббатъ, популярный француз. писатель XVIII в.; едва ли онъ могъ говорить что-либо о вымышленныхъ возраженіяхъ Анахарсиса Солону, приведенныхъ въ извѣстномъ сочиненіи Бартелеми: «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, которое появилось въ печати въ 1788 г., т. е. по смерти Мабли.

— *Графъ Разумовскій*, Алексѣй Кирилловичъ (1748 — 1822), съ 1807 г. былъ попечителемъ московскаго университета и покровительствовалъ обществу испытателей природы, отъ имени котораго имъ была образована экспедиція для изученія Москов. губерніи. Въ 1810—1816 гг. былъ министромъ народ. просвѣщенія.

— *Каразинъ*, Василій Назаровичъ (1773 — 1842), общественный дѣятель, близкій (нѣкоторое время) къ имп. Александру I и основатель Харьковскаго университета. Рѣчь его, о которой упоминаетъ Тургеневъ, напечатана въ его сочиненіяхъ, недавно изданныхъ проф. Багалѣемъ (Харьковъ 1910 г., стр. 396—400).

— *Буринскій*, Захаръ Алексѣевичъ, см. примѣчаніе къ стр. 16.

— *Перовскій*, побочный сынъ графа А. К. Разумовскаго, — неизвѣстно какой, такъ какъ ихъ было нѣсколько братьевъ; но этотъ очевидно въ 1807 г. сдѣланъ студентомъ. Другой Перовскій (А. А., извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго) былъ старше Тургенева двумя годами и въ 1807 г. окончилъ москов. университетъ со степенью доктора философіи и словесныхъ наукъ.

— *А. А. Антонскій*-Прокоповичъ — см. выше.

— *Керестури*, Францъ Францовичъ (1735 — 1811), проф. анатоміи и хирургіи въ московскомъ университетѣ, лучшій врачъ своего времени.

— *Политковскій*, Ѳедоръ Герасимовичъ (1753—1809), профессоръ москов. университета по естественной исторіи.

— *Страховъ*, Петръ Ивановичъ (1757 — 1813), профессоръ опытной физики, инспекторъ студентовъ и ректоръ москов. университета (1805 — 1807). Именно онъ, по порученію Новикова, перевелъ извѣстную книгу Сенъ-Мартена: «О заблужденіяхъ и истинѣ», любимую московскими масонами. Страховъ перевелъ также сочиненіе Бартелеми: «Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи (1803—1809).

— (Стр. 86). *Ninon de Lenclos* — см. о ней выше, въ примѣч. къ стр. 82.

— «*Письма чувствительнаго философа*» принадлежатъ извѣстному англійскому писателю Попу.

— (Стр. 87). *Шарлота Смитъ* (Charlotte Smith, 1749—1806), англичанка, писавшая элегіи, сонеты и новеллы въ меланхолическомъ тонѣ. Ею написано также 38 томовъ романовъ.

— *Кордъ* (Coard) — англійскій учитель Тургенева.

— (Стр. 89). *Мерзляковъ*, Алексѣй Θедоровичъ (1778—1830), профессоръ краснорѣчія и поэзіи въ Московскомъ университетѣ, пользовался расположеніемъ И. П. Тургенева, много ему обязанъ и, кажется, преподавалъ дѣтямъ его еще до поступленія ихъ въ пансіонъ. Особенно друженъ былъ онъ со старшимъ изъ братьевъ, Андреемъ Ивановичемъ († 1803). Науку свою Мерзляковъ дѣлилъ на двѣ части: на Теорію Поэзіи, которая обнимала правила всѣхъ родовъ поэзіи, и на Риторику, которую онъ называлъ второю частью своего курса и въ которой излагалъ правила для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій. О томъ, какъ онъ преподавалъ, см. записки Свербеева (1899). См. также статью Мерзлякова «О геніи, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ» (Вѣстн. Европы 1812, т. 6, стр. 24).

— (Стр. 90). Изъ дневниковъ Жуковскаго видно, что еще въ 1805 г. родители-Тургеневы предполагали послать сына Николая въ Геттингенъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, но намѣреніе это почему-то не осуществилось.

— (Стр. 91). *Чеботаревъ*, Андрей Харитоновичъ (1779—1832), сынъ извѣстнаго профессора Х. А. Чеботарева, съ 1804 г. былъ учителемъ физики въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Въ 1805—1806 гг. былъ за границею, а съ января 1807 г. назначенъ былъ адъюнктомъ химіи и технологіи въ московскомъ университетѣ.

— *Кошанскій*, Николай Θедоровичъ (1781—1831), авторъ извѣстной реторики, съ 1807 г. бывшій докторомъ философіи въ московскомъ университетѣ. Обѣ его реторики, Общая и Частная (1818 и 1832), выдержали: первая 10, вторая 7 изданій.

— (Стр. 92). *Гольдсмитъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 52.

— (Стр. 93). *Пушкина* — повид. Елена Григорьевна (род. 1778), супруга Алексѣя Михайловича (1769—1825); оба давнишніе пріятели Тургеневыхъ. У Пушкиныхъ дѣйствительно былъ домашній театръ. См. Ост. Архивъ, I, 406.

— *Коцебу* (August-Friedrich-Ferdinand von Kotzebue), популярный нѣмец. драматургъ (1761—1819), пьесы котораго были въ Россіи въ большой модѣ.

— *Краснопольскій*, Николай Степановичъ, плодовитый переводчикъ начала XIX в.; переводилъ преимущ. театральныя пьесы съ нѣм. языка; изъ нихъ напечатаны 21 пьеса; остальныя пьесы, игранныя, но ненапечатанныя, перечислены П. Араповымъ («Лѣтопись русскаго театра»).

— *Обрѣсковъ*, Михаилъ Александровичъ (1754—1842), генералъ-кригсъ-комиссаръ и сенаторъ. Неизвѣстно, какой доносъ сдѣланъ былъ имъ на кн. Волконскаго.

— *Рейнгардъ*, (Филиппъ-Христіанъ), Христіанъ Егоровичъ (1764—1812), юристъ, съ 1803 г. профессоръ москов. университета по каѳедрѣ философіи, исторіи философіи и правъ естественнаго и народнаго. Въ 1807—1808 уч. году Рейнгардъ читалъ курсъ по исторіи древней философіи, которая не совсѣмъ была по силамъ Н. Тургеневу.

— (Стр. 94). *Борисъ* — очевидно Тургеневъ, двоюродный братъ Н. Тургенева. См. выше примѣчаніе къ стр. 12.

— *Путешествіе молодою Анахарсиса*, сочиненіе Бартелеми (1716—1795). Тургеневъ читалъ его во французскомъ подлинникѣ, что доказывается французскими выраженіями въ его дневникѣ, взятыми изъ «Путешествія». См. ниже примѣчанія къ стр. 99—108.

— «*Венеціанская Ярмонка*», опера въ одномъ дѣйствіи, переводъ Віена, съ хорошею музыкою и балетами Конціани, привлекала многочисленную публику. См. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра (1861, стр. 211).

— (Стр. 95). *Скоропадскій* Иванъ, воспитанникъ москов. унив. благороднаго пансіона. На актѣ 22 декабря 1806 г. онъ—старшаго возраста, произведенъ въ студенты, получилъ два приза и скрипичный концертъ. На актѣ 1807 г. Скоропадскій (студенъ) получилъ серебр. медаль съ именемъ.

— *Капнистъ*, Василій Васильевичъ (1757—1823), впервые поставилъ на сцену свою комедію «Ябеду» въ 1798 г.; но она вскорѣ была запрещена и возобновлена была только въ 1808 г.

— *Сандуновы*, мужъ и жена,—знаменитые актеры конца XVIII и начала XIX вѣка. Сандуновъ, Сила Николаевичъ (1756 — 1820), братъ вышеупомянутаго оберъ-секретаря и профессора Сандунова, сначала былъ артистомъ петербургскаго придворнаго театра; потомъ перешелъ (съ 1794 г.) на сцену московскаго театра. Оставилъ сцену въ 1810 году. Тургеневъ упрекаетъ его въ жадности. — Жена его, Елизавета Семеновна, урожденная Уранова, знаменитая русская пѣвица (1772 — 1832), ученица Паэзилло и Мартини; она обладала замѣчательнымъ по объему mezzo-soprano и въ теченіе 33-лѣтней сценической дѣятельности исполнила 320 ролей. Изъ неизданныхъ дневниковъ Андрея Ив. Тургенева можно видѣть, какой восторгъ возбуждала Сандунова среди публики въ 1797—1800 гг. При посѣщеніи имп. Александромъ I московскаго театра въ 1807 году Сандунова вышла на сцену съ кубкомъ вина и такъ хорошо пропѣла «Слава русскому царю», что возбудила шумный восторгъ. Имп. Александръ щедро одарилъ ее.

— «*Святки Старины*», о которыхъ объявлялъ Сандуковъ на сценѣ, была оригинальнымъ произведеніемъ А. Ѳ. Малиновскаго.

— *Носова* — «хорошенькая, веселенькая актриска и премиленькая пѣвичка съ вѣрнымъ голоскомъ»; такъ говоритъ о ней Жихаревъ въ 1805 году (см. Записки, стр. 12); или еще: «премиленькая оперная актриса.. чистая натура, жеманства ни на грошъ, и прекрасный голосъ» — такъ говоритъ Жихаревъ на стр. 91. Тургеневъ тоже хвалитъ ее, говоря: «играетъ и поетъ хорошо и собой недурна».

— *Графъ Каменскій* — вѣроятно фельдмаршалъ, см. выше примѣчаніе къ стр. 6 — 7.

— *Будбергъ* — курляндецъ родомъ (1750—1812), русскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ 1806—1808 гг.

— «*Вѣстникъ Европы*» перешелъ подъ редакцію Жуковскаго съ 1808 г. и оставался въ его рукахъ по 20 № 1809.

— *Шаликовъ*, князь Петръ Ивановичъ (1768—1852), писатель и журналистъ. Жилъ въ Москвѣ и былъ послѣдователемъ Карамзинскаго сентиментализма. Имя Шаликова сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія приторной и слезливой чувствительности.

— (Стр. 96). Война со шведами была рѣшена уже въ декабрѣ 1807 г.; это было извѣстно и публикѣ, а объявлена она была въ январѣ 1808 г.

— *Аржевитиновъ*, Петръ Семеновичъ, товарищъ Тургенева по пансіону, см. выше примѣчаніе къ стр. 16.

— *Воейковъ* — Николай Константиновичъ, о которомъ см. выше примѣчаніе къ стр. 81.

— (Стр. 97). *Шатобріанъ*, извѣстный франц. писатель (1768—1848). Тургеневъ могъ поразиться картинностью описаній природы въ двухъ тогда появившихся его произведеніяхъ: »Atala» (1803) и «René» (1807).

— *Буксгевденъ*, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, генералъ (1750—1811), въ шведскую войну въ 1808 г. былъ главнокомандующимъ.

— Протестъ, выражаемый здѣсь Н. Тургеневымъ противъ неограниченныхъ полномочій, данныхъ Буксгевдену, могъ быть навѣянъ И. Вл. Лопухинымъ, который еще въ январѣ 1807 г. писалъ на эту тему имп. Александру I. См. Семевскій, Полит. и общ. идеи декабристовъ, 333.

— *Кутузовъ-Голенищевъ*, Павелъ Ивановичъ — см. примѣчаніе къ стр. 99.

— *Шрекъ*, историкъ церкви (1733—1808). Тургеневъ могъ читать или «Die Weltgeschichte für Kinder» (6 тт. 1779—1784 г.; она есть и во французскомъ переводѣ), или «Kirchengeschichte seit der Reformation» (10 тт. 1804—1812).

— «*Сѣверный Вѣстникъ*» — журналъ, издававшійся въ Петербургѣ Ив. Ив. Мартыновымъ въ 1804—1805 гг. Критика на книгу Шишкова помѣщена за 1804 г.

— *Книга А. С. Шишкова*: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» появилась въ печати въ 1803 г. (СПб.).

— «Послѣдняя книжка Каченовскаго Вѣстника», т. е. послѣдняя книжка «Вѣстника Европы» за 1807 г., изданіе Каченовскаго. Тамъ дѣйствительно есть письмо Шишкова.

— (Стр. 98). *Малиновскій*, Алексѣй Ѳедоровичъ (1762—1840), писатель-переводчикъ; онъ былъ начальникомъ московскаго архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ служилъ и Николай Тургеневъ.

— *Зловъ*, Петръ Васильевичъ, драматическій артистъ и пѣвецъ-басъ (1774—1823), воспитанникъ москов. университ. благороднаго пансіона. Жихаревъ въ своихъ запискахъ (стр. 90) называетъ его славнымъ собесѣдникомъ. См. также Арапова, Лѣтопись рус. театра, стр. 218.

— *Гайднъ* (1732—1809) сочинилъ свою крупную ораторію «Сотвореніе міра» послѣ 1760 г., когда поселился въ Вѣнѣ. «Сотвореніе міра» и «Четыре времени года» были послѣдними произведеніями Гайдна.

— (Стр. 99). *Дашковъ*, Дмитрій Васильевичъ (1784—1839), государственный и литературный дѣятель, воспитанникъ москов. университ. благороднаго пансіона. Въ декабрѣ 1803 г. онъ числился студентомъ и получилъ серебряную медаль съ именемъ и листомъ. Съ 1801 г. служилъ въ архивѣ иностр. Коллегіи, съ 1810 г. въ министерствѣ юстиціи.

— *Масленниковъ*, Николай, товарищъ Тургенева; въ декабрѣ 1803 г. онъ былъ студентомъ-пансіонеромъ и получилъ серебр. медаль съ именемъ и листомъ. Сохранилось письмо Дашкова къ Масленникову въ 1805 г. См. Библіогр. Записки 1859 г., стр. 262—263.

— *Кутузовъ-Голенищевъ*, Павелъ Ивановичъ (1767—1829) бездарный стихотворецъ, «гасильникъ» русскаго просвѣщенія. Онъ былъ однимъ изъ кураторовъ московскаго университета въ 1798—1803 гг., т. е. въ то время, когда

директоромъ его былъ отецъ Тургеневыхъ, и между ними были какія-то недоразумѣнія. Въ 1805—1821 гг. Кутузовъ былъ сенаторомъ въ Москвѣ. Онъ прославился своими доносами вообще и на Карамзина въ частности. Молодой Андрей Ив. Тургеневъ въ своемъ неизданномъ дневникѣ очень порицаетъ Кутузова за лесть и добровольное пресмыкательство предъ имп. Павломъ.

— (Стр. 99 — 108). «Анахарсиса» Бартелеми Тургеневъ читалъ по-французски, хотя въ это время было два русскихъ перевода: 1) Страхова (М. 1803—1819) и 2) переводъ и изданіе Академіи Наукъ (СПб. 1804—1809).

Стр. 99—108 дневника Тургенева являются конспектомъ прочитаннаго въ первой части Анахарсиса.

— (Стр. 101). «*Бартелеми* раздѣлилъ Аѳинскую исторію»... Такое раздѣленіе Тургеневъ нашелъ у Бартелеми во второй части перваго тома (см. стр. 234 въ изданіи Nicolle à Paris, 1818).

— (Стр. 108). «*Желтая Книга*» — первая часть дневника Тургенева, см. выше.

— Свеаборгъ былъ взятъ 3 мая 1808 г.

— (Стр. 109—110). *Цвѣтаевъ,* Левъ Алексѣевичъ (1777—1835), писатель-юристъ, профессоръ московск. университета (въ 1805 — 1835 гг.) по каѳедрѣ уголовнаго права, ученикъ французской школы права. Мнѣніе о томъ, будто онъ три года учился въ Геттингенѣ подъ руководствомъ Шлецера (въ 1801—1804 гг.), не подтверждается матрикулами геттингенскаго университета.

— (Стр. 110). *Геймъ*, Иванъ Андреевичъ (1758 — 1821), профессоръ статистики и географіи въ московскомъ университетѣ (1782—1821).

— *Страховъ*, Петръ Ивановичъ (1757—1813), профессоръ опытной физики въ московскомъ университетѣ. См. примѣчаніе къ стр. 85.

— «*Ермакъ*»—драматическое произведеніе Плавильщикова; трагедія «*Князь Пожарскій*»—сочиненіе Крюковскаго (1781—1811); она—въ трехъ дѣйствіяхъ и впервые представлена была 22 мая 1807 г. См. Арапова указ. соч., стр. 180.

— (Стр. 111). Утвержденіе Тургенева, что никогда серебряныя деньги не были такъ дороги, какъ въ апрѣлѣ 1808 г., не совсѣмъ вѣрно; онъ говоритъ, что рубль стоилъ два рубля (ассигнаціями); значитъ рубль ассигнацій равнялся 50 коп. сер. Между тѣмъ изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ 1808 г. рубль ассигнацій спускался до $44^2/_3$ коп. серебра. (См. Энцикл. слов. Брок. Ефрона, пол. 54, стр. 189, слово «Россія»).

— (Стр. 111—113). Выписки-конспектъ по древней исторіи взяты изъ второй части путешествія Анахарсиса, которую Тургеневъ читалъ повидимому бѣгло и, кажется, не всю цѣликомъ.

— (Стр. 113). Тургеневъ покинулъ Москву для того, чтобы ѣхать въ Геттингенъ учиться.

— (Стр. 114). *Вельяминовъ*, «плаксивый мальчишка», — повидимому Алексѣй Вельяминовъ-Зерновъ, который въ декабрѣ 1805 г. былъ на среднемъ возрастѣ и получилъ одинъ призъ.

— *Старынкевичъ*, впослѣдствіи сенаторъ, былъ близокъ къ Н. И. Тургеневу; такъ, думая въ 1819 г. издавать журналъ, онъ пишетъ брату Сергѣю (отъ 24 янв.), чтобы тотъ попросилъ у Старынкевича, жившаго въ Парижѣ, статей для предполагаемаго журнала; Тургеневъ полагалъ, что «Старынкевичъ могъ бы принести пользу, написавъ о судѣ присяжныхъ, и... сказать что-нибудь о нашемъ судопроизводствѣ».

— (Стр. 115). Фраза изъ Попа (по-англiйски) приведена въ дневникѣ, см. выше, стр. 82.

— «*Введенiе*» объ исторiи вообще, объ источникахъ исторiи и исторiографахъ есть переводъ повидимому съ нѣмецкаго, но изъ какого автора—намъ не удалось опредѣлить.

— (Стр. 119). Краткiя свѣдѣнiя о халдейцахъ, египтянахъ, персахъ, индусахъ, скиѳахъ, кельтахъ и германцахъ — взяты Тургеневымъ изъ третьей книги *Histoire ancienne* Кондильяка (см. Oeuvres complètes. T. VII. Paris. 1821). Въ первыхъ двухъ книгахъ Кондильякъ излагаетъ исторiю Востока и Грецiи до завоеванiя ея римлянами. *Третья книга* (331 — 570) посвящена изученiю духовной культуры древнихъ: взгляды халдеевъ (359), египтянъ (364), персовъ (370), индусовъ (374), скиѳовъ и кельтовъ (377). Изъ этой-то книги Тургеневъ и дѣлаетъ извлеченiя о египтянахъ, халдеяхъ, персахъ и т. д. При этомъ онъ искажаетъ мысли Кондильяка, который говоритъ такъ: отъ астрологiи халдейцевъ родились суевѣрiя; магiя возникла лишь послѣ того, какъ перестали понимать iероглифы. Кондильякъ считаетъ безполезнымъ разыскивать, въ чемъ состояла собственно магiя халдеевъ. Онъ говоритъ, что греки преувеличивали знанiя и науку египтянъ, и сомнѣвается, чтобы они были особенно учены; а Тургеневъ говоритъ наоборотъ. Вообще Тургеневъ дѣлаетъ извлеченiя краткiя и поверхностныя.

— «*Халдейцы* — прежде Астрономы, потомъ имѣли Гiероглифы, отъ чего произошла Астрологiя и Магiя». Это выводъ самого Тургенева, а Кондильякъ говоритъ лишь, что халдейцы стали наблюдать звѣзды, сдѣлались астрономами и потомъ астрологами; изъ астрологiи возникли суевѣрiя. Послѣ такихъ мыслей онъ говоритъ: «Je conjecture néanmoins que la magie n'a pris naissance qu'après qu'on a eu perdu l'intelligence des hérogliphes. Les caractères héroglyphiques étant alors devenus des signes mystérieux, on aura oublié qu'ils n'étaient dans l'origine que des symboles» (стр. 352).

— О Зороастрѣ Кондильякъ говоритъ въ такихъ словахъ (стр. 363): On nomme Zoroastre celui qu'ils regardaient comme l'auteur de toutes leurs opinions... D'ailleurs ce serait sans fondement qu'on attribuerait à un seul homme toute la doctrine des Chaldéens.

— Кондильякъ говоритъ, что астрономiя и геометрiя были единственными науками, въ которыхъ египтяне, кажется, сдѣлали успѣхъ (стр. 365). Тургеневъ же говоритъ нѣсколько иное. Слѣдующiя слова Тургенева: «У Германцевъ священники одни только *метамфсихозъ* (чистилище)»—очевидно заключаютъ пропускъ слова «вѣрили»; у Кондильяка эти слова выражены такъ: «Les ministres de la religion paraissent seuls avoir cru à la métampsycose. Les autres étaient persuadés qu'ils ne sortaient de cette vie que pour passer à une meilleure». У Тургенева—иначе.

— (Стр. 120—121). Откуда взялъ Тургеневъ свѣдѣнiя о циникахъ, о Галлерѣ, Ливiи Андроникѣ и т. д., т. е. все то, что помѣщено у насъ въ приложенiяхъ 4 — 5, — намъ не удалось опредѣлить.

— Мы просмотрѣли «Вѣстникъ Европы» за 1807—1809 годы и не нашли ни одного стихотворенiя, которое можно бы было, судя по дневнику, приписать Николаю Тургеневу.

— (Стр. 125). Двустишiе Андрея Тургенева, написанное на заглавномъ листѣ третьей книги дневниковъ Н. Тургенева (рукою брата Ал. Ив.), взято изъ его элегiи, напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» 1802 года.

— Нѣмецкіе стихи на заглавномъ листѣ третьей книги дневниковъ Тургенева взяты очевидно изъ Шиллера; откуда взяты французскіе и англійскіе, опредѣлить не удалось.

— (Стр. 129). Имп. Петръ III скончался въ Ропшѣ 7 іюля 1762 г.

— Педагогическій институтъ въ 1808 г. лѣтомъ отправилъ въ иностранные университеты 12 студентовъ, имена которыхъ перечислены въ Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія (СПб. 1864, т. I, № 98 (23.035), мая 23), а именно: *Кайдановъ* для исторіи, географіи и статистики, 2) *Галичъ* для философіи, 3) *Плисовъ* для политической экономіи и коммерціи, 4) *Куницынъ* для дипломатики, 5) *Бутырскій* для словесности и эстетики, 6) *Чижовъ* для чистой математики, 7) *Воронковскій* для практической астрономіи, 8) *Каріовъ* для физики и прикладной математики, 9) *Соловьевъ* для химіи, 10) *Ржевскій* для зоологіи, 11) *Кастальскій* для ботаники и минералогіи и 12) *Подзорскій* для технологіи и сельскаго домоводства. Въ одно время и вмѣстѣ съ этими студентами отправился и Н. И. Тургеневъ въ Геттингенъ.

— *Куницынъ,* Александръ Петровичъ (1783—1840), сынъ священника въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, юристъ, извѣстный профессоръ царскосельскаго лицея и петербургскаго университета, авторъ книги: «Право естественное» (1818—1820). По окончаніи тверской дух. семинаріи онъ въ 1803—1807 гг. учился въ петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ, а въ 1808 г. отправленъ за границу. Въ геттингенскомъ университетѣ онъ учился съ 18 августа 1808 г. по мартъ 1810 г. Въ университетскихъ матрикулахъ сказано, что онъ изучалъ дипломатію. Потомъ онъ былъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лучшихъ юристовъ до весны 1811 года, когда вернулся въ Россію и сдѣланъ былъ профессоромъ царскосельскаго лицея. Съ 24 марта 1817 г. онъ, оставаясь въ лицеѣ, утвержденъ профессоромъ Педагогическаго института, потомъ петербургскаго университета (1819 г.) и кромѣ того назначенъ начальникомъ Учебнаго отдѣленія въ дежурствѣ Главнаго Директора Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ. Наконецъ онъ занималъ какое-то мѣсто и въ министерствѣ финансовъ. Онъ былъ хорошимъ наставникомъ и профессоромъ, и Пушкинъ вспоминаетъ его съ признательностью. Однако въ 1820 г. Куницына уволили изъ лицея, а въ сентябрѣ 1821 г. онъ вмѣстѣ съ тремя другими профессорами былъ лишенъ каѳедры и въ петербургскомъ университетѣ. Онъ извѣстенъ также какъ писатель и журналистъ, помѣщавшій свои статьи въ повременныхъ изданіяхъ. Впослѣдствіи онъ служилъ (съ 4 апр. 1826 г.) во второмъ отдѣленіи соб. Е. В. канцеляріи и какъ юристъ оказалъ значительную услугу для выясненія и разработки исторіи русскаго судопроизводства. См. его книгу: Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. СПб. 1843. Изъ другихъ его сочиненій можно упомянуть слѣдующія: 1) Краткое изображеніе взаимной связи Государственныхъ свѣдѣній (1817 г.); 2) Естественное, Частное и Публичное право (1818—1820); 3) Изслѣдованіе о Государственныхъ доходахъ въ Россіи (со времени имп. Петра I) и 4) Начальныя основанія Политической экономіи.

— *Чижовъ,* Дмитрій Семеновичъ, математикъ (1785—1853), изъ тверской духовной семинаріи, съ 1803 г. учился въ СПб. Педагогическомъ институтѣ; въ 1808 г. отправленъ за границу и матрикулировался въ Гельмштедтѣ, гдѣ оставался до закрытія этого университета (1809 г.). Потомъ онъ, кажется, вмѣстѣ съ Галичемъ переѣхалъ въ гейдельбергскій университетъ и оставался тамъ до весны 1812 г. По возвращеніи въ Россію онъ сдѣланъ адъюнктъ-про-

фессоромъ при Педагогическомъ институтѣ, съ 1816 г. — ординарнымъ, а съ 1838 г.—также ординар. профессоромъ петербургскаго университета.

— *Блудовъ,* Дмитрій Николаевичъ (1785 — 1864), около 1800 — 1801 гг. вмѣстѣ съ Андреемъ Ив. Тургеневымъ и Андреемъ Серг. Кайсаровымъ служилъ въ московскомъ архивѣ иностранной Коллегіи; онъ нравился товарищамъ знаніями по иностранной литературѣ и слылъ за тонкаго критика. Блудовъ состоялъ членомъ литератур. общества «Арзамасъ» и былъ другомъ Жуковскаго, Дашкова и Александра Ив. Тургенева, но впослѣдствіи навлекъ на себя непримиримую ненависть обоихъ братьевъ Тургеневыхъ (Александра и Николая) за то, что, состоя редакторомъ Донесенія Верховной Слѣдственной Коммиссіи по дѣлу декабристовъ, онъ выставилъ Н. И. Тургенева однимъ изъ тяжкихъ преступниковъ.

— «Я же ему» — т. е. Николаю Константиновичу Воейкову.

— (Стр. 130). *Мудровъ,* Матвѣй Яковлевичъ (1772—1831), извѣстный въ Москвѣ врачъ, профессоръ патологіи, терапіи и клиники въ московскомъ университетѣ, большой другъ семьи Тургеневыхъ. Изъ его писемъ къ Ивану Петровичу видно, что онъ въ одно почти время съ Александромъ Ивановичемъ былъ за границею, только не въ Геттингенѣ, а въ Вюрцбургѣ, гдѣ онъ между прочимъ слушалъ лекціи Шеллинга и очень увлекался его философіей. См. о немъ ниже примѣчаніе къ стр. 315.

— *Кайсаровъ,* Михаилъ Сергѣевичъ, братъ извѣстнаго Андрея Серг. Кайсарова, профессора дерптскаго университета.

— *Борисъ* — очевидно Тургеневъ, двоюродный братъ Н. И. Тургенева.

— (Стр. 131). *Шаликовъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 95.

— *Измайловъ,* Александръ Ефимовичъ (1779—1831), баснописецъ и журналистъ.

— (Стр. 136). «*Бѣдность и благородство души*» — произведеніе Коцебу.

— *Нейманъ* — чиновникъ Комиссіи составленія законовъ.

— (Стр. 137). «*Moniteur Universelle*», французскій оффиціальный журналъ, выходившій въ Парижѣ съ 1789 г. Съ нивоза VIII года онъ дѣлается оффиціальнымъ правительственнымъ органомъ и сохранялъ это значеніе до 1865 г.

— (Стр. 138). *Буксгевденъ* въ эту эпоху (1808) былъ главнокомандующимъ въ войнѣ противъ шведовъ.

— (Стр. 140). Фюнферъ, или берлинка, нѣмецкая монета, равнялся приблизительно 16 коп. ассигнаціями; 6 фюнферовъ давали за рубль. См. стр. 142—143.

— (Стр. 143). *Андрей Ивановичъ Тургеневъ* (1781 — 1803), старшій братъ Николая Ивановича, былъ средоточіемъ кружка, въ который входили: Жуковскій, Мерзляковъ, Блудовъ, А. Ѳ. Воейковъ, Андрей С. Кайсаровъ, Александръ Ив. Тургеневъ и нѣкоторые другіе. По сохранившимся въ архивѣ Тургеневыхъ его бумагамъ (дневники, переписка, стихотворные наброски и пр.) можно предполагать, что изъ него вышелъ бы выдающійся писатель и поэтъ. Онъ оказалъ большое вліяніе на кружокъ вышеупомянутыхъ лицъ; особенно былъ онъ друженъ съ Жуковскимъ и А. Кайсаровымъ. Именно онъ увлекъ перваго къ изученію нѣмецкихъ романтиковъ. Къ сожалѣнію А. И. Тургеневъ рано умеръ (8 іюля 1803); онъ погребенъ въ Ал.-Невской лаврѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ покоится и горячо любившій его отецъ.

— (Стр. 144). Городъ *Келенъ* — теперь Кельмъ, Ковенской губерніи, къ юго-западу отъ Шавли.

— Рѣчка *Шашовица* — теперь Шешува, впадающая въ Юру, правый притокъ Нѣмана.

— (Стр. 146). Свиданіе двухъ императоровъ, Александра и Наполеона, происходило на Нѣманѣ у Тильзита 7 іюля 1807 г.

— (Стр. 147). Городъ *Russ* находится при самомъ устьѣ Нѣмана въ Пруссіи. Изъ Тильзита Тургеневъ и его товарищи поплыли внизъ по Нѣману и по каналу, идущему до г. Лабіо (Labiau), откуда притокомъ Deime можно спуститься въ р. Прегель у г. Табіо.

— (Стр. 150). Городъ *Табіо* (Tabiau) на р. Прегелѣ; отъ него рѣкою можно доплыть до Кёнигсберга.

— Король Прусскій *Фридрихъ-Вильгельмъ III* (1797 — 1840) жилъ съ семьею въ Кёнигсбергѣ съ 1806 г., послѣ разгрома прусскихъ армій при Іенѣ и Ауерштетѣ.

— *Принцъ Виртембергскій* «въ русскомъ мундирѣ» — очевидно принцъ Адамъ Виртембергскій.

— (Стр. 150—151). Прусскій фельдмаршалъ *Калькрейтъ* (графъ, 1737 — 1818), участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и въ войнахъ революціоннаго времени. При Ауерштетѣ онъ командовалъ двумя дивизіями. Въ 1807 г. онъ упорно защищалъ противъ французовъ г. Данцигъ.

— (Стр. 156). *Reichard*, Heinrich (1751—1828), нѣмецкій писатель и составитель популярныхъ въ то время путеводителей: 1) Passagier auf der Reise in Deutschland ect. (Berlin 1805) и 2) Guide des voyageurs en Europe (Paris 1807). У Тургенева въ рукахъ былъ несомнѣнно нѣмецкій путеводитель, въ которомъ дѣйствительно есть слѣдующая тирада: «Dürfte ich mir einen Stand wählen, so wäre es der Stand des Reisenden, uud wünschte ich zu einem Volke zu gehören, so wäre es zum Volke der Fremden» (6 изданіе. Берлинъ 1826, стр. 21).

— *Neuenberg* — теперь Neuenburg, городъ на Вислѣ. — *Коницъ* на западъ отъ Neuenburg'а, приблизительно въ 75 килом. *Тухольскій лѣсъ* находится очевидно около теперешняго городка Тухеля (Tuchel), лежащаго на Brahe, лѣвомъ притокѣ Вислы.

— (Стр. 157). *Шлохау*—на западъ отъ Коница, приблизительно въ 25 километрахъ.

— *Крона* — очевидно теперешняя Deutsch-Krone; *Ястрау* — теперешній Jastrow.

— (Стр. 161). *Князь Долгорукій* — очевидно тотъ студентъ кн. Павелъ Долгорукій, который на актѣ въ моск. унив. пансіонѣ 22 дек. 1803 г. получилъ два приза и «концертъ на клавикордахъ». (См. Моск. Вѣд. 1803 г., 23 дек., № 103). Не этотъ ли Павелъ Долгорукій записанъ былъ въ число студентовъ геттингенскаго университета съ 13 окт. 1806 г., но скоро покинулъ его, пробывъ одинъ семестръ?

— (Стр. 162). «*Фаунинзель*» — «die Pfaueninsel mit dem niedlichen Landhause des Kriegs, und geheiligt durch das Andenken der Königin Louise» († 1810). См. Reichard Passagier auf der Reise in Deutschland и пр., изд. 6, стр. 474).

— (Стр. 163). Рафаелевы картины и нѣкоторые предметы, взятые французами въ 1806—1807 гг., были назадъ возвращены въ 1813 г. (Reichard, 473).

— Өедоръ Дмитріевичъ *Мурантъ* (или Муратъ, см. выше, примѣчаніе къ стр. 6) — содержатель кофейной въ Москвѣ на Ильинкѣ.

— (Стр. 164). Sans-Sousi — любимый дворецъ и сады Фридриха II въ Потсдамѣ.

— *Маршалъ Викторъ*, герцогъ Беллуно (1764—1841), способствовалъ побѣдамъ Наполеона надъ пруссаками при Іенѣ и Фридландѣ; за послѣднюю и получилъ маршальскій жезлъ.

— (Стр. 168). *Королевство Вестфальское* возникло 18 августа 1807 г. и просуществовало до 1 октября 1813 г. Столицею его былъ Кассель. Первымъ (и послѣднимъ) королемъ былъ Іеронимъ, братъ Наполеона I. Повидимому ради насмѣшки Тургеневъ называетъ короля Вестфальскаго Ерёмою. См. ниже примѣчаніе къ стр. 228.

— *Гельмштедтъ* (Helmstädt), старинный городъ, славившійся своимъ университетомъ, который былъ однако закрытъ въ 1809 г. по приказанію вестфальскаго правительства. Такимъ образомъ Чижову и Галичу не пришлось долго остаться въ Гельмштедтѣ.

— (Стр. 169). *Бейрейсъ* (Beireis, Готфридъ-Кристофъ), ученый чудакъ (1730 — 1809), былъ профессоромъ физики и потомъ медицины и хирургіи въ гельмштедтскомъ университетѣ. Онъ нажилъ большія деньги своими химическими изобрѣтеніями и собралъ обширную библіотеку, а также коллекцію рѣдкихъ монетъ и картинъ нѣмецкой школы, коллекціи по искусству, механикѣ и пр. Въ этихъ коллекціяхъ были Либеркюновскіе препараты, физическіе инструменты Герике, Вокансоновскіе автоматы, волшебныя часы Гроза и пр. Весь свой музей и рѣдкости онъ завѣщалъ гельмштедтскому университету, по закрытіи котораго все это было продано съ публичнаго торга. Самъ Бейрейсъ обладалъ большими знаніями, былъ хорошій врачъ, неутомимый учитель, другъ наукъ и искусствъ.

— *Вокансонъ* (Jacques de Vaucanson), французскій механикъ (1709—1782), извѣстный своими автоматами; изъ нихъ особенно интересны были мѣдныя утки и флейтистъ.

— (Стр. 171). *Герике* (Otto Guericke), физикъ XVII вѣка (1602 — 1686), изобрѣтатель воздушнаго насоса и первой электрической машины. Ему также принадлежитъ и первый опытъ съ магдебургскими полушаріями.

— (Стр. 174). Г-жа Шлецеръ, супруга знаменитаго историка, умѣла чрезвычайно искусно вышивать картины и портреты. Между прочимъ одна вышитая ею картина была поднесена русской императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ 1803 году.

— (Стр. 176). У Рейхарда (стр. 565) говорится, что статуя льва, «altes Kunswerk», воздвигнута въ 1172 г.

— (Стр. 177). *Плисовъ*, Моисей Гордѣевичъ, экстраординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи, финансовъ и коммерціи (1782 — 1853). Студентъ педагогическаго института, онъ, какъ сказано выше, въ 1808 г., въ числѣ 12 человѣкъ, посланъ былъ за границу и слушалъ лекціи профессоровъ въ Геттингенѣ и Гейдельбергѣ. По квартирнымъ спискамъ и матрикуламъ видно, что Плисовъ оставался въ Геттингенскомъ университетѣ съ 25 сентября 1808 г. до апрѣля 1810 г.; въ лѣтній семестръ этого года онъ не состоялъ студентомъ и повидимому куда-то выѣзжалъ; но съ 15 октября онъ опять записывается и остается до апрѣля 1811 г., послѣ

чего имя его въ спискахъ студентовъ уже не встрѣчается. Въ 1822 г., по дѣлу проф. Германа, Раупаха и Галича, Плисовъ долженъ былъ оставить университетъ и перешелъ во второе отдѣленіе соб. Е. И. Вел. канцеляріи. Умеръ онъ сенаторомъ.

— (Стр. 178). Въ Германіи того времени было нѣсколько курсовъ, и ходили въ обращеніи разныя монеты и разныхъ государствъ. Между прочимъ серебряныя монеты — гульдены различались по вѣсу: если въ фунтѣ было 20 гульденовъ, то эти деньги назывались Conventionsgeld; если же въ фунтѣ было 24 гульдена, то эти деньги назывались Current. Конвенціонныя деньги возникли съ 1753 г., когда между Австріей и Баваріей былъ заключенъ договоръ о денежномъ обращеніи. Conventionsgeld ходили въ Австріи, Венгріи, Саксоніи, Бранденбургѣ и Нижней Германіи. Въ остальной Верхней Германіи, въ Рейнскихъ провинціяхъ ходили гульдены — Current. Пять Conventionsthaler равны были шести талерамъ Current. Сто саксонскихъ талеровъ равнялись 150 Kaisergulden и 180 Reichsgulden. Кромѣ того въ Любекѣ, Гамбургѣ, Даніи и друг. сѣв. мѣстахъ ходили такъ наз. Speciesthaler. Между всѣми этими системами было слѣд. соотношеніе: 100 любекскихъ талеровъ равнялись 117 Conventionsthaler = 117 тал. $15^1/_2$ грошей Current = $123^1/_2$ прусскимъ талерамъ. Изъ монетъ въ Германіи ходили: рейхсталеры, гульдены и крейцеры, гроши и пфенниги. 1 рейхсталеръ = 24 добрымъ грошамъ (или 36 Mariengroschen); 1 добрый грошъ = $1^1/_2$ маріенгрошамъ = 12 пфеннигамъ, 1 маріенгрошъ = 8 пфеннигамъ. Специесъ-талеръ = 2 гульденамъ = 1 тал. 8 грош. Золотая монета ходила подъ общимъ именемъ луидоровъ, но были и другія названія: фридрихсдоръ, пистоль, дукатъ, суверэнъ, Августдоръ, Наполеондоръ и др.

— (Стр. 180). *Тургеневъ*, Александръ Михайловичъ, записанъ студентомъ геттингенскаго университета съ 12 августа 1804 г. и оставался въ Геттингенѣ повидимому только два семестра, такъ какъ въ спискахъ студентовъ съ 16 ноября 1805 г. его уже нѣтъ. Онъ изучалъ математику и жилъ на Buchstrasse у Билеръ, гдѣ поселились потомъ Н. Тургеневъ и Куницынъ. На этой квартирѣ жили также въ 1802—1804 гг. Ал. И. Тургеневъ, Воиновъ, Двигубскій и А. С. Кайсаровъ.

— О Вестфаліи и королѣ Вестфальскомъ Іеронимѣ см. ниже.

— (Стр. 182). *Тимковскій*, Романъ Ѳедоровичъ (1785—1820), профессоръ москов. университета и писатель. Родомъ изъ Полтавской губерніи, онъ учился въ Кіевской духов. академіи, въ москов. университетѣ и потомъ посланъ былъ за границу. Студентомъ геттингенскаго университета онъ записанъ съ 8 октября 1807 г. и оставался имъ до весны 1809 г., когда отправился въ Россію.

— *Эйхгорнъ* (Johann Gottfried Eichohrn, 1752—1827), проф. восточныхъ языковъ въ Геттингенѣ съ 1788 г. Во время ученія Тургенева проректорами были: Рихтеръ (съ 1 сент. 1808 г.), Эйхгорнъ (съ 1 марта 1809 г.), Штейдлинъ (съ 1 сент. 1809 г.), Гуго (съ 1 марта 1810 по 1-е марта 1811 г.) и Тиксенъ (съ 1 марта 1811 г.).

— *Бутырскій*, Никита Ивановичъ, сынъ священника Тульской губерніи, одинъ изъ первыхъ профессовъ петербургскаго университета и стихотворецъ (1783—1848). Посланный главнымъ педагогическимъ институтомъ за границу, онъ поселился въ Геттингенѣ. Въ спискахъ студентовъ имя его появляется съ сентября 1808 г. и остается до марта 1810 г. Лѣтомъ этого года онъ куда-то

выѣзжалъ, но зимній семестръ 1810—1811 г. онъ опять провелъ въ Геттингенѣ.

— *Воронковскій*, Николай Кирилловичъ, съ которымъ Н. Тургеневъ повидимому дружилъ, былъ, кажется, полякъ. Отецъ его, капитанъ, какъ сказано въ матрикулахъ геттингенскаго университета, жилъ въ Кіевѣ. Въ число студентовъ записанъ Воронковскій съ 2 сентября 1808 г. и оставался до марта 1810 г. Онъ изучалъ математику.

— *Михайловскій-Данилевскій*, Александръ Ивановичъ (1790—1848), военный историкъ, участникъ въ войнахъ 1812—1815 гг. Онъ въ одно время съ Н. И. Тургеневымъ и тоже три года учился въ Геттингенѣ и слушалъ лекціи приблизительно тѣхъ же профессоровъ, т. е. Геерена, Сарторіуса, Гуго, Гёде и пр. Даже выѣхали изъ Геттингена они въ одинъ день (см. въ этомъ томѣ стр. 307). Впрочемъ студентомъ геттингенскаго университета онъ записанъ только съ 16 ноября 1809 г., т. е. черезъ годъ по пріѣздѣ изъ Россіи. Этотъ годъ онъ бралъ частные уроки по языкамъ: латинскому, нѣмецкому и англійскому, а также путешествовалъ по Италіи и Франціи. См. выше, стр. 212 и 224. Данилевскаго и Тургенева связывала повидимому большая дружба, которая однако не устояла предъ различіемъ во взглядахъ, обнаружившимся впослѣдствіи. Либеральное настроеніе, вывезенное Данилевскимъ изъ Геттингена, скоро выдохлось, онъ примирился съ неприглядной дѣйствительностью и сдѣлался почти оффиціальнымъ пѣвцомъ «достопамятныхъ событій» своего времени. Но учебные годы въ Геттингенѣ онъ провелъ, какъ и Тургеневъ, съ большою пользою; это видно по его запискамъ лекцій и вообще по его бумагамъ, сохранившимся въ Имп. Публичной библіотекѣ. Тамъ находятся: 1) Римское право, лекціи проф. Гуго, 2) Церковное право, лекціи проф. Гёде, 3) Политика, лекціи проф. Сарторіуса, 4) выписки изъ прочитанныхъ книгъ и 5) огромная переписка.

— (Стр. 183). *Вундерлихъ* (Wunderlich, Ernst Friedrich Carl, род. 1783), профессоръ латинской словесности; образованіе получилъ въ Геттингенѣ (1801—1803), докторомъ сдѣланъ въ 1806 г., ассессоромъ философ. факультета и экстраординарнымъ въ 1808 г. Умеръ въ 1816 г.

— *Браунъ*, учитель англійскаго языка, повидимому не входилъ въ составъ преподавателей геттингенскаго университета, такъ какъ у Пюттера его имени нѣтъ.

— *Бенекс* (Georg Friedrich Benecke), род. 1762 г., учился въ Геттингенѣ (1780—1784), съ 1805 г. былъ экстраординарнымъ и съ 1814 г. ординарнымъ. Преподавалъ нѣмецкій и англійскій языки. Иностранцы студенты обыкновенно у него учились нѣмецкому языку, причемъ кромѣ грамматики онъ давалъ имъ свѣдѣнія и изъ исторіи нѣмецкой литературы.

— *Вейденгамеръ*, студентъ московскаго университета, см. ниже примѣчаніе къ стр. 203.

— *Шлецеръ* (Августъ-Людовикъ von Schlözer) — знаменитый историкъ, статистикъ и публицистъ (1735—1809). Професс. каѳедру въ Геттингенѣ онъ занималъ съ 1770 г. Связь его съ Россіей выражалась въ томъ, что онъ въ Геттингенѣ занимался съ русскими студентами, пріѣзжавшими туда, читалъ для нихъ лекціи по русской исторіи и издалъ нѣсколько книгъ по исторіи Россіи. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ «Несторъ или русскія лѣтописи», изданіе котораго началось въ 1802 г. и прервано было его смертью (1809). Другія его работы по исторіи Россіи: «Das neue veränderte Russland» (1767—1771);

«Geschichte von Lithauen» (1772); «Allgemeine Nordische Geschichte» (1772) и проч.

Шлецеръ очень любилъ Ал. Ив. Тургенева, учившагося въ Геттингенѣ въ 1802—1804 гг.; по даннымъ архива Тургеневыхъ можно заключить, что Шлецеръ предполагалъ направить молодого Ал. И. Тургенева по ученой карьерѣ, приковать его къ постояннымъ занятіямъ русской исторіей и сдѣлать его какъ бы своимъ преемникомъ въ этой области. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ отцу-Тургеневу, но послѣдній очевидно отклонилъ такое предложеніе.

— *Marienspring*—загородное мѣсто прогулки, находящееся на западъ отъ Геттингена, въ разстояніи $2^1/_4$—3 километровъ.

— (Стр. 184). *Росси*, итальянецъ, у котораго Тургеневъ бралъ уроки итальянскаго языка, очевидно не входилъ въ составъ профессоровъ и преподавателей университета, такъ какъ у Пюттера его нѣтъ въ спискѣ профессоровъ.

— *M-me de Pompadoure* — фаворитка Людовика XV.

— *Piron* (Alexis), французскій поэтъ (1689—1773), авторъ извѣстной сатиры «Métromanie». — Ферней — см. выше, стр. 48.

— (Стр. 185). *«Вестфальскій король»* — т. е. Іеронимъ, братъ Наполеона I.

— *Рандъ*, Ѳома Яковлевичъ, русскій студентъ, учившійся въ Геттингенѣ (съ 8 октября 1807 г. по мартъ 1809 г.) камеральнымъ наукамъ. Есть доказательства, что Тургеневъ часто пользовался записками лекцій профессоровъ, принадлежавшими Ранду.

— *Плесса* — окрестное мѣсто съ живописными развалинами, находящееся километрахъ въ 6—7 отъ Геттингена. — *Nörden* — окрестное мѣсто, лежавшее въ 10 килом. на сѣверъ отъ Геттингена. — *Münden* — деревня, лежавшая на юго-западъ отъ Геттингена, въ 25 километрахъ.

— *Картушъ* — собака Тургенева.

— (Стр. 186—187). Тургеневъ вмѣстѣ съ Бутырскимъ былъ въ Эрфуртѣ 5—8 октяб. по нов. стилю. Свиданіе императоровъ Александра и Наполеона происходило въ этомъ городѣ съ 27 сентября по 14 октября. Болѣе подробное описаніе «эрфуртскаго свиданія» сдѣлано Тургеневымъ въ особомъ приложеніи къ письму брату Ал. Ивановичу (отъ 22 декаб. 1808 г.), см. выше, стр. 338—346. Эрфуртъ отстоитъ отъ Геттингена въ 100 кил.

— (Стр. 187). *Heiligenstadt* — городокъ на юго-востокъ отъ Геттингена, въ 25—30 километрахъ.

— (Стр. 189). *Толстой*, графъ Петръ Александровичъ (1761—1844), съ окт. 1807 по октябрь 1808 г. былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ, откуда, за свою антипатію къ Наполеону, былъ отозванъ послѣ свиданія императоровъ въ Эрфуртѣ. Въ этотъ послѣдній на свиданіе двухъ императоровъ онъ былъ приглашенъ самимъ Наполеономъ. Съ семьей Тургеневыхъ Толстой повидимому былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ. См. выше.

— Свита имп. Александра въ Эрфуртѣ состояла изъ слѣдующихъ лицъ: в. кн. Константинъ Павловичъ, графъ Н. А. Толстой, графъ Румянцевъ, князь П. М. Волконскій, князь Гагаринъ, графъ Шуваловъ, графъ Ожаровскій, князь А. Н. Голицынъ и М. М. Сперанскій.

— *Румянцевъ*, Николай Петровичъ (1754—1826), въ эту эпоху (1807—1808) былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1809 г. онъ былъ возведенъ въ канцлеры.

— *Голицынъ*, князь Александръ Николаевичъ (1773—1844), былъ въ это время оберъ-прокуроромъ Свят. Синода и, вмѣстѣ со Сперанскимъ, статсъ-секретаремъ при государѣ.

— *Сперанскій*, графъ Михаилъ Михайловичъ (1771—1839), былъ въ это время только статсъ-секретаремъ при государѣ.

— *Аракчеевъ*, графъ Алексѣй Андреевичъ (1769—1834), былъ въ эту эпоху военнымъ министромъ (съ 13 янв. 1808 г.) и въ Эрфуртъ не ѣздилъ.

— *Удино*, извѣстный маршалъ Наполеона, былъ въ это время комендантомъ города Эрфурта.

— (Стр. 190). *Болдыревъ*, Алексѣй Васильевичъ, ординарный профессоръ москов. университета, оріенталистъ (1780—1842). Воспитанникъ москов. университета и уже состоя (съ 1801 г.) магистромъ философіи и свободныхъ наукъ, онъ посланъ былъ за границу (въ 1807 г.) для изученія восточныхъ языковъ и оставался тамъ до осени 1809 г. Уже въ Геттингенѣ онъ издалъ двѣ арабскія поэмы («Duae Moallakat Antarae et Harethi»).

— (Стр. 191). *Сенявинъ*, Дмитрій Николаевичъ, адмиралъ (1763—1831).

— *Spithead* — мѣстечко на югѣ Англіи, недалеко отъ Саутгамптона и Портсмута, мѣстопребываніе англійскаго флота.

— (Стр. 192). *Причудница* — героиня сказки Дмитріева, носящей такое же названіе («Причудница»). См. сочин. Дм. М. 1810, ч. 2-я, стр. 128.

— (Стр. 193). *Геренъ*, Arnold Ludwig Heeren (1760—1842), нѣмецкій историкъ, съ 1794 г. ординарный профессоръ исторіи въ геттингенскомъ университетѣ. Онъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ профессоровъ. Заслуга Геерена въ наукѣ состоитъ въ томъ, что онъ первый выяснилъ, насколько важно изученіе торговыхъ сношеній древнихъ народовъ для пониманія ихъ государственнаго строя и гражданскаго быта. Исторія торговли стала увлекать его еще въ гимназическіе годы, которые онъ провелъ въ Бременѣ; а сюда стекаются корабли и купцы всего свѣта. Результатомъ его изученія исторіи торговли и явилось замѣчательное его сочиненіе: «Ideen über die Politik, den Verkehr u. den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt». Гееренъ читалъ лекціи по исторіи культуры и торговли и о новѣйшей политикѣ европейскихъ государствъ; кромѣ того онъ читалъ лекціи по географіи, этнографіи и статистикѣ. Послѣдней онъ впрочемъ не придавалъ особаго значенія, см. напр. выше въ дневникѣ, стр. 226.

— (Стр. 193). Въ зимній семестръ 1808—1809 учеб. года Гееренъ читалъ два историческихъ курса: Alte-Geschichte и 2) Staaten-Geschichte или, какъ называлъ Тургеневъ: «Исторія знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ». (См. объ этомъ ниже, въ концѣ примѣчаній).

— *Compendium* Геерена, о которомъ упоминаетъ Тургеневъ, есть его Handbuch der Geschichte der Staaten des Altertums. Götting. 1799.

— *Гено*, т. е. Henault; очевидно Тургеневъ читалъ его сочиненіе: Nouvel abregé chronologique de l'histoire de France. Paris 1789—1800.

— (Стр. 202). «Происшествіе ночи св. Варѳоломея», т. е. избіеніе гугенотовъ въ Парижѣ, произошло ночью на 24 августа 1572 г., а Сицилійская Вечерня (Vêpres Siciliennes), т. е. избіеніе французовъ въ Сициліи, случилось 30 марта 1282 г.

— *Понжераръ* (Pont-Gérard, «ancien Professeur de l'Université de Paris»), перу котораго принадлежитъ студенческая пѣсня въ честь имп. Александра I

(см. выше, стр. 408—410), повидимому былъ лекторомъ французскаго языка въ геттингенскомъ университетѣ.

— (Стр. 203). *Вейденгамеръ*, Иванъ, математикъ, студентъ геттингенскаго университета. Изъ матрикулъ видно, что онъ изъ Москвы, сынъ музыканта, и учился въ Геттингенѣ съ 6 октября 1806 г. по апрѣль 1809 г.

— (Стр. 204). *Венде* — загородное мѣсто прогулки и деревенька, расположенныя къ сѣверу отъ Геттингена въ 2—2½ килом.

— *Ѳоркель*, Johann Nicolaus Forkel († 1818), докторъ философіи, преподаватель музыки при геттингенскомъ университетѣ.

— (Стр. 205). *Блезе* (Bläse) — курляндецъ, юристъ, поступившій въ университетъ съ 1806 г. и остававшійся въ немъ до марта 1809 г. См. стр. 215—216.

— *Вормсъ* — тоже курляндецъ, поступившій въ геттингенскій университетъ съ мая 1808 г.

— *Тиксенъ* (Thomas Christian Tychsen), ординарный профессоръ философіи (1758—† послѣ 1820 г.), знатокъ арабскаго и еврейскаго языковъ. См. ниже.

— (Стр. 206). Возможно, что Тургеневъ подъ фамиліей Лестокъ подразумѣваетъ генерала Лестена (Lehsten), который былъ комендантомъ Геттингена съ начала 1808 по 1811 г.

— *Клапмейеръ* — студентъ-курляндецъ, теологъ, учившійся въ Геттингенѣ съ 8 мая 1808 по май 1809 г. и съ октября 1809 по октябрь 1811 г.

— *Циммерманъ* — студентъ-юристъ изъ Остероде, учившійся въ Геттингенѣ съ октября 1806 г.

— *Рефельдъ* — студентъ-медикъ изъ Германіи, учившійся въ Геттингенѣ съ апрѣля 1807 г.

— *Пабстъ* (Babst) — студентъ-медикъ, лифляндецъ, учившійся въ Геттингенѣ съ октября 1808 по апрѣль 1809 г.

— *Кастальскій*, будто бы раненый солдатами,—конечно русскій студентъ. См. выше, примѣчаніе къ стр. 129.

— Стр. 207). *Гейсмарскія ворота* находились на южной окраинѣ Геттингена, по дорогѣ въ Гейсмаръ, лежащій въ 2 километрахъ отъ города.

— Мы не можемъ объяснить, какое отношеніе имѣли къ семейству Тимковскихъ Безбородко и Завадовскій. Безбородко были изъ Малороссіи, откуда и Тимковскій; старшій Безбородко, князь Александръ Андреевичъ, родился въ 1746 и умеръ въ 1799 г.; младшій, графъ Илья Андреевичъ (1756—1815) былъ основателемъ Нѣжинскаго филологическаго института.

— *Завадовскій*, графъ Петръ Васильевичъ (1739—1812), тоже учился въ Кіевской духовной академіи и служилъ въ малороссійской коллегіи. Въ 1775—1777 гг. былъ фаворитомъ имп. Екатерины II. Былъ въ большой дружбѣ съ кн. Безбородко и благодаря этому былъ въ фаворѣ у имп. Павла. При имп. Александрѣ I былъ министромъ народн. просвѣщенія (1802—1810).

— (Стр. 208). Тургеневъ переводилъ (и сохранился черновой переводъ) сочиненіе Геерена: Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa (1808), за которое Гееренъ получилъ медаль Парижскаго Института.

— (Стр. 211). Монологъ Энея взятъ изъ произведенія Метастазія: «*Didone abbandonata*. Dramma per Musica da rappresentarsi nella Regia Elettoral Villa di Sant'Uberto in felicissimo Giorno Natalizio della Maesta di Augusto III Re di Pollonia» (1776) — *Арасне* — одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой оперы.

— (Стр. 212). *Генрихъ Фильдингъ* (Fielding) — знаменитый англійскій романистъ (1707—1754). Лучшее его произведеніе: «The History of Tom Jones or a foundling. By Henri Fielding. Vol. I—III. Edinburg 1774». Приведенные Тургеневымъ здѣсь стихи взяты изъ перваго тома (стр. 52 указаннаго изданія). Тургеневъ читалъ и другой его романъ «Joseph Andrews».

— «*Педагоги*» — т. е. студенты изъ Педагогическаго иститута въ СПб.

— *Суно*, очевидно студентъ, хотя такой фамиліи мы не нашли въ квартирныхъ спискахъ геттингенскаго университета.

— *Вальтеръ*, студентъ теологъ изъ Мекленбурга, поступившій въ гет. университетъ съ октяб. 1808 г.

— (Стр. 213). *Вундерлихъ* — см. выше примѣч. къ стр. 183.

— Война объявлена была сначала со стороны Австріи, а французы только приняли эту войну. Кончилась она быстро: въ маѣ (1809) Наполеонъ былъ уже въ Вѣнѣ.

— (Стр. 215). Зачѣмъ Тургеневъ ходилъ къ Форкелю, и тотъ ли это Форкель, преподаватель музыки, о которомъ говорилось выше, — неизвѣстно. Въ моск. унив. пансіонѣ Тургеневъ учился играть на скрипкѣ и самоучкою немного игралъ на гитарѣ.

— *Кайдановъ*, Иванъ Кузьмичъ, — педагогъ и писатель († 1843), учился въ кіев. дух. академіи, педагогическомъ институтѣ и за границею (1808—1811). Въ Геттингенѣ онъ былъ съ 18 августа 1808 по май 1811 г., изучая историческія науки. По возвращеніи былъ назначенъ профессоромъ царскосельскаго лицея и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность какъ авторъ историческихъ учебниковъ, господствовавшихъ до появленія учебниковъ Шульгина, Смарагдова и Лоренца. Гееренъ повидимому оказалъ на Кайданова особенно сильное вліяніе. Отъ него осталось, помимо учебниковъ, спеціальное изслѣдованіе: «Краткое изложеніе дипломатіи Россійскаго двора» съ 1613 по 1825 г. Ч. 1 и 2. СПб. 1831 г.

— «*Цитера*» — повидимому періодическое изданіе того времени.

— Тургеневъ мало интересовался и мало читалъ нѣмецкихъ поэтовъ, даже такихъ крупныхъ, какъ Шиллеръ и Гёте, и это не смотря на то, что въ семьѣ Тургеневыхъ, и самъ Ив. Петровичъ - отецъ, и Андрей Ивановичъ, старшій братъ, очень увлекались нѣмецкими поэтами.

— Такимъ образомъ устанавливается, что Тимковскій покинулъ Геттингенъ 6 марта 1809 г. Въ рукописномъ отдѣленіи геттингенской библіотеки (см. Verzeichniss der Handschriften, I, 284, Philos. 178) сохранилось его письмо къ проф. Геерену (Москва 5/17 января 1810 г.); въ немъ онъ сообщаетъ, что старшій братъ его, находящійся въ Петербургѣ, собирается перевести на русскій языкъ и издать «Идеи» Геерена; и поэтому поводу проситъ послѣдняго сообщить, не дастъ ли онъ, Гееренъ, какихъ либо дополненій къ этому переводу. Тимковскій при этомъ пользуется случаемъ выразить любимому профессору чувства живѣйшей благодарности за его прекрасныя лекціи. Въ томъ же сборникѣ писемъ къ Геерену, вслѣдъ за письмомъ Тимковскаго, находится письмо Ал. И. Тургенева съ такими же комплиментами.

— (Стр. 216). *Гёде*, профессоръ уголовнаго права, — см. о немъ ниже, въ примѣчаніи къ стр. 279.

— *Гарцъ* — горная группа, чрезвычайно живописная, по высотѣ равенъ Крымскимъ горамъ, но гораздо богаче ихъ растительностію. Онъ расположенъ къ сѣверу отъ Тюрингенскихъ горъ, въ равномъ разстояніи между рр. Везеромъ и Эльбой. Отъ Геттингена до Гарца очень близко, не болѣе двухъ часовъ ѣзды

по жел. дорогѣ.— *Остероде* — городокъ къ сѣверо-востоку отъ Геттингена; отъ него начинается восхожденіе на Гарцъ, именно на Броккенъ.

— *Броккенъ* — самая высокая гора на Гарцѣ, имѣющая 1142 метра высоты. Путешественники стараются взойти на его вершину до восхода солнца, чтобы полюбоваться эффектнымъ появленіемъ солнечнаго диска изъ подъ горизонта. Но такое удовольствіе удается немногимъ, такъ какъ вершина Броккена чаще всего бываетъ покрыта облаками. Тургеневъ, какъ это видно, тоже взобрался на вершину горы до восхода солнца, но изъ за облаковъ не видалъ послѣдняго, о чемъ онъ прямо говоритъ въ письмѣ брату А. И. (см. выше. с. 365). Съ Броккена Тургеневъ спустился на востокъ, чтобы посмотрѣть сталактитовую пещеру *Baumanshöhle*, находящуюся на берегу рѣчки Боде. Она открыта еще въ XVII столѣтіи и стала доступна съ 1668 г. Длина ея—260 и высота до 10 метровъ. Новыя и наиболѣе красивыя образованія сталактитовъ находятся въ такъ наз. Klingende Säule ($2^1/_2$ метра высоты), гдѣ падающія капли издаютъ почти металлическій звукъ. Обратно Тургеневъ спускался съ Гарца въ сѣверо-зап. направленіи на *Гослaръ*, гдѣ осматривалъ рудокопни, и оттуда на югъ въ *Клаусталь* (Klausthal) и осматривалъ тамъ Hüte, т. е. Silberhütte (сребро-плавильный заводъ), существующій и понынѣ. Городокъ Клаусталь, лежащій на высотѣ 600 метровъ, отличается превосходнымъ климатомъ. «Другой подлѣ его городокъ», не названный Тургеневымъ, есть очевидно Zellerfeld, лежащій къ сѣверу совершенно рядомъ. — *Leerbach* (теперь Lerbach) находится между Клаусталемъ и Остероде, на самой дорогѣ; но по ночной порѣ Тургеневъ не могъ осмотрѣть его и утромъ ѣздилъ туда нарочно, чтобы видѣть «красноглазыхъ», такъ называемыхъ «какерлаковъ» (см. ниже въ примѣч. къ стр. 365). Путешествіе на Гарцъ продолжалось недѣлю.

— *Шилевыхъ гусаровъ*, т. е. гусаровъ полковника Шилля. Фердинандъ-Батиста фонъ Schill (1776—1809), прусскій офицеръ-партизанъ, въ 1807 г., образовалъ отрядъ добровольцевъ въ 1000 чел. и съ ними оказалъ крупную помощь правительству при защитѣ крѣпости Кольбергъ (въ Помераніи) противъ французовъ. Послѣ Тильзинскаго мира онъ получилъ чинъ майора и команду надъ 2-мя гусарскими полками. Въ 1809 г. (28 апр.) онъ со своимъ полкомъ и съ нѣкоторымъ числомъ приставшихъ къ нему добровольцевъ, безъ вѣдома и согласія правительства, покинулъ Берлинъ, перешелъ Эльбу, 5 мая близь Магдебурга одержалъ легкую побѣду надъ небольшимъ вестфальскимъ отрядомъ и занялъ Штральзундъ; но здѣсь 31 мая былъ разбитъ и самъ палъ въ битвѣ.

— *Бланкенбургъ* — городокъ, лежащій у подошвы Гарца, къ востоку отъ Броккена. Здѣсь выросла и отсюда выдана замужъ (1711 г.) за царевича Алексѣя Петровича несчастная Шарлотта (Софія-Христина 1694—1715), дочь Людвига Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго. Въ Бланкенбургѣ, въ замкѣ до сихъ поръ показываютъ ея портретъ (въ билліардной комнатѣ). Въ этомъ замкѣ гостили и Петръ I и царевичъ Алексѣй.

— (Стр. 217). *Михалковъ*, Сергѣй Ивановичъ, повидимому изъ дворянъ Ярославской губерніи; по словамъ Н. И. Тургенева (см. выше, с. 383), служилъ въ гвардіи, потомъ былъ въ Парижѣ, появился въ Геттингенѣ только съ лѣта 1809 года и оставался тамъ недолго: въ 1810 г. онъ уже поселился въ Женевѣ, откуда сохранилось его письмо (отъ 27 іюля) къ Н. И. Тургеневу, (см. выше, стр. 410—411).

— *Пирмонтъ*, городокъ, въ княжествѣ Вальдекъ, у подошвы лѣсистыхъ возвышенностей, къ западу отъ рѣки Везера, имѣетъ много минеральныхъ источниковъ, но теперь мало посѣщаемый курортъ.

— *Адлепсенъ* — село, лежащее на западъ, недалеко отъ Геттингена.— *Höxter* — городокъ на Везерѣ, лежащій къ сѣверозападу отъ Геттингена.

— (Стр. 221). *Аріовистъ* — начальникъ германскихъ дружинъ, нападавшій во времена Ю. Цезаря на Галлію (58—50 г. до Р. Хр.).

— (Стр. 223). *Einbeck* — городъ, лежащій къ сѣверу отъ Геттингена, на той же рѣкѣ Лейне.

— *Nordheim*, *Nörten*, *Bosster* и *Wende* — городки, села и деревни, лежащіе по дорогѣ изъ Эйнбека въ Геттингенъ.

— Очевидно въ отсутствіе Тургенева среди студентовъ случился какой-то скандалъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ исключили, напр. *Stender*, *Stosnowsky*. Штендера и другихъ Тургеневъ потомъ встрѣтилъ въ Гейдельбергѣ (см. дневники Т—а, т. II).

— (Стр. 224). *А. И. Михайловскій-Данилевскій*, какъ это видно изъ дневника Тургенева (см. выше стр. 212), уѣхалъ изъ Геттингена въ мартѣ и вернулся въ октябрѣ; слѣдовательно отсутствовалъ весь лѣтній семестръ 1809 г.

— Сергѣй Ивановичъ — очевидно Михалковъ, съ которымъ Данилевскій путешествовалъ на Гарцъ.

— *L'Asilo d'amore* (Festa Teatrale) — произведеніе Метастасія (изд. въ Дрезденѣ 1743 г.).

— (Стр. 225). *Гуго* (Gustav Hugo, 1764—1844), профессоръ геттингенскаго университета, основатель такъ наз. «исторической» школы юриспруденціи, главнымъ выразителемъ идей которой сталъ вскорѣ послѣ него Савиньи. Воспитывался онъ въ геттингенскомъ университетѣ, гдѣ наставниками его были: юристъ Пюттеръ, историкъ Шпиттлеръ и философъ Федеръ. Отъ перваго Гуго заимствовалъ уваженіе къ римскому праву въ его исторіи, а второй отвлекъ его вниманіе отъ узкой сферы цеховой юриспруденціи и показалъ ему зависимость юридическихъ явленій отъ общаго хода государственной жизни. Канту Гуго обязанъ окончательнымъ установленіемъ своихъ философскихъ и этическихъ воззрѣній. Оспаривая многіе изъ раціоналистическихъ взглядовъ съ чисто исторической точки зрѣнія и разбираясь совершенно самостоятельно въ философіи Монтескье и Канта, Гуго создалъ свою «философію положительнаго права». На своихъ лекціяхъ онъ доказывалъ необходимость историческаго изученія римскаго и германскаго права, въ связи съ ихъ исторіей и всей культурой народа. Въ своей книгѣ «Lehrbuch des Naturrechts, als einer Philosophie des positiven Rechts» Гуго старался доказать, что право и государство не суть созданія разума или разумной необходимости, а продукты необходимости естественной, историческаго развитія. Онъ готовъ былъ доказывать историческую необходимость всякаго государства и всякаго правительства, какъ историческихъ фактовъ. Съ его точки зрѣнія разумно, какъ фактъ, и рабство. Изъ его сочиненій особенно замѣчательны: «Lehrbuch des heutigen Rechts», «Geschichte des Römischen Rechts», «Juristische Encyklopedie» и др. Во времена студенчества Тургенева Гуго читалъ курсы римскаго права, естественнаго права и Code Napoléon. Тургеневъ впослѣдствіи вспоминалъ, что именно Гуго въ своихъ лекціяхъ натолкнулъ его на вѣрную мысль о большей выгодности оброчнаго труда передъ барщиннымъ.—Какова была вина Гуго передъ студентами, изъ словъ Тургенева объяснить трудно.

— (Стр. 226). *Сарторіусъ* (Georg Sartorius, баронъ фонъ-Вальтерсгаузенъ съ 1827 г.), извѣстный нѣмецкій историкъ (1765—1828) и профессоръ геттин-

генскаго университета (съ 1797 г. по 1828). Главный его трудъ — классическое сочиненіе о ганзейскомъ союзѣ: «Geschichte des Henseatischen Bundes» (1802—1808). Но Тургеневъ зналъ его какъ экономиста и весьма многимъ обязанъ ему въ своей любви къ политической экономіи. Сарторіусъ читалъ (между прочимъ въ зимній семестръ 1809—1810 г.) «National-Oeconomie»; въ своихъ лекціяхъ онъ буквально слѣдовалъ системѣ Адама Смита. Кромѣ того Сарторіусъ читалъ курсъ подъ заглавіемъ «Политика» (Politika), о которомъ можно судить по запискамъ, сохранившимся въ бумагахъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, хранящимся въ Имп. Публ. библіотекѣ. Эти записки озаглавлены такъ: «Политика, преподаваемая проф. Сарторіусомъ и начертанная Александромъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Въ Геттингенѣ 1810. Съ 15 мая по 6/18 Сентября». Этотъ курсъ Политики слушалъ и Тургеневъ въ лѣтній семестръ 1809 г. Сарторіусъ въ своихъ занятіяхъ по исторіи государствъ имѣлъ пристрастіе главнымъ образомъ къ политической сторонѣ и, подобно Іоганну Мюллеру, особенную любовь проявлялъ къ прошлому нѣмецкаго средневѣковья. Онъ былъ также однимъ изъ первыхъ, который своими лекціями и сочиненіями пересадилъ на нѣмецкую почву (въ нѣмецкіе университеты) государствовѣдѣніе (Staatswissenschaft) и особенно политическую экономію. Ясность изложенія и необыкновенная практическая полезность его коллегій доставляла ему благодарныхъ слушателей. По словамъ Бёмера, одного изъ его позднѣйшихъ слушателей (въ 1815 г.), Сарторіусъ привлекалъ студентовъ прежде всего веселостью характера, живымъ участіемъ къ работѣ каждаго, кто только обращался къ нему. «Каждой своей лекціи отдавалъ онъ частицу своего сердца и вселялъ въ насъ уваженіе ко всему великому и значительному. Онъ стремился къ тому, чтобы каждый обращалъ къ себѣ слова: «въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ свой». Въ своихъ лекціяхъ по политикѣ Сарторіусъ оберегалъ своихъ слушателей отъ всякихъ революціонныхъ идей, отъ всякихъ смѣлыхъ обобщеній на счетъ наилучшаго государства и наилучшей конституціи. Онъ доказывалъ, что въ государствѣ укрѣпляется только то новое, что выросло изъ прошлаго, образовавшись исторически (dass das Neue in einem Staate nur gedeihe, wenn es aus dem früher Bestandenen, historisch Ausgebildeten hervorwachse),—только то, что имѣетъ основаніе въ исторически-положительномъ правѣ (auf dem geschichtlich positiven Rechtszustand), а не въ теоріи. Новые конституціонные проекты считалъ онъ столь же вредными, какъ и старый абсолютизмъ» (Joh. Friedr. Böhmer's Leben, Briefe und kleinere Schriften. Freiberg 1868. T. I, 36—38). Такъ какъ Сарторіусъ много путешествовалъ, то онъ несомнѣнно обладалъ многими практическими свѣдѣніями. Французскую революцію онъ наблюдалъ, такъ сказать, своими глазами и потому любилъ касаться новѣйшей исторіи. Истинный другъ отечества, признававшій стѣсненное положеніе большинства нѣмецкихъ подданныхъ, Сарторіусъ однако былъ далекъ отъ революціонныхъ идей.

— *Фрейгангъ*, Василій Ивановичъ (Wilhelm von Freygang, 1783—1849), чиновникъ мин. ин. дѣлъ, учился въ Геттингенѣ въ одно время съ Ал. Ив. Тургеневымъ, а именно, съ 23 сент. 1802 по апрѣль 1804 г. Для его характеристики интересно привести слѣд. запись въ дневникѣ Ал. И. Тургенева (отъ 14/26 апр. 1803 г.): «Ввечеру зашелъ къ Вас. И. Ф[рейгангу], и онъ, напѣвая Французскую арію, съ сожалительною миною говоритъ мнѣ, что онъ сегодня получилъ и горесть и радость вмѣстѣ: радость его состоитъ въ полученіи отъ К. Куракина письма; а горесть—у него братъ умеръ!! О, холодная, малая душа!.. Для чего не

околѣлъ ты, хладнокровная лягушка, въ лѣта твоего брата» и т. д. Въ 1803 г. Фрейгангъ написалъ на франц. языкѣ небольшое описаніе Геттингена, какъ его внутренняго состоянія, такъ и его окрестностей. Этотъ небольшой панегирикъ Геттингену былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 г. (декабрь, №№ 23—24, с. 166—207) съ такою надписью: «Вильгельмъ Фрейгангъ, переводчикъ Импер. Росс. Коллегіи Ин. Дѣлъ, членъ Академіи Дрейсигакерской, Фитографическаго общества въ Геттингенѣ и Минералогическаго въ Енѣ». Въ своемъ описаніи Геттингена Фрейгангъ такими словами изображаетъ Сарторіуса. «Профессоръ Сарторіусъ особенно отличается въ Статистикѣ, Политикѣ и Исторіи. Впрочемъ онъ не изъ числа тѣхъ, которые въ кабинетѣ своемъ видятъ все чужими глазами. Объ немъ можно сказать, какъ о мудромъ Улиссѣ: «Qui mores hominum multorum vidit et urbes. Недавно еще онъ возвратился изъ путешествія, котораго плоды безъ сомнѣнія будутъ важны для ученаго свѣта» (В. Евр. 1803, №№ 23—24, с. 187). Впослѣдствіи Фрейгангъ состоялъ при посольствахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ; въ 1812 году былъ въ Персіи, позже—генер. консуломъ въ Саксоніи и въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ.

— *Понжерардъ* — см. выше стр. 202.

— *Гусятниковъ,* Алексѣй М[ихайловичъ], повидимому тотъ самый, который учился въ Геттингенѣ вмѣстѣ съ Ал. И. Тургеневымъ въ 1802—1804 гг. Изъ матрикулъ и квартирныхъ списковъ видно, что онъ былъ студентомъ съ 2 іюня 1802 г. по апрѣль 1805 г. и ревностно изучалъ филологію.

— *Ландверъ-Шенке* — загородное мѣсто прогулки, въ двухъ километрахъ къ югу отъ Геттингена.

— «Сарторіева книжка о Народномъ богатствѣ», которую переводилъ Тургеневъ, носитъ такое заглавіе: «Von den Elementen des Nationalreichtums und von der Staatswirtschaft nach A. Smith». Gottingen. 1806. Есть русскій переводъ ея Кондырева (Казань, 1812).

— (Стр. 227). *Зальфельдъ* (Iacob Christoph-Friedrich Saalfeld, род. 1785), учился въ Геттингенѣ (1803 — 1807), сдѣланъ магистромъ философіи въ 1807, прив. доцентомъ въ Гейдельбергѣ въ 1808 г., въ Геттингенѣ съ 1809 г., тамъ же экстраордин. профессоромъ «философіи» съ 1811 г. Въ 1809 г. онъ напечаталъ книгу: Recueil historique des lois constitutionelles et des réglemens généraux d'administrations, publiés en France depuis le commencement de la revolution jusqu'à present. à Gött. T. I.; и въ этомъ же году открылъ свой курсъ по дипломатикѣ, который слушалъ и Тургеневъ.

— (Стр. 228). Сочиненіе Платона «Respublica» по-гречески носило названіе: «Τὰ Πολιτικά» и являлось ученіемъ объ *идеальномъ государствѣ.* Тургеневъ очевидно читалъ это сочиненіе или по-французски или по-нѣмецки.

— *D-r Thoms,* — приватъ-доцентъ геттинг. университета, жилъ на Grohnder-Strasse, въ томъ же домѣ, гдѣ и Тургеневъ, внизу; у него было повидимому двѣ дочери, изъ которыхъ одна немного нравилась Тургеневу.

— *Жеромъ (Jérôme) Бонапарте* (родился 15 ноября 1784, умеръ 1860), младшій братъ Наполеона I; королемъ Вестфальскимъ онъ сдѣлался послѣ Тильзитскаго мира (1807) и весело жилъ въ Касселѣ, среди роскоши и блеска, мало заботясь объ управленіи и вполнѣ подчиняясь разорительнымъ для страны требованіямъ Наполеона. Во время войны 1812 г. Жеромъ командовалъ однимъ изъ корпусовъ франц. арміи, но скоро былъ отосланъ обратно въ Кассель. Лейпцигская битва (1813 г.) положила конецъ его царствованію. Тургеневъ

презрительно называетъ его «королемъ Еремой» и въ одномъ мѣстѣ дневника (262) замѣчаетъ: «Еремѣ беззаботное житье».

— *Трефуртъ* (Iohann Philipp Trefurt, род. 1769, ум. 1832), проповѣдникъ (съ 1805 г.) въ Iohanniskirche и профессоръ богословія въ геттингенскомъ университетѣ.

— (Стр. 229). *Мичерлихъ* (Christoph Wilhelm Mitscherlich, род. 1760), ордин. профессоръ геттинг. университета (съ 1794 г.) по классич. филологіи, съ 1809 г. профессоръ краснорѣчія.

— *Гогартъ* (Вильямъ Hogarth) — знаменитый англійскій рисовальщикъ, граверъ и живописецъ (1697—1764); обладалъ чрезвычайнымъ умѣньемъ схватывать смѣшныя стороны людей, осмѣивалъ и бичевалъ пороки современнаго общества.

— *Проф. Планкъ* (Georg Wilhelm Planck, род. 1785 г.) учился въ Геттингенѣ и сдѣланъ тамъ же прив. доцентомъ съ 1806 г. по юридическимъ наукамъ. Онъ также занималъ должность судьи въ Геттингенѣ.

— Саксонскимъ королемъ въ эту эпоху былъ Фридрихъ-Августъ III (1763—1827); королевскій титулъ получилъ онъ отъ Наполеона I по Позванскому миру 1806 г.

— Баварскимъ королемъ въ это время былъ Максимиліанъ-Іосифъ I (1799 — 1825); королевскій титулъ получилъ онъ также отъ Наполеона I въ 1806 г.

— *Шмитъ* — т. е. Адамъ Смитъ, знаменитый основатель науки политической экономіи (1723—1790).

— *Гейнбергъ* (Hainberg) — довольно высокая гора, лежащая въ 2 километрахъ къ востоку отъ Геттингена.

— (Стр. 230). Ассессоръ Гартманнъ былъ въ 1807 — 1808 гг. прив. доцентомъ въ геттингенскомъ университетѣ.

— (Стр. 231). *Freymüthiger* — сатирическій журналъ, издававшійся Коцебу.

— *Ioseph Andrews* — романъ Фильдинга.

— *Гарнье* (Germain Garnier, comte, 1754—1821), французскій экономистъ и политическій дѣятель. Ему принадлежитъ прекрасный французскій переводъ знаменитой книги А. Смита о богатствѣ народовъ, снабженный предисловіемъ (Preface), о которомъ здѣсь упоминаетъ Тургеневъ. У послѣдняго могло быть изданіе 1802 или 1805 гг.

— *Людеръ* (August Ferdinand Lüder), нѣмецкій историкъ, экономистъ и статистикъ (1760 — 1819). Сначала онъ былъ профессоромъ исторіи въ Брауншвейгѣ и только съ 1810 г. приглашенъ былъ въ Геттингенъ ординар. профессоромъ «философіи», т. е. занялъ каѳедру Шлецера. Въ 1814 г. онъ перешелъ въ Іену, какъ Professor honorarius, и оставался тамъ до своей смерти. Важнѣйшими его сочиненіями считаются: 1) «Geschichte des holländischen Handels»; 2) «Einleitung in die Staatskunde, nebst einer Statistik der vornehmsten europäischen Reiche» (1792); 3) «Ueber Nationalindustrie und Staatswirtschaft nach A. Smith. 3 B-de». Berlin 1800 — 1804 и др.

— (Стр. 232). *Князь Репнинъ - Волконскій*, Николай Григорьевичъ (1778—1845), внукъ, по матери, знаменитаго фельдмаршала кн. Н. В. Репнина, имя котораго перешло къ нему въ 1801 г., по повелѣнію имп. Александра I. Посланникомъ при Вестфальскомъ дворѣ былъ онъ въ 1809 — 1810 гг., въ

1813—1814 — ген.-губернаторомъ королевства Саксоніи, а съ 1816 по 1835 г.— воен. губернаторомъ Малороссіи.

— *С. И. Михалковъ*—см. выше, примѣчаніе къ стр. 217.

— (Стр. 233). *Napoleons-Höhe* — высокая гора около Касселя; она носила названіе Wilhelms-höhe и только съ образованіемъ Вестфальскаго королевства переименована въ Napoleons-Höhe.

— (Стр. 234). *Шиманнъ* (Schiemann)—студентъ-курляндецъ, изучалъ медицину и оставался въ Геттингенѣ съ 23 апр. 1809 по апрѣль 1811 г.

— (Стр. 235). Грондская улица (Grohnder-Strasse) проходитъ въ южной части Геттингена, съ запада на востокъ.

— (Стр. 236). *Лишинъ* — студентъ-медикъ изъ Вюртемберга (съ окт. 1807 г.).

— *Ортманнъ* (Ordmann)—студентъ изъ Гильдесгейма (съ 8 мая 1808 г.).

— С. И. Тургеневъ писалъ брату въ Геттингенъ очевидно о торжественномъ въѣздѣ въ Москву государя и вел. княгини Екатерины Павловны съ ея супругомъ, принцемъ Ольденбургскимъ. Это было 6 декабря 1809 г., и населеніе дѣйствительно встрѣтило имп. Александра съ необычайнымъ, единодушнымъ восторгомъ. См. ниже стр. 473.

— *Шведскій Король*, о которомъ упоминаетъ Тургеневъ, былъ Густавъ IV (1792 — 1809), низложенный риксдагомъ за неудачную и враждебную Наполеону I политику.

— (Стр. 238). *Фильдингъ* и его романъ «Ioseph Andrews»—см. примѣчаніе къ стр. 212.

— Братъ Тургенева, Александръ Ивановичъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщалъ ему, что Ив. Влад. Лопухинъ написалъ записки о своей жизни и распространяетъ ихъ среди знакомыхъ. Записки эти впослѣдствіи были напечатаны. (Лондонъ, 1861).

— «Политическія отношенія между Россіею и Франціей» дѣйствительно были не совсѣмъ благопріятны, такъ какъ имп. Александ I сталъ готовиться къ войнѣ. Такія же приготовленія дѣлалъ и Наполеонъ.

— (Стр. 239). Острота какого-то нѣмца о цѣли собранія госуд. чиновъ въ Касселѣ приводится Тургеневымъ и въ его книгѣ: «Опытъ теоріи налоговъ» (1-е изд. 1818 г., стр. 13).

— *Карлъ V*, императоръ свящ. Римской имперіи (1521 — 1555 г.), какъ извѣстно, очень часто нуждался въ деньгахъ для своихъ военныхъ предпріятій, особенно въ борьбѣ съ протестантскими князьями и франц. королемъ Францискомъ I. Онъ воевалъ и съ турками.

— (Стр. 240). Переводъ книжки Сарторіуса, сдѣланный Тургеневымъ, почему-то не былъ напечатанъ, и рукопись тоже не сохранилась.

— Новое образованіе (учрежденіе) Госуд. Совѣта было объявлено манифестомъ 1 янв. 1810 г. и въ тотъ же день лично государемъ былъ открытъ Совѣтъ въ своемъ новомъ видѣ.

— (Стр. 241). «*Махіавеля*» — т. е. книжку Макіавелли: «Il principe». Макіавелли — публицистъ и историкъ изъ Флоренціи (1469 — 1530).

— Наполеонъ дѣйствительно женился на дочери Австрійскаго императора Франца I, Маріи-Луизѣ (1791—1847). Они были обвѣнчаны въ 1810 г. кардиналомъ Фешъ въ Парижѣ.

— (Стр. 242). *Венцель* (Ernst Friedrich Wenzel) учился въ Геттингенѣ и тамъ же сдѣланъ былъ доцентомъ съ 1806 г. Умеръ въ 1812 г.

— Вопросы, которые были заданы Сарторіусомъ Тургеневу, упоминаются послѣднимъ въ письмѣ къ брату (см. выше стр. 394), а именно: 1) Чего хочетъ Австрія посредствомъ своего новаго Плана о Финансахъ, и 2) Какія отъ того могутъ быть слѣдствія? «Отвѣты» Тургенева не сохранились.

— «Наше дѣло», т. е. дѣло Тургеневыхъ съ Ив. Влад. Лопухинымъ, который долженъ былъ имъ значительную сумму денегъ; дѣло доходило до сената, по рѣшенію котораго Тургеневы получили 97.700 руб.

— *Гёде* (Christian August Gottlieb Göde, 1774—1812), даровитый юристъ, ордин. профессоръ въ Геттингенѣ по каѳедрѣ уголовнаго права. Какое изъ его сочиненій читалъ Тургеневъ, рѣшить трудно; м. б. это были записки лекцій по уголовному праву, которыя Тургеневъ долженъ былъ слушать (и слушалъ) въ лѣтній семестръ 1810 г. См. ниже примѣчаніе къ стр. 279.

— (Стр. 243). «*Paradise Lost*» — Потерянный Рай, поэма Мильтона (1608—1674), которую Тургеневъ читалъ очевидно въ подлинникѣ съ проф. Бенеке.

— Въ дневникѣ Тургенева нѣтъ никакихъ впечатлѣній отъ путешествія въ Голландію; не сохранилось и отдѣльнаго описанія, хотя оно несомнѣнно было написано.

— *Langenbeck* (Conrad Iohann Martin, 1776—1851), знаменитый хирургъ и анатомъ. Въ 1802 г. избранъ приватъ-доцентомъ геттинген. университета и въ 1803 г. онъ началъ чтеніе лекцій по анатоміи, а въ 1807 г. устроилъ спеціальный Клиническій институтъ по хирургіи и глазнымъ болѣзнямъ. Онъ славился какъ превосходный хирургъ и операторъ.

— «Ходить на финанцы» — т. е. на лекціи Сарторіуса о финансахъ, которыя носили такое заглавіе: «Die Financen». Начаты были 17 мая 1810 г.

— (Стр. 244). *Росси* — учитель итальян. языка, см. выше, примѣчаніе къ стр. 184.

— *Paris-Du Verney* — французскій финансистъ (1684—1770). Изъ его сочиненій извѣстно: «Histoire du système des finances sous la minorité de Louis XV pendant les années 1719 et 1720—1739».

— *Du-Tôt* — французскій экономистъ первой половины XVIII в., сотрудникъ извѣстнаго Джонъ-Ло. Отъ него сохранилось сочиненіе: Reflexions politiques sur les finances et le commerce, впервые появившееся въ 1735 г. Дюто подробно описываетъ систему Дж. Ло и указываетъ причину ея паденія. Сотоварищъ Джонъ Ло, онъ однако былъ противникомъ меркантилизма и правильно оцѣнивалъ значеніе денегъ, а основами богатства считалъ земледѣліе и промышленность. Названное его сочиненіе имѣетъ много цѣнныхъ замѣчаній, относящихся къ кредиту, финансамъ и торговлѣ.

— *Вильямъ Питтъ* Старшій, англійскій государственный дѣятель (1708 — 1778). Благодаря ему Англія участвовала въ семилѣтней войнѣ. Въ 1761 г., узнавъ о состоявшемся тайномъ фамильномъ договорѣ между королями испанскимъ и французскимъ, Питтъ потребовалъ, чтобы король предупредилъ нападеніе со стороны Испаніи объявленіемъ ей войны; но его товарищи по министерству, уступая королю (Георгу III), высказались противъ Питта, и онъ вышелъ въ отставку. Свою рѣчь противъ Stampact'а Питтъ произнесъ въ парламентѣ въ 1765 г.

— *Iacob*, Ludwig Heinrich (1759—1827), выдающійся ученый по политическимъ и экономическимъ наукамъ. Учился въ Галле и тамъ же съ 1791 г. сдѣланъ былъ орд. проф. философіи, съ 1807 по 1816 г. былъ проф. госуд. наукъ въ Харьковѣ, съ 1816 до смерти былъ проф. въ Галле. Онъ всецѣло примыкалъ къ Канту. Тургеневъ читалъ его книгу: Grundsätze der National-Oekonomie oder Grundsätze des Nationalreichtums. 1-е изд. 1805, 2-е Charkow, 1809. См. ниже стр. 475.

— (Стр. 245). Донкишотъ (Донкихотъ) — романъ Сервантеса.

Гиббонъ (Эдуардъ Gibbon), знаменитый англійскій историкъ (1737—1794). Тургеневъ читалъ его классическую книгу: «History of the decline and fall of the Roman empire» (1776 — 1787).

— (Стр. 246). *Бальюрнъ*, ассессоръ, съ которымъ Тургеневъ и Даниілевскій повторяли университетскія лекціи по римскому праву. См. ниже примѣчаніе къ стр. 293.

— *Стуартъ* (Iames Steuart, 1712 — 1780), англійскій экономистъ. Тургеневъ читалъ его сочиненіе: An inquiry into the principles of political oeconomy (Vol. I — III. London, 1767), но въ нѣмецкомъ переводѣ: Untersuchungen der Grundsätze von der Staatswirthschaft (5 Bücher. Tubin. 1769 — 1785). Во второмъ томѣ, въ четвертой книгѣ говорится о банкахъ, и между прочимъ разсказывается исторія банка Ло (глава XXIII). — Джонъ Ло (John Law) — извѣстный экономистъ и спекулянтъ (1671—1729), родомъ изъ Шотландіи. Убѣжденный въ томъ, что деньги составляютъ богатство народа и что потому слѣдуетъ заботиться объ умноженіи ихъ числа путемъ замѣны дорогой металлической монеты ничего не стоющей бумагой, онъ попытался осуществить свои идеи во Франціи, финансы которой были въ это время (регентство Филиппа Орлеанскаго) въ самомъ жалкомъ состояніи. Но основанный имъ 1716 г. въ Парижѣ банкъ, выпустивши на 3 милліарда билетовъ (при наличномъ обезпеченіи въ 39 милл. звонкой монеты и слитковъ), лопнулъ въ 1719 г.

— *Фіорилло* (Iohann Dominicus Fiorillo, род. 1748, ум. послѣ 1820 г.)—профессоръ искусствъ въ геттингенскомъ университетѣ, членъ разныхъ академій художествъ и ученыхъ обществъ. Изъ его сочиненій пользовались заслуженною извѣстностью слѣдующія: 1) «Geschichte der zeichnenden Künste von ihrer Wiederauflebung bis auf die neuesten Zeiten. 5 B-de 1798 — 1808, и 2) Geschichte der zeichnenden Künste in Deutschland und den Vereinigten Niederlanden. 4 Bände. 1815 — 1820.

— *Сегюръ* (Louis Philippe Ségur, 1753 — 1830, графъ) въ 1783 г. былъ посломъ въ Петербургѣ и оставилъ интересные «Memoires» (П. 1825 — 1826, новое изд. 1859), относящіеся къ пребыванію его въ Россіи. Записки эти переведены и на рус. языкъ («Записки гр. Сегюра», Спб., 1865).

— *Сарторіусъ* получилъ въ 1810 г. отъ французскаго института премію за свое сочиненіе (на заданную институтомъ въ 1808 г. тему): «Essai sur l'état civil et politique des peuples d'Italie sous le gouvernement des Goths, memoire qui a remporté le prix ect. à Paris 1811».

— *Вернеръ* — студентъ-медикъ изъ Варшавы, учившійся въ Геттингенѣ съ 13 окт. 1808 г.

— (Стр. 249). *Галіани* (Ferdinando Galiani, 1728 — 1787), аббатъ, одинъ изъ остроумныхъ политико-экономовъ XVIII в. Тургеневъ читалъ его сочине-

ніе: Dialogue sur le commerce des bleds. 1770. Есть русскій переводъ этого сочиненія (Драгоманова, Кіевъ, 1890).

— *Гофъ-Гейсмаръ* — находится къ юго-западу отъ Геттингена, по дорогѣ въ Кассель.

— «*Исторія трехъ послѣднихъ столѣтій*» — курсъ Геерена; Тургеневъ въ 1810 г. слушалъ его второй разъ (первый въ 1808—1809).—«Духъ исторіи»— т. е. Geist der Geschichte — курсъ проф. Людера.

— (Стр. 250). *Дрансфельдъ* (Dransfeld) — городокъ, лежащій въ 20 килом. къ юго-западу отъ Геттингена.

— *Гемпель* и *Veckerhagen* — деревни, лежащія около Везера.

— (Стр. 252). *Тургенево* — родовое село Тургеневыхъ въ Симбирской губерніи, за Волгою, верстахъ въ 30 къ юго-вост. отъ Симбирска.

— *Метастазій* (Pietro Metastasio, 1698—1782), классическій итальянскій поэтъ; изъ его оперъ «Didone abbandonata» и «L'Asilo d'amore» Тургеневъ дѣлалъ выписки, см. выше, стр. 224.

— (Стр. 253). *Мейеръ*—геттингенскій еврей, дававшій студентамъ деньги взаймы, см. выше, стр. 242—299.

— *Tom Iones* — романъ Фильдинга, см. выше, примѣчаніе къ стр. 212.

— (Стр. 261). *Сэй* (Жанъ-Баптистъ Say, 1767 — 1832), французскій экономистъ. Судя по учебнымъ тетрадямъ Тургенева, можно предполагать, что онъ читалъ въ данномъ случаѣ книгу Сэя «Traité de l'économie politique».

— *Людеръ* — см. выше, примѣч. къ стр. 231.

— Упоминая «анекдотъ» Брандеса, Тургеневъ могъ имѣть въ виду Христіана Брандеса, драматическаго писателя (1735—1799).

— (Стр. 262). Что король Жеромъ (Ерема) жилъ беззаботною жизнью, объ этомъ см. выше, примѣч. къ стр. 228.

— (Стр. 263). *Дюма* (Матвѣй Dumas, 1753 — 1837), графъ, французскій генералъ, военный историкъ. Очевидно Тургеневъ читалъ его сочиненіе: «Précis des évènements militaires de 1799 à 1807».

— Какую книгу Ремера читалъ Тургеневъ, видно изъ письма его къ брату Ал. Ивановичу; см. выше стр. 355.

— Отвѣтовъ Тургенева на заданные проф. Сарторіусомъ вопросы, какъ сказано выше, не сохранилось въ его бумагахъ; см. выше, примѣчаніе къ стр. 242.

— (Стр. 264). Фридрихъ II, король Прусскій (1740 — 1786), оставилъ послѣ себя большое количество сочиненій на французскомъ языкѣ; кромѣ упомянутой здѣсь «Histoire de Brandenburg» онъ написалъ: «Considération sur l'état present du corps politique de l'Europe», «Histoire de mon temps», «Histoire de la guerre de sept ans» и др.

— *Кальвинъ* (1509 — 1564) проповѣдовалъ реформацію въ Женевѣ; Лютеръ (1483 — 1546) — въ Германіи; Гусъ — чешскій проповѣдникъ, сожженный въ Констанцѣ (1369 — 1415).

— *Генрихъ VIII*, король Англіи (1509 — 1547), сынъ Генриха VII, развелся съ женою своею Екатериною Арагонской и женился на Аннѣ Болейнъ (1533). Реформацію проводить сталъ онъ съ 1529 г.

— *Курфирстомъ Саксонскимъ*, который запрещалъ шведамъ (въ 1630 г.) переходъ черезъ Эльбу, былъ Іоаннъ Георгъ I (1611—1656). Благодаря этому Густавъ (Gustave) Адольфъ (1594 — 1632) не могъ защитить Магдебурга отъ

войскъ Тилли. — Какую Русскую Исторію читалъ Тургеневъ — догадаться трудно; можно предполагать, что это была учебная книга: Handbuch der Geschichte des Kaysertums Russlands (von russischen übersetzt von A. L. Schlözer. Göttingen 1802).

— Фамилія *Мимика*, котораго Тургеневъ видалъ въ Геттингенѣ, повидимому не Sexendorf, а Seckendorf: такая графская фамилія существуетъ въ Германіи и теперь.

— (Стр. 265). *Бенеке, Вундерлихъ, Фіорилло*—см. выше.

— (Стр. 266). Король — конечно Жеромъ, братъ Наполеона I (см. выше, примѣчаніе къ стр. 228). Королева, супруга Жерома, была нѣмка, принцесса Екатерина, дочь короля Фридриха Вюртембергскаго. Она вышла замужъ за Жерома въ 1807 г.

— *Reiss* (Jeremias David Reuss, род. 1750 г.) былъ помощникомъ библіотекаря университетской библіотеки въ Геттингенѣ.

— *Лейстъ*—профессоръ юридическихъ наукъ въ Геттингенѣ (род. 1770).

— *Гардингъ* (Carl Ludwig Harding, род. 1766) — экстраординар. профессоръ математики и астрономіи въ Геттингенѣ.

— *Гаусъ*, Карлъ-Фридрихъ (род. 1777), проф. астрономіи въ Геттингенѣ. Въ это время онъ дѣйствительно получилъ орденъ Вестфал. короны.

— *Mannstein*, Манштейнъ (1711—1757), прусакъ, перешедшій въ 1736 г. на русскую службу и оставившій ее въ 1744 г. послѣ бѣгства изъ Россіи. За границею онъ написалъ любопытныя «Записки о Россіи». Ихъ-то и читалъ Тургеневъ.

— (Стр. 269). *Cr. R. Melling* — вѣроятно Creis-Richter.

— *Бернадотъ* (Жанъ-Баптистъ-Жюль Bernadotte), французъ, быстро возвысившійся во время Революціи, въ 1804 г. былъ произведенъ въ маршалы, а въ 1805 г. получилъ титулъ князя Понте-Корво. За свое гуманное обращеніе съ плѣнными шведами Бернадотъ сдѣлался очень популярнымъ въ Швеціи, и Госуд. Совѣтъ, собранный королемъ Карломъ XIII для избранія ему преемника, единогласно рѣшилъ предложить корону Бернадоту. 5 ноября 1810 г. онъ былъ усыновленъ королемъ и съ того времени былъ регентомъ Швеціи; въ 1818 г. вступилъ на престолъ подъ именемъ Карла XIV и † 8 марта 1844 г. Не смотря на свое французское происхожденіе, Бернадотъ держался союза съ Россіей, и слѣдовательно опасенія Тургенева въ этомъ случаѣ были напрасны.

— (Стр. 269—270). *Гуго* былъ проректоромъ съ 1 марта 1810 г.

— (Стр. 270). *Тиксенъ* (Tychsen, Thomas Christian, род. 1758), ордин. профессоръ богословія.

— *Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ*, младшій изъ всѣхъ братьевъ Тургеневыхъ (1791—1827), учился вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ въ московскомъ университетскомъ благород. пансіонѣ, причемъ студентомъ пансіонеромъ онъ былъ съ 1804 по январь 1806 г., числясь въ то же время на службѣ въ коллегіи иностран. дѣлъ. До 1810 г. онъ нѣкоторое время снова слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ и учился дома языкамъ. 15 іюня 1810 г. онъ отпущенъ былъ за границу «для окончанія наукъ». Онъ пріѣхалъ въ Геттингенъ вмѣстѣ съ Кавеpинымъ 8 августа (по н. ст.); въ матрикулы онъ записанъ съ 10 сентября 1810 г., оставался въ Геттингенѣ до осени 1812 г. и занимался лекціями столь же усердно, какъ и Н. Ивановичъ. Въ библіотекѣ московскаго университета сохранились его учебныя тетради, находящіяся въ большомъ порядкѣ.

22 іюня 1813 г. онъ поступилъ на службу въ мин-во финансовъ, откуда въ 1816 г. назначенъ членомъ Дрезденской Ликвидаціонной Комиссіи; но съ сентября того же года былъ прикомандированъ (по дипломатической части) къ графу М. С. Воронцову, бывшему командиромъ сводной гренад. дивизіи, стоявшей въ Мобежѣ. Оттуда въ январѣ 1820 г. Тургеневъ назначенъ былъ совѣтникомъ при константинопольской миссіи. Въ маѣ 1825 г. онъ по болѣзни получилъ безсрочный отпускъ и уѣхалъ лечиться въ Германію. Потрясенный извѣстіями объ открытіи заговора декабристовъ, Тургеневъ сошелъ съ ума. Умеръ онъ 2 іюня 1827 г. въ Парижѣ. Изъ многочисленныхъ бумагъ его (дневниковъ, писемъ, проектовъ и проч.) можно судить какъ объ его умѣ, такъ и о его большихъ дарованіяхъ.

— (Стр. 271). *Каверинъ*, Петръ Павловичъ, пріятель Пушкина, въ матрикулы записанъ съ 10 сентября 1810 г. и оставался въ Геттингенѣ столько же, сколько и Сергѣй Ивановичъ, т. е. до осени 1812 г.

— *La Reine de Golconde* — опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ; въ маѣ 1815 г. впервые была поставлена на москов. сценѣ въ переводѣ Вельяшева-Волынцева («Алина, королева Голкондская»).

— *Струве* — чиновникъ изъ русскаго посольства при Вестфальскомъ королѣ. См. письмо его къ Тургеневу на стр. 412—413.

— (Стр. 272). *Löwenburg* — замокъ въ окрестностяхъ Касселя. Онъ выстроенъ въ 1793 г. курфюрстомъ Вильгельмомъ I и, не смотря на сравнительную молодость, производитъ впечатлѣніе стараго, пятисотлѣтняго рыцарскаго замка. Онъ находится на той же горѣ (Wilhelmshöhe), на которой стоитъ и гигантскій Геркулесъ. Послѣдній поставленъ на пирамиду въ 32 метра; отъ подошвы ея до уровня моря считается 523 метра. Самъ Геркулесъ вылитъ изъ мѣди и имѣетъ 10 метровъ высоты. Въ настоящее время тоже можно влѣзть въ его палицу и оттуда поглядѣть въ окошко. Самъ Кассель, столица Вестфальскаго королевства, былъ очень невеликъ и считалъ не болѣе 20.000 чел. жителей.

— (Стр. 273). Отсюда и далѣе до страницы 277-й идетъ программа статьи Тургенева о банкахъ. Что она написана и послана Ал. И. Тургеневу, объ этомъ мы узнаемъ изъ ихъ переписки; но она не дошла до насъ. При составленіи программы и при писаніи своего разсужденія Тургеневъ пользовался, главнымъ образомъ, слѣдующими сочиненіями:

1) *Büsch*. Abhandlung von den Banken. Hamburg, 1784.

2) Его же. Abhandlung vom Geldumlauf. Kiel, 1800.

3) *Thornton*. Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain. Tübing. 1769 — 1785.

4) *Steuart*. Untersuchungen der Grundsätze von der Staatswirtschaft.

5) *Schlözer*. Münz —, Geld —, und Bergwerks - Geschichte des Russischen Kaisertums vom. I. 1700 bis 1789.

— Начинаетъ Тургеневъ свое разсужденіе по Бюшу, пользуясь обѣими указанными книгами, а также попутно и Торнтономъ; вторую половину программы составляетъ по Стюарту и заключаетъ ссылкою на Шлецера.

— (Стр. 277). Въ послѣдній свой семестръ (1810 — 1811) Тургеневъ слушалъ у Гуго: 1) «Encyclopedie der Rechte» и 2) «Code Napoléon» (см. ниже, стр. 478).

— (Стр. 278). Бальгорнъ — см. ниже, примѣч. къ стр. 293. Въ этомъ семестрѣ онъ повидимому велъ практическія занятія по римскому праву.

— (Стр. 278). *Шпитлеръ (Ludwig-Timotheus Freiherr von Spitler)* — нѣмецкій историкъ и государственный дѣятель (1752—1810). Онъ былъ профессоромъ теологіи въ Геттингенѣ съ 1778 по 1797 г. Свою извѣстную книгу «Grundriss der Geschichte der christlichen Kirche» (у Тургенева Kirchengeschichte) онъ издалъ въ 1806 г. Съ 1797 г. Шпитлеръ былъ министромъ у вюртембергскаго герцога и кураторомъ тюбингенскаго университета.

— «Начинаемъ обѣдать у А. И.» — т. е. Ал. Ив. Михайловскаго-Данилевскаго.

— (Стр. 279). *Бутервекъ* (Фридрихъ Bouterwek, 1776—1828), нѣмецкій философъ и историкъ литературы, профессоръ геттингенскаго университета, гдѣ началъ свое преподаваніе въ 1791 г. лекціями по философіи Канта. Въ 1794—1797 гг., оставаясь доцентомъ, много путешествовалъ; въ 1802 г. сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ. Его лекціи по эстетикѣ привлекали много слушателей; ими увлекался и братъ Тургенева, Александръ Ивановичъ, и, кажется, онъ же обратилъ вниманіе своего друга Жуковскаго на книжку Бутервека по эстетикѣ, появившуюся въ 1799—1800 гг. Бутервекъ извѣстенъ также своими романами, изъ которыхъ особенно читался: «Graf Donamar» (2 т. Гетт. 1791 — 1792, 2-е изд. 3 тт. 1798—1800 г.). Въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ онъ сначала является ревностнымъ кантіанцемъ, а потомъ становится ближе къ Якоби. Полезный вкладъ въ науку сдѣлалъ онъ своей «Geschichte der neuern Poesie und Beredsamkeit» (12 т., Гетт. 1800—1819). Въ 1818 г. въ Геттингенѣ вышли его «Kleine Schriften» съ автобіографіей.

— *Гёде* (Christian August Gottlieb Göde, 1774—1812), талантливый профессоръ уголовнаго права въ геттингенскомъ университетѣ. Образованіе получилъ въ Лейпцигѣ, нѣкоторое время жилъ въ Англіи (1802—1803), а съ 1807 г. и до кончины былъ ординарнымъ профессоромъ правъ въ Геттингенѣ. Кромѣ курсовъ по своей спеціальности (уголовное право) Гёде читалъ курсы и по другимъ наукамъ, напр.: церковное право (Kirchenrecht), о краснорѣчіи (Juristische und polit. Redekunst). Впослѣдствіи, въ своемъ сочиненіи «La Russie et les Russes» Тургеневъ восторженно отзывается о лекціяхъ Гёде и называетъ его даже геніальнымъ (Russie, I, 560).

— *Бекманъ* (Iohann Beckmann 1739—1811), профессоръ политич. экономіи и технологіи въ геттинген. университетѣ. Онъ сначала изучалъ богословіе, потомъ естественныя науки; въ 1763—1765 гг. состоялъ преподавателемъ физики и естественной исторіи при евангелической гимназіи въ Петербургѣ. Былъ въ Швеціи, гдѣ подружился съ Линнеемъ, и, по возвращеніи въ Германію, сдѣлался профессоромъ политич. экономіи въ Геттингенѣ. Бекмана считаютъ основателемъ науки технологіи, которая обязана ему своимъ названіемъ. Онъ написалъ рядъ сочиненій по сельскому хозяйству, технологіи, торговлѣ, товаровѣдѣнію и т. д., пользовавшихся въ свое время успѣхомъ.

(Стр. 281). *Штендеръ*, курляндецъ-юристъ, бывшій студентомъ гетттинг. университета съ 1808 г. и уволенный за дуэли въ сентябрѣ 1809 г., — см. выше, примѣчаніе къ стр. 223. Лѣтомъ 1811 г., во время своего путешествія, Тургеневъ видѣлся съ нимъ въ Гейдельбергѣ.

— *Шишковъ*, Александръ Семеновичъ, писатель и государственный дѣятель (1754 — 1841). Его «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», которымъ такъ восхищается Тургеневъ, — появилось въ печати въ 1803 году.

— (Стр. 282). *Мартыновъ,* Иванъ Ивановичъ, переводчикъ и журналистъ (1771—1833). Въ 1804—1805 гг. онъ издавалъ «Сѣверный Вѣстникъ», въ которомъ дѣйствительно есть критика—отвѣтъ Шишкову; но она принадлежитъ не самому Мартынову, а Каченовскому (Сѣверный Вѣстн., 1804, № 1; см. объ этомъ у Галахова, ист. р. лит. т. II, стр. 72, 2-е изд.).

— *Макаровъ,* Петръ Ивановичъ, артиллеріи полковникъ, писатель (1765—1804). Былъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы», издавалъ въ 1803 г. журналъ «Московскій Меркурій». Его разборъ на книгу Шишкова о древнемъ россійскомъ слогѣ появился въ печати въ томъ же 1803 г., именно въ «Московскомъ Меркуріи» (1803, № 12). Исходная мысль критика — непрерывное развитіе языка, которое Макаровъ противополагаетъ установленности, поддерживаемой Шишковымъ. Всѣ языки съ теченіемъ времени мѣняются и ветшаютъ. Изъ общаго закона не изъятъ и нашъ языкъ. Тургеневъ слишкомъ строго и несправедливо относится къ критикѣ Макарова; по крайней мѣрѣ Галаховъ, въ своей исторіи литературы (т. II, стр. 71, изд. 2-е), считаетъ критику Макарова основательной.

— *Домбровскій*—м. б. польскій генералъ, потомъ сенаторъ (1755—1818), жившій съ 1814 по 1816 г. въ Россіи.

— «Отвѣты Шишкова», о которыхъ говоритъ Тургеневъ, появились въ 1804 г. подъ заглавіемъ: «Прибавленіе къ сочиненію, называемому «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу, съ примѣчаніями на оныя». Вѣроятно эту книгу и имѣлъ Тургеневъ въ рукахъ, тамъ-то онъ и прочиталъ критику на Шишкова.

— (Стр. 283). Уже съ XII в. Лейпцигъ имѣлъ привилегированные базары, принявшіе въ XV в. характеръ ярморокъ. На Лейпцигскую ярморку охотно пріѣзжали (да и теперь пріѣзжаютъ) русскіе купцы. Тургеневу очевидно пріятно повидать не только ярморку, но и кого-нибудь изъ знакомыхъ московскихъ купцовъ.

— Къ сожалѣнію въ бумагахъ Тургенева намъ не удалось отыскать описанія его путешествія въ Голландію.

— (Стр. 284). Въ свой пятый (и послѣдній) семестръ Тургеневъ слушалъ слѣдующіе курсы, какъ это видно по его дневнику, письмамъ къ брату и особенно по запискамъ его лекцій: 1) *Гуго* — Римское право, 2) *Гуго* — Code Napoléon, 3) *Гёде* — О краснорѣчіи, 4) *Гёде* — Церковное право, 5) *Бутервекъ,* — Эстетика, 6) *Бекманъ* — Наука о торговлѣ и 7) *Арто* — Исторія французской литературы.

— Курсъ Гёде о краснорѣчіи въ запискахъ лекцій, составленныхъ Н. И. Тургеневымъ, озаглавленъ такъ: «Juristische und Politische Redekunst. N. Turgenew. 31 October 1810 (Göde)».

— Какое именно изъ сочиненій Людера купилъ Тургеневъ, опредѣлить точно нельзя, но можно предполагать какое-ниб. одно изъ слѣдующ. сочиненій этого профессора: 1) Einleitung in die Staatzkunde, nebst einer Statistik der vornehmsten europäischen Reiche, 2) Ueber Nationalindustrie und Staatswirtschaft nach Adam Smith (3 Bb. 1800—1804), 3) Geschichte des holländischen Handels. 1788.

— (Стр. 285). Тургеневъ могъ купить слѣдующее сочиненіе Фіорилло: Geschichte der zeichnenden Künste von ihrer Wiederauflebung bis auf die neusten Zeiten. 5 Bde. 1798—1808.

— У Бекмана въ этотъ семестръ Тургеневъ слушалъ Науку о торговлѣ (Handlungswissenschaft), у Бутервека — эстетику.

— *Арто* (Franz Solange Artaud, род. 1769), эмигрировалъ изъ Франціи въ 1791, въ Геттингенѣ поселился съ 1794 г., гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ въ 1794—1798 гг. Въ 1799 г. сдѣланъ вторымъ лекторомъ француз. языка въ университетѣ, въ 1805 г. — экстраординарнымъ и въ 1819 — ординарнымъ проф. французскаго языка и литературы. Тургеневъ въ 1811 г. писалъ у него рефератъ: «Раздѣленіе Montesquieu правилъ правленій» (см. стр. 294).

— *Шишкова* Тургеневъ читалъ очевидно то же сочиненіе, которое упомянуто выше, см. примѣчаніе къ стр. 281 — 282.

— (Стр. 287). Къ сожалѣнію, наброска этой диссертаціи, упомянутой здѣсь, не имѣется въ бумагахъ Тургенева.

— Свое намѣреніе «заманить П—бургскихъ молодыхъ людей къ политическимъ наукамъ посредствомъ лекцій» Тургеневъ, повидимому, до нѣкоторой степени осуществилъ; по крайней мѣрѣ у насъ имѣется свидѣтельство Вигеля (въ его Запискахъ) о томъ, что Тургеневъ пользовался огромнымъ авторитетомъ среди молодежи и въ своемъ кабинетѣ что-то такое «изрекалъ» имъ.

— Здѣсь Тургеневъ упоминаетъ о примѣненіи континентальной системы въ Германіи; она введена, какъ извѣстно, Наполеономъ I съ цѣлію подорвать торговлю Англіи и тѣмъ ослабить ее.

— (Стр. 288). *Denina* (Джакомо Карло), итальянскій историкъ, библіотекарь Наполеона I (1731—1813). Былъ профессоромъ гуманитарныхъ наукъ въ Пиньеролѣ, потомъ въ Туринѣ, но лишился каѳедры вслѣдствіе интригъ духовенства. Приглашенный Фридрихомъ II въ Берлинъ, былъ членомъ тамошней академіи наукъ, потомъ каноникомъ въ Варшавѣ, наконецъ императорскимъ библіотекаремъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ. Его сочиненіе: «Delle revoluzioni d'Italia» (1769—1770) и теперь имѣетъ значеніе. Ему принадлежитъ между прочимъ «Russiada», воспѣвающая Петра Великаго.

— (Стр. 289). *Гамбургъ* былъ присоединенъ къ Франціи въ 1810 г. и оставался въ рукахъ французовъ до мая 1814 г.

— *Мюллеръ* (Iohann Müller, 1752—1809)—извѣстный историкъ. Служилъ въ Вѣнѣ въ государ. тайн. канцеляріи и въ импер. библіотекѣ; потомъ былъ исторіографомъ въ Берлинѣ (съ 1804 г.), гдѣ ему поручено было написать исторію Фридриха II. Послѣ битвы при Іенѣ назначенъ былъ министромъ новаго вестфальскаго королевства. Его историческіе труды представляютъ рѣдкое соединеніе упорнаго трудолюбія и творческой фантазіи. Лучшее сочиненіе Мюллера — то, которое упомянуто здѣсь Тургеневымъ, а именно: «Schweizergeschichte» (въ новой обработкѣ: «Geschichte der schweiz. Eidgenossenschaft», т. 1—5, Лейпц. 1786 — 1808). Достоинства этого труда всѣми признаны, хотя они умаляются нѣсколько недостаткомъ критики, не вездѣ одинаково сильными описаніями и шероховатымъ, отрывистымъ, подчасъ неяснымъ и тяжеловатымъ изложеніемъ. Въ 1809 г. была напечатана біографія Мюллера, написанная проф. Геереномъ. Этотъ послѣдній вѣроятно и натолкнулъ Тургенева на книгу Мюллера.

— «Плохо поговариваютъ о политическихъ обстоятельствахъ...» — этими словами Тургеневъ намекаетъ на порчу дружественныхъ отношеній между Россіей и Франціей и на слухи о предстоящей войнѣ.

— (Стр. 292). Тиксенъ избранъ былъ проректоромъ на мѣсто Эйхгорна.

— *Петръ Павловичъ Каверинъ* занимался науками не особенно усердно; это видно не только изъ словъ Тургенева, но и изъ его учебныхъ тетрадей, въ которыхъ онъ записывалъ лекціи профессоровъ. Тетради тощи, а записи ведены были небрежно; онѣ сохранились вмѣстѣ съ бумагами братьевъ Ал. и С. Тургеневыхъ и хранятся въ библіотекѣ московскаго университета.

— (Стр. 293). Въ зимній семестръ 1810—1811 гг. студентовъ-курляндцевъ было 12 человѣкъ, а именно: Клапмейеръ, Клейпъ, Круммесъ, Сакенъ, Шиманнъ, Шмелингъ, Штемпель, два Штромберга, два Торнау и Слефогтъ. Штендеръ, упомянутый здѣсь Тургеневымъ, не состоялъ студентомъ геттингенскаго университета, а только временно жилъ въ Геттингенѣ: въ лѣтній семестръ 1811 г., какъ сказано выше, онъ уже состоялъ студентомъ въ Гейдельбергѣ. Туда же къ маю 1811, т. е. на лѣтній семестръ, пріѣхали еще оба Торнау и Шмелингъ. Всѣхъ ихъ Тургеневъ навѣстилъ, ѣдучи во Францію (см. его дневникъ во второмъ томѣ его бумагъ, стр. 35—36). Изъ всѣхъ курляндцевъ Тургеневъ повидимому особенно любилъ Штендера и Шмелинга. Съ послѣднимъ позже (въ 1819 г.) онъ былъ еще въ перепискѣ.

— *Бальгорнъ* (Friedrich Balhorn), прив. доцентъ геттингенскаго университета (род. 1774 г.). Съ 1803 г. онъ—докторъ юридическихъ наукъ, съ 1804—ассессоръ въ коллегіи юрисконсультовъ, 1807 г.—членъ вестфальской консисторіи въ Геттингенѣ, съ 1817 г.—директоръ канцеляріи въ Детмольдѣ. Во времена Тургенева Бальгорнъ велъ практическія занятія со студентами по римскому праву (см. стр. 297). Онъ ли тотъ адвокатъ Бальгорнъ, о которомъ упоминаетъ Тургеневъ на стр. 269,—сказать трудно.

— Изъ дневника Тургенева выходитъ, что Бекманъ умеръ 2 февраля (1811 г.); тогда какъ у Пюттера (Versuch einer Gelehrtengeschichte von Georgia Augusta, III, 102) смерть его отнесена къ 4 февр. Ошибка вѣроятно на сторонѣ Тургенева.

— Здѣсь Тургеневу впервые (если не считать неяснаго намека на стр. 287) приходитъ мысль написать сочиненіе о налогахъ,—мысль, правда, еще неясная, расплывчатая; онъ думалъ писать не объ однихъ налогахъ, а и о капиталахъ, о трехъ системахъ, о кредитѣ и проч. См. также стр. 296.

— (Стр. 294). Изъ другихъ бумагъ Тургенева видно, что онъ читалъ и дѣлалъ выписки изъ сочиненій историка *Гейнриха*. Христіанъ-Готлибъ Гейнрихъ (1748—1810) извѣстенъ своими учебниками исторіи и ссорой съ поэтомъ Шиллеромъ, котораго не хотѣлъ признавать какъ профессора исторіи. Тургеневъ читалъ два его сочиненія: «Geschichte von Frankreich» (1802 — 1804) и «Geschichte von England» (1806—1810). См. ниже стр. 466.

— *Бапстъ* (Pabst)—студентъ-медикъ, лифляндецъ, учившійся въ Геттингенѣ съ окт. 1808 по сент. 1809 и съ 19 мая 1810 по февр. 1811 г. *Шмелингъ*—тоже студентъ-юристъ изъ Курляндіи, учившійся въ Геттингенѣ съ 6 окт. 1810 г. по май 1811 г. Потомъ онъ переѣхалъ въ Гейдельбергъ. *Штромберговъ* было два брата; они вступили въ университетъ 16 окт. 1810 г. и оставались до осени 1811 г., а потомъ переѣхали въ Эрфуртъ. Оба — юристы. *Бернеръ*, котораго Тургеневъ называетъ курляндцемъ, въ квартирныхъ спискахъ записанъ лифляндцемъ (съ 24 іюня 1810 г.) и оставался въ университетѣ только до мая 1811 г.

— *Арто*—см. выше, примѣчаніе къ стр. 285.

— (Стр. 295). *Поттъ* (David Iulius Pott, род. 1760), профессоръ теологіи, учился въ Геттингенѣ, былъ проф. въ Гельмштетѣ и съ 1810 г. ордин. профессор. въ Геттингенѣ.

— Изъ дневника Тургенева не видно, когда Куницынъ уѣхалъ изъ Геттингена въ Парижъ; но можно предполагать, что по окончаніи зимняго семестра 1809 — 1810 г., такъ какъ далѣе онъ не упоминается.

— *Коленкуръ* (Арманъ Огюстъ Луи de Caulaincourt, 1772 — 1821) — герцогъ Виченцы, французскій дипломатъ. Посломъ при петербургскомъ дворѣ онъ былъ съ 1807 по 1810 г. Когда между имп. Александромъ и Наполеономъ произошелъ разладъ, Коленкуръ старался уладить дѣло, но безуспѣшно, вслѣдствіе чего подалъ въ отставку. Наполеонъ упрекалъ его въ руссофильствѣ; несомнѣнно одно, что Коленкуръ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ имп. Александромъ, но въ русскомъ обществѣ онъ, какъ французъ, встрѣчалъ самый холодный пріемъ. Коленкуръ былъ отозванъ и представилъ свои отзывныя грамоты 29 апр. (11 мая) 1811 г.

— *Лористонъ* (маркизъ de Lauriston, 1768—1828), маршалъ Франціи. Онъ былъ товарищемъ Наполеона по артиллерійской школѣ, участвовалъ въ компаніяхъ 1805 и 1809 гг. Въ 1811 былъ посломъ въ Петербургѣ. Во время отступленія французской арміи изъ Россіи Лористонъ командовалъ арьергардомъ.

— Два брата *Торнау*, курляндцы, записались въ геттингенскій университетъ съ 31 окт. 1810 г.; оба—камералисты и оставались въ Геттингенѣ только одинъ семестръ (до апрѣля 1811 г.), а потомъ переѣхали въ Гейдельбергъ (см. стр. 299). Студентъ *Плюсно* — не изъ Остзейскихъ губерній.

— (Стр. 296). Такимъ образомъ первый набросокъ своего сочиненія о налогахъ Тургеневъ сдѣлалъ еще въ Геттингенѣ въ концѣ послѣдняго (5-го) семестра. О матеріалахъ, которыми пользовался Тургеневъ въ это время, см. ниже, а именно списокъ книгъ, прочитанныхъ имъ.

— О Куницынѣ см. выше примѣчаніе къ стр. 129.

— *Яковлевъ*, Левъ Алексѣевичъ (1764 — 1833), былъ посланникомъ (послѣ князя Репнина) при королѣ вестфальскомъ Іеронимѣ, потомъ сенаторомъ.

— Кайдановъ — см. выше, примѣчаніе къ стр. 215.

— Послѣдняя дата—13 [Апрѣля]. Суббота — сдѣлана несомнѣнно по старому стилю, такъ какъ въ 1811 г. пасха была дѣйствительно 14 апрѣля. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что въ этомъ мѣстѣ даты, обозначенныя цифрой подъ черточкой, сдѣланы по старому стилю; что Тургеневъ, садясь за дневникъ, предварительно высчитывалъ, какое въ тотъ моментъ число мѣсяца по старому, и выставлялъ его въ своемъ дневникѣ. И кажется, такое обыкновеніе онъ завелъ съ пріѣздомъ брата Сергѣя и Каверина.

— (Стр. 299). «Прошелся до Вѣнскихъ воротъ» — Тургеневъ хотѣлъ сказать: «до Вендскихъ воротъ» (Wender-Thor), лежащихъ въ сѣверной части города.

— *Корона* — ресторанъ на Вендской улицѣ.

— *Prinzen-Haus* находится на Prinzenstrasse (№ 2) и названъ такъ, кажется, потому, что въ немъ жили во время своего студенчества (1786—1791 гг.) трое сыновей англійскаго короля Георга III, принцы Эрнстъ Августъ Кумберландскій, Августъ Суссекскій и Адольфъ Кембриджскій. Тамъ жилъ также баварскій кронпринцъ Максимиліанъ (впослѣдствіи король Максимиліанъ II).

— «Цѣлый день читалъ Смита», т. е. книгу Адама Смита о богатствѣ народовъ. Есть основаніе думать, что Тургеневъ читалъ ее во французскомъ переводѣ Гарнье (1802 или 1805 г.).

— (Стр. 300). *Дрансфельдъ* — городъ, находящійся къ юго-зап. отъ Геттингена, въ разстояніи около 15 килом. *Мюнденъ* — городъ, лежащій еще югозападнѣе, на рѣкѣ Везерѣ, т. е. при сліяніи Фульды и Верры, километрахъ въ 10 отъ Дрансфельда, приблизительно на полпути между Геттингеномъ и Касселемъ.

— *Münchhausen*, — основатель, устроитель и первый кураторъ геттингенскаго университета (1734 — 1770).

— (Стр. 301). «Русскаго посланника» при дворѣ «короля Еремы» — т. е. Яковлева, см. выше, примѣчаніе къ стр. 296.

— (Стр. 303). Виллерсъ — см. ниже примѣчаніе къ стр. 325.

— (Стр. 304). «Послѣднее письмо», которое лишило Тургенева надежды «еще разъ увидѣть незабвенное мѣсто», было отъ брата Александра Ивановича; оно послано изъ Петербурга и имѣется въ архивѣ Тургеневыхъ (№ 1209).

— (Стр. 307). *Блакстонъ* (серъ Вильямъ Blackstone), англійскій юристъ (1723—1780). Его перу принадлежитъ знаменитая книга: «Commentaries on the Laws of England» (4 тт. Oxford. 1765—1768; есть и рус. переводъ Десницкаго: «Истолкованіе англійскихъ законовъ г. Блакстона». 3 т. М. 1780—1782).

Въ этомъ сочиненіи говорится и о налогахъ. Изъ другихъ бумагъ Тургенева видно, что именно эту книгу онъ читалъ, а не другую какую-либо.

— *Сакенъ,* курляндецъ-студентъ геттинг. университета, поступившій съ зимняго семестра 1810 — 1811 г. и пробывшій въ университетѣ непрерывно до конца 1813 г.

— Александръ Ивановичъ — т. е. Данилевскій.

— *Штруве* — секретарь рус. посольства въ Касселѣ, см. выше.

— Изъ слѣдующей книги дневниковъ видно, что Тургеневъ и Данилевскій выѣхали изъ Геттингена 10/22 іюня 1811 г. на Лейпцигъ, гдѣ они 15/27 іюня разстались: Данилевскій отправился въ Россію, а Тургеневъ — въ свое путешествіе по Европѣ (см. 2-й томъ дневниковъ Тургенева. стр. 11).

— (Стр. 311). На эти письма брата Александръ Ивановичъ Тургеневъ отвѣчалъ очень аккуратно, и въ Архивѣ Тургеневыхъ сохранилось всего 37 писемъ, посланныхъ Николаю Ивановичу въ Геттингенъ.

— Ропша и имп. Петръ III — см. выше примѣчаніе къ стр. 129. — Александръ Ѳедоровичъ — очевидно Воейковъ. Борисъ — очевидно Тургеневъ, двоюродный братъ Тургеневыхъ, см. выше примѣчаніе къ стр. 12.

— (Стр. 313). «Видѣлъ домъ, гдѣ жилъ Государь» — т. е. имп. Александръ I. — *А. Ѳ. Малиновскій*, начальникъ Тургенева по архиву иностр. коллегіи, см. выше примѣчаніе къ стр. 98.

— (Стр. 314). «Видѣть короля» — т. е. Фридриха-Вильгельма III Прусскаго, проживавшаго съ 1807 г. въ Кёнигсбергѣ.

— «Здѣшній кронпринцъ» — т. е. Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ Германскій (съ 1871 г.).

— (Стр. 315). *Матвѣй Яковл. Мудровъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 130. Онъ извѣстенъ былъ своею набожностью; вѣроятно былъ и «напитанъ» масонствомъ, такъ какъ былъ очень хорошъ съ Ив. Петр. Тургеневымъ.

— (Стр. 316). Здѣсь Тургеневъ вѣроятно ошибся: аллея *Unter den Linden* простирается не до Магдебургскихъ, а до Бранденбургскихъ воротъ.

— (Стр. 317). Студентъ Педагогическаго Института, ѣхавшій въ Гельмштедтъ, былъ конечно А. И. Галичъ, слѣдовательно съ нимъ случилось то несчастіе, о которомъ упоминаетъ Тургеневъ. — О поѣздкѣ Тургенева въ Потсдамъ см. выше его дневникъ, стр. 162—163.

— По пріѣздѣ въ Геттингенъ Тургеневъ поселился очень близко отъ университета, на Buchstrasse (теперь Theaterstrasse) у хозяйки Bieler (см. квартир. списки студентовъ геттинг. унив. въ рукоп. отдѣленіи геттинг. университета).

— *Тургеневъ*, Александръ Михайловичъ, учился въ Геттингенѣ съ 12 авг. 1804 г. до зимняго семестра 1805—1806 г. Въ квартир. спискахъ студентовъ къ 16 ноября 1805 г. его фамилія не встрѣчается. По ошибкѣ Тургеневъ сообщаетъ брату, что онъ поселился «bei Bühler in der Kupferstrasse». Послѣдняя улица служитъ продолженіемъ Buchstrasse. Впослѣдствіи Тургеневъ поселился на Grohnderstrasse (въ южной части города). См. примѣчаніе къ стр. 180.

— (Стр. 317—318). *Шлецеръ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 183. Что Шлецеръ ни слова не спросилъ у Тургенева о своемъ сынѣ, Христіанѣ Шлецерѣ, профессорѣ московскаго университета, можно объяснить тѣмъ, что сынъ-Шлецеръ уѣхалъ въ Россію вопреки желанію отца. См. A. L. v. Schlözers öffentl. und Privatleben (Leipzig 1828, s. VIII).

— *Христіанъ Готлибъ Гейне* (1729—1812), профессоръ геттингенскаго университета, филологъ и историкъ. Въ то время онъ былъ ректоромъ. Гипсовый бюстъ его, находящійся въ университетской библіотекѣ, сильно напоминаетъ бюстъ Юлія Цезаря.

— *Іоганнъ Готфридъ Эйхгорнъ* (род. 1752 г.) былъ проф. восточныхъ языковъ.

— Въ матрикулахъ дѣйствительно сохранился слѣдъ того, о чемъ говоритъ здѣсь Тургеневъ: первоначальная цифра зачеркнута и надъ ней написана другая. Тургеневъ записался въ число студентовъ 3 сентября (1808 г.) и стоитъ въ матрикулахъ зимняго семестра (1808—1809 гг.) подъ № 1. Повидимому и запись-то сдѣлана имъ собственноручно («Nicolay Turgenew. (Vater) Geheimer Rath zu Moskau bereits verstorben. Meiner Mutter Wohnhaft in Moskau. Aus Russland. Philosophie»). Рядомъ съ нимъ, подъ № 2 и въ тотъ же день записался его пріятель Воронковскій.

— Говоря, что «русскихъ (студентовъ) теперь здѣсь 14 или 15 человѣкъ», Тургеневъ очевидно включаетъ сюда и уроженцевъ прибалтійскихъ губерній. По матрикуламъ и квартирнымъ спискамъ видно, что въ зимній семестръ, къ 12 ноября 1808 г., въ Геттингенѣ было: русскихъ 10 чел. (Болдыревъ, Бутырскій, Кайдановъ, Кастальскій, Куницынъ, Плисовъ, Подзорскій, Тимковскій, Тургеневъ и Воронковскій), изъ Россіи (но не русскихъ) — 1 (Ѳ. Я. Рандъ), эстляндцевъ — 1 (Мойеръ), лифляндцевъ — 6 и курляндцевъ тоже 6 чел., а всего было «русскихъ» студентовъ 24 человѣка. Чисто русскихъ студентовъ больше этой цифры дѣйствительно никогда не было, ни до, ни послѣ. Но если считать и остзейцевъ за русскихъ, то наибольшее число студентовъ изъ Россіи было въ 1806—1807 гг. а именно 47 человѣкъ (русскихъ 4, изъ Россіи 2, эстляндцевъ 13, лифл. 11 и курляндцевъ 17 чел.).

— Ал. Ив. Михайловскій-Данилевскій — см. выше примѣчаніе къ стр. 182. Любопытно отмѣтить, что Данилевскій, поселившійся въ Геттингенѣ одновременно съ Тургеневымъ, не былъ однако имматрикулированъ ни въ 1808 г., ни въ первой половинѣ 1809 г.; его имя появляется въ матрикулахъ только съ 16 ноября 1809 г. Поселился онъ еще ближе къ университету, а именно у Dieterich на Prinzenstrasse — тамъ, гдѣ годъ спустя водворились младшій Тургеневъ и Каверинъ.

— А. В. Болдыревъ — см. выше примѣчаніе къ стр. 190. Въ матрикулахъ геттингенскаго университета подъ 8 октября 1807 г. значится, что «родителемъ его» былъ «Stab-Chirurgus in Poltawischen Gouvernement», и что самъ онъ пріѣхалъ изъ Москвы.

— *Кайсаровъ,* Андрей Сергѣевичъ. См. ниже примѣчаніе къ стр. 348.

— Бенеке — см. выше примѣчаніе къ стр. 183.

— (Стр. 319). Въ первый свой семестръ Тургеневъ слушалъ два курса, читанные проф. Гееренομъ: 1) Das alte Geschichte и 2) Staaten-Geschichte. Статистику у него Тургеневъ слушалъ впослѣдствіи, а по русской исторіи Геренъ совсѣмъ не читалъ лекцій.

— *Marienspring* и Плесса — см. выше примѣчаніе къ стр. 183 — 184.

— *Розенкампфъ* (баронъ Густавъ Андреевичъ, 1762 — 1832) — главный секретарь и первый референдарій (съ 1804 г.) коммиссіи составленія законовъ. Съ 1808 г., послѣ преобразованія коммиссіи, онъ сдѣланъ начальникомъ гражданскаго ея отдѣленія, чѣмъ былъ крайне недоволенъ.

— (Стр. 320). *Гусятниковъ* — москвичъ, записанъ студентомъ геттингенскаго университета съ 2 іюня 1802 г. и оставался до лѣтняго семестра 1805 г. Онъ жилъ у Wenderthor и повидимому не особенно сходился съ своими земляками А. И. Тургеневымъ, Двигубскимъ, Воиновымъ и Кайсаровымъ.

— (Стр. 322). *Янишинъ,* къ которому собирался Кассіусъ, можетъ быть тотъ самый, который въ 1802 — 1804 гг. учился въ Геттингенѣ. Ал. И. Тургеневъ часто вспоминаетъ его въ своихъ дневникахъ и письмахъ.

— (Стр. 324). Въ архивѣ Тургеневыхъ сохранилась въ черновомъ видѣ часть перевода книги Геерена, сдѣланнаго Н. Тургеневымъ.

— (Стр. 325). *Виллерсъ* (Carl Franz Dominicus von Villers, 1764 — 1815), профессоръ геттингенскаго университета. Его книга «Philosophie de Kant» напечатана въ 1801 г., а его переводъ книги Геерена («Essai sur l'influence des croisades, traduit de l'allemand de M-r Héeren») появился въ печати въ Парижѣ въ 1807 г.

— Сперанскій въ 1808 г. сдѣланъ управляющимъ Коммиссіи составленія законовъ, гдѣ служилъ братъ Тургенева.

— (Стр. 326). *Гено,* т. е. Henault, см. выше примѣчаніе къ стр. 193.

— *Генрихъ* (Христіанъ-Готлибъ Heinrich, 1748 — 1810), нѣмецкій историкъ, профессоръ исторіи въ іенскомъ университетѣ, извѣстенъ былъ своими учебниками исторіи. Здѣсь Тургеневъ упоминаетъ его книгу «Geschichte von Frankreich» (1802—1804). См. выше примѣчаніе къ стр. 294.

— (Стр. 328). Что братъ Куницына, о которомъ здѣсь говорится, находился въ 1808 г. въ большомъ затрудненіи, можно заключить также изъ слѣдующей собственноручной его подписи: «Его Превосходительству Милостивому Государю Матвѣю Ивановичу Талызину — въ память покойнаго автора [т. е. Ал. П. Куницына] и въ знакъ глубочайшей признательности за участіе въ

судьбѣ брата его, оказанное ему въ памятный годъ 1808-й, въ годину его одиночества въ С.-П—бургѣ. 24 Іюня 1848». Подпись эта сдѣлана на книжкѣ Ал. П. Куницына: «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи», очевидно подаренной Талызину братомъ автора.

— (Стр. 330). *Шварцъ*, Иванъ Ивановичъ, русскій консулъ въ Лейпцигѣ, былъ давнишній пріятель Ив. Петр. Тургенева и потому особенно внимательно относился къ братьямъ-Тургеневымъ. См. письма Ал. И. Тургенева, печатаемыя теперь академикомъ В. М. Истринымъ.

— *Булгаковъ*, Константинъ Яковлевичъ (1781—1863), служилъ въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ одно время съ Андреемъ Ив. Тургеневымъ и былъ друженъ съ его кружкомъ.

— (Стр. 331). Недовольство Тургенева на то, что «какіе-то нѣмцы хотятъ давать законы Русскимъ»,— имѣло полное основаніе, такъ какъ Розенкампфъ и другіе подобранные имъ нѣмцы, не зная ни русскихъ законовъ, ни даже русскаго языка, дѣйствовали очень медленно и безуспѣшно. Только Сперанскій оживилъ работы Комиссіи.

— (Стр. 332). Здѣсь Тургеневъ повидимому ошибся, говоря, что будетъ слушать у Сарторіуса естественное право: этотъ профессоръ не читалъ такого курса.

— *Мартенсъ* (род. 1756)—профессоръ международнаго права (дипломатики).

— *Вальдекъ* (Iohann Peter Waldeck, 1751—1815)—профессоръ римскаго права въ Геттингенѣ.

— (Стр. 334). Михаилъ Никитичъ *Муравьевъ* былъ попечителемъ московскаго университета съ 1802 по 1807 годъ.

— (Стр. 337). О *Вейденгамеръ* см. выше примѣчаніе къ стр. 203.

— (Стр. 339 — 345). Описаніе эрфуртскаго свиданія двухъ императоровъ нигдѣ не было напечатано, хотя оно, по всѣмъ признакамъ, писано для печати. См. выше, стр. 186 — 190.

Эрфуртъ былъ въ рукахъ французовъ съ 1806 по 1814 гг., потомъ перешелъ къ Пруссіи. Университетъ, о разгромѣ котораго упоминаетъ Тургеневъ, просуществовалъ недолго и въ 1816 г. былъ закрытъ.

— *Принцъ (князь) Примасъ*—очевидно майнцкій намѣстникъ, управлявшій Эрфуртомъ до 1803 г., когда городъ перешелъ къ пруссакамъ и потомъ французамъ.

— (Стр. 346). Описаніе праздника русскихъ студентовъ сдѣлано и въ дневникѣ (см. выше, стр. 206), но тамъ генералъ Лестенъ названъ по ошибкѣ Лестокомъ.

— (Стр. 347). Прусская королевская чета со своею свитою пріѣхала въ Петербургъ 26 декабря 1808 г. (7 янв. 1809 г. по н. ст.).

— О Н. Н. *Новосильцовѣ* см. выше примѣчаніе къ стр. 80.

— (Стр. 348). *Кайсаровъ*, Андрей Сергѣевичъ (1782—1813), писатель, воспитанникъ московскаго благороднаго пансіона. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ старшими Тургеневыми, Андреемъ и Александромъ. Съ послѣднимъ онъ учился въ Геттингенскомъ университетѣ и путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Изъ университетскихъ матрикулъ и квартирныхъ списковъ студентовъ видно, что Кайсаровъ записался на юридическій факультетъ и пробылъ въ геттингенскомъ университетѣ съ 11 октября 1802 до апрѣля 1804 и съ

февраля 1805 по апрѣль 1806 г., т. е. пять семестровъ. Пріѣхавши въ Геттингенъ безъ серьезнаго намѣренія заниматься науками и даже неясно сознавая, какія науки ему болѣе по душѣ, онъ однако увлекся лекціями профессоровъ и занимался весьма серьезно и въ 1804 г. напечаталъ въ Геттингенѣ книжку: «Versusch einer Slavischen Mythologie», а въ концѣ своего вторичнаго пребыванія въ Геттингенѣ (1806 г.) онъ получилъ степень доктора за свою диссертацію (на латинскомъ языкѣ) объ освобожденіи крестьянъ (Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis), которую посвятилъ имп. Александру I. Въ 1811—1812 гг. Кайсаровъ былъ профессоромъ русскаго языка въ дерптскомъ университетѣ. Въ архивѣ Тургеневыхъ есть много интересныхъ писемъ Кайсарова къ Ивану Петр. и Андрею Ив. Тургеневымъ; много о немъ говоритъ и Ал. Ив. Тургеневъ въ своихъ письмахъ и дневникѣ, издаваемыхъ академикомъ В. М. Истринымъ. См. статьи послѣдняго въ Журн. Мин. Н. Просв. 1910, №№ 3 и 7. О докторской диссертаціи Кайсарова см. отзывъ В. И. Семевскаго (Крестьянскій вопросъ въ Россіи, СПб. 1888, т. I). Кайсаровъ имѣлъ очень веселый нравъ и оставилъ въ Геттингенѣ много пріятелей. См. выше стр. 362 (примѣчаніе).

— Переводъ книжки Сарторіуса, сдѣланный Тургеневымъ, не удалось найти въ архивѣ Тургеневыхъ.

— (Стр. 350). Новое сочиненіе Геерена, которое Тургеневъ послалъ брату, было вѣроятно «Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems und seiner Colonien, von der Entdeckung beider Indien bis zur Errichtung des französischen Kaiserthrons», напечатанное въ 1809 г.

— О Вейденгамерѣ см. выше примѣчаніе къ стр. 203.

— (Стр. 351). Сочиненіе Гольдсмита, упомянутое Тургеневымъ, носитъ такое заглавіе: «The history of England». (Vol. I—IV. London 1771).

— Шлецеръ продолжалъ въ это время печатать своего «Нестора».

— (Стр. 352). «Посланные отъ [московскаго] Университета», уѣзжавшіе въ это время въ Россію, были: Болдыревъ и Рандъ.

— (Стр. 353). Любопытенъ отзывъ Тургенева о «петербургскихъ студентахъ» (изъ Педагогич. института). Повидимому онъ дружилъ только съ Куницынымъ, Бутырскимъ и Воронковскимъ, а къ Кайданову, Кастальскому, Подзорскому и Плисову относился совершенно равнодушно, и это не смотря на то, что съ Плисовымъ (да и съ Кайдановымъ) онъ изучалъ однѣ и тѣ же науки.

— (Стр. 354). *Шлецеръ* не сдержалъ своего слова и не читалъ лекцій, такъ какъ скоро умеръ. См. стр. 375.

— (Стр. 355). *«Министръ Миллеръ»*, т. е. Іоганнъ Мюллеръ, извѣстный историкъ, бывшій министромъ вестфальскаго королевства. См. о немъ выше примѣчаніе къ стр. 289. Профессоръ Гейне былъ въ это время ректоромъ университета въ Геттингенѣ.

— *Beck* (Христіанъ-Даніель, 1757—1832), знаменитый ученый, стоявшій съ 1799 г. и до самой смерти во главѣ лейпцигской филологической семинаріи. Онъ написалъ до 200 сочиненій, въ томъ числѣ и упомянутое здѣсь Тургеневымъ «Anleitung zur Kenntniss der allgemeinen Welt- und Völkergeschichte» (Лейпцигъ 1787 — 1807).

— (Стр. 356). Изъ квартирныхъ списковъ студентовъ геттингенскаго университета видно, что Тургеневъ сначала жилъ на Buchstrasse (теперь Theaterstrasse) у хозяйки Билеръ. Отсюда онъ переѣхалъ на Grohnderstrasse (въ

южной части города) къ хозяйкѣ Крапъ (Krap), о чемъ и пишетъ къ брату 18/30 марта 1809 г. Когда же пріѣхалъ къ нему братъ Сергѣй, то онъ поселился на Prinzenstrasse, въ Prinzenhaus, почти противъ университета.

— (Стр. 358). Король Вестфальскій Іеронимъ предполагалъ жить четыре мѣсяца въ Брауншвейгѣ потому, что его супруга-королева была дочерью брауншвейгскаго герцога.

— *Эйхгорнъ* — см. примѣчаніе къ стр. 182. Кромѣ сочиненій по арабской и библейской исторіи, перу его принадлежатъ: 1) Allgemeine Geschichte der Cultur und Litteratur des neueren Europa (1796—1799), 2) Geschichte der Litteratur bis auf die neuesten Zeiten (1805 — 1812), 3) Uebersicht der Französichen Revolution (1797), 4) Weltgeschichte и 5) Geschichte der drei letzten Iahrhunderte. Этотъ Эйхгорнъ былъ отцомъ знаменитаго основателя германской исторической школы права.

— (Стр. 359). Князь Репнинъ-Волконскій былъ назначенъ посланникомъ къ Вестфальскому королю въ 1809 г. См. о немъ выше примѣчаніе къ стр. 232.

— Битва при Popѣ происходила между 20 — 22 апрѣля по нов. стилю. Роръ (Rohr) лежитъ недалеко къ югу отъ Регенсбурга (въ Баваріи).

— (Стр. 361). Тургеневъ слушалъ въ этотъ (лѣтній) семестръ всѣ намѣченныя лекціи, кромѣ введенія въ философію (Бутервека).

— (Стр. 362). *Штельцеръ* (Христіанъ-Юлій-Людвигъ), юристъ, приглашенъ былъ въ 1806 г. изъ галльскаго университета въ московскій и преподавалъ до 1812 г. почти всѣ науки, входившія въ составъ юридическаго образованія.

— (Стр. 363). Тургеневъ послѣдній разъ адресуетъ свое письмо (отъ 29 апр. — 11 мая 1809 г.) въ канцелярію Н. Н. Новосильцова; а потомъ адресуетъ въ домъ Путятина. Почему измѣненъ адресъ, мы не знаемъ, но изъ письма Ал. Ив. Тургенева къ брату Н. И. Тургеневу (отъ 12 января 1810 г.) видно, что Новосильцовъ въ это время (январь 1810 г.) былъ «по прошенію уволенъ отъ дѣлъ впредь до выздоровленія и ѣдетъ къ водамъ въ чужіе краи», — уволенъ притомъ безъ жалованья, что̀ считалось признакомъ немилости. Новосильцовъ дѣйствительно уѣхалъ въ Вѣну лечиться и пробылъ тамъ до 1812 г.

— (Стр. 364). Вѣна сдалась французамъ 13 мая 1809 г. и до заключенія Вѣнскаго мира (17 окт. 1809 г.) служила главною квартирою французскихъ военныхъ силъ.

— Проректоръ *Штедлинъ* (Carl Friedrich Städlin, род. 1761), былъ съ 1790 г. ординарнымъ профессоромъ теологіи. См. выше примѣчаніе къ стр. 182.

— *Бекманъ*, профессоръ технологіи; см. о немъ выше примѣчаніе къ стр. 279.

— *Архенгольцъ* (баронъ Іоганнъ-Вильгельмъ Archenholz) — нѣмецкій историкъ (1741 — 1812). Онъ много путешествовалъ и извѣстенъ своими сочиненіями: «England und Italien» (Лейпцигъ 1787) и «Geschichte des Siebenjährigen Kriegs» (Берлинъ 1793). Его «Минерва» (альманахъ) выходила съ 1792 по 1812 г.

— (Стр. 365). О путешествіи на Гарцъ см. выше дневникъ, стр. 216 и примѣчанія къ этой страницѣ. Къ сожалѣнію, при печатаніи этого (34-го) письма мы допустили опечатку: вмѣсто: «Канерлановъ» — надо читать: «*Какерлаковъ*», которыхъ Тургеневъ въ дневникѣ называетъ красноглазыми. Какерлаки — особая порода людей, у которыхъ въ кожѣ, въ волосахъ и въ глазахъ недостаетъ темнаго красящаго вещества. Иначе ихъ называютъ альбиносами.

— (Стр. 366). Въ лѣтній семестръ 1809 г. Тургеневъ слушалъ у Геерена Этнографію (Geographia et Ethnographia), у Сарторіуса — Всеобщую Политику и у Бекмана — Технологію. Послѣдній очень часто водилъ своихъ слушателей по фабрикамъ, о чемъ упомянуто въ студенческихъ тетрадяхъ Н. Тургенева, хранящихся въ библіотекѣ московскаго университета.

— (Стр. 367). Книги Эйхгорна и Сарторіуса, посланныя Н. Тургеневымъ брату, были тѣ, о которыхъ упомянуто выше, см. стр. 358 и 360.

— (Стр. 368). Когда Тургеневъ пріѣхалъ въ Германію, одинъ добрый грошъ стоилъ 16 коп.; а когда онъ былъ въ Москвѣ и собирался въ Германію, серебряный рубль стоилъ 2 рубля ассигнаціями. Такъ сильно, за одинъ годъ пали русскія деньги.

— *Блудовъ*, Дмитрій Николаевичъ, см. выше примѣчаніе къ стр. 129.

— *Михалковъ*, Сергѣй Ивановичъ, дворянинъ Ярославской губерніи, служившій одно время въ Семеновскомъ полку, пріѣхалъ въ Геттингенъ повидимому 5 іюля (пятница), такъ какъ около этого времени въ студенческихъ запискахъ по технологіи отмѣчено: «Въ пятницу пріѣхалъ Михалковъ, и отъ того я прогулялъ лекцію». Изъ матрикулъ же видно, что Михалковъ записался въ студенты 11 іюля 1809 г. Но онъ пробылъ въ Геттингенѣ не долго — всего только до января 1810 г.

— (Стр. 369). *Фишеръ*, Іоганнъ-Эбергардъ (1697 — 1771), историкъ и археологъ, путешествовавшій по Сибири и напечатавшій «Sibirische Geschichte» (по матеріаламъ Миллера). О какомъ Сибирскомъ лексиконѣ Фишера говоритъ Тургеневъ — мы не знаемъ.

— (Стр. 370). Книга проф. Геерена «Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien» вышла въ февралѣ 1809 г. Изъ записокъ лекцій, дѣлаемыхъ Тургеневымъ, видно, что онъ постоянно пользовался этой книгой.

— *Заальфельдъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 227.

— (Стр. 371). *Аделунгъ*, Федоръ Павловичъ, (1768 — 1843), филологъ и историкъ, пріѣхалъ въ Россію въ 1794 г. и съ 1803 г. былъ наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Онъ оставилъ послѣ себя много статей по русской археологіи и обзору сказаній иностранцевъ о древней Россіи.

— *Геймъ*, Иванъ Андреевичъ (1758 — 1821), профессоръ географіи и статистики въ московскомъ университетѣ, воспитывался въ геттингенскомъ университетѣ и, служа въ Россіи, сохранялъ съ нимъ постоянную связь, а такъ какъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ив. П. Тургеневымъ, то и этотъ послѣдній, во время своего директорства, посылалъ молодыхъ людей учиться въ Геттингенъ. Извѣстно его сочиненіе: Versuch einer vollständigen geographisch-tepographischen Encyklopedie des Russischen Reichs» (Геттингенъ 1796).

— *Баузе*, Федоръ Григорьевичъ, профессоръ юриспруденціи въ московскомъ университетѣ и одинъ изъ первыхъ собирателей памятниковъ древне-русской письменности (1752 — 1812). Его коллекція древнихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, древнихъ монетъ и вещей была до того богата, что оцѣнена послѣ его смерти въ 10 тыс. рублей. Къ сожалѣнію вся эта коллекція погибла въ 1812 году.

— (Стр. 372). *Черепановъ*, Никифоръ Евтропіевичъ (1763—1823), бездарный профессоръ всеобщей исторіи, географіи и статистики. О томъ, какъ онъ

преподавалъ свой предметъ, и какъ относились къ нему студенты-слушатели, можно судить по запискамъ Д. Н. Свербеева. (I, 91—92).

— Гееренъ читалъ въ это время «Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій, начиная съ утвержденія турокъ въ Европѣ и съ открытія Америки.» Излагая событія русской исторіи съ Петра Великаго, Гееренъ называетъ Ништадтскій миръ «Basis der Russischen Grösse», а Миниха называетъ сѣвернымъ Евгеніемъ.

— Курсъ проф. Сарторіуса «Всеобщая Политика» былъ построенъ слѣдующимъ образомъ. Сначала идетъ введеніе, въ которомъ объясняется названіе этой науки и дается указаніе, чему она учитъ; указывается обширность ея и польза. Далѣе въ томъ же введеніи излагается происхожденіе государства, единство, равенство, свобода, и наконецъ указывается общая литература о «Политикѣ». Первый отдѣлъ послѣ введенія — Государственное устройство. Второй отдѣлъ—Государственное управленіе—очень обширенъ и распадается на подъотдѣлы: A. Handhabung des Rechts, B. Polizei и C. Staatswirtschaft. Послѣдній подъотдѣлъ — Государственное хозяйство — самый большой и повидимому составляетъ лучшую часть курса, которая обработана съ любовію и знаніемъ дѣла. Она дѣлится на три части: 1) Verschiedene Systeme; 2) Elemente des National-Reichthums и 3) Finanzen. Въ первой говорится о меркантильной системѣ, о торговлѣ, объ «экономической системѣ» и о Systeme geschlossener Handelstaat. Во второй говорится объ имуществахъ, о сбереженіяхъ и капиталѣ, о Verkehrende Tausch, о Vertheilung der Güter, о торговлѣ, о путяхъ сообщенія и т. д. Въ концѣ курса дается подробный обзоръ литературы о Политикѣ.

— Записи Тургенева на лекціяхъ у Бекмана дѣланы небрежно и мало: видно, что Тургеневъ тяготился его лекціями и скоро ихъ бросилъ.

— (Стр. 375). Выписки изъ прочитанныхъ книгъ Тургеневъ дѣйствительно дѣлалъ и очень аккуратно, такъ что отъ его геттингенскихъ занятій ихъ сохранилось очень много. О нихъ см. въ концѣ примѣчаній къ этому тому.

— *Le 13 journeès [ou la Finlande]* — произведеніе кн. Гагарина, напечатанное въ 1809 г. Кн. Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ (1777 — 1850) — генералъ-адъютантъ.

— *«Яковъ Ивановичъ» [Булгаковъ]*, о смерти котораго упоминаетъ Тургеневъ, былъ знаменитый дипломатъ временъ Екатерины II. Съ 1799 г. онъ жилъ въ Москвѣ въ отставкѣ и умеръ 7 іюля 1809 г.

— Тургеневъ въ своемъ извѣщеніи о смерти Шлецера дѣлаетъ необъяснимую ошибку, такъ какъ Шлецеръ умеръ именно 9 сентября 1809 г., т. е. въ тотъ день, когда Тургеневъ писалъ это письмо (9/21 сент. 1809 г.), а не «на прошедшей недѣлѣ», какъ онъ сообщаетъ брату. «Несторъ» Шлецера остановился на пятой части (Святославъ и Ярополкъ около 980 г.).

— А. М. Гусятниковъ — очевидно тотъ Алексѣй Михайловичъ Г., который въ 1802 — 1804 гг. учился въ Геттингенѣ въ одно время съ Ал. И. Тургеневымъ.

— (Стр. 376). Отъ Н. Н. Новосильцова Комиссія составленія законовъ перешла къ Сперанскому. Какъ было упомянуто выше, Новосильцовъ уѣхалъ за границу.

— Изъ черновыхъ тетрадей Тургенева видно, что онъ въ лѣтнія феріи (каникулы) штудировалъ древнюю исторію по книгѣ Геерена «Handbuch der

Geschichte» и т. д. и м. б. другимъ сочиненіямъ. Отъ этихъ лѣтнихъ занятій сохранился конспектъ въ 47 страницъ подъ такимъ заглавіемъ: «Различныя замѣчанія, касающіяся Древней исторіи, до завоеванія свѣта Римомъ, — начатыя при концѣ послѣднихъ ферій и конченныя при началѣ лекцій лѣтомъ 1809 г., вмѣсто путешествія въ Кассель». Конспектъ доведенъ до исторіи Рима.

— Переводя на современный курсъ, мы можемъ видѣть, что Тургеневъ за присланные ему 700 руб. получилъ 298 талеровъ, т. е. 411 руб. 24 коп. на наши деньги. Слѣдовательно русскій рубль въ Германіи ходилъ по 58 коп.

— (Стр. 377). Въ зимній (1809 — 1810 гг.) семестръ Тургеневъ слушалъ слѣдующіе курсы: 1) Гуго — Естественное право (Naturrecht), 2) Сарторіуса — Политическая экономія, 3) Геерена — Статистика и 4) Заальфельда — Дипломатика. См. стр. 379. Эстетику же Бутервека онъ слушалъ только годъ спустя.

— *Арто* — см. примѣчаніе къ стр. 285.

— *Мартенсъ* (Georg Friedrich von Martens, род. 1756) былъ въ Геттингенѣ ординарнымъ профессоромъ дипломатики (международнаго права) съ 1783 по 1808 г.

— *А. И. Михайловскій-Данилевскій* только съ этого семестра началъ слушать лекціи геттингенскихъ профессоровъ. См. выше.

— Фридрихсгамскій миръ со Швеціей былъ заключенъ 5 сентября.

— (Стр. 378). «*Курляндцевъ*», т. е. студентовъ изъ остзейскихъ провинцій, въ этотъ (зимній 1809 — 1810 гг.) семестръ было дѣйствительно немного: курляндцевъ — четверо (Большвингъ, Клапмейеръ, Слефойгтъ и Шиманъ) и эстляндцевъ — двое. Русскихъ было 10 человѣкъ и двое изъ Россіи (Вернеръ и Ренненкампфъ), а всего было 18 человѣкъ.

— *Графовъ Сиверсъ* въ Геттингенѣ училось трое; впервые появляются въ спискѣ студентовъ два брата-Сиверсъ съ октября 1804 г., въ лѣтній семестръ 1805 г. ихъ было уже трое, а на зимній семестръ 1807 — 1808 г. оставался только одинъ изъ братьевъ. Какой изъ нихъ былъ тотъ, о которомъ пишетъ Н. И. Тургеневъ, и сколько семестровъ онъ пробылъ въ Геттингенѣ, мы сказать не можемъ.

— (Стр. 379). О проф. Гуго и о томъ, какъ онъ понималъ Naturrecht — см. выше примѣчаніе къ стр. 224.

— Книга Сарторіуса «Von den Elementen des National-Reichtums und von d. Staatswirtschaft nach A. Smith» появилась въ печати въ 1806 г. (Göttingen), а первое изданіе ея (Berlin 1796) носило такое заглавіе: «Handbuch der Staatswirthschaft zum Gebrauche bey akademischen Vorlesungen, nach Ad. Smiths Grundsätzen ausgearbeitet von G. Sartorius». См. въ концѣ примѣчаній списокъ книгъ, прочитанныхъ Тургеневымъ въ Геттингенѣ.

— (Стр. 380). Знаменитое сочиненіе Адама Смита было переведено на русскій языкъ въ 1802 — 1806 гг. Николаемъ Политковскимъ.

— *Гогартъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 229.

— *Яншинъ* — очевидно тотъ русскій студентъ-кутила, который учился въ Геттингенѣ вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ въ 1802 — 1804 гг. См. дневники и письма А. И. Тургенева, издаваемыя акад. В. И. Истринымъ, т. I.

— Такимъ образомъ за полтора мѣсяца русскія деньги въ Германіи пали съ 58 коп. до 42 коп. за рубль ассигнацій.

— (Стр. 381). «Новый указъ» объ экзаменѣ при повышеніи въ чинахъ изданъ 9 августа 1809 г. (см. полн. собр. законовъ, № 23.771).

— (Стр. 383). *Михалковъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 233.

— Исторія Молдавіи Вольфа — см. стр. 385.

— Женихъ (и потомъ супругъ) дочери Шлёцера носилъ фамилію Роде (Rode).

— (Стр. 384). Тургеневъ дѣйствительно лѣтомъ 1810 г. усердно занимался русской исторіей, а именно, проштудировалъ «Нестора» (Шлецера) и «Handbuch der Russische Geschichte», учебникъ, составленный въ Россіи и переведенный по-нѣмецки Шлецеромъ. Что касается предполагаемой лекціи Зальфельда по русской исторіи, то она не состоялась.

— (Стр. 385). *Кантемиръ*, Димитрій, былъ господаремъ Молдавіи въ 1710 — 1712 гг. и извѣстенъ сочиненіемъ по исторіи Молдавіи. Вѣроятно о немъ то и упоминаетъ Тургеневъ.

— (Стр. 386). *Гагаринъ*, ген.-адъютантъ, авторъ описанія Финляндіи, см. выше.

— *Фрейгангъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 226.

— *Журавлевъ*, Иванъ Федоровичъ, былъ товарищемъ и другомъ старшаго Тургенева, Андрея Ивановича. Въ архивѣ Тургеневыхъ сохранились письма этого Журавлева къ Андрею Ивановичу изъ Варшавы.

— (Стр. 387). Шведскій король Густавъ IV былъ въ это время свергнутъ съ престола; см. выше.

— (Стр. 388). Русское правительство стало сосредоточивать войска на польской границѣ, т. е. на границѣ Варшавскаго герцогства, въ виду того, что рѣшило готовиться къ войнѣ съ Франціей.

— Въ это время Россія вела войну съ Турціей (1806 — 1812 гг.). Въ концѣ 1809 г. главнокомандующій Багратіонъ снялъ осаду Силистріи и перевелъ русскія войска на лѣвый берегъ Дуная.

— (Стр. 388). Имп. Александръ I ѣздилъ въ Тверь для свиданія съ сестрою, вел. кн. Екатериною Павловной, и оттуда проѣхалъ въ Москву. Это было 6 декабрь 1809 г. Ал. И. Тургеневъ писалъ Н. И. Тургеневу объ этомъ посѣщеніи слѣдующее: «Государь... былъ и въ Москвѣ и принятъ былъ дворянствомъ и народомъ съ восхищеніемъ. Всѣ сословія спорили въ изъявленіи усердія. Государь уронилъ платокъ, и народъ разорвалъ его на мелкія кусочки и раздѣлилъ по себѣ; хотѣли на себѣ вести въ Москву».

— (Стр. 389). Ал. Ив. Тургеневъ извѣщалъ брата (см. письмо отъ 20 дек. 1809 г.) о томъ, что получилъ записки Ив. Вл. Лопухина. О нихъ то и упоминаетъ здѣсь Н. И. Тургеневъ и, слѣдуя брату, упрекаетъ Лопухина за самохвальство, котораго на самомъ дѣлѣ не было. См. Записки Лопухина, изданныя Ал. И. Герценомъ въ Лондонѣ (1861 г.).

— «*О томъ*, о бюстѣ котораго вы пишете...» Ал. И. Тургеневъ, сообщая брату о запискахъ Лопухина, вспоминаетъ своего отца и говоритъ: «Я часто думаю и падаю на колѣна передъ бюстомъ Батюшки: се человѣкъ!»

— О переводѣ Тургенева книжки Сарторіуса см. выше.

— *Экзамены*, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Тургеневъ, были установлены правительствомъ въ концѣ 1809 г. для чиновниковъ, не имѣвшихъ свидѣтельства объ окончаніи университета. Сущность его состояла въ томъ, чтобы впредь никого не производить въ чинъ коллежскаго ассессора, хотя бы онъ и выслужилъ опредѣленныя лѣта, — безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ

русскихъ университетовъ. См. указъ 9 августа 1809 г. (Полн. Собр. Зак., № 23.771).

— *Харитонъ* — т. е. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, профессоръ московскаго университета. См. выше примѣчаніе къ стр. 83.

— Ал. И. Тургеневъ писалъ брату, что Ленкевичъ перевелъ Гейнекція (нѣмецкій юристъ 1681 — 1741), а какое именно — не указалъ. Но изъ письма видно, что это сочиненіе по римскому праву. Важнѣйшими сочиненіями Гейнекція по этой части были: 1) Antiquitatum romanarum jurisprudentiam illustrantium Syntagma; 2) Elementa juris civilis secundum ordinem Institutionum; 3) Elementa juris civilis secundum ordinem Pandectarum; 4) Historia juris civilis romani et germanici. Одно сочиненіе этого писателя, именно «О основаніи умственной и нравоучительной философіи», переведено на русскій (съ латин. яз.) и издано въ Москвѣ въ 1766 г.

— (Стр. 390). Сперанскій въ это время былъ управляющимъ комиссіи составленія законовъ и слѣдовательно былъ непосредственнымъ начальникомъ Ал. И. Тургенева.

— *Манифестъ* о преобразованіи государственнаго совѣта былъ обнародованъ 1 января 1810 г.

— *Дмитріевъ*, Иванъ Ивановичъ, извѣстный поэтъ, былъ министромъ юстиціи съ 1810 по 1814 годъ.

— *Новосильцовъ*, какъ извѣстно, уѣхалъ въ Вѣну.

— (Стр. 391). *Князь Репнинъ* — русскій посолъ при вестфальскомъ дворѣ. См. выше.

— *Малиновскій*, Алексѣй Ѳедоровичъ, начальникъ Тургенева по архиву коллегіи иностр. дѣлъ; см. выше.

— «*Маленькое сочиненіе Геерена о Миллерѣ*», то есть біографія этого историка, напечатанная Гееренойъ въ Геттингенѣ въ 1809 г.

— О *Людерѣ* см. выше примѣчаніе къ стр. 231.

— (Стр. 392). *Гейне*—профессоръ и ректоръ геттингенскаго университета.

— *Геслеръ* — секретарь посольства при вестфальскомъ дворѣ.

— Свой *послужной списокъ* Тургеневъ получилъ вмѣстѣ съ письмомъ брата Александра Ивановича отъ 4 мая 1810 г. Содержаніе его такое: «1809. Николай Тургеневъ etc... 23-й годъ; уволенъ въ Маѣ 1808-го года въ чужія краи для окончанія наукъ; обучался Нѣм[ецкому] и Франц[узскому] языкамъ, Исторіи, Географіи и прочимъ наукамъ. Опредѣленъ въ Государственной Коллегіи Иностр[анныхъ] дѣлъ Моск. Архива Актуаріусомъ—803, Октября 13-го. Въ настоящемъ чинѣ переводчика состоитъ съ 1807, Генваря 1-го. Способенъ и къ повышенію чиномъ достоинъ».

— (Стр. 393). *Кайсаровъ*, Михаилъ Сергѣевичъ († 1825 г.), служилъ въ департаментѣ торговли и мануфактуры.

— *Кайсаровъ*, Петръ Сергѣевичъ, по словамъ Ал. И. Тургенева, дѣлалъ разныя мерзости брату Михаилу. Онъ былъ воспитанникомъ москов. университ. благороднаго пансіона и извѣстенъ переводами сочиненій Коцебу, изданными въ 1802 г. въ Смоленскѣ.

— Изъ дневниковъ Жуковскаго можно заключить, что онъ въ это время собирался поѣхать за границу для пополненія своихъ знаній.

— *Графъ Каменскій*, Николай Михайловичъ (1778—1811), младшій сынъ фельдмаршала Каменскаго, выдвинулся впередъ во время войны съ Швеціей въ

Финляндіи (1808—1809 гг.). Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ молдавскою арміей.

— *Багратіонъ* возбуждаетъ сожалѣніе Тургенева тѣмъ, что за неудачную осаду Силистріи онъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто назначенъ Н. М. Каменскій.

— (Стр. 394). *Уваровъ*, Сергѣй Семеновичъ (1786 — 1855), впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія, — съ 1810 г. состоялъ секретаремъ посольства въ Парижѣ и тамъ напечаталъ сочиненіе «Essai d'une Académie Asiatique» (1810). Тургеневъ упрекаетъ его здѣсь за французскіе стихи, которые будто бы «не уступаютъ Делилевымъ», какъ писалъ Александръ Ивановичъ въ письмѣ отъ 16 февр. 1810 г.

— Слова Тургенева о русскихъ студентахъ подтверждаются квартирными списками геттингенскаго университета, а именно: въ лѣтній семестръ 1810 г. въ Геттингенѣ оставались только Кайдановъ, Михайловскій-Данилевскій и самъ Тургеневъ; изъ остзейскихъ же нѣмцевъ были: Баптсъ, Большвингъ, Клапмейеръ, Ренненкампфъ, Шиманъ, Сильманъ, Сельфогтъ и Зоммеръ.

— (Стр. 395). *Фроманнъ* — министерскій курьеръ, посланный въ Вѣну.

— *Вильгельмы, де-Рейтеры, Гейніусы, Трумпы* — это выдающіеся люди Голландіи, ея историческіе дѣятели. Вильгельмъ Оранскій (XVI в.) способствовалъ освобожденію Голландіи отъ испанскаго владычества. Гейн[з]іусъ, Антоній (1641 — 1720), съ 1688 г. былъ главнымъ пенсіонаріемъ Голландіи и горячо поддерживалъ политику Вильгельма Оранскаго, ставшаго королемъ Англіи, въ борьбѣ Голландіи съ Людовикомъ XIV. Благодаря ему голландцы извлекли изъ Утрехтскаго мира значительныя выгоды.

— (Стр. 396). Кайдановъ остался еще на два семестра, см. стр. 397.

— (Стр. 397) И по учебнымъ тетрадямъ Тургенева видно, что онъ болѣе всего работалъ для Сарторіуса и прочиталъ по политической экономіи массу сочиненій.

— *Іасоъ*, *«Харьковской профессоръ»*, какъ видно изъ письма Ал. Ив. Тургенева, былъ въ это время опредѣленъ въ Комиссію составленія законовъ для занятій по уголовной части. См. письмо брату Н. И. Тургеневу отъ 14 іюня 1810 г., а также выше примѣчаніе къ стр. 244.

— Въ настоящее время въ библіотекѣ геттингенскаго университета имѣется два бюста дочери Шлецера и портретъ въ профиль.

— *Мейнерсъ* (Christoph Meiners 1747—1810), профессоръ геттингенскаго университета, скончался 1 мая 1810 г.

— *«Наполеоновымъ Кодексомъ»* Тургеневъ не хотѣлъ заниматься очевидно вслѣдствіе антипатіи къ французскому завоевателю. Эта антипатія овладѣла тогда большею частію русскихъ, и Карамзинъ, въ своей запискѣ 1811 г., особенно сильно нападаетъ на Сперанскаго за то, что его «Проектъ гражданскаго уложенія» будто бы является переводомъ или сколкомъ съ «Code» Наполеона.

— (Стр. 398). *Пушкинъ*, Василій Львовичъ (1770—1830), второстепенный поэтъ, принимавшій участіе въ борьбѣ карамзинистовъ съ шишковистами. Тургеневъ очевидно имѣетъ въ виду его посланіе къ Жуковскому, напечатанное въ «Цвѣтникѣ» (№ 12). Въ немъ Пушкинъ осмѣиваетъ «весь соборъ безграмотныхъ славянъ» и признается, что любитъ читать Карамзина и подражать Дмитріеву.

— *Ханыковъ*, Николай Васильевичъ, служилъ при миссіи брата своего въ Дрезденѣ.

— (Стр. 339). Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ, сынъ выше упомянутаго Я. Ив. Булгакова, дипломата, былъ товарищемъ Андрея Иван. Тургенева и тоже служилъ по дипломатической части.

— (Стр. 400). «*Рыжій издатель рыжаго журнала*» — т. е. Павелъ Иван. Голенищевъ-Кутузовъ. — М. Н. Муравьевъ умеръ въ 1807 году.

— *Графъ Разумовскій*, Алексѣй Кириловичъ (1748 — 1822), послѣ М. Н. Муравьева, т. е. съ 1807 по 1810 г., былъ попечителемъ московскаго университета, а потомъ (до 1817 г.) министромъ народнаго просвѣщенія.

— (Стр. 401). Нападенія на Шишкова начались именно въ это время (1810 г.), съ появленіемъ критической статьи Дашкова и посланія В. Л. Пушкина. Отсюда ясно, что Тургеневъ не былъ на сторонѣ карамзинистовъ.

— *Мичерлихъ* — профессоръ латинской словесности, см. выше, примѣчаніе къ стр. 229.

— (Стр. 403). *Villers* — см. выше, примѣчаніе къ стр. 325.

— (Стр. 404). Разсужденіе Сарторіуса о Готахъ носитъ такое заглавіе: «Versuch über die Regierung der Ostgothen, während ihrer Herrschaft in Italien, und über die Verhältnisse der Sieger zu den Besiegten im Lande». Hamburg 1811.

— *Феслеръ* (Игнацъ-Аврелій Fessler, 1756 — 1839), нѣмецкій писатель и русскій общественный дѣятель и масонъ. Въ 1809 г. онъ получилъ каѳедру восточныхъ языковъ и философіи въ спб. духовной александро-невской академіи, а также служилъ и въ комиссіи составленія законовъ. Вѣроятно поэтому и сталъ извѣстенъ Ал. Ив. Тургеневу. Но онъ скоро былъ лишенъ каѳедры по обвиненію въ атеизмѣ и высланъ въ Вольскъ (Саратов. губ.).

— (Стр. 405). *Ключаревъ*, Ѳедоръ Петровичъ (1754 — † въ 1820-хъ гг.), извѣстный масонъ, членъ новиковскаго кружка и большой пріятель Ив. П. Тургенева. Съ 1799 г. онъ служилъ въ московскомъ почтамтѣ и въ началѣ 1811 г. сдѣланъ почтъ-директоромъ; но въ 1812 г. былъ несправедливо отставленъ граф. Ростопчинымъ.

— (Стр. 406). *Графъ П. А. Толстой* — см. выше примѣчаніе къ стр. 189.

— *Нессельроде*, графъ Карлъ Васильевичъ (1780 — 1862), русскій дипломатъ. Въ 1807 г. онъ былъ командированъ въ Тильзитъ, въ распоряженіе русскихъ уполномоченныхъ, князей Лобанова и Куракина, а потомъ отправленъ совѣтникомъ посольства въ Парижъ. Находясь тамъ подъ вліяніемъ Меттерниха, онъ составлялъ для русскаго посла Толстого депеши, дышащія ненавистью къ Франціи. Въ 1810 г. онъ былъ отозванъ въ Петербургъ.

— *Р. Ѳ. Тимковскій* — см. выше примѣчаніе къ стр. 182.

— *Ѳ. К. Ганнеманъ* — преподаватель латинскаго языка въ Москвѣ, у котораго брали уроки братья-Тургеневы.

— (Стр. 407). *Болдыревъ*—см. выше примѣчаніе къ стр. 190.

— (Стр. 410). *Чортовъ мостъ* находится въ Швейцаріи и ведетъ черезъ рѣку Рейсъ, текущую съ высотъ С.-Готарда въ озеро четырехъ кантоновъ. Въ русскихъ военныхъ лѣтописяхъ увѣковѣченъ переходомъ нашихъ войскъ въ осенній походъ.

— (Стр. 412). *Каверинъ*, Павелъ Никитичъ, былъ при имп. Павлѣ полицеймейстеромъ въ Москвѣ, но былъ за что-то уволенъ, а при имп. Александрѣ I сдѣланъ сенаторомъ.

— *Струве*, совѣтникъ русскаго посольства въ Касселѣ.

— *Яковлевъ*, русскій посланникъ при вестфальскомъ дворѣ, замѣнилъ князя Репнина, переведеннаго въ Мадридъ. См. выше.

— (Стр. 413). *Куницынъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 129.

— *Кайдановъ* — см. выше примѣчаніе къ стр. 215.

— (Стр. 414). Въ Веймарѣ находилась великая княжна Марія Павловна (1786 — 1859), бывшая замужемъ (съ 1804 г.) за наслѣднымъ принцемъ саксенъ-веймарскимъ, Карломъ-Фридрихомъ (1783 — 1853), вступившимъ на престолъ въ 1828 г. Высоко-одаренная и образованная женщина, она много покровительствовала наукамъ и искусствамъ.

— Куницынъ здѣсь дѣлаетъ ошибку: онъ видѣлъ статую не Густава II, а Августа II, извѣстнаго курфюрста Саксонскаго (съ 1694 по 1733) и короля польскаго (съ 1697), союзника Петра Великаго во время Сѣверной войны.

— (Стр. 416). Объясненія къ плану и самый планъ г. Геттингена заимствованъ нами изъ книги Пюттера: «Versuch einer Gelehrten-Geschichte von Georgia-Augusta, Universität zu Göttingen». Часть 1 (1765). Планъ окрестностей Геттингена взятъ изъ книги: Unger. Göttingen und die Georgia Augusta (1870).

Кромѣ напечатанныхъ здѣсь дневниковъ и писемъ Н. И. Тургенева, отъ геттингенскаго періода сохранились еще собственноручныя записи лекцій, прослушанныхъ имъ, и обширные конспекты и выписки изъ прочитанныхъ книгъ. Записи почти всѣхъ лекцій хранятся въ библіотекѣ московскаго университета, а выписки изъ прочитанныхъ книгъ — въ архивѣ Тургеневыхъ. Для полноты изданія и въ виду невозможности печатать записи лекцій и конспекты мы приводимъ здѣсь перечень всѣхъ сохранившихся студенческихъ тетрадей Тургенева и списокъ книгъ, прочитанныхъ имъ въ Геттингенѣ, — списокъ сдѣланный на основаніи его черновыхъ тетрадей, дневниковъ и писемъ къ брату Ал. И. Тургеневу.

I. Студенческія тетради или записи лекцій.

I. Зимній семестръ 1808 — 1809 гг.

1. *Heeren*. Alte Geschichte. 1808 — 1809.
2. » Staaten-Geschichte. 1808 — 1809.

II. Лѣтній семестръ 1809 г.

3. *Heeren*. Geographia et Ethnographia [1]).
4. » Исторія Европы въ новое время. («Исторія трехъ послѣднихъ столѣтій»).
5. *Бекманъ*. Технологія (Technologia).

---

1) Эта рукопись хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Имп. Акад. Наукъ.

III. Зимній семестръ 1809 — 1810 гг.

6. *Гуго.* Естественное право (Naturrecht).
7. *Сарторіусъ.* Политическая экономія (National-Oeconomie).
8. *Гееренъ.* Статистика (Statistika).
9. *Заальфельдъ.* Дипломатика (Diplomatie).

IV. Лѣтній семестръ 1810 г.

10. *Сарторіусъ.* Финансовая наука (Die Financen).
11. *Фіорилло.* Исторія искусствъ (Geschichte der Kunst).
12. *Гуго.* Энциклопедія права (Encyclopedie der Rechte).
13. *Гёде.* Уголовное право (Criminal-Recht)[1].
14. *Людеръ.* Geist der Geschichte.

V. Зимній семестръ 1810 — 1811 гг.

15. *Гуго.* Римское право (Pandecten).
16. » Code Napoleon.
17. *Гёде.* О краснорѣчіи (Juristische und Politische Redekunst).
18. » Церковное право (Kirchenrecht).
19. *Бекманъ.* Наука о торговлѣ (Handlungswissenschaft).
20. *Бутервекъ.* Эстетика (Aestetik).

Всѣ эти записи лекцій ведены были Тургеневымъ лично, но, судя по внѣшнему виду, можно конечно думать, что нѣкоторыя изъ нихъ обрабатывались дома на основаніи собственныхъ замѣтокъ и тетрадей кого-либо изъ товарищей студентовъ, напримѣръ Ранда. Тургеневъ былъ вообще человѣкъ порядка и выдержки; поэтому и всѣ его записки лекцій переплетены и приведены въ порядокъ. Кромѣ нихъ Тургеневъ дѣлалъ еще выписки и конспекты изъ прочитанныхъ книгъ; они сохранились въ рукописи которая носитъ такое заглавіе: «Разныя мѣлочи, касающіяся до исторіи вообще. 1808. Николай Тургеневъ. 19/31 октября. Понедѣльникъ, день, въ который проф. Гееренъ начинаетъ свои лекціи». Эта огромная рукопись-книга имѣетъ 1203 страницы; въ нее переплетены замѣтки, конспекты и выписки изъ прочитанныхъ книгъ, сдѣланныя Тургеневымъ во время ученія въ Геттингенѣ. По этимъ запискамъ можно судить, какъ обширно и разнообразно было чтеніе Тургенева. Удивляешься, какъ онъ успѣлъ перечитать такъ много книгъ. Выписки сдѣланы большею частію на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Много выписокъ сдѣлано изъ знаменитой книги Гиббона о причинахъ упадка римской имперіи; есть выписки изъ «Нестора» Шлецера. Но въ концѣ концовъ надо признаться, что большая часть выписокъ относится къ политической экономіи. Задумавъ писать книгу о налогахъ, Тургеневъ дѣлаетъ обширныя выписки изъ сочиненій экономистовъ.

---

1) Эта рукопись хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Имп. Акад. Наукъ.

II. Списокъ именъ авторовъ и сочиненій, которыми пользовался Н. И. Тургеневъ въ Геттингенѣ въ 1808—1811 гг. (Архивъ Турген., № 2067).

(Въ алфавитномъ порядкѣ).

Achenvall. Steuer-Klugheit. Göttingen 1763.
Authentische Actenstücke.
Allemand. Traité des Péages. Paris 1779.
John Andrews. The history of the revolution of Denmark. V. I — II. 1110. Lond. 1772. V. 1 — 2.
Antifinancier ou relevé ect. Amsterd. 1764. 12.
Arnould. Histoire générale des finances de la France. P. 1806.
Bentham (Ieremia). Traités de législation civile et pénale publiés en français par Et. Dumont. T. 1, 2, 3. Paris 1802.
Beccaria. Dei Delitti e delle Pene. Ed. 3. 1765.
Bergius (Ioh. Heinr. Ludw.). Policey und Cameral-Magazin. B. 1 (Fraoll) 1767. B. 2—3 — 1768. B. IV — 1769. B. 5 — 1770. B. 6—8 (1771—1774).
Bilefeld. Institutions politiques. In. 4. T. 1, 2. A la Haye. 1760. T. III. Leide 1772.
I. Blanc de Volx. Etat commercial de la France. Paris 1803. T. I.
Blackstone (William). Commentaries on the Laws of England. Book 1. Oxford 1765. B. 2 — 4 (1765 — 1769).
Boesnier de l'Orme. De l'ésprit du G[ouvernem]ent Economique. Paris 1775.
Bose. Sur l' accumulation des capitaux. An. X.
Bonvallet des brosses. Richesses et ressources de la France. 1789.
Bouchholz. Arithmetische Staatskund. 1809 [1]).
Boulainviliers. Histoire de l'ancien Gouvernement de France. MDCCXXVII.
Bourgoing (Iean Francois). Tableau de l'Espagne moderne. T. 1, 2, 3. Paris 5. Ed. 3 (803).
Bretagny. Institution au droit Français. An. VII. (1799).
Browne Dignan. Essai sur les principes politiques de l'Economie publique. Lond. 1776.
Comte de Brühl. Recherches sur les divers objets de l'économie politique. Dresde 1781.
De Butré. Loix naturelles de l'agriculture et de l'ordre social.
Büsch. Abhandlung von den Banken. (Въ «Kleine Schriften», Hamb. 1784).
» Von dem Geldumlauf in anhaltender Rücksicht auf die Staatswirtschaft und Handlung. Kiel. 1800.
Book of the Revenue.
Canard. Principes d'Ecomonie Politique. Paris 1801. (Выписки и консп. 1811 г.).
Campbell. Political survey of Britain. By Lond. 1774.
Casaux. Considérations sur les effets de l'impôt.

---

1) Въ рукописи противъ имени этого автора на поляхъ написано: «Скотина».

Castera. Histoire de Catharine II, Impératrice de Russie. T. I—IV. A Paris. An. VIII.
Coeverden. A. Versuch einer Entwickelung der nachtheiligen Folgen einer gar zu grossen Masse Staatspapiergeldes für einen Staat. Göttingen 1805.
Chipman. Sketches of the principles of G[overnem]ent in Russia. 1793.
De Campagne. Principes d'un bon G[ouvernem]ent. Berlin 1768. T. II.
Denina. Revolutions d'Italie. Paris 1770. (Traduites par. M. l'abbé Sardin).
Deon de Beaumond. Histoire des Finances. Ч. I — II. Амстерд. 1760.
Du Trene de Francheville. Histoire des Finances. «Три квартанта все о тарифѣ».
Dohm. (Christian Wilh.) Ueber das Physiockratische System um C. Wien 1782.
Dupont (Pierre). Physiocratie. T. 1 — 6. Yverdun 1768[1]).
Eggers. Memoiren über d. Dänischen Financen. 2 B. 1800—1801.
Eschenmayer. Vorschlag zu einem einfachen Steuer-Systeme. Prof. à Heidelberg. 1808.
Fischer. Collection générale et complète de lettres, proclamations etc. de Napoléon le Grand. Leipz. 1808.
Ferguson. An Essay on the History of Civil Society. Edin. 1767.
Forbonais. Recherches et considérations sur les finances de France depuis 1595 jusqu'en 1721 (1758).
Martin Flassen. Die wahre Staats-Klugheit. Leipzig 1739.
Ioh. Gottl. Fichte. Der geschlossene Handelstaat. Tubing. 1808.
Benj. Franklin. Political Miscellanum and Philosophical Pieces.
Garnier [Germain] — Préface (предисловіе) къ его переводу книги Адама Смита о богатствѣ народовъ (см. ниже).
Gibbon (Edward). The history of the decline and fall of the Roman empire. V. 1 — 6 (1776 — 1788).
Galliani. Dialogue sur le commerce des bleds, 1770. Есть и русскій пер. Драгомирова: Кіевъ 1890. — См. энц. слов. Брокг., пол. 14, стр. 925.
Guicciardini Guerres d'Italie. 1490 — 1508. T. I.
Gomari. Mémoires secrètes des cours d'Italie.
Gallatin (Albert). A sketch of the Finances of the United-States. 1796.
Gentz. Essay sur l'administration des finances de la Gr. Bretagne. 1799.
De Guer. Considérations sur les finances. Paris 1803.
Gruber de Grubentall. Théorie de l'administration des Finances. Paris 1788.
Prince de Galitzin. De l'esprit des Economistes. Brunsvick 1796.
Gungling. Einleitung zur wahren St[aats]-Klugheit. 1751.
Goldsmith. (Oliver). The history of England. V. I — IV. Lond. 1771.
Henault. Nouvel abrégé chronologique de l'histoire de France. Paris 1789—1800.
Handbuch der Geschichte des Kaisertums Russland ([von russischen übersetzt von A. L. Schlözer]). Göttingen 1802.
Hume (David). Essays and Treaties on several subjects. Lond. 1767.
Henry (Robert). History of Great-Britain. Lond. 1771 — 1786.
Hegewitsch. Historischer Versuch über die Römischen Finanzen. 1804.
Herrenschwand. Discours sur le commerce extérieur des nations éuropéennes. 1790.

---

1) На поляхъ рукописи противъ имени этого автора написано: «(Собрано). О хлѣбной торговлѣ здѣсь очень хорошо».

Hobbes. Philosophical Rudiments concerning governement and Society.
Heinrich (Christian Gottlib). Geschichte von Frankreich (1802—1804).
» » » Geschichte von England (1806—1810).
Heeren. 1) Ideen üb. die Politik, Verkehr u. Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Göttingen. T. I—II. 1793 и 1796.
» 2) Handbuch der Geschichte der Staaten des Alterthums ect. Göttingen 1799.
» 3) Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems und seiner Colonien. 1809.
» 4) Versuch einer Entwickelung der Folge der Kreuzzüge für Europa.
» 5) Kleine historische Schriften. 1809.
Jacob. Grundsätze der Nationalöconomie oder Grundsätze des Nationalreichtums. 1809.
D'Ivernois. Histoire des Finances françaises. 1796.
Von Iusti. Ausführliche Abhandlung von den Steuern und Abgaben. 1762.
Kröncke. Das Steuernwesen, nach seiner Natur und seinen Wirkungen untersucht. Darmstadt 1804.
Kraus. Vermischte Schriften über staatswissenschaftliche, philosophische u. and. wissensch. Gegenstände. 1808.
Locke. Two treaties of Governement.
Lüder. Ueber die Kultur und Industrie der Portugieser. Berlin 1808.
I. I. Leuliette. Discours sur l' abolition de la servitude.
De Lamerville. De l'impôt territorial. 1788.
Lawatz. Briefe über den neuen Finanzplan für Dänemark. Hamb. 1786.
Lang. Ueber den obersten Grundsatz der Politischen Oekonomie. Riga 1807. (Adjunct. d. moraliche Section zu Charkow).
Les finances considérées dans le droit naturel et politique des hommes ou examen critique de la théorie des impôts.
Machiavelli. Il principe.
Martin. Etrennes Politiques. Paris 1790.
Meiners (Christoph). Grundriss der Geschichte der Menschheit. 1785.
Müller. Briefe eines jungen Gelehrten.
Iohann von Müller. Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft. Leipzig 1787—1808. B. 1—5. (Т. очев. читалъ эту книгу по совѣту Геерена, издав. въ 1810 г. біографію Müller'a).
Malleh du Pan. Mercure Britannique V. I. 1798. (Revolution de la Suisse).
Comte de *Mirabeau.* De la Monarchie Prussienne sous Frédérik II. T. IV.
Montesquieu. De l'Esprit des·Loix (Stsréotype).
Monthion. Quelle influence ont les diverses espèces d'impôts sur la moralité, l'activité et l'industrie des peuples.
Munier. Essay d'une méthode générale propre à étendre les connoissances d'un voyageur au requeuil d'observation, relatives à l'histoire etc. Paris. 1779.
Thom Minau de la Mistringue. Idées sur les impôts publics. 1787.
Mémoires sur les effets de l'impôt indirect sur le revenu des bien-fonds. Londres 1768.
Mémoires et considérations sur le commerce et les finances d'Espagne.
Murhard. Ideen über wichtige Gegenstände aus dem Gebiete der Nat. Oeconomie und Staatswissenschaft. Bey Dietrich. Göttingen 1808.

Mauvillon. Physiocratische Briefe an d. H. Prof. Dohm (кот. писалъ о физ[іократахъ]). 1780. 8.

Marquis de *Mirabeau.* L'ami des hommes ou traité de la population. T. IV. Haye 1759.

» » » Théorie de l'impôt par l'auteur de l'ami des hommes. 1761.

Moser. Ueber Regenten, Regierung und Minister. Main 1784.

Necker (Jaq.). De l'administration des finances de la France. 1784. T. 1—3.

Necker. Dernières vues de Politique de finance, offertes à la Nation Française. An X—1802.

Necker. Compte-rendu au Roi. 1781. Paris.

» Dernier rapport à l'Assemblée Nationale. Notions claires sur le g[ouverneme]nts.

Nicolai (Christian). Reisen durch Deutschland. 1788.

Nouveau compte rendu ou Tableau historique des finances d'Angleterre depuis Guill. III jusqu'en 1784.

Patié. Abrégé historique et politique de l'Italie. Iverdon. 1781.

Planta. The history of the Helvetic Confederacy. T. II. На поляхъ рукописи противъ этого сочиненія написано: «Первый томъ о томъ же, о чемъ весь Мюллеръ».

Pfeffel (Christian). Abrégé chronologique de l'histoire et du droit public d'Allemagne. 1758.

Pütter. Historische Entwickelung der heutigen Staatsverfassung des Deutschen Reichs. T. 1 (1786), 2—3 (1787).

Puffendorf. Histoire de Suede. Amsterdam 1782.

Prätorius. Versuch über das Besteuerungswesen. Königsberg 1802.

Pinto. Traité de la circulation et du crédit. Amst. 1771.

Price Richard. An Appeal to the public on the Subject of the national Debt. Second edition. Lond. 1772.

Principes de tout gouvernement. T. I—II[1]).

Runde (Iustus). Grundsätze des allgemeinen deutschen Privat-Rechts. Göttingen 1791.

Robertson (William). History of the reign of the emperor Charles V. T. 1—3. Lond. 1769.

Risbek. Geschichte der Deutschen. 1788. T. I.

Rühs. Finland und seine Bewohner.

Rillet de Saussure. Lettres sur l'Emprunt et l'impôt.

Richesse de l'État. 1764. Amsterd.

Raumer. Das Britische Besteuerungs-System. Berl. 1810.

George Rose. Abrief examination into the increase of the revenue, commerce and manufacture of Gr. Britain. From 1792 to 1799. Lond. 1799.

Reponse de Calonne à l'écrit de M. Necker. Londres 1788.

De Real. La science du g[ouverneme]nt. T. VI.

Sartorius. Von den Elementen des National-Reichtums und von der Staatswirthschaft nach Ad. Schmith. Gött. 1806.

Schlözer. Nestor oder Russische Annalen. Göttingen. 1802—1809.

---

1) На поляхъ рукописи здѣсь приписано: «Хорошая книга».

Schlözer. Münz-, Geld- und Bergwerks-Geschichte des Russischen Kaisertums. Vom I. 1700 bis 1789. Göttingen 1791.
Graf von Sotten. Die National-Oeconomie.
Say. Traité d'Economie politique.
Steuart. Untersuchungen der Grundsätze von der Staatswirtschaft. 5 Bucher. Tub. 1769—85. (Есть и франц. переводъ 1789 г.).
Smith (Adam). Recherches sur la nature et les causes de la richesse des Nations. Trad[uction nouvelle, avec des notes et observations;] par Garnier. 5 T.T. Paris 1802.
Spittler. Grundriss der Geschichte der christlichen Kirche. Gött. 1806. См. дневникъ, I, 278.
S. Sismondi. Histoire des Républiques Italiennes du moyen-âge. T. 1 (1807), 2 (1807), 3 — 6 (1807 — 1809).
Sonnelfels. Grundsätze der Polizei-Handlung und Finanz-Wissenschaft. Wien 1777.
Sabatier. Tableaux comparatifs des dépenses et des contributions de la France et de l'Angleterre. Paris. An XIII — 1805.
John Sinclair. The history of the public revenue of the Britisch Empire. 1790. 3-e edit. 3 vol. Lond. 1803 — 1804.
Schmalz. Staatswirtschaft. 1808.
Statistik der Dänischen Staaten. 1786. T. II.
Süssmilch. Die Göttliche Ordnung in d. Veränderungen des menschlichen Geschlechts. 1742.
Sydney. Discources concerning G[overneme]nt. Lond. 1763.
De Serionne. La vraie richesse de l'Etat. Vienne 1774.
Von Struense. Abhandlungen über wichtige Gegenstände der Staatswirtschaft. Berl. 1800.
Schiller. Geschichte der Niederlanden.
Steuart (James). Untersuchungen der Grundsätze von Staatswirtschaft. 5 Bücher. Tübing. 1769—1785. (Есть и францүз. переводъ: Recherche des principes de l'économie politique, ou essai sur la science de la police interieure des nations libres. A Paris 1789.
Thornton (Henry). 1) Papier-Credit von Grossbritannien. Nach seiner Natur und seinen Wirkungen untersucht von H. Thornton. На нѣм. переведена Л. Г. Якобомъ. Halle 1803 и 2) «Ueber die Handlung» (Hamb. 1780).
Turgot. Sur la formation des richesses.
Temple. Etat des Provinces unies.
» Remarques sur l'état des provinces Unies. 1774.
Le Trosne. De l'ordre social. 1777.
Vauban Projet d'une dixme royale. Bruxelle 1707.
Van der Lith. Neue Abhandlung von denen Steuern und denen Einrichtung. Ulm. 1766.
Wiese. Grundsätze des Kirchenrechts. Göttingen 1793.
Wiegand. Betrachtungen von der Robath oder d. Froten-Dienste. Wien 1776 [1]).
Der Wohleingerichtete Staat.

---

1) Въ рукописи только приведено названіе этой книги, но не сдѣлано никакого извлеченія изъ нея.

Кромѣ того изъ дневниковъ и писемъ Тургенева видно, что онъ читалъ еще слѣдующія книги: 1) *Платона* — Республика; 2) *Andreas Wolf* — Исторія Молдавіи; 3) *Examen du Verney* на книгу Du-Tôt; 4) *Жизнь Питта;* 5) *Записки Сегюра*; 6) *Записки Манштейна* (о Россіи); 7) сочиненія военнаго историка *Дюма*; 8) *Фридриха II*—Исторія Бранденбурга; 9) *Шишкова*—Разсужденіе о Россійскомъ слогѣ и критика на это разсужденіе со стороны Макарова, Мартынова и другихъ; 10) *Архенгольца* — Минерва; 11) *Карамзина* — Наталія, боярская дочь и Бѣдная Лиза; 12) *Коцебу* — Негры въ неволѣ; 13) его же — *Freymütiger*; 14) *Metastasio* — Didona abandonnata; 15) его же — L'asilo d'amore; 16) *Фильдинга* — Tom Jones и 17) его же — Joseph Andrews; 18) London und Paris (журналъ); 19) *Мильтона* — Paradise Lost; 20) *Сервантеса* — Донъ-Кихотъ; 21) *Сарторіуса* — Geschichte des Hanseatischen Bundes; 22) Его же — сочиненіе о готахъ, увѣнчанное парижской преміей; 23) Remer's — Handbuch der alten, mittlern und neuen Geschichte; 24) *Eichhorn* — Geschichte der drei letzten Jahrhunderte; 25) *Beck* — Welt- und Völker-Geschichte; 26) *Spittler* — Entwurf der Geschichte der Europäischen Staaten; 27) *Reichard* — Passagier auf der Reise in Deutschland und Europa и другія.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

M.

Н.

O.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Замѣченныя опечатки.

СТРАНИЦЫ.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
20	16 сверху	И. С. Нефедьевой	М. С. Нефедьевой
26	1 сверху	26 (стран.)	28
31	7 сверху	врача	врага
31	13 снизу	Сухатину	Сухотину
44	11 сверху	menage	ménage.
46	5 сверху	Ла мотъ	Ла-Мотъ
47	4 сверху	remémoraat[rer]	remémorant(rer)
48	4 снизу	conoissez	connoissez
71	6 снизу	чтобы	что бы
95	15 сверху	святки старины	«Святки старины»
137	4 сверху	кот[орый]	кот[орые]
141	1 снизу	кот[ораго]	кот[орой]
142	11 снизу	своего	свою,
143	10 сверху	Schuld	schuld
223	13 сверху	Stosrowsky	Stosnowsky
231	19 снизу	различны	различныя
247	13 снизу	Ло, Steuart'a	Ло Steuart'a
266	10 сверху	жиеописнцъ	живописецъ
277	7 сверху	Munzrechnung	Münzrechnung
312	22 сверху	никотда	никогда
339	4 снизу	благословлями	благословляли
343	1 сверху	оканчаніи	окончаніи
346	1 снизу	залеплено	залѣплено
347	1 снизу	залеплено	залѣплено
352	6 сверху	обстоятельствъ	обстоятельствахъ
361	24 сверху	изъ	и съ
365	5 снизу	Какерлановъ	Какерлаковъ
377	6 снизу	не поѣхалъ [...][1])	не поѣхалъ.
378	6 снизу	жалъ	жаль
393	9 снизу	А. Н. Гусятниковъ	А. М. Гусятниковъ
395	13 снизу	Гейніусы	Гейнзіусы
397	1 сверху	1803	1810
399	8 снизу	Брозенъ	Броденъ
403	7 снизу	залепленъ	залѣпленъ
429	3 сверху	Гамалея	Гамалѣя

СТРАНИЦЫ.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
430	10 сверху	361	363
430	5 снизу	Задичъ	Кандидъ
441	3 сверху	Sans-Sousi	Sans-Souci
361	12 снизу	Н. П. Румянцевѣ)	Н. П. Румянцевѣ).
367		Зондерегаузенъ	Зондерсгаузенъ
375	15 сверху	профессовъ	профессоровъ
442	4 снизу	Le 13 journées	Les 13 journées
471	19 снизу	Le 13 journées	Les 13 journées

Кромѣ того считаемъ необходимымъ указать слѣдующую допущенную нами ошибку, а именно: въ примѣчаніи къ стр. 80 сказано, что подъ сенаторомъ Кутузовымъ надо подразумѣвать М. И. Кутузова-Смоленскаго; а на самомъ дѣлѣ это былъ Пав. Ив. Голенищевъ-Кутузовъ.

Цѣна: 3 руб. — Prix: 7 Mrk.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof et Ricker à St.-Pétersbourg, N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sergenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie à Londres.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06836 1040